

ВКЛЮЧЕН В ПЕРЕЧЕНЬ ВЕДУЩИХ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ЖУРНАЛОВ И ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНЫХ СТЕПЕНЕЙ ДОКТОРА И КАНДИДАТА НАУК

ЛАУРЕАТ V МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА-2010» В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ВУЗОВСКОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»

ЛАУРЕАТ VI ВСЕРОССИЙСКОГО КОНКУРСА «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА-2012» В НОМИНАЦИИ «ЛУЧШЕЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ»

Главный редактор:

Бикеев И.И., первый проректор, проректор Института экономики, управления и права (г. Казань) по научной работе, профессор

Редакционная коллегия:

Крамин Т.В., доктор экономических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой финансового менеджмента, директор НИИ Института экономики, управления и права (г. Казань), куратор направления экономических наук

Кабанов П.А., доктор юридических наук, профессор, директор НИИ противодействия коррупции Института экономики, управления и права (г. Казань), куратор направления юридических наук

Безверхов А.Г., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета (г. Самара)

Гафурова Г.Т., кандидат экономических наук, Институт экономики, управления и права (г. Казань),

Гилинский Я.И., доктор юридических наук, профессор Санкт-Петербургского юридического института, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Гумерова Г.И., доктор экономических наук, профессор кафедры управления инновационными проектами Академии народного хозяйства (г. Москва)

Демченко С.Г., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и маркетинга Института экономики, управления и права (г. Казань)

Егоров А.Ю., доктор экономических наук, профессор Института экономики РАН (г. Москва)

Епихин А.Ю., доктор юридических наук, профессор Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Клемин А.В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Института экономики, управления и права (г. Казань)

Коростелев А.А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономическая и управленческая подготовка» Тольяттинского государственного университета (г. Тольятти)

Кругликов Л.Л., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, действительный член МАН ВШ и РАЕН РФ, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (г. Ярославль)

Кураков Л.П., доктор экономических наук, профессор, действительный член (академик) Российской академии образования (г. Москва)

Лазарев В.В., доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии МВД РФ (г. Москва)

Лазарева В.А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Самарского государственного университета (г. Самара)

Латов Ю.В., доктор социологических наук, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Академии управления МВД РФ (г. Москва)

Лунеев В.В., доктор юридических наук, профессор Института государства и права РАН (г. Москва)

Малков В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и РТ, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Мальгин В.А., доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Ольков С.Г., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Орлов С.Л., доктор экономических наук, профессор кафедры торговой политики Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва)

Рабинович Л.М., доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ и РТ, профессор кафедры финансового менеджмента Института экономики, управления и права (г. Казань)

Сафиуллин Л.Н., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической истории и методологии Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань)

Сулдына Г.А., доктор экономических наук, профессор кафедры государственного управления и права Московского государственного института международных отношений (У) МИД России (г. Москва)

Шабанова Л.Б., доктор экономических наук, профессор кафедры гостиничного и туристического бизнеса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Шаймиева Э.Ш., доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента Института экономики, управления и права (г. Казань)

Шейфер С.А., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Самарского государственного университета (г. Самара)

Шестаков Д.А., доктор юридических наук, профессор и заведующий криминологической лабораторией юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, профессор Санкт-Петербургского университета МВД РФ (г. Санкт-Петербург)

Юнусов А.А., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Института экономики, управления и права (г. Казань)

Зарубежные члены редколлегия:
Гондолф В.Эдвард, доктор психологии Университета Индиана в Пенсильвании (США, Индиана)

Дрёмин В.Н., доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Национальной академии правовых наук Украины, проректор Национального университета «Одесская юридическая академия» (г. Одесса, Украина)

Кури Х., доктор психологических наук, профессор Фрайбургского университета (г. Фрайбург, Германия)

Серрано-Майло А., профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Национального университета дистанционного образования (г. Мадрид, Испания)

Поклад В.И., кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой криминологии, конфликтологии и социологии Луганского государственного университета внутренних дел им. Э.А. Дидоренко (г. Луганск, Украина)

Меско Г., профессор, декан факультета уголовного правосудия и безопасности Университета в Мариборе (Словения)

Ответственный секретарь:
Дарчинова Г.Я.

Учредитель – частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)»

Адрес редакции:
420111,
Республика Татарстан,
г. Казань,
ул. Московская, 42,
Институт экономики,
управления и права

Тел.: (843) 231-92-90,

Факс: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Сайт: apel.ieml.ru

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» включен в Ulrich's Periodicals Directory

Подписка на журнал по Объединенному каталогу «Пресса России»

Наш индекс – 86303

Редактор:
Фатхуллина Э.Г.

Компьютерная верстка:
Каримова С.А.

Переводчик:
канд. пед. наук,
член Гильдии переводчиков РТ
Беляева Е.Н.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Регистрационное свидетельство:
ПИ № ФС77-45445 от 16 июня 2011 г.
Территория распространения:
Российская Федерация

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 38. Тираж 1000 экз.
Подписано в печать. 02.03.14. Заказ № 15/14
Цена свободная
© Издательство «Познание», 2013

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ООО «Вестфалика»: 420111, г. Казань, ул. Московская, 22

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за изложенные в статьях факты несут авторы. Высказанные в статьях мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции и не налагают на нее никаких обязательств.

THE JOURNAL IS INCLUDED INTO THE LIST OF REVIEWED SCIENTIFIC JOURNALS AND EDITIONS, IN WHICH THE MAIN SCIENTIFIC RESULTS OF CANDIDATE AND DOCTORAL DISSERTATIONS MUST BE PUBLISHED

PRIZE-WINNER OF THE 5TH INTERNATIONAL COMPETITION «UNIVERSITY BOOK-2010» FOR «THE BEST PERIODICAL OF A HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT»

PRIZE-WINNER OF THE 6TH ALL-RUSSIAN CONTEST «UNIVERSITY BOOK-2012» IN THE NOMINATION «THE BEST PERIODICAL EDITION»

Chief editor:

Bikeyev I.I., Vice Editor-in-Chief, First Vice Rector, Vice-Rector of Institute of Economics, Management and Law (Kazan) on Scientific work, Professor

Editorial board:

Kramin T.V., Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Head of the Chair of Financial Management, Director of Scientific-Research Institute of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), **supervisor of Economic section**

Kabanov P.A., Doctor of Law, Professor, Director of Scientific-Research Institute for Corruption Counteraction of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), **supervisor of Law section (Kazan)**

Bezverkhov A.G., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of Samara State University (Samara)

Gafurova G.T., PhD (Economics), Associate Professor, Counselor for economic affairs to the rector of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Gilinskiy Ya.I., Doctor of Law, Professor, of Saint Petersburg Juridical Institute, of Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen (Saint Petersburg)

Gumerova G.I., Doctor of Economics, Professor of the Chair of Innovative Projects Management of Academy of People's Economy (Moscow)

Demchenko S.G., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economics and Marketing of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Egorov A.Yu., doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Yepikhin A.Yu., Doctor of Law, Professor of Kazan (Volga) Federal University (Kazan)

Klemin A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Korostelev A.A., Doctor of Pedagogy, Professor, Head of the Chair «Economic and managerial training» of Tolyatti State University (Tolyatti)

Kruglikov L.L., Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation, full member of International Academy of Sciences and Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of Yaroslavl State University named after P.G. Demidov (Yaroslavl)

Kurakov L.P., Doctor of Economics, Professor, full member of the Russian Academy of Education (Moscow)

Egorov A.Yu., doctor of Economics, Professor (Moscow)

Lazarev V.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of State-Law Disciplines of Academy of Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Moscow)

Lazareva V.A., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Samara State University (Samara)

Latov Yu.V., Doctor of Sociology, PhD (Economics), Senior Researcher of Academy of Management of Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Moscow)

Luneyev V.V., Doctor of Law, Professor of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Malkov V.P., Doctor of Law, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation and Tatarstan Republic, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Mal'gin V.A., Doctor of Economics, Professor of the Chair of Economic Theory of Kazan (Volga region) Federal University (Kazan)

Ol'kov S.G., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Orlov S.L., Doctor of Economics, Professor of Russian Economics University named after G.V. Plekhanov (Moscow)

Rabinovich L.M., Doctor of Economics, Professor, Honored Researcher of the Russian Federation and Tatarstan Republic, Professor of the Chair of Financial Management (Kazan)

Safiullin L.N., Doctor of Economics, Professor, Head of the Chair of Economic History and Methodology of Kazan (Volga region) Federal University (Kazan)

Sul'dina G.A., Doctor of Economics, Professor of the Chair of State Management and Law of Moscow State Institute of Foreign Relations of the Russian Ministry of Foreign Affairs (Moscow)

Shabanova L.B., Doctor of Economics, Professor of the Chair of Hotel and Tourism Business of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Shaimiyeva E.Sh., Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Management Chair of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Sheifer S.A., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Samara State University (Samara)

Shestakov D.A., Doctor of Law, Professor, Professor and Head of Criminological Laboratory of Law Faculty of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Gertsen, of Saint Petersburg University of the Ministry of Domestic Affairs of the Russian Federation (Saint Petersburg)

Yunusov A.A., Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Foreign members of the Editorial Board:

Gondolf V. Edward, Doctor of Psychology of Indiana University of Pennsylvania (USA, Indiana)

Dryomin V.N., Doctor of Law, Professor, correspondent member of National Academy of Juridical Sciences of Ukraine, Vice-Rector of National University «Odessa Juridical Academy» (Odessa, Ukraine)

Kuri H., Doctor of Psychology, Professor, Universität Frieberg (Frieberg, Germany)

Serrano-Maillo A., Professor, Chair of the Department of Criminal Law and Criminology Universidad Nacional de Educación a Distancia (UNED) (Madrid, Spain)

Poklad V.I., PhD (Philosophy), Associate Professor, Head of the Chair of Criminology, Conflictology and Sociology of Lugansk State University for Domestic Affairs named after E.A. Didorenko (Lugansk, Ukraine)

Meško G., Professor, Dean of the Faculty of Criminal Justice and Security of Maribor University (Slovenia)

Executive secretary:
Darchinova G.Ya.

Founder – Private educational establishment of higher professional education «Institute of Economics, Management and Law (Kazan)»

Editors Office's address:
420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya st., Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Tel.: (843) 231-92-90,

Fax: 292-61-59

E-mail: apel@ieml.ru

Site: apel.ieml.ru

The Journal «Actual problems of economics and law» was included into Ulrich's Periodicals Directory

Subscription for journal through the United Catalogue «Press of Russia»

Our index – 86303

Editor:
Fatkhullina E.G.

Computer lead out:
Karimova S.A.

Translator:
PhD (Pedagogics), member of the Republic of Tatarstan Translators' Guild Belyaeva E.N.

The Journal is registered by the Federal Supervising Service on observance of Laws in the sphere of mass communications and protection of cultural heritage.
Registration certificate:
ПИ № ФС77-45445 of June 16, 2011.
Distribution area: Russian Federation

Format 60×84/8. Circulation 1000 copies
Signed for printing 02.03.14 Order № 15/14

© Publishing House «Poznanie», 2013

Printed at printing house «Vestfalika» LLC
420111, Kazan, 22 Moskovskaya Str.

No part of this publication may be reprinted without the reference to this Journal.

The authors are fully responsible for the facts mentioned in the articles. The opinions of the authors may not always coincide with the editorial board's point of view and impose no obligations on it.

Содержание

Диалектика противодействия коррупции	
<i>Е. В. Бердникова.</i> Внедрение региональных программ предотвращения и противодействия коррупции в Украине: разработка и пути реализации5	
<i>Г. Н. Горшенков.</i> Антикоррупционная политика и деятельность10	
<i>Н. С. Григорьева, О. В. Григорьева.</i> Особенности проявления коррупции в инновационной среде18	
<i>Т. А. Гуржий.</i> Коррупция как феномен мировой глобализации24	
<i>А. А. Иванов.</i> Требования принципа индивидуализации исполнения наказания как важный фактор противодействия коррупциогенности и субъективизму института условно-досрочного освобождения от наказания32	
<i>Ю. Н. Климова.</i> Коррупциогенные факторы в избирательном процессе: подходы к определению и алгоритм стратегического управленческого воздействия39	
<i>А. А. Максуров.</i> Проблемы эффективности координации деятельности по борьбе с коррупцией49	
<i>Д. В. Манушин.</i> Проблемы антикоррупционного и антикризисного управления российской экономикой и меры по их решению: институциональный аспект56	
<i>П. Н. Феценко.</i> Функционирование системы антикоррупционного мониторинга: вопросы повышения качества66	
<i>В. В. Шаблыстый.</i> О системности уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции в Украине72	
Экономическая теория	
<i>А. В. Артемьев, Н. А. Аксенова.</i> Роль новых форм и методов государственного управления в сохранении и развитии человеческого капитала как основы роста современной экономики77	
Экономика и управление народным хозяйством	
<i>И. И. Антонова, С. А. Антонов, Г. Ч. Ахмадеева.</i> Особенности внедрения бережливого производства в социальных учреждениях84	
<i>А. Н. Асанов.</i> Концепция формирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции88	
<i>А. С. Борисова.</i> Аналитическая оценка развития электронного правительства регионов России на основе системно-функционального подхода94	
<i>А. М. Галиахметова.</i> Реализация модели регионального развития агропромышленного комплекса в условиях глобализации103	
<i>Л. Р. Иксанова.</i> Стратегия развития интеллектуального капитала холдинга110	
<i>П. И. Кузьмина.</i> Конкурентоспособность бизнес-деятельности организации и определяющие ее факторы116	
<i>Л. П. Кураков, С. М. Пястолов.</i> Вопросы политической стратегии в формировании инновационных систем123	
<i>Е. И. Несмеянова.</i> Новые реалии рынка труда России и их влияние на менеджмент компании131	
<i>А. О. Овчаров.</i> Статистические методы систематизации туристской информации137	
<i>И. Г. Самигуллин.</i> Совершенствование государственного регулирования машиностроительного комплекса143	
<i>О. А. Страхова, Г. Ф. Фейгин, Е. А. Аверина.</i> Швейцарская модель управленческой культуры150	
<i>А. В. Тимирязова, Т. В. Крамин.</i> Количественная оценка влияния факторов международной конкурентоспособности регионов России156	
<i>А. А. Фатхуллина.</i> Деловая активность как многоуровневая категория166	
Бухгалтерский учет, статистика	
<i>Е. Е. Михайлов.</i> Проблемы учетно-аналитического обеспечения дебиторской задолженности и возможные пути их решения173	
Математические и инструментальные методы экономики	
<i>А. В. Костылев.</i> Региональные рынки жилой недвижимости: опыт классификации181	
Теория и история права и государства	
<i>А. Г. Никитин.</i> Виды и классификации экстремистского поведения: общетеоретические и правовые проблемы186	
Гражданское право; предпринимательское право	
<i>О. А. Лазарева.</i> Холдинг: особенности правового регулирования195	
<i>Е. В. Лунева.</i> Соотношение изъятых, ограниченных и запрещенных в обороте объектов гражданских прав200	
<i>В. А. Петрушкин.</i> Классификация правовой модели системы оборота недвижимости206	
<i>В. М. Платонов.</i> Притворные сделки как сделки с пороком воли213	
<i>З. Р. Рафикова.</i> Значение системы юридических фактов в гражданском праве219	
<i>Ю. Д. Якубов.</i> К вопросу о правовом оформлении региональных стратегий развития физкультурно-спортивной политики Российской Федерации226	
Международное право; европейское право	
<i>М. Ф. Матюнин.</i> Соотношение Конституции Российской Федерации и международных договоров231	
Конституционное право	
<i>Н. Н. Рыбушкин, А. В. Краснов.</i> Санкции запрещающих норм права: новое в пределах правового регулирования236	
<i>Ш. Ш. Ягудин.</i> Конституции республик Российской Федерации: основные особенности и проблемы развития243	
Уголовное право и криминология	
<i>Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди, Д. К. Чирков, А. А. Литвинов, А. Н. Трушенко.</i> Современная криминологическая характеристика преступности в сельской местности250	
<i>О. В. Карпова.</i> Причины и условия рецидивной преступности женщин: особенности региональной характеристики261	
<i>Ч. Ш. Купирова.</i> Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей в уголовном законодательстве России267	
<i>С. Г. Ольков.</i> Влияние безработицы на кражи (криминологическое исследование)273	
Уголовный процесс, криминалистика	
<i>В. С. Карпов.</i> Меры уголовно-правового характера, применяемые к женщинам-преступницам. Практика и проблемы их применения в Российской Федерации277	
<i>Л. Р. Комарова.</i> Проверка сообщения о преступлении – первоначальная стадия уголовного судопроизводства283	
<i>А. А. Юнусов, Н. Н. Мазина.</i> Понятие и основные проблемы апелляционного порядка проверки судебных решений в российском уголовном процессе (до реформ от 29.12.2010)289	
<i>Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права»</i>301	
<i>Требования к оформлению рукописей</i>302	
<i>Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»</i>302	
<i>Правила для авторов журнала «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.)</i>303	
<i>Требования к оформлению рукописей (на англ. яз.)</i>304	
<i>Условия подписки на журнал «Актуальные проблемы экономики и права» (на англ. яз.)</i>304	

Contents

Dialectics of corruption counteraction

<i>E. V. Berdnikova</i> . Implementing the regional programs for corruption preventing and counteraction in the Ukraine: development and ways of implementation	5
<i>G. N. Gorshenkov</i> . Anti-corruption policy and activity	10
<i>N. S. Grigoryeva, O. V. Grigoryeva</i> . Features of corruption revelation in innovative environment	18
<i>T. A. Gurzhiy</i> . Corruption as a phenomenon of globalization.....	24
<i>A. A. Ivanov</i> . Requirements of the principle of punishment execution individualization as an important factor of counteraction to corruption and subjectivity of parole institution.....	32
<i>Yu. N. Klimova</i> . Corruption factors in election procedure: approaches to determining and algorithm of strategic managerial influence	39
<i>A. A. Maksurov</i> . Problems of efficient coordination of anti-corruption activity	49
<i>D. V. Manushin</i> . Issues of anti-corruption and anti-crisis management of the Russian economy and measures for their solution: institutional aspect	56
<i>P. N. Feshchenko</i> . Functioning of anti-corruption monitoring system: issues of quality improving	66
<i>V. V. Shablitsiy</i> . On the systemic character of criminal-legal provision of corruption counteraction in Ukraine	72

Theory of economics

<i>A. V. Artemyev, N. A. Aksyonova</i> . The role of new methods of state management in preserving and developing the human capital as the basis of the modern economy growth.....	77
--	----

Economics and economic management

<i>I. I. Antonova, S. A. Antonov, Akhmedeyeva G. Ch.</i> Features of implementing lean production in social establishments.....	84
<i>A. N. Asanov</i> . Conception of forming the innovative quality-oriented management system of an organization.....	88
<i>A. S. Borisova</i> . Analytical estimation of electronic government development in the Russian regions basing on systemic-functional approach.....	94
<i>A. M. Galiakhmetova</i> . Implementing the model of regional development of agricultural-industrial complex under globalization	103
<i>L. R. Iksanova</i> . Strategy of developing the intellectual capital of a holding	110
<i>P. I. Kuz'mina</i> . Competitiveness of an enterprise's business activity and factor determining it.....	116
<i>L. P. Kurakov, S. M. Pyastolov</i> . Issues of political strategy in forming innovative systems.....	123
<i>E. I. Nesmeyanova</i> . New realities of labor market in Russia and their influence on company's management.....	131
<i>A. O. Ovcharov</i> . Statistic methods of tourist information systematization.....	137
<i>I. G. Samigullin</i> . Improving the state regulation of machine-building complex.....	143
<i>O. A. Strakhova, G. F. Feygin, E. A. Averina</i> . Swiss model of managerial culture	150
<i>A. V. Timiryasova, T. V. Kramin</i> . Qualitative evaluation of the impact of international competitiveness factors of the Russian regions.....	156
<i>A. A. Fatkhullina</i> . Business activity as a multi-level category	166

Бухгалтерский учет, статистика

<i>E. E. Mikhailov</i> . Problems of accounting-analytical provision for accounts receivable and possible ways of solving them	173
--	-----

Mathematical simulation of economics

<i>A. V. Kostylev</i> . Regional housing markets: experience of classification	181
--	-----

Theory and history of law and state

<i>A. G. Nikitin</i> . Types and classification of extremist behavior: general theoretical and legal issues	186
---	-----

Civil law; entrepreneurship law

<i>O. A. Lazareva</i> . Holding: features of legal regulation	195
<i>E. V. Luneva</i> . Correlation of the objects of civil rights withdrawn, restricted or prohibited for circulation	200
<i>V. A. Petrushkin</i> . Classification of the legal model of real estate circulation system	206
<i>V. M. Platonov</i> . Sham transactions as transactions with flaw in the will	213
<i>Z. R. Rafikova</i> . Significance of juridical facts' system in civil law.....	219
<i>Yu. D. Yuakubov</i> . On the issue of legal formation of regional strategies of physical culture and sports policy in the Russian Federation	226

International law; european law

<i>M. F. Matyunin</i> . Correlation between the Russian constitution and the international treaties	231
---	-----

Constitutional law

<i>N. N. Rybushkin, A. V. Krasnov</i> . Sanctions of prohibiting legal norms: novelties in legal regulation.....	236
<i>Sh. Sh. Yagudin</i> . Constitutions of the Russian Federation republics: basic features and problems of development.....	243

Criminal law and criminology

<i>G. V. Antonov-Romanovskiy, G. F. Koimshidi, D. K. Chirkov, A. A. Litvinov, A. N. Trushenko</i> . Modern criminological characteristics of crime in rural areas	250
<i>O. V. Karpova</i> . Causes and conditions of female crime recidivism: features of regional characteristics	261
<i>Ch. Sh. Kupirova</i> . Persistent evasion from paying children's allowance in the Russian criminal law	267
<i>S. G. Ol'kov</i> . Influence of unemployment on thefts (criminological research)	273

Criminal procedure, criminalistics

<i>V. S. Karpov</i> . Criminal-legal measures applied to women criminals, practice and problems of application in the Russian Federation	277
<i>L. R. Komarova</i> . Verification of the crime information as the initial stage of criminal court procedure.....	283
<i>A. A. Yunusov, N. N. Mazina</i> . Notion and main issues of appealation procedure of checking court decisions in the Russian criminal procedure (before reforms of 29.12.2010).....	289

<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal</i>	301
---	-----

<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal</i>	302
---	-----

<i>The requirements to manuscript appearance Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal</i>	302
---	-----

<i>Regulations to the authors of «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English)</i>	303
--	-----

<i>The requirements to manuscript appearance (in English)</i>	304
---	-----

<i>Conditions to the assignment to «Actual Problems of Economics and Law» journal (in English)</i>	304
--	-----

ДИАЛЕКТИКА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

УДК 343.9:328.185(477)

Е. В. БЕРДНИКОВА,

аспирант

Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко, г. Киев, Украина

ВНЕДРЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В УКРАИНЕ: РАЗРАБОТКА И ПУТИ РЕАЛИЗАЦИИ

Цель: изучение практики принятия региональных программ предотвращения и противодействия коррупции и оценка эффективности данного способа антикоррупционной борьбы.

Методы: анализа, синтеза, дедукции, индукции, статистического анализа; системно-структурный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой, диалектический.

Результаты: выявлены наиболее слабые места в антикоррупционной борьбе на региональном уровне; охарактеризованы проблемы и предложены варианты улучшения действующей системы предотвращения и противодействия коррупции.

Научная новизна: данное исследование является анализом первого внедрения региональных программ предотвращения и противодействия коррупции, которые принимаются административно-территориальными единицами на основе общегосударственной программы.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании результаты могут быть использованы для усовершенствования государственного механизма борьбы с коррупцией, разработки системного построения антикоррупционной борьбы на региональном уровне.

Ключевые слова: коррупция; предотвращение и противодействие коррупции; государственная антикоррупционная политика.

Введение

Этимология термина «коррупция» приводит к двум соединившимся латинским словам, «согреі» – правоотношения между несколькими участниками относительно одного предмета и «гипреге» – нарушать, прерывать, повреждать, ломать. В результате термин «соггипреге» представляется как деятельность людей, которые «тормозят» нормальный ход процессов управления в государстве.

Кроме подкупа и продажности, словари толкуют латинское слово «соггиптіо» еще и как порча, злоупотребление, развращение [1, с. 104]. Последнее подчеркивает глубинный аспект коррупции как социального явления, которое свидетельствует о злоупотреблениях работников государственных органов, что приводит к ослаблению и нарушению функционирования действующей системы государственной власти.

Вопросам совершенствования законодательства в сфере правового регулирования предот-

вращения и противодействия коррупции посвящены исследования таких известных ученых, как М. И. Мельник [2], М. И. Хавронюк [3], Д. И. Иосифович [4], О. В. Терещук [5], Л. П. Брич [6], А. В. Матиос [7] и др.

В октябре 2011 г. президентом Украины одобрена Национальная антикоррупционная стратегия на 2011–2015 гг., целью которой является улучшение ситуации в сфере предотвращения и противодействия коррупции в государстве¹. Для реализации положений указанного акта Кабинетом Министров Украины в ноябре 2011 г. утверждена Государственная программа по предотвращению и противодействию коррупции на

¹ О Национальной антикоррупционной стратегии на 2011–2015 гг.: указ Президента Украины № 1001/2011 от 21.10.2011 // Правительственный курьер. 2011. № 199. 27 октября.

2011–2015 гг.². Согласно этим двум документам, центральным органам исполнительной власти и областным государственным администрациям поручено реализовать план мероприятий по внедрению в Украине Инициативы «Партнерство «Открытое Правительство», которая предусматривает необходимость разработки и внедрения в областях Украины региональных программ предотвращения и противодействия коррупции³.

Региональная программа предотвращения и противодействия коррупции является совокупностью связанных между собой задач и мероприятий антикоррупционного направления, которые согласованы по срокам и обеспечены соответствующими ресурсами, а также направлены на решение актуальных проблем экономического и социального развития региона. Такие программы разрабатываются с целью реализации достижения целей, определенных основными законодательными актами, нацеленными на антикоррупционную борьбу, и должны соответствовать их основным направлениям⁴.

Результаты исследования

В данной работе предметом анализа являются первые результаты реализации региональных программ предотвращения и противодействия коррупции. Основой послужили общедоступные материалы, размещенные на официальных веб-страницах соответствующих органов власти и местного самоуправления.

При оценке порядка принятия, структуры, содержания и сути программ за основу были взяты требования Закона Украины «Об основах предотвращения и противодействия коррупции»⁵,

² Об утверждении «Государственной программы предотвращения и противодействия коррупции на 2011–2015 гг.»: постановление Кабинета Министров Украины № 1240 от 28.11.2011.

³ План мероприятий по внедрению в Украине Инициативы «Партнерство «Открытое Правительство»: распоряжение Кабинета Министров Украины № 514 от 18.07.2012.

⁴ Об утверждении Государственной программы по предотвращению и противодействию коррупции на 2011–2015 гг.: постановление Кабинета Министров Украины № 1240 от 28.11.2011 // Правительственный курьер. 2011. № 238. 21 декабря.

⁵ Об основах предотвращения и противодействия коррупции: Закон Украины № 3206-VI от 7 апреля 2011 г. //

Закона Украины «О государственных целевых программах»⁶, действующее антикоррупционное законодательство, требования международных нормативно-правовых актов и рекомендационных документов, а также методические рекомендации по порядку разработки региональных программ предотвращения и противодействия коррупции.

Согласно нормам, основные стадии разработки и выполнения программы должны включать инициирование разработки, утверждение концепции, определение целей и задач, объемов и источников финансирования, сроков выполнения мероприятий и главных исполнителей, общественное обсуждение проекта, экспертизу, согласование, утверждение бюджетных показателей для выполнения программы, организацию выполнения и контроля, а также подготовку отчетов.

На основе проведенного мониторинга региональных программ предотвращения и противодействия коррупции по 24 областям, Киеву, Севастополю и Автономной республике Крым будут охарактеризованы основные ошибки и уязвимые моменты, которые были допущены и подлежат доработке и усовершенствованию.

Состояние принятия региональных программ предотвращения и противодействия коррупции показало, что не во всех законодательно обозначенных субъектах были приняты такие программы. Однако те, что приняты, имеют некоторые недостатки и, исходя из этого, могут считаться принятыми лишь при условии внесения в них изменений.

Самой распространенной и заслуживающей критики ошибкой, допущенной практически всеми субъектами, является ненадлежащий уровень участия общественности при разработке программ. В подавляющем большинстве случаев, когда общественность была вовлечена в этот процесс, ее участие имело довольно ограниченный характер. Следует отметить, что общественные организации привлекались лишь на этапе, когда сам проект программы уже был разработан и прошел определенные стадии согласования, а потому общественность могла только комментировать готовый проект или предлагать внесение незначительных изменений. В некоторых случаях общественность

Ведомости Верховной Рады Украины. 2011. № 40.

⁶ Про государственные целевые программы: Закон Украины № 1621-IV от 18.03.2004.

была лишь осведомлена о существовании проекта региональной программы путем размещения информации на официальном сайте соответствующего субъекта, однако доступ общественности к самому проекту был невозможен. Данные факты свидетельствуют о тревожной тенденции – местная власть не привлекает общественность и граждан к процессу принятия решений по важным для общества вопросам, хотя отмеченный недостаток можно оправдать отсутствием практического опыта ведения разработки подобных программ.

Мировые тенденции реализации прав граждан на участие в формировании государственной политики основаны на непосредственной, легкодоступной, постоянной работе органов власти с общественностью, которая реализуется через планирование и проведение таких мероприятий, как научно-методические и научно-практические конференции, семинары, заседания круглых столов, пресс-конференции.

Некоторые неточности также наблюдаются в соблюдении требований по структуре региональных программ предотвращения и противодействия коррупции, что ставит под угрозу четко сформированную нормативную структуру и, как результат, механизм действия программы в целом.

По некоторым направлениям региональных программ предотвращения и противодействия коррупции разработчики в совершенно произвольной форме экспериментировали с соединением отдельных обязательных элементов в единый пункт планового документа, тем самым уходя от четкого определения задач, по которым можно осуществлять мониторинг выполнения и проводить качественную оценку эффективности программы.

Стоит обратить внимание на такой недостаток проанализированных программ, как формальный характер запланированных мероприятий и отсутствие определенных индикаторов мониторинга успешности их выполнения. Ярким примером декларативности таких мероприятий является, например, следующий тезис: «обеспечивать в области реализацию основных принципов антикоррупционного законодательства, в частности, по предотвращению и противодействию коррупции в публичной и частной сферах общественных отношений ...». При таких обстоятельствах исполнители всегда смогут отчитаться об успешности выполнения, даже при условии отсутствия какой-либо деятельности по такому направлению.

Некоторые регионы приняли решение не утверждать программы по предотвращению и противодействию коррупции, а лишь включить такие мероприятия в состав комплексных программ профилактики правонарушений. Такой синтез нельзя считать целесообразным и эффективным, так как эти программы разрабатываются на основе других нормативно-правовых документов, имеющих свои самостоятельные цели, задачи и принципы.

Одними из главных препятствий на пути реализации и результативного использования региональных программ предотвращения и противодействия коррупции являются их финансирование из местного бюджета и отсутствие выделения дотаций из государственного бюджета для выполнения конкретных обязательных мероприятий. Большинство региональных программ не содержит информации об объемах и источниках финансирования, а ведь надлежащее финансирование предложенных мероприятий является залогом их успешной реализации. Анализ этого аспекта позволил выявить несколько тенденций. Во-первых, ряд программ не предусматривает финансирования вообще, что ставит под сомнение их реализацию в целом. Во-вторых, в случаях отсутствия конкретных объемов средств установленных на реализацию программ, при их финансировании возникают две крайности: или оно проводится «по остаточному принципу», что не позволяет осуществить поставленные задачи в полном объеме, или же имеет место чрезмерное финансирование, являющееся способом хищения бюджетных средств [1, с. 145]. Кроме того, нарушается сам смысл процесса бюджетного планирования деятельности, при котором сначала определяются мероприятия, необходимые для достижения целей, на основании которых формируется бюджет необходимого финансирования.

Резюмируя, можно отметить, что каждый субъект, на который законом возложена обязанность разработать и внедрить региональную программу предотвращения и противодействия коррупции, в большей или меньшей степени справился с поставленным заданием. Учитывая, что это первый опыт работы местных органов власти с подобным нововведением, можно на нынешнем этапе оценить результаты как более чем удовлетворительно.

Начиная с 2011 г., принят ряд мер, направленных на создание современного законодательства, которое имеет преимущественно превентивный

характер. Только за 2013 г. принято четыре антикоррупционных закона, которые полностью соответствуют европейским стандартам в этой сфере. Вместе с тем усиливаются возможности Государственной программы по предотвращению и противодействию коррупции на 2011–2015 гг., совершенствуется система антикоррупционных институтов [8]. Тем не менее не стоит забывать о том, что впереди еще долгий и кропотливый процесс работы над ошибками.

В настоящее время в украинской правовой системе происходит процесс формирования эффективного механизма предотвращения и противодействия коррупции на основе многоуровневого правового регулирования общественных отношений⁷.

Региональные программы предотвращения и противодействия коррупции направлены на модернизацию и усиление антикоррупционной борьбы. Каждый год в Украине повышаются уровень и функциональная полнота правового регулирования отношений в сфере общегосударственных антикоррупционных мероприятий, а также обеспечивается законодательное регулирование данных отношений на региональном и местном уровнях.

Внедрение региональных программ предотвращения и противодействия коррупции дало толчок развитию огромного количества актуальных законодательных новелл, которые имеют прогрессивный характер и содержат превентивные средства для снижения уровня коррупции в государстве.

Развитие, усовершенствование и реализация региональных программ предотвращения и противодействия коррупции позволят получать качественную и репрезентативную информацию о масштабах и тенденциях распространения коррупции, эффективности антикоррупционной политики. Данные программы могут использоваться при формировании отчетности по выполнению Украиной конвенционных обязательств, а также в качестве информационно-аналитического продукта при осуществлении альтернативной оценки в сфере противодействия коррупции на национальном уровне.

⁷ О первоочередных мерах по реализации Закона Украины «О принципах предотвращения и противодействия коррупции»: указ Президента Украины № 964 от 5 октября 2011 г. // Официальный вестник Президента Украины № 28 от 18.10.2011.

Выводы

В Украине борьба с коррупцией имеет социальную составляющую, которая постоянно присутствует в общественной жизни и проявляется в различных формах. Поэтому на законодательном уровне искоренить ее можно лишь последовательными шагами, преодолевая все формы ее проявления.

Усиление борьбы с коррупцией в Украине является одной из главных и первоочередных задач, а совершенствование действующего законодательства – способом ее реализации. Постоянный мониторинг уровня коррупции и сфер ее проявления, работа над ошибками и постоянное совершенствование законодательного механизма – это единственный приемлемый путь Украины на пути к верховенству прав и свобод человека, обеспечению законности и утверждению демократического режима. Антикоррупционные научные исследования становятся все более полезными для правительства, они используются для увеличения эффективности системы правовых механизмов предотвращения и противодействия коррупции среди лиц, уполномоченных на выполнение функций государства или местного самоуправления.

Список литературы

1. Мельник М.І. Корупція: сутність, поняття, заходи протидії. К.: Атіка, 2001. 304 с.
2. Мельник М.І. Корупція – корозія влади (соціальна сутність, тенденції та наслідки, заходи протидії). К.: Юридична думка, 2004. 400 с.
3. Хавронюк Н.І. Научно-практический комментарий к Закону Украины Об основах предотвращения и противодействия коррупции. К.: Атіка, 2011. 424 с.
4. Йосифович Д.І. Історичні аспекти боротьби з корупцією (на прикладі Конституції Гетьмана Пилипа Орлика 1710 р.) // Науковий вісник НАВС України. № 3. 2004.
5. Терещук О.В. Адміністративна відповідальність за корупційні правопорушення: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Одеса, 2000.
6. Брич Л. Кримінально-правова кваліфікація корупційних діянь (з урахуванням диференціації юридичної відповідальності за новим антикорупційним законодавством України // II Юридичний вісник України. 8–14 травня 2010 р.
7. Матіос А. В. Адміністративна відповідальність посадових осіб. К.: Знання, 2007. 223 с.
8. Мілер Вільям, Гределанд Осе, Кошечкіна Тетяна. Звичасва корупція? Громадяни та уряди у посткомуністичній Європі: пер. з англійської. К.: К.І.С., 2004. 328 с.
9. URL: <http://www.president.gov.ua/ru/news/29375.html>

В редакцію матеріал поступил 09.12.13

© Бердникова Е. В., 2014

Информация об авторе

Бердникова Екатерина Владимовна, аспирант кафедры административного права, Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко

Адрес: 04053, Украина, г. Киев, ул. Владимирская, 60, тел.: (044) 239-31-86, 239-32-37

E-mail: berdnikova.k@gmail.com

Как цитировать статью: Бердникова Е. В. Внедрение региональных программ предотвращения и противодействия коррупции в Украине: разработка и пути реализации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 5–9.

E. V. BERDNIKOVA,

Post-graduate student

Kiev National University named after Taras Shevchenko, Kiev, Ukraine

IMPLEMENTING THE REGIONAL PROGRAMS FOR CORRUPTION PREVENTING AND COUNTERACTION IN THE UKRAINE: DEVELOPMENT AND WAYS OF IMPLEMENTATION

Objective: to study the practice of implementation of regional programs on corruption prevention and counteraction and to estimate the efficiency of this means of anti-corruption struggle.

Methods: analysis, synthesis, deduction, induction, statistical analysis, systemic-structural, structural-functional, comparative-legal, dialectic.

Results: the weak points in anti-corruption struggle at regional level are revealed; the problems are characterized and variants are proposed to improve the existing system of corruption prevention and counteraction.

Scientific novelty: the research is an analysis of the first implementation of regional programs on corruption prevention and counteraction which are adopted by territorial units basing on the general state program.

Practical value: the results formulated in the research can be used for improving the state mechanism of corruption counteraction, for laborating the systemic structure of anticorruption struggle at regional level.

Key words: corruption, preventing and combating corruption; state anti-corruption policy.

References

1. Mel'nik, M.I. *Koruptsiya: sutnist', ponyattya, zakhodi protidii*. Kiev: Atika, 2001. 304 p.
2. Mel'nik, M.I. *Koruptsiya – koroziya vladi (sotsial'na sutnist', tendentsii ta naslidki, zakhodi protidii)*. Kiev: Yuridichna dumka, 2004. 400 p.
3. Khavronyuk, N.I. *Nauchno-prakticheskii kommentarii k Zakonu Ukrainy Ob osnovakh predotvrashcheniya i protivodeistviya korruptsii* (Scientific-practical comment to the Ukrainian law “On the bases of corruption preventing and counteraction”). Kiev: Atika, 2011. 424 p.
4. Iosifovich, D.I. *Istorichni aspekti borot'bi z koruptsiyu (na prikladi Konstitutsii Get'mana Pilipa Orlika 1710 r.)*. *Naukovii visnik NAVS Ukraini*, 2004, no. 3.
5. Tereshchuk, O.V. *Administrativna vidpovidal'nist' za koruptsiini pravoporushennya: dis. ... kand. yurid. nauk*. Odessa, 2000. 20 p.
6. Brich, L. *Kriminal'no-pravova kvalifikatsiya koruptsiinikh diyan' (z urakhuvanniam diferentsiatsii yuridichnoi vidpovidal'nosti za novim antikoruptionsim zakonodavstvom Ukraini)*. *II Yuridichnii visnik Ukraini*. 8–14 travnya 2010 r.
7. Matios, A. V. *Administrativna vidpovidal'nist' posadovikh osib*. Kiev: Znannya, 2007. 223 p.
8. Miler, Vil'iam, Iredeland, Ose, Koshechkina, Tetyana. *Zvichaeva koruptsiya? Gromadyani ta uryadi u postkomunistichnii Evropi: per. z anglis'koi*. Kiev: K.I.S., 2004. 328 p.
9. <http://www.president.gov.ua/ru/news/29375.html>

Received 09.12.13

Information about the author

Berdnikova Ekaterina Vadimovna, post-graduate student of the Chair of Administrative Law, Kiev National University named after Taras Shevchenko

Address: 60 Vladimirska St., 04053, Kiev, Ukraine, tel.: (044) 239-31-86, 239-32-37

E-mail: berdnikova.k@gmail.com

How to cite the article: Berdnikova E. V. Implementing the regional programs for corruption preventing and counteraction in the Ukraine: development and ways of implementation. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 5–9.

© Berdnikova E. V., 2014

УДК 343.9:328.185:343.35

Г. Н. ГОРШЕНКОВ,

доктор юридических наук, профессор

*Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия*

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Цель: привлечь внимание к вопросу об антикоррупционной политике как функции управления и концептуально-правовой основе управленческой деятельности в сфере противодействия коррупции.

Методы: системного мышления, синергетического подхода, сравнительного анализа.

Результаты исследования: выработка базового определения антикоррупционной политики; разработка критериев (оснований) разграничения антикоррупционной политики и антикоррупционной деятельности.

Научная новизна: впервые дается в значительной мере скорректированное определение понятия антикоррупционной политики; рассматривается соотношение понятия «антикоррупционная политика» с понятием «антикоррупционная деятельность»; излагаются характерные «политические» признаки; высказывается идея разработки концептуально-правовых основ политики противодействия коррупции.

Практическая значимость: научное обоснование положения управленческой деятельности в сфере борьбы с преступностью открывает возможности научной дискуссии по данной проблеме и позволяет оптимизировать функционирование всей системы государственного управления.

Ключевые слова: антикоррупционная политика; уголовная политика; управленческая деятельность; государственное управление; противодействие коррупции; политическая цель; целедостижимость; трехуровневая система управления; концептуальная власть.

Введение и постановка проблемы. Прочитав название нашей статьи, кто-то непременно заметит: слово «деятельность» в нем лишнее. Действительно, политика – это *тоже*, но не *та же* деятельность. Государственная *политика* и управленческая *деятельность* (далее – политика и деятельность) существенно отличаются. Хотя, как показывает опыт, такое отличие чаще всего игнорируется и «замещается» смешением понятий. Мы оперируем общепринятыми терминами, не всякий раз задумываясь над тем, что именно они означают, какую сущностную основу явления, процесса они выражают. И это особенно характерно для упрощенного, или эмпирического мышления, где обобщения делаются на низком уровне абстракции, т. е. на основе опыта.

Однако такого рода упрощенное осмысление политики встречается нередко и в теоретическом мышлении. Обратимся к такому определению: «Политика – это деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий».

Зададимся вопросом: какая именно деятельность в данном случае подразумевается? Думается, что с ответом возникнут затруднения. Можно, конечно, сказать, что данное понятие подразумевает государственную деятельность вообще. Но, оказывается, эта деятельность есть не что иное как «противодействие коррупции». Такое определение дано в п. 2 ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции». Согласитесь, что в содержательном плане это определение ничего антикоррупционного не выражает.

А теперь обратимся к другому понятию: «Разработка и постоянное осуществление разносторонних и последовательных мер государства и общества в рамках принятых данным государством основ конституционного строя с целью устранения (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в разных сферах жизни». Поставим тот же вопрос: а какая именно деятельность указана в данном случае? Уверен, что ответ последует незамедлительно: судя по цели, можно с уверенностью сказать, что это уж точно противодействие коррупции. И с этим можно было бы согласиться, не будь...

также «пояснительного» наименования термина: «антикоррупционная политика».

Полагаем, что ерничать по поводу смешения этих понятий – это пустое дело. Гораздо важнее указать на более серьезное отношение к приведенному выше безликому определению антикоррупционной политики. Дело в том, что данное понятие настолько распространено, что вполне может быть воспринято как эталонное. В частности, его (со ссылкой на проф. Г. А. Сатарова) приводят в своей статье В. Ю. Качалов, А. Н. Казаков [1, с. 85]. Почти без изменений данное определение приводят авторы словарей-справочников «Коррупция и антикоррупционная политика» [2, с. 8], «Антикоррупционный словарь», изданного в 2013 г. Министерством экономики Кыргызской Республики [3, с. 7].

Даже известный специалист в «антикоррупционной» области знаний профессор В. В. Астанин сводит понятие антикоррупционной *политики* к той же государственной антикоррупционной *деятельности*, определяя ее как «совокупность законодательных, экономических, политических, информационных, организационных мер, направленных на государственное регулирование в области противодействия коррупции» [4].

И такой подход является довольно распространенным. Например, аналогично определяет антикоррупционную политику соискатель ученой степени кандидата политических наук С. Ю. Новиков, который находит ее сущность «в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер по устранению причин и условий, порождающих и стимулирующих коррупцию в разных сферах жизни, а также мер по привлечению коррупционеров к гражданско-правовой и уголовной ответственности» [5].

И уж никак нельзя согласиться с аналогичным определением, которое дано в проекте «Основных направлений антикоррупционной политики России», опубликованном на официальном сайте специализированной организации «Национальный Антикоррупционный совет Российской Федерации»: «Антикоррупционная политика заключается в разработке и осуществлении разносторонних и последовательных мер государства и общества по устранению (минимизации) причин и условий, порождающих и питающих коррупцию в разных сферах жизни» [6].

В упомянутых определениях просматривается заблуждение – подмена сущностной основы антикоррупционной политики сущностной основой все той же государственной антикоррупционной деятельности. Получается, что противодействие коррупции, или антикоррупционная *деятельность* и антикоррупционная *политика* государства и общества – одно и то же. Но это не так. Попробуем разобраться с данными понятиями – «деятельность» и «политика» применительно к государственному управлению.

О «политике» и «деятельности». Как отмечалось в самом начале, политика тоже является видом социальной деятельности. Но эта деятельность отличается от деятельности, которую представляет собой государственное управление. Политика и управленческая деятельность неразрывно связаны, прежде всего, профессионально-публичным характером деятельности [7]. И если мы рассматриваем эти категории отдельно, то это вовсе не означает, что мы наделяем их своего рода «суверенитетом». Здесь мы имеем дело с «условной» дифференциацией, т. е. сравнительным анализом явлений.

Цель нашего сравнительного анализа заключается в том, чтобы проанализировать, уяснить сущностные особенности этих составляющих – антикоррупционной политики и антикоррупционной деятельности. Это необходимо для обеспечения гармонизации взаимосвязей, интеграции их энергий. Решение этой задачи предполагает оптимизацию эффективности государственного управления в сфере противодействия коррупции.

Государственное управление. Не вдаваясь в подробности, обратимся к наиболее общим и характерным признакам государственного управления, т. е. управления всеми делами в государстве. А если конкретнее, то это *адресная, властная, исполнительно-распорядительная* деятельность. С одной стороны, она исполнительная в том смысле, что осуществляется на основе, или *во исполнение закона*. С другой стороны, она сама «диктует» законы, точнее подзаконные акты, благодаря которым реализуется процесс непосредственного руководства хозяйственными, социально-культурными, административно-политическими и иными делами. Конкретные исполнители отвечают за качество исполнения конкретных дел (например, плановых мер) и получают соответствующие награждения или наказания [8, с. 37–38].

Таким образом, государственное управление как вид социальной деятельности рассматривается в широком и узком значении. «В узком смысле – «это административная, исполнительно-распорядительная деятельность государства... В широком смысле – это организующая, упорядочивающая деятельность государства, государственное регулирование различных общественных (а иногда – и некоторых личных) отношений путем деятельности всех ветвей государственной власти..., их органов, государственных служащих» [9, с. 11].

Назначение этого вида деятельности состоит в том, чтобы урегулировать и упорядочить жизнедеятельность и отношения (между личностью и коллективом, между государством и обществом), установить их рациональные взаимосвязи путем применения государственной власти [9, с. 11]. При этом реализуются различные меры (например, утверждение плана мероприятий, выполнение антикоррупционной экспертизы, проведение организационного совещания, назначение на должность и т. п.), которые никак нельзя назвать мерами политики. Но именно через эти и подобные им меры, в целом через государственную управленческую деятельность и реализуется государственная политика [10]. И здесь, на этом низшем уровне управления, как бы в одной тональности, находит выражение ее наивысший, политический уровень.

Вот этот эффект внешнего совпадения и провоцирует подмену понятий, или, как было сказано выше, их смешение.

Уголовная политика. А теперь сузим аспект рассмотрения государственной политики и выделим в ней антикриминальную политику, или политику в области борьбы с преступностью (противодействию преступности), в числе основных отраслей которой можно указать уголовную, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, оперативно-розыскную и криминологическую политику.

Надо сказать, что в этой отрасли наибольшее теоретическое осмысление получило такое направление, как уголовная политика. Уже в одном из первых определений понятия уголовной политики, которое предложили Н. И. Загородников и Н. А. Стручков, *основной акцент был сделан на принципах борьбы с преступностью*: «Уголовная

политика представляет собой такое направление советской политики, в рамках которого формируются исходные требования борьбы с преступностью...» [11, с. 29].

Профессор П. Н. Панченко, проанализировав существующие подходы к определению уголовной политики, пришел к выводу, что сущностная основа уголовной политики состоит в том, «что уголовная политика формирует главную линию, стратегические и тактические направления борьбы с преступностью» [12, с. 77].

Здесь же не лишне добавить, что, например, в учебнике по уголовному праву под редакцией профессора В. П. Ревина определена в принципе та же сущностная основа уголовной политики, т. е. которая «призвана обеспечивать разработку и реализацию направлений и задач, обеспечивающих эффективную борьбу с преступностью» [13, с. 14].

Эта принципиальная, правильная точка зрения на понимание сущности уголовной политики прослеживается и в других учебниках по уголовному праву. Например, в учебнике, изданном Московским государственным университетом им. М. В. Ломоносова, в соответствующей главе (написанной профессором В. С. Комисаровым) дано такое ее определение: «Уголовная политика – это выработанная государством генеральная линия, определяющая основные направления, принципы, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного законодательства, практики его применения, а также воздействия на правовую культуру и правовое сознание населения» [14, с. 34].

Обратим внимание на главную сущностную особенность политики – выработку стратегической линии и соответствующих ей принципов (руководящих идей), основных направлений, целей и средств противодействия преступности, что *составляет основу* управленческой, прежде всего, законодательской, правоприменительной деятельности. Конечной целью уголовной политики автор определяет максимальное сокращение преступности. Особенно важно выделить в этой авторской уголовно-политической концепции положение о *несводимости* политики к деятельности – законодательной и правоприменительной. «Современная уголовная политика потому и называется политикой, – пишет В. С. Комисса-

ров, – что она несводима только к формированию законодательной базы и практики применения законодательства. Более важной является ее *политическая составляющая – определение идеологии борьбы с преступностью*» [14, с. 35–36] (выделено нами – *авт.*).

Таким образом, исходя из этих основополагающих идей относительно политики, уголовной политики, можно с бесспорной убежденностью утверждать, что в определении понятия антикоррупционной политики, которое было приведено выше, ничего сущностного, т. е. относящегося к антикоррупционной политике, нет.

Цели политики и деятельности. Таким образом, по отношению к государству политика – дело его *ума*, а деятельность – дело его *рук*. В том и другом случаях, разумеется, имеет место рациональное начало. Однако если в первом случае это начало превращается в исток научной, идеологической мысли, то во втором случае оно формирует «всего лишь» умения и навыки. И только интегрированная энергия ума и рук способна «рождать» профессионализм.

Представим себе двух субъектов управления. Первый – мыслит в сфере мировоззренческой и находит перспективную идею искоренения причин и условий коррупции в стране. И вот эта захватывающая идея превращается в политическую цель, соотносительную с целью уголовной политики – максимальным сокращением коррупции. Второй – трудится над тем, чтобы организовать и успешно провести такой оперативный эксперимент, как провокация взятки. Он может не только не разбираться в политике, ее руководящих идеях, но и вообще не знать, что это такое. Он просто делает свое дело.

В первом случае мы имеем дело с относительно безадресной политической целью-ориентиром. Сроки достижения ее не определены. Предусматривается только возможность ее достижения, и то – ненадолго, учитывая объективные закономерности социальных явлений и большую историческую практику бесплодной борьбы с коррупцией. Можно смело утверждать, что политическая цель в конечном виде *недостижима*. Во втором случае имеет место конечная цель конкретного правоприменительного действия. И эта цель *достижима*.

В этом состоит различие между политикой и деятельностью. Например, на заре юридическо-

го учения о преступлении и наказании один из основоположников классической школы Чезаре Беккариа, размышляя над целями уголовного наказания и исходя из основополагающих политических идей обоснованности, справедливости и реальных возможностей, сформулировал такое классическое положение: «Цель наказания заключается только в том, чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же» [15, с. 106]. При этом цель «удержать других» Беккариа определял как *цель политическую*. «Какова политическая цель наказания? – задавался вопросом мыслитель и отвечал на него: – Устрашение других» [15, с. 122]. Но мы знаем, насколько эффективно такое устрашение. И эта цель явно недостижима. Она по своей сущности скорее представляет функцию наказания, т. е. его назначение, в котором выражается триединство действия наказания: характер, целесообразность и направленность.

Как видим, законодательная, правоприменительная цели являются конкретными, т. е. индивидуализированными. И управленческая деятельность направлена на их достижение по отношению к конкретному осужденному. Как предписывает ч. 2 ст. 43 УК РФ, «наказание применяется в целях... исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений». И в большинстве таких конкретных случаев эта цель достигается, о чем можно судить по такой статистической величине, как рецидивная преступность. Таким образом, в данном случае мы имеем дело (в принципе) с реальным целедостижением. В данном случае не будем касаться оценки результативности этого целедостижения. К сожалению, практика устами ее профессионалов безапелляционно резюмирует: «Цель почти всегда выбирается правильно. А средства почти всегда указываются неверно» [16, с. 124]. И это во многом объясняет значительный процент недостижимости реалистичных целей.

Что касается «политической цели», или задачи предупреждения преступлений вообще (одна из задач, предусмотренных ч. 1 ст. 2 УК РФ), то определение ее целедостижимости невозможно по тем же формальным критериям, по которым мы оцениваем реализацию уголовно-правовой, точнее уже перешедшей в статус правоприменительной цели. Здесь речь идет не об оценке *конечного*

успеха реалистичной цели, а об оценке *успешности* политики на пути к ее стратегической цели. Такая цель, например, антикоррупционной политики (определенная в Национальной стратегии противодействия коррупции как «искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в российском обществе» [17]) представляет собой «образ желаемого, идеальный результат, к которому стремятся политические субъекты и который является побудительным мотивом деятельности» [18, с. 414].

Дух государственного управления. Кроме того, цель в политике имеет и другие побудительные силы – организационную, мобилизационную; в ней интегрированы общие интересы, стремления субъектов управленческой деятельности в области противодействия коррупции [18, с. 414]. Подобно великому Монтескье, создавшему научный образ духа законов, можно сказать о политике как духе государственного управления. Таким образом, следует различать достигаемую, реальную, планируемую цель антикоррупционной управленческой деятельности и идеальную, направляющую целесообразную идею, сфокусированную на такой же объект, идеализированный, или абстрактный, принципиально не осуществляемый в опыте и действительности [19, с. 150], – причинность коррупции.

Политика достаточно эмоциональна, т. е. чувствительна к общественному мнению и настроению, весьма подвержена воздействию текущих событий, предпочтениям социальных групп, политических партий, их лидеров, особенно в случае придания им публичности через СМИ. И это сказывается на ее динамичности; реализации политических идей, установок; выяснении и вполне возможной корректировке целесообразности государственных действий, их оценочных характеристик.

В отличие от политики, государственная управленческая деятельность более рациональна, нормативно урегулирована и организована, направлена на решение конкретных задач, анализ своей государственной деятельности и оценку ее результатов [19, с. 150].

Антикоррупционная политика. Итак, антикоррупционную политику можно определить как *научную разработку и практическую реализацию* основных принципов, стратегических направле-

ний, тактических задач и методов их решения на основе научно обоснованной оценки и прогнозирования явления коррупции и криминологической ситуации в целом и расчетов реальных возможностей (правовых, кадровых, финансовых, материальных и др).

Как видим, в предлагаемом (для обсуждения и дальнейшего совершенствования) определении выражена главная идеологическая сущность функции государственного управления в сфере противодействия коррупции. Идеология в данном контексте подразумевает систему взглядов, оценок, руководящих идей, которые характерны той или иной общности, в нашем случае – *определенным* субъектам управления.

К таким субъектам относятся, прежде всего, руководители первого уровня (имеется в виду трехуровневая система управления, хотя правоохранительная система ныне имеет четырехуровневую структуру [20, с. 21]) или высшего звена. Их функции осуществляются в пределах решения наиболее общих проблем функционирования системы управленческого воздействия на коррупцию. Соответственно, объектом их идеологического (политического) воздействия является сама система управления.

Руководители второго уровня, или звена управления, являются одновременно и субъектами (проводниками) политики, и объектами-исполнителями.

Наконец, на третьем уровне (низшем звене) функционируют «чистые» исполнители (политически обоснованных) мероприятий.

Данная схема наглядно показывает соотношение политики и деятельности: с одной стороны, это два относительно самостоятельных вида – умственной и физической деятельности; с другой стороны, политика как идеологическая энергия реализуется в законодательной, а затем – в правоохранительной деятельности. Образно говоря, политика и деятельность – это душа и тело государственного управления.

В данном случае напрашиваются на сравнение два уровня мышления: системное и предметное. Предметное мышление можно уподобить эмпирическому скольжению (на «бреющем полете») над «землей», над низшим уровнем государственного управления. Увы, но с этого «верху» видно далеко не все. Необходимо другое, системное мышление,

для чего нужно взлететь на такую высоту, с которой открываются «стратегические» горизонты сферы управления, и тогда «земная» деятельность будет определена в нужном и научно освещенном для «землян-исполнителей» направлении, в котором предусмотрительно будут просчитаны и условия целеосуществления.

Неразрывность такого соотношения теории и практики хорошо иллюстрирует великий стратег, генералиссимус А. В. Суворов: «Теория без практики мертва, практика без теории слепа».

Концептуальная власть. Возвращаясь к «системе оценок, взглядов, руководящих идей», следует употребить по отношению к ним термин «концепция» (от лат. *conceptio* – восприятие), который определяется как просвещенное восприятие какого-либо явления, в нашем случае, коррупции, или система взглядов на это явление. Именно концепция выступает как упомянутая система руководящих идей и положений о коррупции; процессах, которые так или иначе связаны с ней; как способ ее рассмотрения, понимания [21, с. 330].

Учитывая силу идей (которые, как известно, «правят миром»), концепция, из них состоящая, как бы выражает собой интегрированную силу идей, которую называют «концептуальной властью». Именно она и воплощается в образ политической власти.

Размышляя о современной российской государственной антикоррупционной политике, Г. В. Хорольский указывает на одну из ключевых ее проблем, которая заключается в отсутствии надлежащей научной разработки концептуально-правовых основ антикоррупционной политики. «Российская государственная антикоррупционная политика, – пишет ученый, – характеризуется низким уровнем концептуально-правовых основ». И этим, по его мнению, обусловлены «неопределенность правовых идей и принципов, низкий уровень унификации понятийно-терминологического аппарата, отсутствие официально принятого концептуального определения коррупции» [22, с. 159] и, добавим, самого определения «антикоррупционной политики».

Одним из объяснений сложившейся ситуации следует считать отсутствие той самой концептуальной властной силы, которая воплощается в политическую власть. Нужна официаль-

ная концепция антикоррупционной политики [23, с. 225–232]. А это означает научную продуманность, обоснованность *реальной* политики, а не соответствующего пафосного термина, придающего благозвучие и напускную серьезность деловым речам, политическим выступлениям и научным публикациям на актуальную тему коррупции.

Список литературы

1. Качалов В. Ю., Казаков А. Н. Антикоррупционная политика как функция государства // Коррупция как социально-правовая проблема современной России: мат-лы круглого стола (21 апреля 2004 г.). Казань, 2004. 108 с.
2. Антикоррупционная политика национального государства // Коррупция и антикоррупционная политика: словарь-справочник / под общ. ред. П. А. Кабанова. М.: Медиа-Пресс, 2008. 144 с.
3. Антикоррупционная политика государства // Антикоррупционный словарь. Бишкек, 2013. С. 7.
4. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. URL: <http://www.disscat.com/content/antikorrupsionnaya-politika-rossii-kriminologicheskie-aspekty> (дата обращения: 02.10.2013)
5. Новиков С. Ю. Антикоррупционная политика российского государства в современных условиях: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2009. URL: <http://www.disscat.com/content/antikorrupsionnaya-politika-rossiiskogo-gosudarstva-v-sovremennykh-usloviyakh> (дата обращения 17.10.2013)
6. URL: <http://www.korupcii.net/index.php?s=4&id=14> (дата обращения: 09.10.2013)
7. Государственное управление и политика как отрасль политической науки // Политико-административное управление: учебник / под ред. В. С. Комаровского, Л. В. Сморгунова. М.: РАГС, 2004. URL: <http://all-politologija.ru/knigi/politiko-administrativnoe-upravlenie-uchebnik-komarovskogo/gosudarstvennoe-upravlenie-i-politika-kak-otrasl-politicheskoi-nauki> (дата обращения: 08.10.2013)
8. Григорян С. А., Бровка Н. В., Соколова Ю. А. Административное право. М.; Ростов-н/Д: ИЦ «МарТ», 2002. 256 с.
9. Чиркин В. Е. Государственное управление. Элементарный курс. М.: Юристъ, 2002. 320 с.
10. Административное право Российской Федерации / Ю. Ф. Дмитриев, И. Ф. Казьмин, В. В. Лазарев и др. М.: Система Гарант, 2008. URL: <http://studlib.com/content/view/1331/23> (дата обращения: 08.10.2013)
11. Загородников Н. И., Стручков Н. А. Направления изучения советского уголовного права // Советское государство и право. 1981. № 7. С. 4.
12. Панченко П. А. Советская уголовная политика: Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет / под ред. В. К. Бабаева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 198 с.
13. Уголовное право России. Общая часть: учебник. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ, 2010. 496 с.

14. Комиссаров В. С. Уголовная политика // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М.: Статут, 2012. 879 с.
15. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. М.: Стелс; БИМПЛ, 1995. 304 с.
16. Альтшуллер Г. С. Основы изобретательства. Воронеж: Центрально-черноземное книжное изд-во, 1964. 240 с.
17. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 гг.: указ Президента Российской Федерации № 4600 от 13 апреля 2010 г. // Российская газета. 2010. 15 апреля.
18. Политология. Краткий словарь / Басенко Н. А. и др. Ростов-н/Д: Феникс, 2001. 448 с.
19. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Политиздат, 1991. 445 с.
20. Хадисов Г. Х. Распределение компетенции органов внутренних дел в правоохранительной сфере на различных уровнях управления: теоретические и организационно-правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 25 с.
21. Концепция // Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина, С. М. Локшиной, Ф. Н. Петрова, Л. С. Шаумяна. Изд. 6-е, перераб. и доп. М.: Советская энциклопедия, 1964. 784 с.
22. Хорольский Г. В. Государственно-правовая антикоррупционная идеология в структуре российской правовой системы: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2011. 195 с.

В редакцию материал поступил 21.10.13

© Горшенков Г. Н., 2014

Информация об авторе

Горшенков Геннадий Николаевич, доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры уголовного права, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Адрес: 603000, г. Н. Новгород, пр. Гагарина, 23, тел.: (831) 431-04-60
E-mail: gen7976@yandex.ru

Как цитировать статью: Горшенков Г. Н. Антикоррупционная политика и деятельность // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 10–17.

G. N. GORSHENKOV,

Doctor of Law, Professor

Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhniy Novgorod, Russia

ANTI-CORRUPTION POLICY AND ACTIVITY

Objective: to draw attention to the issue of anti-corruption policy as a function of control and conceptually legal basis of administrative activity in the sphere of corruption counteraction.

Methods: systemic thinking, synergistic approach, comparative analysis.

Results: the basic definition of anti-corruption policy has been developed, the criteria (bases) of delineation of anti-corruption policies and anti-corruption activities have been developed.

Scientific novelty: for the first time the largely corrected definition of anti-corruption policy is given, the correlation of the "anti-corruption policy" concept with the term "anti-corruption activities" is considered; the typical "political" signs are outlined; it is suggested that the conceptual frameworks of anti-corruption policies should be developed.

Practical value: scientific substantiation of provisions of administrative activity in the crime counteraction opens the possibility of a scientific debate on this issue and allows to optimize the functioning of the entire governmental system.

Key words: anti-corruption policy, criminal policy, managerial activities, governance, corruption counteraction; political objective; achieving the goal; three-level system of management; conceptual power.

References

1. Kachalov, V. Yu., Kazakov, A. N. Anti-corruption policy as a function of state. *Korrupsiya kak sotsial'no-pravovaya problema sovremennoi Rossii: materials of round table (21 April, 2004)*. Kazan, 2004. 108 p (in Russ.).
2. *Korrupsiya i antikorrupsionnaya politika (Corruption and Anti-corruption policy): slovar'-spravochnik, pod obshch. red. P. A. Kabanova*. Moscow: Media-Press, 2008. 144 p.
3. *Antikorrupsionnyi slovar'*. Bishkek, 2013. P. 7.

4. Astanin, V. V. *Antikorruptsionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty: dis. ... d-ra yurid. nauk* (Anti-corruption policy of Russia: criminological aspects: abstract of a Doctor of Law thesis). Moscow, 2009, available at: <http://www.dissercat.com/content/antikorruptsionnaya-politika-rossii-kriminologicheskie-aspekty> (accessed: 02.10.2013)
5. Novikov, S. Yu. *Antikorruptsionnaya politika rossiiskogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh: dis. ... kand. polit. nauk* (Anti-corruption policy of the Russian state under modern conditions: abstract of a PhD (Law) thesis). Stavropol', 2009, available at: <http://www.dissercat.com/content/antikorruptsionnaya-politika-rossiiskogo-gosudarstva-v-sovremennykh-usloviyakh> (accessed 17.10.2013)
6. <http://www.korupcii.net/index.php?s=4&id=14> (accessed: 09.10. 2013)
7. Gosudarstvennoe upravlenie i politika kak otrasl' politicheskoi nauki (State administration and politics as a branch of political science). *Politiko-administrativnoe upravlenie: uchebnik, pod red. V. S. Komarovskogo, L. V. Smorgunova*. Moscow: RAGS, 2004, available at: <http://all-politologija.ru/knigi/politiko-administrativnoe-upravlenie-uchebnik-komarovskogo/gosudarstvennoe-upravlenie-i-politika-kak-otrasl-politicheskoi-nauki> (accessed: 08.10.2013)
8. Grigoryan, S. A., Brovko, N. V., Sokolova, Yu. A. *Administrativnoe pravo* (Administrative law). Moscow; Rostov on Don: ITs "MarT", 2002. 256 p.
9. Chirkin, V. E. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elementarnyi kurs* (State administration. Basic course). Moscow: Yurist, 2002. 320 p.
10. Dmitriev, Yu. F., Kaz'min, I. F., Lazarev, V. V. et al. *Administrativnoe pravo Rossiiskoi Federatsii* (Administrative law of the Russian federation / Yu. F. Dmitriyev, I. F. Kuz'min. V. V. Lazarev, et al.) Moscow: Sistema Garant, 2008, available at: <http://studlib.com/content/view/1331/23> (accessed: 08.10.2013)
11. Zagorodnikov, N. I., Struchkov N. A. Directions of study of the Soviet criminal law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1981, no. 7, p. 4 (in Russ.).
12. Panchenko, P. A. *Sovetskaya ugolovnaya politika: Obshcheteoreticheskaya kontseptsiya bor'by s prestupnost'yu: ee stanovlenie i predmet, pod red. V. K. Babaeva* (Soviet criminal policy: General theoretical concept of crime struggle: its formation and subject / edit. by V. K. Babayev). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1988. 198 p.
13. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast': uchebnik, pod red. V. P. Revina* (Criminal law of Russia. General part: textbook, 2nd edition, revised and supplemented / edit.by V. P. Revina). Moscow: Yustitsinform, 2010. 496 p.
14. Komissarov, V. S. Ugolovnaya politika (Criminal policy). *Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': uchebnik dlya vuzov, pod red. V. S. Komissarova, N. E. Krylovoi, I. M. Tyazhkovoi*. M.: Statut, 2012. 879 p.
15. Bekkaria, Ch. *O prestupleniyakh i nakazaniyakh* (On crime and punishment). Moscow: Stels; BIMPL, 1995. 304 p.
16. Al'tshuller, G. S. *Osnovy izobretatel'stva* (Bases of inventing). Voronezh: Tsentral'no-chernozemnoe knizhnoe izd-vo, 1964. 240 p.
17. O Natsional'noi strategii protivodeistviya korruptsii i Natsional'nom plane protivodeistviya korruptsii na 2010–2011 gg.: ukaz Prezidenta Rossiiskoi Federatsii № 4600 ot 13 aprelya 2010 g. (On the national strategy of corruption counteraction and the National plan for corruption counteraction for 2010–2011: The Russian Federation President # 4600 of 13 April 2010). *Rossiiskaya gazeta*, 2010, 15 April.
18. Basenko, N. A. et al. *Politologiya. Kratkii slovar'*, (Politology. Brief Dictionary). Rostov on Don: Feniks, 2001. 448 p.
19. Frolova, I. T. *Filosofskii slovar'* (Philosophy dictionary). Moscow: Politizdat, 1991. 445 p.
20. Khadisov, G. Kh. *Raspredelenie kompetentsii organov vnutrennikh del v pravookhranitel'noi sfere na razlichnykh urovnyakh upravleniya: teoreticheskie i organizatsionno-pravovye aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* (Distributing the competence of internal affairs bodies at different levels of administration: theoretical and organizational-legal aspects: abstract of a PhD (Law) thesis). Moscow, 2003. 25 p.
21. Lekhina, I. V., Lokshinoi, S. M., Petrova, F. N., Shaumyana, L. S. *Kontseptsiya (Conceptin) Slovar' inostrannykh slov*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1964. 784 p.
22. Khorol'skii, G. V. *Gosudarstvenno-pravovaya antikorruptsionnaya ideologiya v strukture rossiiskoi pravovoi sistemy: teoretiko-pravovoi analiz: dis. ...kand. yurid. nauk* (State-legal anti-corruption ideology in the structure of the Russian legal system: theoretical-legal analysis; abstract of a PhD (Law) thesis). Rostov on Don, 2011. 195 p.

Received 21.10.13

Information about the author

Gorshenkov Gennadiy Nikolayevich, Doctor of Law, Professor; Professor of the Criminal Law Chair, Nizhniy Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

Address: 23 Gagarina Prospekt, 603000, Nizhniy Novgorod, tel.: (831) 431-04-60

E-mail: gen7976@yandex.ru

How to cite the article: Gorshenkov G. N. Anti-corruption policy and activity. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 10–17.

© Gorshenkov G. N., 2014

УДК 343.9:328.185:001

Н. С. ГРИГОРЬЕВА,

аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия,

О. В. ГРИГОРЬЕВА,

кандидат биологических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИИ В ИННОВАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Цель: описание особенностей проявления коррупции в инновационном пространстве.

Методы: анализа, синтеза, аналогии; абстрактно-логический метод; системный подход.

Результаты: на основе анализа собранной информации выявлено, что создателями инновационных фирм, как правило, являются молодые люди, у которых имеется недостаток должностного положения, опыта и связей. Им необходимо затратить больше усилий при осуществлении самостоятельной экономической деятельности, они могут чаще становиться объектами вымогательства со стороны должностных лиц. Коррупция более опасна для инновационных фирм, чем для традиционных, поскольку первым нужно получить больше разрешений.

Научная новизна: описаны социально-экономические особенности протекания инновационного процесса – процесса создания и использования инновационных разработок и идей. Выделены формы участия государства в инновационной деятельности, которые проанализированы на наличие коррупционных угроз. Исследованы особенности проявления коррупции в инновационном пространстве по сравнению с остальными сферами экономических отношений.

Практическая значимость: в расширении знаний о коррупции в инновационном пространстве; знание социально-экономических особенностей протекания инновационного процесса может послужить основой повышения эффективности мер поддержки инновационного предпринимательства, а также разработки мер антикоррупционной политики.

Ключевые слова: коррупция; инновационное пространство; инновационная деятельность; государственное регулирование; социально-экономические особенности протекания инновационного процесса.

Введение

Характерной особенностью второй половины XX – начала XXI вв. является возрастание роли новейших технологий как фактора экономического развития. В то же время для экономики России характерна низкая доля товаров с высокой добавленной стоимостью и низкая производительность труда. Чтобы переломить сложившуюся ситуацию, требуется создание благоприятных условий для инновационной деятельности.

Согласно российскому законодательству, коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения дохода в виде

денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера¹.

В условиях экономических кризисов и даже при умеренно благоприятных условиях внешней среды существуют трудности обеспечения и поддержания требуемого уровня развития экономических систем. Реальные экономические системы не находятся в точке равновесия по Вальрасу [1, с. 88] (где достигают максимума своей эффективности – идея В. Парето, которая была позже математически доказана П. Самуэльсоном [1, с. 126]), следовательно, у них всегда имеются резервы для повышения своей эффективности.

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. // Российская газета. 2008. № 4823. 30 декабря.

Диссипативные издержки, частной формой которых можно назвать и потери от коррупционного поведения должностных лиц, являются неотъемлемой частью экономической действительности. Значимо любое исследование, дополняющее или расширяющее знания о коррупции. Изучение особенностей проявления коррупции в инновационном пространстве позволит улучшить управление процессом борьбы с коррупцией и повысить эффективность экономической системы, а также позволит улучшить среду для инновационной деятельности.

Объектом изучения является проявление коррупционных явлений в инновационном пространстве российской экономики.

Предмет – совокупность социально-экономических отношений, определяющих особенности проявления коррупции в инновационном пространстве.

Целью работы является описание особенностей проявления коррупции в инновационном пространстве.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1) описать социально-экономические особенности протекания инновационного процесса – процесса создания и использования инновационных разработок и идей;

2) проанализировать формы участия государства в инновационной деятельности на наличие коррупционных угроз и их форм, что обозначит ключевые сферы проявления коррупции в процессе создания и использования инноваций;

3) исследовать особенности проявления коррупции в инновационном пространстве по сравнению с остальными (традиционными) сферами экономических отношений.

Методология исследования

В ходе исследования были использованы общенаучные методы (абстрактно-логический метод, анализ, синтез). Была изучена научная литература по проблемам коррупции и инноваций отечественных и зарубежных исследователей; статистическая информация, полученная с официальных сайтов соответствующих организаций в сети Интернет.

Был описан инновационный процесс, что позволило проанализировать и выявить социально-экономические особенности протекания

этого процесса; собраны данные, отражающее актуальное состояние коррупционных отношений в современной российской экономике; изучена литература, описывающая социально-экономические отношения между государством и представителями инновационного предпринимательства. Это позволило выявить формы управления инновационной деятельностью со стороны государства. Выявление этих форм управления (регулирования) важно для исследования коррупционных рисков при их реализации. Социально-экономические особенности протекания инновационного процесса во взаимодействии с формами управления государства инновационной деятельностью создают основу для изучения особенностей проявления коррупции в инновационном пространстве российской экономики.

Таким образом, было проведено обстоятельное теоретико-методологическое исследование особенностей проявления коррупции в инновационном пространстве современной российской экономики.

Результаты исследования

С экономической точки зрения коррупция приводит к снижению эффективности распределения ограниченных ресурсов. Коррупция нарушает свободное перемещение факторов производства, приводит к перераспределению богатства в пользу должностных лиц органов власти.

В России с каждым годом увеличивается число лиц, совершивших такие преступления, как взятничество (ст. 290, 291 УК РФ), а также число осужденных за дачу и получение коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ), за дачу и получение взятки. Однако в последние годы ситуация с коррупцией в России улучшается – в рейтинге Transparency International за 2012 г. Россия находилась на 133 месте (2011 г. – 142-е место) [2]. Согласно исследованию британской аудиторской компании Ernst&Young, проведенному весной 2012 г., за 2011 г. коррупционные риски в России значительно снизились и по многим параметрам стали ниже среднемирового уровня.

По мнению экономиста Е. Ясина, масштабы коррупции в России многократно преувеличиваются.

В работе [3] эмпирически доказано, что чем больше регулирующей власти у чиновников, тем больше оказывается нагрузка на бизнес и растет уровень коррупции, для бизнеса повышаются

стимулы перевода части потоков, получаемых от осуществления экономической деятельности, в теневую сферу. В результате повышения эффективности мер противодействия коррупции вероятно снижение доли теневого сектора в российской экономике.

Есть эмпирические исследования, посвященные влиянию коррупции на экономический рост и производительность на макроуровне, но связи коррупции и инноваций уделялось мало внимания. Эта связь исследуется (на уровне стран) с помощью готовых индексов в работе [4], где анализируются взаимосвязи между инновациями, предпринимательством, институциональной средой и коррупцией, контроль над коррупцией считается одним из компонентов здоровой институциональной среды, обеспечивающей существование «институционального доверия» в обществе [4]. Контроль над коррупцией увеличивает шансы на то, что успешный предприниматель сможет присвоить себе большую долю прибыли, которую он производит, и таким образом увеличивает предпринимательскую и инновационную активность в обществе.

Результаты эмпирического анализа исследователей из Высшей школы экономики свидетельствуют о повышенной административной и коррупционной нагрузке при продуктовых инновациях, тогда как при организационных нововведениях среда наиболее благоприятна [5].

Таким образом, коррупционные отношения имеют место в любой экономической системе, где существуют отношения государственного регулирования осуществления экономической деятельности и распределения ресурсов.

Создание и реализация инновационных идей и решений всегда связана с повышенными рисками. На первых стадиях достаточно сложно предсказать, насколько будет успешен тот или иной проект. Неопределенность достаточно высока. При этом реализация инновационных проектов зачастую подразумевает значительные финансовые затраты. В связи с этим решиться на реализацию инновационных проектов легче молодым людям, поэтому, как правило, инновационный бизнес – это молодой бизнес. Например, участниками форума «Открытые инновации» могут стать молодые люди до 35 лет [6].

За 2007–2012 гг. российский инновационный сектор заметно «омолодился». Средний возраст

инноватора снизился по сравнению с 2007 г. с 42-х до 28–29 лет в 2012 г. Всего доля разработчиков в возрасте до 35 выросла с 36 % в 2007 г. до 47 % в 2012 г. [7].

Молодежь зачастую не допускают до принятия решений, к ресурсам и рычагам власти. У молодых людей нет должностного положения, опыта и связей. При прочих равных условиях им необходимо затратить больше усилий при осуществлении самостоятельной экономической деятельности, тем более инновационной. Следовательно, они чаще становятся объектами вымогательства со стороны чиновников.

Инноваторам сложнее получить доступ к финансовым ресурсам, так как у них нет многолетней кредитной истории, а сделать финансовый анализ производства инновационного продукта, не имеющего аналогов на рынке, достаточно сложно. А потом, имея новый инновационный продукт, им сложнее вывести его на рынок.

Государственная политика в плане поддержки инновационной деятельности молодежи имеет большое значение. Государство зачастую является инициатором создания институтов, формирующих инновационное пространство: технопарки, технополисы, центры трансфера технологий, венчурные фонды, тематические форумы по инновационной проблематике, кластеры.

При этом раз есть государственная поддержка, следовательно, есть условия для коррупции. Раз есть льготы от государственных служащих зависит, будет ли включен тот или иной проект в программы поддержки.

Государство не должно помогать отдельным фирмам. Исключением являются крупные предприятия, которым присваивается статус стратегических. Это накладывает определенные ограничения на формы участия государства в инновационной деятельности.

Государство инвестировало в проекты инноваторов 450 млрд рублей. Такие выводы сделала НАИРИТ (Национальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий), подводя итоги по работе российского молодежного инновационного сектора за 2010 г. [7].

Необходимость государственного регулирования инновационной деятельности вызвана их возрастающим значением для социально-общественных отношений. Кроме всего прочего,

инновационные фирмы повышают экономическую безопасность России (поскольку являются вкладом в снижение экономики от сырьевой зависимости), повышают имидж России как передового государства на международной арене. Для государства инновационные проекты приносят доходы в виде налоговых поступлений.

Один из примеров: в 2012 г. 58 резидентов казанского ИТ-парка заработали 4,6 млрд руб. Для сравнения, в 2011 г. 50 резидентов получили выручку 2,6 млрд руб. Поступления налоговых средств увеличились с прошлогодних 430 млн до нынешних 580 млн руб. [8].

Улучшение условий для инновационной деятельности является одним из приоритетных направлений экономической политики и объектом регулирования со стороны государства. Среди направлений государственного управления инновационной деятельности можно отметить следующие государственные инструменты и проанализировать их на предмет коррупционных рисков:

1. Создание специальных государственных структур. Например, Российское агентство по патентам и товарным знакам, Министерство науки и технологий РФ определяют приоритетные направления, критически важные технологии, инновации, которые поддерживаются государством.

Коррупционные риски могут иметь место в отношениях распределения средств господдержки. Со стороны инноваторов возможно оппортунистическое поведение – когда то или иное направление исследования подстраивается под одно из приоритетных направлений, претендует на получение господдержки, в реальности не соответствующая объявленному направлению. Данные институты также призваны издавать правовые акты, регламентирующие отдельные аспекты инновационной деятельности, которые теоретически могут лоббироваться и порой создавать коррупционные риски.

2. Создание особых фондов, образуемых за счет бюджетных ассигнований и налоговых отчислений. В России функционируют Российский фонд фундаментальных исследований, Российский гуманитарный научный фонд.

3. Разработка, реализация, финансирование целевых инновационных программ.

4. Финансирование на возвратной основе, инвестирование бюджетных средств в инновационные проекты, прошедшие конкурсный отбор, через

Федеральный фонд производственных инноваций, Российский фонд технологического развития.

Коррупционные риски в деятельности должностных лиц данных институтов (п. 1–4) и им подобных могут проявляться в отношениях регулирования и распределения средств государственной поддержки инновационных проектов.

5. Установление правил учета, оценки инноваций. Так, в Положениях по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в РФ определены правила учета и погашения стоимости нематериальных активов организации. Если инновации связаны с регистрацией нематериальных активов, то дополнительно увеличиваются коррупционные угрозы на каждом этапе согласования в рамках государственных органов.

6. Проведение налоговой политики, направленной на создание благоприятных условий для осуществления инновационной деятельности. Данное направление стимулирования инновационной деятельности касается как определения налогооблагаемой базы, так и предоставления льгот при уплате налогов. Так, в соответствии со ст. 262 НК РФ в расходы организаций, связанные с производством и реализацией, разрешено включать расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки, относящиеся к созданию новой или усовершенствованию производимой продукции (товаров, работ, услуг), в частности, расходы на изобретательство. Указанные расходы признаются для целей налогообложения после завершения этих исследований или разработок и подписания сторонами акта сдачи-приемки. Они равномерно включаются в состав прочих расходов в течение трех лет при условии использования указанных исследований и разработок в производстве и (или) при реализации товаров (работ, услуг). Расходы на исследования, не давшие положительного результата, подлежат включению в состав расходов равномерно в течение трех лет в размере, не превышающем 70 % фактически осуществленных расходов.

7. Страхование финансовых рисков с постепенным расширением перечня страховых рисков, с включением в него технических и других рисков, связанных с реализацией инновационных проектов.

8. Информационное обеспечение инновационной деятельности.

9. Государственная поддержка малого инновационного предпринимательства (например, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере).

Выводы

В результате исследования выявлены социально-экономические особенности протекания инновационного процесса: создателями инновационных фирм, как правило, являются молодые люди; у молодых инноваторов зачастую нет значимого должностного положения, опыта и связей. При прочих равных им необходимо затратить больше усилий при осуществлении самостоятельной экономической деятельности, они могут чаще становиться объектами вымогательства со стороны должностных лиц.

Уровень коррупционных угроз выше для инновационных фирм, чем для традиционных, поскольку им нужно получить больше разрешений. Если инновации связаны с регистрацией нематериальных активов, то коррупционные угрозы растут на каждом этапе согласования в рамках государственных органов.

Определены 8 групп инструментов, посредством которых государство участвует в инновационной деятельности и регулирует ее. В связи с этим объектом антикоррупционной политики должно быть движение финансовых и материальных потоков в рамках указанных институтов. Коррупционная деятельность должна пресекаться правоохранительными органами по разным статьям уголовного и административного кодексов.

В связи с этим значимой становится общая среда ведения экономической деятельности,

связанной с созданием и реализацией инноваций – инновационное пространство. Открытость, прозрачность, доступность информации о государственных расходах, контроль со стороны общественных организаций являются основными методами ограничения коррупции, поскольку позволяют активизировать общественный контроль за расходованием бюджетных средств. Важную роль играют усилия, предпринимаемые органами государственной власти для реформирования Академии наук и всей системы высшего образования в России с целью повышения инновационной активности субъектов экономической системы в целом.

Список литературы

1. Курс экономической теории: учеб. пособие / под ред. проф. А. В. Сидоровича; МГУ им. М. В. Ломоносова. М.: Дело и сервис, 2007. 1040 с.
2. Transparency International. Corruption Perceptions Index 2012. URL: <http://www.transparency.org/cpi2012/results>.
3. Johnson S., Kaufmann D., Zoido-Lobaton P. Regulatory discretion and the unofficial economy // American Economic Review. 1998. Vol. 88. No. 2. Pp. 387–392.
4. Anokhin S., Schulze W. Entrepreneurship, innovation, and corruption // Journal of Business Venturing. 2009. No. 24. Pp. 465–476.
5. Баранов А. Ю., Долгопятова Т. Г. Инновационная активность фирм, деловой климат и коррупция в странах с переходной экономикой: эмпирический анализ // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <http://regconf.hse.ru/uploads/005723a8b9821888b17a6148b4ff29b1bc09a18c.doc>.
6. URL: <http://youthprogram.ru/100innovatorov/>.
7. URL: http://www.borovic.ru/index_p_11.html?id=31
8. URL: <http://news16.ru/318000> (дата публикации: 01.04.2013).

В редакцию материал поступил 13.01.14

© Григорьева Н. С., Григорьева О. В., 2014

Информация об авторах

Григорьева Наталья Сергеевна, аспирант Института управления и территориального развития, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 6/20, тел.: (843) 231-54-69

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

Григорьева Ольга Витальевна, кандидат биологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии развития, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90 или 278-94-03

E-mail: grigoryeva@ieml.ru

Как цитировать статью: Григорьева Н. С., Григорьева О. В. Особенности проявления коррупции в инновационной среде // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 18–23.

N. S. GRIGORYEVA,

Post-graduate student

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia,

O. V. GRIGORYEVA,

PhD (Biology), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

FEATURES OF CORRUPTION REVELATION IN INNOVATIVE ENVIRONMENT

Objective: description of the features of corruption in the innovation environment.

Methods: analysis, synthesis, analogy, abstract-logical method, systematic approach.

Results: basing on analysis of the collected information, the authors reveal that the creators of innovative firms tend to be young people with a lack of official status, experience and connections. They need to spend more effort to carry out independent economic activities, they can more often become objects of extortion by officials. Corruption is more dangerous for innovative firms than for traditional ones as the former need to get more permits.

Scientific novelty: the socio-economic features are described of the occurrence of the innovation process - the process of creation and implementation of innovations and ideas. The forms of state participation in innovation activity are extinguished, which are analyzed for the presence of corruption threats. The features of corruption in the innovation environment are studied in comparison with other areas of economic relations.

Practical value: to increase knowledge about corruption in the innovation environment; knowledge of socio-economic characteristics of the innovation process which can serve as a basis to improve the implementation of innovative business support and development of anti-corruption policy measures.

Key words: corruption; innovation environment, innovation activity, state regulation, socio-economic features of the occurrence of innovation process.

References

1. Sidorovicha, A. V. *Kurs ekonomicheskoi teorii*. A course in economic theory: manual. Moscow: Delo i servis, 2007. 1040 p.
2. *Transparency International. Corruption Perceptions Index 2012*, available at: <http://www.transparency.org/cpi2012/results>
3. Johnson, S., Kaufmann, D., Zoido-Lobaton, P. Regulatory discretion and the unofficial economy. *American Economic Review*, 1998, vol. 88, no. 2, pp. 387–392.
4. Anokhin, S., Schulze, W. Entrepreneurship, innovation, and corruption. *Journal of Business Venturing*, 2009, no. 24, pp. 465–476.
5. Baranov, A. Yu., Dolgopyatova T. G. Innovatsionnaya aktivnost' firm, delovoi klimat i korruptsiya v stranakh s perekhodnoi ekonomikoi: empiricheskii analiz (Innovative activity of firms, business climate and corruption in the countries with transitive economy: empirical analysis). *Natsional'nyi issledovatel'skii universitet "Vysshaya shkola ekonomiki"*, available at: <http://regconf.hse.ru/uploads/005723a8b9821888b17a-6148b4ff29b1bc09a18c.doc>
6. <http://youthprogram.ru/100innovatorov/>
7. http://www.borovic.ru/index_p_11.html?id=31
8. <http://news16.ru/318000> (accessed: 01.04.2013).

Received 13.01.14

Information about the authors

Grigoryeva Natalya Sergeevna, Post-graduate student of the Institute for Management and Territorial Development, Kazan (Volga region) Federal University

Address: 6/20 Kremlyovskaya St., 420008, Kazan, tel.: (843) 231-54-69

E-mail: nat-grig17@yandex.ru

Grigoryeva Olga Vitalyevna, PhD (Biology), Associate Professor, Head of the Chair of Development Psychology, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90 или 278-94-03

E-mail: grigoryeva@ieml.ru

How to cite the article: Grigoryeva N.S., Grigoryeva O.V. Features of corruption revelation in innovative environment. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 18–23.

© Grigoryeva N.S., Grigoryeva O.V., 2014

УДК 343.9:328.128:338.24

Т. А. ГУРЖИЙ,

доктор юридических наук, старший научный сотрудник

Киевский национальный торгово-экономический университет, г. Киев, Украина

КОРРУПЦИЯ КАК ФЕНОМЕН МИРОВОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Цель: определение влияния глобализационных процессов на состояние коррупции в современном мире и отдельных странах.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, позволяющий изучать явления и процессы окружающей действительности в их историческом развитии, во взаимосвязи и взаимообусловленности и основанные на нем общенаучные и специальные методы исследования.

Результаты: на основе оценки мнений разных ученых в изучаемой сфере деятельности доказана необходимость формирования единой антикоррупционной стратегии, приемлемой для всех государств, эффективной на всех уровнях государственного менеджмента; определены принципы такой стратегии.

Научная новизна: выявлена тесная взаимосвязь между процессами мировой глобализации и распространением коррупционных явлений. Обоснована точка зрения, согласно которой либерализация рыночных отношений оказывает как сдерживающее, так и стимулирующее влияние на коррупцию государственного менеджмента. Доказана необходимость построения национальных антикоррупционных политик на основе международных стандартов антикоррупционной деятельности.

Практическая значимость: в возможности экстраполяции международных практик борьбы с коррупцией в сферу государственного администрирования.

Ключевые слова: коррупция; глобализация; политика; стратегия; менеджмент.

Введение

Развитие современного общества отмечается динамизмом и глобализацией. Слово «глобализация» вошло в широкий оборот сравнительно недавно: в начале 1990-х гг., после окончания длительного исторического противостояния двух полярных систем: социалистической и капиталистической, т. е. в период, когда первая система, зиждущаяся на идеях этатизма, потерпела крах, а вторая начала утверждаться в глобальных масштабах как универсальная форма общественной организации. Известность и распространение термин «глобализация» приобрел благодаря шотландскому социологу профессору Роланду Робертсону, который определил его суть как «сжатие мира и интенсификация сознания мира в целом» и изложил основные положения своей теории в работе «Глобализация: социальная теория и глобальная культура», опубликованной в 1992 г. [1].

Результаты исследования

Стоит отметить, что дискуссия относительно определения сущности, форм и измерений глобализации, а также последствий ее влияния на развитие государства и общественной жизни длится и по сей день как среди ученых и государственных

деятелей, так и на уровне масс-медиа и широкой общественности.

Обобщая мнение большинства современных зарубежных и отечественных ученых по поводу концептуального понимания глобализации, выделим два основных подхода. Согласно первому, глобализация определяется как объективный процесс интеграции, интернационализации экономической, политической, социальной и других сфер общественной жизни, который детерминирован научно-техническим прогрессом, информационной революцией в сфере технологий. Второй подход базируется на восприятии этого явления как стержневой идеи нового государственного менеджмента, его форм, методов и направлений [2, с. 345].

Не вдаваясь в детали этих подходов, отметим, что более состоятельным в научном и практическом смыслах видится первый, поскольку он выходит далеко за рамки государственного администрирования и охватывает все наиболее существенные аспекты общественной жизнедеятельности.

По мнению ученых Национального института стратегических исследований, основными предпосылками и факторами глобализации стали:

– увеличение международных финансовых потоков, формирование глобального финансового рынка, развитие мощных транснациональных корпораций;

– либерализация мировой торговли, которая не только расширила свою географию, но и обусловила стремительный рост товаропотоков, а также объемов сопутствующих услуг;

– научно-технический прогресс в сферах информационно-компьютерных технологий, телекоммуникаций, транспорта и в других отраслях, что привело к коммуникационному прорыву, снижению соответствующих расходов, интенсификации информационного обмена, активизации товарных и ресурсных потоков, сближению мировых государств во многих сферах общественной жизни;

– рост мобильности населения и усиление информационно-культурного обмена [3, с. 35–36].

Таким образом, феномен глобализации связан с взаимным интегрированием не только мировых экономик, но и других сфер общественной жизнедеятельности в соответствии с общепризнанными принципами, ценностями, социальными и правовыми нормами. В условиях глобализации существенно возрастает взаимозависимость мировых держав, что приводит к размыванию политических границ и одновременно – к утверждению образований международного масштаба – транснациональных бизнес-компаний и управленческих структур, влияние которых простирается далеко за рамки отдельных государств.

По мнению исследователей, процессы глобализации, которые заметно интенсифицировались в 90-х гг. прошлого века, характеризуются как позитивными, так и негативными воздействиями и последствиями. С одной стороны, глобализация создает уникальные возможности для общественного развития и социальных коммуникаций, с другой – этот общественный процесс до крайности обостряет конкуренцию не только на геополитической, но и на экономической арене. И далеко не всегда такая конкуренция ведется честными путями. Непрестанная борьба за источники дешевых ресурсов и новые рынки сбыта часто сопровождается подкупом высокопоставленных чиновников, предоставлением неправомερных выгод, созданием теневых схем при участии представителей истеблишмента.

Мощные транснациональные корпорации, расширяя географию ведения своего бизнеса за рубежом, стали предлагать и давать представителям власти взятки за принятие решений, дающих преимущества и выгоды на рынках. Во второй половине XX в. такие коррупционные проявления приобрели массовый характер, а сам феномен коррупции превратился в международную проблему.

Сегодня проявления коррупции на международном уровне связаны с огромными активами и значительной долей государственных ресурсов, что ставит под угрозу не только отдельные отрасли, но и перспективы экономического развития целых стран. «Коррупция уже не является локальной проблемой, а превратилась в транснациональное явление, которое влияет на общества и экономики всех стран мира», – отмечается в Конвенции ООН против коррупции [4].

Особый размах коррупционные явления приобрели в развивающихся и политически нестабильных государствах, которые на определенном историческом этапе оказываются неспособными выстроить прозрачный механизм взаимодействия власти и бизнеса. Впрочем, высокий уровень коррупции перестал быть чертой, присущей лишь развивающимся странам. Влиятельная британская газета *Financial Times* признала 1995 г. «годом коррупции», а ООН утвердила Международный день борьбы с коррупцией.

Сегодня ни одна страна мира не защищена от коррупции вообще и от взяточничества в частности. Последнее приобрело особенно широкое распространение при создании предприятий с участием иностранного капитала, реализации инвестиционных проектов, приватизации и т. д. Действительно, для получения преимуществ в условиях рыночной конкуренции представители многих иностранных компаний прибегают к такому неправомерному методу, как дача взятки. Более того, налоговое законодательство многих государств косвенно стимулирует его применение. Исключение составляют законы США, напрямую запрещающие американским предпринимателям использование взяток на территории других стран. Без преувеличения можно утверждать, что международный бизнес делает весомый вклад в рост коррупции во всем мире и в отдельно взятых странах.

Итак, глобализация привела к «диффузии коррупции», беспрепятственному распространению этого социального явления на многие страны, что негативно сказалось на всех сферах общественной жизнедеятельности. Характеризуя коррупцию в контексте глобализации, следует обратить внимание на такой важный аспект, как отсутствие единого, общепринятого понимания этого феномена. Как указано выше, в различных государствах мира понятие «коррупция» трактуется по-разному. Разнообразие в подходах к определению этого термина на международном уровне вполне объяснимо, учитывая разницу в политическом устройстве, состоянии экономики, уровне общественного и культурного развития отдельно взятых государств.

Глобализация детерминирует мирохозяйственное развитие, усиливает не только взаимосвязи и взаимоотношения экономических систем многих государств, но и повышает их взаимозависимость в политической, социальной, моральной и других сферах.

Как свидетельствует мировая практика, негативное влияние коррупции наиболее ощутимо в государствах переходного периода, т. е. там, где политическая, экономическая, социальная и другие системы находятся в состоянии трансформации. Хищение государственных средств в развивающихся странах превратилось в серьезную международную проблему.

Так, по данным ООН и Всемирного банка, ежегодные транснациональные убытки от преступной деятельности, коррупции и уклонения от уплаты налогов в мире оцениваются в 1,6 трлн долл. США; ежегодный объем взяток, получаемых государственными чиновниками развивающихся стран и стран с переходной экономикой, равняется 200 млрд долл. США, что составляет примерно 40 % от общей суммы финансовой помощи, оказываемой таким странам в рамках международного сотрудничества [5, с. 1, 9].

По данным специальной комиссии Европарламента, изучающей коррупцию, отмывание денег и организованную преступность в Европе (CRIM), убытки европейской экономики от коррупции составляют 1 % от ВВП Евросоюза, т. е. 120 млрд евро в год. Коррупция наносит не менее значительный ущерб и России. В одном из своих выступлений генеральный прокурор Российской Фе-

дерации Ю. Я. Чайка констатировал, что ущерб от коррупционных преступлений в России в 2012 г. составил почти 21 млрд рублей. При этом число коррупционных преступлений, совершенных организованными группами, выросло втрое. На 80 % увеличилось количество преступлений, совершенных в крупном и особо крупном размере. Кроме того, в 2012 г. было выявлено 349 тыс. нарушений законов о противодействии коррупции. К уголовной ответственности привлечены 889 служащих органов власти местного самоуправления, в том числе 284 главы муниципальных образований, 114 депутатов. За год осуждены 1 159 сотрудников правоохранительных органов [6].

Масштабное воздействие коррупции на экономику характерно и для иных стран мира. Обобщая информацию ООН и Всемирного банка развития, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, наиболее благоприятные условия для коррупционных явлений существуют в государствах с авторитарным режимом правления, в условиях диктатуры, тоталитаризма, закрытости информации о деятельности чиновников. Это государства, которые, как правило, относятся к категории развивающихся стран. Наибольшую опасность представляют коррупционеры, которые разбогатели за счет государственной казны, опустошая ее, обрекая многих своих соотечественников на нищенское существование, ограничивая их права, свободы и т. д. На современном этапе развития информационного общества коррупция верховных правителей в мире находится в пиковом состоянии и сопровождается тотальной девальвацией нравственных ценностей.

Во-вторых, крайне вредной и опасной нужно считать ситуацию, когда похищенные средства переводятся в финансовые центры развитых стран, руководство которых ссылается на банковские принципы конфиденциальности вкладчиков средств и создание своим клиентам комфортных условий для сохранения сбережений. По сути, банкиры наравне с самими коррупционерами становятся соучастниками коррупционных деяний, поскольку помогают скрыть незаконно присвоенные бюджетные средства других государств.

В ответ на эту ситуацию ООН выступила с инициативой возвращения развивающимся странам средств, похищенных их лидерами из государственной казны. Странам, в которых коррупци-

онерами похищены значительные суммы государственных средств, было предложено усилить контроль за финансовыми потоками, а странам, в которые эти средства вложены, – отказаться от хранения финансовых ресурсов, полученных незаконным путем, и не предоставлять убежище политикам-беженцам, уличенным в коррупции [5].

Глава Директората ООН по вопросам противодействия наркотизму и преступности Антонио Мария Коста отметил, что предполагается обнародование до недавнего времени закрытой коммерческой информации в отношении активов, полученных преступным путем, и что принцип сохранения банковской тайны не должен служить этому препятствием. Он обратился к руководству мировых государств с призывом более активно включаться в процесс возвращения преступных доходов, чтобы затем инвестировать их в социальные отрасли, в частности, в образование и медицину.

В свою очередь глава отдела Европейской комиссии по вопросам борьбы с организованной преступностью Я. Боратинский провозгласил инициативу создания единой общеевропейской законодательной базы, санкционирующей конфискацию незаконно полученного имущества и ресурсов. «Таким образом, мы лишим взяточников возможности тратить деньги, полученные нелегально», – подчеркнул высокопоставленный чиновник ЕС. Однако даже среди депутатов Европарламента существуют сомнения относительно реализации такой инициативы на уровне стран ЕС [7].

Взяточничество тесно связано с иными коррупционными преступлениями, в частности, с отмыванием денег. Действительно, отмывание денег, под которым понимается сокрытие и другие манипуляции с финансовыми ресурсами, владение активами, их перемещение и контроль над ними, можно рассматривать как одно из последних звеньев цепи коррупционных деяний.

Отмывание денег направлено на минимизацию возможностей раскрытия коррупционных преступлений (фактов получения взяток, казнокрадства и т. п.), а также на «заматание следов» путем разрыва непосредственной связи между ворами, чиновниками и политиками с одной стороны и незаконно полученными ими средствами – с другой.

Отмывание денег – это многоаспектная деятельность, имеющая разнообразные формы проявления: от простых банковских переводов

до сложных махинаций, базирующихся на создании фиктивных банков, кредитных учреждений, инвестиционных фондов. Как правило, процесс отмывания средств, полученных коррупционным путем, предусматривает следующие стадии:

– размещение – процесс неправомерного изолирования средств и перевод их в финансовые учреждения страны или за рубежом:

– наслаивание – процесс отделения преступных доходов от их источника через ряд финансовых операций, разработанных для сокрытия от аудиторской проверки и для обеспечения анонимности;

– интеграция – применение схем, которые позволяют возвращать незаконно присвоенные деньги обратно в экономику, т. е. легализовать похищенные денежные средства, превращая их в обычные бизнес-капиталы [5, с. 13].

Впрочем, такую стадийность отмывания денег следует считать условной. Как свидетельствует практика, различные формы коррупции и механизмы отмывания денег весьма быстро прогрессируют и совершенствуются, в то время как эффективность противодействия этим негативным явлениям со стороны мировых государств и международных организаций заметно снижается. Как ни парадоксально, этому немало способствуют банкиры, бухгалтера и юристы мировых финансовых центров, промышленно развитых государств, которым, безусловно, выгодно иметь состоятельных клиентов, невзирая на природу их активов.

Ныне в подавляющем большинстве государств финансовые учреждения не требуют от своих клиентов предоставлять информацию относительно источников вкладов. Ссылаясь на необходимость сохранения банковской тайны и конфиденциальности информации, они не только предлагают удобные для коррупционеров формы обслуживания вкладов, но и способствуют им, оказывая всемерную помощь в размещении незаконно накопленных капиталов.

Усиление противодействия коррупции и организованной преступности на глобальном уровне путем введения соответствующих запретов и возвращения государствам похищенных активов продиктована необходимостью преодоления обусловленного ими масштабного экономического и социального «зла», а также утверждения демократических ценностей, задекларированных мировым сообществом.

Для развитых стран является неприемлемым пассивное отношение к вывозу средств, похищенных в развивающихся государствах. Сегодня они употребляют все возможные меры и процедуры, направленные на возвращение похищенных активов. В условиях, когда транснациональные формы коррупции приобретают глобальный характер, основной задачей мирового сообщества становится разработка и унификация антикоррупционной стратегии на всех уровнях государственного менеджмента: от низового и до уровня первых лиц.

Впервые о коррупции первых лиц государств заговорили после отставки правительства Пакистана под руководством Беназира Бхутто в связи с обвинениями в коррупции и некомпетентности (1990 г.). Это событие знаменовало начало борьбы с коррупцией в высших эшелонах власти во многих странах мира.

В 1992 г. приобрело широкую известность дело премьер-министра Италии Беттино Кракси, в ходе расследования которого был раскрыт целый ряд коррупционных преступлений, более 700 бизнесменов и политических деятелей предстали перед судом. Сам Беттино Кракси был заочно приговорен к тюремному заключению за содействие наполнению банковских счетов партии социалистов за счет взяток от бизнесменов в обмен на государственные контракты. Несколько позже, в 1994 г., дело по факту взяточничества и уклонения от уплаты налогов было возбуждено и в отношении одного из инициаторов расследования – будущего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони. В результате многолетнего расследования последний был приговорен к четырем годам лишения свободы.

В конце 1990-х гг. в Германии разразился коррупционный скандал, в эпицентре которого оказался бывший канцлер ФРГ Гельмут Коль. В 1994 г. почти 1,5 тыс. немецких чиновников разных уровней предстали перед судом за коррупционные деяния. В 1995 г. было официально зарегистрировано почти 2 тыс. случаев взяточничества. В коррупционных схемах оказались замешанными должностные лица ведомств по вопросам проверки беженцев, пунктов регистрации автомобилей и др. Однако эксперты оценили эти данные как «вершину айсберга», т. е. как заниженные и не отражающие реального состояния дел.

Во Франции в 1993 г. были проведены массовые расследования коррупционных действий,

совершаемых бизнесменами и политическими деятелями. В частности, судебное расследование было проведено в отношении бывших французских президентов: Франсуа Миттерана и Жака Ширака. Последнему были предъявлены обвинения в финансовых злоупотреблениях, допущенных в период пребывания на должности мэра Парижа и председателя партии «Объединение в поддержку Республики». В декабре 2011 г. суд Парижа признал Жака Ширака виновным в незаконном присвоении денег и превышении служебных полномочий и приговорил его к двум годам лишения свободы условно.

В 1994 г. Швейцария, славящаяся неподкупностью своих государственных служащих, была потрясена громким скандалом вокруг ревизора ресторанов и баров Цюриха, обвиненного в получении взятки на сумму почти 2 млн долл. США. Вскоре после этого было начато расследование против пяти ревизоров-взяточников – чиновников швейцарского правительства, которые лоббировали интересы отдельных фирм в сфере государственных поставок. Позже в этой стране был возбужден целый ряд других коррупционных дел.

В Японии в 1994 г. по обвинению в финансовых нарушениях был отправлен в отставку премьер-министр Морихиро Хосокава.

В июле 2000 г. досрочно сложил полномочия президент Израиля Эзер Вейцман, обвиненный в коррупции. Позже в коррупции был обвинен и бывший премьер-министр Израиля Эхуд Барак. Одновременно проводилось расследование по фактам нарушений служебной этики относительно нынешнего премьер-министра Израиля Беньямина Натаньяху.

Профессор М. И. Мельник по характеру и масштабам распространения коррупции разделяет все страны на три группы [8]. К первой группе он относит традиционно наименее коррумпированные государства, в частности, Данию, Новую Зеландию, Финляндию, Швецию и др. Распространение и влияние коррупции на общественную жизнь в странах этой группы является незначительным, количество коррупционных проявлений – небольшое, а по своему масштабу это явление не составляет большой угрозы национальной безопасности, экономике и обществу. Ко второй группе, по его мнению, принадлежат страны, в которых уровень коррупции умеренно влияет на политические,

экономические и социальные процессы. К этой группе можно отнести большинство развитых стран, т. е. стран с мощным ресурсным потенциалом, стабильной экономикой, действенной системой демократических институтов, высоким международным авторитетом и влиянием.

Хотя во второй группе стран коррупция распространена больше, а ее проявления имеют системный и опасный характер, обе эти группы объединяет то, что в них существует большая вероятность своевременного обнаружения и пресечения абсолютного большинства коррупционных проявлений. К тому же важно, что во всех этих странах коррупция большинством населения однозначно воспринимается как аномалия, как зло, как недопустимый образ жизни.

Третью группу составляют страны, в которых коррупция имеет масштабный, системный, организованный характер и в значительной мере влияет на политику, экономику и другие сферы общественной жизни. Коррупция из социальной аномалии (патологии) в этих странах постепенно превращается в правило (норму), что обуславливает не только лояльное к ней отношение, но и вовлеченность в коррупционную деятельность широких масс.

В этих странах коррупция является неотъемлемым атрибутом государственно-политической деятельности, публичного администрирования и предпринимательства. К этой группе стран можно отнести практически все страны СНГ. Несмотря на широкое провозглашение антикоррупционных лозунгов, ни одна из этих стран не добилась результатов в деле искоренения коррупции.

Как утверждают британские исследователи Е. Браун и Дж. Клоук, реформы, основанные на постулатах неолитерализма и предусматривающие экономическую либерализацию, оказывают положительное влияние на борьбу с коррупцией. Свою точку зрения они обосновывают тем, что введение конкуренции и свободного рынка приводит к ограничению вмешательства государства в экономику, а это, в свою очередь, влечет за собой уменьшение количества случаев «поиска ренты» чиновниками в контролируемых ими отраслях [9, с. 287–291].

Отчасти это действительно так. В этом можно убедиться на примере централизованной системы плановой экономики советского типа, которая соз-

дала для должностных лиц предпосылки (через механизмы распределения капиталовложений, предоставления субсидий и квот, а также через систему контроля за их использованием) получения неправомерных материальных выгод.

И все же с позицией британских ученых можно согласиться лишь частично. Как показывает практика, ограничение вмешательства государства в регулирование отраслей экономики далеко не всегда означает уменьшение возможностей для коррупционных явлений. Скорее, наоборот: либерализация рынка весьма часто является почвой для процветания коррупции, слияния бизнеса и государственного аппарата. Вопрос в этом случае нужно ставить в плоскости разработки и внедрения конкретной антикоррупционной политики.

Собственно, еще в 90-х гг. XX в. эксперты Всемирного банка обратили на это внимание. В 1997 г. эта международная организация разработала основы международной антикоррупционной политики, зиждущейся на идеях прозрачности государственной деятельности и всеохватывающего общественного контроля. Антикоррупционная политика предусматривает изменение формата отношений государства с различными общественными секторами. Большое значение придается контролю за ходом приватизации, обеспечению честной конкуренции, повышению конкурентоспособности, устранению барьеров для ведения международного бизнеса. В то же время Всемирный банк признает необходимость усиления государственных институтов, проведения реформы избирательной и судебной систем, воспитания гражданской сознательности и нетерпимого отношения к коррупции [10].

В Отчете Всемирного банка был сделан однозначный вывод, что бесконтрольная экономическая либерализация создает благоприятную среду для коррупции. Подобная ситуация наблюдается в современной Украине. В условиях политического кризиса и нестабильности регулятивная функция государства ослабляется, а коррупционные проявления прогрессируют. Политический кризис, сопровождающийся экономическими неурядицами, замедляет темпы экономического развития, что негативно сказывается на социальном обеспечении населения. Объемы финансирования социальных программ и выплат сокращаются вследствие экономического спада, казнокрадства

и коррупционных схем. Как следствие, углубляется социальное расслоение общества, причем количество малообеспеченных граждан начинает увеличиваться за счет представителей среднего класса, основным источником дохода которых являются бюджетные средства. Исходя из этого, антикоррупционная политика вполне справедливо была отнесена к отдельному направлению реформирования государства [10, с. 1–2].

По нашему мнению, степень «ограничения вмешательства государства в экономику» [9, с. 287–291] нужно определять с учетом способности государства быть эффективным и рациональным администратором. Как правило, государство должно быть монополистом в тех сферах экономики и предоставления населению общественных благ, в которых внедрение рыночных отношений и конкурентных механизмов априори невозможно (производство оружия, наркотических препаратов, решение экологических проблем и др.). В других случаях возникают основания для выполнения функций государства негосударственными организациями и частными предприятиями на принципах заключения сделок, делегирования необходимых ресурсов, властных полномочий и ответственности.

Выводы

Изложенное дает основания для следующих выводов:

1. Глобализация способствует распространению коррупции, ведь коррупционные деяния в разных странах имеют различные проявления, предусматривают разную степень ответственности, а случае совершения преступлений за рубежом – она вообще отсутствует. Глобализация также предопределяет разработку сложных механизмов отмыwania денег, направленных на минимизацию возможностей раскрытия коррупционного преступления путем применения процессов размещения, накопления и интеграции средств. Учитывая это, важной целью является формирование в зоне ЕС единой законодательной базы по борьбе с коррупцией и ее отдельными проявлениями.

2. В условиях стремительного развития транснациональных форм коррупции возрастает роль международных организаций, на которые должна

возлагаться задача по разработке единой антикоррупционной стратегии, приемлемой для всех государств, эффективной на всех уровнях государственного менеджмента.

3. основополагающими принципами такой стратегии должны являться:

- партнерство субъектов формирования и реализации мер антикоррупционной политики;
- приоритет мер предупреждения коррупции и нравственных начал борьбы с коррупцией;
- недопустимость установления национальных антикоррупционных стандартов ниже уровня, определенного Стратегией;
- недопустимость возложения на одного и того же субъекта антикоррупционной политики ответственности за ее разработку, реализацию и контроль ее эффективности;
- признание повышенной общественной опасности коррупционных правонарушений высших должностных лиц государства;
- недопустимость ограничения доступа к информации о фактах коррупции, коррупциогенных факторах и мерах реализации антикоррупционной политики.

Список литературы

1. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage Publications Ltd., 1992. 211 p.
2. Соловьев В. Н. Предупреждение и противодействие коррупции в государственном управлении. Киев: Институт законодательства ВРУ, 2012. 508 с.
3. Конкуренциоспособность экономики в условиях глобализации / Я. И. Жалило, Я. Б. Базилюк, Я. В. Блинская и др.; под ред. Я. И. Жалила. Киев: НИСИ, 2005. 388 с.
4. United Nations Convention against Corruption. New York: UN Office, 2004. 65 p.
5. Stolen Asset Recovery (StAR) Initiative: Challenges, Opportunities and Action Plan. Washington: The World Bank and UN Office on drugs and crime, 2007. 47 p.
6. URL: <http://www.itar-tass.com/korruptcionnye-skandaly/547278>
7. URL: <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15458938,00.html>
8. Мельник Н. И. Коррупция: сущность, понятие, средства противодействия. Киев: Атика, 2001. 303 с.
9. Brown E., J. Cloke Neoliberal Reform, Governance and Corruption in the South: Assessing in International Anti-Corruption Crusade // UK: Oxford, Antipode, 2004. No. 36 (2). Pp. 272–294.
10. URL: <http://www.wordbank.org/publicsector/anticorrupt/corruptn/corruptn/corruptn.pdf>

В редакцию материал поступил 13.01.14

© Гуржий Т. А., 2014

Информация об авторе

Гуржий Тарас Александрович, доктор юридических наук, старший научный сотрудник, заведующий кафедрой коммерческого права, Киевский национальный торгово-экономический университет
Адрес: Украина, 02156, м. Київ, вул. Киото, 19, тел.: (044) 513-33-48

Как цитировать статью: Гуржий Т. А. Коррупция как феномен мировой глобализации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 24–31.

T. A. GURZHIY,

Doctor of Law, Senior Researcher

Kiev National University for Trade and Economics, Kiev, Ukraine

CORRUPTION AS A PHENOMENON OF GLOBALIZATION

Objective: determination of the impact of globalization processes on the state of corruption in the modern world and individual countries.

Methods: universal dialectical method of cognition, which allows to study the phenomena and processes of reality in their historical development, the interrelationship and interdependence, and based on it, and the special general scientific methods of research

Results: basing on the assessment of different scientists' opinions in the studied area of activity, the necessity is proved to form a single anti-corruption strategy acceptable to all states, and effective at all levels of state management; the principles of such a strategy are defined.

Scientific novelty: The close relationship is revealed between the globalization processes and the global spread of corruption phenomena. The point of view is substantiated that the liberalization of market relations has both a deterrent and a stimulating effect on the corruption of public management. The need is proved to form national anti-corruption policies based on international standards of anti-corruption activities.

Practical value: the possibility to extrapolate international practices to combat corruption in public administration.

Key words: corruption, globalization, policy, strategy, management.

References

1. Robertson, R. *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: Sage Publications Ltd., 1992. 211 p.
2. Solov'ev, V. N. *Preduprezhdenie i protivodeistvie korrupsii v gosudarstvennom upravlenii* (Corruption prevention and counteraction in state management). Kiev: Institut zakonodatel'stva VRU, 2012. 508 p.
3. Zhalilo, Ya. I., Bazilyuk, Ya. B., Blinskaya, Ya. V. *Konkurentosposobnost' ekonomiki v usloviyakh globalizatsii* (Economy competitiveness under globalization). Kiev: NISI, 2005. 388 p.
4. *United Nations Convention against Corruption*. New York: UN Office, 2004. 65 p.
5. *Stolen Asset Recovery (StAR) Initiative: Challenges, Opportunities and Action Plan*. Washington: The World Bank and UN Office on drugs and crime, 2007. 47 p.
6. <http://www.itar-tass.com/korrupcionnye-skandaly/547278>
7. <http://www.dw-world.de/dw/article/0,,15458938,00.html>
8. Mel'nik, N. I. *Korrupsiya: sushchnost', ponyatie, sredstva protivodeistviya* (Corruption: essence, notion, means of counteraction). Kiev: Atika, 2001. 303 p.
9. Brown, E., Cloke, J. *Neoliberal Reform, Governance and Corruption in the South: Assessing in International Anti-Corruption Crusade*. UK: *Oxford, Antipode*, 2004, no. 36 (2), pp. 272–294.
10. <http://www.worldbank.org/publicsector/anticorrupt/corruptn/corrptn/corrptn.pdf>

Received 13.01.14

Information about the author

Gurzhiy Taras Aleksandrovich, Doctor of Law, Senior Researcher, Head of Commercial Law Chair, Kiev National University for Trade and Economics
Address: 19 Kioto St., 02156 Kiev, Ukraine, tel.: (044) 513-33-48

How to cite the article: Gurzhiy T. A. Corruption as a phenomenon of globalization. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 24–31.

© Gurzhiy T. A., 2014

УДК 343.9:328.185:343.24:343.8

А. А. ИВАНОВ,

доктор юридических наук, доцент

Московский университет МВД РФ, г. Москва, Россия

ТРЕБОВАНИЯ ПРИНЦИПА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОГЕННОСТИ И СУБЪЕКТИВИЗМУ ИНСТИТУТА УСЛОВНО-ДОСРОЧНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ

Цель: обоснование важности последовательного осуществления требований принципа индивидуализации исполнения наказания в практической деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

Методы: основу методологии исследования составляет диалектика, позволяющая рассматривать государственно-правовые явления в своем развитии, динамике, в теснейшем взаимодействии с иными факторами общественного бытия.

Результаты: основным выводом настоящей статьи является положение о том, что последовательное исполнение требований принципа индивидуализации исполнения наказания может противостоять проявлению потенциальных элементов субъективизма и коррупции в деятельности должностных лиц учреждений исполнения наказаний при реализации нормативных предписаний, регламентирующих процесс условно-досрочного освобождения от наказания.

Научная новизна: Обоснование утверждения о том, что только последовательное исполнение требований принципа индивидуализации исполнения наказания в настоящее время может противостоять проявлению потенциальных элементов субъективизма и коррупции в деятельности должностных лиц учреждений исполнения наказаний при реализации нормативных предписаний, регламентирующих процесс условно-досрочного освобождения от наказания.

Практическая значимость: сформулированные в работе положения и выводы могут быть полезными для законодательной, правоприменительной и учебной сфер соответствующей направленности юридической деятельности.

Ключевые слова: исполнение наказания; индивидуализация исполнения наказания; условно-досрочное освобождение; пенитенциарная практика зарубежных стран; поведение осужденного; исправление осужденного; психологические факторы; приспособленчество и конформизм осужденных; коррупциогенность; субъективизм должностных лиц; судебная практика.

Введение

В настоящее время только последовательное исполнение требований принципа индивидуализации исполнения наказания может противостоять проявлению потенциальных элементов субъективизма и коррупции в деятельности должностных лиц учреждений исполнения наказаний при реализации нормативных предписаний, регламентирующих процесс условно-досрочного освобождения от наказания, поэтому актуальность нашего исследования, посвященного обоснованию необходимости тщательного и последовательного осуществления требований принципа индивидуализации исполнения наказания, вполне обоснованна.

Результаты исследования

Процесс исполнения назначенного судом уголовного наказания в виде лишения свободы

может протекать, оставаясь в рамках определенного приговором режима и срока отбывания наказания. Однако принцип индивидуализации исполнения наказания в соответствии со ст. 8 и положениями ч. 3 ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса России (далее – УИК РФ), требующий от соответствующих компетентных государственных органов и должностных лиц постоянного контроля за поведением осужденного и чуткого реагирования на доминирующие тенденции его поведения, может существенно корректировать этот процесс.

Следует отметить, что преследуя цели максимально возможной индивидуализации исполнения наказания, направленной на исправление лиц, совершенно различных по своему житейскому и криминальному опыту, чертам характера и другим качествам, закон предусмотрел два варианта стимулирования их исправления с практически

одинаковым основанием, но с разными положительными последствиями. Это возможность перевода осужденного для дальнейшего отбывания наказания в исправительное учреждение с облегченным режимом содержания и возможность его условно-досрочного освобождения.

При этом наиболее распространенной поощрительной мерой, применяемой в соответствии с принципом индивидуализации исполнения уголовного наказания, является условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ, п. «в» ст. 172, ч. 2 ст. 57 УИК, ч. 4 ст. 397, п. 5 ч. 1 ст. 399 УПК РФ). Причем такая практика характерна не только для отечественной уголовно-исполнительной политики. Условно-досрочное освобождение широко применяется и в рамках пенитенциарной практики многих зарубежных стран [1; 2; 3].

Вместе с тем, несмотря на огромный гуманистический и воспитательный заряд, действующий в настоящее время в Российской Федерации механизм реализации института условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, по мнению высшего руководства уголовно-исполнительной системы, «коррупционно опасен» [4]. При этом необходимо отметить, что коррупционность данного института в значительной степени обуславливается широким субъективизмом при его практической реализации. На это прямо было указано министром юстиции Российской Федерации А. В. Коноваловым, отметившим в нем недостатки не только с позиции деятельности «руководства исправительных учреждений», работа которых в соответствии с законом предусматривает «довольно высокий процент усмотрения» с их стороны, но и с точки зрения участия суда в реализации условно-досрочного освобождения, процедурные решения которого также «не лишены данных проблем» [5].

По нашему мнению, отмеченные несовершенства современной системы условно-досрочного освобождения можно если не устранить, то хотя бы относительно нейтрализовать посредством тщательной и последовательной индивидуализации процесса исполнения наказания, в арсенале которой имеются все необходимые правовые и организационные средства.

Так, индивидуализируя объем правоограничений субъекта в зависимости от его поведения

во время отбывания наказания, компетентные органы (администрация исправительного учреждения, уголовно-исполнительная инспекция, суд) могут прийти к выводу о нецелесообразности дальнейшей реализации ранее определенной меры государственного принуждения. Условиями этого вывода являются отсутствие формальных ограничений и наличие положительных тенденций в поведении осужденного [6, с. 14–15]. При этом последнее условие складывается из ряда факторов, таких как данные, характеризующие личность осужденного, а также его поведение, отношение к учебе и труду во время отбывания наказания, отношение осужденного к совершенному деянию. Наиболее значимыми в их числе являются соблюдение правил режима, показатели состояния дисциплины, участие в общественной жизни, отношение к окружающим и др. Так, примерное поведение осужденного и его честное отношение к труду и обучению служат показателем исправления, вследствие чего суд может вынести решение об условно-досрочном освобождении от наказания или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания и др.

Исследования судебной практики показывают, что при этом чаще всего учитываются такие факторы, как отсутствие нарушений правил режима (58,7 %), активная общественная работа (68,7 %), обращение с окружающими лицами (16,4 %) [7, с. 33]. Сотрудники исправительных учреждений, кроме того, отмечают: отношение к труду (30,7 %), отсутствие взысканий (16,3 %), соблюдение режима (12,4 %), участие в жизни отряда, исправительной колонии (10,5 %), степень признания вины (9,8 %), погашение иска (8,5 %), отношения с родными и детьми (4,5 %), наличие поощрений (2 %), отношение к учебе, соблюдение общепринятых норм поведения и наличие социальных связей (1,3 %), участие осужденных в работе самодеятельных организаций и их отношения с потерпевшим (0,7 %) [8, с. 58].

В настоящее время условно-досрочное освобождение применяется в отношении почти половины всех осужденных. При этом в судах отсутствует единообразное понимание такого критерия индивидуализации исполнения наказания, как «не нуждающийся в полном отбытии назначенного наказания» (ч. 1 ст. 79 УК). Поэтому мнение о том, что данный осужденный является «положительно

характеризующимся» (ст. 175 УИК РФ), принимается исключительно на основе сведений об отбытии осужденным формально необходимого срока наказания и отсутствии у него взысканий за нарушение режима, нередко даже при непогашении осужденным гражданского иска потерпевшего. Такую практику, конечно, нельзя признать правильной, но она осуществляется повсеместно и вполне согласуется и с интересами администрации исправительных учреждений, стремящейся к их разгрузке, прежде всего, от определенных субъектов, на которых готовятся соответствующие характеристики. Зачастую суды, являясь одним из центральных элементов механизма реализации уголовной политики государства, связанных с ее гуманизирующими аспектами и, прежде всего, ее экономической подоплекой, не обращают внимания на прилагаемые к поданным ходатайствам на условно-досрочное освобождение негативные характеристики кандидатов.

Имеющиеся законодательные предпосылки существенного облегчения тягот и лишений во время отбывания наказания либо освобождение от него имеют ярко выраженный стимулирующий потенциал. И реализация их оправдана лишь в условиях реальности, истинности позитивных изменений личности осужденного. Поэтому принцип индивидуализации исполнения наказания требует всестороннего исследования и оценки необходимых обстоятельств и факторов для выработки уверенности в правильности данного шага по отношению к конкретному осужденному. Важность этого обуславливается также задачей прогнозирования дальнейшего поведения субъекта в постпенитенциарный период и особенно после прекращения правоотношений уголовной ответственности.

Досрочное прекращение срока отбывания наказания, замена неотбытой части наказания более мягким наказанием, снятие наиболее существенных правоограничений в отношении осужденного является не механической обязанностью компетентных органов. Существенное изменение индивидуально-правового статуса субъекта, достигаемое в результате применения рассматриваемых сверхпоощрительных норм, является актом доверия лицу, ранее пренебрегшему требованиями общеобязательных правил поведения, в результате воздействия комплекса

карательно-воспитательных мер изменившего свои антисоциальные установки, вступившего на путь исправления. Индивид должен доказать, что оказанное ему доверие обоснованно. Не случайно даже при принятии решения о досрочном освобождении от отбывания наказания в связи с заболеванием осужденного (ст. 81 УК РФ, п. «е» ст. 172, ч. 6, 8 ст. 175 УИК РФ) суд, кроме подтвержденного освидетельствованием диагноза¹, учитывает выраженность заболевания, тяжесть совершенного преступления, личность осужденного, а также степень его исправления, физические возможности лица совершить новое преступление, продолжительность отбытого и неотбытого сроков наказания, поведение в колонии и др. На основании создавшегося представления суд может принять решение и об отказе в освобождении отрицательно характеризующегося осужденного [9].

Принцип индивидуализации юридической ответственности при ложных посылах теряет свой смысл. Поэтому истинность оснований индивидуализации является фундаментальным требованием принципа индивидуализации юридической ответственности на стадии исполнения наказания. Но при существующих условиях исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы стремление к имеющемуся институту условно-досрочного освобождения порождает приспособленчество и конформизм осужденного, а не стимулирование позитивных свойств его личности, его исправления.

В процессе исполнения уголовного наказания объективно невозможно создать условия, «подходящие» для проявления осужденными себя в полной мере, процессы индивидуализации объективно ограничены заданными типовыми средствами и приемами и имеют четко ощутимые пределы. «Для осужденных создаются строго заданные условия жизнедеятельности, в которых, с одной стороны, в значительной мере для них ограничена возможность проявить все черты индивидуальности, а с другой – от них требуется

¹ О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью: постановление Правительства РФ № 54 от 6 февраля 2004 г. // СЗ РФ. 2004. № 7. Ст. 524.

выполнение определенных и конкретных форм поведения, которые нередко не совпадают с их личностными интересами... Поведение далеко не всегда отражает глубинные и истинные мотивы и интересы осужденных... оно носит во многом ситуативный и приспособленческий характер» [10, с. 23].

Действительно, как показывает практика, значительная часть осужденных использует закрепленные в законодательстве возможности для уменьшения и снятия правоограничений в качестве своеобразных лазеек не только для частичного облегчения своего положения, но и досрочного освобождения. Как правило, в течение первой трети (двух третей) срока отбывания наказания осужденный допускает различные нарушения, а затем вдруг начинает проявлять демонстративную лояльность к требованиям режима и дисциплины. Данный способ отработан многими поколениями осужденных, однако, будучи досконально известен администрации, осужденными не бесосновательно считается беспроблемным и используется ими повсеместно. Эта порочная практика фактического попустительства осужденным явно не соответствует природе принципа индивидуализации исполнения наказания, извращает требование неотвратимости юридической ответственности, в результате чего ведет к дискредитации института юридической ответственности, провоцирующе влияет на потенциальных преступников и негативно сказывается на правосознании населения. Не случайно такое положение дел не раз становилось предметом рассмотрения высших судебных инстанций, которые требовали, чтобы «вывод суда об исправлении осужденного должен быть основан на всестороннем учете данных о его поведении за *весь период* (курсив наш. – А.И.) нахождения в исправительно-трудовом учреждении, а не за время, непосредственно предшествующее рассмотрению представления»².

² Пункт 3 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 19 октября 1971 г. «О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1971. № 6; 1976. № 4; 1977. № 6; 1984. № 4; 1985. № 4.

Как уже отмечалось, практически единственным критерием исправления осужденного закон устанавливает его поведение. Между тем, на наш взгляд, именно этот фактор и является «слабым звеном» прогрессивной системы, так как при отдаче приоритета внешним признакам исправления правонарушителя совершенно не учитываются внутренние, глубинные причины и условия его правомерного поведения. Не учитывается и такое обстоятельство, как оценка осужденным обстоятельств, приведших его к преступлению, самого преступления и назначенного за него наказания.

«Добросовестное выполнение осужденным возложенных на него обязанностей, исполнение предоставленных прав и соблюдение соответствующих запретов, т. е. действие в соответствии с диспозициями норм уголовно-исполнительного права свидетельствуют о его правомерном (законпослушном) поведении (и, соответственно, наоборот – А.И.)» [11, с. 8]. Так с формальной точки зрения выглядит проблема исправления осужденного. Особенности его поведения являются практически единственным критерием исправления. Именно на поведение осужденного обращено все внимание. Вместе с тем совершенно не учитываются его внутренние, глубинные причины и условия правомерного поведения. Не учитывается и такой фактор, как оценка осужденным обстоятельств, приведших его к преступлению, самого преступления и назначенного за него наказания. Авторы специального исследования в связи с этим отмечают: «Знание мотивов позволяет определять пути и направления предупредительных и исправительных воздействий. Это особенно важно в связи с тем, что если в процессе индивидуальной работы не затронуть и не нейтрализовать субъективные причины, которые привели или могут привести конкретного человека к совершению преступления, вероятность таких действий, в том числе рецидива, остается высокой. При этом для исправительных учреждений изучение мотивации преступных действий имеет основополагающее значение в плане их индивидуальной профилактики» [12, с. 330].

Среди должностных лиц исправительных учреждений, суда, прокуратуры и других компетентных органов широко распространено мнение о неисправимости осужденных. Оно порождает предвзятость в отношении конкретных осуж-

денных, неверие в искренность их позитивных побуждений. Игнорирование положительных моментов поведения осужденных и их психологических установок ведет к непоследовательной реализации принципа индивидуализации исполнения наказания, извращает его сущность, но вместе с тем существенно упрощает работу администрации исправительного учреждения.

Компетентным должностным лицам следует иметь в виду, что отрицательное поведение осужденных на первых этапах исполнения наказания и их последующая лояльность к требованиям порядка и режима исправительного учреждения не всегда вызываются и объясняются сознательной «двуличностью» субъектов или их корыстью. Для подавляющего большинства осужденных рассматриваемая особенность поведения не является глубоко осмысленным и последовательно осуществляемым поведением в исправительном учреждении.

Необходимо учитывать, что в условиях мест лишения свободы действуют сильные факторы психологического и социально-психологического порядка, которые способствуют поддержанию и усилению негативных направленностей личности, проявляющихся в поведении осужденного. Подобное поведение можно объяснить действием фактора психологической защиты в виде рационализации, т. е. «подыскивания разумных доводов для оправдания собственного поведения». Может быть, это действие асоциальной субкультуры (среды осужденных), которая, «культивируя и усиливая противостояние индивида и общества, препятствует осознанию вины за совершенное преступление, вообще снимает для осужденного проблему морального оправдания, нейтрализует влияние на него средств исправительного воздействия» [12, с. 345–346].

Криминальная субкультура вынуждает одних скептически относиться к средствам исправления, других – открыто противодействовать усилиям персонала исправительного учреждения, третьих – оставаться в стороне от проводимых воспитательных мероприятий. В литературе справедливо отмечается, что преодолеть влияние асоциальной субкультуры в местах лишения свободы практически невозможно, но «оградить осужденного от наиболее уродливых ее проявлений необходимо... прежде всего, с той целью,

чтобы освободить его душевные силы от изнуряющей борьбы с преступным сообществом за свое элементарное самосохранение, чтобы направлять эти силы в русло духовного самовозрождения, покаяния и самоопределения» [12, с. 355].

Нередки случаи, когда конкретный осужденный в складывающейся обстановке в местах лишения свободы просто не может продемонстрировать свои позитивные установки, свое умение и желание включиться в общую «общепользную деятельность». В связи с этим следует согласиться с мнением А. В. Усса, который отмечает целесообразность обращения внимания на имеющийся зарубежный опыт так называемого обязательного условно-досрочного освобождения [13, с. 32–33; 16]. В этом случае отказ от реализации права осужденного на условно-досрочное освобождение потребует предоставления от администрации обязательности предоставления конкретных доказательств отрицательного поведения лица. На наш взгляд, эта реальная возможность условно-досрочного освобождения будет мобилизовывать и дисциплинировать осужденного, так как он станет в положение не «просителя милости» от администрации учреждения, а лица, «имеющего право».

Выводы

Любой подсудимый, каков бы ни был его криминальный опыт, ожидает приговора суда со смешанным чувством страха и надежды. Но содержание приговора воспринимается по-разному, в зависимости от личностных особенностей каждого – с облегчением либо с отчаянием. И если у рецидивных преступников психологическая и социальная адаптация к назначенному сроку и условиям лишения свободы проходит достаточно быстро и легко, то лица, впервые осужденные или имеющие менее устойчивые асоциальные установки, чаще всего пребывают в состоянии непрерывного стресса. Во время нахождения в местах лишения свободы осужденные нередко теряют социальные связи, утрачивают профессиональные навыки, а неквалифицированный труд, по сути принудительный и не дающий возможность проявить творчество, обладает мизерным стимулирующим потенциалом. Такие условия могут порой приводить к конфликтности в отношениях с другими осужденными и должностными лицами

администрации, недоверию официальным лицам и даже к активному сопротивлению правилам и требованиям дисциплины.

Игнорирование психологических факторов, обуславливающих первоначальный нигилизм отдельных осужденных, чисто формальный подход к исследованию и учету этих особенностей является нарушением требований принципа индивидуализации исполнения наказания и зачастую приводит к неразборчивому и достаточно необоснованному применению мер порицания. В результате этого вместо стимулирования социально одобряемых свойств сознания осужденного и его исправления происходит фактическое подталкивание субъекта в сферу криминальной среды.

Таким образом, только последовательное осуществление требований принципа индивидуализации исполнения наказания может противостоять проявлению потенциальных элементов субъективизма и коррупциогенности в деятельности должностных лиц учреждений уголовно-исполнительной системы при реализации нормативных предписаний, регламентирующих процесс условно-досрочного освобождения от наказания.

Список литературы

1. URL: <http://www.pbc-clcc.gc.ca/parole/parole-eng.shtml>
2. URL: <http://www.riza.tripod.com/id1.html>
3. URL: <http://jurisonline.in/?p=458>
4. URL: http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=11802
5. URL: <http://top.rbc.ru/society/28/02/2011/551425.shtml>
6. Кашуба Ю. А., Скиба А. П. Институт условно-досрочного освобождения: новый взгляд // Человек: преступление и наказание. 2010. № 1(72). С. 14–17.
7. Иногамова Л. В. Условно-досрочное освобождение от наказания. Тюмень, 1992. 73 с.
8. Янчук И. А. Критерии оценки степени исправления осужденных: какими им быть? // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. 2008. № 4. С. 5–58.
9. Комментарий к ст. 172. «Основания освобождения от отбывания наказания» // Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий / под общей ред. А. С. Михлина и В. И. Селиверстова. М., 2004. 233 с.
10. Зверева О. Н. Реализация принципа индивидуализации наказания при исполнении лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 233 с.
11. Севрюгин А. С. Критерии и показатели исправления и перевоспитания осужденных. Рязань, 1989. 81 с.
12. Антонян Ю. М., Эминов В. Е., Еникеев М. И. Психология преступления и наказания. М., 2001. 454 с.
13. Усс А. Допустимо ли исправлять осужденных // Преступление и наказание. 1994. № 1(2). С. 29–33.

В редакцию материал поступил 13.01.14

© Иванов А. А., 2014

Информация об авторе

Иванов Алексей Алексеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры истории государства и права, Московский университет МВД России

Адрес: 117437, г. Москва, ул. Академика Волгина, 12, тел.: (495) 623-59-04

E-mail: a-13455aa@yandex.ru

Как цитировать статью: Иванов А. А. Требования принципа индивидуализации исполнения наказания как важный фактор противодействия коррупциогенности и субъективизму института условно-досрочного освобождения от наказания // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 32–38.

A. A. IVANOV,

Doctor of Law, Associate Professor

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

**REQUIREMENTS OF THE PRINCIPLE OF PUNISHMENT EXECUTION INDIVIDUALIZATION
AS AN IMPORTANT FACTOR OF COUNTERACTION TO CORRUPTION AND SUBJECTIVITY
OF PAROLE INSTITUTION**

Objective: to prove the importance of the consistent implementation of the requirements of the principle of punishment individualization in the practice of penitentiary system of the Russian Federation.

Methods: The methodology of research is based on dialectic which allows to consider state-legal phenomena in its development and dynamics, in close interaction with other factors of social life.

Results: the main conclusion of this article is the proposition that the consistent fulfillment of the requirements of the punishment individualization principle can bar the manifestation of potential elements of subjectivity and corruption in the activities of the penitentiary institutions officials in the implementation of the legislative framework regulating the parole process.

Scientific novelty: Justification of the statement that only the consistent fulfillment of the requirements of the punishment individualization principle can currently bar the manifestation of potential elements of subjectivity and corruption in the activities of the penitentiary institutions officials in the implementation of the legislative framework regulating the parole process.

Practical value: conclusions and findings formulated in the work may be useful in legislative, law-enforcement and educational spheres of legal activity

Key words: punishment execution; individualization of punishment execution; parole; penitentiary practice of foreign countries; behavior off the convicted; reformation of the convicted; psychological factors; timeserving and conformity of the convicted; corruption; subjectivity of the officials; court practice.

References

1. <http://www.pbc-clcc.gc.ca/parole/parole-eng.shtml>
2. <http://www.riza.tripod.com/id1.html>
3. <http://jurisonline.in/?p=458>
4. http://www.fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=11802
5. <http://top.rbc.ru/society/28/02/2011/551425.shtml>
6. Kashuba, Yu. A., Skiba, A. P. Institut uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya: novyi vzglyad (Parole institution: a new view). *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, 2010, no. 1(72), pp. 14–17.
7. Inogamova, L. V. *Uslovno-dosrochnoe osvobozhdenie ot nakazaniya (Parole)*. Tyumen, 1992. 73 p.
8. Yanchuk, I.A. Kriterii otsenki stepeni ispravleniya osuzhdennykh: kakimi im byt'? (Criteria for evaluating the degree of the convicted reformation: what should they be?) *Vestnik Vologodskogo instituta prava i ekonomiki FSIN Rossii*, 2008, no. 4, pp. 5–58.
9. Mikhlina, A. S. i Seliverstova, V. I. Kommentarii k st. 172. "Osnovaniya osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya" (Comment to Art.172. "Grounds for release from punishment"). *Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii: postateinyi nauchno-prakticheskii kommentarii*. Moscow, 2004. 233 p.
10. Zvereva, O.N. *Realizatsiya printsipa individualizatsii nakazaniya pri ispolnenii lisheniya svobody: dis. ... kand. yurid. nauk* (Implementation of the punishment individualization principle during custody: abstract of a PhD (Law) thesis). Ryazan, 2005. 233 p.
11. Sevryugin, A.S. *Kriterii i pokazateli ispravleniya i perevospitaniya osuzhdennykh* (Criteria and indicators of reforming of convicts). Ryazan, 1989. 81 p.
12. Antonyan, Yu. M., Eminov, V. E., Enikeev, M. I. *Psikhologiya prestupleniya i nakazaniya* (Psychology of crime and punishment). Moscow, 2001. 454 p.
13. Uss, A. Dopustimo li ispravlyat' osuzhdennykh (Is it acceptable to reform the convicts?). *Prestuplenie i nakazanie*, 1994, no. 1(2), pp. 29–33.

Received 13.01.14

Information about the author

Ivanov Aleksey Alekseyevich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of History of State and Law, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Address: 12 Academician Volgin St., 117437 Moscow, tel.: (495) 623-59-04

E-mail: a-13455aa@yandex.ru

How to cite the article: Ivanov A. A. Requirements of the principle of punishment execution individualization as an important factor of counteraction to corruption and subjectivity of parole institution. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 32–38.

© Ivanov A. A., 2014

УДК 343.9:328.185:342.8

Ю. Н. КЛИМОВА,

кандидат юридических наук, доцент

*Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
г. Владимир, Россия*

КОРРУПЦИОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ И АЛГОРИТМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Цель: разработка и описание алгоритма стратегического управленческого воздействия на криминологическую ситуацию избирательного округа и разработка качественных и количественных показателей эффективности управленческой деятельности субъектов антикоррупционного направления антикриминальной электоральной политики.

Методы: операциональный и структурный, правового моделирования, социологический и уголовно-статистический.

Результаты: дано понятие коррупциогенного фактора и электоральной коррупции; на основе анализа отечественных и зарубежных исследований, а также авторских эмпирических криминологических исследований выделены коррупциогенные факторы в сфере избирательных правоотношений. На основе оценки криминологических концепций политической криминологии, криминологии массовых коммуникаций, антикриминальной безопасности разработан алгоритм управленческого воздействия на коррупциогенные факторы криминологической ситуации избирательного округа. Предложены концептуальный, технологический, ресурсный, временной, кадровый, организационный элементы, а также качественные и количественные показатели эффективности управленческой деятельности субъектов антикоррупционного направления антикриминальной электоральной политики.

Научная новизна: уточнено содержание понятия «коррупциогенные факторы». Выделены специфические черты электоральной коррупции, дано ее понятие. Предложен алгоритм стратегического управленческого воздействия на коррупциогенные факторы криминологической ситуации избирательного округа. Сформулированы качественные и количественные критерии оценки эффективности субъекта антикоррупционного направления антикриминальной электоральной политики.

Практическая значимость: в возможности применения алгоритма стратегического управленческого воздействия при разработке соответствующих программ противодействия электоральной коррупции, позволяющего субъекту управленческой деятельности определиться со стратегическими целями и тактическими задачами в зависимости от показателей криминологической ситуации конкретного избирательного округа, а также предпринять корректирующие действия на основе оценки качественных и количественных показателей эффективности своей деятельности.

Ключевые слова: коррупциогенные факторы; электоральная коррупция; алгоритм стратегического управленческого воздействия на коррупциогенные факторы; криминологическая ситуация избирательного округа; антикоррупционное направление антикриминальной электоральной политики; оценка эффективности управленческой деятельности субъектов антикриминальной электоральной политики.

Введение

Борьбе с феноменом политической коррупции в последнее время стало уделяться большое внимание не только со стороны отдельных стран, в том числе, России, но и со стороны мирового сообщества. Политическая коррупция, представляя серьезную угрозу безопасности политической сферы жизнедеятельности общества, приводит к снижению легитимности власти, недоверию к ней граждан.

Ученые отмечают, что сдерживать коррупциогенные факторы и максимизировать эффектив-

ность мероприятий антикоррупционной политики могут ключевые элементы демократии – профессиональные журналистские расследования, защита гражданских свобод, независимая судебная власть [1, с. 179; 2]. В зарубежной литературе отмечаются, с одной стороны, положительные статистические взаимосвязи между демократическими институтами и более низким уровнем коррупции, что подтверждает широкие возможности демократических реформ в управленческом воздействии на коррупцию [3; 4, с. 379; 5; 6, с. 195]. С другой стороны, полученные данные

идут вразрез с многочисленными наблюдениями всплесков коррупции, вызванных политической либерализацией в бывших союзных республиках, Юго-Восточной Азии, Латинской Америке [7; 1, с. 179; 2].

В связи с этим актуальными являются проблемы политической коррупции и, особенно, той ее составляющей, которая связана с формированием представительных органов власти. Анализ факторов, порождающих коррупционную мотивацию и поведение участников избирательного процесса, а также разработка стратегических направлений противодействия им, является важным элементом антикриминальной электоральной политики.

В целях разработки и описания основных компонентов алгоритма стратегического управленческого воздействия на криминологическую ситуацию избирательного округа, а также разработки качественных и количественных показателей эффективности управленческой деятельности субъектов антикоррупционного направления антикриминальной электоральной политики, нами применялись общенаучные и специально-научные методы исследования, в особенности операциональный и структурный методологические подходы научного познания, правовое моделирование, социологические и уголовно-статистические методы, иные логические приемы и специальные способы исследования социальных (правовых) явлений. Теоретической основой исследования являются концепции политической криминологии [9], криминологии массовых коммуникаций [10], антикриминальной безопасности личности [11].

Результаты исследования

Прежде чем перейти к анализу алгоритма и критериев оценки эффективности деятельности субъекта антикриминальной электоральной политики, определимся с основными понятиями, применяемыми в настоящей статье.

Анализ специальной литературы и нормативно-правовых источников свидетельствует о том, что термин «коррупционные факторы» применяется в действующем российском законодательстве в ограничительном толковании. Федеральный закон № 172-ФЗ от 17.07.2009 «Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов» в п. 2

ст. 1 закрепляет определение «коррупциогенные факторы»¹.

Именно в смысле данной статьи отечественными криминологами анализируются коррупциогенные факторы различных отраслей отечественного законодательства, к примеру, в сфере миграции [12], транспортного законодательства [13], законодательства об опеке и попечительстве [14], землепользовании и недропользовании [15], избирательного законодательства [16] и т. д.

Профессор А. В. Нестеров, проведя исследования в рамках научного гранта Высшей школы экономики, пришел к следующему выводу: «проверяющее лицо с помощью формально-логических требований может только выявить явно выраженные коррупциогенные свойства нормы (положения) нормативно-правового акта или проекта нормативно-правового акта». Профессор использует уточненные термины «коррупциогенные свойства *нормы* нормативно-правового акта», «коррупциогенный эффект *нормы*», «коррупциогенный фактор *нормы*» (выделено автором – Ю. К.), ссылаясь на факторный и ситуационный анализ [17].

Профессор Г. Н. Горшенков и профессор Г. Г. Горшенков с позиций факторного подхода определяют коррупциогенный фактор как «рождающий коррупцию, ее движущую силу». Проводя криминологический анализ содержания понятия «коррупциогенная должность», вышеупомянутые ученые применяют термин «факторы коррупционных рисков» [18, с. 247].

Термин «коррупционный риск» употребляется в научной доктрине и правоприменительной практике чаще, чем дефиниция «коррупциогенный фактор» [19; 20, с. 36; 21, с. 212; 22, с. 4; 23, с. 75]. Определение коррупционного риска дается в Методических рекомендациях по выявлению зон потенциально повышенного коррупционного риска в системе государственного и муниципального управления для разработки антикоррупционных мер целевых программ по противодействию коррупции в исполнительных органах государственной власти и органах местного самоуправления

¹ Об антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов и проектов нормативно-правовых актов: Федеральный закон №172-ФЗ от 17.07.2009 // Собрание законодательства РФ. 20.07.2009. № 29. Ст. 3609.

муниципальных образований Ульяновской области на 2011–2012 гг. [24].

Некоторые авторы дают определение коррупционного риска, в том числе, применяя термин «фактор». В частности, О. В. Казаченкова предлагает понимать под коррупционными рисками обстоятельства, факторы и явления, возникающие в процессе функционирования органов государственной власти, осуществления служебной деятельности государственных служащих, создающие ситуацию возможного совершения коррупционного правонарушения [20, с. 41].

Ряд авторов, употребляя дефиницию «зоны коррупционного риска», используют его как синоним словосочетания «коррупциогенные факторы» [25, с. 20; 26]. Так, Т. Я. Хабриева, характеризуя зоны коррупционного риска, указывает «...области регулирования, в которых в наибольшей степени проявляются соответствующие коррупциогенные факторы (так называемые «зоны коррупционного риска»): ... регламентация полномочий надзорных органов; установление требований к профессиональной пригодности и добросовестности руководителей, отбору персонала и его профессиональной подготовке; взаимодействие государственного и частного сектора...» [21, с. 213].

В настоящей статье коррупциогенными факторами в широком смысле мы понимаем факторы, их совокупность или совокупность определенных ситуаций, способных вызывать коррупционную мотивацию и поведение, создать условия для проявления коррупции. Под фактором мы пони-

маем существенные обстоятельства, являющиеся источником воздействия на систему, процесс, явление и отражающиеся на значении переменных модели такой системы [27].

Иными словами, коррупциогенные факторы избирательного процесса можно определить как существенные обстоятельства, способствующие возникновению или стимулированию коррупционной мотивации и поведения субъектов избирательной кампании.

Как показывают проведенные нами криминологические исследования, к наиболее распространенным коррупциогенным факторам криминологической ситуации избирательного округа можно отнести следующие:

- преимущества должностного положения и недостатки правового механизма привлечения к ответственности за применение административного ресурса;

- отсутствие эффективного и полного контроля за расходованием средств на проведение избирательной кампании помимо избирательного фонда и за использованием преимуществ должностного положения лиц, избираемых повторно;

- низкий уровень благосостояния избирателей и вознаграждения за работу членам избирательных комиссий, провоцирующий их подкуп;

- правовой нигилизм, абсентеизм избирателей, низкий уровень правовой электоральной культуры; доверия к институту выборов и действующей власти и др. (на рис. 1 приведены выборочные данные, полученные на основании проведенного

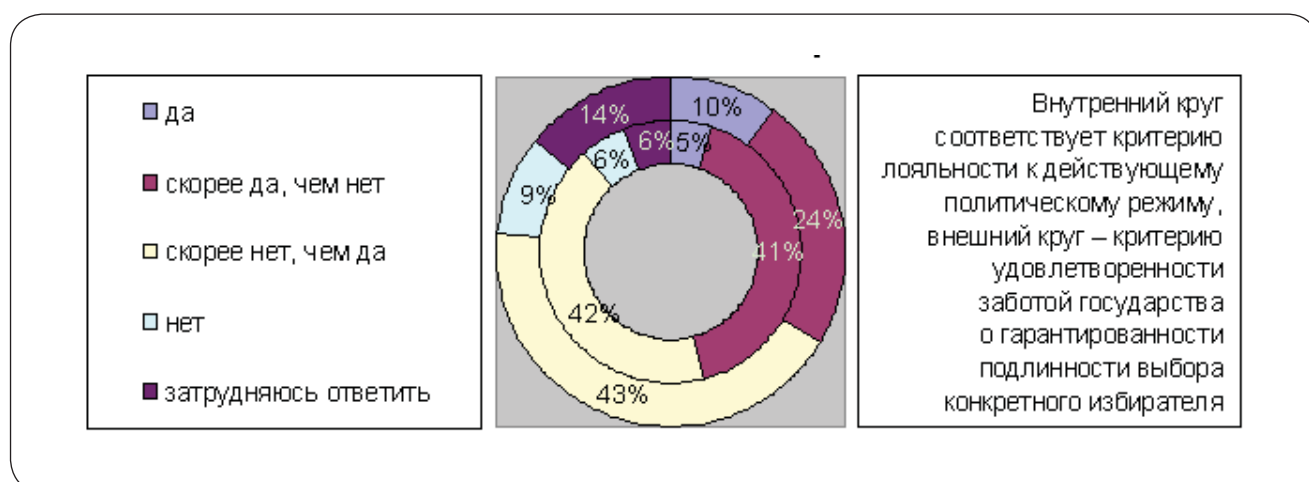

Рис. 1. Соотношение лояльности к власти и удовлетворенности заботой государства о «чистоте» выборов

авторского криминологического исследования морально-психологического состояния избирателей по 17-ти показателям устойчивости и 15-ти показателям управляемости (опрошено около 350 респондентов различных социальных групп на территории округа Муром в 2008, 2012 гг.).

Указанные факторы и порождают коррупцию в избирательном процессе. В отечественной научной литературе, как правило, применяется термин «электоральная коррупция», что, видимо, обусловлено транскрипцией термина «*electoral corruption*».

При формулировке соответствующего определения не будем вдаваться в споры по поводу этимологии терминов «электорат», «электоральная преступность», «электоральная коррупция». Согласимся, что более точным является применение термина «коррупция в избирательном процессе». Однако последний термин и дефиницию «электоральная коррупция» будем считать синонимичными.

Содержание указанного определения включает в себя следующие специфические элементы: а) особая сфера существования в обществе – избирательный процесс; б) специфический субъектный состав – участники избирательного процесса; в) особенность деяний субъектов коррупции – заключается в использовании особенностей правового статуса участника выборов; г) специфика цели субъектов коррупции – преобладающим мотивом действий коррупционеров является политический мотив – борьба за власть.

Формами такого неправомерного использования могут выступать:

– злоупотребление властью (например, со стороны действующих депутатов органа местного самоуправления, баллотирующегося на второй срок);

– превышение власти (скажем, при реализации избирательных процедур, решении вопросов проведения митингов, шествий, иных форм предвыборной агитации);

– должностные подлоги (членами избирательной комиссии);

– хищения (например, средств избирательного фонда);

– неправомерное использование, а фактически злоупотребление конституционными избирательными правами, которые выступают подчас пред-

метом торга. Сюда можно отнести незаконное вознаграждение избирателя за использование его права проголосовать при применении такой технологии, как «карусель» или торг с серьезным политическим соперником за снятие его кандидатуры с избирательной гонки и за призыв его электората голосовать за другого кандидата.

Для сравнения: зарубежные ученые включают в содержание термина «электоральная (избирательная) коррупция» следующие деяния: избирательная халатность, избирательный проступок, избирательные должностные преступления, фальсификация выборов, избирательные манипуляции [28, с. 2].

Электоральная коррупция как негативное социально-политическое явление является объектом управленческого воздействия со стороны субъектов антикоррупционного направления антикриминальной электоральной политики. Антикриминальную электоральную политику можно определить как направление государственной политики борьбы с преступностью, ориентированное на разработку и реализацию стратегической линии, тактических целей, принципов и средств, или возможностей специализированных институтов государственного управления в обеспечении защищенности участников выборов, общества и государства от криминальных угроз в реальной криминологической ситуации избирательного округа.

В антикоррупционном направлении указанной политики видится два блока наиболее важных вопросов, от решения которых зависит ее результативность. Это выработка системы превентивных мер, воздействующих: на порядок финансирования политических партий в межвыборный период; на закономерности финансирования выборов, сбора средств в избирательный фонд (т. е. на фондрайзинг), а также на порядок расходования таких средств [29].

Анализ зарубежных исследований показывает, что проблемы именно политического финансирования находятся в центре дискуссии по вопросам политической коррупции, частью которой является электоральная коррупция. Как отмечает Марчин Уолески, коррупция в сфере политического финансирования предполагает поведение со стороны кандидата или партии, в которых они неправильно или незаконно проводят финансовые

операции для усиления как политической партии, группы интересов, так и отдельного кандидата. К основным видам политического финансирования, связанных с политической коррупцией, упомянутый ученый относит [30]:

- незаконные расходы, в том числе подкуп избирателей и членов избирательных комиссий;

- получение денежных средств от представителей организованной преступности, террористических групп или иностранных правительств, а также создание указанными субъектами собственных политических партий;

- незаконное финансирование встреч, приобретение наград, титулов, прием на работу, покупка места в парламенте, в национальном списке одной из противоборствующих сторон политического процесса; использование «административного ресурса», в том числе государственных ресурсов: денег и доступных объектов инфраструктуры, используемых в целях предвыборной агитации;

- незаконные финансовые потоки из государственных источников в подконтрольные организации; личное обогащение кандидатов и политиков помимо официальных источников доходов (в том числе, за счет процентов на незаконно используемые денежные средства и взяток) и использование накопленных таким образом средств в следующих выборах;

- принуждение государственных служащих к оплате взносов политической партии или кандидату либо принуждение вступить в партию и в последующем вымогательство денег из их личных средств на нужды партии; деятельность помимо официальных источников политического финансирования (политическая партия или кандидат могут принимать пожертвования из запрещенных источников или тратить больше, чем это разрешено);

- «политические взносы» (пожертвования) политической партии и кандидату для получения различных возможностей (возможность получения лицензий и государственных контрактов; возможность лоббирования правительственной политики или законодательства в интересах определенной группы);

- принуждение частных лиц к оплате взносов политической партии или кандидату (вымогательство у предпринимателей части прибыли путем

шантажа, диверсионных налогов и деятельности таможенных инспекций);

- ограничение доступа к финансированию оппозиционных партий (в том числе путем политических репрессий).

Перечисленные виды политического финансирования, связанные с коррупцией в политической сфере жизнедеятельности общества, характерны и для российской действительности.

Необходимым элементом инструментария субъекта антикоррупционного направления антикриминальной электоральной политики при разработке региональной программы противодействия проявлениям коррупции в условиях выборов должен стать алгоритм стратегического управленческого воздействия на криминогенные факторы криминологической ситуации избирательного округа (далее – алгоритм (рис. 2)). На разработку данного алгоритма применительно к условиям избирательного процесса автора подвигла концепция антикриминальной безопасности Г. Г. Горшенкова [31].

Субъект управленческого воздействия при разработке программ предупредительного воздействия на коррупциогенные факторы криминологической ситуации избирательного округа должен, прежде всего, определиться с временными показателями реализуемых мероприятий (межвыборный период/период выборов). При этом алгоритм управленческого воздействия должен строиться в зависимости от субъекта управления (избирательные комиссии/правоохранительные органы, суд) (рис. 3).

Как видно из рис. 3, механизм комплексного правоприменения в большей степени должен быть задействован во время выборов, в то время как неправовые средства, в особенности меры психологического, педагогического, просветительного характера, должны в большей мере реализовываться в межвыборный период.

Данный алгоритм позволяет при выработке соответствующих программ определиться со стратегическими целями в зависимости от временного фактора и смещать акцент на приоритетные направления работы, а значить избирать соответствующие методы, планировать мероприятия и параметры, обеспечивающие их реализацию.

Однако в целях выстраивания тактических задач в рамках конкретного избирательного округа

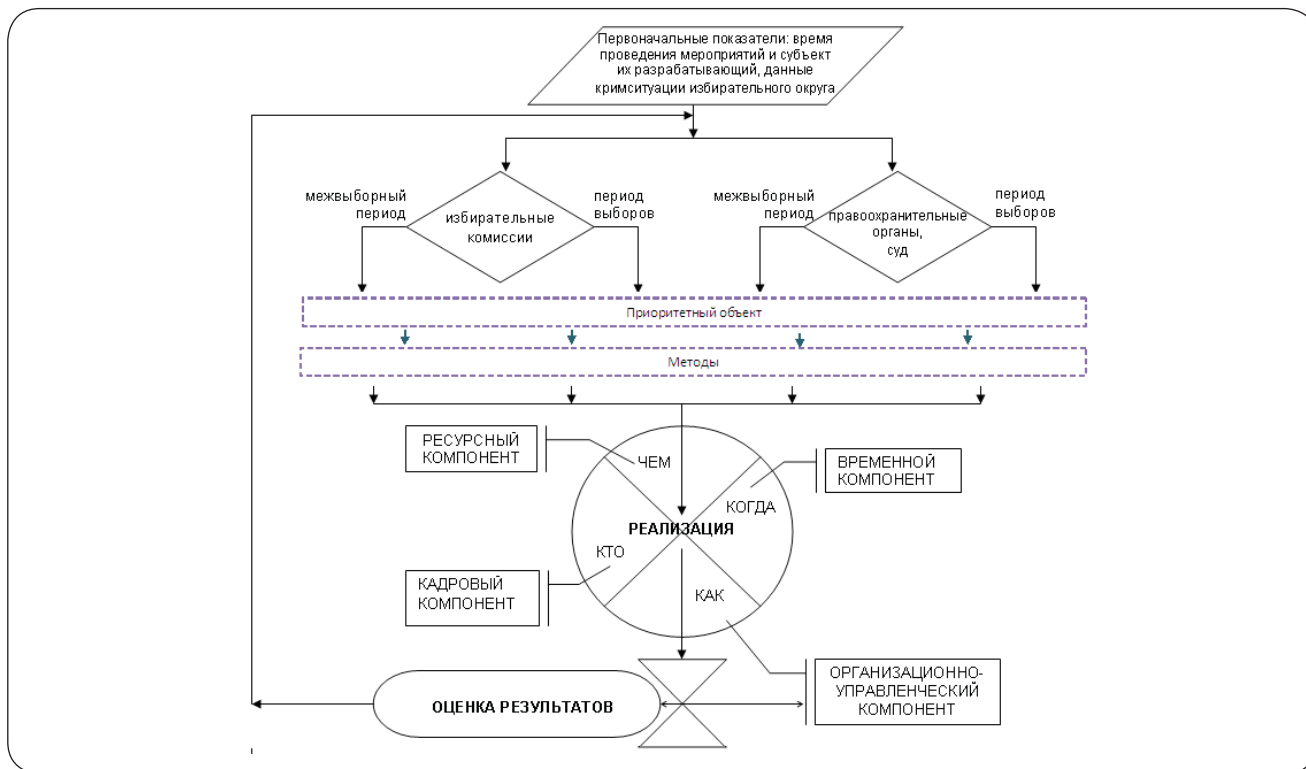

Рис. 2. Алгоритм стратегического управленческого воздействия на элементы криминологической ситуации избирательного округа

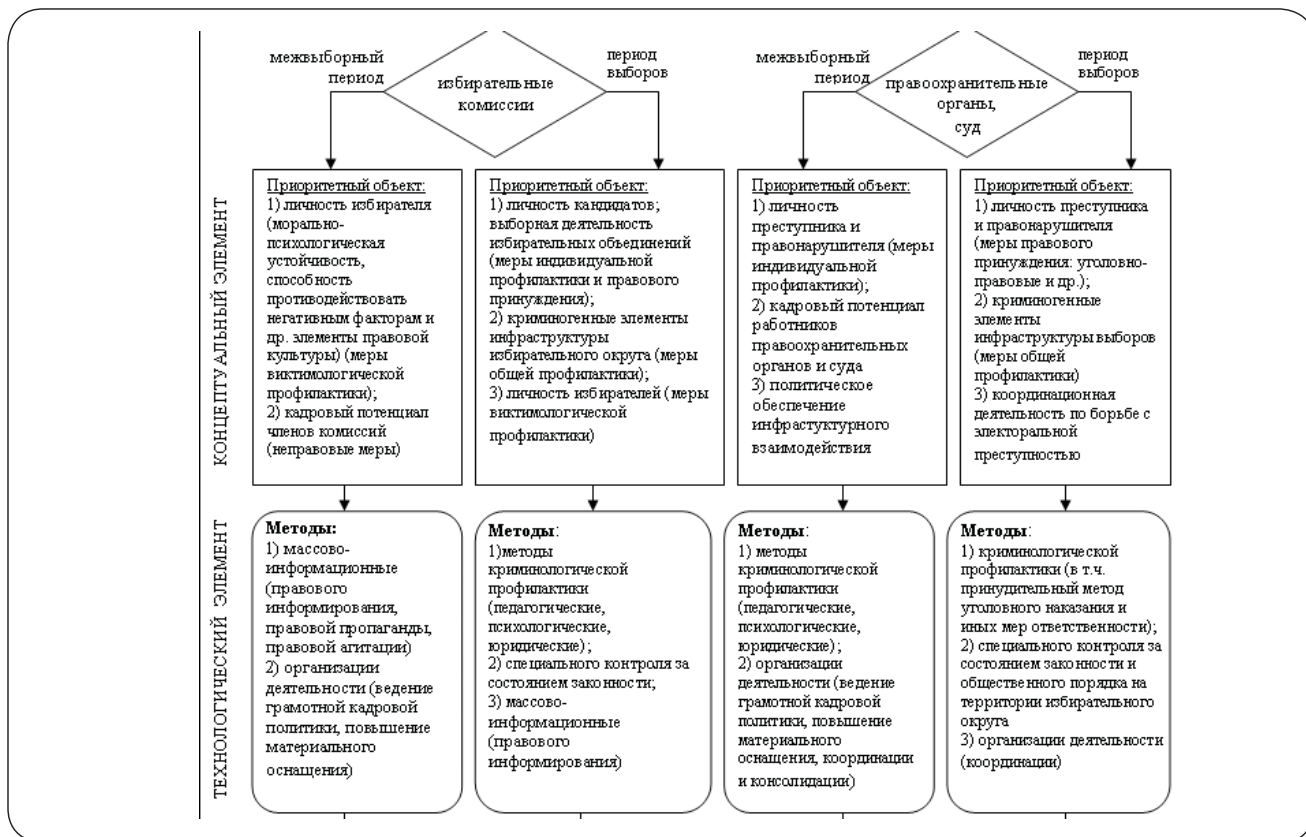

Рис. 3. Пример описания концептуального или технологического компонента алгоритма управленческого воздействия

необходима разработка усложненного алгоритма, позволяющего смещать акцент на приоритетные инфраструктурные объекты и субъекты, в зависимости от показателей криминологической ситуации конкретной территории [32; 33].

Оценку показателей должны производить все субъекты юрисдикционного правоприменения, продумывая комплекс приоритетных задач и выстраивая систему мероприятий сквозь призму своих полномочий и процедурных актов реагирования, а также намечая круг вопросов для консолидации усилий с другими субъектами управленческого воздействия на преступность в условиях избирательного процесса.

В основу же управленческого решения в рассматриваемой сфере правоотношений должна ложиться оценка эффективности предупредительной деятельности. Под эффективностью предупредительного воздействия на коррупцию в сфере избирательного процесса следует понимать соответствие качественным и количественным критериям результатов деятельности субъектов реализации антикоррупционного направления антикриминальной политики в сфере избирательного процесса с определенными в данных условиях затратами.

Качественными критериями могут служить цели; соответствие региональной программы приоритетам криминологической безопасности избирательного процесса; наличие положительных социальных эффектов, связанных с реализацией региональной программы; удовлетворенность опрошенных эффективностью деятельности субъектов предупредительного воздействия на криминологическую ситуацию округа [34]. Количественные характеристики эффективности должны включать в себя показатели, которые необходимы для анализа и оценки: а) конкретных результатов выполнения региональной программы предупредительного воздействия на преступность в сфере избирательного процесса по годам на территории конкретного избирательного округа (или региона); б) использования средств соответствующего бюджета и внебюджетных источников и т. п.

Выводы

Таким образом, в исследовательском арсенале в целях выработки региональной программы предупредительного воздействия на преступ-

ность в сфере избирательного процесса должен использоваться ряд показателей электоральной статистики и общефедеральных показателей преступности.

В заключение отметим, что блок вопросов, подлежащих разработке в концептуальной модели антикоррупционного направления антикриминальной электоральной политики, должен включать цель и задачи-функции, объекты и субъекты, методы (средства) управленческого предупредительного воздействия на элементы инфраструктуры выборов.

Список литературы

1. Klitgaard R. Political Corruption: Strategies for Reform // *Crime, Law and Social Change*. 2004, (41), p. 179.
2. Ferraz Claudio and Finan Frederico. "Electoral accountability and corruption: evidence from the audits of local governments." (Massachusetts Avenue, Cambridge: National bureau of economic research, 2009).
3. Jamieson A. *The Antimafia: Italy's Fight against Organized Crime* (New York: Palgrave MacMillan, 2000).
4. Moran J. Democratic Transitions and Forms of Corruption // *Crime, Law and Social Change*. 2001, (36), pp. 379–393.
5. Rose-Ackerman, S., *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform* (New York: Cambridge University Press, 1999).
6. Schwartz H., "Surprising Success: The New Eastern European Constitutional Courts," in A. Scheller, L. Diamond and M.F. Plattner (eds.), *The Self-Restraining State: Power and Accountability in New Democracies* (Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1999) pp.195–214.
7. Cohen, A., *Crime and Corruption in Eurasia: A Threat to Democracy and International Security* (Washington, DC: The Heritage Foundation, 1995).
8. Harris-White, B. and G. White (eds.), *Liberalization and New Forms of Corruption* (Brighton: Institute of Development Studies, 1996).
9. Кабанов П. А. Политическая преступность: понятие, сущность, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 495 с.
10. Горшенков Г. Н. Массово-коммуникативное воздействие на криминологическую ситуацию: региональный аспект. Н. Новгород, 1997. 441 с.
11. Горшенков Г. Г. Антикриминальная безопасность личности: дис. ... д-ра юрид. наук. Ставрополь, 2009. 421 с.
12. Андриченко Л. В., Васильева Л. Н. Федеральное законодательство в области миграции и факторы коррупциогенности // *Федерализм*. 2006. № 3. С. 75–94.
13. Зарапина Л. В. Значение локальных актов в деятельности транспорта общего пользования по преодолению коррупциогенности транспортного законодательства // *Цивилист*. 2009. № 4. С. 18–21.
14. Ильина О. Ю., Алексеев А. А. Коррупциогенные факторы в законодательстве об опеке и попечительстве как

- предпосылка нарушения прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей // Гражданское право. 2010. № 2. С. 3–6.
15. Астанин В. В. Методика выявления коррупциогенных рисков в сфере землепользования при помощи оценок экспертов и анализа законодательства // Российская юстиция. 2008. № 6. С. 44–49.
16. Красинский В. В. О коррупциогенных факторах избирательного законодательства // Российская юстиция. 2010. № 2. С. 22–24.
17. Нестеров А. В. Что такое коррупциогенный фактор? // Научный эксперт. 2009. № 12. URL: <http://www.hse.ru/>
18. Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Коррупциогенная должность // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 2(1). С. 247.
19. Астанин В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 37 с.
20. Казаченкова О. В. Конфликтный потенциал государственной службы как фактор возникновения коррупционных рисков // Административное и муниципальное право. 2010. № 2. С. 36–42.
21. Ташина К. М., Пустовалова И. Н. К вопросу о понятии коррупционных рисков // Успехи современного естествознания. 2012. № 4. С. 212–213.
22. Левакин И. В., Шишова Ж. А. Коррупционные риски: понятие и основные подходы к их выявлению, // Гражданин и право. 2009. № 11. С. 3–12.
23. Панкевич Н. В. Коррупционные риски в условиях глобализации // Политика. 2009. № 4(55). С. 75–85.
24. URL: http://www anticorrupt-ul.ru/materials/formouo/metod_zony_cor_riska.html
25. Хабриева Т. Я. Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4. С. 16–27.
26. Правовые механизмы имплементации антикоррупционных конвенций / Т. Я. Хабриева, О. И. Тиунов, В. П. Каше-пов и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2013. 288 с.
27. Лопатников Л. И. Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2003. 520 с.
28. Birch, Sarah Electoral corruption / Institute for Democracy & Conflict Resolution – Briefing Paper (IDCR-BP-05/11).- Part of the University of Essex Knowledge Gateway. BP 05/11. P. 2.
29. Ильясов Ф. Политический маркетинг: Искусство и наука побеждать на выборах. М., 2000. 200 с.
30. Walecki, Marcin Political money and political corruption: considerations for Nigeria / International foundation for election systems (IFES) Inec-Civil society forum seminar on Agenda for electoral reform. Abuja, Nigeria. 27–28 November, 2003. URL: http://www.ifes.org/~media/Files/Publications/Money%20and%20Politics/Research%20and%20Publications/Reports%20and%20Papers/English/Money_Corruption_Nigeria.pdf
31. Горшенков Г. Г. Личность перед опасностью криминальной угроз. Н. Новгород, 2006. С. 5.
32. Климова Ю. Н. Криминологическая характеристика преступности в сфере избирательного процесса. Муром: ИПЦ Ми ВлГУ, 2010. 121 с.
33. Климова Ю. Н. Предупреждение коррупционных преступлений в сфере формирования представительной власти: специализированный учебный курс / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2013. 156 с.
34. Климова Ю. Н. Оценка эффективности системы антикриминальной безопасности избирательного процесса // Инновации в государстве и праве России: мат-лы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 29–30 апреля 2009 г.). Н. Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2008. С. 566–572.

В редакцию материал поступил 13.02.14

© Климова Ю. Н., 2014

Информация об авторе

Климова Юлия Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры таможенного дела и гражданского права юридического института, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
Адрес: 600005, г. Владимир, ул. Студенческая, 8
E-mail: klimova_julia@mail.ru

Как цитировать статью: Климова Ю. Н. Коррупциогенные факторы в избирательном процессе: подходы к определению и алгоритм стратегического управленческого воздействия // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 39–48.

YU. N. KLIMOVA,

PhD (Law), Associate Professor

Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs, Vladimir, Russia

CORRUPTION FACTORS IN ELECTION PROCEDURE: APPROACHES TO DETERMINING AND ALGORITHM OF STRATEGIC MANAGERIAL INFLUENCE

Objective: to develop and describe the algorithm of strategic management impacts on criminological situation of a constituency and to develop qualitative and quantitative indicators of the management activities efficiency of the subjects of anti-corruption anti-crime areas of electoral politics.

Methods: operational and structural, legal modeling, sociological and criminal statistics.

Results: the notion is given of corruption-factors and electoral corruption; based on the analysis of domestic and foreign research and copyright empirical criminological research, corruption-factors are highlighted relating to electoral legal relations. Based on the assessment of criminological concepts of political criminology and mass communications criminology, the anti-crime security algorithm is elaborated of managerial influence on corruption-factors of criminological situation in a constituency. Conceptual, technological, resource, time, personnel, organizational elements are proposed, as well as qualitative and quantitative indicators of administrative activities efficiency of the subjects of anti-corruption anti-crime areas of electoral policy.

Scientific novelty: The content of corruption-factors is updated. The specific features of electoral corruption are highlighted, its concept is given. The algorithm of strategic management is proposed, effecting the corruption-factors of criminological situation in a constituency. Formulated qualitative and quantitative criteria for evaluating the subject of anti-corruption anti-crime areas of electoral politics.

Practical value: the possibility of applying the algorithm of strategic managerial influence in the development of appropriate programs to counter electoral corruption, allowing the subject of administrative activity to determine the strategic objectives and tactical tasks depending on the performance of criminological situation in a specific constituency, and take corrective action based on the evaluation of qualitative and quantitative indicators of their activities.

Key words: corruption-factors; electoral corruption; algorithm of strategic management impact on corruption-factors; criminological situation in a constituency; anti-corruption direction of anti-crime electoral policy, evaluation of management efficiency of the subjects of anti-crime electoral policy.

References

1. Klitgaard, R. Political Corruption: Strategies for Reform. *Crime, Law and Social Change*, 2004, (41), p. 179.
2. Ferraz Claudio and Finan Frederico. "Electoral accountability and corruption: evidence from the audits of local governments." (Massachusetts Avenue, Cambridge: National bureau of economic research, 2009).
3. Jamieson, A. *The Antimafia: Italy's Fight against Organized Crime* (New York: Palgrave MacMillan, 2000).
4. Moran, J. Democratic Transitions and Forms of Corruption. *Crime, Law and Social Change*, 2001, (36), pp. 379–393.
5. Rose-Ackerman, S. *Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform* (New York: Cambridge University Press, 1999).
6. Schwartz, H. "Surprising Success: The New Eastern European Constitutional Courts," in A. Scheller, L. Diamond and M.F. Plattner (eds.), *The Self-Restraining State: Power and Accountability in New Democracies* (Boulder, CO: Lynne Rienner Publishers, 1999) pp.195–214.
7. Cohen, A., *Crime and Corruption in Eurasia: A Threat to Democracy and International Security* (Washington, DC: The Heritage Foundation, 1995).
8. Harris-White, B. and G. White (eds.) *Liberalization and New Forms of Corruption* (Brighton: Institute of Development Studies, 1996).
9. Kabanov, P. A. *Politicheskaya prestupnost': ponyatie, sushchnost', vidy, prichiny, lichnost' politicheskogo prestupnika, mery protivodeistviya: dis. ... d-ra yurid. nauk* (Political crime: notion, essence, types, causes, personality of a political criminal, measures of influence: abstract of Doctor of Law thesis). Kazan, 2008. 495 p.
10. Gorshenkov, G. N. *Massovo-kommunikativnoe vozdeistvie na kriminologicheskuyu situatsiyu: regional'nyi aspekt* (Mass communication influence on criminal situation: regional aspect). Nizhny Novgorod, 1997. 441 p.
11. Gorshenkov, G. G. *Antikriminal'naya bezopasnost' lichnosti: dis. ... d-ra yurid. nauk* (Anti-crime safety of a person: abstract of Doctor of Law thesis). Stavropol, 2009. 421 p.
12. Andrichenko, L. V., Vasil'eva, L. N. Federal legislation in the sphere of migration and factors of corruption. *Federalizm*, 2006, no. 3, pp. 75–94 (in Russ.).
13. Zarapina, L. V. Significance of the local acts in public transport functioning for overcoming the corruption in transport legislation. *Tsivlist*, 2009, no. 4, pp. 18–21 (in Russ.).
14. Il'ina, O. Yu., Alekseev, A. A. Corruption factors in legislation on guardianship and patronage as a prerequisite of violating the rights and interests of neglected children. *Grazhdanskoe pravo*, 2010, no. 2, pp. 3–6 (in Russ.).
15. Astanin, V. V. Methodology of revealing corruption risks in the sphere of land-owning by experts' evaluation and legislation analysis. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2008, no. 6, pp. 44–49 (in Russ.).
16. Krasinskiy, V. V. On corruption factors of election legislation. *Rossiiskaya yustitsiya*, 2010, no. 2, pp. 22–24 (in Russ.).
17. Nesterov, A. V. What is a corruption factor? *Nauchnyi ekspert*, 2009, no. 12, available at: <http://www.hse.ru/> (in Russ.).
18. Gorshenkov, G. G., Gorshenkov, G. N. Corruption position. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, no. 2(1), p. 247 (in Russ.).
19. Astanin, V. V. *Antikorrupcionnaya politika Rossii: kriminologicheskie aspekty: dis. ... d-ra yurid. nauk* (Anti-corruption policy of Russia: criminological aspects: abstract of a Doctor of Law thesis). Moscow, 2009. 37 p.
20. Kazachenkova, O. V. Conflict potential of state service as a factor of corruption risks emergence. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2010, no. 2, pp. 36–42 (in Russ.).
21. Tashina, K. M., Pustovalova, I. N. On the notion of corruption risks. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya*, 2012, no. 4, pp. 212–213 (in Russ.).

22. Levakin, I. V., Shishova, Zh. A. Corruption risks: notion and main approaches to reveal them. *Grazhdanin i pravo*, 2009, no. 11, pp. 3–12 (in Russ.).
23. Pankevich, N. V. Corruption risks under globalization. *Politiya*, 2009, no. 4(55), pp. 75–85 (in Russ.).
24. http://www.anticorrupt-ul.ru/materials/formouo/metod_zony_cor_riska.html
25. Khabrieva, T. Ya. Legal issues of implementing the anticorruption conventions. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2011, no. 4, pp. 16–27 (in Russ.).
26. Khabrieva, T. Ya., Tiunov, O. I., Kashepov, V. P. et al. *Pravovye mekhanizmy implementatsii antikorrupcionnykh konventsii* (Legal mechanisms of implementing the anticorruption conventions). Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2013. 288 p.
27. Lopatnikov, L. I. *Ekonomiko-matematicheskii slovar': Slovar' sovremennoi ekonomicheskoi nauki* (Economics-mathematical dictionary: Dictionary of the modern Economics) Moscow: Delo, 2003. 520 p.
28. Birch, S. *Electoral corruption. Institute for Democracy & Conflict Resolution – Briefing Paper (IDCR-BP-05/11). Part of the University of Essex Knowledge Gateway*. BP 05/11. R. 2.
29. Il'yasov, F. *Politicheskii marketing: Iskusstvo i nauka pobezhdat' na vyborakh* (Political marketing: Art and science to win the elections). Moscow, 2000. 200 p.
30. http://www.ifes.org/~media/Files/Publications/Money%20and%20Politics/Research%20and%20Publications/Reports%20and%20Papers/English/Money_Corruption_Nigeria.pdf
31. Gorshenkov, G. G. *Lichnost' pered opasnost'yu kriminal'noi ugroz* (Personality in the face of criminal threats). Nizhnii Novgorod, 2006. P. 5.
32. Klimova, Yu. N. *Kriminologicheskaya kharakteristika prestupnosti v sfere izbiratel'nogo protsessa* (Criminological characteristics of crime in the sphere of election procedure). Murom: IPTs Mi VIGU, 2010. 121 p.
33. Klimova, Yu. N. *Preduprezhdenie korruptsionnykh prestuplenii v sfere formirovaniya predstavitel'noi vlasti: spetsializirovanniy uchebnyi kurs* (Prevention of corruption crimes in the sphere of representative authorities forming: specialized educational course). Saratov: Izd-vo FGBOU VPO "Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya". 2013. 156 p.
34. Klimova, Yu. N. *Otsenka effektivnosti sistemy antikriminal'noi bezopasnosti izbiratel'nogo protsessa* (Evaluating the system of anti-crime safety of election procedure). *Innovatsii v gosudarstve i prave Rossii*. Nizhnii Novgorod: Izd-vo Nizhegorodskogo gos. un-ta, 2008. Pp. 566–572.

Received 13.02.14

Information about the author

Klimova Yulia Nikolayevna, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of a Chair of Customs and Civil Law of Law Institute, Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs,
Address: 8 Studencheskaya St., 600005, Vladimir
E-mail: klimova_julia@mail.ru

How to cite the article: Klimova Yu. N. Corruption factors in election procedure: approaches to determining and algorithm of strategic managerial influence. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 39–48.

© Klimova Yu. N., 2014

УДК 343.9:328.185:343.35

А. А. МАКСУРОВ,

кандидат юридических наук, доцент

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ КООРДИНАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Цель: выявление проблем эффективности координации антикоррупционной борьбы и путей их решения.

Методы: абстрактно-логический метод, метод системного анализа, социологические, этимологические, историко-правовые и иные общие и частнонаучные методы и приемы исследования.

Результаты: на основе оценки мнений разных ученых в изучаемой сфере деятельности доказана необходимость иного, более практически значимого определения эффективности координации; исследованы и обобщены все существенные авторские позиции и точки зрения в данном вопросе; предложено определение эффективности; выявлены существенные компоненты данной системы.

Научная новизна: впервые дано определение эффективности правового явления через затратный подход. Одновременно подвергнуты критике иные сложившиеся на практике «традиционные» подходы к данным явлениям.

Практическая значимость: в возможности оптимизировать меры государственного противодействия коррупционным проявлениям в России, сделать координацию деятельности органов власти по борьбе с коррупцией более эффективной.

Ключевые слова: коррупция; координация; эффективность; результативность; противодействие; должностное лицо; затраты; источники.

Введение

В настоящее время очевидным является тот факт, что антикоррупционная деятельность различных служб и ведомств должна быть строго скоординирована. Но велика ли сегодня эффективность такой координации? Полагаем, что нет, и причиной тому не только некие общественно-политические субъективные и объективные факторы, но и, к сожалению, неопределенность понятия «эффективность» в научном обиходе и практике деятельности соответствующих служб.

Прежде всего, отметим, что любые явление или процесс, какими потенциально полезными качествами и свойствами бы они не обладали, существенно утрачивают свою реальную полезность и актуальность будучи не достаточно эффективными.

Эффективность выступает в качестве как обязательного свойства социального явления, так и в виде важнейшей предпосылки полноценной реализации того или иного социального феномена. Именно она обеспечивает движение общества вперед, совершенствование межличностных связей в обществе и, на основе этого, наиболее полное удовлетворение индивидуальных, групповых и общественных потребностей и интересов.

Л. А. Калганова приводит свидетельства международных экспертов, согласно которым на основе индекса GRICS (Governance Research Indicator Country Snapshot), определяемого один раз в два года Всемирным банком и оценивающего эффективность государственного управления в 209 странах, Россия по таким показателям, как эффективность работы правительства, качество законодательства, верховенство закона и контроль за коррупцией находится в нижней части рейтинга [1]. Согласно российским оценкам [2], сфера государственного управления превратилась в ограничивающий фактор для социально-экономического развития страны и повышения ее мировой конкурентоспособности. В проводимой административной реформе повышение эффективности деятельности органов исполнительной власти ставится как одна из основных целей. Однако мы, разумеется, в данной работе смотрим на вопрос шире.

Требование эффективности является одним из наиболее часто используемых, но и наименее изученных. Здесь имеет место огромный «разнобой мнений», что связано с определением самой эффективности как общенаучной категории, как свойства или как отношения, соотношения категорий «эффективность», «производительность»,

«результативность», «пригодность», «оптимальность», «экономичность», «ценность» и некоторых других, наличием–отсутствием (с разных авторских позиций) различий между эффективностью норм и эффективностью их действия, неопределенностью соотношения эффективности и качества того или иного правового явления и т. п. К сожалению, не приносит здесь ощутимых результатов и простой, и хорошо зарекомендовавший себя этимологический подход.

Так, обычно словари определяют понятие «эффективный» (лат. *effectivus* – производительный) как производительный, действенный, доподлинно выгодный, реально полезный, связанный с достижением или извлечением эффекта. Эффект (лат. *effectus* – действие, исполнение) – это: 1) следствие чего-либо, итог, результат; 2) сильное впечатление, мощное воздействие созданного образа; 3) средство или прием для произведения впечатления, удивления или создания иллюзии; 4) физическое явление [3, с. 968]. Вроде бы, все однозначно. Вместе с тем «оптимальный» – наиболее благоприятный [4, с. 457; 5, р. 104], наиболее соответствующий и самый благоприятный [6, с. 585], а оптимизация – «выбор лучшего варианта из всех имеющихся или возможных; приведение некоей системы в наилучшее состояние» [6, с. 585]. Результативность – «совокупность итогов (результатов)» [6, с. 691], а «результативный» – дающий хороший результат, имеющий хорошие результаты [4, с. 674]. «Пригодный – нужный, полезный» [4, с. 589]. Полезный – «приносящий пользу, пригодный для определенной цели» [4, с. 552]. Экономичный – «дающий возможность что-то сэкономить, выгодный, полезный» [4, с. 907].

Таким образом, мы видим, что с точки зрения этимологии, указанные нами выше категории успешно взаимозаменяются и сделать какой-либо единственной верный вывод из этой системы перекрестных ссылок не представляется возможным.

Результаты исследования

Сложность здесь еще и в том, что эффективность, по сути своей, так же как и координация, является общенаучной категорией, однако нас больше интересует понятие эффективности в общественных науках. Наибольший вклад в по-

нимание категории эффективности в общественных процессах внесли науки об управлении, в частности, западная экономическая теория. В то же время даже в указанной сфере нет единства мнений по вопросу эффективности.

В результате проделанной работы мы решили взять за основу «экономический» подход, одним из постулатов которого выступает то положение, что сама по себе эффективность – цель любой организации [7, с. 161]. Эффективность – достоинство, наиболее последовательно превозносимое экономистами. По мнению Пола Хейне, этот термин характеризует «результативность» (*effectiveness*) использования средств для достижения целей. Получить как можно больше из доступных нам ограниченных ресурсов – вот в чем заключается эффективность [8, с. 169]. Пол Э. Самуэльсон и Вильям Д. Нордхаус определяют эффективность как «такое использование экономических ресурсов, при котором обеспечивается максимально возможный уровень удовлетворения при данных ресурсах и уровне развития технологии» [9, с. 672].

Вопросы эффективности поднимались и отечественными специалистами в области управления, однако качественно новых, универсальных, пригодных к реализации в юридической науке подходов, к сожалению, предложено не было. Например, И. А. Василенко прямо выражает эффективность управления экономической формулой: «С точки зрения гражданского общества оправданием административных реформ может служить такое изменение структуры государственного аппарата, которое означает экономию средств в целях снижения налогов» [10, с. 249]. Большинство исследований имели все же узкоспециальный характер и не предлагали развернутой «программы действий» по измерению эффективности социальных явлений и институтов [11; 12; 13].

Отдельные актуальные и поныне исследования в области психологии [14], на стыке социальной психологии и права [15] не нашли своего продолжения в плане универсальности и качественно не обновлялись. В то же время психологи, например, определили, что эффективность эргатических систем (а такой системой условно можно считать и координационную юридическую практику в сфере борьбы с коррупцией) – свойство эргатической

системы достигать конечной цели, т. е. получать продукт труда с заданным качеством в заданных условиях и обусловленные достижением цели результаты или эффект от них [16, с. 230].

В юриспруденции теория эффективности правовых явлений до настоящего времени четко не сформулирована. Более того, только в последние годы проблемам эффективности вновь стало уделяться необходимое внимание. Ранее серьезно разрабатывались указанные вопросы учеными-юристами советского периода в 1970–1980-е гг., однако и в то время эффективность юридической практики, а уж тем более координационной практики как разновидности последней, отдельно не рассматривалась. Чаще всего речь шла об эффективности права в целом [17, с. 213], эффективности действия норм права [18; 19], эффективности законодательства [20–22], эффективности толкования закона [23], эффективности правовых средств [24], эффективности отдельных направлений государственной деятельности [25] и т. п. По существу, целостный подход к эффективности правовых явлений отсутствовал. Соответственно, исследователи по-разному определяли понятие «эффективности», по-разному характеризовали имманентные признаки эффективности в праве.

Так, О. А. Гаврилов писал, что «эффективность действия правовой системы есть мера (степень) ее активного положительного воздействия на общественные отношения, на деятельность и поведение субъектов права». [26, с. 230].

Ф. Н. Фаткуллин отмечал, что под эффективностью права следует понимать «его способность реально и с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения и на установки их участников в заданном направлении при тех социальных условиях, которые фактически существуют в период их действия в стране» [17, с. 321]. В. И. Шинд отмечал, что «под эффективностью нужно понимать степень фактического достижения цели при оптимальных в данных условиях затратах» [27, с. 24]. Как видим, данное понимание эффективности уже ближе к управленческой теории.

Во многом схожий подход, однако в большей степени нацеленный на результат, присущ авторам, определяющим эффективность правовых норм или действия законодательства. Те же Ф. Н. Фаткуллин и Л. Д. Чулюкин под эффектив-

ностью правовых норм понимают «их способность с наименьшими издержками воздействовать положительно на общественные отношения и на установки их участников в заданном направлении при тех социальных условиях, которые реально существуют в период их действия в стране» [28, с. 26]. В. П. Тимохов, исследуя проблемы правоприменительной деятельности, определяет ее как фактический результат правоприменения по достижению социальных целей правоприменения, обусловленных целями применяемых правовых норм, соотносённый (сопоставленный) с затратами на достижение этого результата, израсходованными за определенное время деятельности правоприменительного органа [29, с. 16]. Исследуя проблемы эффективности актов официального юридического толкования, А. Л. Скрябин определяет эффективность интерпретационного акта как «детерминированное разнообразными объективными и субъективными факторами соотношение между фактическими результатами действия акта и теми целями, для достижения которых он создается» [30, с. 14; 31, с. 30]. Исследователи эффективности функций права также нередко согласны с данным постулатом [32, с. 125–130]. Исходя из этой позиции, А. Л. Скрябин выделяет и факторы обеспечения эффективности, например, эффективности актов официального юридического толкования [33, с. 54–60; 34, с. 203–207].

Ряд авторов под эффективностью правовой нормы понимают «такое ее свойство, которое выражает меру ее способности своевременно при определенных социальных затратах вызывать достижение конкретного научно обоснованного положительного результата» [35, с. 141]. А. А. Зелепукин также определяет эффективность правовых норм как «их способность в соответствии с целями правового регулирования оказывать благоприятное воздействие на общественные отношения» [36, с. 9]. Отметим также, что у некоторых авторов указано, что эффективность права – это его «осуществимость, которая предопределяется общеизвестностью, понятностью и непротиворечивостью правовых норм, их системностью, соразмерностью социальных целей норм и юридических средств достижения этих целей» [37, с. 93].

Некоторые исследователи явно преувеличивают значение понятия результативности

как составляющей эффективности, например, определяют эффективность природоохранительного законодательства как результативность применения на практике норм во всей совокупности природоохранительных законов [38, с. 20]. С. А. Свиридов пишет, что эффективность правовых норм о материальной ответственности «будет определяться результативностью в смысле придания общественным отношениям такого направления развития, которое более всего отвечает намеченным целям» [39, с. 12]. А Н. В. Куприянович сводит всю эффективность деятельности мировых судей к «возможности достижения созданным государственным институтом поставленных перед ним общественно полезных целей» [40, с. 18].

Достаточно распространенный на практике «количественно-функциональный» подход к определению эффективности также широко и критиковался. Так, Б. П. Спасов справедливо отмечает, что эффективность не может быть выражена только через отношение результата к цели. В эту формулу следует включать и другие оценочные показатели, которые позволят в совокупности определить эффективность [41, с. 53]. П. Ф. Пашкевич также указывает, что невозможно согласиться с мыслью, что критерием эффективности судопроизводства могут служить лишь количественные показатели. Нельзя выразить только в цифрах эффективность воздействия судебных процессов на правосознание людей, точно определить их воспитательно-предупредительный результат [42, с. 14–15].

Развивая критику «количественного» подхода, многие авторы отмечают, что при исследовании вопросов эффективности происходит подмена понятий. С. Ю. Марочкин, например, предлагает под эффективностью норм международного права понимать комплексную категорию, которая включает эффективность юридического механизма нормы в целом, но не отдельных ее элементов. Указанное предполагает также включение в содержание понятия эффективности и средств, затрат на ее достижение, а не только лишь результата [43, с. 17].

В качестве выводов отметим, что наша позиция состоит в ином соотношении понятий «полезность», «пригодность», «результативность», «ценность», «оптимальность», «экономичность»,

«эффективность». В каком-то смысле наше видение проблемы можно назвать «последовательным» в противовес предыдущим подходам, которые напоминают нам «метод матрешки».

Выводы

С учетом вышеизложенного эффективность координационной юридической технологии в сфере борьбы с коррупцией можно определить как ее социально-ценное свойство, представляющее собой соотношение затрат на ее осуществление и ее результата, позволяющее своевременно и с наименьшими издержками способствовать установлению наиболее оптимального соотношения между различными видами юридической деятельности. Кроме того, эффективность имеет культурный, воспитательный и иные позитивные результаты.

Список литературы

1. URL: www.worldbank.org/governance/wpgovernance
2. URL: <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/126820/>
3. Словарь иностранных слов / под ред. И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова. М., 1999. С. 968.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2005. С. 457.
5. Lebreton G. *Libertes publiques et droits*. Paris, 2003. P. 104.
6. Новейший словарь иностранных слов и выражений. Минск, 2003. С. 585
7. Мексон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1998. С. 161.
8. Хейне Пол. Экономический образ мышления. М., 1993. С. 169.
9. Пол Э. Самуэльсон и Вильям Д. Нордхаус Экономика. М., 2000. С. 672.
10. Василенко И. А. Государственное и муниципальное управление: учебник. М., 2006. С. 249.
11. Атаманчук Г. В. Обеспечение рациональности государственного управления. М., 1990. С. 145.
12. Голиков В. И. Эффективность управленческого труда. М., 1974. С. 76.
13. Цветков В. В., Сиренко В. Ф. Эффективность и качество управленческой деятельности. М., 1980. С. 89.
14. Алексеева Е. А. Рациональность и сознание. М., 1991. С. 34.
15. Кудрявцев В. Н. Право и поведение. М., 1978. С. 72.
16. Хрестоматия по инженерной психологии: учеб. пособие / под ред. Б. А. Душкова. М., 1991. С. 230.
17. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права. Казань, 1987. С. 213.
18. Пашков А. С., Явич Л. С. Эффективность действия правовых норм. М., 1977. С. 143.
19. Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права. Казань, 1990. С. 21.

20. Абова Т. Е., Ефимочкин В. П. Эффективность законодательства о производственном объединении. М., 1981. С. 147.
21. Кузнецова Н. Ф. Эффективность применения уголовного закона. М., 1973. С. 250.
22. Прозоров В. Ф. Качество и эффективность хозяйственного законодательства. М., 1991. С. 7.
23. Спасов Б. П. Закон и его толкование. М., 1986. С. 77.
24. Абрамова А. А., Быков А. Г. Эффективность правовых средств в обеспечении качества продукции. М., 1987. С. 123.
25. Нуртаев Р. Т. Борьба с неосторожными видами преступлений. Проблемы эффективности. Алма-Ата, 1990. С. 154.
26. Гаврилов О. А. Правовая система социализма. Кн. 2: Функционирование и развитие / под ред. А. М. Васильева. М., 1987. С. 230.
27. Шинд В. И. Критерии эффективности труда прокуроров и его организации // Вопросы теории и практики прокурорского надзора: сб. науч. трудов. Ч. 1. М., 1975. С. 24.
28. Фаткуллин Ф. Н., Чулюкин Л. Д. Социальная ценность и эффективность правовой нормы. Казань, 1977. С. 26.
29. Тимохов В. П. Эффективность правоприменительной деятельности (теоретико-прикладной аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 16.
30. Скрябин А. Л. Эффективность актов официального юридического толкования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 14.
31. Скрябин А. Л. О понятии эффективности нормативных правовых актов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. трудов / под ред. проф. В. Н. Карташова. Вып. 7. Ярославль, 2007. С. 30.
32. Бадоев М. Т. К вопросу о понятии эффективности демографической функции права // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. трудов / под ред. проф. В. Н. Карташова. Вып. 4. Ярославль, 2004. С. 125–130.
33. Скрябин А. Л. Демократический государственный режим как фактор обеспечения эффективности актов официального юридического толкования // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. трудов / под ред. проф. В. Н. Карташова. Вып. 6. Ярославль, 2006. С. 54–60.
34. Скрябин А. Л. Политические и социально-экономические факторы обеспечения эффективности актов официального толкования права // Проблемы теории современного российского права: сб. науч. трудов. РАЕН Сер. Право. Вып. 2 / под ред. акад. РАЕН, проф. Н. В. Щербаковой. М., Ярославль, 2005. С. 203–207.
35. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 141.
36. Зелепукин А. А. Проблемы эффективности российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 9.
37. Лейст О. Э. Сущность права. М., 2002. С. 93.
38. Эффективность природоохранительного законодательства / под ред. М. К. Сулейманова. Алма-Ата, 1988. С. 20.
39. Свиридов С. А. Эффективность правовых норм о материальной ответственности рабочих и служащих. Воронеж, 1982. С. 12.
40. Куприянович Н. В. Критерии эффективности деятельности мировых судей // Мировой судья. 2006. № 1. С. 18.
41. Спасов Б. П. Закон и его толкование. М., 1986. С. 53.
42. Пашкевич П. Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 14–15.
43. Марочкин С. Ю. Проблема эффективности норм международного права. Иркутск, 1988. С. 17.

В редакцию материал поступил 13.01.14

© Максуров А. А., 2014

Информация об авторе

Максуров Алексей Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
Адрес: 150014, г. Ярославль, ул. Советская, 14
E-mail: maxurov78@yandex.ru

Как цитировать статью: Максуров А. А. Проблемы эффективности координации деятельности по борьбе с коррупцией // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 49–55.

A. A. MAKSUROV,

PhD (Law), Associate Professor

Yaroslavl State University named after P. G. Demidov, Yaroslavl, Russia

PROBLEMS OF EFFICIENT COORDINATION OF ANTI-CORRUPTION ACTIVITY

Objective: identification of problems of more efficient coordination of anti-corruption struggle and their solutions.

Methods: abstract-logical method, system analysis, sociological, etymological, historical, legal and other general and private scientific methods and techniques of research.

Results: basing on the assessment of different scientists' opinions in the field, the necessity is proved of a more practically meaningful definition of efficient coordination; all the essential authorial positions and points of view on this issue are researched and compiled; definition of the effectiveness is proposed; the essential components of the system are revealed.

Scientific novelty: for the first time the efficiency of the legal phenomenon is defined by the cost approach. At the same time other "traditional" approaches to these phenomena are criticized.

Practical value: the possibility to optimize the state measures of corruption counteraction in Russia, to make coordination of the authorities to fight corruption more effective.

Key words: corruption, coordination, efficiency; effectiveness; counteraction; official; costs; sources.

References

1. www.worldbank.org/governance/wpgovernance
2. <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/126820/>
3. Lekhina, I. V. i Petrova, F. N. *Slovar' inostrannykh slov* (Dictionary of foreign words). Moscow, 1999. P. 968.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Glossary of the Russian language). Moscow, 2005. P. 457.
5. Lebreton G. *Libertes publiques et droits*. Paris, 2003. R. 104.
6. *Noveishii slovar' inostrannykh slov i vyrazhenii* (The modern dictionary of foreign words and expressions). Minsk, 2003. P. 585
7. Mekson, M., Al'bert, M., Khedouri, F. *Osnovy menedzhmenta* (Bases of management). Moscow, 1998. P. 161.
8. Kheine, Pol. *Ekonomicheskii obraz myshleniya* (Economic way of thinking). Moscow, 1993. P. 169.
9. Pol, E. Samuel'son i Vil'yam, D. Nordkhaus. *Ekonomika* (Economics). Moscow, 2000. P. 672.
10. Vasilenko, I. A. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie: uchebnik* (State and municipal management: textbook). Moscow, 2006. P. 249.
11. Atamanchuk, G. V. *Obespechenie ratsional'nosti gosudarstvennogo upravleniya* (Providing the rationality of state management). Moscow, 1990. P. 145.
12. Golikov, V. I. *Effektivnost' upravlencheskogo truda* (Efficiency of managerial activity). Moscow, 1974. P. 76.
13. Tsvetkov, V. V., Sirenko, V. F. *Effektivnost' i kachestvo upravlencheskoi deyatel'nosti* (Efficiency and quality of managerial activity). Moscow, 1980. P. 89.
14. Alekseeva, E. A. *Ratsional'nost' i soznanie* (Rationality and consciousness). Moscow, 1991. P. 34.
15. Kudryavtsev, V. N. *Pravo i povedenie* (Law and behavior). Moscow, 1978. P. 72.
16. Dushkova, B. A. *Khrestomatiya po inzhenernoi psikhologii* (Reader on Engineering psychology). Moscow, 1991. P. 230.
17. Fatkullin, F. N. *Problemy teorii gosudarstva i prava* (Problems of theory of state and law). Kazan, 1987. P. 213.
18. Pashkov, A. S., Yavich, L. S. *Effektivnost' deistviya pravovykh norm* (Efficiency of legal norms). Moscow, 1977. P. 143.
19. Mingazov, L. Kh. *Effektivnost' norm mezhdunarodnogo prava* (Efficiency of international legal norms). Kazan, 1990. P. 21.
20. Abova, T. E., Efimochkin, V. P. *Effektivnost' zakonodatel'stva o proizvodstvennom ob'edinenii* (Efficiency of legislation on production association). Moscow 1981. P. 147.
21. Kuznetsova, N. F. *Effektivnost' primeneniya ugolovnogo zakona* (Efficiency of criminal law implementation). Moscow, 1973. P. 250.
22. Prozorov, V. F. *Kachestvo i effektivnost' khozyaistvennogo zakonodatel'stva* (Quality and efficiency of economic legislation). Moscow, 1991. P. 7.
23. Spasov, B. P. *Zakon i ego tolkovanie* (Law and its interpretation). Moscow, 1986. P. 77.
24. Abramova, A. A., Bykov, A. G. *Effektivnost' pravovykh sredstv v obespechenii kachestva produktsii* (Efficiency of legal means in providing quality of production). Moscow, 1987. P. 123.
25. Nurtaev, R. T. *Bor'ba s neostorozhnymi vidami prestuplenii. Problemy effektivnosti* (Struggle against undeliberable kinds of crimes. Problems of efficiency). Alma-Ata, 1990. P. 154.
26. Gavrilov, O. A. *Pravovaya sistema sotsializma. Kn. 2: Funktsionirovanie i razvitie* (Legal system of socialism. Book 2. Functioning and development). Moscow, 1987. P. 230.
27. Shind, V. I. *Kriterii effektivnosti truda prokurorov i ego organizatsii* (Criteria of efficiency of prosecutors' activity and its organization). *Voprosy teorii i praktiki prokurorskogo nadzora: sb. nauch. trudov. Ch. 1*. Moscow, 1975. S. 24.
28. Fatkullin, F. N., Chulyukin, L. D. *Sotsial'naya tsennost' i effektivnost' pravovoi normy* (Social value and efficiency of a legal norm). Kazan, 1977. P. 26.
29. Timokhov, V. P. *Effektivnost' pravoprimenitel'noi deyatel'nosti (teoretiko-prikladnoi aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk* (Efficiency of law-enforcement activity (theoretical-applied aspect): abstract of a PhD (Law) thesis). Saint Petersburg, 2002. P. 16.
30. Skryabin, A. L. *Effektivnost' aktov ofitsial'nogo yuridicheskogo tolkovaniya: dis. ... kand. yurid. nauk* (Efficiency of official law interpretation acts: abstract of a PhD (Law) thesis). Vladimir, 2005. P. 14.
31. Skryabin, A. L. *O ponyatii effektivnosti normativnykh pravovykh aktov* (On the issue of normative legal acts efficiency). *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoi sistemy obshchestva: sb. nauch. trudov. Vyp. 7*. Yaroslavl, 2007. P. 30.
32. Badoev, M. T. *K voprosu o ponyatii effektivnosti demograficheskoi funktsii prava* (On the issue of efficiency of demographic function of law). *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoi sistemy obshchestva: sb. nauch. trudov. Vyp. 4*. Yaroslavl, 2004. PP. 125–130.

33. Skryabin, A. L. Demokraticheskii gosudarstvennyi rezhim kak faktor obespecheniya effektivnosti aktov ofitsial'nogo yuridicheskogo tolkovaniya. *Aktual'nye problemy teorii i istorii pravovoi sistemy obshchestva: sb. nauch. trudov, pod red. prof. V. N. Kartashova. Vyp. 6.* Yaroslavl, 2006. PP. 54–60.

34. Skryabin, A. L. Politicheskie i sotsial'no-ekonomicheskie faktory obespecheniya effektivnosti aktov ofitsial'nogo tolkovaniya prava (Political and social-economic factors of providing the efficiency of official law interpretation acts). *Problemy teorii sovremennogo rossiiskogo prava: sb. nauch. trudov. RAEN Ser. Pravo. Vyp. 2, pod red. akad. RAEN, prof. N. V. Shcherbakovoi.* Moscow, Yaroslavl, 2005. PP. 203–207.

35. Baitina, M. I., Babaeva, V. K. *Normy sovetskogo prava. Problemy teorii* (Norms of Soviet law. Problems of theory). Saratov, 1987. P. 141.

36. Zelepukin, A. A. *Problemy effektivnosti rossiiskogo zakonodatel'stva: dis. ... kand. yurid. nauk* (Problems of the Russian law efficiency: abstract of a PhD (Law) thesis). Saratov, 2000. P. 9.

37. Leist, O. E. *Sushchnost' prava* (Essence of law). Moscow, 2002. P. 93.

38. Suleimanova, M. K. *Effektivnost' prirodookhranitel'nogo zakonodatel'stva* (Efficiency of nature protection legislation, edited by M. K. Suleimanov). Alma-Ata, 1988. P. 20.

39. Sviridov, S. A. *Effektivnost' pravovykh norm o material'noi otvetstvennosti rabochikh i sluzhashchikh* (Efficiency of legal norms concerning the material liability of employees). Voronezh, 1982. P. 12.

40. Kupriyanovich, N. V. Criteria of efficiency of magistracies' activity. *Mirovoi sud'ya*, 2006, no. 1, p. 18 (in Russ.).

41. Spasov, B. P. *Zakon i ego tolkovanie* (Law and its interpretation). Moscow, 1986. P. 53.

42. Pashkevich, P. F. *Protseessual'nyi zakon i effektivnost' ugovnogo sudoproizvodstva* (Criteria of efficiency of magistracies' activity). Moscow, 1984. PP. 14–15.

43. Marochkin, S. Yu. *Problema effektivnosti norm mezhdunarodnogo prava* (Problem of efficiency of international law norms). Irkutsk, 1988. Pp. 17.

Received 13.01.14

Information about the author

Maksurov Aleksey Anatolyevich, PhD (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Theory and History of State and Law, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov

Address: 14 Sovetskaya St., 150014, Yaroslavl

E-mail: maxurov78@yandex.ru

How to cite the article: Maksurov A. A. Problems of efficient coordination of anti-corruption activity. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 49–55.

© Maksurov A. A., 2014

ПОЗНАНИЕ

Антикоррупционный менеджмент: инновационные антикоррупционные образовательные программы: сборник программ / под общ. ред. И.И. Бикеева и П.А. Кабанова: в 3 т. Т. 1. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 232 с. (Серия: Противодействие коррупции).

Первый том серии «Противодействие коррупции» подготовлен специалистами НИИ противодействия коррупции Института экономики, управления и права (г. Казань) при участии сотрудников Управления Президента Республики Татарстан по вопросам антикоррупционной политики. Он включает 8 образовательных программ, предназначенных для лиц, профессионально или на общественных началах занимающихся различными видами антикоррупционной деятельности: экспертизой, пропагандой, образованием, планированием и программированием, мониторингом, участием в работе специализированных совещательных антикоррупционных органов или в комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению государственных (муниципальных) служащих и урегулированию конфликта интересов и др.

Издание будет полезным для широкого круга субъектов антикоррупционной деятельности, образовательных учреждений и всех других, желающих пополнить свои знания в указанной сфере.

УДК 338.24:658.1:330.34

Д. В. МАНУШИН,

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ПРОБЛЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО И АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ И МЕРЫ ПО ИХ РЕШЕНИЮ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Цель: обоснование кризисного состояния российской экономики, осложненной наличием коррупции и разработка мер по ее устранению.

Метод: абстрактно-логический.

Результаты: доказана необходимость решения выявленных экономических и коррупционных проблем. Разработаны антикоррупционные меры: создана новая идеология; разработана рейтинговая система учета основных результатов деятельности чиновничьего аппарата; предложено установить государственный и общественный видеоконтроль над действиями чиновников в служебное время, начать проверять всех представителей власти на полиграфе, вернуть Госдуме право избирать председателя Счетной палаты РФ и др.

Научная новизна: доказано, что без изменения имеющейся идеологии экономические проблемы не решить. Предложены новая антикоррупционная идеология и антикоррупционные меры. Обосновано, что в основе решения экономических проблем лежит антикоррупционный и антикризисный менеджмент.

Практическая значимость: возможность решения экономических проблем на основе как краткосрочных возможностей снижения коррупции путем устранения выявленных коррупционных возможностей, так и долгосрочных в результате внедрения новой антикоррупционной идеологии.

Ключевые слова: проблемы экономики России; коррупция; антикоррупционное управление; антикризисное управление; институциональный аспект.

Введение

В настоящее время в российской экономике есть множество нерешенных проблем. Во-первых, это существенная зависимость от экспорта топливно-энергетических товаров и импорта машин и оборудования. Во-вторых, высокий износ основных производственных фондов. В-третьих, слабо развитая инфраструктура. В-четвертых, низкая производительность труда. В-пятых, монополизация или олигополизация большинства рынков (в основном компаниями с государственным участием в акционерном капитале). В-шестых, большой размер средств находящихся в теневой экономике. Так, ученые из исследовательского института Global Financial Integrity оценили теневую экономику России в 46 % от ВВП страны [1]. В-седьмых, высокая стоимость кредитов. В-восьмых, малая доля инноваций использующихся в экономике.

При этом деятельность государства по их решению в основном носит формальный характер. Во-первых, правительственные программы не реализуются [2], так же, как и стратегии. Для

проверки этого достаточно сравнить стратегии в выбранном направлении деятельности за разные периоды времени и можно обнаружить одинаковые нерешенные проблемы и схожие предлагаемые меры по их устранению, которые из года в год не позволяют достигнуть поставленных целей.

Во-вторых, антикризисные меры направлены на устранение текущих недостатков, а среднесрочным и долгосрочным проблемам внимание почти не уделяется. При оценке антикризисных мер реализованных правительством России Ю. Ю. Болдырев отмечает, что осенью 2008 г. существовало два основных варианта выхода из кризиса. Первый, исходящий из необходимости ослабления зависимости России от внешних потребителей ее сырья. И второй, основанный на том, чтобы переждать спад цен на наше сырье на мировых рынках, используя средства резервного фонда, а после возобновления роста соответствующего спроса на этих рынках вернуться к докризисному статус-кво [3, с. 26]. В своей работе Ю. Ю. Болдырев убедительно доказал то, что Россия выбрала второй вариант выхода из кризиса.

В-третьих, системная и эффективная поддержка российской экономики не осуществляется, мотивация честно и добросовестно выполнять свои обязанности у большинства чиновников отсутствует. Все это позволяет сделать вывод, что управление российской экономикой осуществляется крайне неэффективно, основной причиной чего является высокий уровень коррупции и недостаточная эффективность разрабатываемых антикоррупционных мер. Так, по расчетам первого заместителя председателя комитета по бюджету и налогам Госдумы РФ О. Г. Дмитриевой, в результате неэффективного управления государством в 2012 г. прямые потери составили от 3,2 до 4 трлн руб. или около 35 % от общей суммы расходов федерального бюджета [4, с. 61]. По расчетам В. В. Жуковского в 2011 г. они составили от 0,7 до 4 трлн руб. [5]. Одинаковый порядок цифр подтверждает достоверность выводов этих ученых. В то же время В. В. Путин считает деятельность правительства РФ удовлетворительной и профессиональной. Основными антикоррупционными мерами он назвал обязательное декларирование доходов и расходов, запрет на счета и недвижимость за границей [6]. При этом Д. А. Медведев ранее отмечал, что «первая декларационная кампания дала почти нулевой эффект» [7]. По мнению зарубежных исследователей, коррупция в нашей стране не устранена по тому, что «жизнь по двойному стандарту уже давно воспринимается многими россиянами как негласная, но и общепринятая норма» [1].

До прихода В. В. Путина к власти коррупция уже присутствовала. Тем не менее после его прихода она не была устранена. Раньше при выявлении коррупции в высших эшелонах власти разгорался скандал, а сейчас госорганы замалчивают эти ситуации. Например, авторы независимого доклада о коррупции отмечают, что «в 1997 г. разразился грандиозный скандал по поводу гонораров ряда членов правительства за книгу о приватизации. Гонорар составлял 90 тыс. долл. Скандал привел к правительственному кризису. Уже весной 1998 г. правительство было отправлено в отставку. Сейчас сообщения о виллах путинских чиновников стоимостью десятки миллионов долларов никого не интересуют, а эти люди продолжают работу. Часы В. Ресина, первого вице-мэра Москвы, никогда не работавшего в

бизнесе, стоимостью 1 млн долл. также не являются основанием для расследования и отрешения от должности. Самый громкий коррупционный скандал 1990-х гг., связанный с семьей Лужкова, был вокруг установки пластмассовых стульев на стадионе «Лужники». Тендер выиграла жена мэра. Цена вопроса – 700 тыс. долл. Скандал разразился невероятный. В 2008 г. прошел тендер на ремонт и реконструкцию памятника «Рабочий и колхозница» скульптора В. Мухиной. Как и прежде, выиграла Батурина. Однако цена сделки составила уже 100 млн долл. И при этом никакого скандала, никакого расследования не было» [8].

При этом в высших эшелонах власти наказываются обычно только зарвавшиеся коррупционеры. Яркий пример подобного подхода: дело А. Сердюкова. А. Громов на основе интервью с А. Волковым делает предположение, что основная причина этого то, что «чиновник – не субъект системы. Он не может сам ставить задачи. Чиновник как объект управления только получает сигнал и транслирует его. За это ему предоставляется рента – возможность получать доходы. То есть брать взятки, воровать и т. д. И это никакая не коррупция (разъедающая систему ржавчина), а наоборот – структурный элемент системы» [9]. Это предположение позволяет объяснить причины коррупции. По сути, получение коррупционных возможностей является платой за лояльность и одновременно компроматом, который может быть пущен в ход, когда чиновник становится неудобным. Все это свидетельствует о нечистоте центральной власти и отсутствии неотвратимости наказания.

Полный перечень реализуемых антикоррупционных действий дал П. А. Кабанов. Он сообщил, что «относительно успешно развивается антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов, программы противодействия коррупции, создаются институты государственного и общественного контроля за ходом и результатами региональной и муниципальной антикоррупционной политики» [10]. В других работах он убедительно доказал, что менее успешно реализуются антикоррупционный мониторинг, образование (воспитание) и пропаганда, а также открытость для населения и институтов гражданского общества антикоррупционной политики [11–13]. В результате П. А. Кабанов делает вывод,

что в настоящее время в большинстве субъектов РФ создаются эффективные системы противодействия коррупции, нуждающиеся в постоянной корректировке и оценке их эффективности [10].

Политолог С. Шекель отмечает, что кроме соответствующей законодательной базы, лишенной потенциально коррупционных пробелов, необходимы условия, при которых эти законы начинают работать. Но это невозможно без выстраивания таких базовых институций, как реальная политическая конкуренция; независимая судебная система; независимые СМИ. Беда России в том, что все эти меры противоречат существующей системе власти. Независимый суд опасен для власти, поскольку он ограничит возможности контроля властвующей бюрократии за политическими и экономическими игроками. Реальная политическая конкуренция, свобода СМИ и судов несет риски утери контроля над избирательным процессом. В результате власть лишь имитирует борьбу с коррупцией, но ничего не делает для реальной борьбы с ней. И пока с помощью нефтяных доходов власть способна компенсировать неэффективность и коррумпированность системы – эта ситуация будет сохраняться [14].

В результате можно заключить, что руководство нашей страны в целом успокоило российский социум наличием в стране антикоррупционного менеджмента. Тем не менее перевод этих проблем из явного в скрытое состояние следует признать существенным недостатком в антикоррупционной работе. Для доказательства наличия высокой коррупции и остроты ее влияния на экономику сначала изучим индекса восприятия коррупции (рис. 1).

Данное исследование позволяет заключить, что в России создаются более эффективные системы

противодействия коррупции, чем ранее, но их нельзя признать эффективными. Так за последние 15 лет максимальное значение этого индекса в России составляло 2,8 (2004, 2012 и 2013 гг.), тогда как в этом рейтинге лидируют страны с индексом около 9 (Дания, Финляндия, Швеция и др.). Кроме того, многие законодательские меры носят формальный характер и существенно не меняют сложившуюся ситуацию.

Для подтверждения последнего вывода приведем ряд примеров. Во-первых, при формально одинаковых правилах на рынках госзакупок составляются такие требования, что им обычно соответствует только одна организация, связанная с данным чиновником. Во-вторых, Г. Т. Гафурова обнаружила, что фактический процесс бюджетирования в Республике Татарстан длительное время противоречит Бюджетному кодексу РФ (в основном в области невыполнения плана, усложнения процесса реализации бюджета, наличия существенной неритмичности, невыясненных поступлений, прогнозирования и непрозрачности) [15]. В-третьих, Э. М. Гильманов отмечает, что, несмотря на то, что нарушение бюджетной дисциплины является наказуемым деянием, незаконное использование бюджетных средств носит массовый характер на всей территории нашей страны [16]. В-четвертых, В. В. Хоменко и Л. Н. Салимов сообщают, что в России наблюдаются существенные нарушения прав интеллектуальной собственности даже при наличии законодательства запрещающего подобные преступления [17]. В-пятых, 19 августа 2013 г. вступил в силу запрет на владение депутатами зарубежными активами. Незадолго до этого в Госдуме произошло наибольшее число разводов депутатов за всю ее историю. Их

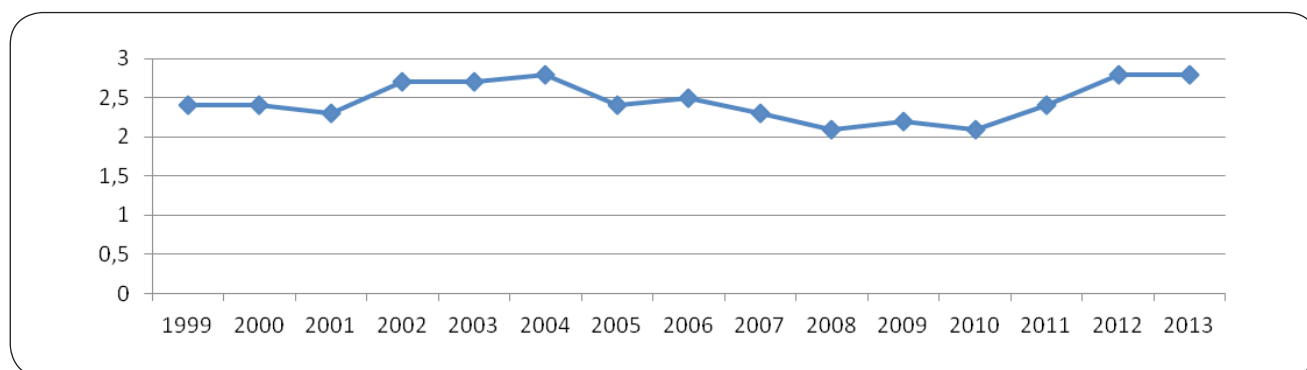

Рис. 1. Величина индекса восприятия коррупции в России за 15 лет

активы перешли в собственность их жен, с которыми они по-прежнему ведут общее хозяйство.

В-шестых, в нашей стране наблюдается почти полное подчинение законодательных и судебных органов исполнительной власти. Для понимания этого достаточно вспомнить скорость, с которой партии «Единая Россия» и «ЛДПР» утверждают законы подготовленные Президентом и Правительством РФ. Не стоит забывать и выражение бывшего спикера Госдумы РФ Б. Грызлова проникшего царящей там атмосферы: «Госдума не место для дискуссий». Мнения судей всегда совпадают с публично озвученным мнением Президента РФ. Счетная палата РФ уже давно не является органом независимого контроля, превратившись в подразделение подчиненное Президенту РФ¹. В этих условиях ни о каком независимом контроле органов исполнительной власти или государственных организаций и говорить не приходится.

В-седьмых, хотя оклад госслужащих низшего ранга и близок к уровню средней зарплаты по региону, темп их работы в большинстве госучреждений очень высок, часто им приходится оставаться после работы, а для реализации каких-либо идей – преодолевать существенные бюрократические препоны. При этом их коллективная работа обуславливает возникновение неравномерной загрузки ее участников, т. е. одни сотрудники работают активно, а другие не очень, а зарплату все они получают примерно одинаковую. Учитывая наличие этих проблем, можно заключить, что хорошее вознаграждение за работу и стимулирование честной работы госслужащих не осуществляется.

В результате можно заключить, что в нашей стране антикоррупционное управление в основном осуществляется формально. Это доказывает, что реализуемых мер по борьбе с коррупцией не-

достаточно и необходимо внедрение системного антикоррупционного менеджмента, учитывающего социальное и политическое воздействие основных институтов². Преимуществом институционального подхода является возможность более точно понимать причины экономических проблем и на этой основе принимать более взвешенные решения. Особенностью российской институциональной экономики является почти полное невмешательство социума в управление своей страной. Далее акцент сделан на изучении именно политических проблем и разработки мер по их решению.

Результаты исследования

Оценка изученных выше проблем позволяет утверждать, что современная институциональная среда предоставляет чиновникам среднего и высшего звена существенные коррупционные возможности. Воспользуются они этим или нет, зависит от их личных моральных качеств. При этом наличие правильного морального кодекса у чиновника высокого ранга и желания у него решить имеющиеся проблемы означает существенное снижение коррупции среди его сотрудников. Общеизвестным примером является Ли Кван Ю, который являясь носителем антикоррупционной идеологии полностью изменил ситуацию с коррупцией в Сингапуре и добился фантастических успехов в экономике страны.

В работе А. В. Белузы отмечено, что общественный контроль над чиновниками очень слаб, поэтому их приходится контролировать высшему начальству. Слаба и исполнительская дисциплина. По данным Контрольного управления Президента РФ, в первоначально установленный срок выполняется лишь каждое пятое поручение главы государства. Вроде есть вертикаль власти, но в ее рамках можно успешно имитировать деятельность, сдавая при этом прекрасные отчеты.

¹ Согласно Федеральному закону № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации», кандидатура председателя Счетной палаты РФ выдвигается Президентом РФ, а Государственная Дума только утверждает или отклоняет ее. В случае отклонения предложенной кандидатуры Президент РФ вправе вновь представить на рассмотрение Госдумы ту же кандидатуру, либо внести другую кандидатуру. Иными словами, Президент РФ все равно проведет на пост ее председателя, ту кандидатуру, которая его устраивает.

² Институты – это «правила игры» в обществе. Есть формальные и неформальные правила. Под формальными понимают нормы поведения, закрепленные в письменном виде и защищенные властными структурами (например, законы или внутренние требования в компаниях). Под неформальными правилами понимают общепринятые условности (обычаи, традиции, общественное мнение) и этические кодексы поведения людей.

Чиновники могут видеть проблему, но долго будут ждать сигналов из центра, опасаясь принимать самостоятельное решение [18]. В итоге госслужащие, привыкнув получать зарплату и при невыполнении своих обязанностей, легко переходят к другому способу обмана государства – получению взятки. Д. А. Медведев, будучи президентом РФ, пытался с этим бороться путем увольнений, подавая тем самым остальным чиновникам сигнал – такое поведение недопустимо. Однако к существенному улучшению ситуации это не привело.

Общеизвестно, что основными факторами, влияющими на институциональные изменения, является наличие или отсутствие в новой системе идеологии и способность большинства населения страны принять ее. Учитывая, что после отказа государства от коммунистических идей новая идеология не была выработана, считаем необходимым создать и распространить ее среди россиян.

В этой идеологии должен быть сделан акцент на: целостности России и единстве ее многонационального населения; уважении российских законов; неприятии коррупции, теневой экономики и признании важности честного образа жизни; стремлении непрерывно самосовершенствоваться; склонности к прогнозированию будущих ситуаций (в идеале во всех сферах жизни, а минимум – в области решения служебных задач); потребности ответственно относиться к любой работе; стремлении оперативно и качественно решать появившиеся проблемы; важности активной гражданской позиции; желании не только духовно, но и экономически развивать окружающий мир для увеличения общей величины общественных благ; убеждении, что социальный статус человека основан на результатах его деятельности в области развития своей страны и увеличения размера общественного благосостояния, а не на демонстрации накопленного им богатства; понимании, что поддержка новаций и новаторов, развивающих российскую экономику, стоит того, чтобы при необходимости потратить на это и свои личные средства.

Хотя внедрение этой идеологии и является наилучшим решением, оно будет осуществляться достаточно долго. В связи с этим следует параллельно реализовывать и другие антикоррупционные меры.

Во-первых, активно реализовывать меры по снижению коррупции госслужащих, находящихся на средних уровнях иерархии, так как именно от них зависит успешность проведения в жизнь распоряжений федерального или регионального лидера. При этом реализуемая антикоррупционная политика не должна вызвать их серьезного противодействия. Наилучшей схемой действия представляется разработка электронной рейтинговой системы учета основных годовых результатов их деятельности. Внедрение рейтинга помимо точного учета вклада каждого чиновника, поощрения лучших и сокращения худших представителей власти создаст соревновательную атмосферу. В результате те госслужащие, для которых получение взятки является некой игрой с представителями закона³, смогут переключиться на более интересное и продуктивное соревнование по достижению наилучших показателей рейтинга.

Для разных чиновников (руководители муниципальных образований, мэры городов, министры, замминистры, начальники отделов и т. п.) должен быть разный рейтинг. В результате руководители, занявшие три первых места, должны получить поощрения (повышение в должности, премию, большее выделение государственных средств для реализации своих служебных полномочий и т. п.), а для трех чиновников, занявших последние места, должна быть проведена сплошная проверка их деятельности за несколько последних лет. В зависимости от ее результатов на этих чиновников должны быть наложены взыскания. При выявлении коррупции рекомендуется их увольнение. При выявлении некомпетентности предлагается на первый раз направить их на обучение, а если они во второй раз окажутся на последних местах, то их следует либо уволить, либо понизить в должности до уровня соответствующего их компетентности.

³ После того, как взяточник за счет незаконных доходов обеспечивает себе безбедное будущее (крупные чиновники способны это сделать за относительно короткий период времени), мотив обогащения сменяет другой мотив. Чаще всего им становится игровой мотив, т. е. демонстрация самому себе или окружающим способности получить взятку и не быть задержанным представителями следственных органов.

Учитывая, что абсолютно одинаковых должностей не существует, для каждой должности предлагается ввести соответствующие поправочные коэффициенты, чтобы устранить изначальное их неравенство. Для этого предлагается в качестве рейтинговых показателей использовать в основном относительные результаты, а не абсолютные⁴. Часть баллов рейтинга должен иметь возможность добавить непосредственный руководитель этого чиновника за различные «микродела», не учитываемые рейтингом.

При этом следует понимать, что обкатка данного рейтинга и корректировка его показателей под реальные условия деятельности чиновников займет не менее трех лет. В связи с этим меры к чиновникам следует применять только по истечении этого срока, так как иначе некоторые из них могут пострадать из-за несовершенства рейтинга. Однако начать внедрять эту систему нужно в ближайшее время, так как она позволит получить лучшее представление о результатах работы чиновников и даст им четкие ориентиры для работы. При этом рейтинг на низших уровнях власти внедрять не предлагается. Это связано с тем, что издержки по его внедрению будут больше чем, польза от него. Кроме того, на низших уровнях иерархии должностные обязанности и требования к их деятельности обычно прописаны более детально и успешность их работы вполне могут оценить их непосредственные начальники в то время как чиновники среднего эшелона имеют больше коррупционных возможностей, что и обуславливает важность внедрения рейтинга в первую очередь именно для них.

Серьезного противодействия внедрению рейтинга не ожидается, так как от него пострадает небольшая часть чиновников, причем каждый будет думать, что его это не коснется. Кроме того, трехлетний период внедрения этой системы без

наказаний и поощрений позволит им спокойнее свыкнуться с введением рейтинга. При этом еще одним мотивом повышения качества их работы будет соревновательный стимул, так как для многих руководителей важно признание руководства в том, что он лучший или, по крайней мере, не худший. Для того чтобы преимущества рейтинга почувствовала большая часть чиновников, можно для трети лучших из них ввести еще какой-нибудь небольшой бонус⁵.

При этом очень важна личная заинтересованность федерального или регионального лидера в ведении этой системы, так как ему придется заложить основы оценочных показателей; изучать идеи по совершенствованию этого рейтинга от чиновников, которых он затронет; проверять достоверность заявленных результатов; каждый год корректировать его в соответствии с выявленными проблемами или появившимися возможностями.

Затраты на разработку и внедрение данного электронного рейтинга относительно невысоки. Так, программную часть вполне могут за год разработать пять программистов. Если ориентироваться на их ежемесячную зарплату в 20 тыс. руб., обеспечение их служебной оргтехникой, обстановкой и расходными материалами на сумму в 300 тыс. руб., то его общая стоимость составит 1,5 млн руб., не учитывая личное время регионального или федерального лидера, возможную работу аналитического отдела по его доработке, время чиновников среднего эшелона на его заполнение (не менее одного дня в году) и выработку ими мер по его совершенствованию. Тем не менее все эти затраты окупятся. Дело в том, что по расчетам О. Г. Дмитриевой и В. В. Жуковского потери от коррупции составляют около 4 трлн руб. [4; 5].

Во-вторых, добиться неотвратимости наказания. Для этого предлагается невыполнение обещаний или должностных обязанностей

⁴ Например, рентабельность каждого направления деятельности, которым руководит изучаемый чиновник; инновационную активность; успешность работы его подчиненных; число новых направлений или территорий охватываемых им за год; активность реализации социальной политики; частота жалоб населения на его деятельность; частота обращений населения в высшие инстанции, минуя данного чиновника; самостоятельно выявленные случаи коррупции среди своих подчиненных; и т. п.

⁵ Например, оплачиваемый дополнительный недельный отпуск, бесплатные курсы повышения квалификации (самые лучшие могут получить право самостоятельно выбрать на какие именно курсы они хотят получить направление), абонемент на занятия в каком-либо спортивном объекте на предьявителя; оплату какого-либо праздничного мероприятия этого чиновника со своими подчиненными или родственниками и т.п.

чиновников перед населением приравнять к утрате доверия и, соответственно, снимать с занимаемых должностей. В настоящее время наиболее действенным инструментом общественного давления является выкладка видеороликов в YouTube. Исходя из этого, предлагается создать электронный список безответственных чиновников. По каждому из них любой гражданин РФ должен иметь возможность оставить сообщение или прикрепить видеоролик. При превышении некоторого порога⁶ деятельность этого госслужащего должны в обязательном порядке проверить соответствующие органы, принять необходимые меры и выложить заключение и информацию о принятых решениях в Интернете.

В-третьих, следует отметить, что представители государства обычно не настроены бороться с коррупцией в своем ближайшем окружении. Однако мздоимство, безответственность и некомпетентность среди людей, не входящих в их число и находящихся ниже их по иерархической лестнице, они способны ликвидировать. Для этого предлагается:

- установить контроль над всеми действиями чиновников любого ранга в служебное время, используя опыт инспекторов ДПС в Тюменской области, которые начали применять портативные цифровые видеорегастраторы. Они обладают емкостью 8 Гб и могут работать до восьми часов на одной зарядке; имеется автозарядка. Маленькая камера устанавливается на карман куртки инспектора или на грудь. Блок управления размещается на поясе, как мобильный телефон» [19]. Ожидается, что в результате число нарушений чиновниками закона существенно сократится, повысится уровень вежливости, увеличится число и качество консультаций оказываемых ими, появится стремление решить проблему при ее упоминании и т. д.;

- начать проверять всех чиновников на полиграфе. Достижение положительного эффекта гарантирует опыт работы главы столичного департамента по конкурентной политике Г. Дегтева.

⁶ Он должен быть разным для каждой группы чиновников, так как от каждого из них зависит благополучие разного числа граждан. Например, 100 тыс. голосов для федерального чиновника, 10 тыс. жалоб для регионального госслужащего и 1 тыс. недовольных для представителя государства на муниципальном уровне.

Он сообщает, что «за три года протестировано 847 членов конкурсных комиссий. В результате 329 чиновников или 39 % из числа ответственных за размещение заказов были исключены из состава этих комиссий. Благодаря тестированию на полиграфе процент чиновников, находящихся в так называемой зоне риска, год от года сокращается. Если в 2010 г. под большим вопросом после тестирования оказались 50 % опрошенных, то по итогам 2012 г. – не более 15 % [20]. В связи с этим предлагается сделать эту проверку обязательной и проводить ее для каждого чиновника;

- вернуть Государственной Думе право избирать Председателя Счетной палаты РФ. В. В. Путин в предвыборной речи (в начале 2012 г.) говорил о порочности такой зависимости. По сути, она наглядно демонстрирует принцип «лоялен – воруй, не лоялен – сядешь». Тем не менее пока Счетная палата независимость от исполнительной власти не получила.

В других работах автора предложены и систематизированы и другие антикоррупционные институциональные меры [21–25].

При решении всех этих проблем предлагается использовать новый антикризисный подход. На основе более раннего исследования автора [26, с. 22–23] можно заключить, что кризис – это нестандартная ситуация, в которых большинство субъектов, взаимодействующих с изучаемым объектом, полагают, что его неблагоприятное отклонение от нормы излишне велико и несет угрозу их привычной жизнедеятельности, но он способен оперативно и существенно улучшить ожидающее его состояние. В результате наличие кризиса предлагается определять путем сравнительной оценки текущего состояния российской экономики с состоянием схожих экономик других государств. Так, в Объединенных Арабских Эмиратах экспорт нефти раньше составлял значительную часть ее ВВП (73 % в 1980 г., 32 % в 1998 г.), но благодаря диверсификации экономики доля нефтегазовой отрасли в ВВП снизилась к 2009–2010 гг. до 7–9 % [27]. Это позволяет заключить, что с момента своего образования (25 декабря 1991 г.) Российская Федерация находится в состоянии кризиса и ее экономическая деятельность, в отличие от других государств, только ухудшается. Тем не менее российские власти замалчивают то, что наша экономика находится

в состоянии скрытого экономического кризиса. Это приводит к тому, что антикризисные меры в ней не реализуются и не будут разрабатываться вплоть до обострения экономических проблем из-за ухудшения внешней среды. В результате новизна предлагаемого антикризисного подхода заключается в необходимости реализации непрерывного управления имеющимися проблемами, а не только в периоды явного кризиса.

Выводы

Ожидается, что в результате внедрения всех предложенных рекомендаций коррупция начнет снижаться, что приведет к улучшению состояния российской экономики. Предполагается, что потери от коррупции снизятся уже через год после начала реализации этих мер, через три года эффект от их реализации станет существенным, а через 20–50 лет выпускники вузов воспитанные с детских лет на новой идеологии почти полностью ликвидируют коррупцию.

Список литературы

1. URL: <http://www.iarex.ru/interviews/34004.html>
2. Куликов В. Правительств – четыре, а программ? // Российский экономический журнал. 2011. № 5. С. 3–10.
3. Болдырев Ю. Ю. Кого поздравлять с «выходом из острой фазы кризиса»? // Российский экономический журнал. 2010. № 1. С. 24–40.
4. Дмитриева О. Г. Экономические кругообороты и финансовые «пылесосы» // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 49–62.
5. Жуковский В. В. Распил с ускорением. Мы посчитали деньги, утекающие из страны, до последнего миллиарда // Новая газета: экономика. Вып. № 46 от 25 апреля 2012 г. URL: <http://www.novayagazeta.ru/economy/52326.html>
6. Путин В.В. Мне хвагает зарплаты // ДНИ.РУ ИНТЕРНЕТ-ГАЗЕТА ВЕРСИЯ 5.0. 19 декабря 2013 г. URL: <http://www.dni.ru/economy/2013/12/19/266180.html>
7. Танас О. Нулевой эффект Медведева: президент признал неэффективность декларационной кампании чиновников // Газета.ru: политика – власть. 22 марта 2012 г. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2012/03/22_a_4101685.shtml
8. Путин В.В. Коррупция // Независимый экспертный доклад. М., 2011. 40 с. URL: <http://www.putin-itogi.ru/f/Putin-i-korrupsiya-doklad.pdf>
9. Громов А. Поглотители // Slon: интервью с Александром Волковым – экспертом в области защиты компаний от недружественного поглощения и принудительного слияния. 18 декабря 2012 г. URL: http://slon.ru/ipad/poglotiteli-861364.xhtml?utm_source=mail&utm_medium=tease&utm_campaign=ipad
10. Кабанов П. А. Антикоррупционная политика в субъектах Российской Федерации: от имитации к институционализации // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 3. С. 28–47.
11. Кабанов П. А. Правовое регулирование антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации: проблемы и перспективы // Административное и муниципальное право. 2013. № 4. С. 347–354.
12. Кабанов П. А. Правовое регулирование антикоррупционного мониторинга в субъектах российской федерации на муниципальном уровне // Мониторинг правоприменения. 2013. № 2. С. 38–43.
13. Кабанов П. А., Райков Г. И., Чирков Д. К. Политическая коррупция в условиях реформирования российской государственности на рубеже веков: монография. М.: Дружба народов, 2008. 224 с.
14. Станислав Шкель: Антикоррупционные меры противоречат системе власти в России // Регионы России: российское информационное агентство 16 декабря 2013 г. URL: <http://www.gosrf.ru/news/12606/>
15. Гафурова Г.Т. Проблемы исполнения бюджета Республики Татарстан по доходам и пути их решения // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2013. № 2. С. 214–220.
16. Гильманов Э. М. Вопросы уголовной ответственности за нарушение бюджетной дисциплины // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: юридические науки. 2011. № 1. С. 46–48.
17. Хоменко В. В., Салимов Л. Н. Актуальные направления международного регулирования инновационной активности // Интеграл. 2010. № 2. С. 72–74.
18. Белуза А. В. Почему в России «ручное управление» // Newsland: общество. 14 сентября 2010 г. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/557901/>
19. URL: <http://www.auto72.ru/news/news56190.html>
20. Игнатова О. Полиграф не одобрил: чиновников, ответственных за горзаказ – проверили // Российская газета. 27 февраля 2013 г. URL: <http://www.rg.ru/2013/02/27/poligraf.html>
21. Манушин Д. В. Антикризисное государственное управление российской экономикой: институциональный подход // Финансы и кредит. 2014. № 3. С. 23–34.
22. Манушин Д. В. Определение этапов антикризисного управления в России на макроэкономическом уровне // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 20. С. 13–23.
23. Манушин Д. В. Современная классификация макроэкономических кризисов // Финансы и кредит. 2013. № 2. С. 35–46.
24. Манушин Д. В. Современная классификация российских государственных антикризисных мероприятий // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2011. № 2. С. 35–42.
25. Манушин Д. В. Современные виды государственного антикризисного управления макроэкономикой // Экономический анализ: теория и практика. 2012. № 40. С. 15–27.
26. Манушин Д. В. Новый взгляд на понятие «кризис» // Экономический анализ: теория и практика. 2013. № 15. С. 17–24.
27. URL: <http://ru.wikipedia.org/>

В редакцию материал поступил 20.01.14

© Манушин Д. В., 2014

Информация об авторе

Манушин Дмитрий Викторович, кандидат экономических наук, доцент кафедры финансового менеджмента, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420108, г. Казань, ул. Зайцева, 15, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: predmet22@mail.ru

Как цитировать статью: Манушин Д. В. Проблемы антикоррупционного и антикризисного управления российской экономикой и меры по их решению: институциональный аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 56–65.

D. V. MANUSHIN,

PhD (Economics), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

ISSUES OF ANTI-CORRUPTION AND ANTI-CRISIS MANAGEMENT OF THE RUSSIAN ECONOMY AND MEASURES FOR THEIR SOLUTION: INSTITUTIONAL ASPECT

Objective: to show the crisis state of the Russian economy, complicated by the presence of corruption, and measures to eliminate it.

Method: abstract logic.

Results: the need is proved to solve the identified economic and corruption problems. Anti-corruption measures are developed: a new ideology is formed, a rating system of fixing the bureaucracy performance is developed; a proposition is made to install state and public video surveillance over the officials' actions during service, to start checking all the authorities on a polygraph, to return the right to elect Chairman of the Accounts Chamber of the Russian Federation to the State Duma, etc.

Scientific novelty: it is proved that without changing the existing ideology the economic problems can not be solved. The new anti-corruption ideology and anti-corruption measures are proposed. It is proved that the solution of economic problems is anti-corruption and anti-crisis management.

Practical value: the possibility to solve economic problems on the basis of both short-term opportunities to reduce corruption by removing the identified corruption opportunities, and long-term ones by introducing the new anti-corruption ideology.

Key words: problems of the Russian economy, corruption, anti-corruption management; anti-crisis management; institutional aspect.

References

1. <http://www.iarex.ru/interviews/34004.html>
2. Kulikov, V. Four governments; how many programs? *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 2011, no. 5, pp. 3–10 (in Russ.).
3. Boldyrev, Yu. Yu. Who should be congratulated with “leaving the sharp phase of crisis”? *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal*, 2010, no. 1, pp. 24–40 (in Russ.).
4. Dmitrieva, O. G. Ekonomicheskie krugoooboroty i finansovye “pylesosy” (Economic turnover and financial “vacuum cleaners”). *Voprosy ekonomiki*, 2013, no. 7, pp. 49–62.
5. Zhukovskii, V. V. Raspil s uskoreniem. My poschitali den'gi, utekayushchie iz strany, do poslednego milliarda (Cutting with acceleration. We have counted the money flowing away from the country, up to the last billion). *Novaya gazeta: ekonomika*, Вып. no. 46 от 25 апреля 2012 г., available at: <http://www.novayagazeta.ru/economy/52326.html>
6. Putin, V. V. Mne khvataet zarplaty (Putin: Salary is enough for me). *DNI.RU INTERNET-GAZETA VERSIYA 5.0. 19 dekabrya 2013 g.*, available at: <http://www.dni.ru/economy/2013/12/19/266180.html>
7. Tanas, O. Nulevoi effekt Medvedeva: prezident priznal neeffektivnost' deklaratsionnoi kampanii chinovnikov (Medvedev's zero effect: the President announced the officials' declaration campaign inefficient). *Gazeta.ru: politika – vlast'*. 22 marta 2012 г., available at: http://www.gazeta.ru/politics/2012/03/22_a_4101685.shtml
8. Putin, V. V. *Korrupsiya. Nezavisimyi ekspertnyi doklad* (Putin. Corruption. Independent expert report). Moscow, 2011. 40 p., available at: <http://www.putin-itogi.ru/f/Putin-i-korrupsiya-doklad.pdf>
9. Gromov, A. *Poglotiteli. Slon: interv'yū s Aleksandrom Volkovym – ekspertom v oblasti zashchity kompanii ot nedruzhestvennogo pogloshcheniya i prinuditel'nogo sliyaniya. 18 dekabrya 2012 g.* (Absorbers. Slon: an interview with Aleksandr Volkov – an expert in protecting companies from unfriendly absorption and forced mergers. December 18, 2012), available at: http://slon.ru/ipad/poglotiteli-861364.xhtml?utm_source=mail&utm_medium=tease&utm_campaign=ipad
10. Kabanov, P. A. Anti-corruption policy in the Russian Federation subjects: from imitation to institutionalization. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2011, no. 3, pp. 28–47 (in Russ.).
11. Kabanov, P. A. Legal regulation of anti-corruption monitoring in the Russian Federation subjects: problems and prospects. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo*, 2013, no. 4, pp. 347–354 (in Russ.).
12. Kabanov, P. A. Legal regulation of anti-corruption monitoring in the Russian Federation subjects at municipal level. *Monitoring pravo-primeneniya*, 2013, no. 2, pp. 38–43 (in Russ.).

13. Kabanov, P. A., Raikov, G. I., Chirkov, D. K. *Politicheskaya korrupsiya v usloviyakh reformirovaniya rossiiskoi gosudarstvennosti na rubezhe vekov* (Political corruption under reforming the Russian statehood at the verge of centuries). Moscow: Druzhba narodov, 2008. 224 p.
14. Stanislav Shkel': Antikorrupsionnye mery protivorechat sisteme vlasti v Rossii (Stanislav Shkel': Anti-corruption measures contradict to the power system of Russia). *Regiony Rossii: rossiiskoe informatsionnoe agentstvo 16 dekabrya 2013 g.*, available at: <http://www.gosrf.ru/news/12606/>
15. Gafurova, G. T. Problems of budget executing in the Republic of Tatarstan by incomes and way of solving them. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2013, no. 2, pp. 214–220 (in Russ.).
16. Gil'manov, E. M. Issues of criminal liability for violating budget discipline. *Vektor nauki tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2011, no. 1, pp. 46–48 (in Russ.).
17. Khomenko, V. V., Salimov L. N. Topical direction of international regulation of innovative activity. *Integral*, 2010, no. 2, pp. 72–74 (in Russ.).
18. Beluza, A. V. Pochemu v Rossii "ruchnoe upravlenie" (Why is there "manual control" in Russia?). *Newsland: obshchestvo. 14 sentyabrya 2010 g.*, available at: <http://newsland.com/news/detail/id/557901/>
19. <http://www.auto72.ru/news/news56190.html>
20. Ignatova, O. Poligraf ne odobril: chinovnikov, otvetstvennykh za gorzakaz – proverili (Polygraph degtector has not approved: the officials in charge of state orders were checked). *Rossiiskaya gazeta*, 2013, February 27, available at: <http://www.rg.ru/2013/02/27/poligraf.html>
21. Manushin, D. V. Anti-crisis state management of the Russian economy: institutional approach. *Finansy i kredit*, 2014, no. 3, pp. 23–34 (in Russ.).
22. Manushin, D. V. Defining the stages of anti-crisis management in Russia at macro-economic level. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2012, no. 20, pp. 13–23 (in Russ.).
23. Manushin, D. V. Modern classification of the macro-economic crises. *Finansy i kredit*, 2013, no. 2, pp. 35–46 (in Russ.).
24. Manushin, D. V. Modern classification of the Russian state anti-crisis measures. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2011, no. 2, pp. 35–42 (in Russ.).
25. Manushin, D. V. Modern types of the state anti-crisis management of macroeconomics. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2012, no. 40, pp. 15–27 (in Russ.).
26. Manushin, D. V. New view on the notion of "crisis". *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika*, 2013, no. 15, pp. 17–24 (in Russ.).
27. <http://ru.wikipedia.org/>

Received 20.01.14

Information about the author

Manushin Dmitriy Viktorovich, PhD (Economics), Associate Professor of Financial Management Chair, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 15 Zaitsev St., 420108, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: predmet22@mail.ru

How to cite the article: Manushin D. V. Issues of anti-corruption and anti-crisis management of the russian economy and measures for their solution: institutional aspect. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 56–65.

© Manushin D. V., 2014

УДК 343.9:328.185

П. Н. ФЕЩЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент, докторант

*Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного
юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, Россия*

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ АНТИКОРРУПЦИОННОГО МОНИТОРИНГА: ВОПРОСЫ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА

Цель: исследование понятия и состояния антикоррупционного мониторинга и выработка мер по повышению его эффективности.

Методы: диалектический метод познания, позволяющий изучать происходящие в обществе явления и процессы в их историческом развитии, во взаимосвязи и взаимообусловленности, а также основанные на нем общенаучные, специальные и частноправовые методы.

Результаты: проведен анализ понятия и состояния антикоррупционного мониторинга в России как деятельности по отслеживанию характеристик коррупции и результатов реализации антикоррупционных мероприятий; установлено, что сегодня отсутствуют узаконенные критерии оценки негативных последствий коррупции для государства и общества; предложены и обоснованы показатели состояния коррупции и антикоррупционной деятельности в виде комплексного «ущерба», где существенной составляющей является рост социальной напряженности в обществе.

Научная новизна: предложено введение качественного показателя оценки коррупции в виде комплексного «ущерба»: сумм назначенных и неуплаченных штрафов за коррупционные преступления, падения авторитета власти, роста эмиграции, фактов самосуда и т. д.; обоснована целесообразность оценки социальной напряженности в обществе как комплексного показателя недовольства населения проводимой политикой, в том числе в сфере противодействия коррупции. Предложена криминализация деяний, ведущих к существенному росту социальной напряженности и совершению преступлений.

Практическая значимость: результаты исследования восполняют существующий сегодня пробел в критериях оценки состояния коррупции и эффективности мер противодействия, устанавливая единообразные подходы в данной сфере, позволяя повысить ответственность за деяния, ведущие к существенному росту социальной напряженности, а также могут быть использованы в законотворческой и педагогической деятельности в образовательных учреждениях юридического профиля.

Ключевые слова: коррупция; антикоррупционный мониторинг; причины преступности; социальная напряженность; предупреждение преступности и коррупции.

Введение

В последнее время руководство страны, ученые, законодатели, политики и простые граждане проявляют повышенное внимание к проблемам борьбы с коррупцией и ее результатам. Принят большой пакет антикоррупционных документов различного уровня, озвучены огромные цифры ущерба и имена высокопоставленных чиновников – коррупционеров, однако по-прежнему остается масса нерешенных проблем и большое число недовольных результатами реализации намеченных мероприятий. Это недовольство проявляется как в выступлениях первых лиц, озвучивающих цифры разворованных бюджетных средств; исследователей, отмечающих выявленную тенденцию все более мягких наказаний «за-

рвавшимся чиновникам», так и простых граждан, страдающих от вымогательства, волокиты и коррумпированности должностных лиц.

При объявленной властями «войне с коррупцией» необходимо периодически подводить итоги, оценивать состояние «врага» и отчитываться перед избирателями, т. е. проводить антикоррупционный мониторинг, под которым мы понимаем систематическое отслеживание результатов реализации антикоррупционных мер и состояния коррупции в обществе.

Сложившаяся в настоящий момент ситуация показывает, что разные субъекты на разных уровнях власти проводят антикоррупционный мониторинг по собственному усмотрению, так как отсутствует четкое определение антикорруп-

ционного мониторинга. При этом сам «мониторинг» понимается неоднозначно и охватывает совершенно различные показатели.

Так, еще в 2011 г. П. А. Кабанов отмечал, что «на сегодняшний день в региональном законодательстве понятие антикоррупционного мониторинга определяется по-разному. В одних субъектах РФ дается неполное определение с нарушением законодательной техники... В других происходит перечисление различных видов антикоррупционного мониторинга без пояснения содержания этого инструмента антикоррупционной политики... Третьи заимствуют в полном объеме этот термин из Модельного закона СНГ...» [1, с. 276].

Результаты исследования

В рассматриваемой работе автор предлагает определение данного явления, которое, на наш взгляд, может служить основанием для последующих исследований: «антикоррупционный мониторинг – это профессиональная деятельность по измерению реального состояния коррупции и/или отдельных форм (видов) ее проявления, причин коррупции (коррупционных и/или коррупциогенных факторов), результатов реализации антикоррупционной политики в соответствии с установленными методикой и правилами ее осуществления на определенной территории за определенный период времени» [1, с. 280].

Следует отметить, что в настоящее время проведены многочисленные исследования, касающиеся различных составных частей или аспектов общей картины противодействия коррупции, что также можно отнести к важным сторонам антикоррупционного мониторинга: сложившейся практики назначения уголовных наказаний за коррупционные преступления [2], содержания публикаций о выявленных фактах коррупции, состояния правового регулирования антикоррупционного мониторинга [3, с. 38–43], изменения типичных размеров взяток, предлагаемых муниципальным служащим [4], динамики антикоррупционного взаимодействия власти и институтов гражданского общества [5, с. 25–31] и др.

В то же время, на наш взгляд, при всей четкости и понятности данного П. А. Кабановым определения антикоррупционного мониторинга

в рассматриваемой сфере сегодня существует целый ряд проблем теоретического и прикладного характера. Прежде всего, не определена та цель, которая должна быть достигнута и о степени приближения к которой следует регулярно отчитываться. Если ориентироваться на основополагающий ФЗ-273 «О противодействии коррупции» 2008 г., то в нем вопрос о способах измерения коррупции «в начальной точке» и «в отчетной» отсутствует.

По определению, данному в Национальной стратегии противодействия коррупции 2010 г., основная цель антикоррупционного мониторинга – это «искоренение причин и условий коррупции»¹, поскольку если не будет причин, не будет и противоправных деяний. По аналогии можно сказать, не будет голодных, не будет причины красть. По другой аналогии – будет коммунизм, писали в программных документах КПСС, не будет преступности (а значит, и коррупции).

Мы согласны с И. В. Бестужевым-Лада, что есть необходимость разработать нормативный прогноз развития общества [6] – поэтапного решения разноплановых задач для достижения поставленной цели.

Как указывают специалисты в теории систем, именно «цель» определяет все последующие шаги и, прежде всего, «дерево целей», систему задействованных субъектов, ресурсное обеспечение, контрольные точки и оценочные показатели [7].

Если определить цель «снизить число коррупционных преступлений», можно или устранять причины коррупции, или «играть статистикой». Если есть цель «снизить ущерб от коррупции», то возникает необходимость называть не только цифры «откатов» и хищений, но и возвращенных преступниками средств (в этом случае граждане могут избежать необходимости второй раз оплачивать (через налоги), например, покупку томографов, создание системы ГЛОНАСС и т. д.).

Показательно, что на заседании Президентского совета по противодействию коррупции в октябре 2013 г. наряду с уже привычными цифрами многомиллиардных хищений и взяток уже

¹ Национальная стратегия противодействия коррупции: утверждена указом Президента Российской Федерации № 460 от 13 апреля 2010 г. // Российская газета. 2010. 13 апреля.

прозвучала цифра, что за первые полгода 2013 г. коррупционерам начислили 20 млрд штрафов, а те возместили лишь 20 млн рублей, и были сделаны выводы о неэффективности принятых ранее подходов в сфере воздействия на коррупцию² [8]. Председатель Верховного суда России В. Лебедев по данному поводу отмечал, что «в 2010 г. суды назначили в уголовных делах 1 млрд 800 млн руб. штрафа. Из них 470 млн руб. были заплачены добровольно, 180 млн руб. взыскали принудительно, еще 1 млрд 140 млн руб. повисло в воздухе» [9].

Если «ущерб» от коррупции понимать шире, то возникает необходимость измерить и падение авторитета власти, рост протестных выступлений, актов самосуда как показателя недоверия правоохранительным органам, эмиграции, суицида, пьянства, и уровня рождаемости/смертности. Комплексным же показателем, на наш взгляд, мог бы быть измеренный уровень «социальной напряженности» как показатель недовольства населения деятельностью властей различного уровня. Изменение социальной напряженности будет требовать выяснения причин, в числе которых могут быть и коррупционные аспекты от коррупции до «вялости» в борьбе и игнорирования интересов населения. В случае наличия неудовлетворенности состоянием борьбы с коррупцией необходимо измерить количественные и качественные показатели ее состояния, установленные криминологами, и выработать меры по ликвидации неблагоприятных тенденций.

Выработка таких мер будет также одним из оценочных показателей в деятельности власти, как и ход их реализации. Оцениваться должны и материалы СМИ, которые могут снижать или повышать авторитет власти, вскрывать или обнажать проблемы и, в итоге, вести к росту или снижению социальной напряженности.

Активное использование СМИ в целях формирования нетерпимости к коррупционному поведению вызывает в общественном сознании разные, в том числе негативные, эффекты. Крайне важным при этом, по нашему мнению, является определение вектора настроения масс – планиру-

ют ли они для улучшения ситуации и проведения реальной борьбы с коррупцией и отстаивания своих прав перейти к неконституционным и насильственным акциям?

При росте таких настроений следует принимать самые кардинальные меры, вплоть до привлечения виновных лиц к ответственности по предлагаемым нами к введению в УК РФ статьям «Доведение до массовых беспорядков» и «Доведение до самосуда».

В октябре 2013 г. узаконена ответственность муниципальной власти за возникновение межнациональных конфликтов [10]. Как представляется, в данном направлении следует идти дальше, вводя ответственность за существенный рост социальной напряженности и наступившие преступные последствия.

Криминологи уже давно оценили несостоятельность факторного подхода к определению причин преступности, увязывавшего, например, безработицу и преступность, пьянство и преступность и т. д. Сегодня понятно, что к преступности ведет не сама безработица, а безработица плюс низкое пособие по безработице и т. д. Современные ученые считают необходимым, прежде всего, учитывать правосознание личности, ее ценностные установки и т.д., что в итоге и приведет к верным прогнозам преступного поведения [11].

На наш взгляд, именно комплексная оценка настроений масс, выражающаяся через «социальную напряженность» как важный криминогенный фактор, и позволит в итоге оценить эффективность принимаемых мер антикоррупционной направленности в ходе соответствующего антикоррупционного мониторинга [12].

Оценка отдельных факторов – количества принятых нормативных актов, осужденных коррупционеров, размера ущерба и т. д. не позволяет в комплексе оценить эффективность всей антикоррупционной деятельности – от реакции на повышение цен на продукты (например, куриные яйца, подорожавшие «вдруг» в октябре 2013 г. почти в два раза), на бензин, платы за проезд до неконтролируемой коррупционерами миграции и т. д. и т. п., что может привести к тому, что власть проглядит угрожающее безопасности развитие событий.

На наш взгляд, здесь уместным может быть рассмотрение современных теоретических воз-

² Путина не устраивает мягкое антикоррупционное законодательство... В первой половине 2013 г. за получение взяток осуждены почти 700 человек, и только 8 % взяточников получили реальные сроки лишения свободы...

зрений на теорию управляемого хаоса. Как, например, пишет Стивен Манн, «...песчинки складывают одна к одной до тех пор, пока в результате критического состояния последняя не создаст лавину... Система работает в сторону главного изменения как результат небольших, в основном игнорируемых событий ...» [13].

На наш взгляд, это как раз подходит к описанной выше ситуации постепенного накопления протестного потенциала среди различных слоев населения, где коррупционные деяния являются наиболее раздражающими население факторами.

Показательно высказывание в СМИ одного из высокопоставленных английских чиновников по поводу массовых погромов в Лондоне в августе 2011 г., что «подобные события никак предугадать нельзя». Да, там было веками спокойно, но там живет огромная масса выходцев с того самого Ближнего Востока, где «попыхало» уже с начала года! Как известно, в свое время проглядела крах и 300-летняя династия Романовых в России, несмотря на открытые заявления большевиков о намерении «поднять недовольных» и совершить революцию.

Такую же «близорукость» отмечает Э. М. Шур применительно к трактовке Властями причин погромов в США летом 1965 г., считавших, что «насилие имело характер «судорог», «необъяснимой ярости» и вообще было «беспредметным», что свидетельствовало о поразительном непонимании истинной природы и значения этих беспорядков...» [14, с. 186].

Как представляется, применительно к антикоррупционному мониторингу в рассматриваемом аспекте уместным может быть ссылка на положение Национального плана противодействия коррупции на 2012–2013 гг., где ставится задача «создания эффективной системы обратной связи, позволяющей государству корректировать проводимую антикоррупционную политику на основе информации о ее результативности, полученной от населения и институтов гражданского общества...»³.

³ О национальном плане противодействия коррупции на 2012–2013 гг. и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции № 297 от 13 марта 2012 г.: Национальный план противодействия коррупции на

Достижению успеха, как справедливо указывают авторы [15, с. 39], здесь могут способствовать наличие системы мониторинга динамики угроз, позволяющей достоверно прогнозировать развитие ситуации в интересах безопасности..., а также создание благоприятных условий жизнедеятельности людей, исключающих обострение конфликтов.

Эта деятельность потребует оценки не только числа «граждан, не довольных деятельностью властей», но и установления доли тех, кто готов участвовать в открытых акциях протеста, а также насильственных действиях с оружием или без такового, включая совершение террористических актов для отмены соответствующих решений. Потребуется реагирование на рост этих «долей» за год и выяснение их причин, в том числе связанных с ростом числа бедных и неблагополучных семей, обманутых «дольщиков», «разбазариванием бюджетных средств», мягкостью наказания коррупционеров и т. д. и т. п.

Выводы

Таким образом, анализируя принятый в декабре 2010 г. новый Федеральный закон «О безопасности»⁴, можно сделать вывод, что он в ст. 2 в числе основных принципов определяет «приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности», в ст. 3 при регламентации деятельности по обеспечению безопасности на первое место ставит «прогнозирование, выявление, анализ и оценку угроз безопасности» (ч. 1), на что и направлена данная работа автора.

Список литературы

1. Кабанов П. А. Понятие антикоррупционного мониторинга как криминологической категории // Право и практика. Научные труды Ин-та Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина в г. Кирове. 2011. № 8. С. 276.
2. Павлинов А. В. Угрозы безопасности России. Антикоррупционный и антиэкстремистский мониторинг. М.: Юрлитинформ, 2012. 280 с.
3. Кабанов П. А. Правовое регулирование антикоррупционного мониторинга в субъектах Российской Федерации

2012–2013 гг.: утвержден указом Президента РФ // Собрание законодательства РФ № 12. 19 марта. Ст. 1391.

⁴ О безопасности: Федеральный закон № 390-ФЗ от 28.12.2010 // СПС Консультант Плюс.

на муниципальном уровне // Мониторинг правоприменения. 2013. № 2. С. 38–43.

4. Получение взятки муниципальным служащим: уголовно-правовые и криминологические аспекты. М.: Юрлитинформ, 2012. 296 с.

5. Кабанов П. А. Криминологический мониторинг взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции // Мониторинг правоприменения. 2012. № 4. С. 25–31.

6. Бестужев-Лада И. В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации. М.: Наука, 1987. 213 с.

7. Клир Дж. Системология. Автоматизация решения системных задач: пер. с англ. М.: Радио и связь, 1990. 544 с.

8. URL: <http://www.newstube.ru/media/putina-ne-ustrivaet-myagkoe-antikorrupcionnoe-zakonodatel-stvo>

9. Куликов В. Сидите долго – платите быстро // Российская газета. 2012. 2 марта.

10. URL: <http://news.mail.ru/politics/15220983/>

11. Эминов В. Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. 128 с.

12. Фещенко П. Н. Место и роль коррупции в генезисе социальной напряженности. Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2011.

13. Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление: пер. с англ. URL: <http://4as.info/pub/970>

14. Шур Э. М. Наше преступное общество. Социальные и правовые источники преступности в Америке: пер. с англ. Ю. А. Неподаева. М.: Прогресс, 1977. С. 186.

15. Пилюгин Д. С., Пилюгина Т. В. Национальная безопасность на уровне региона как фактор снижения напряженности в обществе и формирования толерантности // Российский следователь. 2012. № 21. С. 39.

В редакцию материал поступил 13.01.14

© Фещенко П.Н., 2014

Информация об авторе

Фещенко Павел Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, руководитель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Волго-Вятский институт (филиал) Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

Адрес: 610000, г. Киров, ул. Московская, 30, тел.: (8332) 64-03-01

E-mail: fpn2005@mail.ru

Как цитировать статью: Фещенко П. Н. Функционирование системы антикоррупционного мониторинга: вопросы повышения качества // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 66–71.

P. N. FESHCHENKO,

PhD (Law), Associate Professor, doctoral

Volga-Vyatka Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin, Kirov, Russia

FUNCTIONING OF ANTI-CORRUPTION MONITORING SYSTEM: ISSUES OF QUALITY IMPROVING

Objective: to study the concept and state of anticorruption monitoring and to develop measures to improve its effectiveness.

Methods: dialectical method of cognition, which allows to study phenomena and processes occurring in society in their historical development, interrelationship and interdependence, as well as general scientific, special and private law methods based on it.

Results: The analysis is carried out of concepts and state of anti-corruption monitoring in Russia as an activity of tracing the corruption characteristics and impact of anti-corruption measures; it is found that today there are no legislated criteria for assessing the negative effects of corruption on the state and society; indicators are proposed and justified of corruption and anti-corruption activities in the form of complex "damage", where growth of social tension is an essential component.

Scientific novelty: The introduction of a quality evaluation index of corruption is proposed in the form of a comprehensive "damage": the amount of the imposed and unpaid penalties for corruption offenses, damaging the government authority, the growth of emigration, the facts of lynching, etc.; reasonability of social tension assessment is proved as the complex indicator of the population discontent with policy, including in the field of anti-corruption struggle. It is proposed to criminalize the offenses leading to a substantial increase in social tension and committing crimes.

Practical value: the research results make up for the existing gap in the assessment criteria for corruption and effectiveness of countermeasures by establishing a uniform approach in this area, which will increase the liability for the acts leading to a substantial increase in social tension, and can also be used in legislative and educational activities in law educational institutions.

Key words: corruption, anti-corruption monitoring; causes of crime; social tension; crime and corruption prevention.

References

1. Kabanov, P. A. Ponyatie antikorrupcionnogo monitoringa kak kriminologicheskoi kategorii (Notion of anti-corruption monitoring as a criminological category). *Pravo i praktika. Nauchnye trudy In-ta Moskovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii imeni O. E. Kutafina v g. Kirove*, 2011, no. 8, p. 276.
2. Pavlinov, A. V. *Ugrozy bezopasnosti Rossii. Antikorrupcionnyi i antiextremistskii monitoring* (Threats to security of Russia. Anti-corruption and anti-extremist monitoring). Moscow: Yurlitinform, 2012. 280 p.
3. Kabanov, P. A. Legal regulation of anti-corruption monitoring in the Russian Federation subjects at municipal level. *Monitoring pravoprimeneniya*, 2013, no. 2, pp. 38–43 (in Russ.).
4. *Poluchenie vzyatki munitsipal'nym sluzhashchim: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty* (Taking a bribe by a municipal servant: criminal-legal and criminological aspects). Moscow: Yurlitinform, 2012. 296 p.
5. Kabanov, P. A. Criminological monitoring of interaction between state power bodies of the Russian Federation subjects and civil society institutions in the sphere of corruption counteraction. *Monitoring pravoprimeneniya*, 2012, no. 4, pp. 25–31 (in Russ.).
6. Bestuzhev-Lada, I. V. *Normativnoe sotsial'noe prognozirovanie: vozmozhnye puti realizatsii tselei obshchestva. Opyt sistematizatsii* (Normative social predicting: possible ways of achieving the society's goals. Experience of systematization). Moscow: Nauka, 1987. 213 p.
7. Klir, Dzh. Sistemologiya. *Avtomatizatsiya resheniya sistemnykh zadach: per. s angl.* (Automatization of system tasks solving: transl. from English) Moscow: Radio i svyaz', 1990. 544 p.
8. <http://www.newstube.ru/media/putina-ne-ustraivaet-miyagkoe-antikorrupcionnoe-zakonodatelstvo>
9. Kulikov, V. Sidite dolgo – platite bistro (Sit long – pay quick). *Rossiiskaya gazeta*, 2012, 2 March.
10. <http://news.mail.ru/politics/15220983/>
11. Eminov, V. E. *Prichiny prestupnosti v Rossii: kriminologicheskii i sotsial'no-psikhologicheskii analiz* (Causes of crime in Russia: criminological and social-psychological analysis). Moscow: Norma; INFRA-M, 2011. 128 p.
12. Feshchenko, P. N. *Mesto i rol' korruptsii v genezise sotsial'noi napryazhennosti* (Place and role of corruption in social tension genesis). Kirov: Izd-vo Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta, 2011.
13. Mann, S. *Teoriya khaosa i strategicheskoe myshlenie: per. s angl.* (Chaos Theory and strategic thinking: transl. from English), available at: <http://4as.info/pub/970>
14. Shur, E. M. *Nashe prestupnoe obshchestvo. Sotsial'nye i pravovye istochniki prestupnosti v Amerike: per. s angl.* Yu. A. Nepodaeva (Our criminal society. Social and legal sources of crime in America: transl. from English by Yu. A. Nepodayev). Moscow: Progress, 1977, p. 186.
15. Pilyugin, D. S., Pilyugina, T. V. National security at regional level as a factor of reducing tension in society and tolerance forming. *Rossiiskii sledovatel'*, 2012, no. 21, p. 39 (in Russ.).

Received 13.01.14

Information about the author

Feshchenko Pavel Nikolayevich, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Chair of Criminal-Legal Disciplines, Volga-Vyatka Institute (branch) of Moscow State Juridical University named after O. E. Kutafin
Address: 30 Moskovskaya St., 610000, Kirov, tel.: (8332) 64-03-01
E-mail: fpn2005@mail.ru

How to cite the article: Feshchenko P. N. Functioning of anti-corruption monitoring system: issues of quality improving. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1(29), pp. 66–71.

© Feshchenko P. N., 2014

УДК 343.9:328.185(477)

В. В. ШАБЛИСТЫЙ,

кандидат юридических наук, доцент

*Днепропетровский государственный университет внутренних дел,
г. Днепропетровск, Украина*

О СИСТЕМНОСТИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В УКРАИНЕ

Цель: научно обосновать необходимость использования системного метода в правовом обеспечении защиты людей от коррупционных правонарушений.

Методы: системно-структурный метод, позволивший определить место коррупции среди прочих угроз безопасности человека.

Результаты: на основе проведенного анализа нормативно-правовых актов и результатов исследований ученых доказана необходимость всех видов юридического процесса (особенно правотворческого), учитывающих ментальные, идеологические, психологические и другие особенности народа при заимствовании зарубежного опыта противодействия коррупции.

Научная новизна: получило дальнейшее развитие положение о необходимости нормативного закрепления доминирующей роли человека в формировании как государственной политики в целом, так и уголовной в частности. Государство не в состоянии надлежащим образом обеспечить безопасность человека, являющуюся предпосылкой реализации его прав и свобод, и это есть одна из причин коррупции. В связи с этим акцентируется внимание на целесообразности в первую очередь научной разработки мер по предупреждению коррупционных правонарушений.

Практическая значимость: сформулированные в статье положения могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях, касающихся организационно-правовых мер противодействия коррупции, а также в законотворческой деятельности при гармонизации национального законодательства с международными актами.

Ключевые слова: человек; закон; безопасность; коррупция; коррупционные правонарушения; уголовный закон; системность.

Введение

Ввиду актуальности изучения зарубежного опыта противодействия коррупции уголовно-правовыми средствами нами была поставлена цель научного обоснования необходимости использования системного метода в правовом обеспечении защиты людей от коррупционных правонарушений. Работа подготовлена на материалах и законодательстве дружественного государства Украины, имеющего много общего в законодательстве и практике его применения с Россией.

Перейдем к непосредственному изложению вопросов теории и практики противодействия коррупции в Украине правовыми средствами и проанализируем положения законодательства о противодействии коррупции как в Украине, так и в России.

Результаты исследования

Конституция Украины в ч. 2 ст. 6 провозгласила, что органы законодательной, исполнительной и судебной власти осуществляют свои полномочия в установленных настоящей Конституцией пределах и в соответствии с законами Украины.

Приведенные положения Основного закона однозначно свидетельствуют об определяющей роли деятельности должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления исключительно в рамках правового поля, так как любые их решения не могут противоречить закону. Однако вряд ли найдется определенная страна, в которой наделенные властными полномочиями лица не совершают действий вопреки интересам службы, которые именуются коррупционными.

Так, в абз. 5 ч. 1 ст. 1 Закона Украины «Об основах предотвращения и противодействия коррупции» коррупция определена как использование лицом, указанным в ч. 1 ст. 4 настоящего закона, предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей с целью получения неправомерной выгоды или принятия обещания/предложения такой выгоды для себя или других лиц или, соответственно, обещание/предложение или предоставление неправомерной выгоды лицу, указанному в ч. 1 ст. 4 настоящего закона, или по его требованию другим физическим или юридическим лицам с целью склонить это лицо к противоправному использованию

предоставленных ему служебных полномочий и связанных с этим возможностей¹.

Вместе с тем, достаточно широко определяя понятие коррупции, указанный закон сужает понятие «коррупционное правонарушение» – умышленное деяние, содержащее признаки коррупции, совершенное лицом, указанным в ч. 1 ст. 4 настоящего закона, за которое законом установлена уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность (абз. 4 ч. 1 ст. 1).

Стоит также упомянуть ст. 4 этого закона, поскольку она к субъектам ответственности за коррупционные правонарушения относит главу государства и иных чиновников высшего уровня; государственных служащих; сотрудников правоохранительных органов и судебной власти; должностных лиц иных представителей публичного права и др.

Автор известного труда А. Ф. Кистяковский еще в 1896 г. отмечал, что констатация лишь успехов законодательства очень однобоко освещала бы современное состояние вопроса, поскольку решение его зависит от общественного и научного развития, тогда как законодательство является лишь слабым отражением и постоянно отстающим их результатом [1, с. 6].

Поэтому логично согласиться с учеными, которые отмечают, что в указанном законе неудачно определено понятие коррупции, так как оно фактически отсылает нас к следующему термину – неправомерная выгода. Под последней следует понимать деньги или другое имущество, преимущества, льготы, услуги... что их без законных на то оснований предлагают, обещают... Эти опасные конструкции могут вызвать мысль о том, что для квалификации достаточно факта установления дачи таких обещаний, предложений. С формальной точки зрения, да, но доказать это будет практически невозможно [2, с. 232].

Таким образом, применение на практике достаточно прогрессивных идей по борьбе с коррупцией является проблематичным. В такой ситуации можно вести речь об угрозе безопасности человека.

С. В. Бородин считает, что актуальность обеспечения безопасности человека в настоящее время обусловлена крайне неблагоприятным влиянием условий жизни, угрожающих физическому существованию многих граждан. Имеется в виду не только экономический кризис, почти треть граждан заставляет ежедневно бороться за простое существование, но и кризис многих сторон социальной жизни, связанный с ростом количества чрезвычайных ситуаций, опасных для людей. Среди самых распространенных видов угроз безопасности человека следует отметить постоянно высокое и растущее количество убийств и смертей от них, самоубийства, пожары, автоаварии, безвестные исчезновения людей, производственный травматизм и низкий уровень медицинской помощи, авиакатастрофы, бытовой травматизм, аварии на водном и железнодорожном транспорте и др. [3, с. 27].

По нашему мнению, коррупция, отвращение к которой должно сформироваться у каждого из нас на подсознательном уровне, стала реальной угрозой безопасности человека. В связи с этим приходится констатировать, что без надлежащего правового обеспечения предотвращения таких вредных и опасных явлений дальнейшее развитие правового государства и формирование гражданского общества просто немыслимы. За опасные коррупционные деяния наступает уголовная ответственность, правовое регулирование которой в Украине характеризуется постоянным поиском оптимальной модели, которая не всегда отвечает потребностям общества, но выражает волю государства.

Так, В. И. Борисов отмечает, что становление Украины как независимого государства в первой половине 1990-х гг. характеризовалось резким ростом насильственной преступности, хозяйственных преступлений и преступлений против собственности. Особо опасными для общества стали организованная преступность и коррупция. Такое положение вещей обусловило принятие ряда специально-законодательных, организационно-правовых и административно-управленческих мер, направленных на усиление борьбы с преступностью и коррупцией. Благодаря им существенно удалось снизить уровень корыстно-насильственных преступлений, убийств, проявлений бандитизма. Получили целенаправленный и устойчивый характер правовые меры борьбы с

¹ Про засади запобігання і протидії корупції : Закон України від № 3206-VI 07 квітня 2011 року // Відомості Верховної Ради України. 2011. № 40. Ст. 404.

торговлей людьми, легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем, нарушениями избирательного законодательства во время выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления. Между тем коррупция остается острой проблемой для украинского общества. Несмотря на увеличение количественных показателей борьбы с этим социальным злом, значительная часть наиболее опасных коррупционных деяний остается скрытой от общества. Анализ нормативных актов и организационно-правовых мероприятий дает основания для вывода, что неэффективность их воплощения была обусловлена неправильно выбранным направлением борьбы с коррупцией, поскольку центр ее тяжести был перемещен от уголовно наказуемых деяний на административные правонарушения [4, с. 311–312].

Поэтому следует согласиться с В. В. Луневым, что коррупция – понятие социально-правовое, криминологическое, которое включает в себя преступления и нарушения, связанные с использованием служебного положения в личных или групповых целях [5, с. 9].

П. А. Воробей утверждает, что, согласно действующему УК Украины, суд может назначить наказание в виде ограничения свободы на срок от одного до пяти лет (ч. 2 ст. 61 УК Украины) и от одного до пятнадцати лет (ч. 2 ст. 63 УК Украины). Кроме этого, ст. 64 УК Украины предусматривает пожизненное лишение свободы за совершение особо тяжких преступлений, при этом такое наказание применяется только в случаях, специально предусмотренных УК Украины, если суд не считает возможным применить лишение свободы на определенный срок. В таком случае мы уже имеем не суд, а какое-то судилище, которое может все, поскольку действует по своему усмотрению, имея огромные возможности для маневра. Очевиден ответ на вопрос, почему наше общество негативно относится к судебной системе в государстве. Поэтому что именно на такой «благодатной» почве и процветает коррупция [6, с. 174].

П. П. Андрушко констатирует тот факт, что Министерство юстиции Украины (фактический разработчик (автор) антикоррупционных законов) признает тот факт, что процесс реформирования антикоррупционного законодательства Украины фактически перманентный (поэтапный). Очевидно, что каждый следующий очередной этап,

как и все предыдущие, будет возникать после очередного этапа оценивания GRECO (группы государств Совета Европы против коррупции) состояния приведения законодательства Украины в соответствие со стандартами Криминальной конвенции о борьбе с коррупцией Совета Европы² (а не в соответствие с положениями Конвенции ООН против коррупции³, как считает Министерство юстиции Украины), результатом чего будет очередная констатация полного или частичного выполнения упомянутых рекомендаций GRECO, которые являются императивными, поскольку Верховная Рада Украины 18 октября 2006 г. ратифицировала Криминальную конвенцию о борьбе с коррупцией, Конвенцию ООН против коррупции и Дополнительный протокол к Криминальной конвенции о борьбе с коррупцией без всякого заявления или оговорки [7, с. 484].

В. П. Попович, обращая внимание на отдельные проблемы уголовной ответственности за коррупционные преступления, возникшие в связи с переименованием понятия «взятка» на понятие «неправомерная выгода», говорит о ее несоответствии указанным международно-правовым актам. Более того, в течение почти 10 лет своего существования нормы об уголовной ответственности за коррупционные преступления оставались почти неизменными. При этом, как свидетельствуют официальные статистические данные Верховного Суда Украины, с 2001 до 2011 гг. количество осужденных за получение взятки увеличилось в 2 раза (в 2001 г. – по ст. 368 осуждено 376 человек, а в 2011 г. – 767 человек). Учитывая изложенное, вряд ли можно говорить о неэффективности существующих в то время уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за отдельные виды взяточничества [8, с. 506].

Г. С. Крайник также обращает внимание на тот факт, что замена в 2013 г. в УК Украины традиционного и понятного в теории и на практике слова «взятка» на словосочетание «неправомерная вы-

² Кримінальна конвенція про боротьбу з корупцією (підписана від імені України 27.01.1999 р., ратифікована 18.10.2006 р., набрала чинності для України 01.03.2010 р.) // Офіційний вісник України. 2010. № 15. Ст. 717.

³ Конвенція Організації Об'єднаних Націй проти корупції (підписана від імені України 11.12.2003 р., ратифікована 18.10.2006 р., набрала чинності для України 01.01.2010 р.) // Офіційний вісник України. 2010. № 10. Ст. 506.

года» является необоснованной, учитывая ст. 12 Конвенции ООН против коррупции, статьи 2–11, 18, 36, 37 Криминальной конвенции о борьбе с коррупцией, и преждевременной, поскольку пока отсутствуют руководящие разъяснения относительно понимания неправомерной выгоды, а это образует ненужный отрыв теории от практики [9, с. 530].

Выводы

Проведенное исследование привело нас к следующим выводам.

Во-первых, уголовно-правовое обеспечение противодействия коррупции в Украине осуществляется поэтапно, а не системно, т. е. отсутствует единая идеология по снижению уровня коррупционных проявлений до социально терпимого (допустимого) уровня, поскольку это зло, как и преступность в целом, невозможно преодолеть, побороть или искоренить.

Во-вторых, бездумное следование международному опыту по противодействию коррупции приводит к непосредственным проблемам их практической реализации, ведь криминализация так называемого «голового умысла» (ответственность за мысли, взгляды) на примере предложения неправомерной выгоды привела к его отождествлению с покушением на получение или предоставление неправомерной выгоды, что вообще не поддается какому-либо логическому обоснованию.

Особенно это прослеживается на примере того, что даже не все законодательные новеллы соответствуют тем рекомендациям международных институтов, на выполнение которых они принимались.

Так, Н. И. Панов утверждает, что человек как социальное существо вступает в сферу, «подвластную» уголовному закону, только путем совершения конкретных указанных в уголовном законе действий или бездействия. Вне своих поступков в форме деяния (действия или бездействия) человек не может подвергаться действию уголовного закона и наказания. Отсюда следует, что мысли, взгляды, убеждения, морально-психологические качества человека, какими бы отрицательными они ни были, даже преступные намерения, если они не объективированы в конкретном акте поведения лица, в его деянии – действии или бездействии, не могут рассматриваться как обще-

ственно опасные деяния и не могут выступать условием для установления основания уголовной ответственности [10, с. 49].

В связи с этим представителям научной общественности остается только осуществлять толкование мимолетных изменений антикоррупционного законодательства Украины, поскольку усиление уголовной репрессии без других специально законодательных, организационно-правовых и административно-управленческих мер просто не способно снизить уровень коррупции до социально терпимого уровня.

Список литературы

1. Кистяковский А. Ф. Исследование о смертной казни. 2-е изд. СПб.: Изд-во Л. Ф. Пантелеева, 1896. 302 с.
2. Гаращук В., Мухатаев А. Антикорупційне законодавства України 2011 року: перспективи розвитку та застосування // Вісник Академії правових наук України. 2011. № 3(66). С. 230–237.
3. Бородин С. В. Уголовно-правовые и иные проблемы обеспечения безопасности личности в России // Криминологические и уголовно-правовые идеи борьбы с преступностью. Ин-т государства и права РАН, 1996. С. 26–33.
4. Борисов В. І. Державна політика у сфері боротьби зі злочинністю та її напрямки // Проблеми боротьби зі злочинністю. 2009. С. 305–312.
5. Лунеев В. В. География организованной преступности и коррупции в России (1997–1999 гг.) // Организованная преступность и коррупция. Исследования, обзоры, информация. Социально-правовой альманах. Екатеринбург: ИИТЦ «Зерцало-Урал», 2000. Вып. 3. С. 5–15.
6. Воробей П. А. Дія закону про кримінальну відповідальність і караність злочину // Науковий вісник Дніпропетровського державного університету внутрішніх справ: зб. наук. праць. 2011. № 2(54). С. 172–178.
7. Андрушко П. П. Реформування антикорупційного законодавства України: процес продовжується // Актуальні проблеми кримінальної відповідальності: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 10–11 жовт. 2013 р. Харків: Право, 2013. С. 481–485.
8. Попович В. П. Окремі проблеми кримінальної відповідальності за корупційні злочини // Актуальні проблеми кримінальної відповідальності: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 10–11 жовт. 2013 р. Харків: Право, 2013. С. 502–506.
9. Крайник Г. С. Щодо доцільності заміни терміна «хабар» на «неправомірна вигода» у КК України // Актуальні проблеми кримінальної відповідальності: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 10–11 жовт. 2013 р. Харків: Право, 2013. С. 527–530.
10. Панов М. Кримінальна відповідальність та її підстава // Вісник Національної академії прокуратури України. № 4. 2010. С. 45–52.

В редакцію матеріал постутив 13.01.14

© Шаблість В. В., 2014

Информация об авторе

Шаблистий Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии факультета подготовки специалистов для подразделений следствия, Днепропетровский государственный университет внутренних дел

Адрес: 49005, г. Днепропетровск, просп. Гагарина, 26, тел.: (097) 575-78-31

E-mail: vo-1_shablistiy@ukr.net

Как цитировать статью: Шаблистий В.В. О системности уголовно-правового обеспечения противодействия коррупции в Украине // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 72–76.

V. V. SHABLISTIY,

PhD (Law), Associate Professor

Dnepropetrovsk State University for Internal Affairs, Dnepropetrovsk, Ukraine

ON THE SYSTEMIC CHARACTER OF CRIMINAL-LEGAL PROVISION OF CORRUPTION COUNTERACTION IN UKRAINE

Objective: to scientifically ground the need to use the systemic method in legal provision of protection against corruption law breaches.

Methody: systemic-structural method, allowing to determine the position of corruption among other threats to security of a human being.

Results: basing on the carried out analysis of normative-legal acts and research results, the necessity of all kinds of legal process is proved (especially the law-making one), taking into account the mental, ideological, psychological and other features of people when implementing the foreign experience of corruption counteraction.

Scientific novelty: further developed the provision of the need to normatively confirm the dominant role of a person in forming the state policy in general and the criminal one in particular. The state can not properly ensure the security of a person, which is a prerequisite for their rights and freedoms. Thus special attention is paid to the scientific elaboration of measures for preventing the corruption law breaches.

Practical value: the provisions formulated in the article can be used in further scientific research referring to the organizational-legal measures of corruption counteraction, as well as in law-making activity when harmonization of the national legislation with international acts.

Key words: a human being; law; security; corruption; corruption law breaches; criminal law; systemic character.

References

1. Kistyakovskii, A. F. Issledovanie o smertnoi kazni (Research on capital punishment). 2-e izd. Saint Petersburg: Izd-vo L. F. Panteleeva, 1896, 302 p.
2. Garashchuk, V., Mukhataev, A. Antikoruptsiine zakonodavstva Ukraïni 2011 roku: perspektivi rozvitku ta zastosuvannya, *Visnik Akademii pravovikh nauk Ukraïni*, 2011, No. 3(66), pp. 230–237.
3. Borodin, S. V. Criminal-legal and other problems of ensuring personal security in Russia. *Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye idei bor'by s prestupnost'yu. In-t gosudarstva i prava RAN*, 1996, pp. 26–33 (in Russ.).
4. Borisov, V. I. Derzhavna politika u sferi borot'bi zi zlochinnistyu ta її napryamki, *Problemi borot'bi zi zlochinnistyu*, 2009, pp. 305–312.
5. Luneev, V. V. Geography of organized crime and corruption in Russia (1997–1999), *Organizovannaya prestupnost' i korruptsiya. Issledovaniya, obzory, informatsiya. Sotsial'no-pravovoi al'manakh*. Ekaterinburg: IITs “Zertsalo-Ural”, 2000, vol. 3, pp. 5–15 (in Russ.).
6. Vorobei, P. A. Diya zakonu pro kriminal'nu vidpovidal'nist' i karanist' zlochinu, *Naukovii visnik Dnipropetrovs'kogo derzhavnogo universitetu vnutrishnikh sprav: zb. nauk. prats'*, 2011, no. 2(54), pp. 172–178.
7. Andrushko, P. P. Reformuvannya antikoruptsiinogo zakonodavstva Ukraïni: protses prodovzhuet'sya, *Aktual'ni problemi kriminal'noi vidpovidal'nosti: materialy mizhnar. nauk.-prakt. konf., 10–11 zhovt. 2013 r.* Khar'kiv: Pravo, 2013, pp. 481–485.
8. Popovich, V. P. Okremi problemi kriminal'noi vidpovidal'nosti za koruptsiini zlochiny, *Aktual'ni problemi kriminal'noi vidpovidal'nosti: materialy mizhnar. nauk.-prakt. konf., 10–11 zhovt. 2013 r.* Khar'kiv: Pravo, 2013, pp. 502–506.
9. Krainik, G. S. Shchodo dotsil'nosti zamini termina “khabar” na “nepravomirna vigoda” u KK Ukraïni, *Aktual'ni problemi kriminal'noi vidpovidal'nosti: materialy mizhnar. nauk.-prakt. konf., 10–11 zhovt. 2013 r.* Khar'kiv: Pravo, 2013, pp. 527–530.
10. Panov, M. Kriminal'na vidpovidal'nist' ta її pidstava, *Visnik Natsional'noi akademii prokuraturi Ukraïni*, 2010, No. 4, pp. 45–52.

Received 13.01.14

Информация об авторе

Shablistiy Vladimir Victorovich, PhD (Law), Associate Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Chair of the Faculty of Investigation Specialists Training, Dnepropetrovsk State University for Internal Affairs

Address: 26 Gagarina Prospekt, 49005, Dnepropetrovsk, tel.: (097) 575-78-31

E-mail: vo-1_shablistiy@ukr.net

How to cite the article: Shablistiy V. V. On the systemic character of criminal-legal provision of corruption counteraction in the Ukraine. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, № 1 (29), pp. 72–76.

© Shablistiy V. V., 2014

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

УДК 330.35:331.1:338.2

А. В. АРТЕМЬЕВ,

кандидат экономических наук,

Н. А. АКСЕНОВА,

кандидат экономических наук

Казанский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета, г. Казань, Россия

РОЛЬ НОВЫХ ФОРМ И МЕТОДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В СОХРАНЕНИИ И РАЗВИТИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВЫ РОСТА СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Цель: отражение важнейшего значения человеческого капитала как основы экономического роста и конкурентоспособности страны; определение и обоснование важности новых форм и методов государственного управления, направленных на сохранение и развитие человеческого потенциала во всех его аспектах.

Методы: системный подход; абстрактно-логический метод; метод наблюдения.

Результаты: на основе изучения экспертных мнений в сфере сохранения и развития человеческого капитала обоснована необходимость оптимизации принципов государственного управления в сфере сохранения и развития человеческого капитала.

Научная новизна: дана оценка новым методам и принципам государственного управления в сфере сохранения и развития человеческого капитала; определены подходы к учету потребности в трудовых ресурсах, в том числе миграционных, гармонизированных с потребностью в них во всех секторах экономики.

Практическая значимость: в возможности использования исполнительными органами государственной власти предложенных подходов при расчете баланса трудовых ресурсов.

Ключевые слова: человеческий капитал; экономический рост; инвестиции в человеческий потенциал; производительность труда; миграция трудовых ресурсов; подготовка кадров; государственная кадровая политика; государственное управление.

Введение

В свете происходящих глобализационных процессов на мировых экономических рынках одним из ключевых ресурсов развития является человеческий капитал. Понятие «человеческий капитал» занимает важное место в современной экономической науке. Интерес к человеческим созидательным способностям, путям их формирования и развития возрастает. Традиционно исследователи полагают, что человеческий капитал представляет собой накопленные затраты на общее образование, специальную подготовку, здравоохранение, перемещение рабочей силы. Субъектами формирования человеческого капитала выступают семья, государство, предприятие и инфраструктура рынка, вступающие в социаль-

но-экономические отношения друг с другом по поводу целенаправленных влияний на носителя врожденной способности [1].

Следует отметить взаимосвязь и взаимозависимость всех субъектов формирования конкурентоспособного человеческого капитала, особенно учебных заведений, служб занятости и предприятий. Государство не может самостоятельно устанавливать связи между производством и образованием. В свою очередь, бизнес не может даже при его глубокой заинтересованности в высококвалифицированной рабочей силе разрабатывать четкое стратегическое направление развития образования [2], хотя может оказать серьезное влияние на совершенствование ресурсной базы учебных заведений, модернизацию программ и

используемых технологий обучения. Вступая в контакт с учебными заведениями, бизнес в каждом конкретном случае решает свои собственные проблемы, зачастую это краткосрочные производственные задачи. Поэтому эффективность функционирования всей системы образования зависит как от направлений государственной политики в области образования, занятости, так и от степени согласованности деятельности учебных заведений с производственными структурами. В связи с этим особенно актуальным становится согласование целевых установок и мероприятий государственной политики на рынке труда и политики в области образования, т. е. стремление к соответствию профессиональной подготовки высококвалифицированных специалистов и постоянного повышения их квалификации требованиям рынка труда сегодняшнего дня.

Общество идет к тому, что практически каждый работоспособный человек должен будет сочетать свои жизненные планы с постоянно меняющимися условиями. Успехов в поиске работы в столь динамичной среде может добиться только тот, кто открыт к изменениям, коммуникабелен, развил в себе способность к постоянному обучению и переобучению. Особенно это касается сегодняшних выпускников и молодых специалистов, которые для того, чтобы быть конкурентоспособными на рынке труда, должны соответствовать новым требованиям, учитывать при планировании своего образования и карьеры современные реалии и тенденции рынка, быть в курсе происходящих изменений.

Более того, для обеспечения конкурентоспособности на рынке труда сейчас уже недостаточно быть специалистом в какой-то одной области: требуются знания в смежных областях, а порой второе, третье высшее образование. Помимо опыта работы и других требований необходимым условием является сочетание базового образования в области специализации компании-работодателя (например: строительство, телекоммуникации, химия, транспорт) с дипломом одной из ведущих бизнес-школ.

Следует отметить, что существуют противоречия между социальными, профессиональными ориентациями молодых специалистов и реальными потребностями предприятий, организаций и фирм в рабочей силе; между существующей системой вузовской подготовки и реальным содержанием будущей профессиональной деятель-

ности, а, следовательно, и ожиданиями работодателей; между теоретической подготовкой выпускников и слабыми практическими навыками и умениями использования знаний.

Необходимо отметить, что на государственную политику в сфере повышения качества кадрового потенциала, формирование человеческого капитала существенное влияние оказывает трудовая миграция. В этой сфере накопилось достаточно много проблем, требующих решения. Как правило, мигранты занимают низкооплачиваемые рабочие места, но не в ключевых сферах развития экономики и, прежде всего, ее основе – промышленном секторе.

Результаты исследования

Как свидетельствуют недавно опубликованные данные мониторинга Института экономической политики имени Егора Гайдара [3], продолжается интенсивный отток кадров с российских промышленных предприятий. Причем речь идет не о массовых сокращениях работников, а об их добровольном увольнении. Основная причина этого процесса, как отмечают эксперты и признаются сами работодатели, – это низкий уровень оплаты труда.

Результаты мониторинга позволяют сделать вывод о том, что потеря работников российских предприятий, начиная с июня 2012 г., носит устойчивый характер. В 2013 г. тенденция сохранилась. По данным мониторинга, в настоящее время уже 22 % предприятий имеют недостаточную обеспеченность кадрами. Около 30 % предприятий признают, что дефицит кадровых ресурсов является серьезным препятствием для роста промышленности. Ситуация усугубляется еще и общим спадом российской экономики, которая, по оценкам экспертов, стагнирует. В отчете Института экономической политики имени Егора Гайдара также отмечается, что за девять месяцев 2013 г. промышленность выросла всего на 0,1 %, а Индекс промышленного оптимизма (ИПО) близок к посткризисному минимуму – спрос и выпуск продукции либо снижаются, либо в лучшем случае просто не растут.

Необходимо отметить, что низкими темпами растет и производительность труда. Отсутствие средств на модернизацию производства, крупных инвестиционных проектов и, соответственно, дефицит инвестиционных ресурсов, не позволяют обеспечить необходимый рост производительности труда. Для многих предприятий сегодня

характерен непроизводительный труд, связанный также с низкой организацией производства, с недостаточным вниманием к необходимости повышения квалификации персонала, что и обуславливает, как правило, невысокую заработную плату. Впервые с апреля 2009 г. объем отрицательных оценок уровня зарплаты рабочих и специалистов вырос с 26 до 35 %, что препятствует процессу найма новых работников. Кроме того, каждый работодатель старается принять на работу квалифицированных работников, однако со сложностями в решении этой проблемы сталкиваются около 40 % предприятий. Эта ситуация обусловлена значительным снижением эффективности работы центров занятости, неразвитой инфраструктурой кадровых агентств и, как отмечалось выше, разрывом требований работодателей и квалификацией выпускников образовательных учреждений.

Эксперты, в том числе и зарубежные, отмечают, что невысокая заработная плата на крупных промышленных предприятиях способствует «перетоку» порой квалифицированных специалистов в неформальный сектор экономики либо сферу услуг. Сегодня в России по разным оценкам неформальный сектор растет высокими темпами, его емкость оценивается в пределах 35–40 % ВВП. Как отмечается в упомянутом выше мониторинге, в теневой экономике в настоящий момент занято от 15 до 24 млн человек, т. е. приблизительно 20–25 % всего занятого населения.

Таким образом, формирование человеческого капитала не может рассматриваться отдельно от решения перечисленных выше проблем. Следует отметить, что активная роль в формировании конкурентоспособного человеческого капитала страны принадлежит государству. Государство обеспечивает инвестирование в здоровье населения, что является залогом формирования полноценного нового носителя человеческого капитала, и развития в дальнейшем его потенциала, участвует в профессиональном обучении, переобучении, переподготовке носителя человеческого капитала, так как он является решающим фактором интенсивного развития экономической системы.

Реализуемая государством политика, направленная на подготовку востребованных в отраслях экономики кадров, должна быть основана на использовании баланса трудовых ресурсов и непосредственной их подготовке, переподготовке и повышении квалификации в системе образования.

В решении всего комплекса проблем, связанных с формированием человеческого капитала, сегодня как никогда важно изучать лучшие практики и, прежде всего, опыт регионов России. Много системных решений в этой сфере принято в Республике Татарстан в последние два года. Одним из наиболее значимых стало создание в республике системы научно-образовательных кластеров, призванной упрочить связи между наукой и практикой, повысить качество образования, эффективность использования трудовых ресурсов путем совершенствования форм и методов обучения кадров в соответствии с потребностями работодателей. Первый научно-образовательный кластер был создан Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан № 210 от 21 марта 2011 г.¹ по инициативе Казанского института (филиала) государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российской государственной торгово-экономической университет (сегодня филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова).

В рамках реализации концепции развития этого кластера были разработаны ряд инвариантных подходов в части нормативно-методического обеспечения. Такая типизация позволила использовать их в программах развития других кластеров (их в республике создано 15). Это касается и создания системы стажировочных площадок, практикоориентированных научных исследований и разработок, формирования малых инновационных предприятий при вузах, формирования баланса трудовых ресурсов и др. В контексте основной темы настоящей статьи особого внимания требует анализ подхода, применяемого при расчете потребности в трудовых ресурсах. Казанским институтом (филиалом) РГТЭУ была разработана и одобрена решением Координационного Совета научно-образовательного кластера в сфере торговли, индустрии гостеприимства, сервиса и услуг 15 декабря 2011 г. методика формирования прогноза потребности в специалистах в сфере торговли, индустрии гостеприимства, сервиса и

¹ О создании научно-образовательного кластера Казанского института (филиала) государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «РГТЭУ»: постановление Кабинета Министров Республики Татарстан № 210 от 21 марта 2011 г.

услуг, которая применима не только в названной, но и в других секторах экономики.

В методике предложено различать текущую (общую) и перспективную (дополнительную) потребность в специалистах. Текущая потребность определяется численностью специалистов, необходимых для эффективного текущего функционирования предприятий, организаций, индивидуальных частных предпринимателей, осуществляющих свою деятельность. При прогнозировании общей потребности учитывается выбытие специалистов и пополнение вакансий.

Перспективная потребность рассчитывается исходя из стратегии развития хозяйствующих субъектов, основывающейся на стратегии социально-экономического развития республики и свойственного тем или иным секторам экономики динамичного развития, и на этой основе формирования новой культуры производства, потребления товаров и услуг и управления по всему его контуру (прогнозирование, планирование, контроль, учет, регулирование).

Говоря о потребности в кадрах, необходимо учитывать фактор «старения» знаний у персонала, занятого в производстве. Сегодня в условиях динамичного развития инновационной экономики обновление знаний требуется осуществлять каждые 3–5 лет. Порой руководители предприятий, а скорее, их кадровые службы, недооценивают экономическую эффективность переподготовки и повышения квалификации своего персонала. Поэтому эти составляющие образовательного процесса являются сегодня чрезвычайно актуальными. Важность и сложность этой задачи усиливается в условиях вхождения России в ВТО, когда конкурентоспособность товаропроизводителя в значительной степени зависит от конкурентоспособности его персонала. В связи с этим особого внимания требует задача повышения эффективности инвестиций в человеческий капитал. Это означает, что не менее 20 % персонала предприятий должны ежегодно быть охвачены системой подготовки, переподготовки и повышения квалификации. Кроме того, необходимо также учитывать процессы (как правило, заранее программируемые) «перетока» работников из одних секторов экономики в другие в связи с диверсификацией рынка труда или изменением стратегии развития секторов экономики и/или предприятий. Эти работники должны проходить

упреждающую подготовку для работы в новых условиях на новых для них рабочих местах.

Существенное влияние на развитие республиканского и муниципальных рынков труда оказывают управленческие решения в сфере миграционной политики. Трудовые ресурсы из числа мигрантов нуждаются в приобретении знаний не только профессиональных, но и языковых.

Кроме того, ежегодно в республику возвращаются более 3-х тысяч молодых людей, отслуживших срочную службу в армии. Их образование и решение проблем с занятостью должны быть учтены в республиканской кадровой политике.

К сожалению, еще немало молодых людей находится в местах лишения свободы. Основная часть из них не имеет профессионального образования, что затрудняет их социализацию после освобождения. Но даже те осужденные, которые имели профессию до лишения их свободы, теряют знания и навыки. Таких людей возвращается в республику ежегодно порядка 4-х тысяч.

Таким образом, главная задача кадровой политики – обеспечение баланса потребности работодателей в профессиональном персонале, диверсификации рынка труда и возможностей образовательной системы в его подготовке, переподготовке и повышении квалификации.

Государственная кадровая политика реализуется при широком финансовом, организационном и ином участии деловых кругов и социальных институтов. Она способствует формированию квалифицированной гибкой рабочей силы.

Говоря о дефиците трудовых ресурсов на предприятиях, нельзя не отметить существенное влияние миграционной политики на кадровую политику страны и ее регионов. Как уже было отмечено выше, трудовые мигранты, прибывающие в основном из зарубежных стран, занимают, как правило, низкооплачиваемые вакансии. По экспертным данным, сегодня до 10 % общей численности занятых в России составляют иностранные работники. По этому параметру Россия соответствует таким странам Европы, как Германия и Австрия. Россия сегодня стала одним из центров притяжения мигрантов. Необходимо отметить значительное присутствие иностранных работников в таких секторах, как торговля, строительство, общественное питание, транспортное обслуживание. Только в секторе строительства доля иностранных работников составляет по-

рядка 40 %. Многие профессии требуют знания русского языка, основ права, культуры народов России. В связи с этим политика в сфере повышения качества человеческого капитала должна быть адаптирована к неизбежному процессу притока мигрантов. В соответствии с законодательством знания в перечисленных сферах должны быть переданы иностранным работникам посредством специально разработанных образовательных программ. В связи с этим регионы, не имеющие полномочий по реализации собственной миграционной политики, вынуждены в кратчайшие сроки адаптировать свои образовательные программы и технологии. Этот опыт крайне важен для повышения эффективности кадровой политики в целом.

Так в Республике Татарстан функционирует образовательная площадка, осуществляющая тестирование иностранных граждан на предмет владения русским языком. Она создана на базе частного образовательного учреждения Институт экономики, управления и права (г. Казань). Одновременно вузом в рамках реализации проекта «Новая тура» планируется создать центр межкультурных коммуникаций. Кроме обучения языку, также осуществляется правовая поддержка данной категории граждан. На площадке Технополиса «Новая Тура» Казанским филиалом РЭУ им. Г. В. Плеханова будет реализован масштабный проект по трудовой адаптации иностранных работников путем создания стажировочных площадок в сфере производства товаров народного потребления, предоставления различного рода услуг.

Необходимо также отметить, что в контексте формирования человеческого капитала особую актуальность сегодня приобретает задача межнациональных и межконфессиональных отношений. Речь идет о формировании особого уровня культуры (в том числе национальной и религиозной), которая накладывает свой отпечаток на процесс воспроизводства человеческого капитала, затрагивая, прежде всего, его социокультурную составляющую. В культуре концентрируется опыт поколений, сохраняются и накапливаются знания, умения, навыки, формируются и развиваются различные регуляторы отношений между людьми. Культурный уровень граждан в значительной степени определяет экономические достижения общества, его социально-политическую, образовательную, идеологическую и духовно-моральную структуру.

Нельзя не отметить особую важность качества кадрового потенциала для дальнейшего развития экономики России и ее регионов, понимая, что эта экономика носит инновационный характер. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. отмечено, что «решение задачи развития кадрового потенциала в сфере науки, образования, технологий и инноваций включает в себя осуществление следующих мероприятий: создание эффективных материальных и моральных стимулов для притока наиболее квалифицированных специалистов, активных предпринимателей, творческой молодежи в сектора экономики, определяющие ее инновационное развитие, а также в обеспечивающие это развитие образование и науку; повышение восприимчивости населения к инновациям – инновационным продуктам и технологиям»².

Таким образом, кадровая составляющая инновационной деятельности включает не только научных работников, но и предпринимателей, а также молодых специалистов в различных отраслях экономики, являющихся проводниками инновационной культуры. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. усиление роли человеческого капитала рассматривается как основной фактор экономического развития: «Уровень конкурентоспособности современной инновационной экономики в значительной степени определяется качеством профессиональных кадров, уровнем их социализации и кооперационности»³. Предложенная в ней модель инновационного социально ориентированного развития предполагает прорыв в повышении эффективности человеческого капитала, создании комфортных социальных условий, усилении конкурентности в бизнес-среде, развитие высокотехнологичных производств, более интенсивное распространение в экономике новых технологий, а также активизацию внешнеэкономической политики.

² Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р.

³ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации № 1662-р от 17.11.2008.

Перечисленные аспекты будут способствовать обеспечению выхода экономики России на траекторию долгосрочного устойчивого роста.

Таким образом, совокупность мер по обеспечению инновационного развития экономики, одним из ключевых направлений которой является развитие человеческого капитала, обуславливает устойчивость социально-экономического развития экономической системы как на общероссийском, так и на региональном уровне, что, в свою очередь, является важнейшим фактором обеспечения национальной экономической безопасности.

Сегодня изучение вышеперечисленных проблем, а, главное, их решение является не просто актуальным, а выдвигается в разряд первоочередных задач как правительств большинства развитых стран, так и правительства Российской Федерации. Руководство Республики Татарстан также уделяет большое внимание сохранению и развитию человеческого капитала.

В качестве примера можно привести принятое в 2001 г. решение о введении в республике системы индикативного управления, направленной на достижение интегрального показателя «Качество жизни». Данный показатель объединяет в себе наряду с показателями, характеризующими инфраструктурную обеспеченность, уровень комфортности жилья, уровень жизни населения, состояние здоровья населения, уровень экологической безопасности, уровень образованности, обеспеченность учреждениями культуры. Перечисленные позиции, в свою очередь, объединяют в себе целый ряд показателей, достижение пороговых значений которых призвано обеспечить в конечном итоге достижение запланированного значения интегрального показателя [5].

В данной модели перечень аспектов, оказывающих влияние на сохранение и развитие человеческого капитала, гораздо шире предлагаемых

ранее и означенных выше. Так, в сегодняшних условиях важными задачами представляются еще и обеспечение должного уровня доверия к власти, общественной (в том числе финансовой и информационной) безопасности и т. д.

Выводы

Таким образом, экономическое развитие страны невозможно без реализации новых форм и методов государственного управления, направленных на сохранение и развитие человеческого потенциала во всех его аспектах, без формирования методологических основ и методических подходов к управлению системой профессионального образования, обеспечивающей развитие человеческого капитала, который позволит разработать систему стимулов для инвестиций в человеческий капитал с учетом имеющихся тенденций и приоритетов экономического развития региона.

Сбалансированный рынок труда, эффективные механизмы стимулирования населения к получению образования, востребованного экономикой регионов, будут иметь существенное значение для обеспечения устойчивого развития региональной экономики в контексте перехода к инновационному социально ориентированному развитию.

Список литературы

1. Основы экономической теории: учеб. пособие / под ред. В. Д. Камаева. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2004. 284 с.
2. Быченко Ю. Г., Баландина Т. М. Развитие потенциала работников современных предприятий // Вестник СГСЭУ. 2009. № 1(25). С. 26–29.
3. URL: <http://www.iep.ru/>
4. Падение интеллектуального потенциала России в результате реформы высшего образования неизбежно // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. 2013. № 7 (61). С. 5–13.
5. Гайзатуллин Р. Р., Аксенова Н. А. Оценка эффективности государственного управления. Казань, 2011. 156 с.

В редакцию материал поступил 22.11.13

© Артемьев А. В., Аксенова Н. А., 2014

Информация об авторах

Артемьев Андрей Вячеславович, кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики, Казанский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 25/22, тел.: (843) 292-66-07
E-mail: andrey-ktet@mail.ru

Аксенова Наталья Анатольевна, кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента, Казанский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, 25/22, тел.: (843) 274-93-49
E-mail: aksenova_kirgteu@mail.ru

Как цитировать статью: Артемьев А. В., Аксенова Н. А. Роль новых форм и методов государственного управления в сохранении и развитии человеческого капитала как основы роста современной экономики // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 77–83.

A. V. ARTEMYEV,
PhD (Economics),

N. A. AKSYONOVA,
PhD (Economics)

Kazan Institute (branch) of Russian State University for Trade and Economics, Kazan, Russia

THE ROLE OF NEW METHODS OF STATE MANAGEMENT IN PRESERVING AND DEVELOPING THE HUMAN CAPITAL AS THE BASIS OF THE MODERN ECONOMY GROWTH

Objective: to reflect the critical importance of human capital as the basis for economic growth and competitiveness of the country; to identify and justify the importance of new forms and methods of state governance aimed at the preservation and development of human potential in all aspects.

Methods: systematic approach; abstract-logic method, method of observation.

Results: basing on the study of expert opinions in the field of human capital preservation and development, the necessity is proved to optimize the principles of state management in the sphere of human capital preservation and development.

Scientific novelty: the estimation is carried out of new methods and principles of state control in the sphere of human capital preservation and development; approaches are defined to estimate the needs in labour resources, including migration ones, harmonized with the demand in all sectors of the economy.

Practical value: possibility for state power executive bodies to use the proposed approaches when calculating the balance of labor resources.

Key words: human capital; economic growth; investing in human potential; productivity; labour resources migration; personnel training; state personnel policy; state administration.

References

1. Kamaev, V. D. *Osnovy ekonomicheskoi teorii* (Bases of economic theory). Moscow: Izd-vo MGTU im. N. E. Baumana, 2004. 284 p.
2. Bychenko, Yu. G., Balandina, T. M. Razvitie potentsiala rabotnikov sovremennykh predpriyatii (Developing the potential of the modern enterprises' personnel). *Vestnik SGSEU*, 2009, no. 1(25), pp. 26–29 (in Russ.).
3. <http://www.iep.ru/>
4. Padenie intellektual'nogo potentsiala Rossii v rezul'tate reformy vysshego obrazovaniya neizbezhno (Declining of the intellectual potential of Russia as a result of higher education reform is inevitable). *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta im. G. V. Plekhanova*. 2013, no. 7 (61), pp. 5–13 (in Russ.).
5. Gaizatullin, R. R., Aksanova, N. A. *Otsenka effektivnosti gosudarstvennogo upravleniya* (Estimating the efficiency of state management). Kazan, 2011. 156 p.

Received 22.11.14

Information about the authors

Artemyev Andrey Vyacheslavovich, PhD (Economics), Associate Professor of world Economy Chair, Kazan Institute (branch) of Russian State University for Trade and Commerce
Address: 25/22 Kremlyovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 292-66-07
E-mail: andrey-ktet@mail.ru

Aksyonova Natalya Anatolyevna, PhD (Economics), Senior Lecturer of Management Chair, Kazan Institute (branch) of Russian State University for Trade and Commerce
Address: 25/22 Kremlyovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 274-93-49
E-mail: aksanova_kirgteu@mail.ru

How to cite the article: Artemyev A. V., Aksyonova N. A. The role of new methods of state management in preserving and developing the human capital as the basis of the modern economy growth. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 77–83.

© Artemyev A. V., Aksyonova N. A., 2014

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 658.5:658.3.1

И. И. АНТОНОВА,

*кандидат физико-математических наук, доцент,
проректор по дополнительному профессиональному образованию,
директор Института бизнес-образования,*

С. А. АНТОНОВ,

*кандидат экономических наук, доцент
Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,*

Г. Ч. АХМАДЕЕВА,

*кандидат экономических наук, заместитель министра
Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан, г. Казань, Россия*

ОСОБЕННОСТИ ВНЕДРЕНИЯ БЕРЕЖЛИВОГО ПРОИЗВОДСТВА В СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Цель: распространение идей и принципов внедрения методологии бережливого производства.

Методы: практические подходы к применению инструментов бережливого производства в социальных учреждениях.

Результаты: на основе анализа проблем внедрения инструментов бережливого производства в государственных учреждениях Республики Татарстан предложены пути оптимизации деятельности учреждений данного сектора. Рассмотрены особенности всех видов услуг, оказываемых государственными учреждениями. Также описаны проблемы, возникающие в начале процесса оптимизации.

Научная новизна: выявлены новые подходы к решению проблемы оптимизации деятельности социальных учреждений с применением принципов бережливого производства. Представлены задачи, которые необходимо решать в процессе внедрения принципов бережливого производства, а именно – создание системы постоянного совершенствования. Доказана целесообразность применения методологии бережливого производства в государственном секторе с точки зрения повышения удовлетворенности потребителей и персонала за счет сокращения трудоемкости операций и сокращения сроков оказания услуг.

Практическая значимость: в возможности оптимизации деятельности социальных учреждений Республики Татарстан с применением инструментов бережливого производства и выявления новых направлений совершенствования качества предоставляемых услуг.

Ключевые слова: бережливое производство; карты потока; удовлетворенность потребителей; персонал; конкурентоспособность; организация; оптимизация процессов.

Введение

Тенденция распространения идей бережливого производства в России характеризуется расширением сфер применения данной концепции как внутри производственных предприятий, так и вовлечением в деятельность по оптимизации процессов других типов организаций. Например, в рамках производственных предприятий инструменты бережливого производства целесообразно

применять в таких процессах, как проектирование новых продуктов и технологических процессов, организация поставок продукции потребителю, организация бесперебойного снабжения производства. Методы и пути внедрения концепции «Бережливое производство» в таких процессах хорошо описаны в работе Джеффри Лайкера и Джеймса Моргана «Система разработки продукции в TOYOTA» [1], а также в книге Джеймса П.

Вумека, Дэниела Т. Джонса «Бережливое обеспечение. Как построить эффективные и взаимовыгодные отношения» [2]. В то же время организации непромышленной сферы, в первую очередь, государственные учреждения, оказывающие услуги населению, зачастую сталкиваются с недостатком информации и рекомендаций по внедрению бережливого производства. Определенная информация присутствует в книге Тома Шукера, Дона Теппинга «Бережливый офис. Управление потоками создания ценности» [3], однако она достаточно общая и не позволяет учесть специфику отдельных процессов рассматриваемых организаций.

Результаты исследования

В Республике Татарстан первыми организациями непромышленного профиля, которые начали внедрять у себя концепцию бережливого производства, стали учреждения социальной, медицинской и образовательной сфер. Такие типы учреждений отличает определенная особенность управления и выбора путей оптимизации деятельности. Рассмотрим эти особенности подробнее.

Отсутствие производства реального продукта накладывает определенные ограничения на применение отдельных инструментов бережливого производства, таких как «канбан», SMED, TPM. Без каких-либо ограничений применяются 5С, стандартизированная работа, синхронизация работ, «рока-уока» и визуализация. Эти ограничения связаны со следующими особенностями деятельности вышеуказанных учреждений:

- при производстве услуги нет межоперационных запасов (незавершенного производства), таким образом, выявление фактов перепроизводства затруднено. Необходимо обращать внимание на наличие и количество стандартных форм документов для заполнения, порядок оформления документации и передачи ее на следующий этап обработки;

- любую услугу отличает большое разнообразие операционных процедур, которые выполняют каждый сотрудники. Это приводит к проблемам, связанным с выделением стандартных процедур, определением времени цикла операции. Необходимо выделить такие процедуры, временные характеристики которых значительно влияют на удовлетворенность потребителей, т. е. существует строгая обратная корреляция времени выполнения операции и уровня удовлетворенности клиента;

- при оказании услуг практически не встречается переналадка оборудования (отдельные случаи существуют при проведении диагностики в медицинских учреждениях), но в то же время существуют ситуации, когда один и тот же сотрудник выполняет значительно отличающиеся друг от друга операции. При этом на передний план выходит важность унификации навыков персонала. Таким образом, возникает необходимость не в переналадке оборудования, а в переналадке навыков сотрудников, а также в создании условий, предотвращающих совершение сотрудником непреднамеренной ошибки, т. е. необходимость использования инструмента рока-уока;

- в процессе оказания услуг используются определенные запасы – это различные расходные материалы, бумага, канцтовары, фармпрепараты и т. д. В большинстве случаев удельная стоимость таких запасов, приходящаяся на отдельную услугу, достаточно низкая, поэтому приоритетным представляется не количество запасов и управление ими, а кардинальное сокращение времени оказания услуги. Необходимо проанализировать, какие виды запасов необходимы для осуществления основных операций, и обеспечить их достаточное количество непосредственно на рабочем месте. Достаточным количеством является такая величина запасов, восполнение которых осуществляется не чаще одного раза в день при обеспечении непрерывности работы.

Помимо ограничений в использовании инструментов бережливого производства в процессе оказания услуг, необходимо учитывать следующие особенности. При построении карты потока создания ценности целесообразно использовать прием, приведенный в книге Джеймса П. Вумека «Бережливое обеспечение», согласно которому ценность каждого этапа определяется как с точки зрения производителя, так и с точки зрения потребителя. Одновременно с оценкой ценности желательно оценивать и удовлетворенность каждой стороны на данном этапе, так как очень часто возникают ситуации, когда конкретная процедура создает ценность, однако стороны удовлетворения от этой процедуры не получают. В первую очередь такие ситуации возникают при составлении документов или заполнении обязательных форм. Итогом анализа полученной карты потока создания ценности должны стать этапы, сокращение времени на выполнение которых необходимо осу-

ществлять в приоритетном порядке. То есть сроки осуществления тех этапов, которые не приносят удовлетворения ни производителю, ни потребителю, должны сокращаться в первую очередь.

Одной из основных проблем, с которыми сталкиваются организации при внедрении бережливого производства – это создание системы постоянного совершенствования. Организации непромышленной сферы не являются исключением. Для того чтобы побудить сотрудников учреждения участвовать в процессе оптимизации своей деятельности, необходимо определить, какие стимулы будут работать в отношении данного персонала, и объяснить цели деятельности по совершенствованию процессов [4, 5].

В рассматриваемой группе организаций большую часть занимают государственные учреждения, выполняющие государственный заказ и чаще всего не находящиеся в рыночной среде. Следовательно, повышение конкурентоспособности и сокращение затрат не являются для них значимой причиной для оптимизации. Основными причинами проявления интереса со стороны таких организаций к концепции бережливого производства обусловлено ужесточением контроля со стороны государства и, как результат, выбором в качестве критериев результативности деятельности учреждения оценки уровня удовлетворенности потребителей и заинтересованных сторон. Кроме того, все возрастающий уровень компьютерной грамотности населения и внедрение системы электронного правительства значительно облегчили потребителю работу по доведению до надзирающих органов претензий к качеству предоставляемых услуг. При фиксированном финансировании и отсутствии возможности получения значительных дополнительных денежных средств практически

единственным выходом стало внедрение концепции бережливого производства.

Выводы

Таким образом, цель оптимизации деятельности учреждений можно сформулировать следующим образом: повышение удовлетворенности потребителей, заинтересованных сторон и персонала за счет сокращения трудоемкости операций и сокращения сроков оказания услуг при фиксированном уровне финансирования.

По вопросам стимулирования персонала написано огромное количество литературы и представляется нецелесообразным анализировать, какая из систем мотивации применима при внедрении концепции Бережливое производство. Более важным было бы формирование направлений оптимизации процессов, т. е. определение той деятельности сотрудников, которая будет оцениваться в рамках применяемой системы мотивации.

Список литературы

1. Лайкер Дж. Система разработки продукции в TOYOTA: Люди, процессы, технологии: пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. 440 с.
2. Джеймс П. Вумек, Дэниел Т. Джонс Бережливое обеспечение. Как построить эффективные и взаимовыгодные отношения: пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2006. 264 с.
3. Шукер Т., Теппинг Д. Бережливый офис. Управление потоками создания ценности: пер. с англ. М.: Стандарты и качество, 2009. 205 с.
4. Бережливый подход к вовлечению персонала в процесс совершенствования производства / И. И. Антонова, С. А. Антонов, В. С. Антонов, Г. Р. Дмитриева, А. Т. Хадиева // Казанская наука. 2013. № 4. С. 20–23.
5. Антонов С. А., Антонова И. И. Эффективная система мотивации персонала как основа «бережливого производства» // Стандарты и качество. 2013. № 2. С. 82–84.

В редакцию материал поступил 28.01.14

© Антонова И. И., Антонов С. А., Ахмадеева Г. Ч., 2014

Информация об авторах

Антонова Ирина Ильгизовна, кандидат физико-математических наук, доцент, проректор по дополнительному профессиональному образованию, директор Института бизнес-образования, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел. (843) 231-92-90
E-mail: antonova@ieml.ru

Антонов Станислав Алексеевич, кандидат экономических наук, доцент, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел. (843) 231-92-90
E-mail: santonov@ieml.ru

Ахмадеева Гульнара Чулпановна, кандидат экономических наук, заместитель министра, Министерство промышленности и торговли Республики Татарстан
Адрес: 420111, Казань, ул. Островского, 4, тел.: (843) 299-10-67
E-mail: Gulnara.A@tatar.ru

Как цитировать статью: Антонова И.И., Антонов С.А., Ахмадеева Г.Ч. Особенности внедрения бережливого производства в социальных учреждениях // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 84–87.

I. I. ANTONOVA,

*PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor,
Vice-Rector on Additional Professional Education, Director of Institute for Business Education,*

S. A. ANTONOV,

*PhD (Economics), Associate Professor
Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia*

G. CH. AKHMADEYEVA,

*PhD (Economics), Deputy Minister
Ministry of Industry and Trade of Tatarstan Republic Kazan, Russia*

FEATURES OF IMPLEMENTING LEAN PRODUCTION IN SOCIAL ESTABLISHMENTS

Objective: to disseminate ideas and principles of implementing the methodology of lean production.

Methods: practical approaches to implementing the tools of lean production in social establishments.

Results: basing on the analysis of the problems of implementing the tools of lean production in governmental establishments of Tatarstan Republic, ways are proposed to optimize the functioning of establishment of the sphere. Features of all services rendered by state establishments are described. Problems are described, appearing at the beginning of optimization process.

Scientific novelty: new approaches are revealed to the solving the problems of optimizing the functioning of social establishment using the principles of lean production. Tasks are presented, which should be solved during the process of implementation of lean production, namely, creating of the system of constant improving. Lean production methodology is proved to be purposeful for implementation in state sector from the point of view of increasing the customer and personnel satisfaction by reducing the labor-consuming operations and shortening the period of services rendering.

Practical value: possibility to optimize the functioning of social establishments in Tatarstan Republic by implementing the tools of lean production and revealing new directions of improving the quality of the services rendered.

Key words: lean production; stream cards; customer satisfaction; personnel; competitiveness; organization; optimization process.

References

1. Laiker, Dzh. *Sistema razrabotki produktsii v TOYOTA: Lyudi, protsessy, tekhnologii* (Production design system in TOYOTA: People, processes, technologies). Moscow: Al'pina Biznes Buks, 2007, 440 p.
2. Dzheims, P. Vumek, Deniel, T. Dzhons Berezhliivo obespechenie. Kak postroit' effektivnye i vzaimovgodnye otnosheniya (Lean provision. How to build efficient and mutually beneficial relations). Moscow: Al'pina Publisher, 2006. 264 p.
3. Shuker, T., Tepping, D. *Berezhlivyi ofis. Upravlenie potokami sozdaniya tsennosti* (Lean office. Value creating processes management). Moscow: Standarty i kachestvo, 2009, 205 p.
4. Antonova, I. I., Antonov, S. A., Antonov, V. S., Dmitrieva, G. R., Khadiyeva, A. T. Lean approach to involving personnel into the process of production improving. *Kazanskaya nauka*, 2013, no. 4, pp. 20–23 (in Russ.).
5. Antonov, S. A., Antonova, I. I. Efficient system of personnel motivation as the basis of "lean management". *Standarty i kachestvo*, 2013, no. 2, pp. 82–84 (in Russ.).

Received 28.01.14

Information about the authors

Antonova Irina Ilgizovna, PhD (Physics and Mathematics), Associate Professor, Vice-Rector on Additional Professional Education, Director of Institute for Business Education, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.. (843) 231-92-90

E-mail: antonova@ieml.ru

Antonov Stanislav Alekseyevich, PhD (Economics), Associate Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.. (843) 231-92-90

E-mail: santonov@ieml.ru

Akhmadeyeva Gulnara Chulpanovna, PhD (Economics), Deputy Minister, Ministry of Industry and Trade of Tatarstan Republic

Address: 4 Ostrovskogo St., 420111, Kazan, tel.: (843) 299-10-67

E-mail: Gulnara.A@tatar.ru

How to cite the article: Antonova I. I., Antonov S. A., Akhmadeyeva G. C. Features of implementing lean production in social establishments, *Aktual'niye problemy ekonomiki i prava*, 2014, № 1 (29), pp. 84–87.

УДК 658.56:338.24

А. Н. АСАНОВ,

кандидат экономических наук, доцент

Филиал Московского психолого-социального университета в г. Муроме, Россия

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ОРГАНИЗАЦИЕЙ, ОРИЕНТИРОВАННОЙ НА КАЧЕСТВО ПРОДУКЦИИ

Цель: обосновать концепцию формирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции.

Метод: абстрактно-логический.

Результаты: спроектирована и подробно описана схема концепции формирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, на основе авторского комплекса принципов построения системы управления качеством продукции; сформирован вывод об управлении качеством как доминирующем направлении формирования инновационной системы управления организацией.

Научная новизна: разработана концепция формирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции.

Практическая значимость: в возможности формирования отечественными организациями эффективных инновационных систем управления, ориентированных на качество продукции, что в конечном итоге повлечет повышение уровня жизни и благосостояния населения.

Ключевые слова: управление качеством; инновационная система; качество продукции; управление организацией.

Введение

В современных быстро меняющихся условиях жизни очевидно, что качество продукции должно поддерживаться постоянно, а разовые, даже очень результативные мероприятия не могут обеспечить долгосрочный успех. Следовательно, необходим системный подход к управлению организацией, ориентированный на качество продукции, т. е. в условиях высокого уровня конкуренции и исчерпания потенциала стандартных подходов необходимо формирование систем управления качеством продукции в рамках и в сочетании с инновационной системой управления всей организацией [1–6]. Такая система управления качеством продукции представляет собой совокупность процессов, ресурсов и отличается новизной организационной структуры и методик, необходимых для осуществления общего руководства качеством.

Результаты исследования

При разработке концепции формирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, следует придерживаться разработанного автором комплекса принципов построения системы управления качеством продукции. При построении

системы управления качеством продукции особое внимание необходимо обратить на специфику организации, традиции, методы производства, структуру. Система управления качеством продукции после внедрения должна иметь возможность быстро реагировать на изменения.

К основным принципам построения системы управления качеством продукции организации относятся:

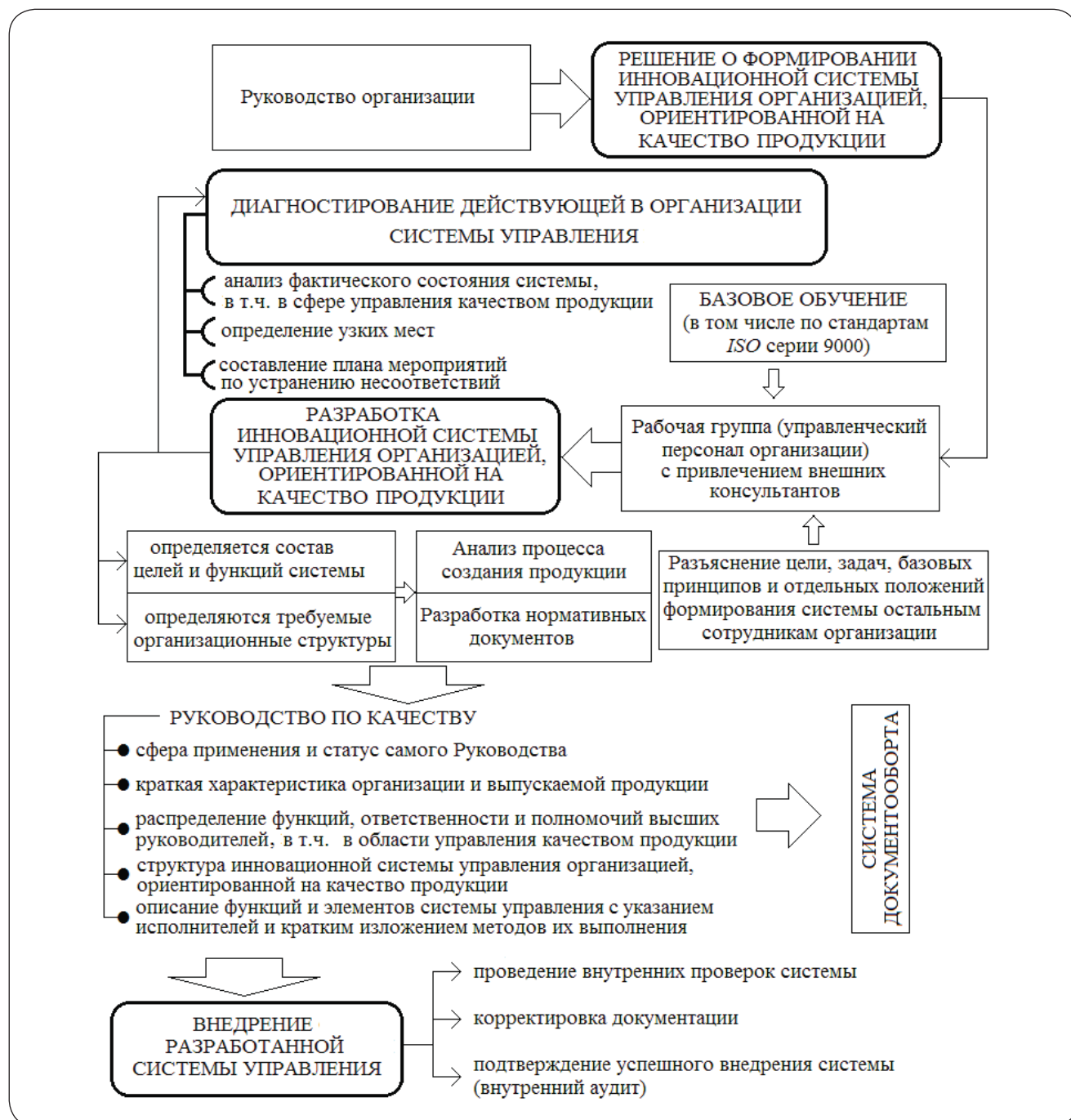
- непосредственное участие высшего руководства в создании системы управления качеством продукции организации;
- охват системой управления качеством продукции всей организации и выход за ее пределы (поставщики и потребители);
- отведение первостепенной роли в системе управления качеством продукции организации персоналу, а не оборудованию;
- встроенный в систему управления качеством продукции организации механизм постоянного совершенствования процессов;
- возможность предусмотреть системой управления качеством продукции организации стандартизацию всех процессов;
- вовлечение сотрудников организации в создание системы управления качеством продукции;

– понимание и принятие созданной системы управления качеством продукции всеми членами организации.

Современный мировой опыт внедрения различных крупных изменений в управление организацией, в том числе внедрение систем управления качеством продукции, свидетельствует о том, что в начальный период, после такого усовершенство-

вания почти всегда бывает хуже, однако такое негативное последствие является кратковременным и его можно и необходимо сводить к минимуму.

Схематично концепция формирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, предложенная автором настоящего исследования, представлена на приведенном ниже рисунке.

Концепция формирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции

Решение о формировании инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, принимает руководство организации под воздействием требований конкретных заказчиков или ситуации на рынках сбыта [7, с. 62]. Под созданием инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, следует понимать ее разработку и готовность внедрения в деятельность организации [7, с. 62].

Для создания инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, необходимо определить рабочую группу. При назначении лиц, ответственных за организацию и проведение работ по созданию инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, следует исходить из того, что такими лицами должны быть сотрудники с управленческим уклоном, а лучше – обладающие квалификацией менеджеров по качеству [8, с. 13]. В связи с этим наиболее рациональным будет включение в рабочую группу по созданию инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции сотрудников службы качества, а также руководителей производственных отделов [8, с. 13].

Для разработки инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, а также для ее результативного и эффективного функционирования руководство организации должно обеспечить необходимую подготовку персонала, поскольку функционирование системы управления, в конечном итоге, вовлекает практически всех работников организации [9]. На начальной стадии работ целесообразно провести базовое обучение по стандартам *ISO* серии 9000 руководителей организаций, начиная с высшего звена, и рабочей группы (команды проекта), а также следует разъяснить цели, задачи организации, базовые принципы управления качеством продукции и отдельных положений стандартов *ISO* остальным сотрудникам [8, с. 14]. Разъяснительные беседы могут возлагаться на службу качества и призваны вовлечь персонал в работу по формированию инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, и предупредить появление социально-психологических

барьеров, связанных с внедрением стандартов *ISO* 9000 [8, с. 14].

С целью повышения эффективности процесса формирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, следует использовать квалифицированных внешних консультантов.

Создание инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции целесообразно рассматривать как проект, состоящий из совокупности скоординированных и контролируемых действий, предпринятый для достижения определенной цели [10, с. 193].

Разработка инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции заключается в том, чтобы с учетом рекомендаций стандартов *ISO* серии 9000, выяснить, что надо делать для управления качеством в организации, т. е. определить состав необходимых целей и функций системы управления [7, с. 62]. Затем необходимо определить структуры, которые выполняют или будут выполнять эти функции для достижения поставленных целей и после этого разработать новые, переработать или использовать имеющиеся нормативные документы для достижения целей выполнения всех функций [7, с. 62].

Прежде чем начинать разрабатывать инновационную систему управления организацией, ориентированную на качество продукции, необходимо провести диагностирование действующей в организации системы управления для того, чтобы определить объем работ по ее доработке и совершенствованию (система управления существует в любой организации, даже если она должным образом не документирована) [8, с. 14–15]. Диагностирование действующей системы управления организацией предполагает следующие этапы:

- анализ фактического состояния системы, в том числе в сфере управления качеством продукции;
- определение узких мест;
- составление плана мероприятий по устранению несоответствий между текущим состоянием системы управления и требованиями стандарта [6].

Сущность диагностирования существующей системы управления организацией заключается в сопоставлении ее фактического состояния с

требованиями стандарта с целью определения объема работ по ее доработке [8, с. 15].

На стадии определения целей, функций и задач (элементов) инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, проводится анализ процесса создания продукции и представляется в виде подробного перечня, основу которого составляют этапы жизненного цикла продукции [7, с. 62]. В дальнейшем перечень включается в Руководство по качеству с кратким описанием каждой функции и ссылками на соответствующие документы [7, с. 62].

Придание созданию инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, проектно-ориентированного характера позволяет обеспечить надлежащую эффективность этих работ путем концентрации усилий на достижении конкретных промежуточных и конечных целей, а также наилучшего использования ресурсов [8, с. 13]. Целями инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, могут являться:

- повышение доверия к торговой марке организации;
- повышение конкурентоспособности продукции;
- повышение рентабельности и прибыльности;
- достижение удовлетворенности потребителей;
- увеличение доли присутствия на рынке;
- снижение затрат и др. [8, с. 13]

Сформулированные в *ISO 9000* восемь принципов менеджмента качества могут стать базой для формирования политики и целей организации в области качества [11]. После этого определяются структурные подразделения, которые будут достигать поставленных целей и выполнять эти функции [7, с. 88]. Для этого необходимо проанализировать функции, выполняемые существующими подразделениями, и сравнить их с перечнем функций, включаемых в создаваемую инновационную систему управления организацией, ориентированную на качество продукции с учетом рекомендаций стандартов *ISO* серии 9000 [7, с. 64]. В результате устанавливаются подразделения – исполнители каждой функции и для каждого подразделения его новые функции официально включаются в функциональные обязанности [7, с. 64].

Следующий шаг – разработка структурной и функциональной схемы инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции. Структурная схема описывает состояние организации ее моделями состава и структуры [12, с. 83]. Функциональная схема подразумевает группирование конкретных должностей в отделы на основе общих видов деятельности [13].

Далее, для успешного функционирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, следует определить, какие методы использовать и согласно какой документации. Подробно требования к процессу формирования документации представлены в ГОСТ Р ИСО/ТО 10013:2007 «Руководство по документированию системы менеджмента качества» [14].

Несмотря на то, что для создания системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, стандарты *ISO 9000* не требуют наличия на предприятии каких-либо программных продуктов для ее поддержки, все же целесообразно применять программные продукты для:

- поддержания системы управления организацией, ориентированной на качество продукции (системы документооборота);
- поддержания качества процессов управления;
- поддержания качества технологических процессов [8, с. 16].

Внедрение системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, должно предполагать проведение аудитов системы с целью проверки правильности распределения функций между подразделениями, возможностей их выполнения, а также достаточности и качества необходимой документации.

По результатам проверки необходимо проводить корректировку документации инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции, с тем, чтобы устранить выявленные недостатки и в дальнейшем обеспечить возможность ее четкого функционирования. Требования к аудиту систем управления указаны в ГОСТ Р ИСО 19011:2003 «Руководящие указания по аудиту систем менеджмента качества и/или систем экологического менеджмента» [15].

Выводы

Управление качеством продукции как доминирующее направление формирования инновационной системы управления организацией устанавливает системный подход к решению проблем повышения качества продукции, создает мотивацию персонала на повышение качества производимой продукции, использует результаты экспертизы потребительского рынка при проектировании и изготовлении продукции.

Список литературы

1. Асанов А. Н. Инновационное управление как основа развития организации (предприятия) // Вестник Государственного университета управления. 2012. № 6. С. 196–203.
2. Асанов А. Н. «Активное производство» – современная стратегия повышения уровня качества работы предприятия // Стандарты и качество. 2012. № 8(902). С. 60–64.
3. Асанов А. Н. Внутрихозяйственная координация управления, ориентированного на качество продукции // Вестник Государственного университета управления. 2013. № 13. С. 124–130.
4. Асанов А. Н. Проблемы функционирования системы управления ОАО «МСЗ», ориентированной на качество продукции // Вестник академии права и управления. 2013. № 31. С. 95–99.
5. Liker J. K. The Toyota Way: 14 Management Principles from the World's Greatest Manufacturer. New York: McGraw-Hill, 2004. 330 p.
6. Birkinshaw J. How Management Innovation Happens // MIT Sloan Management Review. 2006. № 4. P. 81–88.
7. Караульнов В. Н. Управление качеством / В. Н. Караульнов, Г. С. Драпкина, М. А. Постолова, Е. Г. Першина. Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности, 2005. 88 с.
8. Савченко-Бельский В. Ю. Принципы формирования системы менеджмента качества (научно-образовательный материал). М.: Государственный университет управления, 2010. 22 с.
9. Hamel G. The Why, What and How of Management Innovation // Harvard Business Review. 2006. № 2. P. 72–84.
10. Михальченко Е. В. Особенности внедрения системы менеджмента качества на основе требований стандарта ISO 9001:2008 на предприятиях связи / Е. В. Михальченко, З. В. Криницина // Вестник науки Сибири. 2012. № 1. С. 192–196.
11. ГОСТ Р ИСО 9000:2008 Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. М.: Стандартинформ, 2009. 35 с.
12. Тарасенко Ф. П. О структурных схемах организационных систем // Проблемы управления в социальных системах. 2009. Т. 1. № 1. С. 81–91.
13. Организационная структура управления предприятием // Энциклопедия производственного менеджмента. URL: <http://www.up-pro.ru/encyclopedia/organizacionnaya-struktura.html> (дата обращения: 26.08.2013).
14. URL: <http://www.icc-iso.ru/toclients/standards2/gost-r-iso-to-10013-2007/> (дата обращения: 26.08.2013).
15. URL: http://www.infosait.ru/norma_doc/42/42115/index.htm (03.03.2014).

В редакцию материал поступил 26.11.13

© Асанов А. Н., 2014

Информация об авторе

Асанов Александр Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и управления, Филиал Московского психолого-социального университета в г. Муроме
Адрес: 602251, Владимирская обл., г. Муром, ул. Карачаровское шоссе, д. 5д, тел.: (49234) 7-26-25
E-mail: apex_as@bk.ru

Как цитировать статью: Асанов А. Н. Концепция формирования инновационной системы управления организацией, ориентированной на качество продукции // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 88–93.

A. N. ASANOV,

PhD (Economics), Associate Professor

Murom branch of Moscow Psychology-Social University, Russia

CONCEPTION OF FORMING THE INNOVATIVE QUALITY-ORIENTED MANAGEMENT SYSTEM OF AN ORGANIZATION

Objective: to ground the conception of forming the innovative quality-oriented management system of an organization.

Method: abstract-logical.

Results: the conception of forming the innovative quality-oriented management system of an organization is designed and thoroughly described, basing on the author's complex of principles of quality management system design; the conclusion is made of quality management as a dominant direction of forming of innovative management system of an organization.

Scientific novelty: the conception of forming the innovative quality-oriented management system of an organization is designed.

Practical value: the possibility to form efficient innovative quality-oriented management system by the organizations, which will lead to increasing the living standard and welfare of the population.

Key words: quality management; innovative system; quality of production; management of an organization.

References

1. Asanov, A. N. Innovative management as the basis for development of an organization (enterprise). *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya*, 2012, no. 6, pp. 196–203 (in Russ.).
2. Asanov, A. N. "Active production" – the modern strategy of increasing the quality of enterprise's performanc. *Standarty i kachestvo*, 2012, no. 8(902), pp. 60–64 (in Russ.).
3. Asanov, A. N. Intra-economic coordination of quality-oriented management. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta upravleniya*, 2013, no. 13, pp. 124–130 (in Russ.).
4. Asanov, A. N. Problems of functioning of quality-oriented management system at "MSZ" Open Corporation. *Vestnik akademii prava i upravleniya*, 2013, no. 31, pp. 95–99 (in Russ.).
5. Liker, J. K. *The Toyota Way: 14 Management Principles from the World's Greatest Manufacturer*. New York: McGraw-Hill, 2004. 330 p.
6. Birkinshaw, J. How Management Innovation Happens, *MIT Sloan Management Review*, 2006, no. 4, pp. 81–88.
7. Karaul'nov, V. N., Drapkina, G. S., Postolova, M. A., Pershina, E.G. *Upravlenie kachestvom* (Quality management). Kemerovo: Kemerovskii tekhnologicheskii institut pishchevoi promyshlennosti, 2005. 88 p.
8. Savchenko-Bel'skii, V. Yu. *Printsipy formirovaniya sistemy menedzhmenta kachestva (nauchno-obrazovatel'nyi material)* (Principles of quality management system forming (scientific-educational material)). Moscow: Gosudarstvennyi universitet upravleniya, 2010. 22 s.
9. Hamel, G. The Why, What and How of Management Innovation. *Harvard Business Review*, 2006, no. 2, pp. 72–84.
10. Mikhal'chenko, E. V., Krinitsyna, Z. V. Features of implementing the quality management system based on the ISO 9001:2008 at communications enterprises. *Vestnik nauki Sibiri*, 2012, no. 1, pp. 192–196 (in Russ.).
11. *GOST R ISO 9000:2008 Sistemy menedzhmenta kachestva. Osnovnye polozeniya i slovar'* (GOST R ISO 9000:2008 Quality management systems. Main provisions and thesaurus). Moscow: Standartinform, 2009, 35 p.
12. Tarasenko, F. P. On the structural schemes of organizational systems. *Problemy upravleniya v sotsial'nykh sistemakh*, 2009, vol. 1, no. 1, pp. 81–91 (in Russ.).
13. <http://www.up-pro.ru/encyclopedia/organizacionnaya-struktura.html> (accessed: 26.08.2013)
14. <http://www.icc-iso.ru/toclients/standards2/gost-r-iso-to-10013-2007/> (accessed: 26.08.2013)
15. http://www.infosait.ru/norma_doc/42/42115/index.htm (accessed: 03.03.2014)

Received 26.11.13

Information about the author

Asanov Aleksandr Nikolayevich, PhD (Economics), Associate Professor, Head of the Chair of Economics and Management, Murom branch of Moscow Psychology-Social University

Address: 5д Karacharovskoye shosse, 602251 Murom, Vladimirskaya oblast, tel.: (49234) 7-26-25

E-mail: apex_as@bk.ru

How to cite the article: Asanov A. N. Conception of forming the innovative quality-oriented management system of an organization. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 88–93.

© Asanov A. N., 2014

УДК 342.5:004

А. С. БОРИСОВА,

аспирант

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕГИОНОВ РОССИИ НА ОСНОВЕ СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА

Цель: определение методического подхода к аналитической оценке развития электронного правительства регионов России.

Методы: системный подход, метод аналитической оценки, приемы компаративного, дескриптивного, структурно-функционального анализа.

Результаты: по итогам сравнительного анализа существующих методических подходов к оценке электронного правительства автором разработана методика оценки развития электронного правительства регионов России на основе системно-функционального подхода. Предложена система управленческих мероприятий по развитию региональных проектов электронного правительства с учетом мировых факторов и тенденций развития электронного правительства. Спроектирована информационно-аналитическая система мониторинга электронного правительства региона, которая рассчитывает индекс развития электронного правительства согласно предложенной методике и определяет корректирующие мероприятия для каждого региона в зависимости от значений индексов реализации функций электронного правительства.

Научная новизна: разработанная методика оценки развития электронного правительства имеет комплексный характер и учитывает развитие проектов по каждой функции электронного правительства: электронной администрации, электронным услугам, электронному управлению и электронной демократии.

Практическая значимость: Предложенный автором подход к аналитической оценке развития электронного правительства может быть использован для проведения комплексного мониторинга и оценки предоставляемых государственных услуг в электронном виде для различных регионов России.

Ключевые слова: электронное правительство; методика оценки; системно-функциональный подход; факторы развития; тенденции развития; система управленческих мероприятий; информационно-аналитическая система; индекс развития электронного правительства.

Введение

Стремительное распространение сети Интернет в первой половине 1990-х гг. послужило толчком для развития идеи информационного общества. В рамках данной тенденции электронное правительство (ЭП) стало глобальным феноменом. В большинстве стран мира концепция электронного правительства является одним из самых важных элементов программы реформирования государственного сектора, потому что развитие сети Интернет открыло совершенно новые горизонты для потенциальных выгод использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в сфере управления.

Работа по реализации концепции электронного правительства в России началась в 2002 г. с принятием Федеральной целевой программы «Электронная Россия 2002–2010 гг.» [1]. Однако ее задачи были выполнены не в полном объеме,

что показало необходимость дальнейшей работы в данном направлении. В 2009 г. была принята Стратегия развития информационного общества [2], инструментом реализации которой послужила государственная программа [3], направленная на развитие информационного общества сроком до 2020 г. Одним из приоритетных направлений данной государственной программы является внедрение концепции электронного правительства на мезоуровне.

В регионах России начато осуществление программ областного уровня по оказанию государственных услуг в электронном виде [4], что потребовало оценки эффективности реализуемых проектов в этой области. Мониторинг и оценка достигнутого результата представляют собой инструмент, позволяющий провести пространственные и временные оценки и наметить направления регулирующего воздействия. Однако в настоящее

время нет четких алгоритмов для проведения подобной оценки в субъектах РФ.

Автором проведен компаративный анализ существующих методических подходов к оценке электронного правительства, а именно методики ООН по индексу готовности стран к электронному правительству (the UN e-Government Readiness Index) [5], методики измерения уровня развития электронного правительства в странах Европейского Союза (компания Cargemini) [6], методики оценки по индексу готовности регионов России к электронному правительству (Дирекция по мониторингу развития информационного общества ИРИО) [7]. Применение приведенных методов оценки затруднено в российских условиях ввиду недоступности данных и необходимости привлечения большого количества экспертов. Также важным недостатком методик оценки развития электронного общества является отсутствие обоснованности в выделении подсистем показателей, т. е. не уточняется, почему именно эти системы показателей используются для оценки. Таким образом, можно сделать вывод, что на сегодняшний день не существует единой методики, подходящей для оценки проектов электронного правительства регионов России. В связи с этим актуальной является проблема разработки методики, позволяющей проводить количественную оценку проектов электронного правительства регионов России без привлечения экспертов и учитывающую все важные аспекты развития электронного правительства в регионе.

Результаты исследования

Для решения указанной проблемы автором разработана методика оценки развития электронного правительства регионов России. Оценка базируется на системно-функциональном подходе, в основе которого лежат функции электронного правительства, которые можно разделить на четыре области [8]:

Электронная администрация (E-administration) затрагивает, в основном, все административные и эксплуатационные процессы правительства, в которых используются информационно-коммуникационные технологии, включая повседневные офисные задачи и основные управленческие функции общественных организаций, такие как

планирование, организация, наем персонала, руководство и контроль.

Электронные услуги (E-services) характеризуются обеспечением общественными услугами граждан и других целевых аудиторий и использованием информационно-коммуникационных технологий. Электронные услуги состоят из информационных, коммуникационных и транзакционных услуг, оказываемых в различных сферах общественной деятельности, таких как здравоохранение, социальное обеспечение и образование.

Электронное управление (E-governance), понимаемое в контексте общественного сектора как «общественное электронное управление» – это управление и регулирование отношений заинтересованных лиц на неиерархической основе с помощью информационно-коммуникационных технологий с целью заботы о политике, обслуживании и функциях развития правительства. Другими словами, это сотрудничество, взаимодействие и партнерские отношения между общественными организациями, корпорациями, неправительственными организациями, группами населения и активными гражданами, реализованные для эффективной координации внутренних и внешних ресурсов для достижения целей государственной политики.

Электронная демократия (E-democracy) описывается демократическими структурами, процессами и методами, в которых используются информационно-коммуникационные технологии для увеличения прозрачности, демократического принятия решений, включенности и участия граждан.

Прикладные области электронного правительства связаны с ключевыми группами заинтересованных лиц, отношения между этими группами имеют пять основных форм [8]: правительство гражданам (Government-to-Citizens (G2C)), граждане правительству (Citizens-to-Government (C2G)), правительство правительству (Government-to-Government (G2G)), правительство бизнесу (Government-to-Business (G2B)), бизнес правительству (Business-to-Government (B2G)). В дополнение к ним есть внутренние отношения электронного управления, такие как правительство служащим (government-to-employees, G2E) и служащие правительству (employees-to-government, E2G). Также существуют такие отно-

шения, как правительство неправительственным организациям (government-to-NGOs, G2N), правительство рынку (government-to-market, G2M).

Взаимосвязь функций электронного правительства, лежащих в основе системно-функционального подхода оценки развития электронного правительства, ключевых групп заинтересованных лиц и отношений между этими группами, представлена на рис. 1.

Основная идея исследования заключается в том, что оценка электронного правительства должна иметь комплексный характер и учитывать развитие проектов по каждой функции

электронного правительства: электронной администрации (E-administration), электронным услугам (E-services), электронному управлению (E-governance) и электронной демократии (E-democracy).

Применение системно-функционального подхода обуславливает выделение определенных подсистем показателей оценки, характеризующих соответствующие функции электронного правительства. Система взаимосвязанных показателей оценки развития электронного правительства согласно системно-функциональному подходу представлена на рис. 2.

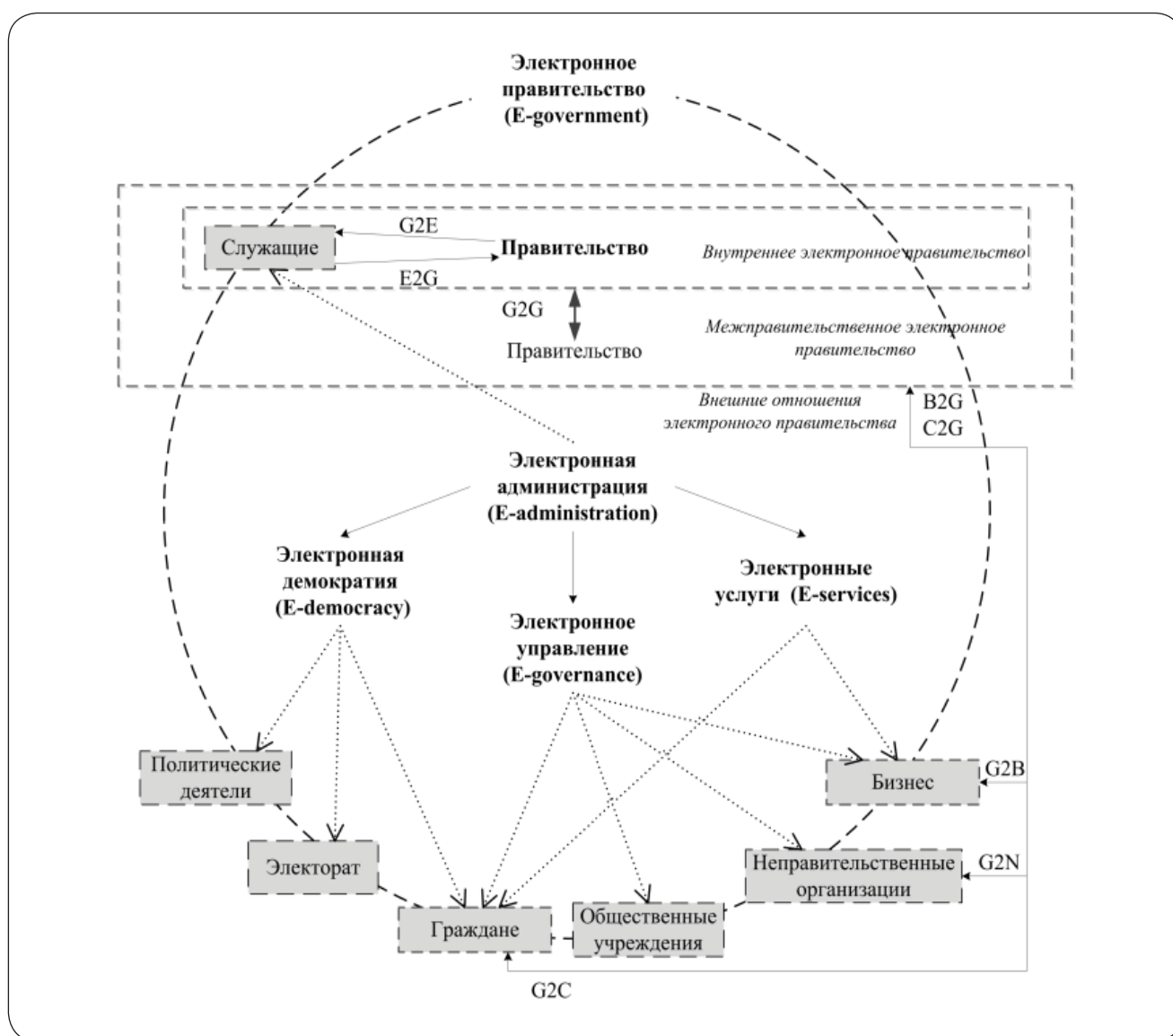

Рис. 1. Системно-функциональный подход к оценке развития электронного правительства*

* Источник: составлено автором.

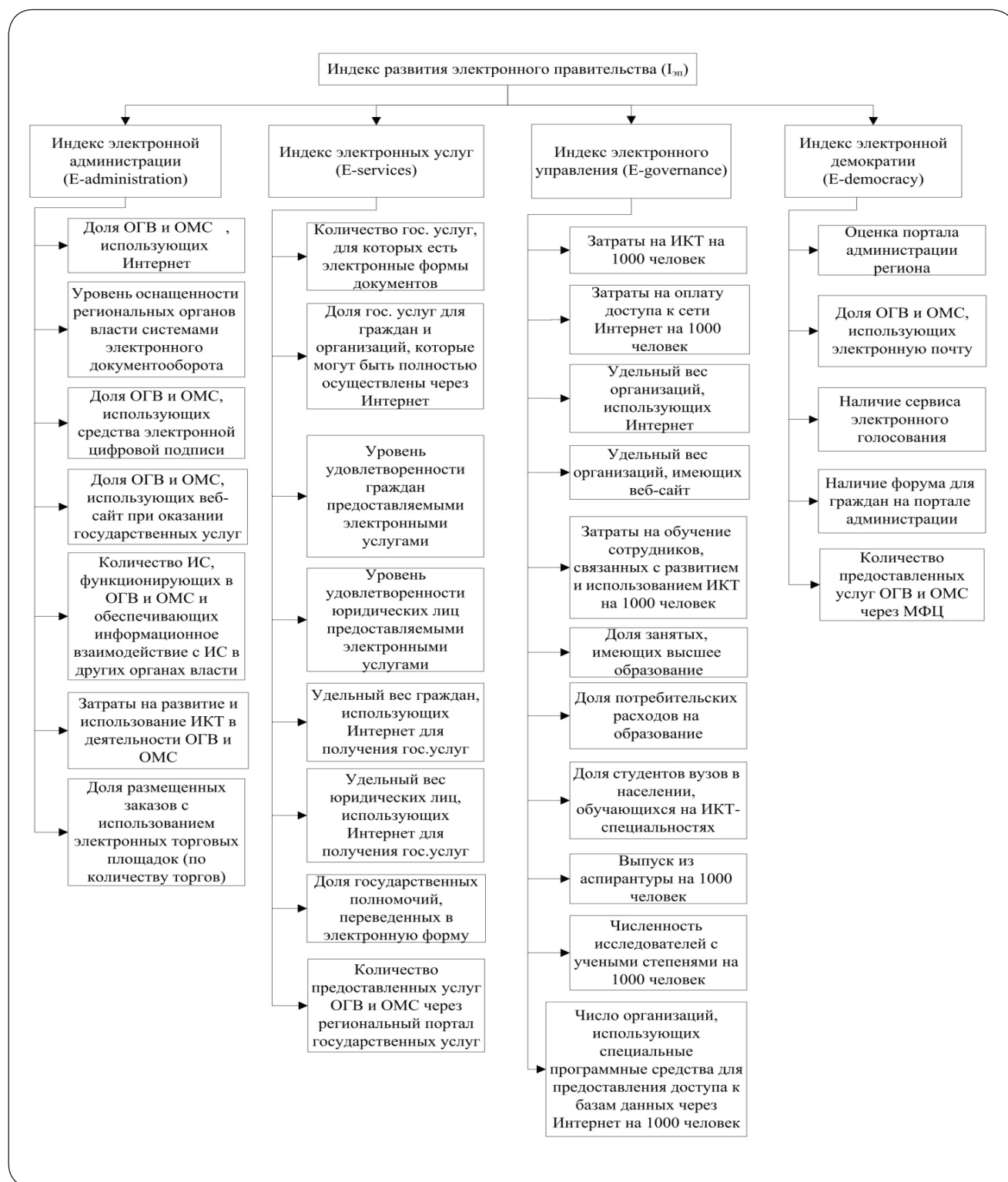

Рис. 2. Система показателей оценки развития электронного правительства на основе системно-функционального подхода*

* Источник: составлено автором.

Для построения интегрального показателя (индекса развития электронного правительства $I_{эп}$) использована рейтинговая технология [9]. Исходные данные нормируются, затем индикаторы агрегируются по подындексам. Подындексы подсчитываются как среднее арифметическое значение оценок показателей, характеризующих соответствующую предметную область. Автор предполагает, что высокая эффективность реализации проектов электронного правительства обусловлена равномерным развитием проектов по всем функциям электронного правительства. В связи с этим интегральный показатель (индекс развития электронного правительств $I_{эп}$) целесообразно вычислять по аддитивной формуле с использованием равных весовых коэффициентов.

На основе индекса развития электронного правительства $I_{эп}$ производится ранжирование регионов, строятся рейтинги регионов по уровню развития электронного правительства. Рейтинговая оценка развития электронного правительства лежит в интервале от 0 до 1. Соответственно, чем больше значение $I_{эп}$, тем выше место региона в рейтинге.

Предлагаемая методика апробирована на примере регионов Южного (ЮФО) и Северо-Кавказского (СКФО) федеральных округов с анализом данных за 2007–2011 гг. В качестве исходных данных взяты статистические данные Федеральной службы государственной статистики, данные Министерства связи и массовых коммуникаций

России, а также результаты оценки веб-сайтов региональных органов власти, проведенной Институтом развития информационного общества.

Результаты анализа данных для регионов ЮФО и СКФО за 2007–2011 гг. приведены в таблице ниже. Для каждого года исследования в таблице выделены регионы с наибольшими значениями индекса развития электронного правительства (тройка лидеров).

На рис. 3 отражены результаты анализа электронного правительства регионов ЮФО и СКФО за 2011 г. по функциям электронного правительства и итоговому индексу развития электронного правительства.

Значительная часть исследований электронного правительства имеет общий существенный недостаток – данные исследования заканчиваются после проведения оценки и расчета показателя развития электронного правительства. Вычисление итогового показателя не должно быть конечной целью исследования электронного правительства, а должно служить инструментом для обнаружения зон отставания региона по отдельным областям развития электронного правительства и составления на основе данной информации системы корректирующих мероприятий.

Система управленческих мероприятий по развитию электронного правительства регионов должна соответствовать общим тенденциям развития электронного правительства, поскольку при управлении объектом необходимо представлять

Индекс развития электронного правительства для регионов ЮФО и СКФО*

Регионы ЮФО и СКФО	Год				
	2007	2008	2009	2010	2011
Республика Адыгея	0,494	0,5016	0,5121	0,4747	0,5076
Республика Калмыкия	0,3557	0,3622	0,4819	0,5593	0,5699
Краснодарский край	0,734	0,7888	0,7276	0,6997	0,7462
Астраханская область	0,7031	0,6862	0,7231	0,5452	0,5759
Волгоградская область	0,6841	0,7003	0,6134	0,4645	0,59
Ростовская область	0,8352	0,7835	0,7183	0,6517	0,6466
Республика Дагестан	0,3964	0,3263	0,4513	0,4191	0,378
Республика Ингушетия	0,454	0,3556	0,1955	0,3231	0,3473
Кабардино-Балкарская Республика	0,5743	0,5323	0,6882	0,6764	0,6454
Карачаево-Черкесская Республика	0,3548	0,2927	0,3952	0,3824	0,2929
Республика Северная Осетия – Алания	0,5304	0,4929	0,4901	0,4562	0,5098
Чеченская Республика	0,0209	0,081	0,0467	0,1654	0,1676
Ставропольский край	0,7362	0,7568	0,7125	0,6284	0,6722

* Источник: составлено автором.

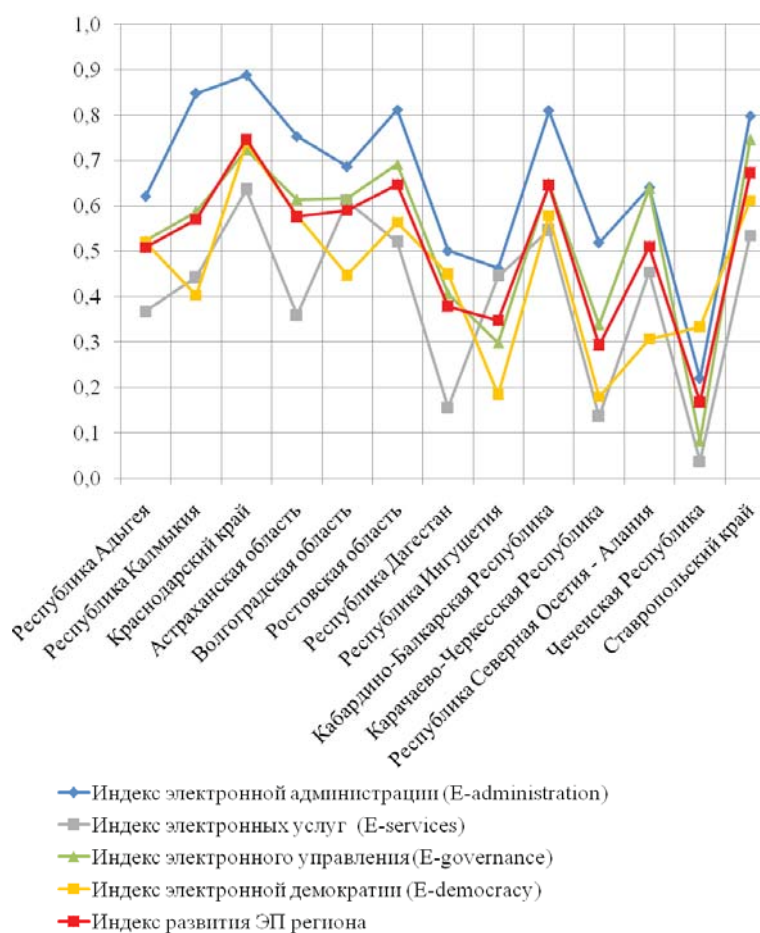

Рис. 3. Индексы реализации функций электронного правительства и итоговый индекс развития электронного правительства для регионов ЮФО и СКФО за 2011 г.*

* *Источник:* составлено автором.

целевое состояние управляемого объекта в будущем. Мегатренды, определяющие электронное правительство, включают глобализацию, развитие информационного общества, новые формы социальных структур и культурные тенденции постмодернизма [8]. Такие контекстуальные тенденции изменяют как политическую, так и административную стороны правительства. Что касается направлений развития в государственном секторе, существует непрерывная тенденция к рационализации административного аппарата. Информационно-коммуникационные технологии могут быть использованы в процессе перехода к более конкурентоспособным и договорным моделям государственного управления и оказания услуг. В то же время существует постоянная необ-

ходимость в повышении прозрачности, открытости и оперативности в работе правительства. Если применить эти воздействия к четырем функциям электронного правительства, то получим следующую картину новых тенденций (рис. 4).

На основе разработанной методики оценки развития электронного правительства регионов и проведенного анализа факторов и тенденций развития электронного правительства автором предложена система управленческих мероприятий по развитию региональных проектов электронного правительства, позволяющая дать рекомендации в зависимости от уровня развития каждой функции электронного правительства. Общая схема принятия решений по развитию региональных проектов электронного правительства приведена на рис. 5.

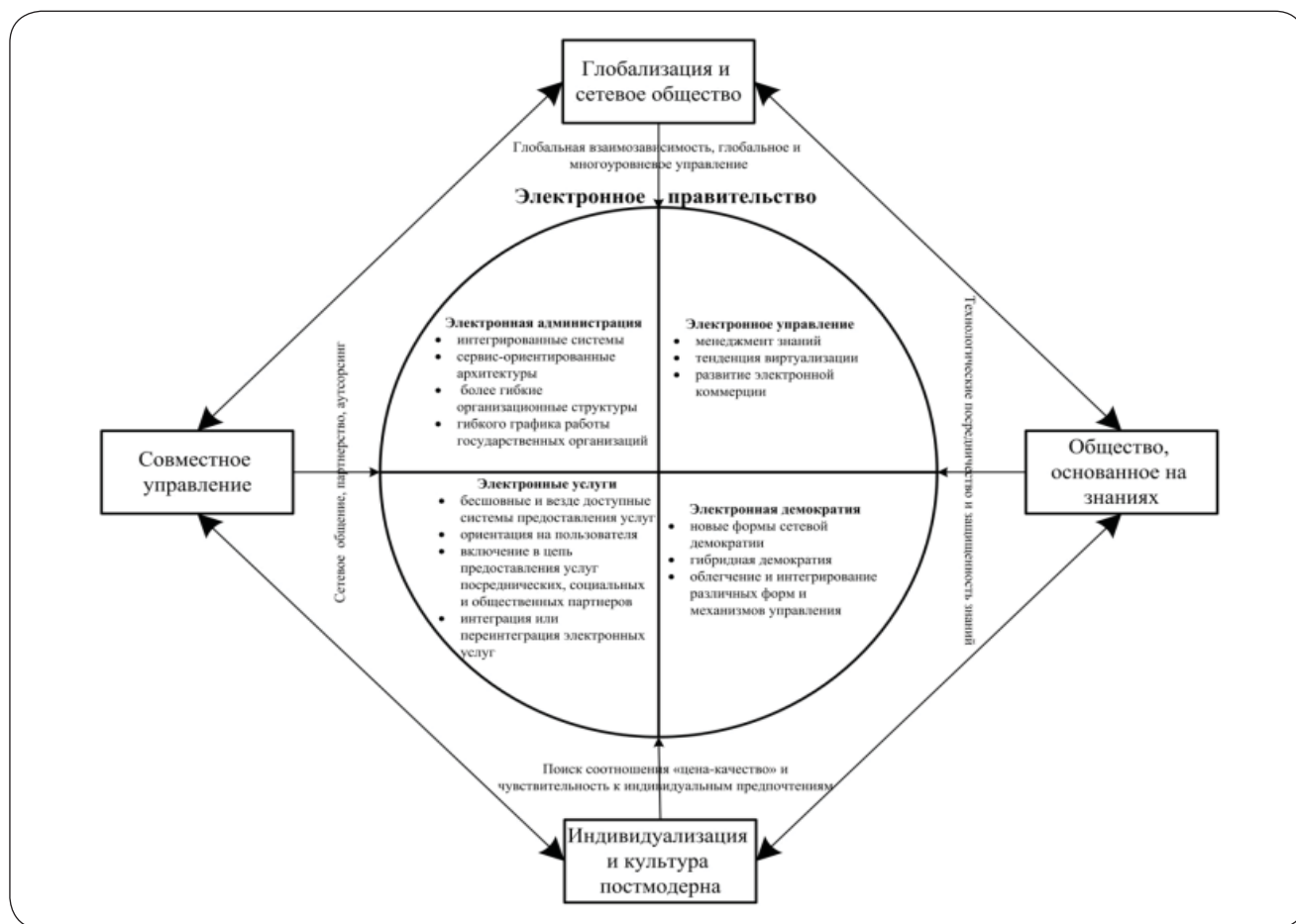

Рис. 4. Факторы и тенденции развития электронного правительства*

* Источник: составлено автором.

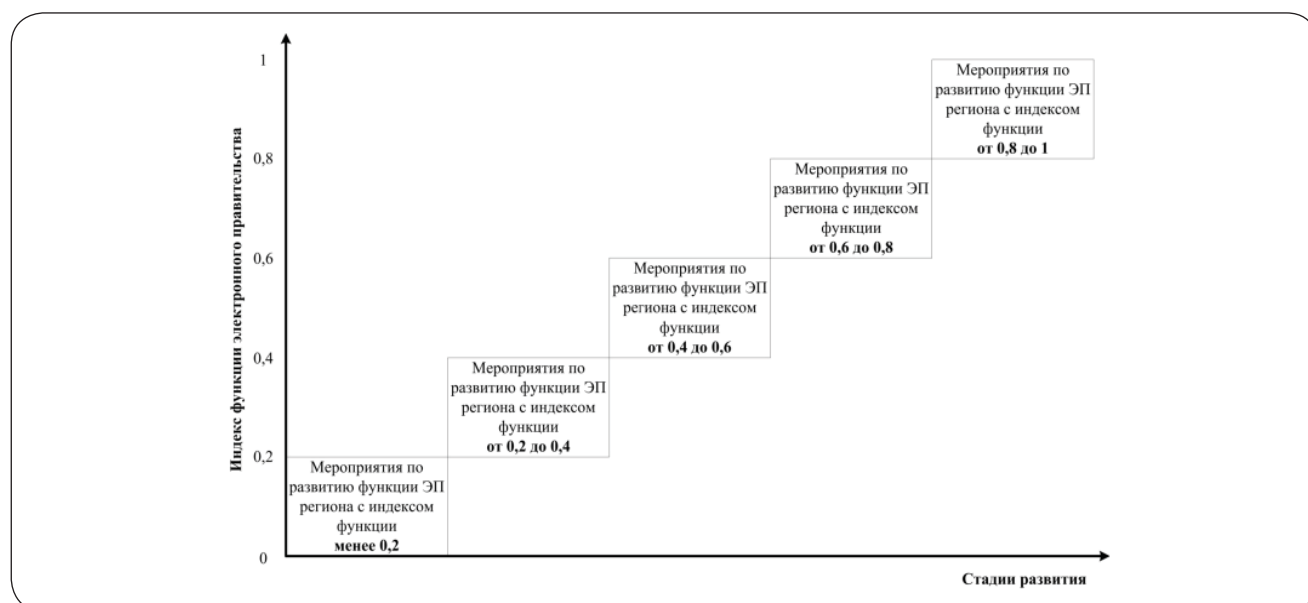

Рис. 5 Общая схема принятия решений по развитию региональных проектов электронного правительства*

* Источник: составлено автором.

Каждый регион относится к конкретной стадии развития электронного правительства в зависимости от индекса реализации соответствующей функции электронного правительства. Выделяются пять этапов зрелости электронного правительства: с индексом реализации функции менее 0,2; от 0,2 до 0,4; от 0,4 до 0,6; от 0,6 до 0,8; и более 0,8. Данная шкала соответствует классификации Европейской комиссии [10]. Для регионов на каждой стадии составлены мероприятия по развитию функции электронного правительства.

Выводы

В результате проведенного исследования спроектирована информационно-аналитическая система мониторинга электронного правительства региона, которая рассчитывает индексы реализации функций и итоговый индекс развития электронного правительства согласно методике оценки развития электронного правительства на основе системно-функционального подхода и определяет корректирующие мероприятия для каждого региона в зависимости от значений индексов реализации функций электронного правительства. При использовании данной системы работа государственных органов станет более подотчетной и прозрачной, повысит их ответственность перед гражданами.

Таким образом, разработанный подход к аналитической оценке развития проектов электронного правительства регионов России позволяет определить уровень развития электронного правительства региона путем оценки реализации

каждой функции электронного правительства, выявить зоны отставания региона по отдельным областям развития электронного правительства и составить на основе данной информации систему корректирующих мероприятий.

Список литературы

1. URL: http://www.programs-gov.ru/28_1.php
2. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92762/>
3. URL: <http://base.garant.ru/199708/>
4. Калинина А. Э., Соколов А. Ф. Организационное, институциональное и информационное обеспечение функционирования многофункциональных центров оказания государственных и муниципальных услуг // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. 2013. № 2. С. 37–46.
5. E-Government Survey 2012 E-Government for the People / Department of Economic and Social Affairs. New York, 2012. 143 p.
6. The User Challenge Benchmarking. The Supply of Online Public Services: 7th Measurement. September 2007 // Directorate General for Information Society and Media. 122 p.
7. Евтюшкин А. В., Шапошник С. Б. Индекс готовности регионов России к электронному правительству. URL: <http://www.iis.ru/docs/20050929/Shaposhnik.pdf>
8. Annttiroiko A.-V. A Brief Introduction to the Field of E-Government // Electronic government: concepts, methodologies, tools and applications. New York: Information Science Reference, 2008. P. 41–75.
9. Kalinina A., Borisova A. The monitoring of the e-government projects realization in the South of Russia // NETNOMICS: Economic Research and Electronic Networking. 2013. Vol. 4. № 3. P. 119–127. DOI: 10.1007/s11066-013-9081-9
10. Шляхтина С. Электронное правительство в цифрах и фактах // КомпьютерПресс. 2007. № 2. URL: <http://compress.ru/article.aspx?id=17274&iid=799>

В редакцию материал поступил 18.02.14

© Борисова А. С., 2014

Информация об авторе

Борисова Анна Сергеевна, аспирант кафедры экономической информатики и управления, Волгоградский государственный университет
 Адрес: 400062, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100, тел.: (8442) 460-279
 E-mail: Borisova-AS@mail.ru

Как цитировать статью: Борисова А. С. Аналитическая оценка развития электронного правительства регионов России на основе системно-функционального подхода // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 94–102.

A. S. BORISOVA,

Post-graduate student

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**ANALITICAL ESTIMATION OF ELECTRONIC GOVERNMENT DEVELOPMENT
IN THE RUSSIAN REGIONS BASING ON SYSTEMIC-FUNCTIONAL APPROACH**

Objective: to define the methodological approach to the analysis of e-government development in the Russian regions.

Methods: systematic approach, the method of analytical assessment, methods of comparative, descriptive, structural-functional analysis.

Results: using the results of comparative analysis of existing methodological approaches to the evaluation of e-governments, the author has elaborated the methodology of the the analysis of e-government development in the Russian regions. The system of management activities is proposed for the development of regional e-government projects based on global factors and trends in e-government development. The information-analytical system of the monitoring of electronic government of the region is designed, which calculates the index of e-government development in accordance with the proposed methodology and defines the corrective measures for each region depending on the indices of e-government functions implementation

Scientific novelty: the method of assessment of e-government development is comprehensive and takes into account the development of projects for each e-government function: e-administration, e-services, e-management and e-democracy.

Practical value: the author's approach to analytical estimation of e-government development can be used for complex monitoring and assessment of the rendered state e-services for various Russian regions.

Key words: e-government; method of assessment; systemic-functional approach; development factors; development trends; system of managerial activities; information-analytical system; index of e-government development.

References

1. http://www.programs-gov.ru/28_1.php
2. <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/92762/>
3. <http://base.garant.ru/199708/>
4. Kalinina, A. E., Sokolov, A. F. Organizational, institutional and informational provision of the functioning of multifunction centers for state and municipal services. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Ekonomika. Ekologiya*, 2013, no. 2, pp. 37–46 (in Russ.).
5. *E-Government Survey 2012 E-Government for the People*, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2012. 143 p.
6. *The User Challenge Benchmarking. The Supply of Online Public Services: 7th Measurement*. September 2007 / Directorate General for Information Society and Media. 122 p.
7. Evtushkin, A. V., Shaposhnik, S. B. *Indeks gotovnosti regionov Rossii k elektronnomu pravitel'stvu* (Index of the Russian regions' preparedness for e-government), available at: <http://www.iis.ru/docs/20050929/Shaposhnik.pdf>
8. Anntiroiko, A.-V. A Brief Introduction to the Field of E-Government. *Electronic government : concepts, methodologies, tools and applications*. New York: Information Science Reference, 2008. Pp. 41–75.
9. Kalinina, A., Borisova, A. The monitoring of the e-government projects realization in the South of Russia. *NETNOMICS: Economic Research and Electronic Networking*, 2013, vol. 4, no. 3, pp. 119–127. DOI: 10.1007/s11066-013-9081-9
10. Shlyakhtina, S. E-government in figures and facts, *Komp'yuterPress*, 2007, no. 2 (in Russ.), available at: <http://compress.ru/article.aspx?id=17274&iid=799>

Received 26.11.13

Information about the author

Borisova Anna Sergeevna, Post-graduate student of the Chair of Economy Information Science and Management, Volgograd State University
Address: 100 Universitetskiy Prospekt, 400062, Volgograd, tel.: (8442) 460-279
E-mail: Borisova-AS@mail.ru

How to cite the article: Borisova A. S. Analytical estimation of electronic government development in the Russian regions basing on systemic-functional approach. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 94–102.

© Borisova A. S., 2014

УДК 338.43 (470.41)

А. М. ГАЛИАХМЕТОВА,

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

РЕАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Цель: построение и обоснование модели регионального развития агропромышленного комплекса в условиях присоединения России в ВТО.

Методы: экономико-статистический.

Результаты: на основе анализа условий функционирования регионального агропромышленного комплекса выявлены проблемы стратегического развития; приведена сравнительная характеристика уровня социальной безопасности в городской и сельской местности; разработаны мероприятия по повышению эффективности в условиях глобализации.

Научная новизна: обоснована высокая экономическая значимость программы «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.», реализация которой позволит повысить эффективность управления региональным АПК в условиях присоединения России к ВТО. Обобщаются критерии социальной безопасности для населения городской и сельской местности.

Практическая значимость: модель регионального развития, разработанная для экономики Республики Татарстан, может быть реализована на территориях других субъектов РФ в целях снижения уровня кризисного состояния экономики регионов.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс; конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции; агропромышленный парк; стратегическое развитие агропромышленного комплекса.

Введение

На примере Республики Татарстан нами обобщаются теоретические и методические аспекты реализации модели регионального развития агропромышленного на период с 2013 по 2020 гг., которая, в свою очередь, отражается в разработанной Министерством сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан государственной программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия в Республике Татарстан на 2013–2020 гг.».

Модель регионального развития направлена на решение стратегических задач развития АПК региона, таких как повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции на основе инновационного пути развития комплекса; повышение финансовой устойчивости товаропроизводителей агропромышленного комплекса через оптимизацию финансовой структуры капитала организаций; воспроизводство и повышение эффективности управления земельными и другими ресурсами, а также экологизация производства; устойчивое развитие сельских территорий посредством увеличения инвестиций в их инфраструктуру; реализация бережливого

производства и эффективная логистическая система товарооборота.

Развитие агропромышленного комплекса остается одним из стратегических приоритетов экономической и социальной политики Республики Татарстан. Так, на поддержку аграрного сектора ежегодно выделяется до 10 % средств регионального бюджета.

Результаты исследования

По данным Росстата, Республика Татарстан входит в тройку лидеров среди субъектов Российской Федерации по объему валовой сельскохозяйственной продукции и удовлетворяет потребности населения в основных продуктах питания. В регионе минимальный набор продуктов питания имеет самую низкую стоимость по сравнению с остальными субъектами Российской Федерации.

Общая земельная площадь республики составляет 6,8 млн га, в том числе сельхозугодий – 4,5 млн га, из них 3,4 млн га – пашни. Численность населения, проживающего в сельской местности, – 925 тыс. чел., что составляет 24 % населения Республики Татарстан [1; 2].

Так, в 2012 г. объем продукции сельского хозяйства всех категорий сельхозпроизводителей

составил 150,1 млрд руб. (128,0 % к уровню 2008 г.). Из общего объема производства 47 % занимает продукция растениеводства, остальные 53 % – продукция животноводства. Доля продукции растениеводства в сравнении с 2008 г. увеличилась на 10,9 %, доля продукции животноводства – на 48,2 % соответственно.

В последние годы отрасль растениеводства развивалась достаточно динамично, за исключением 2009, 2010 и 2012 гг., когда значительный ущерб развитию отрасли нанесла засуха. Показатели производства основных сельскохозяйственных культур во всех категориях хозяйств республики в 2012 г. следующие: зерно – 3,0 млн т, что в 5 раз больше показателя 2010 г., однако меньше, чем в 2011 г. на 39 %; сахарная свекла (фабричная) – основная техническая культура – 2,0 млн т; картофель – 1,4 млн т (показатель вырос в 2,7 раза при увеличении убранных площадей на 0,1 % и росте урожайности в 2,7 раза).

Валовый сбор овощей открытого грунта во всех категориях хозяйств увеличился на 33,6 % по сравнению с 2010 г. С учетом защищенного грунта в республике было собрано 328,4 тыс. т овощей.

Республика Татарстан отличается наличием резервов роста развития отрасли животноводства. Имея высокий уровень плотности поголовья скота и птицы, республика увеличивает свой вклад в обеспечение продовольственной безопасности страны. В хозяйствах всех категорий в 2013 г. насчитывается 1,076 млн голов крупного рогатого

скота, в том числе 403,2 тыс. коров, 658,9 тыс. голов свиней, 372,1 тыс. голов овец и коз, 15,6 млн голов птицы. Динамика представлена на рис. 1.

В 2012 г. среднегодовой надой молока (во всех категориях сельхозпроизводителей) 4,8 т молока (109,3 % к уровню 2008 г.), продукция выращивания скота в расчете на одну голову КРС – 159 кг (108,2 % к уровню 2008 г.), свиней – 170 кг (127,8 % к уровню 2008 г.), 1121,3 млн штук яиц (110,0 % к уровню 2008 г.) [3; 4].

В общем объеме производства животноводческой продукции сохраняется высокая доля производства в хозяйствах населения. В 2011 г. населением производилось 33 % мяса, 36,5 % молока, 26,3 % яиц (в 2010 г. 33,7; 35,1; 26,8% соответственно). В расчете на душу населения производство мяса (в убойном весе) и яиц в 2011 г. осталось на уровне 2010 г. и составило 76 кг и 301 штуку соответственно. Снизилось производство молока на душу населения, которое составило 510 кг (в 2010 г. – 512 килограммов).

В сельскохозяйственных организациях в 2012 г. производство мяса (скот и птица на убой) возросло на 13,5 % по сравнению с предыдущим годом, производство яиц и молока снизилось на 3 %. В структуре производства мяса (скот и птица на убой в живом весе) в сельскохозяйственных организациях наибольший удельный вес составляет мясо птицы – 45 %, на долю мяса крупного рогатого скота приходится 25,9 %, свинины – 28,7 %. Последнее можно объяснить

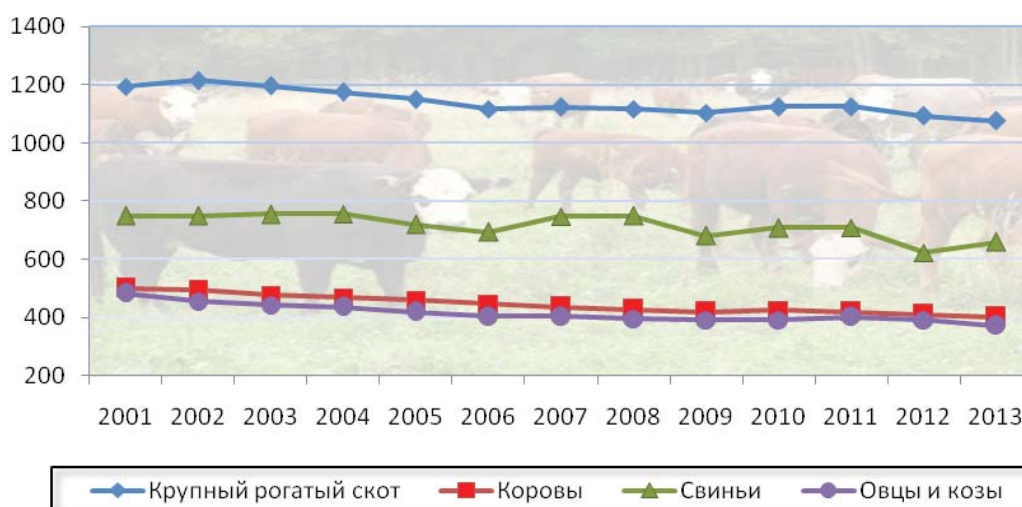

Рис. 1. Изменение поголовья скота (в хозяйствах всех категорий, тыс. голов)

низкой производственной себестоимостью мяса птицы и одновременно высокой покупательной способностью населения.

В целом, имея 2,3 % сельхозугодий страны, республика производит 5 % сельхозпродукции в Российской Федерации [5].

В региональном агропромышленном комплексе различают более 15 тысяч сельхозформирований различных форм собственности и 413,3 тысячи личных подсобных хозяйств.

Высокую эффективность показывают 40 молокозаводов, 5 мясокомбинатов и более 100 цехов по мясопереработке, 3 сахарных завода, крупный тепличный комбинат «Майский», 10 птицефабрик, в том числе ООО «Челны-Бройлер» на 5,5 млн птиц, ОАО СХП «Юбилейное» на 2,4 млн птиц, свинокомплексы ООО «Камский бекон» на 220 тыс. голов, ООО «Татмит Агро» на 40,2 тыс. голов, ООО «Авангард» на 61,3 тыс. голов, 14 мегаферм по производству молока [6; 7].

Факторами эффективного функционирования сельского хозяйства стали рациональное управление пашней и поголовьем скота и птицы, оптимизация затрат за счет внедрения ресурсосберегающих и инновационных технологий, повышение деловой активности сельского населения, поддержка малых форм предпринимательства на селе. Благодаря системной модернизации и обновлению предприятий отрасли удалось не только стабилизировать и увеличить объемы производства продукции, но и укрепить статус республики как территории с развитым агропромышленным комплексом [8].

Для расширения сбыта сельхозпродукции, производимой малыми формами хозяйствования, действует Агропромышленный парк Казани. На базе Агропромышленного парка, единственного в России по своим масштабам, создана вся необходимая бизнес-инфраструктура для предоставления услуг как потребителям, так и резидентам этого уникального комплекса. Агропромышленный парк «Новая Тура» – первый объект такого масштаба в России, расположенный на территории 8,5 га в Казани, который был открыт в 2013 г. Полезная площадь рынка – 50 тыс. кв.м., предусматривающая два торговых зала, где смогут разместиться более 600 арендаторов. Кроме того, предусмотрен перерабатывающий комплекс: цеха по переработке мяса, рыбы, хлебопекарный, кондитерский; помещения для мойки и фасовки овощей; на

складской территории размещены холодильные камеры с объемом единовременного хранения до 2 тыс. т, овощехранилище, фруктохранилище. Для удобства гостей и резидентов агропромпарка предусмотрены кафе, гостиницы, выставочный комплекс, парковочные места на 600 автомашин [9].

Идея создания агропромышленного парка «Новая Тура» принадлежит ассоциации фермеров и крестьянских подворий Республики Татарстан. Идея была предложена комитету по развитию Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Татарстан. Финансирование объекта вел как республиканский, так и федеральный бюджет (60 %). Объем инвестиций – 2 млрд руб.

Смысл проекта агропромпарка заключался в том, чтобы обеспечить доступ на розничный рынок г. Казани малым агрохозяйствам. Данная система управления сельскохозяйственным снабженческо-сбытовым кооперативом в России пока нигде не применяется, а потому проект является уникальным. Предложена такая система, которая работала бы не по схеме администрирования, а по схеме саморазвития и самоконтроля в силу того, что пришло время государству передавать фермерам определенные функции, освобождаться от ручного управления. Кооператив должен создать такую систему, при которой продукция от «поля до прилавка» доходила бы до потребителя без посредников. Поэтому создана эффективная логистическая система поставки и реализации как по розничной, так и по оптовой части.

Агропромпарк «Новая Тура» должен стать не только торговой площадкой по реализации продукции, но и оказывать фермерам другие услуги: подбор-закупка удобрений, оборудования, семян, скота, банковские кредиты, зерновая биржа и т. п.».

Обязательным условием для фермеров, представляющих свой товар на агропромпарке, является наличие сертификатов на качество сельхозпродукции. По состоянию на 2013 г. свою продукцию в «Новой туре» представляют порядка 200 фермеров.

Актуальной проблемой дальнейшего развития организаций регионального агропромышленного комплекса является обеспечение его квалифицированными кадрами. Современное сельскохозяйственное производство с его многоукладной формой собственности предъявляет высокие требования к профессиональному уровню руко-

водителей и специалистов. В республике в целях улучшения качества подготовки специалистов для работы в сельскохозяйственном производстве был сформирован образовательный кластер агропромышленного комплекса, который представляет собой пример взаимовыгодного сотрудничества аграрных учебных учреждений и работодателей – крупных инвесторов и агрофирм. С 2010 г. в Республике Татарстан реализуется Программа формирования и развития управленческого потенциала кадрового резерва агропромышленного комплекса республики.

Как показали исследования, проблемами стратегического развития агропромышленного комплекса региона являются:

- опережающее сокращение основных производственных фондов по сравнению с их вводом, сокращение и старение парка основных видов сельскохозяйственной техники;

- слабые темпы внедрения современных инновационных технологий в растениеводство и животноводство из-за низкой платежеспособности сельскохозяйственных товаропроизводителей и уровня технической и технологической оснащенности для внедрения инноваций;

- недостаточные темпы институциональных преобразований, слабое развитие малых форм предпринимательства в сферах организации производства и первичной переработки;

- низкая инвестиционная привлекательность сельскохозяйственных товаропроизводителей, финансовая неустойчивость сельскохозяйственных организаций, труднодоступность кредитных ресурсов в условиях «закредитованности», недостаток залогового обеспечения, неразвитость ипотечного кредитования;

- отток трудовых ресурсов из сектора сельского хозяйства и дефицит квалифицированных кадров, что связано с актуальными проблемами социального и экономического характера (отсутствием в сельской местности альтернативной занятости, недостаточной обеспеченностью сельского населения жильем, низким уровнем развития социальной и инженерной инфраструктуры и др.) [10; 11].

Нами было выявлено, что за период 2009–2012 гг. наблюдалось снижение удельного веса стоимости потребительской корзины в средней месячной оплате труда. Это служит свидетельством незначительного превосходства среднего

темпа роста месячной оплаты труда над средним темпом роста стоимости потребительской корзины в исследуемой динамике. В целом снижение коэффициента достаточности свидетельствует о положительном экономическом эффекте [10].

Таким образом, следует отметить, что Россия перешла красную черту, отделяющую продовольственную независимость от продовольственной зависимости по ряду таких продуктов, как мясо, молоко, сахар и др. Без импорта России уже не обойтись. Российский продовольственный рынок попал в сферу влияния крупных международных продовольственных корпораций, и они с помощью системы дотаций своих производителей и демпинговых цен вытесняют с рынка отечественных товаропроизводителей.

Снижение объемов потребления и качества питания оказало существенное влияние на сокращение естественного прироста населения. Если в 1990 г. он составлял плюс 2,2 на 1000 чел., то в 2012 г. – минус 5,0. По данным Министерства здравоохранения России, суммарный коэффициент рождаемости, требующийся для нормализации демографической ситуации в России, должен составлять 2,12, а реально он равен 1,2 [12].

Говоря об условиях и последствиях глобализации с учетом вступления России в ВТО, следует отметить, что страны-члены ВТО выступали против введения тарифных квот, льготного налогообложения, дополнительных дотаций развивающимся направлениям сельского хозяйства. Однако ряд мировых экономических лидеров широко применяют меры, против которых выступают в России. В США используется такой механизм регулирования рыночного спроса, как государственные закупки; 50–80 % сельхозпродукции реализуется в настоящий момент с применением тарифных квот. Россия выступала не за выделение ей льгот или особого к ней отношения, а за равноправные правила игры между всеми участниками рынка [13].

От России страны-члены ВТО потребовали выполнение трех условий в аграрной сфере:

1. Снижение барьеров входа на внутренние рынки: перевод нетарифных технических барьеров в обычные тарифы; сокращение общего уровня сельскохозяйственных тарифов; обеспечение определенного минимального уровня возможного импорта по относительно низким тарифам на основе тарифных квот.

2. Снижение экспортных субсидий, запрет на введение новых экспортных субсидий и возможность оказания только «честной» продовольственной помощи и «добропорядочных» программ содействия продвижения товаров на внешних рынках.

3. Снижение общего уровня поддержки сельскохозяйственного сектора.

Было бы ошибочным утверждать, что сельское хозяйство только проиграет от присоединения к ВТО. По данным экспертов, средний защитный тариф в России составляет около 10 %, и по степени защиты внутреннего рынка Россия находится на уровне самых либеральных стран (таких как Новая Зеландия, Австралия). Присоединение к ВТО приведет к снятию многих барьеров для экспорта (на 3–4 млрд долл.)

Обязательства предполагают, что, вступив в ВТО, Россия не будет использовать экспортные субсидии сельскому хозяйству. Такой нестандартный подход к обязательствам по поддержке был увязан членами ВТО с предоставлением Россией гарантий сохранения в течение переходного периода сложившегося отношения различных видов поддержки. Такие гарантии предполагают, что в течение переходного периода до 2017 г. (т. е. в годы, когда разрешенный уровень поддержки в рамках «желтой корзины» будет превышать уровень базового периода) доля продукто-специфической поддержки в отношении к продукто-неспецифической поддержке не будет превышать 30%. Данный уровень в 30 % соответствует среднему показателю такого соот-

ношения, заложенному в проекте госпрограммы «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.».

По прогнозам экспертов, общее падение производства в сельском хозяйстве после вступления в ВТО может составить примерно 1,5–2 %. Благодаря усилению конкуренции на внешнем сельскохозяйственном рынке потребитель в ценовом отношении выиграет, однако многие субъекты хозяйствования будут вытеснены с рынка.

Россия с запасами в 40 % мирового чернозема, 22 % общемировых резервов пресной воды и масштабными территориями, не используемыми в сельхозпроизводстве, способна стать одним из лидеров мирового продовольственного рынка при условии срочного интенсивного развития аграрного производства в целях обеспечения его конкурентоспособности на внутреннем и внешнем рынках [14].

Для перехода России от стабилизации к устойчивому социально-экономическому развитию на основе модернизации техники и внедрения инновационных технологий, совершенствования экономических отношений существенное значение приобретает эквивалентность обмена между городом и деревней, а также сокращение существенных различий в общественных условиях жизнедеятельности сельского и городского населения. Устранение различий в уровне социальной безопасности между сельским и городским населением является условием повышения продовольственной безопасности (см. табл.).

Сравнительная характеристика уровня социальной безопасности в городской и сельской местности [1]

Индикаторы	Год											
	2000						2012					
	Город			Село			Город			Село		
	факт	Пороговое значение	J социальной безопасности	факт	Пороговое значение	J социальной безопасности	факт	Пороговое значение	J социальной безопасности	факт	Пороговое значение	J социальной безопасности
Уровень безработицы в трудоспособном возрасте, %	10,7	10,0	1,07	10,8	10,0	1,08	6,5	10,0	0,65	11,2	10,0	1,12
Доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума, %	26,9	10,0	2,69	34,3	10,0	3,43	10,3	10,0	1,03	19,4	10,0	1,94
Недопотребление белков в продуктах животного происхождения в расчете на 1 члена домохозяйства за сутки, г	0,5	32,0	0,02	3,0	32,0	0,09	14,9	63,0	0,24	19,9	63,0	0,32
Отношение числа умерших к числу родившихся, раз	1,74	1,0	1,74	1,76	1,0	1,76	1,12	1,0	1,12	1,16	1,0	1,16
Сводный индекс (J) социальной безработицы	–	–	5,52	–	–	6,36	–	–	3,04	–	–	4,54

Примечание: J – сводный индекс.

Так, по международным оценкам, допустимое значение по индикаторам уровня безработицы и уровня бедности составляет порядка 10 %. Предельно допустимый объем потребления животного белка, ниже которого возникает угроза задержки развития у детей, ослабления иммунной системы и повышения различных заболеваний, равняется 32 г/сутки. Критерием демографической безопасности можно считать отсутствие естественной убыли населения, т. е. паритетное соотношение числа умерших и родившихся. Известно, что соотношение фактического и порогового значений характеризует индекс социальной безопасности (*J*).

Свершившийся факт вступления России в ВТО угрожает социальной безопасности сельского населения и может способствовать ухудшению экономических условий воспроизводства в АПК.

Выводы

Таким образом, повышения социальной безопасности сельского населения, обеспечения устойчивого и комплексного его развития необходимо эффективно управлять агросоциальной политикой. Ее приоритетными направлениями должны стать создание и сохранение рабочих мест, развитие малого бизнеса даже в несельскохозяйственной сфере, повышение доходности сельскохозяйственного труда, снижение уровня смертности, стимулирование уровня рождаемости. Следует также отметить высокую роль государственной поддержки АПК и сельских территорий. Минимально необходимый уровень рассчитан и представлен в Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. Составной частью этого документа является

федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.».

Список литературы

1. Агеев Ш. Р., Шагиахметов М. Р. Россия в ВТО. Казань: Идель-Пресс, 2012. 96 с.
2. Макарец Л. И. Экономика производства сельскохозяйственной продукции. М.: Проспект, 2002. 258 с.
3. Коляда А. А. Система государственной поддержки АПК в региональном аспекте // Финансы и кредит. 2009. № 37. С. 68–72.
4. Ковалев Ю. Н. Основы ведения фермерского хозяйства. М.: Академия, 2004. С. 72–73.
5. Глазунова Н. И. Система государственного и муниципального управления. М.: Проспект, 2009. 327 с.
6. Курбатов А. П. Стратегическое управление АПК: региональные аспекты // Аграрный вестник. 2005. № 12. С. 250.
7. Гайнутдинова Ф. С. Хозрасчет на предприятиях агропромышленного комплекса / Ф. С. Гайнутдинова, Л. М. Рабинович, В. Г. Тимирязов. Казань: Таглитат, 2000. 152 с.
8. Макарец Л. И. Экономика производства сельскохозяйственной продукции. М.: Проспект, 2002. 258 с.
9. Михайлюк О. Н. Формы государственной поддержки субъектов хозяйствования АПК // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2009. № 7. С. 36–39.
10. Асташов Н. Е. Организация сельскохозяйственного производства. М.: Альмаматер, 2007. 463 с.
11. Королев Ю. Б. Управление АПК / Ю. Б. Королев, В. 3. Мазлоев, А. В. Мефед. М.: Колос, 2002. 239 с.
12. Головин А. А., Сорокина М. С. Современные проблемы малых форм хозяйствования на селе // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2009. № 2. С. 7–9.
13. Захватова Ю. Чтоб не пропасть поодиночке // Российская Федерация сегодня. 2005. № 19. С. 28.
14. Бусыгин Н. Верный партнер сельских тружеников // Экономика сельского хозяйства России. 2007. № 10. С. 16–17.

В редакцию материал поступил 13.02.14

© Галиахметова А. М., 2014

Информация об авторе

Галиахметова Алсу Махмутовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и кредит», Институт экономики, управления и права (г. Казань)
 Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
 E-mail: zigangirova@ieml.ru

Как цитировать статью: Галиахметова А. М. Реализация модели регионального развития агропромышленного комплекса в условиях глобализации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 103–109.

A. M. GALIAKHMETOVA,

PhD (Economics), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

IMPLEMENTING THE MODEL OF REGIONAL DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL-INDUSTRIAL COMPLEX UNDER GLOBALIZATION

Objective: to build and substantiate the model of regional development of the agricultural complex under the Russia's joining the WTO.

Methods: economic-statistical.

Results: basing of the analysis of conditions of the regional agro-industrial complex functioning, the problems of strategic development are identified; the comparative characteristic of the level of social security in urban and rural districts is given; measures are elaborated to increase the efficiency under globalization.

Scientific novelty: high economic importance of the program «Sustainable development of rural areas by 2013 and 2009 and for the period till 2020» is substantiated, realization of which will allow to improve management effectiveness of regional agriculture under Russia's joining the WTO. The criteria of social security in urban and rural areas are summarized.

Practical value: the model of regional development, elaborated for Tatarstan republic, can be implemented in other Russian subjects for reducing the level of crisis in the regions' economy.

Keywords: agricultural-industrial complex; competitiveness of agricultural products; agricultural park; strategic development of the agricultural-industrial complex.

References

1. Ageev, Sh. R., Shagiakhmetov, M. R. *Rossiya v VTO* (Russia in WTO). Kazan: Idel-Press, 2012. 96 p.
2. Makarets, L. I. *Ekonomika proizvodstva sel'skokhozyaistvennoi produktsii* (Economics of agricultural production). Moscow: Prospekt, 2002. 258 p.
3. Kolyada, A. A. System of the state support of agricultural-industrial complex in regional aspect. *Finansy i kredit*, 2009, no. 37, pp. 68–72 (in Russ.).
4. Kovalev, Yu. N. *Osnovy vedeniya fermerskogo khozyaistva* (Bases of farming). Moscow: Akademiya, 2004. Pp. 72–73.
5. Glazunova, N. I. *Sistema gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya* (System of state and municipal governance). Moscow: Prospekt, 2009. 327 p.
6. Kurbatov, A. P. Strategic management of agricultural-industrial complex: regional aspects. *Agrarnyi vestnik*, 2005, no. 12, p. 250 (in Russ.).
7. Gainutdinova, F. S., Rabinovich, L. M., Timiryasov, V. G. *Khozraschet na predpriyatiyakh agropromyshlennogo kompleksa* (Self-financing in the enterprises of agricultural-industrial complex). Kazan: Taglimat, 2000. 152 p.
8. Makarets, L. I. *Ekonomika proizvodstva sel'skokhozyaistvennoi produktsii* (Economics of agricultural production). Moscow: Prospekt, 2002. 258 p.
9. Mikhailyuk, O. N. Forms of the state support of agricultural-industrial complex subjects. *Ekonomika sel'skokhozyaistvennykh i pererabatyvayushchikh predpriyatii*, 2009, no. 7, pp. 36–39 (in Russ.).
10. Astashov, N. E. *Organizatsiya sel'skokhozyaistvennogo proizvodstva* (Organization of agricultural production). Moscow: Al'mamater, 2007. 463 p.
11. Korolev, Yu. B., Mazloev, V. Z., Mefed, A. V. *Upravlenie APK* (Management of agricultural-industrial complexes). Moscow: Kolos, 2002. 239 p.
12. Golovin, A. A., Sorokina, M. S. Modern problems of small businesses in rural areas. *Vestnik Kurskoi gosudarstvennoi sel'skokhozyaistvennoi akademii*, 2009, no. 2, pp. 7–9 (in Russ.).
13. Zakhvatova, Yu. Not to fail one by one. *Rossiiskaya Federatsiya segodnya*, 2005, no. 19, p. 28 (in Russ.).
14. Busygin, N. The true partner of farmers. *Ekonomika sel'skogo khozyaistva Rossii*, 2007, no. 10, pp. 16–17 (in Russ.).

Received 26.11.13

Information about the author

Galiakhmetova Alsu Makhmutovna, PhD (Economics), Associate Professor of “Financed and Credit” Chair, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: Moskovskaya St., 420111, Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: zigangirova@ieml.ru

How to cite the article: Galiakhmetova A. M. Implementing the model of regional development of agricultural-industrial complex under globalization. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 103–109.

© Galiakhmetova A. M., 2014

УДК 658.114.5

Л. Р. ИКСАНОВА,

соискатель

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА ХОЛДИНГА

Цель: определение и обоснование стратегии развития интеллектуального капитала холдинга.

Методы: абстрактно-логический, сравнения, анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Результаты: на основе анализа теоретических положений и на примере конкретного холдинга доказана необходимость стратегии развития интеллектуального капитала холдинга. Предложено 9 принципов формирования и развития интеллектуального капитала, которые являются неотъемлемыми составляющими при формировании самой стратегии холдинга; обоснована необходимость каждого принципа. Выделены основные этапы формирования стратегии развития интеллектуального капитала.

Научная новизна: на основе анализа существующих в научной литературе подходов предложено авторское определение интеллектуального капитала холдинга. Обоснована стратегия развития интеллектуального капитала, для чего представлено определение стратегии развития интеллектуального капитала холдинга; предложена система принципов развития интеллектуального капитала холдинга, часть из которых (например, принципы сбалансированности, синергизма) являются специфичными для холдинговых компаний; выделены основные этапы формирования стратегии развития интеллектуального капитала.

Практическая значимость: в возможности расширения спектра компетенций холдинговой структуры путем формирования и совершенствования всех элементов интеллектуального капитала, что имеет принципиальное значение в инновационной экономике с высоким уровнем конкуренции, а также увеличения возможностей обмена компетенциями между подразделениями холдинга.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал холдинга; стратегия интеллектуального капитала холдинга; принципы развития интеллектуального капитала холдинга.

Введение

Одним из актуальных направлений исследований в финансовом менеджменте на сегодняшний день является интеллектуальный капитал, выступающий в своем роде инновационным вектором развития любой национальной экономики. В условиях экономики постиндустриального типа именно интеллектуальный капитал формирует наибольшую добавленную стоимость; в этом смысле, особенно в рамках высокотехнологичных компаний, он более значим, чем традиционные факторы производства, такие как земля, наемный труд, основной и оборотный капитал.

Несмотря на возрастающий интерес к изучению теории интеллектуального капитала как в западной, так и российской экономике, до сих пор не предпринималось системных попыток углубленного изучения механизма управления интеллектуальным капиталом с точки зрения его приемлемости для холдинговых компаний.

В современных условиях интеллектуальный капитал является одним из наиболее значимых факторов обеспечения конкурентоспособности холдинговой компании, однако деятельность холдингов не может осуществляться стихийно,

без использования определенной стратегии, обеспечивая тем самым наиболее приоритетные пути развития холдинговой структуры.

Целью данной статьи является определение и обоснование стратегии развития интеллектуального капитала холдинга. В работе применялись следующие методы: абстрактно-логический, сравнения, анализа, синтеза, индукции и дедукции.

Результаты исследования

Необходимо отметить, что в специальной литературе отсутствует единство мнений по поводу сущности и содержания как интеллектуального капитала компании вообще, так и интеллектуального капитала холдинга в частности. Так, Р. Р. Гутнов сводит содержание интеллектуального капитала компании только к имеющимся у нее нематериальным активам [1, с. 11] –подобный подход, по нашему мнению, сужает содержание интеллектуального капитала. О. В. Заборовская рассматривает интеллектуальный капитал как систему знаний работников компании [2, с. 155]. По нашему мнению, в состав интеллектуального капитала (ИК) компании входят не только знания, но и определенные управленческие навыки, компетенции.

Что касается собственно интеллектуального капитала холдинга, то точное определение данного понятия в специальной литературе не встречается.

На наш взгляд, интеллектуальный капитал холдинга представляет собой систему накопленных знаний и компетенций персонала, принадлежащих холдингу нематериальных активов, формирующихся в соответствии с такими базовыми принципами, как эффективность, планомерность, динамизм, объективность, сбалансированность, циркулирование элементов интеллектуального капитала между структурами холдинга, синергизм, рациональная транспарентность, минимизация транзакционных издержек и обуславливающих устойчивое прогрессивное развитие предприятий холдинга на инновационной основе.

В предлагаемом определении нашли отражение следующие специфические атрибуты интеллектуального капитала холдинга:

- система базовых взаимосвязанных принципов, в соответствии с которыми должен развиваться и совершенствоваться интеллектуальный капитал холдинга;

- взаимосвязь интеллектуального капитала и обеспечения устойчивого прогрессивного развития холдинга на инновационной основе;

- требование сбалансированности развития ИК холдинга, которое проявляется в том, что интеллектуальный капитал не может существенным образом концентрироваться в рамках только одной из структур холдинга в ущерб другим: передовые знания и навыки в рамках холдинга должны оперативно передаваться от одних компаний другим;

- нацеленность интеллектуального капитала на минимизацию транзакционных издержек, возникающих между предприятиями холдинга, прежде всего, затрат на поиск и обработку информации и издержек, связанных с заключением и исполнением различного рода сделок.

Стратегия развития интеллектуального капитала холдинговой компании является производной по отношению к стратегии ее функционирования в целом. Стратегия способствует снижению уровня неопределенности деятельности предприятия и рисков. Рационально разработанная и эффективно внедренная стратегия при этом особенно важна для таких субъектов предпринимательской деятельности, как крупные диверсифицированные холдинговые структуры. Развитие такого рода структур без четкой формализованной стратегии

усиливает риски вложения капитала в неэффективные проекты, увеличивает уровень неопределенности внешней и внутренней среды как отдельных подразделений холдинга, так и управляющей компании холдинговой структуры в целом.

В настоящее время единого, общепризнанного определения категории «стратегия» также не существует. Известный американский экономист В. Глак предлагает следующее определение: «Стратегия – это унифицированный, интегрированный и понятный план, разработанный таким образом, чтобы быть уверенным в достижении целей предприятия» [3]. В данном определении нашла свое отражение одна из важнейших, на наш взгляд, финансово-экономических функций стратегии предприятия, а именно – повышение уверенности в достижении целей предприятия, или снижение уровня неопределенности хозяйственной деятельности.

Достаточно простое и емкое определение предлагает классик науки управления Г. Минцберг: «Стратегия – это модель (образец поведения) в потоке будущих действий или решений» [4, с. 5]. Сходной позиции придерживается и Дж. Барни: «Стратегия – это модель размещения ресурсов, которая позволяет организации улучшить результаты ее хозяйственной деятельности. «Хорошая» стратегия – это стратегия, которая нейтрализует угрозы, использует рыночные возможности, опираясь на свои сильные стороны и укрепляя свои слабые стороны» [5, с. 32].

А. В. Якимов определяет сущность стратегии следующим образом: «Стратегия – это модель взаимодействия всех ресурсов, позволяющая организации наилучшим способом исполнить ее миссию и добиться устойчивых конкурентных преимуществ» [6, с. 23]. Тесную связь стратегии с процессами повышения конкурентоспособности, причем в отношении стратегий развития не только отдельных предприятий, но и целых регионов, подчеркивают О. В. Демьянова и А. Р. Сафиуллин [7].

На основе анализа существующих подходов к сущности и содержанию стратегии мы предлагаем собственное определение стратегии развития интеллектуального капитала (ИК) холдинговой структуры.

Стратегия развития ИК холдинга представляет собой комплекс взаимосвязанных, объективных, наиболее приоритетных направлений формирования и совершенствования всех элементов интеллектуального капитала, соответствующих общей стратегии развития холдинга

и обеспечивающих долгосрочное устойчивое повышение эффективности его функционирования.

Таким образом, неотъемлемыми характеристиками стратегии развития ИК холдинга должны быть комплексность и взаимосвязанность отдельных элементов ИК как друг с другом, так и в разрезе подразделений холдинга, обусловленность стратегии развития ИК общей стратегией холдинга и нацеленность стратегии и вытекающей из нее системы управления интеллектуальным капиталом холдинга на обеспечение долгосрочного устойчивого повышения уровня его эффективности. Последнее вполне согласуется с тем фактом, что в условиях экономики постиндустриального типа, экономики знаний и высоких технологий именно интеллектуальный капитал является наиболее значимым фактором повышения эффективности деятельности различных компаний, в том числе и холдингового типа.

А. В. Просвирнин предлагает последовательность этапов разработки стратегии развития интеллектуального капитала крупной корпорации, к которым он относит транснациональные корпорации, финансово-промышленные группы и крупные холдинговые структуры [8, с. 58]. В наиболее общем виде, по его мнению, алгоритм выбора стратегии развития интеллектуального капитала холдинга включает в себя следующие этапы:

- 1) определение конкурентов холдинга;
- 2) проведение рейтинговой оценки интеллектуального капитала регионов, расположения конкурентов и рассматриваемого холдинга;
- 3) определение роли факторов ИК мезоуровня;
- 4) осуществление рейтинговой оценки развития ИК конкурентов;
- 5) определение состояний развития ИК конкурентов;
- 6) определение средневзвешенного состояния развития ИК конкурентов;
- 7) корректировка результатов в соответствии со значениями факторов ИК мезоуровня;
- 8) оценки состояний развития ИК холдинга;
- 9) определение состояние развития ИК рассматриваемого холдинга;
- 10) формирование перечня управленческих мероприятий развития ИК холдинга;
- 11) принятие управленческого решения и выбор стратегии развития ИК холдинга, оперируя существующей стратегией развития, средневзвешенным состоянием развития ИК конкурентов, состоянием развития ИК холдинга и условиями выбора.

12) внедрение комплекса управленческих мер согласно выбранной стратегии развития ИК холдинга.

По нашему мнению, последовательность разработки стратегии ИК холдинга, предложенная А. В. Просвирниным, является крайне трудоемкой с точки зрения практической реализации. В частности, крайне сложно получить релевантную информацию о характере формирования и использования ИК конкурентов, тем более что у многоотраслевого холдинга такого рода конкурентов имеется достаточно большое количество.

Рассмотрим особенности формирования стратегии и системы управления ИК ОАО «Холдинговая компания «Ак Барс» – одного из крупнейших многопрофильных холдингов Республики Татарстан. В состав ОАО «Холдинговая компания «Ак Барс» входят предприятия различных отраслей народного хозяйства: сельское хозяйство, пищевая промышленность, машиностроение и судостроение, авиаперевозки, торговля и др.

Холдинговая компания осуществляет управление предприятиями при помощи следующих инструментов: бюджетирование текущей деятельности, организация взаимодействия с кредитными учреждениями, управление финансовыми потоками, автоматизация бухгалтерского учета, ревизионная работа, разработка кадровой политики и юридическое сопровождение.

В целом, по холдингу расходы на воспроизводство ИК увеличились в 2011 г. на 7,8 % по сравнению с 2010 г., а в 2012 г. на 8,1 % по сравнению с уровнем 2011 г.¹, что свидетельствует об инертном увеличении затрат на формирование и развитие интеллектуального капитала холдинга, совсем немалом опережающем темп инфляции. По сути, можно сделать вывод о том, что фактически развитие ИК не рассматривается в качестве ключевого стратегического приоритета развития холдинга.

Можно выделить несколько основных признаков классификации стратегий развития ИК холдинга:

1. По уровню «замкнутости–открытости»:
 - внутренняя (закрытая) стратегия предприятия холдинга выполняют практически полный цикл интеллектуальной деятельности;
 - внешняя (открытая) стратегия, в рамках которой предприятия холдинга интегрируются

¹ По данным ОАО «Холдинговая компания «Ак Барс».

в цепочку создания интеллектуального капитала совместно со сторонними организациями (подход кооперации) или приобретает готовые интеллектуальные и информационные ресурсы извне.

2. По уровню первенства на конкурентном рынке [9, с. 40]:

– стратегия «интеллектуального лидера» – приоритет управления интеллектуальным капиталом на предприятиях холдинга большой, система управления стремится к совершенству;

– стратегия «последователя» – холдинг экономит на долгосрочных инвестиционных вложениях в создание интеллектуального капитала, снижает риски интеллектуальной деятельности, следуя за интеллектуальным лидером и приобретая то, что уже дало «лидеру в знаниях» устойчивую экономическую отдачу;

– стратегия «аутсайдера» – холдинг минимизирует затраты на управление интеллектуальным капиталом, стремясь максимально использовать бесплатные информационные и интеллектуальные ресурсы.

3. По степени централизации разработки и реализации:

– стратегия централизации, когда управленческие решения по вопросам формирования и развития ИК принимаются на уровне головной (управляющей) компании холдинга и доводятся до предприятий холдинга без какого-либо обсуждения с последними;

– стратегия децентрализации, при которой предприятия холдинга реализуют собственные индивидуальные стратегии управления ИК, а управляющая компания осуществляет лишь некоторые общие функции координации, софинансирования и развития ИК холдинга;

– смешанная стратегия, при которой часть управленческих решений и процедур в сфере развития ИК осуществляется централизованно, часть – децентрализованно, и при этом существуют действенные как вертикальные, так и горизонтальные механизмы взаимодействия по вопросам развития ИК холдинга.

По нашему мнению, последняя из приведенных выше стратегий развития ИК холдинга является наиболее продуктивной, по крайней мере для крупных межотраслевых холдингов. Вместе с тем данная стратегия является и наиболее сложной с точки зрения практической реализации. В частности, в ОАО «Холдинговая компания «Ак Барс» недостаточно отработанными являются механизмы вертикальных и особенно горизонтальных коммуникаций по вопросам развития отдельных элементов интеллектуального капитала.

Важно, чтобы стратегия формирования и развития ИК холдинга соответствовала ряду принципов, т. е. некоторых устойчивых требований. В связи с этим мы предлагаем систему принципов развития ИК, часть из которых, например, принципы сбалансированности, синергизма, являются специфическими для холдинговых компаний (см. табл.).

Предлагаемые принципы формирования и развития интеллектуального капитала холдинга*

Наименование	Содержание
1. Принцип эффективности	Предполагает превышение доли прибыли, полученной в результате использования ИК холдинга, над затратами на его формирование и развитие
2. Принцип планомерности	Означает необходимость текущего и перспективного планирования потребности в ИК и источников его финансирования как в разрезе подразделений холдинга, так и для холдинговой компании в целом
3. Принцип динамизма	Предполагает способность ИК холдинга к постоянному совершенствованию в соответствии с тенденциями изменения факторов внутренней и внешней среды и, прежде всего, трендами научно-технического прогресса; развитию новых компетенций; быстрому циркулированию элементов ИК между структурами холдинга
4. Принцип объективности	Формирование и развитие ИК холдинга должно осуществляться на основе научно обоснованных методов и моделей при минимальной роли субъективного фактора
5. Принцип сбалансированности	Не должен иметь место существенный дисбаланс в развитии ИК между отдельными подразделениями холдинга. Такого рода дисбаланс будет препятствовать быстрому и эффективному трансферу знаний, технологий, идей между предприятиями холдинга, затруднять реализацию совместных для нескольких подразделений холдинга проектов
6. Принцип циркулирования ИК между структурами холдинга	Должны существовать механизмы передачи отдельных видов нематериальных активов между предприятиями холдинга, возможности обмена знаниями и компетенциями различных подразделений холдинга. Данный принцип непосредственно следует из требования сбалансированности ИК и предопределяет принцип синергизма
7. Принцип синергизма	Означает обеспечение взаимодействия интеллектуального капитала различных структур холдинга с целью получения дополнительного экономического эффекта (например, посредством разработки и внедрения НИОКР на основе взаимодействия отделов технического профиля и конструкторских бюро нескольких компаний холдинга). Данный принцип может предполагать и взаимодействие нескольких видов ИК различных структур холдинга, например, когда для внедрения современной информационной системы на одном из предприятий холдинга привлекаются на проектных началах специалисты из других структур
8. Принцип рациональной транспарентности	Означает необходимость обеспечения максимально возможной транспарентности (прозрачности) затрат на формирование ИК и механизмов управления им в рамках холдинга с целью минимизации возможных злоупотреблений
9. Принцип минимизации транзакционных издержек между структурами холдинга	Развитие интеллектуального капитала предприятий холдинга и его головной компании должно быть организовано таким образом, чтобы в долгосрочном периоде обеспечить минимизацию всех видов транзакционных издержек, возникающих в процессе осуществления трансакций между структурами холдинга.

* Источник: собственная разработка автора.

Следует отметить, что в рамках ОАО «Холдинговая компания «Ак Барс» в настоящее время из всех представленных в вышеприведенной таблице принципов в определенной степени реализуется лишь принцип динамизма. Так, достаточно оперативно обновляется программное обеспечение деятельности предприятий холдинга в соответствии с тенденциями развития сферы информационно-коммуникационных технологий; обучение топ-менеджмента и ряда специалистов компании также организуется в соответствии с новейшими тенденциями рынка образовательных услуг. В целом же управление ИК холдинга является непрозрачным (в частности, не проводятся внутрикорпоративные тендеры на приобретение программного обеспечения, организацию дорогостоящего обучения персонала и формирование иных элементов интеллектуального капитала холдинга, что увеличивает риск злоупотреблений). Количественные методы оценки эффективности отдельных видов ИК холдинга практически не используются. Совместные проекты нескольких предприятий холдинга, основанные на использовании интеллектуального капитала, в настоящее время также практически не реализуются, что свидетельствует об отсутствии принципа синергизма.

Подводя итог вышеизложенному, можно выделить следующие основные этапы формирования стратегии развития интеллектуального капитала холдинга:

1. Исследование системы ключевых компетенций холдинга, обуславливающих его конкурентные преимущества. Под компетенциями холдинговой структуры понимаются реализуемые ею основные функции, обеспеченные соответствующими ресурсами, знаниями, навыками. Анализ того, в какой мере отдельные элементы холдинговой структуры вносят вклад в формирование ее общих компетенций. Выявление возможностей трансфера ключевых компетенций между элементами холдинговой структуры.

2. Анализ общей стратегии развития холдинговой структуры. Формализация стратегии развития холдинга в том случае, если она отсутствует в системном виде.

3. Разработка стратегии развития интеллектуального капитала холдинга исходя из системы выделенных компетенций холдинговой структуры,

общей стратегии развития холдинга, имеющихся ресурсов совершенствования ИК и обоснованных принципов формирования и развития интеллектуального капитала холдинга, представленных в приведенной выше таблице.

4. Конкретизация положений стратегии в форме организационно-экономических механизмов развития отдельных элементов интеллектуального капитала в разрезе компаний, входящих в состав холдинга, и холдинговой структуры в целом.

Выводы

Таким образом, взаимосвязь системы компетенций холдинговой структуры и стратегии формирования и развития интеллектуального капитала холдинга носит циклический характер. С одной стороны, от качества компетенций холдинговой структуры непосредственно зависит стратегическая траектория развития его интеллектуального капитала; с другой – интеллектуальный капитал создает возможности расширения спектра компетенций холдинговой структуры, что имеет принципиальное значение в инновационной динамично развивающейся экономике с высоким уровнем конкуренции, а также увеличения возможностей обмена компетенциями между подразделениями холдинга.

Список литературы

1. Гутнов Р. Р. Современная концепция управления человеческими ресурсами. М.: РГБ, 2008. С. 11.
2. Заборовская О. В. Формирование и развитие человеческого капитала в регионе. СПб.: Изд-во СпГУЭиФ, 2012. 155 с.
3. Glueck W.F. Business Policy and Strategic Management. New York, McGraw-Hill, 1980. P. 71–78.
4. Mintzberg H., McHugh A. Strategy formulation in adhocracy. Administrative Science Quarterly, 30, 1985. P. 5.
5. Barney J. B. Gaining and Sustaining Competitive Advantage. Addison-Wesley Publishing Company, New York, 1996. P. 32.
6. Якимов А. В. Теория и практика стратегического планирования // Инвестиции в России. 2009. № 5. С. 23.
7. Демьянова О. В., Сафиуллин А. Р., Хазиахметов Б. З. Подходы к оценке конкурентоспособности на основе методов анализа эффективности. Казань, ЦПЭИ, 2009. 312 с.
8. Просвирнин А. В. Основы экономики знаний. Ростов-н/Д: Феникс, 2011. С. 58.
9. Кетова К. В. Учет человеческого капитала при моделировании экономической системы региона / К. В. Кетова, И. Г. Русик // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2008. № 3. С. 40.

В редакцию материал поступил 04.02.14

© Иксанова Л. Р., 2014

Информация об авторах

Иксанова Лилия Римовна, соискатель кафедры финансового менеджмента, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42

E-mail: liliyari@mail.ru

Как цитировать статью: Иксанова Л. Р. Стратегия развития интеллектуального капитала холдинга // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 110–115.

L. R. IKSANOVA,

applicant

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Россия

STRATEGY OF DEVELOPING THE INTELLECTUAL CAPITAL OF A HOLDING

Objective: to determine and ground the development strategy of intellectual capital of a holding.

Methods: abstract-logical, comparison, analysis, synthesis, induction, and deduction.

Results: basing on the analysis of theoretical provisions and an example of certain holding the necessity was proved to elaborate the development strategy of intellectual capital of a holding. Nine principle of forming and developing the intellectual capital were proposed, which are integral to forming the holding strategy; necessity of each principle is proved. The main stages of forming the development strategy of intellectual capital of a holding are extinguished.

Scientific novelty: basing on the analysis of existing scientific approaches, the author's definition of the intellectual capital of a holding was proposed. The development strategy of intellectual capital is grounded, for which a system of principles is proposed for developing the intellectual capital of a holding; a part of which (for example, the principles of balancing, synergism) are specific for holding companies; the main stages of forming the development strategy of intellectual capital are extinguished.

Practical value: possibility to broaden the range of competences of a holding structure by forming and improving all the elements of intellectual capital, which is essential for innovative economy with high competition, as well as to increase the possibilities of competences exchange between the holding departments.

Key words: intellectual capital of a holding; strategy of intellectual capital of a holding; principles of developing the intellectual capital of a holding.

References

1. Gutnov, R. R. *Sovremennaya kontseptsiya upravleniya chelovecheskimi resursami* (Modern concept of human resources management). Moscow: RGB, 2008, p. 11.
2. Zaborovskaya, O. V. *Formirovanie i razvitie chelovecheskogo kapitala v regione* (Forming and developing human capital in a region). Saint Petersburg: Izd-vo SpGUEiF, 2012, 155 p.
3. Glueck, W.F. *Business Policy and Strategic Management*. New York, McGraw-Hill, 1980. Pp. 71–78.
4. Mintzberg, H., McHugh, A. *Strategy formulation in adhocracy*. Administrative Science Quarterly, 30, 1985. P. 5.
5. Barney, J. B. *Gaining and Sustaining Competitive Advantage*. Addison-Wesley Publishing Company, New York, 1996. P. 32.
6. Yakimov, A. V. Theory and practice of strategic planning. *Investitsii v Rossii*, 2009, no. 5, p. 23 (in Russ.).
7. Dem'yanova, O. V., Safullin, A. R., Khaziakhmetov, B. Z. *Podkhody k otsenke konkurentosposobnosti na osnove metodov analiza effektivnosti* (Approaches to estimating the competitiveness based on efficiency analysis methods). Kazan, TsPEI, 2009, 312 p.
8. Prosvirmin, A. V. *Osnovy ekonomiki znaniy* (Bases of knowledge economy). Rostov on Don: Feniks, 2011, p. 58.
9. Ketova, K. V., Rusik, I. G. Accounting of human capital during modeling the economic system of a region. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Ser. 6. Ekonomika*, 2008, no. 3, p. 40 (in Russ.).

Received 04.02.14

Information about the author

Iksanova Liliya Rimovna, applicant of Financial Management Chair, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111, Kazan

E-mail: liliyari@mail.ru

How to cite the article: Iksanova L. R. Strategy of developing the intellectual capital of a holding. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 110–115.

© Iksanova L. R. , 2014

УДК 339.137:334.01

П. И. КУЗЬМИНА,

аспирант

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ БИЗНЕС-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЕЕ ФАКТОРЫ

Цель: выявление необходимости ввода понятия «конкурентоспособность бизнес-деятельности организации» в сфере услуг, определение содержания этого понятия и анализ основных факторов, обуславливающих уровень конкурентоспособности бизнес-деятельности.

Метод: абстрактно-логический.

Результаты: на основе оценки мнений отечественных и зарубежных авторов доказана необходимость выявления такого понятия, как «конкурентоспособность бизнес-деятельности организации» применительно к сфере услуг. Предложено авторское понимание данного понятия, выявлены основные факторы конкурентоспособности бизнес-деятельности организации в сфере услуг.

Научная новизна: введено новое понятие «конкурентоспособность бизнес-деятельности организации»; обоснована необходимость выявления формирующих ее факторов и необходимость ее оценки; определена логическая взаимосвязь понятий «конкурентоспособность бизнес-деятельности» и «экономическая безопасность».

Практическая значимость: в возможности повышения уровня конкурентоспособности бизнес-деятельности организаций в сфере услуг путем глубокого анализа основных определяющих факторов и управления ими.

Ключевые слова: конкуренция; конкурентоспособность; факторы конкурентоспособности; экономическая безопасность.

Введение

Конкуренция играет одну из ведущих ролей в формировании механизма регулирования и последующего контроля действий производителей во всех отраслях и сферах деятельности, и именно благодаря конкуренции производители стремятся удовлетворить потребности и пожелания потребителей на максимальном уровне с целью получения большей прибыли. Н. А. Качалина под конкуренцией предлагает понимать соперничество рыночных субъектов, преследующих одну и ту же цель, их борьбу за наиболее выгодные условия [1, с. 10]. Г. Л. Азоев полагает, что «под конкуренцией понимается соперничество на каком-либо поприще между отдельными юридическими и физическими лицами (конкурентами), заинтересованными в достижении одной и той же цели. С точки зрения предприятия такой целью является максимизация прибыли за счет завоевания предпочтений потребителей» [2, с. 5]. Е. И. Мазилкина и Г. Г. Паничкина считают, что «под конкуренцией следует понимать процесс взаимодействия производителей и поставщиков, использующих свои конкурентные преимущества при реализации продукции, а также соперничество между отдельными производителя-

ми или поставщиками товара (услуги) за выбор покупателя» [3]. Как видно из этих определений, конкуренция всегда подразумевает под собой соперничество с целью максимизации прибыли путем привлечения максимального числа потребителей. Существование и рост конкуренции обуславливает желание хозяйствующих субъектов совершенствовать формы и методы производства, улучшать качество продукции, диверсифицировать деятельность, увеличивать ассортимент, т. е. различными путями повышать конкурентоспособность.

Таким образом, цель нашего исследования – выявить необходимость ввода понятия «конкурентоспособность бизнес-деятельности организации» в сфере услуг, определить содержание этого понятия и проанализировать основные факторы, обуславливающие уровень конкурентоспособности бизнес-деятельности.

Результаты исследования

Конкурентоспособность представляет собой свойство рассматриваемой категории выступать на рынке наравне с присутствующими там аналогичными товарами, услугами или субъектами рыночных отношений. При ее оценке используют

ся характеристики, важные для потребителей, на которые они ориентируются, делая свой выбор [1, 10], т. е. категория конкурентоспособности является междисциплинарной и формируется не только за счет экономических предпочтений потребителей, но и за счет различных маркетинго-психологических факторов. Некоторые трактовки понятия «конкурентоспособность» приведены в табл. 1.

Таблица 1
Определения понятия «конкурентоспособность» [4]

Автор	Определение
М. Портер	Конкурентоспособность – это свойство товара, услуги, субъекта рыночных отношений выступать на рынке наравне с присутствующими там аналогичными товарами, услугами или субъектами рыночных отношений
М. Гельваноский	Конкурентоспособность – это обладание свойствами, создающими преимущества для субъекта экономического существования
Р. Ф. Фатхутдинов	Конкурентоспособность – свойство объекта, характеризующееся степенью реального или потенциального удовлетворения конкретной потребности по сравнению с аналогичными объектами, представленными на данном рынке
П. У. Зулкарпаев Л. Р. Ильясова	Интегральная конкурентоспособность предприятия – это его способность занимать определенную долю рынка продукции и способность увеличить/уменьшать данную долю
М. Мескон А. Альберт Ф. Хедоури	Выраженная компетентность выражается в том, что фирма делает что-то лучше, чем ее конкуренты, т. е. сохраняет конкурентоспособность, позволяющую фирме привлекать и сохранять потребителей

При анализе понятия «конкурентоспособность» выявлено, что наиболее часто рассматриваемыми в трудах отечественных и зарубежных авторов являются конкурентоспособность про-

дукции (товаров, работ, услуг), организации, производства, отрасли, региона, страны.

Конкурентоспособность продукции представляет собой комплексную характеристику способности продукции максимально точно удовлетворять конкретные потребности получателя товара по сравнению с аналогичными товарами на рынке. Данная характеристика является динамичной, оценивается только за определенный промежуток времени и зависит от многочисленных факторов внешней и внутренней среды. Эта способность товара оценивается в соотношении с определенной долей рынка [5]. Основные факторы, обуславливающие конкурентоспособность продукции, представлены на рис. 1.

Выявленные факторы конкурентоспособности продукции являются общими во всех отраслях и сферах деятельности, однако в каждой отдельной отрасли могут быть выявлены специфические факторы конкурентоспособности продукции.

Наряду с рассмотренным понятием существует понятие конкурентоспособности организации, которое несколько отличается от определения конкурентоспособности продукции.

Конкурентоспособность предприятия – это система оценочных характеристик продукции и услуг, производственной и хозяйственной деятельности предприятия, влияющих на результаты соперничества с другими предприятиями на рынках сбыта [1, с. 10], т. е. конкурентоспособность организации является характеристикой эффективности использования всех ресурсов с последующим по-

Рис. 1. Основные факторы конкурентоспособности продукции. Позиция производителя и потребителя [1, с. 141]

лучением финансовых результатов, обеспечивающих выполнение всех финансово-экономических обязательств с возможностью последующего увеличения конкурентных преимуществ в обозримом будущем. Конкурентоспособность организации характеризуется динамичностью и относительностью, так как она зависит как от внешних, так и от внутренних факторов организации [5].

Конкурентоспособность организации определяется тремя группами факторов:

- на макроэкономическом уровне – конкурентоспособность страны;
- на отраслевом уровне – конкурентоспособность отрасли;
- на уровне предприятия – факторы, характеризующие его собственный потенциал и место на рынке, в частности уникальность продукции [1, с. 188].

Так как понятие конкурентоспособности есть относительная характеристика, и все организации определенного сектора экономики России находятся в одинаковом положении относительно конкурентоспособности страны, региона, отрасли, то более подробное изучение данных понятий в данном исследовании считаем нецелесообразным. При условии существования и деятельности организаций в одинаковых рыночных условиях наибольшего внимания заслуживают внутренние факторы конкурентоспособности организаций.

Л. Н. Качалина к традиционным факторам конкурентоспособности организации (предприятия) относит:

- экономический потенциал и эффективность деятельности предприятия (активы, основной капитал, собственный и заемный капитал, объем продаж, доля на рынке, прибыль к объему продаж, на инвестированный капитал, на акционерный капитал);
- производственный и сбытовой потенциал, показывающий возможность предприятия производить ту или иную продукцию в требуемых количествах и в небольшие сроки (инновационные технологии, производственные и сбытовые мощности, обновление номенклатуры выпускаемой продукции и пр.);
- научно-исследовательский потенциал (организация научных исследований, число исследовательских центров, лабораторий, направленных научных исследований в области патентования и пр.);

– финансовое положение (платежеспособность, т. е. способность предприятия выполнять в необходимые сроки свои финансовые обязательства, кредитоспособность, структура капитала, рост нормы и массы прибыли);

– место предприятия на рынке страны (скорость роста долгосрочного спроса, изменение состава покупателей и способов использования продукта, обновление продукции, маркетинговые инновации, устойчивые покупательские предпочтения, рост доли рынка);

– место предприятия на мировом рынке (расширение крупных технических и технологических достижений, изменение в издержках и эффективности, уменьшение неопределенности и риска открытости внешнему рынку, рост доли рынка);

– кадровый потенциал (профессионализм, сотрудничество, коллективность, мобильность рабочей силы, дух конкуренции, приверженность фирме) [1, с. 193].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в научных трудах мало уделено внимание понятию конкурентоспособности деятельности организации в целом.

Понятие деятельности является емким и сложным по своей структуре. Каждая организация осуществляет производственную, финансовую, маркетинговую, сбытовую, коммерческую и прочую деятельность. В трудах многих авторов при анализе и оценке конкурентоспособности производства прочие виды деятельности не находят своего отражения или изучены недостаточно. Именно поэтому на настоящий момент для комплексной оценки и характеристики организаций в условиях активного рынка считается необходимым ввести в оборот понятие «конкурентоспособность бизнес-деятельности».

«Бизнес – это деятельность, направленная на получение прибыли путем создания и реализации определенной продукции или услуг» [6]. Как следствие, при наличии цели максимизации прибыли все виды деятельности организации тем или иным образом направлены на достижение основной цели.

По мнению автора, конкурентоспособность бизнес-деятельности является интегральной характеристикой конкурентоспособности организации и конкурентоспособности продукции, так как успех деятельности организации на рынке зависит от факторов, влияющих на обе эти категории.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что конкурентоспособность бизнес-деятельности организации является многофакторной характеристикой способности организации вести деятельность с максимальным удовлетворением потребностей покупателей (пользователей, потребителей) и получением наибольших положительных финансовых результатов как основной цели бизнеса по сравнению с конкурентами в рассматриваемой отрасли.

Особое значение конкурентоспособность деятельности имеет для сферы услуг, поскольку качество услуги может быть оценено только в процессе ее оказания, т. е. в процессе деятельности по предоставлению услуги потребителю.

Путем анализа параметров, влияющих на конкурентоспособность продукции и организации, а также ключевых факторов успеха [7, с. 127] можно выделить несколько основных факторов, оказывающих прямое влияние на уровень совокупной конкурентоспособности таких категорий, как продукция, организация, т. е. на конкурентоспособность бизнес-деятельности организации в сфере услуг (рис. 2).

На настоящий момент в связи с недостаточной изученностью проблемы является затруднительным выделить факторы, присущие непосредственно категории конкурентоспособности

бизнес-деятельности организации в чистом виде, поэтому примем за основу определение конкурентоспособности бизнес-деятельности как совокупной конкурентоспособности организации.

Необходимо обратить внимание на то, что в целом конкурентоспособность представляет собой совокупность таких понятий, как эффективность и экономическую безопасность деятельности организации. При этом под экономической безопасностью рассматриваемой предметной области понимается такое состояние деятельности, при котором обеспечивается стабильность и самостоятельность организации с помощью определенного выработанного механизма противодействия внешним и внутренним угрозам бизнеса. Таким образом, конкурентоспособность и экономическая безопасность являются логически связанными категориями: при невозможности обеспечить экономическую безопасность деятельности организации организация неизбежно теряет свои конкурентные преимущества и, как следствие, уровень конкурентоспособности значительно снижается.

Наличие логической взаимосвязи этих двух понятий подтверждается близостью компонент экономической безопасности и факторов, обуславливающих совокупную конкурентоспособность (табл. 2).

Рис. 2. Основные факторы совокупной конкурентоспособности организации*

* Источник: составлено автором.

**Взаимосвязь экономической безопасности бизнес-деятельности
и совокупной конкурентоспособности организаций в сфере услуг***

Составляющая экономической безопасности	Характеристика	Наличие указанных составляющих при рассмотрении ЭБ бизнес-деятельности организации	Факторы совокупной конкурентоспособности организаций
1	2	3	4
Технико-технологическая	Представляет собой научно-технологический потенциал системы, который гарантирует конкурентоспособность товаров, работ и услуг на рынке высокотехнологичных благ; обеспечивает самостоятельную разработку системой технологических решений, способствующих продвижению товаров, работ и услуг	Присутствует: оказание услуг ДПО возможно только на определенной научно-технической базе: просторные помещения, необходимое мультимедиа-оборудование и оргтехника, использование современных информационно-коммуникационных технологий	Производственные факторы: наличие помещений для организации деятельности; наличие необходимого оборудования; владение современными технологиями; использование сети Интернет; оказание услуг в дистанционном режиме. Информационные факторы: совершенные информационные системы; оказание услуг в дистанционном режиме; широкий выбор ассортиментных групп; быстрая и удобная поддержка потребителей; быстрое реагирование на поступающие заявки; точное выполнение заказов потребителей и возможность предоставления услуг по индивидуальному заказу. Маркетинго-сбытовые факторы: оказание услуг в дистанционном режиме
Финансовая	Характеризует обеспеченность системы финансовыми ресурсами, позволяющими производить достаточное количество товаров, работ, услуг, удовлетворяя общественные потребности в неблагоприятных внутренних и внешних условиях; возможность объекта (организации, региона, государства) получать, распределять и эффективно использовать заемные средства, распределять активы таким образом, чтобы получать максимальный доход	Присутствует: для оказания услуг ДПО необходимо правильно организовать работу сотрудников, привлечь преподавателей, а, соответственно, выплатить зарплату всем задействованным лицам. Полученные доходы необходимо распределить таким образом, чтобы были обеспечены ликвидность, рентабельность и стабильность системы	Финансовые факторы: отсутствие дебиторской и кредиторской задолженности; низкая себестоимость услуг и общие низкие издержки
Ресурсно-сырьевая	Заключается в наличии материальных ресурсов, обеспечивающих бесперебойное функционирование системы, производство товаров, работ услуг тем самым обеспечивая конкурентоспособность системы; включает в себя наличие достаточного количества запасов, сырья, доступность электроэнергии, водоснабжения и прочих коммуникаций, необходимых для бесперебойного функционирования системы	Присутствует: в отношении доступности электроэнергии, водоснабжения и прочих коммуникаций, необходимых для бесперебойного функционирования системы	Производственные факторы: наличие необходимых коммуникаций
Экологическая	Характеризует возможность системы функционировать, не нанося при этом вред окружающей среде. На каждом объекте, взаимодействующем с окружающей средой, должен быть разработан комплекс мероприятий по уменьшению наносимого вреда, по сокращению от потерь от загрязнения окружающей среды	Отсутствует: прямое влияние на окружающую среду. Косвенное влияние ничтожно мало по сравнению с такими отраслями, как электроэнергетика, металлургия, нефтедобывающая и нефтеперерабатывающая промышленность и пр.	-
Информационная	Определяет способность системы обеспечить на высоком уровне безопасность персональных данных, используемых в информационных системах обработки данных; наличие достоверной и своевременной информации, касающейся производимых товаров, выполняемых работ, оказываемых услуг	Присутствует: деятельность в области ДПО охарактеризована наличием большого количества личной информации, которая должна быть недоступна третьим лицам в соответствии с заключаемыми договорами	Организационные факторы: наличие необходимой документации для ведения бизнес-деятельности; Маркетинго-сбытовые факторы: качественная реклама

1	2	3	4
Кадровая и социальная	Предполагают наличие способностей предотвращения негативных воздействий на систему за счет сокращения рисков и угроз, связанных с персоналом, налаживания трудовых отношений в коллективе и как можно более полного использования интеллектуального потенциала сотрудников	Присутствует: организация деятельности в области ДПО требует наличие высококвалифицированного кадрового состава для достижения максимальных результатов деятельности и увеличения количества и качества предлагаемых услуг	Производственные факторы: высокая производительность труда; наличие высококвалифицированных кадров Организационные факторы: качественный менеджмент
Силовая	Заключается в целях обеспечения сохранности имущества, охраны территории и безопасности персонала системы; определена соответствием деятельности организации действующим нормативно-правовым актам	Присутствует: Соответствие действующим нормативно-правовым актам, регулирующим деятельность в области ДПО. Наличие лицензии на образовательную деятельность – один из основных факторов, необходимых для оказания услуг в области ДПО	Организационные факторы: наличие необходимой документации для ведения бизнес-деятельности

* *Источник:* составлено автором.

Как можно заметить, уровень совокупной конкурентоспособности бизнес-деятельности организации определяют те же факторы, что и уровень экономической безопасности бизнес-деятельности. Однако при определении уровня экономической безопасности в расчет не принимаются прочие факторы (хорошая репутация, приветливость и доброжелательность персонала, размер организации) и маркетинго-сбытовые факторы (быстрая реакция на изменение рыночной ситуации, точное выполнение заказов потребителей и возможность предоставления услуг по индивидуальному заказу, быстрое реагирование на поступающие заявки, быстрая и удобная поддержка потребителей, высокий уровень обслуживания, широкий выбор ассортиментных групп, разработка новых видов услуг; качество и цена услуг), хотя косвенное влияние этих факторов на конкурентоспособность доказуемо.

Выводы

Принимая во внимание ранее указанную гипотезу о том, что совокупная конкурентоспособность бизнес-деятельности организации представляет собой единство таких понятий, как эффективность и экономическая безопасность, можно сделать определенные выводы.

Во-первых, уровень конкурентоспособности бизнес-деятельности организации напрямую зависит от уровня эффективности деятельности и уровня экономической безопасности деятельности организации.

Во-вторых, конкурентоспособность бизнес-деятельности организации можно косвенно

оценить путем анализа совокупных результатов оценки эффективности деятельности и экономической безопасности деятельности организации, а также путем оценки потенциала экономической безопасности.

В-третьих, большая часть факторов конкурентоспособности бизнес-деятельности организации нашла отражение в компонентах экономической безопасности. Таким образом, уровень экономической безопасности оказывает большее влияние на уровень конкурентоспособности бизнес-деятельности организации, чем уровень эффективности деятельности.

Список литературы

1. Качалина Л. Н. Конкурентоспособный менеджмент. М.: Эксмо, 2006. 464 с.
2. Азоев Г. Л. Конкуренция: анализ, стратегия и практика. М.: Центр экономики и маркетинга, 1996. 208 с.
3. Мазилкина Е. И., Паничкина Г. Г. Основы управления конкурентоспособностью. URL: <http://lib.rus.ec/b/176422/read>
4. Философова Т. Г., Быков В. А. Конкуренция. Инновации. Конкурентоспособность: учеб. пособие. URL: <http://www.knigafund.ru/books/149276/read#page8>
5. Борисова Ю. В. Методические подходы к оценке конкурентоспособности продукции горно-обогатительного предприятия: маркетинговый аспект: дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2011. 151 с.
6. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. URL: <http://www.pqm-online.com/books>
7. Томпсон-мл. А. А., Стрикленд III А. Дж. Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа: пер. с англ. 12-е изд. М.: Вильямс, 2006. 928 с.

В редакцию материал поступил 07.02.14

© Кузьмина П. И., 2014

Информация об авторе

Кузьмина Полина Игоревна, аспирант кафедры «Финансы и антикризисное регулирование», заведующий лабораториями Института дополнительного профессионального образования, Иркутский государственный университет путей сообщения

Адрес: 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, тел.: (3952) 638371, 638370

E-mail: kuzmina_pi@mail.ru

Как цитировать статью: Кузьмина П. И. Конкурентоспособность бизнес-деятельности организации и определяющие ее факторы // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 116–122.

P. I. KUZ'MINA,

post-graduate student

Irkutsk State University for Traffic Network, Irkutsk, Russia

COMPETITIVENESS OF AN ENTERPRISE'S BUSINESS ACTIVITY AND FACTOR DETERMINING IT

Objective: to identify the necessity to introduce the concept of "competitiveness of business activity of an organization" in the services sector, to define the content of this concept and to analyze the main factors contributing to the competitiveness of business activity.

Method: abstract logic.

Results: basing on the evaluation of the views of the Russian and foreign authors, the necessity is proved of identifying such notion as "competitiveness of business activity of an organization" in relation to the services sector. The author's understanding of this concept is proposed, the main factors of competitiveness of the business activities of an organization in the services sector are revealed.

Scientific novelty: a new concept "competitive business activity of the organization" is introduced; the necessity to identify factors forming it is proved, as well as the need to assess it; the logical relationship of the concepts of "competitiveness of business activity" and "economic security" is defined.

Practical value: the ability to improve the competitiveness of business activity in the services sector through a thorough analysis of its main determinants and their management.

Key words: competition; competitiveness; competitive factors; economic security.

References

1. Kachalina, L. N. *Konkurentosposobnyi menedzhment* (Competitive management). Moscow: Eksmo, 2006. 464 p.
2. Azojev, G. L. *Konkurentsia: analiz, strategiya i praktika* (Competition: analysis, strategy and practice). Moscow: Tsentr ekonomiki i marketinga, 1996. 208 p.
3. Mazilkina, E. I., Panichkina, G. G. *Osnovy upravleniya konkurentosposobnost'yu* (Bases of competitiveness management), available at: <http://lib.rus.ec/b/176422/read>
4. Filosofova, T. G., Bykov, V. A. *Konkurentsia. Innovatsii. Konkurentosposobnost'* (Competition. Innovations. Competitiveness), available at: <http://www.knigafund.ru/books/149276/read#page8>
5. Borisova, Yu. V. *Metodicheskie podkhody k otsenke konkurentosposobnosti produktsii gorno-obogatitel'nogo predpriyatiya: marketingovyi aspekt: dis. ... kand. ekon. nauk* (Methodological approaches to evaluation of competitiveness of an ore-processing plant: marketing aspect: a PhD (Economics) thesis). Irkutsk, 2011. 151 p.
6. Meskon, M., Al'bert, M., Khedouri, F. *Osnovy menedzhmenta* (Methodological approaches to estimating the competitiveness of an ore-processing plant production: a PhD (Economics) thesis), available at: <http://www.pqm-online.com/books>
7. Tompson A. A., Strikland A. Dzh. *Strategicheskii menedzhment: kontseptsii i situatsii dlya analiza* (Strategic management: concepts and situations for analysis). Moscow: Vil'yams, 2006. 928 p.

Received 07.02.14

Information about the author

Kuz'mina Polina Igorevna, post-graduate student of "Finance and Anti-crisis Regulation" Chair, Head of Laboratory of Institute for Supplementary Professional Education, Irkutsk State University for Traffic Network

Address: 15 Chernyshevskogo St., 664074 Irkutsk, tel.: (3952) 638371, 638370

E-mail: kuzmina_pi@mail.ru

How to cite the article: Kuz'mina P. I. Competitiveness of an enterprise's business activity and factor determining it. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 116–122.

© Kuz'mina P. I., 2014

УДК 330.342.2:001

Л. П. КУРАКОВ,

доктор экономических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,

С. М. ПЯСТОЛОВ,

доктор экономических наук, профессор

*Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям,
г. Москва, Россия*

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ В ФОРМИРОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Цель: определение основных тенденций развития политики в области научных исследований и инноваций в европейских странах.

Методы: экономико-статистические и абстрактно-логические.

Результаты: раскрыты тенденции формирования политики в области научных исследований и инноваций, прежде всего, в странах Европы. Проведено сравнение основных параметров мировых инновационных систем и на основе этого выявлены значительные расхождения траекторий развития стран Европы, группы развивающихся стран и России. При рассмотрении становления общеевропейской организации поддержки науки и инноваций отмечены факторы, определяющие устойчивые взаимодействия ученых и распространение знаний.

Научная новизна: анализ структуры и объема расходов на исследования и разработки в странах с различными уровнями доходов на душу населения; выявление траекторий развития инновационных систем в странах Европы и России.

Практическая значимость: возможность учета результатов анализа становления инновационных систем в европейских странах при разработке национальной инновационной политики.

Ключевые слова: параметры мировых инновационных систем; политическая экономия ИР; пространство исследований.

Введение

Как показало исследование источников в сфере научных исследований и инноваций [2; 4], понятие стратегического управления инновационными системами в настоящее время практически соответствует понятию политики в области научных исследований и инноваций. Обозначения областей научных исследований с течением времени менялись, и к началу 1990 гг. стало очевидно, что термин «политика» не вполне адекватен области исследований, так как многие ученые, работавшие в этой области, сосредотачивались больше на экономических отношениях в сфере технологий и инноваций, а также на управлении исследованиями и разработками. Недавно сформированное научное направление, получившее наименование «политическая экономия ИР¹», фокусирует ис-

следования на «конкурентных преимуществах» стран и принимает во внимание в первую очередь структурные экономические показатели, такие как промышленное производство и рост занятости, соотнося их с положительными эффектами инновационной деятельности.

В то же время целеполагание политической экономии ИР определяется видом функции социального благосостояния стран, которая описывает общественные приоритеты (например, транспорт, медицина, защита окружающей среды и т. д.) и структуру базовых отраслей промышленности. Исследования в рамках новой дисциплины, в частности, показывают, что в странах с различными уровнями доходов на душу населения наблюдаются различия в структуре и объемах расходов на исследования и разработки [1]:

1) объем частных расходов на ИР (как % ВВП) в странах с высокими доходами на душу населения (1,39 %) больше, чем объем общественных

¹ ИР = исследования и разработки. В англоязычных источниках – R&D.

расходов (0,70 %); отношение ИР/ВВП составляет почти 2,09 %;

2) в странах со средними доходами частные и общественные расходы на исследования и разработки практически равны (0,44 % и 0,42 %). Средний показатель ИР/ВВП составляет приблизительно 0,86 %;

3) в странах с низкими доходами на душу населения объем общественных расходов на ИР (0,39 % от ВВП) больше, чем частных (0,25 % от ВВП), вероятно, потому что структура промышленного сектора недостаточно сильна для поддержки высоких частных расходов на ИР.

Большая часть решений о расходах на ИР, как показывает национальное исследование в США [1], принимается на промышленных предприятиях. Таким образом, соответствующие процессы целеполагания не находятся в зоне прямого государственного контроля. Бюджеты американских предприятий формируют примерно 62 % всех фондов исследований и разработок. В Европе этот показатель равен 54 %, но имеется разброс показателей (от 45 % в Великобритании до 70 % в Германии). В Китае, Сингапуре, Тайване финансирование предприятий как доля общих расходов на ИР колеблется от 60 % и выше. Но правительственные чиновники контролируют инновационную активность по отношению ИР/ВВП.

В Китае значение данного показателя с 1996 по 2009 гг. выросло почти в три раза от 0,6 до 1,7 %, и это произошло в период, когда валовой внутренний продукт Китая рос на 12 % ежегодно. Расходы Китая на исследования и разработки в 2010 г. составили 141 млрд долл. по паритету покупательной способности, это составило больше 12 % от всех расходов на исследования и разработки в мире.

Рассматривая факты инновационного развития Японии, Китая, Южной Кореи и ряда других развивающихся стран, следует отметить, что в этих странах на протяжении 1996–2007 гг. темпы роста ИР были выше, чем в зрелых знание-интенсивных экономиках. В ЕС, США и Японии рост расходов на ИР менялся в диапазоне от 5,4 до 5,8 %, в то время как в Южной Корее этот показатель находился на уровне 12 %, а в Сингапуре и Тайване в пределах 9,5–10,5 %.

Политическое руководство Европы не желает мириться с таким положением. В докладе об

Инновационном союзе 2011 [4] заявлено, что Европа должна стать «Инновационным союзом», в котором инновационные фирмы создадут новые высококонкурентные рабочие места, инновации предложат решения, отвечающие сегодняшним потребностям общества. Эта организационная инициатива призвана обеспечить повышение конкурентоспособности экономики (необходимо преодолеть инновационный разрыв в регионах Европы), решение части социальных и культурных проблем (требуется сфокусировать исследования на общественных проблемах).

В рамках исполнения программы ЕС была разработана система мониторинга с трехуровневой структурой. На первом уровне оцениваются достижения по основным направлениям «Европейской стратегии 2020» (в частности, замеряются доли государственных и частных вложений в ИР как процент от ВВП); на этом этапе оценивается соответствие развития выбранному направлению; на втором уровне инструментом оценки служит таблица показателей деятельности «Инновационного союза» (Innovation Union Scoreboard – IUS) [5], опубликованная впервые в начале 2011 г.; она ежегодно обновляется и предоставляет данные по 25 основным показателям инновационной деятельности стран ЕС; третий уровень закрывается аналитическим стратегическим отчетом, который представляется каждые два года.

На данный момент сохраняется и расширяется разрыв между ЕС и основными его мировыми конкурентами, прежде всего, из-за недостаточного вклада бизнеса в исследования и разработки. Так, в 2000–2007 гг., несмотря на общий рост ВВП, в ЕС наблюдалось замедление интенсивности ИР; с 2007 по 2009 г. этот показатель немного вырос: с 1,85 до 2,01 %. Это можно объяснить положительным влиянием экономических реформ, начатых после принятия Лиссабонской конвенции в 2005 г. Интенсивность ИР выросла в 24 странах-членах ЕС в 2000–2009 гг. (особенно в 2006–2009 гг.), хотя ряд стран в 2010 г. так и не достигли намеченных в 2005 г. целей.

Другим предметом беспокойства руководства ЕС является то, что значительная часть инновационных работ выводится за пределы Европы: в 2008 г. на ЕС приходилось 24 % мировых затрат на ИР, тогда как в 1995 г. было 29 %. Наиболее заметно отставание в частном секторе: как от-

ношение к ВВП затраты бизнеса на ИР в Японии или Южной Корее в 2 раза больше, чем в Европе. В Китае затраты бизнеса на ИР составили в 2008 г. 1,12 % от ВВП, при этом с 2000 г. они росли в 30 раз быстрее, чем в ЕС.

Динамика кадрового обеспечения сферы науки и техники позволяет европейцам надеяться на лучшее. Ежегодно ЕС выпускает 940 тыс. специалистов с дипломами третичного уровня в области НТ (в период с 2000 по 2008 г. количество степеней, присуждаемых в странах ЕС, каждый год растет на 4,9 %). Ежегодно в Европе 111 тыс. человек получают докторские степени – это в 2 раза больше, чем в США. Однако ЕС в 2,5 раза меньше по сравнению с США инвестирует в высшее образование, здесь очень низкая доля частных инвестиций в высшее образование. Таким образом, экономический эффект в деле подготовки специалиста в США оказывается выше (если считать по удельным расходам). Настоящий прорыв сделал Китай в 2009 г.: к обучению приступили более 6 млн аспирантов, в ЕС – около 3 млн, в США – 2,5 млн человек. С сожалением отметим, что в России данный показатель не превышает 0,2 млн человек.

Становление Европейской практики научно-технического развития

Европа, по мнению основателей направления, принятого ЕС, должна двигаться по пути технологического развития в контексте все более и более конкурентоспособного мира. Однако другие эксперты высказывают опасение в связи с тем, что текущий дискурс европейской инновационной тематики основан на неявном определении инноваций исключительно как средства обеспечения поставок продуктов или услуг на рынок [2; 7].

В связи с этим полезно обратиться к истории становления современной системы управления европейской наукой. Процесс организации науки на европейском уровне представлен под лозунгом «европеизации» исследований. Кроме того, решение создать панъевропейское агентство финансирования «пограничных» исследований может интерпретироваться многими способами. Например, это обсуждалось и как часть намного более широких проектов дальнейшей интеграции исследований. Точно так же это может рассматриваться в рамках достижения Лиссабонской

повестки дня, нацеленной на преобразование Европейского Союза в «самую конкурентоспособную и динамичную экономику, основанную на знаниях, в мире» [4].

Уже в 1950-е гг., вскоре после окончания Второй войны, научные элиты некоторых сообществ знаний в Европе стали предпринимать усилия для расширения национальных исследовательских пространств. Они, по существу, стремились к учреждению общеевропейской системы финансирования науки в целях поддержки фундаментальных исследований и к формированию принципов, подобных тем, на которых был ранее основан Национальный научный фонд в США.

По сути, это была попытка импортировать институты управления научными исследованиями из США без учета местного контекста. В то время процесс создания организации на Европейском уровне был ограничен слабостью европейских институтов, стремлениями отдельных стран к национальной автономии, что, в том числе, включало ускоренное создание национальных исследовательских пространств, которые слабо соотносились между собой. Очевидно, присутствовали и более широкие факторы, такие как низкий уровень развития рынка, включая рынки труда, слабую интеграцию. Пока Европа намеревалась создавать «не имеющий гражданства рынок», принимать во внимание «не имеющую гражданства науку» было слишком много для того времени [6, р. 224].

Тем не менее в течение следующих нескольких десятилетий организации европейского уровня появились в таких областях, как ядерные исследования и молекулярная биология. Например, в 1952 г. была создана ЦЕРН (Европейская организация по ядерным исследованиям) и позднее в 1957 г. появился ЕВРОАТОМ, что ознаменовало важную веху в формировании Европейского экономического сообщества. ЦЕРН как проект был поддержан группой авторитетных физиков, которые обеспечивали его лоббирование в правительствах европейских стран. Заметим, что первая общеевропейская научная организация появилась в специфической области исследования, которая требует координации сотрудничества на наднациональном уровне, дорогого оборудования и принятия международных стандартов его эксплуатации и обеспечения безопасности. Кроме

того, в то время область ядерной физики характеризовалась интенсивной конкуренцией с США.

В 1964 г. была создана общеевропейская Организация молекулярной биологии, а позднее, в 1974 г. была учреждена европейская биологическая лаборатория.

Вообще, этот начальный период создания общеевропейских организаций характеризуется влиянием организованных элит в отдельных научных областях, которые сумели оказать свое влияние на уровне высоких политических кругов. Эти элиты действовали как «лидеры изменений». Не было, однако, «активистов перемен» ввиду слабого развития европейских учреждений и институтов, недостаточной поддержки на национальных уровнях.

Европейская организация сотрудничества в научно-технических исследованиях была создана в 1971 г., а Европейский научный фонд (далее – ЕНФ) – в 1974 г. Эти организации поддерживают множество различных направлений исследований, в числе которых и общественные науки. При этом они структурированы таким образом, что обеспечивают базу для интернационального сотрудничества отдельных исследователей, но не поддерживают саму науку на европейском уровне, т. е. они лишь помогают в организации международных встреч или, как в случае ЕНФ, координируют национальные программы исследований, организовывая международную экспертную оценку, но не имеют собственных фондов.

ЕНФ был создан как часть крупномасштабной программы для того, чтобы вывести финансирование исследования и поддержку науки на европейском уровне. ЕНФ идеологически связан с понятием European Research Area (Европейская область исследования), которое устанавливает стратегическую цель преодоления «вредной» фрагментации науки в Европе и достижения «лучшей организации европейской научно-исследовательской работы» согласно условиям развития европейского исследовательского пространства, которая становилась более динамичной конфигурацией, чем структура «15 +1» [6, р. 220]. Эта программа включала и другие механизмы финансирования, такие как «ERANets», Технологические платформы и Networks of Excellence (Сети совершенствования).

Необходимость общеевропейской организации поддержки науки и инноваций эксперты

объясняют тем, что «пространственный диапазон положительных эффектов потоков знаний» изменяется существенно в зависимости от институционального контекста, так же как и от особенностей технологической области. В частности, организационные границы могут прерывать потоки знаний. Такие границы очевидны между государственными исследовательскими организациями и частными компаниями, но они также существуют и между компаниями. Разнообразие знания может также объяснить некоторые феномены неравномерности его прохождения через пространство. Например, в зависимости от специализации и степени развития отрасли промышленности, разделение воплощенного знания может препятствовать потокам знаний [3, р. 197]. Данные наблюдений свидетельствуют в том числе о том, что распространение неявного знания, которое является обязательным атрибутом любого исследования, его абсорбция требуют большего, чем просто географической близости.

Значимость институционального контекста также ставится на первый план учеными, исследующими так называемые краевые эффекты [3, р. 198]. В пределах ЕС административная фрагментация чаще всего препятствует избыткам знаний. Интенсивность потоков знания уменьшается значительно по мере преодоления границ стран, даже когда эти страны или регионы соседствуют. Таким образом, в результате подобных рассуждений продолжали появляться различные программы исследований в ЕС. Однако правительства все еще ревниво охраняли свой суверенитет и были настроены против дальнейшего расширения роли ЕС в области науки и техники. Таким образом, все программы первоначально должны были быть одобрены Советом Европейского парламента и только затем они могли быть запущены. Способом обойти это условие стало учреждение в 1983 г. «рамочной программы», которая в технологических областях объединила все исследовательские программы.

Это могло случиться благодаря развитию промышленности и формированию европейской политической элиты. Национальная поддержка, однако, оставалась относительно низкой, что отражалось на типах координации, с одной стороны, и на принятых принципах субсидиарности – с другой.

Особого внимания заслуживает история учреждения Европейского Научного совета (далее – ЕНС) в период между 2002 и 2004 гг.: в конце 2004 г. было решено включить программу IDEAS в предложения по 7-ой рамочной программе ЕС, а ЕНС назначить официальным исполнителем. Это предложение, принятое в апреле 2005 г., обозначило изменение миссии, функций и управления ЕНС.

Эксперты особо отмечают участие в процессе тогдашнего генерального директора Европейской лаборатории микробиологии, проф. Ф. Кэфэто, и Х. М. Гаго – физика, ставшего политическим деятелем. В октябре 2003 г. тогдашнему европейскому специальному уполномоченному по научным исследованиям Ф. Баскену было представлено открытое письмо в поддержку учреждения ERC, подписанное 45-ю европейскими Нобелевскими лауреатами. Кроме того, представители 52 научных организаций Европы всех областей исследования подписали письмо, давшее старт Инициативе по развитию европейской науки.

Ученые подчеркивают, что, начиная с утверждения Маршалла, принято считать, что пространственная разделенность ослабляет устойчивые взаимодействия и распространение знаний. Позже, экономическая география и эндогенные модели роста объясняли различия в региональных особенностях экономического развития роста географически обусловленной спецификой внешних эффектов знаний, ростом отклонений и ограничений экономического роста.

Базируясь в том числе и на этих тезисах, европейская политика формировалась на «принципах субсидиарности» (подтвержденных в Маастрихтском Соглашении 1992 г.), что означает, что ЕС мог действовать только в тех случаях, когда действий отдельных стран было недостаточно. Это привело к формированию понятия европейской добавленной стоимости в исследованиях следующим образом: «До сих пор европейская добавленная стоимость была определена как сотрудничество исследовательских групп в разных странах. Теперь пора привести новое определение добавленной стоимости, которое включает принцип разрешения исследователям в любом европейском государстве конкурировать со всеми другими исследователями на основе превосходства. Соревнование, чтобы достигнуть реального превосходства в исследовании, должно стать ос-

новной частью нового, передового определения европейской добавленной стоимости» [3, p. 225].

Стоит упомянуть также проблемы с принятием условий сотрудничества с ЕНФ и особенности обсуждений в Великобритании, Италии, Испании, Франции, Голландии. Так, в Великобритании ученые боялись, что их зрелая институционализированная система будет размыва создаваемым научным советом на уровне Европы. «Положение британского политического истеблишмента будет лучше понято в контексте более общего скептицизма ко всему европейскому, и, более определенно, неверие в способности Комиссии избавиться себя от бюрократии» [6, p. 227–228].

Другой пример являет Франция, которая, вместо того, чтобы выступить против учреждения ЕНФ, использовала дебаты для учреждения своего собственного научного совета. В начале 2007 г. было создано французское Национальное агентство исследований, что усилило проектный принцип распределения финансирования исследований. Также во всех странах существенно изменилась система финансирования научных исследований. Положение национальных агентств по финансированию после учреждения ЕНФ, вероятно, лучше всего отражено в меморандуме Глав организаций исследований Европейского союза научных советов (European Union Research Organisations Heads of Research Councils–EUROHORCs) [6].

В целом, процессы организации поддержки науки на европейском уровне следует интерпретировать как последовательность попыток облегчить врожденную напряженность между «областями исследований» и ограничивающими в этом случае «национальными пространствами исследований». Движущей силой этих процессов была научная элита или элиты. Эти элиты чувствовали себя ограниченными рамками национальных пространств исследований и имели силу влиять на восприятие этого положения политиками.

Есть одно известное исключение – рамочные программы (Framework Programmes), которые продвигаются промышленностью и назревающими европейскими политическими элитами; все другие организационные структуры продвигались научными и академическими элитами. Действительно, «Ресурсно эффективная Европа» является одной из семи ведущих инициатив, составляющих Стратегию 2020 ЕС. Следовательно,

эффективность использования ресурсов – область особого внимания с точки зрения инноваций в структуре семи программ ЕС (и ее преемника – «Рамочной программы развития исследований и инноваций до 2020 г.»).

Также отмечается, что в расширении национальных исследовательских пространств на европейском уровне существенную роль играют биологи. Их роль, однако, несколько отличается с точки зрения учреждения биологических лабораторий и ЕНФ. В первом случае биологи действовали как «независимая» научная элита; кроме того, они использовали свой опыт и влияние, чтобы организовать европейскую научную элиту. Это не стало неожиданностью: биологи были группой, чувствующей себя особенно ограниченной в возможностях ведения исследований, имеющей некоторый опыт европеизации и влияния в целях увлечения других и формирования политических устремлений. Эта область является международной, полагается на современное оборудование и лаборатории, которые, как правило, сконцентрированы в определенных местах. Доступ к этим лабораториям является крайне важным для успеха как отдельного ученого, так и научного коллектива.

Учреждение такой организации, как ЕНФ, стало возможным за счет мобилизации европейских научных элит, совместной работы политических организаций Европейского уровня и достижения соизмеримости национальных исследовательских пространств.

Однако существует и оппозиция данному «технологическому» подходу. Ряд экспертов считает, что во многих странах-членах ОЭСР и в Европейском союзе текущее доминирующее видение инноваций удерживает нас в технологическом и в идеологическом порочном круге. Очевидно, «сегодняшние экономические, социальные и экологические кризисы не будут решены большим количеством того же самого, что уже привело к такому положению» [7, р. 79]. Учитывая масштаб и необратимость вредных воздействий на окружающую среду и на благосостояние текущих и будущих поколений, не остается времени для самоуспокоения. В самое ближайшее время требуется изменение ориентации инноваций от рыночных к более социально значимым и экологически жизнеспособным формам инноваций, так же как необходимо принятие более широко-

го понятия инноваций, которое будет включать не только технологические инновации, но также нетехнологические, социальные, институциональные и поведенческие инновации.

Авторы данных тезисов утверждают, что окружающая среда и исследования в области здравоохранения – ключевые параметры всех форм инноваций, потому что они стимулируют изобретение технологических, поведенческих и установленных решений, обеспечивающих, в конечном счете, экологическую устойчивость – предварительное условие для устойчивого развития всех других форм инноваций [2].

Практически, это означает участвовать в «ответственных инновациях», т. е. таких инновационных процессах, где уже на ранних стадиях обеспечивается анализ потенциальных отрицательных влияний на здоровье, социум и окружающую среду всех новых продуктов, услуг и процессов. Это также влечет за собой требование минимизации негативных воздействий существующих продуктов, услуг и процессов и требует применения принципа предосторожности с тем, чтобы избежать высоких и потенциально необратимых убытков. Ответственные инновации также признают и этические дилеммы, которые могут сопровождать инновацию. Это влечет за собой способность признать ошибки и, соответственно, возможность изменить курс.

Европе не должна упустить эту историческую возможность принять ответственность за программы исследований, инновационную политику безопасного развития и призвать остальную часть мира следовать этому пути.

Рассматривая возможность применения данных политических мер в России с использованием метода аналогий, обнаруживаем, что инициативы, предпринятые Правительством РФ летом и осенью 2013 г. в отношении Российской академии наук и в отношении российской науки в целом, направлены не столько на интеграцию в глобальные области исследований, сколько на разрушение национального пространства исследований, точнее, того, что от него осталось. Здесь очевиден интерес корпораций, причем не российских, которые практически не проявляют себя в этом процессе, а транснациональных. К сожалению, голоса в поддержку интересов национальной науки слышны в России довольно слабо.

Список литературы

1. Пястолов С. М. Индикаторы науки и техники, 2012 // Реферативный журнал ИНИОН РАН, ГРНТИ 12. Сер. Науковедение. 2013. № 2. С. 82–92.

2. Пястолов С. М. Развитие теорий инновационных процессов ИР // Реферативный журнал ИНИОН РАН, ГРНТИ 12. Сер. Науковедение. 2012. № 2. С. 101–108.

3. Autant-Bernard C., Fadaïro M., Massard N. Knowledge diffusion and innovation policies within the European regions: Challenges based on recent empirical evidence // Research Policy. 2013. No. 42. Pp. 196–210.

4. URL: <http://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/competitiveness-report/2011/iuc2011-full-report.pdf#view=fit&pagemode=none>

5. URL: http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ius-2013_en.pdf

6. Nedeва M. Between the global and the national: Organising European science // Research Policy. 2013. No. 42. Pp. 220–230.

7. Van Den Hove S., McGlad J., Mottet P., Depledge M. H. The Innovation Union: a perfect means to confused ends? // Environmental science & policy. 2012. No. 16. Pp. 73–80.

В редакцию материал поступил 10.01.14

© Кураков Л. П., Пястолов С. М., 2014

Информация об авторах

Кураков Лев Пантелеймонович, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

Email: kurakov@mail.ru

Пястолов Сергей Михайлович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Центр научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям

Адрес: 117997, г. Москва, Нахимовский проспект, 51/21, тел.: (499) 128-88-81

E-mail: lbs-piast@mail.ru

Как цитировать статью: Кураков Л. П., Пястолов С. М. Вопросы политической стратегии в формировании инновационных систем // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 123–130.

L. P. KURAKOV,

Doctor of Economics, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia,

S. M. PYASTOLOV,

Doctor of Economics, Professor

Center of scientific-informational research on science, education and technologies (Moscow), Russia

ISSUES OF POLITICAL STRATEGY IN FORMING INNOVATIVE SYSTEMS

Objective: to determine the main trends of development of policy in the sphere of scientific research and innovations in European countries.

Methods: economic-statistical and abstract-logical.

Results: the trends of development of policy in the sphere of scientific research and innovations in European countries are shown. Comparative analysis of the main parameters of world innovative systems is made; significant differences in trajectories of Russia's, European and developing countries' development are revealed. While researching the formation of the common European organization of for science and innovations support, the authors state the factors determining the stable interaction between researchers and distributing knowledge.

Scientific novelty: analysis of the structure and volume of expenses for research and innovations in countries with various levels of per capita income; determining the trajectories of innovative systems development in Russia and Europe.

Practical value: possibility to use the results of analysis of the innovative systems forming in European countries for designing the national innovative policy.

Key words: parameters of the world innovative systems; political economy of IR; space of research.

References

1. Pyastolov, S. M. Indicators of science and technology, 2012. *Referativnyi zhurnal INION RAN, GRNTI 12*, Ser. Naukovedenie, 2013, no. 2, pp. 82–92 (in Russ.).
2. Pyastolov, S. M. Developing the theories of innovative processes of IR. *Referativnyi zhurnal INION RAN, GRNTI 12*, Ser. Naukovedenie, 2012, no. 2, pp. 101–108 (in Russ.).
3. Autant-Bernard, C., Fadaïro, M., Massard, N. Knowledge diffusion and innovation policies within the European regions: Challenges based on recent empirical evidence. *Research Policy*, 2013, no. 42, pp. 196–210.
4. <http://ec.europa.eu/research/innovation-union/pdf/competitiveness-report/2011/iuc2011-full-report.pdf#view=fit&pagemode=none>
5. http://ec.europa.eu/enterprise/policies/innovation/files/ius-2013_en.pdf
6. Nedeва, M. Between the global and the national: Organising European science. *Research Policy*, 2013, no. 42, pp. 220–230.
7. Van Den Hove S., McGlad J., Mottet P., Depledge M. H. The Innovation Union: a perfect means to confused ends? *Environmental science & policy*, 2012, no. 16, pp. 73–80.

Received 10.01.14

Information about the author

Kurakov Lev Panteleymonovich, Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90
Email: kurakov@mail.ru

Pyastolov Sergey Mikhailovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Center of Scientific-Informational Research on Science, Education and Technologies
Address: 51/21 Nakhimovskiy Prospekt, 117997 Moscow, tel.: (499) 128-88-81
E-mail: Ibs-piast@mail.ru

How to cite the article: Kurakov L. P., Pyastolov S. M. Issues of political strategy in forming innovative systems. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 123–130.

© Kurakov L. P., Pyastolov S. M., 2014

Лики успеха (серия: Секреты развития) / О. В. Григорьева, Е. Л. Яковлева, М. А. Зайченко, Г. В. Юсупова, А. А. Кабирова; под ред. О. В. Григорьевой, Е. Л. Яковлевой. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права,

В монографии излагаются современные взгляды на феномен успеха. Авторы на основе анализа научных данных и результатов собственных исследований показали значение успеха в жизни и развитии человека. Разграничены такие понятия как успех, успешность, удача и т. п. Авторы с различных позиций (с точки зрения философии, психологии, психофизиологии) осуществили попытку найти ответы на вопросы: «Что такое успех и каковы его составляющие?», «Как прийти к успеху, и каким образом можно оказаться успешным?», «Какие факторы (психические, физические, интеллектуальные, социальные) способствуют достижению успеха?», «Существуют ли рецепты успеха и успешного человека?», «Всегда ли успех несет в себе позитивные последствия?».

Рассчитана на специалистов в области философии, психологии и педагогики, физиологии, медицины; а также адресована всем, кто интересуется вопросами гармоничного развития человека. Может быть рекомендована в качестве дополнительного учебного источника по дисциплинам: культурология, философия, психология, психофизиология и дифференциальная психология.

УДК 658.3.1:331

Е. И. НЕСМЕЯНОВА,

кандидат экономических наук, доцент

*Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань),
г. Набережные Челны, Россия*

НОВЫЕ РЕАЛИИ РЫНКА ТРУДА РОССИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА МЕНЕДЖМЕНТ КОМПАНИИ

Цель: определение новых реалий в системе найма персонала современной компании.

Метод: абстрактно-логический.

Результаты: на основе оценки мнений различных ученых в изучаемой сфере деятельности доказана необходимость пересмотра системы найма персонала. Рассмотрены новые реалии рынка труда и их влияние на менеджмент компании. Подчеркнута важность участия менеджеров в построении системы взаимодействия с персоналом и разработки стандартов и формальных правил ожидаемого от персонала качества работы. Приведены примеры несоответствия подходов современных компаний к проблеме найма персонала.

Научная новизна: выявлены новые реалии рынка труда современной компании. Представлен анализ основных стереотипов менеджеров по отношению к персоналу.

Практическая значимость: в возможности определить основные аспекты системы поиска и найма персонала для создания эффективной команды, ориентированной на результат.

Ключевые слова: тенденции; стандарты; формальные правила; альтернативные решения; ожидаемая полезность; взаимозависимость; взаимодействие; кадровый потенциал; «кадровая зима 2017 г.».

Введение

Современные реалии рынка труда в регионах России можно охарактеризовать несколькими факторами, определяющими общую тенденцию:

- 1) дефицит квалифицированных специалистов;
- 2) демографический кризис – «кадровая зима 2017 г.»;
- 3) замораживание роста заработной платы с 2009 г.;
- 4) снижение производительности и мотивации труда персонала;
- 5) «вымывание» производственных профессий;
- 6) отсутствие преемственности в профессии – института стажеров.

В современных рыночных условиях работы менеджерам необходимо изменить систему отношений с персоналом, пересмотреть систему поиска и найма персонала, а также научиться работать в условиях четкой постановки целей и задач бизнеса, чтобы создать эффективную команду, ориентированную на результат. Все это обусловило актуальность темы, выбранной нами для исследования.

В настоящее время различные научные и бизнес-сообщества активно обсуждают проблему, связанную с персоналом, направленную на поиск «талантов», рецептов построения «корпорации

гениев», методов ведения «войны за таланты» и пр.

В свою очередь оппоненты отвечают, что в условиях рынка бизнесу нужны статисты и четкие стандарты, определяющие систему работы в компании, выполнение которых не требует уникальных знаний и умений. Главное – соблюдение заданной технологии работы и постоянный контроль исполнения заданий.

На чьей стороне истина? За кого необходимо бороться, кого искать на рынке труда и как строить работу с персоналом, независимо от того, гении они или статисты? Рассмотрим аргументы сторон за «таланты» и за «статистов». Но для начала обратимся к мнениям ведущих ученых, которые исследовали проблему человека в институциональной экономике – А. Некипелов, Д. Норт, А. Аузан.

Результаты исследования

А. Некипелов, исследуя институты экономики (разделение труда, товарный обмен, деньги, прибыль, процентная ставка и т. д.), утверждает, что «рынок не формирует поле социальных предпочтений, он находит точку согласования индивидуальных интересов» [1, с. 257].

Д. Норт в известной монографии «Институты, институциональные изменения и функционирова-

ние экономики» отмечает, что «институты создаются людьми» и подчеркивает «роль институтов в уменьшении неопределенности путем установления устойчивой структуры взаимодействия между людьми» [2, с. 20]. Это необходимо для того, чтобы избежать «дилеммы заключенного», «проблемы безбилетника», «оппортунизма» [2, с. 29; с. 78; с. 44; с. 55]. В связи с этим, как указывает Д. Норт, «доминирование одной группы за счет другой» недопустимо [2, с. 39].

Более того, «правила не решают всех проблем, они просто упрощают жизнь...» [2, с. 59]. Это хороший аргумент для сторонников стандартов в системе управления компаниями, которые считают, что систематизация бизнес-процессов в рамках разработанных корпоративных стандартов позволяет менеджеру эффективно управлять персоналом.

Д. Норт аргументирует свое утверждение тем, что «проще описать формальные правила, создаваемые обществом, и следовать им, чем описать неформальные правила, которыми люди структурируют свои взаимоотношения, и следовать этим правилам» [2, с. 56].

А. Аузан утверждает, что «реальные экономические агенты, согласно Герберта Саймона, являются ограниченно рациональными субъектами... ограниченная рациональность – это ограниченность возможностей экономических агентов по переработке информации... поэтому люди используют образцы поведения, т. е. привычки» [3, с. 16].

Д. Норт подтверждает позицию А. Аузана в том, что «агент... не только ограничен в выборе альтернативных решений существующими институтами, но и не располагает всей полной знаний о том, как достичь своих целей... поставленная цель действительно требует роста продуктивности, нет никакой гарантии, что она будет достигнута» [2, с. 129].

Д. Норт утверждает, что «мотивация человека гораздо сложнее той, которая предусмотрена простой моделью ожидаемой полезности... при определенных условиях такие черты поведения, как честность, неподкупность и поддержание своей репутации дают выигрыш в строгих рамках модели максимизации личной выгоды. Но многое еще нуждается в объяснении. У нас просто нет убедительной теории в рамках социологии зна-

ния, которая объяснила бы эффективность (или неэффективность) организованных идеологий или выбор, который делается в тех ситуациях, когда честность, неподкупность, упорный труд или голосование приносят выигрыш... Ховард Марголис на основании «модели двойной полезности» утверждает, что индивиды обладают не одной, а двумя функциями полезности: *S*-предпочтения, описываемые обычной функцией личных интересов, и *G*-предпочтения, имеющие чисто социальный характер (ориентация на интересы группы)» [2, с. 63].

Можно продолжить ретроспективу цитат великих ученых, исследующих влияние институтов на поведение человека, но практически все они едины во мнении, что однозначного ответа на вопросы, определяющие поведение человека в определенной среде, нет. Следовательно, заявленная в теме дилемма о том, какой персонал нужен современным компаниям – гении или статисты, изначально неверна. Необходимо понять, за счет каких факторов персонал готов меняться, что-то предпринимать, расти профессионально и стремиться к достижению поставленной руководством компании цели.

Полагаем, что для рассмотрения поставленного вопроса необходимо применить два понятия, предложенные А. Аузан: порядок и взаимозависимость. «Порядок – отношение, посредством которого определяется не только суммарный выигрыш, но и его распределение между заинтересованными сторонами» [3, с. 42]. «Взаимозависимость – это отношение, отражающее взаимное понимание возможностей повышения благосостояния посредством взаимодействия» [3, с. 42].

Это основа для построения ответа на поставленный вопрос, поскольку без обеспечения организационного «порядка» и признания «взаимозависимости» персонала и менеджеров, работающих на достижение поставленной цели обеспечить эффективность компании практически нереально.

«Порядок» определяет систему управления, принятую в компании. Он может задаваться четкими стандартами, нормативами и другими инструментами оценки деятельности персонала, определяющими как, когда и что они должны делать, т. е. он определяет степень формализации процесса управления персоналом компании.

И здесь не важно, кого мы нанимаем: гениев или статистов, главное, чтобы они следовали четко заданным инструкциям.

Относительно фактора «взаимозависимости» все становится значительно сложнее, поскольку если мы планируем максимально формализовать отношения между менеджментом компании и персоналом, т. е. принять стандартные формы отчета и передачи задач с уровня на уровень, то это будет означать, что мы подменяем понятия «взаимное понимание возможностей» на «контроль». Такая ситуация произошла в свое время в известной «Ювелирной сети 585» Санкт-Петербурга. Компания создала обширную филиальную сеть по России и обязала администраторов филиальной сети заполнять определенные формы отчетов для головного офиса в Санкт-Петербурге и представительства компании в Казани, чтобы они могли отслеживать ситуацию и своевременно реагировать. Идея понятна и проста, но в итоге выполнения поставленной задачи администраторы сети вынуждены были 90 % рабочего времени заниматься заполнением отчетных форм, а на выполнение основных функциональных задач у них не оставалось времени. В итоге показатели по продажам сети были нестабильны, имели место высокая текучесть персонала, сорванные планы по построению филиальной сети (в регионе «Поволжье» в 2009 г. планировалось открыть 164 магазина сети). Ситуация в компании показала, что гениальные менеджеры нанимают статистов, которые не оправдывают их ожидания.

Известное выражение Питера Друкера о том, что «менеджмент – это умения людей делать правильно правильные вещи» показывает, что подменять понятия – это делать «не правильно правильные вещи».

Мир стремительно меняется и любые стереотипы опасны для бизнеса, в связи с чем менеджмент компании должен постоянно обновлять свои знания, быть открытым для новизны, чтобы у компании была «временная монополия» (Кьёлл Нордстрем) на рынке, которая позволяет собрать свой урожай прибыли.

Итак, в чем заключаются новые реалии рынка труда России?

1. Общество активно осуществляет переход от промышленного к информационному обществу – создается «открытое общество».

2. Конкурентное преимущество формируется за счет талантливых работников, их настроения, энергии, самомотивации и суждений о ценностях жизни – значимой становится свобода выбора.

3. Теряется актуальность обеспечения лояльности работников.

4. Растет спрос на вдохновляющих лидеров.

5. За управление персоналом отвечают все менеджеры, начиная с генерального директора.

В корпоративном сообществе происходит глобальное изменение восприятия системы управления персоналом. Поскольку прежние системы отношений с персоналом не работают, как этого требует рынок, сложившаяся система отношений с персоналом в компаниях основана на следующих стереотипах:

– менеджеры делегируют найм отделу управления персоналом;

– менеджеры забывают про человека, как только он приступает к работе;

– менеджеры тратят на формирование бюджета намного больше времени, чем на работу с персоналом;

– менеджеры не акцентируют внимание на управлении персоналом;

– менеджеры продвигают и любят тот персонал, который хорошо к ним относится, а не тех, кто обеспечивает наилучшие результаты в работе;

– менеджеры просто платят зарплату вместо того, чтобы оговаривать, каких результатов они ожидают и какой уровень оплаты за результат они готовы предложить.

Эти стереотипы отношений менеджеров с персоналом негативно влияют на потенциал компании, который складывается из потенциала отдельных сотрудников. Вклад отдельного сотрудника зависит от его места в организационной структуре управления компании. При этом важно понимать, что потенциал компании не равен сумме потенциалов сотрудников (принцип: чем больше, тем лучше).

Показательный пример, Сбергательный банк России на протяжении длительного времени в рамках политики найма персонала применял лозунг «каждый сотрудник банка должен стремиться стать директором филиала банка». На протяжении определенного периода времени, когда банк осуществлял активную экспансию в регионы России, в рамках которой создавалась

обширная филиальная сеть, эта концепция найма себя оправдывала. Банк нанимал амбициозных сотрудников, которые в течение 2–3 лет становились директорами филиалов. По завершении проекта развития филиальной сети банк столкнулся с проблемой недостатка операционистов. Но стереотипность системы найма была построена на привлечении персонала, ориентированного на карьеру, работать на постоянной основе клерком из кандидатов никто не хотел. Банку пришлось пересмотреть стратегию найма персонала, ориентированного на работу операциониста, который принципиально не рассматривал предложения о карьере.

Итак, вопрос о гениях и статистах для Сберегательного банка России решался в определенные периоды времени по-разному, но в обоих случаях они были необходимы банку для обеспечения дальнейшего функционирования и достижения стратегической цели.

Консалтинговая компания Санкт-Петербурга «Nova Team» в лице своих ведущих консультантов Вадима Жартун и Аллы Тимановой предлагает рассматривать кадровый потенциал компании через два аспекта – новизна и качество. При этом «новизна» – это когда люди организации создают, принимают (отвергают) что-нибудь новое, а «качество» – когда ошибок нет или их можно игнорировать либо они небольшие и их легко исправить, либо они серьезные или фатальные. Консультанты утверждают, что «любая организация, не предпринимающая осознанных действий по наращиванию своего потенциала, может делать только две вещи: деградировать и надеяться на чудо...» [4, с. 42].

«Потенциал организации складывается из потенциалов ее отдельных сотрудников. Основная сложность состоит в том, что потенциал организации не равен ни сумме потенциалов сотрудников, ни их среднему арифметическому. Организация – куда более сложный организм... Вклад отдельного человека зависит от его места в оргструктуре» [4, с. 42].

Консультанты «Nova Team» утверждают, что на старте бизнеса необходимы гении, только они смогут «создать новый продукт с хорошим качеством» [4, с. 43]. «Опираясь на свой потенциал, организация растет, увеличиваются обороты и количество сотрудников, расширяется ассорти-

мент продукции и география дистрибуции» [4, с. 44]. Но у этого процесса есть и негативная сторона – в процессе роста бизнеса теряется его управляемость. Происходит потеря в качестве, и этому есть объективное объяснение:

1. Прогресс не стоит на месте.
2. Регламенты и стандарты тормозят любое нововведение.
3. Консерватизм менеджеров.
4. Уход ключевых сотрудников из компании.
5. Феномен незаменимого сотрудника (менеджера).

Так кого же необходимо нанимать, чтобы и потенциал компании был высокий и качество не страдало? В рамках собственной консалтинговой практики мы постоянно получаем этот вопрос от руководителей бизнеса и в процессе ответа на него наблюдаем негативную реакцию, когда для решения поставленного вопроса предлагаем им:

- 1) научиться относиться к своим людям по-разному;
- 2) четко объяснять правила игры и придерживаться их;
- 3) перестать платить зарплату, начать покупать результаты.

Как видно из предложенного списка, все зависит от менеджера, от его систематического управленческого воздействия на персонал. Вот это и является самым сложным! Хочется с минимальными усилиями получить максимальный результат! И еще нужно всегда иметь возможность оправдаться – «это не я плохой менеджер, это они плохие работники!».

Базовая проблема менеджеров в том, что они не любят и не хотят заниматься систематическим управлением персоналом, им куда более проще и интереснее заниматься отчетами, подсчетами и поиском волшебной пилюли (создание системы мотивации), чем общаться с персоналом, обсуждать возникающие проблемы и совместно искать пути решения.

Многие руководители уверены, что деньги являются главным мотиватором! С этой целью они создают «системы мотивации персонала». Но практика успешных международных компаний (P&G, Coca Cola, Nestle, Mc Donald's), работающих на российском рынке, показывает, что:

- средний персонал (менеджеры и специалисты) зарабатывают не так много; системы оплаты

труда у среднего персонала, как правило – оклад без премий и бонусов, или если премии есть, то они небольшие;

– при этом сотрудники хорошо мотивированы, лояльны к своим компаниям, даже после ухода из компании;

– помимо заработной платы сотрудникам предоставляется большое количество льгот;

– компании изначально привлекают «способных людей» и управляют их карьерой.

«Способные люди» – это те, которые быстрее обучаются, быстрее и лучше выполняют работу, выдают идеи, полезные для бизнеса, привлекают других способных людей, видят в жизни и карьере возможности и пытаются их реализовать.

Выводы

Таким образом, потенциал организации зависит от того насколько персонал уверен в реальности карьерного роста в данной организации, и от того, как он понимает свои возможности роста на данной должности. Все это в конечном итоге создает бренд организации, из которой не хочется уходить. В этом основа мотивации: для сотрудника, ориентированного на стабильность занятости; для организации, заинтересованной в сохранении кадрового потенциала. За счет этого организация занимает более устойчивое положение на рынке.

Итак, в процессе ответа на поставленный вопрос «Кто нужен компании: гении или статисты?», можно ответить следующее: компании необходимы и те, и другие. Для того чтобы привлечь способных гениев и статистов, менеджерам необходимо правильно формулировать перед персоналом четкие ожидания и цели, обеспечивать высокую интенсивность работы, формировать обратную связь на уровне личного общения с персоналом, а не на бумажных носителях, формировать позитивные впечатления от работы. Все это позволит создать сплоченную команду, мотивированную на результат.

Список литературы

1. Некипелов А. Становление и функционирование экономических институтов: от «робинзоады» до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве. М.: Экономистъ, 2006. 328 с.

2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. 180 с.

3. Аузан А. А. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: учебник. М.: ИНФРА-М, 2005. 416 с.

4. Жартун В. Тиманова А. Корпорация гениев: мат-лы IX международной бизнес-конференции «Топ-менеджмент: результат не врет!» 29.11–30.11.2013 / Консалтинговая компания «Ключевые решения». Минск, 2013. 92 с.

В редакцию материал поступил 20.01.14

© Несмеянова Е. И., 2014

Информация об авторе

Несмеянова Елена Ивановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Набережночелнинский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 423822, г. Набережные Челны, пр. Московский, 67

E-mail: nesmeynov@rambler.ru

Как цитировать статью: Несмеянова Е. И. Новые реалии рынка труда России и их влияние на менеджмент компании // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 131–136.

E. I. NESMEYANOVA,

PhD (Economics), Associate Professor

Naberezhniye Chelny branch of Institute of Management, Economics and Law (Kazan), Naberezhniye Chelny, Russia

**NEW REALITIES OF LABOR MARKET IN RUSSIA AND THEIR INFLUENCE
ON COMPANY'S MANAGEMENT**

Objective: definition of the new realities in the system of recruitment of a modern company.

Method: abstract-logic.

Results: basing on assessing the opinions of various scholars in the studied area of activity, the need to review the recruitment system is proved. The new realities of the labor market are considered as well as their impact on the company's management. The participation of managers in constructing the system interaction with the staff is highlighted, as well as the development of standards and formal rules expected from the staff performance. The examples are given of non-compliance approaches to the problem of hiring in modern companies.

Scientific novelty: new realities of the labor market of a modern company are identified. the major stereotypes of managers concerning the staff are analyzed.

Practical value: the ability to identify the main aspects of the personnel search and recruitment for effective results-oriented team.

Key words: trends; standards; formal rules; alternative solutions; the expected utility; interdependence; interaction; staff potential; "Staff Winter 2017".

References

1. Nekipelov, A. *Stanovlenie i funkcionirovanie ekonomicheskikh institutov: ot "robinzonady" do rynochnoi ekonomiki, osnovannoi na individual'nom proizvodstve* (Forming and functioning of economic institutions: from "Robinson Crusoe's journey" to market economy based on individual production). Moscow: Ekonomist, 2006. 328 p.

2. Nort, D. *Instituty, institutsional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* (Institutions, institutional changes and functioning of economy). Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi Nachala, 1997. 180 p.

3. Auzan, A. A. *Institutsional'naya ekonomika: novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* (Institutional economy: new institutional economic theory). Moscow: INFRA-M, 2005. 416 p.

4. Zhartun, V. Timanova, A. *Korporatsiya geniev: mat-ly IX mezhdunarodnoi biznes-konferentsii "Top-menedzhment: rezul'tat ne vret!"* (Corporation of geniuses: works of the 9th International business conference "Top management: true results!"). Minsk, 2013. 92 p.

Received 20.01.14

Information about the author

Nesmeyanova Elena Ivanovna, PhD (Economics), Associate Professor of Maanagement Chair, Naberezhniye Chelny branch of Institute of Management, Economics and Law (Kazan)

Address: 67 Moskovskiy Prospekt, 423822 Naberezhniye Chelny

E-mail: nesmeynov@rambler.ru

How to cite the article: Nesmeyanova E. I. New realities of labor market in Russia and their influence on company's management. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 131–136.

© Nesmeyanova E. I., 2014

УДК 311.4:338.48:379.85

А. О. ОВЧАРОВ,

доктор экономических наук, доцент, профессор, Россия

Институт экономики, управления и права (г. Казань)

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ТУРИСТСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

Цель: разработка статистических методов систематизации информации в отношении туристской сферы.

Методы: статистического наблюдения, сводки и группировки данных.

Результаты: на основе официальных статистических данных обоснована необходимость систематизации туристской информации. Представлены особенности применения сводки и группировки данных в статистике туризма. Для трех видов статистических группировок приведены примеры из официальной статистической отчетности Росстата, доказана их значимость в практических исследованиях туристской индустрии. Показано, что в статистической практике используются универсальные группировки, сочетающие разные методы систематизации данных.

Научная новизна: впервые определены возможности статистических группировок в выявлении типов, структуры и взаимосвязей объектов, процессов и явлений туристской сферы. Введен новый термин «статистический редукционизм», характеризующий проблему сведения всей статистической методологии к конструированию формальных моделей.

Практическая значимость: в возможностях широкого использования метода сводки и группировки данных в исследованиях тенденций развития туристской индустрии.

Ключевые слова: статистика туризма; сводка; группировка; туристское предприятие.

Сбор данных и их систематизация как неотъемлемый элемент статистики туризма

Любое статистическое исследование туристской сферы предполагает сбор данных (исходной информации) об объектах, процессах или явлениях в туризме. Наблюдение осуществляется разными способами (выборочный метод, метод основного массива и т. п.), в обязательном порядке составляется программа наблюдения, конструируются разнообразные статистические формы. Например, в нашей стране используется централизованная форма № 1-турфирма «Сведения о деятельности туристской фирмы» (приказ Росстата № 422 от 27.07.2012) [1]. Эта форма была разработана в целях обследования наиболее существенных аспектов работы туристских предприятий, осуществляющих туроператорскую и турагентскую деятельность. Она включает 4 раздела:

- сведения о персонале;
- основные экономические показатели;
- число и стоимость реализованных турпакетов;
- число обслуженных туристов без учета однодневных посетителей (экскурсантов).

Статистическое наблюдение в туризме является первым этапом статистического исследования туристской сферы. Если при сборе первичных данных (о туристских потоках, доходах и расходах, деятельности туристских предприятий и т. п.) допущена ошибка или материал оказался некачественным, то это повлияет на эффективность использования других методов, на правильность и достоверность выводов.

Вместе с тем следует понимать, что для раскрытия закономерностей развития любого социально-экономического процесса или явления использования только методов статистического наблюдения явно недостаточно. Информацию нужно не только собрать, но и систематизировать, а затем и проанализировать. Для этого статистическая наука использует группу методов, связанных со сводкой и группировкой данных, с графическим оформлением результатов группировок. Эти методы формируют второй этап статистического исследования в туризме – этап систематизации и классификации собранной информации. На этом этапе происходит упорядочивание данных о единицах совокупности, т. е. объектах, характеризующих туристскую сферу (посетителях, предприятиях, услугах и т. п.).

Если при статистическом наблюдении получают сведения, описывающие каждую единицу, то данные сводки и группировки характеризуют всю статистическую совокупность или отдельные ее части. В методологическом плане на этой стадии происходит переход от характеристик единичного факта к характеристикам их совокупности, т. е. индуктивный переход от частного к общему.

На основе собранных и систематизированных данных можно грамотно использовать метод обобщающих показателей, рассчитывать и интерпретировать статистические коэффициенты, такие как коэффициент загрузки номерного фонда, индексы цен на туристские услуги, степень износа фондов на предприятиях материально-технической базы туризма и т. д.

Особенности применения сводки и группировки данных в статистике туризма

Очевидный способ систематизации первичной информации – это простая сводка в форме подсчитывания отдельных единиц и подведения итогов. Другими словами, *сводка* – это простейшая систематизация единичных фактов, операция по подсчету общих итогов. Так, данные о численности работников туристских предприятий можно привести сначала по отдельному предприятию, затем свести их на уровне конкретного региона, и лишь затем подсчитать общий итог по отрасли. Однако такой способ подходит скорее для оперативного учета или текущего мониторинга ситуации. Он не позволяет провести серьезный анализ, выявить закономерности в структуре или динамике явлений. Поэтому статистика активно использует *метод группировки*, суть которого заключается не просто в подведении итога, а в разбивке изучаемой совокупности на группы в зависимости от значений варьирующего признака. Работников турфирм можно не только «пересчитать по головам» (в терминах статистики – применить простую сводку), но и разделить на группы по таким признакам, как пол, образование, зарплата и т. п. Туристские предприятия можно группировать по прибыли и рентабельности, формам собственности; туристские услуги – по качеству, цене, потребителям; страны – по размеру туристского ВВП, уровню безопасности, коррупции и т. п. В быту и профессиональной деятельности мы часто сталкиваемся со статистическими

группировками, часто это не осознавая. Результаты выборов, бухгалтерский баланс, любые рейтинги (стран, коммерческих банков, политиков и т. п.), успеваемость класса или группы в школе и в вузе – все это примеры группировок.

Основное предназначение группировки заключается в том, что данный метод обеспечивает систематизацию информации, полученной в результате наблюдения; обобщение и представление данных в компактном и наглядном виде. Кроме того, группировка создает основу для последующего анализа и прогнозирования.

Существуют различные виды статистических группировок. Например, всех потребителей туристского продукта какой-либо турфирмы можно разделить по полу и подсчитать численность туристов-мужчин и численность туристов-женщин. В этом случае получится *простая группировка*. Однако образованные группы можно разделить на подгруппы уже по другому признаку (например, выбрать признак «образование» и подсчитать, сколько мужчин и сколько женщин имеет высшее, а сколько среднее образование) – в этом случае будет образована *сложная (комбинированная) группировка*. Если продолжить такое дробление признаков и сделать их более четырех, то такая группировка будет называться *многомерной группировкой*. При этом нужно учитывать, что группировка с большим числом групп становится чрезмерно загруженной информацией и поэтому трудночитаемой.

Наиболее распространенная классификация группировок и соответствующих методов систематизации информации – это выделение типологических, структурных и аналитических группировок. В данной статье мы покажем особенности таких группировок в отношении туристской сферы.

Первый вид (*типологические группировки*) предполагает разбиение разнородной совокупности объектов на качественно однородные группы (классы, типы, виды). Типологические группировки нужны для выделения социально-экономических типов, поскольку, по словам Н. Н. Рязова, «в зарождении, развитии, борьбе и отмирании различных социально-экономических типов заключена суть исторического процесса развития общества» [2, с. 75]. В качестве примера приведем группировку предприятий, осуществляющих свою деятельность в индустрии туризма

и гостеприимства, разбив их на разные типы гостиничных и санаторно-курортных учреждений (табл. 1) [3, с. 172–177].

Таблица 1

Группировка российских предприятий индустрии туризма и гостеприимства*

Тип предприятия	Год				
	2007	2008	2009	2010	2011
Гостиницы и аналогичные средства размещения, ед.	5917	6774	7410	7866	8406
Санаторно-курортные организации и организации отдыха, ед.	4519	4484	4034	3886	3862
Учреждения культурно-досугового типа, тыс. ед.	49,5	48,4	47,4	46,6	45,0
Детские оздоровительные учреждения, тыс. ед.		52,2	51,0	50,2	–

*Источник: составлено автором по данным Росстата.

Необходимость типологических группировок заключается именно в выделении однородных типов социально-экономических объектов или явлений, поскольку без этого нельзя применять обобщающие статистические показатели, такие как средние величины. Если объектом исследования выступает совокупность, состоящая из неоднородных групп, например, разных социальных групп (пенсионеры, студенты, бюджетники и т. п.), то расчет определенных средних показателей без предварительной группировки будет некорректен. В каких-то случаях можно рассчитать общую среднюю характеристику (например, в демографических целях получить среднегодовую численность всего населения), а в каких-то нельзя. Так, методологически неправильным будет расчет среднего дохода у объединенной группы «работающие и пенсионеры», поскольку у этих категорий людей разные источники доходов, разный уровень трудоспособности. Неверным будет расчет среднегодовой загрузки у объединенной группы «гостиницы и детские оздоровительные учреждения» вследствие того, что гостиницы имеют круглогодичную загрузку номерного фонда, а детские оздоровительные учреждения ориентированы преимущественно на летний отдых. Кроме того, в их число включаются не только загородные пансионаты, но и учреждения с дневным пребыванием, для которых не имеет смысла рассчитывать уровень загруженности номерного фонда. Другими словами, все это – разные социально-экономические типы, смешение которых

в процессе статистического анализа может привести к неадекватным результатам.

Структурная группировка – это разделение качественно однородной совокупности на группы с целью изучения состава (структуры) совокупности. С помощью структурных группировок можно изучать структуру капитала и фондов туристских предприятий, половозрастной состав потребителей туристских услуг, структуру туристского ВВП, структуру расходов при осуществлении туристских поездок и т. д. Главная задача таких группировок – отражение структурных изменений (сдвигов) в социально-экономических процессах и явлениях. Эти изменения могут происходить как на уровне отдельного предприятия или домохозяйства (изменение доли высококвалифицированных работников в их общей численности или доли накопленных в бюджете семьи), так и на уровне народного хозяйства (отраслевые диспропорции, урбанизация и т. п.). В любом случае группировки на количественном уровне подтверждают эти тенденции.

В табл. 2 представлена группировка, отражающая структуру въезда в РФ и выезда из РФ по целям поездок (без учета переездов на постоянное место жительства, а также без учета поездок военнослужащих и обслуживающего персонала – водителей автотранспортных средств и экипажей морских, речных и воздушных судов, бригад железнодорожного транспорта). Из табл. 2 виден структурный сдвиг в предпочтениях: иностранцы стали более активно совершать служебные поездки и меньше интересоваться российским туризмом, а у российских граждан при относительно стабильной структуре выездов с туристскими целями сократилась доля служебных поездок.

Таблица 2

Поездки иностранных граждан в РФ и российских граждан за границу (страны дальнего зарубежья)*

Цель поездки	Число поездок иностранных граждан в Россию, % к итогу		Число поездок российских граждан за границу, % к итогу	
	2000 г.	2012 г.	2000 г.	2012 г.
Служебная	30,5	45,0	18,5	3,2
Туризм	33,9	27,0	48,7	47,9
Частная	34,2	27,5	32,8	48,9
Транзит	1,4	0,5	–	–
Всего	100	100	100	100

*Источник: расчеты автора по данным Росстата [3, с. 177].

Аналитическая группировка – это группировка, выявляющая взаимосвязи признаков, характеризующих единицы одной и той же совокупности. Данные группируются по одному (факторному) признаку, рядом с которым фиксируются значения другого (результативного) признака. На основе такой группировки проводится анализ поведения (роста или снижения) результативного признака при изменении факторного. Можно изучать, как активы влияют на прибыль, доходы на расходы, производительность на себестоимость и т. д.

В качестве примера в табл. 3 приведена аналитическая группировка отелей разного уровня звездности, которые бронирует туроператор для будущего размещения своих туристов. Очевидна зависимость между ценами за номер при разных вариантах проживания, а также между ценами и комиссией отеля за услугу бронирования: наиболее высокая стоимость номера в пятизвездочном отеле, однако он выставляет самую маленькую комиссию за бронь.

Таблица 3

Условия проживания в отелях (данные условные)*

Тип отеля	Средняя цена за номер, евро				Комиссия, %
	SNGL	DBL	TRPL	Extra bed	
Отели 5*	330	450	550	50	2
Отели 4*	240	300	350	30	3
Отели 3*	125	150	170	10	4

* *Источник:* составлено автором.

Универсальные группировки и их использование на практике

Отметим, что разделение группировок на представленные три вида носит относительный характер. Часто группировка бывает универсальной, одновременно отражая типы, структуру совокупности и закономерности изменения значений одного признака в зависимости от другого. Так, с целью изучения заработной платы работников по категориям персонала и профессиональным группам в сочетании с их социально-демографическими характеристиками Росстат в октябре 2011 г. провел выборочное обследование ряда организаций [4]. Объектами наблюдения выступили предприятия, осуществляющие такие виды деятельности, как добыча полезных ископаемых, строительство, оптовая и розничная торговля, образование, здравоохранение и др. Индустрия

туризма и гостеприимства была представлена такими видами деятельности, как «гостиницы и рестораны» и «транспорт и связь» (в части пассажирского транспорта). Результаты были распространены на генеральную совокупность, т. е. на все предприятия, и сгруппированы по видам экономической деятельности, формам собственности, категориям персонала, профессиональным группам работников, субъектам РФ. Также получены сводные данные о структуре заработной платы, размерах заработной платы в зависимости от пола, возраста, уровня образования, стажа работы.

Одним из результатов этого обследования стала группировка работников, часть которой представлена в табл. 4. Согласно методологии статистики, эта группировка является комбинированной группировкой, поскольку она получена при одновременном использовании двух признаков (вид деятельности и уровень образования). При этом данная группировка сочетает в себе элементы типологической и аналитической группировок. В ней выделены однородные группы видов экономической деятельности и образования, между которыми можно обнаружить связь, т. е. можно увидеть, в каких отраслях заработная плата больше, а в каких меньше, и как на это влияет уровень образования.

Таблица 4

Средняя начисленная заработная плата работников РФ по видам экономической деятельности и уровню образования*

Вид экономической деятельности	Средняя заработная плата за октябрь 2011 г., руб.			
	всех работников	в том числе, имеющих профессиональное образование		
		высшее	среднее	начальное
Добыча полезных ископаемых	41 098	57 855	38 045	32 628
Обрабатывающие производства	23 996	32 376	21 926	21 594
Строительство	30 750	41 593	28 287	26 414
Гостиницы и рестораны	21 394	32 164	21 605	15 614
Транспорт	29 736	41 415	28 172	26 188
Связь	23 324	34 874	18 010	15 991
Научные исследования и разработки	33 024	39 242	25 303	23 058
Образование	15 430	20 127	11 384	8 899
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	16754	24784	15165	10909

* *Источник:* составлено автором по данным Росстата.

Проанализировав данные табл. 4, мы пришли к выводу, что в любой отрасли экономики с ростом образовательного уровня растет заработная плата. Этот факт можно оценить как позитивный: чем больше человек учился, чем выше у него квалификация, тем должен быть выше его доход. Однако сравнение зарплат по разным видам деятельности отражает негативную ситуацию в дифференциации доходов: в отдельных отраслях эти доходы в разы выше, чем в других. Причем среднестатистический работник «нефти и газа» с начальным профессиональным образованием зарабатывает более чем в 1,5 раза больше такого же среднестатистического работника сферы образования, но уже с высшим образованием, а возможно, и с ученой степенью ($32\ 628/20\ 127=1,62$). Получается, что в нашей стране экономически значимые отрасли тратят на своих работников гораздо больше средств, чем социально значимые отрасли – этот давно уже известный всем факт подтверждают и статистические группировки.

Выводы

В заключение статьи обратим внимание на одно важное обстоятельство, о котором мы писали ранее, в частности, при анализе статистики взаимосвязей [5, с. 71]. Речь идет о математизации статистической науки, проявляющейся в сведении всей методологии статистики к конструированию методик расчета количественных характеристик социально-экономических явлений. Особенно

ярко это проявляется в современных учебниках и вузовских курсах по статистике (включая и статистику туризма), в которых большое внимание уделяется не теоретико-методологическим основаниям статистики, а технике и технологиям расчета. Такую ситуацию, на наш взгляд, можно определить как своего рода «*статистический редукционизм*», понимая его не как сведение сложного к простому или высшего к низшему, а как уход от качества к количеству. Однако не следует забывать азбучную истину: количество и качество статистика рассматривает в диалектическом единстве, т. е. на основе количественной оценки раскрывается качественное содержание процесса или явления. В этом смысле широкое использование метода группировки – это шаг навстречу качественному анализу. Группировка – это не просто технический прием, а научный метод систематизации данных, требующий качественного понимания проблемы и базирующийся на экономическом анализе.

Список литературы

1. URL: <http://www.gks.ru/form/Page7.html>
2. Рязов Н. Н. Общая теория статистики. М.: Финансы и статистика, 1984. 343 с.
3. Россия в цифрах. 2013: крат. стат. сб. / Э. Ф. Баранов и др. М.: Росстат, 2013. 573 с.
4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2012/trud/wages2011.rar
5. Овчаров А. О. Статистика взаимосвязей: качественные аспекты анализа // Вопросы статистики. 2013. № 2. С. 71–74.

В редакцию материал поступил 12.12.13

© Овчаров А. О., 2014

Информация об авторе

Овчаров Антон Олегович, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры гостиничного и туристического бизнеса, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: anton19742006@yandex.ru

Как цитировать статью: Овчаров А. О. Статистические методы систематизации туристской информации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 137–142.

A. O. OVCHAROV,

Doctor of Economics, Associate Professor, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

STATISTIC METHODS OF TOURIST INFORMATION SYSTEMATIZATION

Objective: development of statistical methods to systematize information in tourist sphere.

Methods: statistical monitoring, data summarizing and grouping.

Results: basing on official statistics, the necessity of tourist information systematization is proved. The features of the application of data summarizing and grouping in tourism statistics are described. For three kinds of statistical groupings, examples of official statistical reporting Rosstat are given, which prove their value in the case studies of the tourist industry. It is shown that in statistical practice the universal groups are used, combining different methods of data systematization.

Scientific novelty: for the first time the opportunities are defined for statistical groupings to identify types, structures and relationships of objects, processes and phenomena in tourist sphere. The new term "statistical reductionism" is introduced, characterizing the problem of summarizing the whole statistical methodology to formal models designing.

Practical value: opportunities for a broad use of data summarizing and grouping method to study the trends in the tourist industry development.

Key words: tourism statistics; summary; grouping; tourist enterprise.

References

1. <http://www.gks.ru/form/Page7.html>
2. Ryauzov, N. N. *Obshchaya teoriya statistiki* (General theory of statistics). Moscow: Finansy i statistika, 1984. 343 p.
3. Baranov, E.F. et al. *Rossiya v tsifrah. 2013* (Russia in figures. 2013). Moscow: Rosstat, 2013. 573 p.
4. http://www.gks.ru/free_doc/2012/trud/wages2011.rar
5. Ovcharov, A. O. Statistics of interaction: qualitative aspects of analysis. *Voprosy statistiki*, 2013, no. 2, pp. 71–74 (in Russ.).

Received 12.12.13

Information about the author

Ovcharov Anton Olegovich, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Chair of Hospitality and Tourist Business, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: anton19742006@yandex.ru

How to cite the article: Ovcharov A. O. Statistic methods of tourist information systematization. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1(29), pp. 137–142.

© Ovcharov A. O., 2014

УДК 338.45:621

И. Г. САМИГУЛЛИН,

аспирант

Центр перспективных экономических исследований Академии наук РТ, г. Казань, Россия

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

Цель: определение основных направлений государственного регулирования развития машиностроительного комплекса и повышение его конкурентоспособности.

Методы: анализа; абстрактно-логический и системный.

Результаты: дана общая характеристика государственного регулирования развития машиностроительного комплекса и разработаны приоритетные направления по совершенствованию его компонентов и высокотехнологичных агрегатов; увеличению добавленной стоимости предприятий машиностроения на территории России; развитию конкурентоспособной промышленности за счет стабилизации рынка и формирования источников инновационного развития.

Научная новизна: предложены меры государственного регулирования машиностроительного комплекса: 1) мероприятия, направленные на формирование рыночных условий производства в России; 2) мероприятия, направленные на инновационное развитие отечественного машиностроительного комплекса; 3) меры нормативно-правового регулирования в рассматриваемой сфере.

Практическая значимость: в возможности внедрения мер и основных приоритетных направлений государственного регулирования развития машиностроительного комплекса на отечественных машиностроительных предприятиях, что позволит ускорить его выход из неустойчивого состояния и повысить конкурентные позиции отечественной машиностроительной продукции.

Ключевые слова: государственное регулирование; машиностроительный комплекс; конкурентоспособность.

Введение

В начале XXI в. для специалистов машиностроительной отрасли стало очевидным, что развитие экономико-социальных систем связано с возникновением новых конкурентообразующих факторов, способствующих трансформации системы государственного регулирования в области технологического, инновационного и инвестиционного развития. Участие государства в развитии промышленности позволит и выйти на высокий уровень конкурентоспособности и обеспечить конкурентные позиции на внешнем рынке. Для претворения в жизнь поставленных задач необходимо разработать государственную промышленную политику, определяющую основные приоритеты в отраслях промышленности, а также стратегию и инструменты для достижения поставленных целей [1, с. 34].

Вышеуказанная проблема стала определяющей в течение последующих десяти лет, когда были разработаны основные положения государственной политики в области промышленности, принят целый пакет стратегических документов, решений президента и правительства РФ, ко-

торые обозначили цели, задачи и основные направления развития промышленного комплекса государства.

Результаты исследования

Государственная промышленная политика должна быть направлена на решение основных системных проблем, замедляющих выход промышленной отрасли на инновационный путь развития, таких как: диспропорции в структуре промышленного комплекса; высокий износ основных фондов; низкая приспособленность к внедрению инноваций; технологическое отставание; низкая производительность труда; отсутствие современного оборудования для производства инновационной, конкурентоспособной высокотехнологичной продукции; недостаточные финансово-экономические возможности целого ряда отраслей для инновационного развития. К основным недостаткам машиностроительного комплекса можно также отнести: моральный и физический износ основных фондов предприятий; технологическое отставание России от передовых стран; несовершенство законодательной базы

по государственной промышленной политике, техническому регулированию, ценообразованию на продукцию машиностроения; неурегулированность вопроса о правах собственности на земли, находящиеся под промышленными объектами; отсутствие приведенных к международным требованиям стандартов выпускаемой продукции; неэффективная кадровая политика, приводящая к оттоку квалифицированных специалистов из сферы промышленного производства, научно-технической и технологической деятельности. Необходимо также отметить, что проблема отставания в развитии промышленных предприятий связана со следующими внутренними факторами: низкая инновационная активность на отдельном предприятии, невысокое качество управления, а также низкие стимулы к модернизации и реформированию.

Важным элементом промышленной политики является создание в отраслях промышленности ведомств под государственным контролем с целью концентрации мер государственной поддержки на приоритетных направлениях. Так, подобная работа была произведена путем создания таких корпораций, как «Объединенная судостроительная корпорация», «Объединенная авиастроительная корпорация» и ГК «Ростехнологии» [2, с. 65]. Такая государственная поддержка способствует стремительному росту, скорейшему обновлению технологической базы там, где не было результата; воспроизводству готовых технологических решений; направлению промышленности на образование новых рынков и отраслей промышленности, способных конкурировать на мировом рынке.

По мнению Е. И. Мазилкиной, Г. Г. Паничкиной, государственная поддержка промышленности не должна осуществляться только из понимания того, что государство постоянно должно финансировать текущие и капитальные расходы предприятий. Вложение государством бюджетных средств должно производиться только на проектной основе для достижения определенных целей развития. Промышленные отрасли, получившие поддержку государства должны войти в режим развития на основе рыночных ресурсов [3, с. 12, с. 72].

Вышеуказанные факторы должны привести к новой структурной промышленной политике,

которая поможет использовать имеющиеся конкурентные преимущества для развития и повышения качества отечественной промышленности. Необходимо отметить, что все перечисленные факторы необходимо учесть при разработке государственных программ по повышению конкурентоспособности промышленной отрасли.

Мировая экономика находится на пороге нового индустриального цикла, который приведет к изменению всей структуры отраслей промышленности, сложившейся в XX в. Реструктуризация будет происходить по четырем основным направлениям.

Во-первых, индустрия перейдет к управлению жизненным циклом продукта, в котором при проектировании будут закладываться расходы, связанные с обслуживанием и выведением продукта из эксплуатации.

Во-вторых, процесс проектирования будет строиться фактически на автоматизации всех процессов проектирования и инжиниринга при помощи программных технологий и компьютерного моделирования.

Третий аспект технологической революции – внедрение в производство материалов нового поколения.

Четвертым аспектом является развертывание промышленной инфраструктуры нового типа – так называемых «умных сред» (умные дороги, умные сети, умные производства).

Меры регулирования машиностроительного комплекса, реализуемые государством:

- внедрение федеральных целевых программ, которые направлены на модернизацию технологической базы и развитие высокотехнологичных отраслей промышленности;

- комплекс взносов и субсидий в уставные капиталы предприятий направленные на развитие технологической базы и промышленного потенциала;

- вложения в научные и опытно-конструкторские разработки в рамках государственных контрактов и научного сопровождения инновационных проектов государственного значения;

- комплекс инструментов, позволяющих обеспечить стабильный вход в отрасль промышленности и на рынок зарубежных стран, в рамках проведения переговоров между правительствами и главами государства;

– нормативно-правовые инструменты, совершенствование которых позволит обеспечить устойчивое функционирование отраслей промышленности, их технологическую модернизацию и инновационное развитие;

– таможенно-тарифное регулирование и инструменты налогового стимулирования;

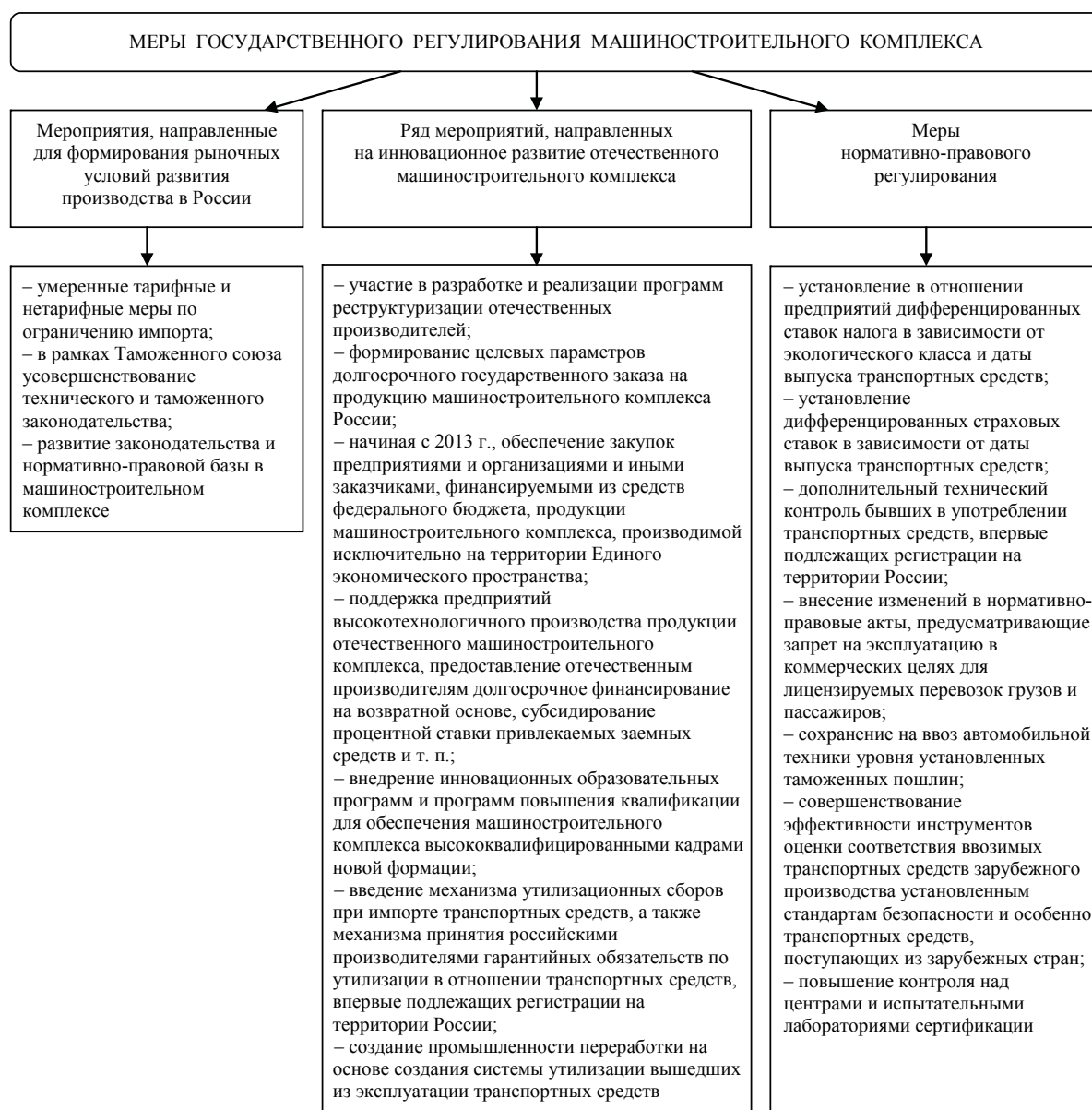
– инструменты, направленные на внедрение эффективной системы технического регулирования, обеспечение единства измерений, совершенствование системы стандартизации для

обеспечения повышения конкурентоспособности экономики.

На основании вышеуказанных мероприятий, реализуемых государством предлагается к реализации следующий ряд мер, представленных на рисунке ниже.

Механизмы реализации мер государственного регулирования машиностроительного комплекса:

1. Мероприятия, направленные на формирование рыночных условий развития производства в России:

Меры государственного регулирования машиностроительного комплекса*

* Источник: разработано автором.

- квотирование;
- лицензирование;
- добровольные ограничения экспорта;
- технические ограничения;
- антидемпинговое законодательство.

– исправление в Таможенном кодексе коллизий, несоответствий, противоречий, которые были выявлены в ходе практического применения таможенного законодательства;

– уменьшение количества уровней регулирования. Включение в Кодекс максимального количества норм международных соглашений государств, входящих в Таможенный союз, и решений Комиссии Таможенного союза в сфере таможенного регулирования;

– уменьшение количества отсылочных норм на национальное законодательство, что придаст Кодексу еще большее значение с точки зрения документа прямого действия;

– подготовка проектов федеральных законов, нормативных правовых актов по вопросам отраслей комплекса, а также проектов технических регламентов и других актов в области технического регулирования и стандартизации в отраслях комплекса.

2. Ряд мероприятий, направленных на инновационное развитие отечественного машиностроительного комплекса:

– развитие инновационной деятельности путем разработки и внедрения новой техники и технологий с приоритетной ориентацией на машиностроительный комплекс;

– формирование инновационной и производственной деятельности, направленной на выпуск товара, отвечающего требованиям современной экономики и определяющего стратегическую конкурентоспособность России.

– модернизация предприятий за счет внедрения инновационных технологий, оборудования, материалов, компонентов, конструкторско-технологического и инженерного обеспечения и т. п., а также формирование эффективной производственной и научно-технической кооперации;

– информационное обеспечение деятельности предприятия, которое включает в себя: информационное продвижение на рынок продукции, услуг, инновационных и других разработок, участие в выставочной деятельности, проведение конференций, семинаров, форумов и т. п.;

– образовательная деятельность (подготовка и переподготовка кадров всех категорий и уровней, востребованных в сфере отечественной промышленности и науки).

3. Меры нормативно-правового регулирования:

– разработать механизм перехода прав на результаты интеллектуальной собственности к наиболее эффективному собственнику, который в состоянии эти права коммерциализовать;

– принять решение о заявительной приватизации интеллектуальных активов, созданных за бюджетные средства и до сих пор не зарегистрированных;

– внести изменения в Федеральный закон № 94-ФЗ для того, чтобы дать возможность внедрять процедуры, которые позволят закупать инновационную продукцию. Предлагается применять возможность индивидуальных решений правительства по введению особенностей закупки продукции, в том числе технологически сложной, инновационной, когда появится возможность предквалификации поставщиков, многоэтапности конкурса и т. д. Кроме того, предлагается внести изменения в законодательство. Это важно для крупных технологических проектов с возможностью заключения контрактов жизненного цикла;

– внести в законодательство возможность использовать в качестве критерия победителя не только цену приобретения, но и стоимость владения. Это очень важно для инновационной продукции. Государственный заказчик, покупая товар, учитывает не только его текущую цену, но и расходы на содержание, расходные материалы, потребление энергии, стоимость эксплуатации – именно те эффекты, которые часто связаны с инновациями;

– для закупок научно-исследовательских разработок характерна вынужденная субъективность оценки при принятии решений по выбору потребителя. Нынешнее регулирование создает массу поводов для злоупотреблений. Для снижения этих рисков предлагается предоставить заказчику возможность устанавливать дополнительные требования, повысить его гибкость и одновременно повысить независимость отбора этих победителей и независимость приемки результатов научно-исследовательских разработок [4, p. 45].

При этом необходимо отметить, что основную роль в формировании направлений развития

научно-технического потенциала и стимулирования инновационной деятельности предприятий играет государство. Во-первых, в развитых странах научные и опытно-конструкторские разработки финансируются за счет бюджетных средств. Во-вторых, органы государственной власти должны планировать и организовывать финансирование основных приоритетных направлений государства в машиностроительной отрасли. В-третьих, государство должно осуществлять техническое образование и подготовку высококвалифицированных кадров. В-четвертых, государство должно разработать нормативно-правовую базу по обеспечению научно-технической и производственной деятельности. Государственное управление технологическим развитием машиностроительного комплекса заключается в перераспределении ресурсов в зависимости от устаревшего и нового производства, а при смене технологических направлений – в перераспределении ресурсов в пользу нового технологического направления.

Задача государства заключается в содействии развитию отечественного машиностроительного комплекса, исходя из национальных приоритетов научно-технического и инновационного развития.

Таким образом, усилия государства должны быть направлены на технологическое и инновационное развитие ключевых производств в тех отраслях машиностроительного комплекса, которые направлены на решение задач по достижению технологического и инновационного лидерства в областях авиастроения, ракетостроения и атомной энергетики, так как в реализации данных приоритетных направлений государство играет доминирующую роль.

Безальтернативной является поддержка государством тех машиностроительных производств, которые связаны с национальными приоритетами научно-технического развития в зоне ответственности государства [5, р. 29].

Приоритетные направления государства по повышению конкурентоспособности отечественной промышленности основаны на отраслевом принципе, включающем в себя следующие критерии по типу рынков.

Несуществующие или незначительные по объему новые рынки, которые и в перспективе являются основой промышленности:

- рынок композиционных материалов;
- рынок редких материалов;

Продукция отрасли промышленности, направленная на потребителя:

- продукция машиностроительного комплекса;
- продукция легкой промышленности.

Продукция традиционной отрасли, направленная на инвестиционный спрос:

- металлургии;
- тяжелого машиностроения;
- автомобилестроения;
- энергомашиностроения;
- станкостроения;
- сельскохозяйственного машиностроения;
- машиностроения специализированных производств;
- химического комплекса.

В области обеспечения единства измерений и технического регулирования:

- разработка системы стандартизации, отвечающей положениям ВТО по техническим барьерам в реализации продукции;
- разработка межгосударственных стандартов, которые будут применяться в странах Таможенного союза и СНГ;
- обновление фонда национальных стандартов за счет гармонизации с международными стандартами;
- разработка стандартов в приоритетных направлениях экономики, в том числе в инновационных отраслях;
- направление бизнеса в процесс разработки национальных стандартов;
- повышение научно-технического, технического и инновационного уровней отечественной базы.

Приоритетным направлением государства является развитие и повышение уровня конкурентоспособной промышленности в условиях нормализации рынка, образование внутренних источников инновационного развития.

Главными ориентирами развития машиностроительного комплекса являются развитие компонентов и высокотехнологичных агрегатов, увеличение добавленной стоимости предприятиями машиностроения на территории России, а также развитие конкурентоспособной промышленности за счет стабилизации рынка и формирования источников инновационного развития.

Достижение вышеуказанных целей позволит решить ряд задач, закрепленных в стратегии развития машиностроительной отрасли:

- определение стратегических партнеров;
- разработка нормативно-правовой базы для стимулирования локализации производства продукции машиностроительной отрасли;
- развитие НИОКР и интеллектуальной собственности;
- разработка базы инновационного развития;
- реализация приоритетных инновационных и инвестиционных проектов в машиностроительном комплексе;
- стимулирование спроса на продукцию машиностроительной отрасли.

Разработка и внедрение инновационных технологий и инноваций в отраслях промышленности – одна из основных задач, поставленных правительством РФ.

Решение задач в области модернизации и инновационного развития предполагает реализацию мероприятий по развитию национальной инновационной системы, формированию системы технологического прогнозирования, ориентированного на обеспечение перспективных потребностей промышленного сектора экономики с учетом развития ключевых производственных технологий.

Выводы

Таким образом, мероприятия, проводимые по совершенствованию регулирования машиностроительного комплекса, обеспечат технологическое развитие отечественной промышленности, а внедрение ресурсосберегающих инновационных технологий позволит повысить конкурентоспособность промышленной продукции России, так как мировая практика показывает что успешные машиностроительные предприятия достигли высоких результатов за счет внедрения инновационных технологий и поддержки со стороны государства.

Список литературы

1. Артемов А. В. Трансформация промышленной политики и управления с учетом инновационно-логистических подходов. Н. Новгород: Университетская книга, 2008. 262 с.
2. Бочкарева Т. В., Гаврилина Е. Н. Государственные механизмы регулирования инновационного развития экономики Российской Федерации // Вестник ГУУ. 2009. № 2. С. 109–113.
3. Мазилкина Е. И., Паничкина Г. Г. Управление конкурентоспособностью: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2008. 325 с.
4. Wimmer M. Marktwirtschaft. Originalausg: Wilhelm Heyne, 1992. 104 p.
5. Timmons T. Science and technology in nineteenth-century America. Westport, CT; London: Greenwood Press, 2005. XIII, 207 p.

В редакцию материал поступил 13.12.13

© И. Г. Самигуллин, 2014

Информация об авторе

Самигуллин Ильнур Габдулфатович, аспирант, Центр перспективных экономических исследований, Академия наук РТ

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Островского, 23/1, тел.: (843) 292-00-10

E-mail: samiilnur@yandex.ru

Как цитировать статью: Самигуллин И. Г. Совершенствование государственного регулирования машиностроительного комплекса // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 143–149.

I. G. SAMIGULLIN,

Post-graduate student

Center for prospective economic research of the Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia

IMPROVING THE STATE REGULATION OF MACHINE-BUILDING COMPLEX

Objective: to define the main directions of the state regulation of machine-building complex and increasing its competitiveness.

Methods: analysis; abstract-logical and systemic.

Results: the general characteristic is given to the state regulation of machine-building complex development, the priority directions are determined of improving its components and high-technology aggregates; of increasing the added value of machine-building enterprises in Russia; of development competitive industry by stabilizing the market and forming the sources for innovative development.

Scientific novelty: measures for state regulation of machine-building complex are proposed: 1) measures aimed at forming the market conditions of production in Russia; 2) measures aimed at the innovative development of machine-building complex; 3) measures of normative-legal regulation in this sphere.

Practical value: possibility to implement the measures and main priority directions of state regulation of machine-building complex development at machine-building enterprises in Russia, which will promote its stability and increase competitive positions of the Russian machine-building industry.

Key words: state regulation; machine-building complex; competitiveness.

References

1. Artemov, A. V. *Transformatsiya promyshlennoi politiki i upravleniya s uchetom innovatsionno-logisticheskikh podkhodov* (Transformation of industrial policy and management using the innovative-logistics approaches). Nizhnii Novgorod: Universitetskaya kniga, 2008, 262 p.
2. Bochkareva, T. V., Gavrilina, E. N. State mechanisms of regulating the innovative economic development of the Russian Federation. *Vestnik GUU*, 2009, no. 2, pp.109–113 (in Russ.).
3. Mazilkina, E. I., Panichkina, G. G. *Upravlenie konkurentosposobnost'yu* (Competitiveness management). M.: Omega-L, 2008, 325 p.
4. Wimmer, M. *Marktwirtschaft. Originalausg: Wilhelm Heyne*, 1992. 104 p.
5. Timmons, T. *Science and technology in nineteenth-century America*. Westport, CT; London: Greenwood Press, 2005. XIII, 207 p.

Received 13.12.13

Information about the author

Samigullin Inur Gabdulfatovich, Post-graduate student, Center for Prospective Economic Research of the Tatarstan Academy of Sciences

Address: 23/1 Ostrovskogo St., 420111, Kazan, tel.: (843) 292-00-10

E-mail: samiilnur@yandex.ru

How to cite the article: Samigullin I. G. Improving the state regulation of machine-building complex. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 143–149.

© Samigullin I. G. , 2014

УДК 338.24:331(494)

О. А. СТРАХОВА,

доктор экономических наук, профессор

Высшая экономическая школа

*Санкт-Петербургского государственного экономического университета,
г. Санкт-Петербург, Россия,*

Г. Ф. ФЕЙГИН,

доктор экономических наук, профессор

*Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,*

Е. А. АВЕРИНА,

директор по развитию

НП «РАМЗ», г. Санкт-Петербург, Россия

ШВЕЙЦАРСКАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Цель: исследование и изучение опыта швейцарского менеджмента на предприятиях.

Методы: сравнительного менеджмента, бенчмаркинга, абстрактно-логический.

Результаты: разработка модели и инструментария управления человеческими ресурсами на предприятии.

Научная новизна: разработан концептуальный подход к построению управлением человеческими ресурсами на основе швейцарской модели.

Практическая значимость: в виду того, что с момента начала рыночных реформ в России не выработалась какая-либо общепринятая система подбора персонала в компанию, подбор кадров зачастую осуществляется на основе личных связей, формального ознакомления с резюме кандидатов или же произвольно обозначенных принципов отбора. Не уделяется должного внимания созданию команд, исповедующих единую систему ценностей. Поэтому внедрение швейцарской модели управления человеческими ресурсами и, соответственно, нового типа управленческой культуры в практику российских фирм следует рассматривать как инструмент повышения эффективности систем управления в России.

Ключевые слова: человеческие ресурсы; швейцарская модель управленческой структуры; швейцарская деловая культура.

Введение

Современная хозяйственная практика характеризуется многообразием управленческих культур. В отдельных странах на предприятиях различных отраслей внедряются определенные модели управленческих культур, особенности которых зависят от ряда факторов: национального менталитета, специфики рыночной конъюнктуры и ситуации в отрасли, сформировавшихся традиций и т. д. В то же время некоторые управленческие культуры рассматриваются как «эталонные». О подобном статусе управленческой культуры речь идет в тех случаях, когда она в течение многих лет успешно внедряется на предприятиях наиболее развитых стран. С нашей точки зрения,

заслуживает отдельного внимания опыт швейцарского менеджмента. Не обладая большим количеством сырьевых ресурсов, эта страна в течение ряда последних десятилетий устойчиво входит в пятерку богатейших стран мира (по ВВП на душу населения). Кроме того, швейцарская экономика диверсифицирована. Наряду с такими традиционными швейцарскими отраслями, как часовая промышленность, производство сыра и шоколада, банковский сектор, Швейцария обладает ведущей по мировым стандартам электроникой, химической промышленностью и т. д. Возникает закономерный вопрос, какие особенности швейцарской деловой культуры позволили обеспечить столь впечатляющий результат? Исследуя швейцарский

управленческий опыт вообще, и, в частности, швейцарскую деловую культуру, мы считаем возможным ввести в научный оборот термин *«швейцарская модель управления человеческими ресурсами»*.

Результаты исследования

Швейцарская деловая культура как национальная модель менеджмента не так известна и популярна, как американская или японская. Более того, долгое время считалось, что целостной швейцарской модели менеджмента не существует. Швейцария – поликультурная страна, имеющая 4 государственных языка (немецкий, французский, итальянский, ретро-романский). Поэтому ряд экспертов считает, что швейцарская деловая культура – это некий симбиоз немецкой, французской и итальянской традиций в области менеджмента. Однако первое серьезное исследование швейцарской модели менеджмента, предпринятое А. Бергманом в 1994 г., позволило сделать вывод о том, что швейцарская деловая культура имеет свои отличительные особенности [1]. Интерес к швейцарской деловой культуре объясняется положением, которое страна занимает в современном мировом хозяйстве. Швейцария – одна из самых богатых стран в мире. По ВВП на душу населения она в последние годы традиционно занимает первое место в мире. Кроме того, Швейцария является одним из постоянных лидеров в рейтингах международной конкурентоспособности стран. Наконец, экономика Швейцарии диверсифицирована: помимо необычайно развитого банковского сектора, страна занимает ведущие позиции и в таких отраслях, как электроника, часовая промышленность, производство шоколада, производство сыра и др.

По определению А. Погорлецкого, «...швейцарцы по своей сути – дисциплинированные трудоголики. Работа для них – неотъемлемая часть жизни» [2]. Интересная информация о швейцарском деловом менталитете содержится в исследовании С. Шнайдера и Й. Барзо «Межкультурный менеджмент». Они отмечают, что в собственных глазах швейцарцы замкнуты, нелюдимы, предусмотрительны, пунктуальны и самолюбивы. Они не любят, когда их беспокоят. В глазах иностранцев швейцарцы дисциплинированы, консервативны, недостаточно креативны, но решительны, требовательны, пунктуальны и профессиональны [3].

Швейцарская деловая культура базируется на особенностях швейцарского менталитета. Культ труда сочетается с целостным видением путей развития компании всем ее трудовым коллективом. Структура швейцарских компаний имеет двойкий характер. С одной стороны, присутствует автономия отдельных должностных позиций, а с другой – имеет место жесткая иерархия. Ответственность каждого сотрудника компании преимущественно индивидуальна, но она ограничивается областью его полномочий. Характерен и тот факт, что в Швейцарии преобладают мелкие и средние предприятия: 96,6 % предприятий насчитывают менее 500 человек.

В чем же заключается *«швейцарская модель управления человеческими ресурсами»*? На основании исследований, проведенных на ряде швейцарских предприятий, мы пришли к выводу, что ее можно представить в виде следующей схемы (рис. 1).

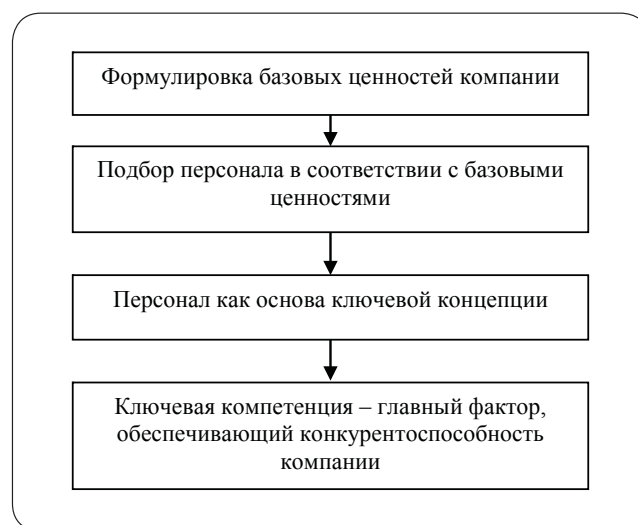

Рис. 1. Общая структура и направленность швейцарской модели управления человеческими ресурсами

* Источник: разработано авторами.

В основе модели лежат принципы приема на работу, заключающиеся в подборе персонала, который разделяет базовые ценности компании. Каждая крупная фирма, а также многие средние и мелкие фирмы исповедуют некую систему ценностей, отраженную в базовых документах (миссия, стратегия и т. д.). Пример системы базовых ценностей компании представлен на рис. 2.

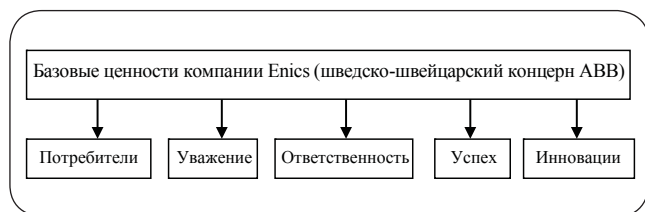

Рис. 2. Базовые ценности компании

Источник: разработано авторами.

Базовые ценности как основа отбора персонала хорошо интерпретированы в книге А. Нордстрема и Й. Риддерстрале «Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланка», где на вопрос «... а как заставить людей разделять ваши взгляды и ценности?» дается ответ «... найдите тех, кто их уже разделяет» [4]. Очевидно, это лишь руководство к действию. Приходящие в компанию новые люди не могут изначально полностью разделять ее ценностные ориентиры, но они должны быстро интегрироваться в соответствующую организационную культуру. Поэтому при отборе персонала швейцарские компании на первый план выдвигают следующие критерии:

1. Обучаемость

Новый сотрудник должен быть хорошо обучаем. Это следует понимать в широком смысле. Он должен не только приобретать необходимые для работы в данной компании знания и навыки, но и быстро интегрироваться в организационную структуру, т. е. усвоить исповедуемые в компании ценности. Важную роль здесь играют такие качества, как гибкость, восприимчивость, коммуникабельность. Тем самым при принятии решения о приеме на работу имеющаяся квалификация работника соотносится с его способностью обучаться. При наличии двух претендентов с приблизительно одинаковой изначальной квалификации именно этот компонент имеет решающее значение.

2. Нацеленность на результат

Любая система ценностей в конечном итоге ориентирована на достижение конечного результата. Поэтому при отборе персонала предпочтение отдается сотрудникам, способным находить наиболее эффективные пути движения к конечной цели (результату). Практически любая система ценностей, исповедуемая в швейцарских компаниях, предполагает стремление к результативной работе. Остальные ценностные компоненты рас-

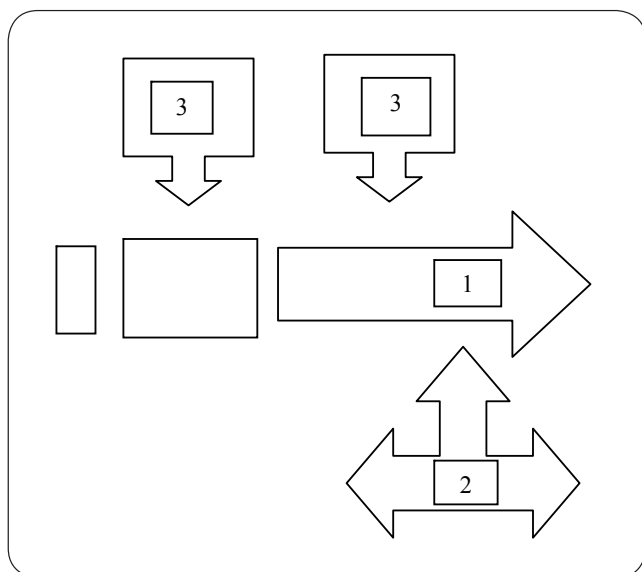
сматриваются преимущественно как средство достижения результата.

3. Интеллектуальные способности

Помимо обозначенных выше качеств, предпочтение отдается кандидатам, имеющим высокий интеллектуальный уровень в целом. Именно интеллектуальные способности служат своеобразным ориентиром для работников в рамках новой деловой культуры. Они помогают быстрее осознать специфику данной компании и найти в ней собственную нишу. Высокий интеллект так или иначе способствует развитию коммуникабельности сотрудников, позволяет избегать дисфункциональных конфликтов и постепенно стать неотъемлемой частью деловой культуры компании и проводником ее ценностей. Подбор персонала на основе базовых ценностей в швейцарской модели управления человеческими ресурсами рассматривается как один из важнейших инструментов обеспечения ее конкурентоспособности. Современное мировое хозяйство характеризуется высочайшим уровнем конкуренции. Поэтому конкурентоспособность компании, в том числе и международная, является необходимым условием ее стабильного функционирования и развития.

Швейцарская управленческая культура интерпретирует персонал как основу формирования ключевой компетенции компании, которая, в свою очередь, является своеобразным «фундаментом» ее конкурентоспособности. *Ключевая компетенция компании* – такая компетенция, наличие которой позволяет компании решать задачи, непосильные для большинства других игроков рынка, устанавливает новый стандарт деятельности в отрасли и тем самым обеспечивает обладателю конкурентное преимущество. Ключевая компетенция включает две основные составляющие: потребительскую стоимость предлагаемых товаров и частные компетенции, которые могут носить индивидуальный или общий организационный характер (рис. 3).

Речь идет о сложном органичном сочетании знаний и навыков сотрудников с применяемыми технологиями, что в конечном счете обеспечивает качество предлагаемых на рынке товаров и услуг (потребительскую стоимость). Ключевая компетенция в значительной мере определяет положение фирмы на рынке, ее индивидуальность и отличия от конкурентов. Критерии ключевых компетенций представлены на рис. 4.

1 – ключевая компетенция; 2 – потребительская стоимость; 3 – компетенции (индивидуальные, организационные)

Рис. 3. Модель ключевой компетенции по Г. Хэмелу и К. Прахаладу [5]

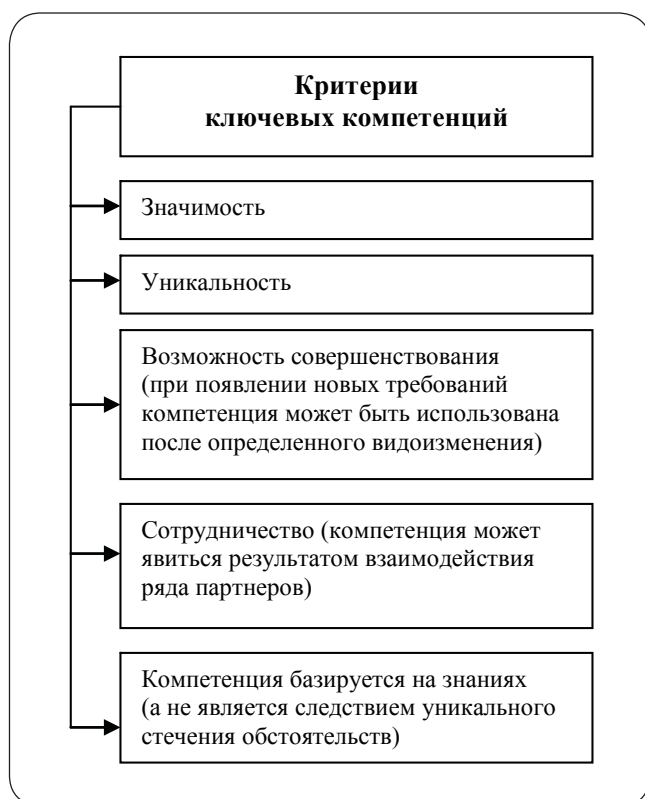

Рис. 4. Критерии ключевых компетенций

Источник: разработано авторами.

Понятие «ключевая компетенция» носит общий характер и не определяет специфику швейцарской управленческой культуры. Построение любой бизнес-модели начинается с формулировки некой бизнес-идеи, которая затем трансформируется в ключевую компетенцию. Специфика швейцарского подхода состоит в том, что главную роль в формировании ключевой компетенции играет персонал. Подбор кадров, разделяющих исповедуемые компанией базовые ценности, приводит к тому, в компании складывается коллектив профессионалов, объединенных генеральной идеей и стремящихся к достижению общей цели. Создание такого коллектива с высокой степенью вероятности позволяет сформировать ключевую компетенцию, которая обеспечивает стабильное функционирование компании на рынке. Алгоритм подбора персонала на основе базовых ценностей компании демонстрирует таблица, приведенная ниже.

Алгоритм подбора персонала на основе базовых ценностей компании*

Этапы управления компетенциями	Мероприятия, которые обеспечивает процесс
Бизнес-идея	Разработка миссии и стратегических целей компании
Анализ стратегических ресурсов и определение источников конкурентного преимущества	Анализ внешней и внутренней среды компании (SWOT-анализ)
Описание ключевых бизнес-процессов	Разработка организационной структуры компании, разработка дерева целей, описание функциональных бизнес-процессов
Определение перечня базовых ценностей компании	Разработка базовых ценностей
Определение перечня ключевых компетенций	Выявление компетенций, составление профилей компетенций
Определение метода оценки компетенций при подборе персонала	Разработка инструментов ассесмент центра для оценки каждой компетенции
Выработка рекомендаций для подбора персонала	Разработка перечня требований к персоналу

* Источник: составлено автором.

Содержание таблицы сводится к перечню мероприятий, которые предшествуют процедуре подбора персонала. Логика процесса основана на следующей схеме: выработка бизнес-идеи → анализ внешних и внутренних ресурсов → формулировка базовых ценностей → разработка базовых требований к персоналу. Фактически речь

идет о том, что процесс набор персонала хорошо продуман, заранее спланирован и базируется на бизнес-идее и соответствующих ей базовых ценностях.

Выводы

Таким образом, в результате проведенного нами краткого обзора определена ключевая роль персонала в швейцарской деловой культуре. Успехи многих швейцарских предприятий свидетельствуют об эффективности данной модели. Обобщая оценки швейцарской деловой культуры, можно отметить следующие ее особенности:

– швейцарская модель управления человеческими ресурсами ориентирована на относительно бесконфликтный стиль работы. Набирая персонал в соответствии с вышеуказанной схемой, швейцарские предприниматели рассчитывают на стабильные отношения в трудовом коллективе;

– в швейцарской деловой культуре преобладает прагматизм. Швейцарские компании не берутся за реализацию грандиозных проектов, если не уверены в их успехе;

– по отношению к внешним партнерам швейцарцы толерантны. Они могут работать с партнерами из разных стран с разными политическими системами;

– в оценках ситуации на рынке преобладает относительный пессимизм и существует своеобразная перестраховка (отвергаются слишком рискованные проекты).

Несмотря на некоторые дискуссионные аспекты швейцарской деловой культуры, ее успехи объективно привлекают к себе внимание экс-

пертов всего мира. Разработанный авторами концептуальный подход к построению управления человеческими ресурсами на основе швейцарской модели может быть использован и в российской управленческой практике. С момента начала рыночных реформ в России не выработалась какая-либо общепринятая система подбора персонала в компанию. Подбор кадров осуществляется зачастую на основе личных связей, формального ознакомления с резюме кандидатов или же произвольно обозначенных принципов отбора. Не уделяется должного внимания созданию команд, исповедующих единую систему ценностей. Поэтому внедрение швейцарской модели управления человеческими ресурсами и, соответственно, нового типа управленческой культуры в практику российских фирм следует рассматривать как инструмент повышения эффективности систем управления в России.

Список литературы

1. Bergmann A. Le "Swiss Way of management" ou les evidences caches des entreprises suisses. Paris: Éditions ESKA, 1994. 138 p.
2. Погорлецкий А. Швейцария: особенности деловой культуры и менеджмента // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 42–50.
3. Schneider S., Barsoux J. Managing across Cultures. Harlow, 2003. 330 p.
4. Нордстрем К., Ридерстралле Й. Бизнес в стиле фанк. Капитал пляшет под дудку таланта. СПб., 2002. 280 с.
5. Homeland G., Prahalad C.K. Strategic Intent // Harvard Business Review, May-June 1989. URL: <http://hbr.org/2005/07/strategic-intent/ar/1>

В редакцию материал поступил 23.12.13

© Страхова О. А., Фейгин Г. Ф., Аверина Е. А., 2014

Информация об авторах

Страхова Ольга Александровна, доктор экономических наук, профессор, директор УДЦ, Высшая экономическая школа Санкт-Петербургского государственного экономического университета

Адрес: г. Санкт-Петербург, Набережная канала Грибоедова, 34, тел.: (812) 310-38-62, 312-87-37

E-mail: strakhova@hes.spb.ru

Фейгин Григорий Феликсович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов; заместитель заведующего кафедрой, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет

Адрес: 199004, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21, тел.: (812) 310-38-62

E-mail: fgrig@list.ru

Аверина Елена Анатольевна, директор по развитию, НП «РАМЗ»

Адрес: 199004, Санкт-Петербург, Кадетская линия, д. 27/5, литер А, пом. 1Н, (812) 952-19-50

E-mail: averina.el@gmail.com

Как цитировать статью: Швейцарская модель управленческой культуры / О. А. Страхова, Г. Ф. Фейгин, Е. А. Аверина // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 150–155.

O. A. STRAKHOVA,

Doctor of Economics, Professor

Higher School of Economics of Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia,

G. F. FEYGIN,

Doctor of Economics, Professor

Saint Petersburg Trade Unions' University for Humanities, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russia,

E. A. AVERINA,

Director on Development

“RAMZ” enterprise, Saint Petersburg, Russia

SWISS MODEL OF MANAGERIAL CULTURE

Objective: to research and study the experience of Swiss management in enterprises.

Methods: Comparative management, benchmarking, abstract logic.

Results: Development of models and tools for human resource management in an enterprise.

Scientific novelty: a conceptual approach to human resources management construction based on the Swiss model is developed.

Practical value: in view of the fact that since the start of market reforms in Russia there has not been developed any conventional system of personnel selection to companies, recruitment is often made on the basis of personal relationships, formal acquaintance with the candidates' resumes or arbitrarily designated selection principles. Team building is neglected, as well as practicing common sets of values. Therefore, the introduction of the Swiss model of human resource management and, consequently, a new type of management culture in the practice of Russian companies should be regarded as a tool to improve the effectiveness of control systems in Russia.

Key words: human resources; Swiss model of management structure; Swiss business culture.

Received 23.12.13

References

1. Bergmann, A. *Le “Swiss Way of management” ou les evidences caches des entreprises suisses*. Paris: Éditions ESKA, 1994. 138 p.
2. Pogorletskii, A. Switzerland: features of business culture and management. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, no. 2, pp. 42–50 (in Russ.).
3. Schneider, S., Barsoux, J. *Managing across Cultures*. Harlow, 2003. 330 p.
4. Nordstrem, K., Riderstralle, I. *Biznes v stile fank. Kapital plyashet pod dudku talanta* (Funk style business. Capital dances to talent's tune). Saint Petersburg, 2002. 280 p.
5. Homeland, G., Prahalad, S.K. Strategic Intent. *Harvard Business Review*, 1989, May-June, available at: <http://hbr.org/2005/07/strategic-intent/ar/1>

Information about the authors

Strakhova Olga Aleksandrovna, Doctor of Economics, Professor, Higher School of Economics of Saint Petersburg State University of Economics

Address: 34 Naberezhnaya Kanala Griboyedova, Saint Petersburg, tel.: (812) 310-38-62, 312-87-37

E-mail: strakhova@hes.spb.ru

Feygin Grigoriy Feliksovich, Doctor of Economics, Professor of the Chair of Economics and Management, Saint Petersburg Trade Unions' University for Humanities, Deputy Head of Chair, Saint Petersburg State University of Economics

Address: 21 Sadovaya St., 199004 Saint Petersburg, tel.: (812) 310-38-62

E-mail: fgrig@list.ru

Averina Elena Anatolyevna, Director on Development “RAMZ” enterprise

Address: 27/5 A Kadetskaya Liniya, 199004, Saint Petersburg, tel. (812) 952-19-50

E-mail: averina.el@gmail.com

How to cite the article: Swiss model of managerial culture / O. A. Strakhova, G. F. Feygin, E. A. Averina. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 150–155.

УДК 339.137:332.1

А. В. ТИМИРЯСОВА,

кандидат экономических наук, доцент,

Т. В. КРАМИН,

доктор экономических наук, профессор,

Институт экономики, управления и права, (г. Казань), Россия

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИИ¹

Цель: выявление, систематизация и количественная оценка влияния ключевых факторов международной конкурентоспособности российских регионов и определение основных направлений ее повышения.

Методы: институциональный и системный подходы, факторный и сравнительный анализ, инструменты эконометрического моделирования.

Результаты и научная новизна: на основе эмпирических данных тридцати наиболее экономически развитых российских регионов построены эконометрические модели количественной оценки факторов их международной конкурентоспособности. Выявлены основные направления повышения международной конкурентоспособности российских регионов.

Практическая значимость: представлены и обоснованы основные направления роста международной конкурентоспособности российских регионов: развитие инфраструктуры, бизнес-климата, региональной институциональной среды, а также повышение качества государственного управления на региональном уровне. Они позволяют разработать комплекс практических мероприятий по решению вышеуказанной задачи.

Ключевые слова: международная конкурентоспособность региона; инвестиционная привлекательность региона; институциональная среда.

1. Обзор результатов предыдущих исследований и постановка задачи.¹

Конкурентоспособность страны в настоящее время определяется не только ее национальными преимуществами в международном разделении труда, но и совокупным уровнем конкурентоспособности всех ее регионов. Более того, повышение региональной конкурентоспособности становится одним из главных резервов роста конкурентоспособности страны в целом. Эта тенденция является особо актуальной для Российской Федерации, в которой имеют место значительные колебания уровня конкурентоспособности отдельных регионов, а также имеется ряд направлений, в которых региональная конкурентоспособность может быть значительно повышена. Настоящая работа посвящена определению этих направлений и выявлению указанных резервов.

В докладе о конкурентоспособности России в 2012 г., представленном Евроазиатским ин-

ститутом конкурентоспособности (совместно с компанией Стратеджи Партнерс Групп и Сбербанком России), впервые были опубликованы оценки международной конкурентоспособности российских регионов. Представленная в нем методика позволяет сравнить российские регионы не только друг с другом, но и более чем со ста странами мира. В Докладе отмечается, что приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в настоящее время сконцентрирован только в нескольких российских регионах. Отмечено также, что в период 2005–2010 гг. ПИИ «смещались» от богатых нефтью регионов к недоинвестированным (до кризиса) регионам. Инвестиции, направленные на получение доступа к природным ресурсам, сменялись инвестициями для получения доступа к российскому рынку².

Лидером рейтинга международной конкурентоспособности российских регионов в 2012 г.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, в рамках исследовательского проекта № 13-02-00446а.

² Доклад о конкурентоспособности России: Регионы на пути повышения производительности. Опубликовано Евразийским институтом конкурентоспособности 21.09.2012, г. Брюссель, Бельгия.

стала Новосибирская область. Второе место заняла Свердловская область, третье место – Москва. В первой десятке оказались регионы Юга центральной России, Урала, Сибири и Поволжья. Показательным является тот факт, что нефтяные регионы – Республики Башкортостан и Татарстан – занимают только седьмое и девятое место соответственно. Также важно отметить, что некоторые регионы, такие как Тюменская и Омская области, которые по уровню притока ПИИ можно было считать лидерами еще пять лет назад, попали в указанный рейтинг в разряд отстающих.

В указанном докладе выделяются пять составляющих международной конкурентоспособности регионов:

- национальные факторы;
- базовые условия;
- портфель кластеров;
- бизнес-климат;
- эффективность и стратегический фокус администрации региона.

Методика оценки международной конкурентоспособности в указанном докладе базируется на методике расчета глобального индекса конкурентоспособности стран, предложенной Всемирным экономическим форумом (ВЭФ) [1; 5; 6]. В то же время в ней получили отражение новые региональные аспекты.

Национальные факторы региональной конкурентоспособности включают макроэкономические условия, темпы экономического роста страны, объем национального рынка, институциональную среду и базовую социальную инфраструктуру. Во всех исследованиях отмечается большой размер российского рынка, входящий в десятку крупнейших рынков в мире.

Базовые условия региональной конкуренции представляют собой запасы природных ресурсов; географическое положение; качество человеческого капитала; доступность инфраструктуры.

Группа факторов «Портфель кластеров» определяется структурой портфеля кластеров, уровнем развития ключевых кластеров и отраслевых секторов региональной экономической системы.

В предложенной методике качество бизнес-климата региона определяется развитостью физической инфраструктуры и инфраструктуры для бизнеса, доступностью и качеством человеческих ресурсов. Бизнес-климат является ключевым

фактором инвестиционной привлекательности региона, а также привлекательности регионального рынка труда.

Исследование показало, что темпы развития региона в современных условиях определяются наличием конкурентоспособных кластеров. Кластеры, в свою очередь, базируются на бизнес-инфраструктуре, включающей систему технополисов и промышленных парков. Повышение производительности региональной экономики и создание новых рабочих мест обеспечивается ростом прямых иностранных инвестиций в регион. Кроме того, развитие региона и его ключевых кластеров может стимулироваться с помощью новых инструментов политики содействия занятости.

На региональном уровне предложено разработать и реализовать широкий спектр мер поддержки предприятий для реструктуризации в целях их адаптации к новым рыночным условиям, а также повышения эффективности корпоративного управления.

Структурные изменения рынка труда предполагают разработку новой политики в сфере профессионального образования. В быстро и кардинально меняющейся конкурентной среде стратегический курс и эффективность регионального управления также становятся важнейшими факторами региональной конкурентоспособности. Как было отмечено выше, инвесторов сейчас все больше привлекают регионы с развитой инфраструктурой, нежели регионы, богатые природными ресурсами. Региональные власти должны учитывать этот факт. Также важна роль региональных властей в реализации кластерной политики.

Особое внимание следует уделять, согласно результатам исследования, субъектам малого и среднего предпринимательства, которые необходимо рассматривать как важный фактор развития и повышения производительности существующих кластеров, а также формирования новых рабочих мест в регионе.

Таким образом, авторами доклада отмечена тенденция возрастания трех составляющих международной конкурентоспособности региона: портфель кластеров; бизнес-климат; эффективность и стратегический фокус администрации региона.

Далее планируется оценить степень влияния рассмотренных в [2; 3] индикаторов конкурен-

тоспособности региона на темпы его экономического роста и уровень инвестиционной привлекательности. Темпы экономического роста оцениваются посредством показателя внутреннего регионального продукта, инвестиционная привлекательность – на основе темпов роста объема иностранных инвестиций. Кроме того, выделяются факторы, имеющие долгосрочные эффекты (в моделях в качестве объясняемых переменных используются темпы роста за период 2005–2010 гг.), и факторы, имеющие краткосрочные эффекты. В этом случае в моделях оцениваются различия регионов по ежегодным темпам роста ВРП и объема иностранных инвестиций за 2010 и 2011 гг. соответственно.

2. Данные

В качестве объясняемых переменных использованы пространственные данные тридцати наиболее экономически развитых российских регионов, представленные в докладе о конкурентоспособности России в 2012 г. Евразийским институтом конкурентоспособности. В нем выявлены следующие группы факторов.

1. Бизнес климат в регионе (K):

1.1. Транспортно-логистическая инфраструктура (показатель рейтинга обозначен в моделях K1).

1.2. Энергетика (K2).

1.3. Земля и недвижимость (K3).

1.4. Рынок труда (K4).

1.5. Образование (K5).

1.6. Безопасность и административная инфраструктура (K6).

1.7. Финансовый сектор (K7).

1.8. Поставщики (K8).

1.9. Инновации (K9).

Каждая из представленных сфер определяется, в свою очередь, группой показателей (от двух до пяти). По каждому показателю и группе показателей в докладе определен рейтинг региона. Значения рейтингов показателей используются в качестве независимых переменных моделей.

Кроме того, в моделировании используются индикаторы, характеризующие препятствия для развития компаний, указанные опрошенными представителями регионов (OB):

1. Высокий уровень налогов (OB1).

2. Низкая доступность персонала требуемой квалификации на рынке труда (OB2).

3. Коррупция (OB3).

4. Низкая доступность финансовых ресурсов (OB4).

5. Требования регулирующих органов (OB5).

6. Общий спад спроса в отрасли (OB6).

7. Несправедливая конкуренция (OB7).

8. Незрелая инфраструктура (энергетика, транспорт, OB8).

9. Низкая доступность помещений (производственных, складских, торговых, офисных, OB9).

10. Криминал (в том числе, рейдерство, OB10).

Следующая группа показателей, характеризующих эффективность региональной администрации, оценивалась специалистами Евразийского института конкурентоспособности на основе опроса руководителей компаний об эффективности 13 направлений региональной политики. В диаграмме «Эффективность направлений политики региональной администрации», представленной в докладе, зеленые полосы показывают направления региональной политики, которые бизнес признал эффективными, красные – неэффективными, их длина (от нуля до двадцати) характеризует степень выраженности фактора. В моделях указанные факторы представлены количественно величинами от -20 до 20, в зависимости от цвета (плюс или минус) ленты и ее длины. Рассмотрены следующие направления:

1. Транспортная инфраструктура (E1).

2. Общественный транспорт (E2).

3. Энергетика (E3).

4. Территориальное планирование (E4).

5. Жилье (объем строительства, доступность) (E5).

6. Коммунальные услуги (водоснабжение и др., E6).

7. Здравоохранение (E7).

8. Школьное образование (E8).

9. Среднее профессиональное и высшее образование (E9).

10. Охрана правопорядка и общественной безопасности (E10).

11. Предпринимательство и малый бизнес (E11).

12. Средний и крупный бизнес (E12).

13. Привлечение прямых иностранных инвестиций (E13).

Кроме того, индикатор «Эффективность деятельности администрации» показывает, как компании в целом характеризуют деятельность региональной власти (тормозят или способствуют развитию региона, *E14*). Индикатор «Отношения с бизнесом» показывает оценку компаниями отношений между местным бизнесом и региональной администрацией (партнерские или конфронтационные, *E15*). Индикатор «Борьба с коррупцией» отражает оценку бизнесом антикоррупционных действий администрации региона (*E16*).

Для оценки влияния кластерного развития на уровень производительности труда в регионе используется показатель, характеризующий отклонение уровня производительности в регионе (по душевому ВРП) относительно общероссийского уровня, обусловленного различиями в уровне производительности кластеров в регионе и аналогичных кластеров в среднем по России. Показатель рассчитывается в процентах (*CL2*).

Кроме того, используется показатель доли расходов регионального бюджета на социальные нужды (*SE9* и *SE10*, в 2009 и 2010 гг. соответственно).

3. Результаты моделирования

Рассмотрим влияние рассмотренных выше факторов на различия регионов в темпах экономического роста за период 2005–2010 гг. на основе показателя душевого ВРП (табл. 1а, 1б, 1в, 1г, 1д).

Таблица 1а

Модель оценки различий среднегодового темпа роста российских регионов за 2005–2010 гг.

Зависимая переменная: VRPGR – темп роста ВРП за период 2005–2010 гг.				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
<i>C</i>	0,069421	0,015886	4,369998	0,0002
<i>K1</i>	-0,001753	0,000348	-5,038943	0,0000
<i>K5</i>	0,001647	0,000342	4,820419	0,0001
<i>OB2</i>	0,000484	0,000142	3,412664	0,0023
<i>OB6</i>	-0,000873	0,000293	-2,979999	0,0065
<i>SE9</i>	-0,002309	0,000820	-2,815392	0,0096
<i>R</i> ²	0,678483			

Параметры модели, представленной в табл. 1а, позволяют сделать следующие выводы:

1. Модель хорошо специфицирована с экономической точки зрения, что подтверждают значения *t*-статистик и высокий *R*² (другие ха-

рактеристики модели не представлены в силу их низкой информационной значимости).

2. Важнейшим фактором регионального роста за период являются транспортно-логистическая инфраструктура: чем ниже рейтинг региона (номер рейтинга больше), тем ниже долгосрочный темп роста региона. Кроме того, важнейшим фактором является снижение спроса в отраслях, представленных в регионе (*OB6*). Этот фактор оказывает негативное влияние на темп роста регионального душевого ВРП за период 2005–2010 гг.

3. Низкий рейтинг региона с точки зрения развития образования соответствует большему темпу роста региона. Этот факт аналогичен факту больших темпов роста развивающихся рынков относительно развитых экономик. Кроме того, можно также сделать вывод о процессе догоняющего развития регионов с меньшим уровнем развития образования в результате повышения мобильности рабочей силы (в секторе трудоустройства выпускников учебных заведений) и, возможно, других тенденций.

4. Важен также установленный факт о положительной корреляции долгосрочного темпа роста в регионе и показателя «Низкая доступность персонала требуемой квалификации на рынке труда». Данный факт вскрывает проблемы диспропорций на рынке труда, несоответствия спроса и предложения рынка труда, а также отсутствия должного планирования потребности в трудовых ресурсах на уровне регионов.

5. Наконец, повышение расходов регионального бюджета на социальные нужды в 2009 г. (*SE9*) снижает темпы роста регионального душевого ВРП в долгосрочном периоде.

Несмотря на хороший уровень эконометрической спецификации модели и возможность экономической интерпретации ее результатов, в работе проведен дополнительный анализ выявленных в ней взаимосвязей.

В частности, установлено, что ключевым показателем группы *K5*, оказывающей влияние на зависимую переменную, является показатель *K52* «Уровень подготовки выпускников учреждений среднего профессионального образования» (табл. 1б).

Кроме того, в целях проверки устойчивости модели, а также дальнейшего ее уточнения по-

строены сокращенные варианты модели оценки различий среднегодового темпа роста российских регионов за 2005–2010 гг. (табл. 1в, 1г).

Таблица 1б

Уточнение модели оценки различий среднегодового темпа роста российских регионов за 2005–2010 гг.

Зависимая переменная: VRPGR				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
C	0,069263	0,015934	4,346950	0,0002
K1	-0,001548	0,000321	-4,822582	0,0001
OB2	0,000407	0,000140	2,900874	0,0078
OB6	-0,000874	0,000294	-2,976711	0,0066
SE9	-0,002157	0,000827	-2,608633	0,0154
K52	0,001528	0,000318	4,798317	0,0001
R ²	0,677029			

Таблица 1в

Сокращенная модель оценки различий среднегодового темпа роста российских регионов за 2005–2010 гг.

Зависимая переменная: VRPGR				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
C	0,093609	0,021275	4,399906	0,0001
SE10	-0,002737	0,001113	-2,459021	0,0204
R ²	0,177602			

Таблица 1г

Сокращенная модель оценки различий среднегодового темпа роста российских регионов за период 2005–2010 гг.

Зависимая переменная: VRPGR				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
C	0,038216	0,006312	6,054837	0,0000
K41	-0,001372	0,000444	-3,088538	0,0046
K52	0,001607	0,000444	3,618873	0,0012
R ²	0,340196			

Основываясь на данных табл. 1в, 1г, можно сделать следующие выводы:

1. Модель устойчива относительно вариации объясняющих переменных.

2. Ключевым показателем группы K4, оказывающей влияние на зависимую переменную, является показатель K41 «Доступность инженеров и технических специалистов» (табл. 1в).

3. Указанные в модели регрессоры объясняют значительную долю различий в темпах роста российских регионов (34 %).

В представленных выше моделях не рассмотрено влияние группы показателей, характеризующих эффективность региональной администрации (E-группа). В табл. 1д представлена модель, учитывающая влияние этой группы регрессоров.

Таблица 1д

Модель оценки различий среднегодового темпа роста российских регионов за 2005–2010 гг. учетом показателей ключевых направлений эффективности региональной администрации

Зависимая переменная: VRPGR				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
C	-0,016767	0,014602	-1,148278	0,2613
E1	0,002176	0,000636	3,419689	0,0021
E16	0,003220	0,000935	3,442541	0,0020
K5	0,002001	0,000452	4,430798	0,0002
R ²	0,466847			

Построенная выше модель позволяет обосновать влияние на экономический рост регионов в России таких дополнительных факторов, как:

- 1) политика региональной администрации в сфере развития транспортной инфраструктуры;
- 2) эффективность антикоррупционной политики региональных властей.

Указанные факторы вместе с фактором развития системы образования в регионе объясняют 47 % региональных отличий в темпах экономического роста.

Изучение различий среднегодового темпа роста российских регионов в послекризисном 2010 г. также позволяет выявить и распознать наиболее значимые факторы, определяющие их (табл. 2).

Таблица 2

Модель оценки различий среднегодового темпа роста российских регионов в 2010 г.

Зависимая переменная: VCG10 – годовая темп роста подушевого ВРП в 2010 г.				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
C	1,215121	0,030102	40,36696	0,0000
K8	-0,002801	0,001092	-2,565083	0,0167
OB9	-0,003064	0,001348	-2,273346	0,0319
VC8	-2,330470	0,611079	-3,813698	0,0008
VC7	2,876028	0,728082	3,950141	0,0006
R ²	0,543419			

* *Примечание:* VC7, VC8 – подушевой ВРП в 2007 и 2008 гг. соответственно, млн руб.

В частности, в 2010 г. темпы роста ВРП российских регионов определялись количеством и качеством местных поставщиков, доступностью и качеством бизнес-услуг (*K8*), а также доступностью производственных, складских, торговых, офисных помещений (*OB9*). Влияние указанных факторов вполне объяснимо для посткризисного периода, в котором регионам приходилось во многом ориентироваться на собственный накопленный потенциал.

Кроме того, по результатам построения модели можно сделать вывод о том, что темпы роста региона определялись степенью спада в период кризиса. Другими словами, большее снижение ВРП в кризисном 2008 г. определило больший темп роста в 2010 г. Таким образом, можно отметить восстановительный характер динамики ВРП российских регионов в 2010 г.

Далее представлен ряд моделей оценки различий регионов по уровню (подушевой объем иностранных инвестиций в 2010 г.) и темпам роста иностранных инвестиций в 2011 г. (показатели обозначены *PII* и *IGR11* соответственно).

Таблица 3а

Модель оценки различий в подушевом уровне иностранных инвестиций в регионах России в 2010 г.

Зависимая переменная: <i>PII</i>				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	Вероятность
<i>C</i>	-29,80454	35,31723	-0,843909	0,4059
<i>PRGEN</i>	128,9591	37,26114	3,460955	0,0017
<i>R</i> ²	0,299618			

* *Примечание:* *PRGEN* – коэффициент, характеризующий превышение значения подушевого ВРП отдельного региона относительно среднего значения подушевого ВРП по России.

По данным Таблицы 3а видно, что уровень иностранных инвестиций напрямую зависит от уровня благосостояния региона, выраженного в уровне подушевого ВРП. Данный вывод подтверждается результатами предыдущих исследований [2]. Кроме того, уровень производительности региональных кластерных образований оказывает положительное влияние на уровень иностранных инвестиций в регионе. Данный показатель объясняет 33 % различий российских регионов по данному показателю (табл. 3б).

Таблица 3б

Модель оценки различий в подушевом уровне иностранных инвестиций в регионах России в 2010 г. на основе учета уровня производительности в региональных кластерах

Зависимая переменная: <i>PII</i>				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	Вероятность
<i>C</i>	79,77694	15,47426	5,155461	0,0000
<i>CL2</i>	0,073629	0,019733	3,731256	0,0009
<i>R</i> ²	0,332097			

* *Примечание:* *CL2* – показатель, характеризующий отклонение уровня производительности в регионе (по подушевому ВРП) относительно общероссийского уровня, обусловленного различиями в уровне производительности кластеров в регионе и аналогичных кластеров в среднем по России (в процентах).

В работе выявлены также факторы регионального бизнес-климата, влияющие на его инвестиционную привлекательность, к которым относятся например, доступность новых электрических мощностей и качество электроснабжения (*K2*). Однако регрессионная связь данного регрессора у зависимой переменной не является устойчивой.

Рассмотрим факторы, определяющие динамику иностранных инвестиций регионов России в 2011 г. Используя все указанные выше показатели, мы построили модель оценки различий российских регионов по темпам роста иностранных инвестиций в 2011 г. (табл. 4а).

Таблица 4а

Модель оценки различий российских регионов по темпам роста иностранных инвестиций в 2011 г.

Зависимая переменная: <i>IGR11</i> – темп роста иностранных инвестиций российских регионов в 2011 г.				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	Вероятность
<i>C</i>	4,125046	3,683167	1,119972	0,2738
<i>E1</i>	1,220520	0,379590	3,215362	0,0037
<i>E3</i>	11,71625	2,774083	4,223467	0,0003
<i>E12</i>	-5,465609	1,307568	-4,179981	0,0003
<i>K5</i>	1,116827	0,297756	3,750814	0,0010
<i>K9</i>	-1,005534	0,250260	-4,017951	0,0005
<i>R</i> ²	0,641054			

По табл. 4а сделаны следующие выводы:

1. Особо влиятельным направлением политики региональных властей является развитие транспортной инфраструктуры и энергетического комплекса (показатели *E1* и *E3*).

2. Низкий рейтинг региона в сфере развития инноваций отрицательно влияет на темп роста иностранных инвестиций в 2011 г. (показатель $K9$). В частности, речь идет о показателях эффективности производственных технологий, объеме затрат на НИОКР, качестве НИИ в регионе и сотрудничестве НИИ и вузов региона в сфере НИОКР.

3. Эффективная политика региональных властей в отношении среднего и крупного бизнеса уже не является драйвером роста иностранных инвестиций. Более того, регионы, в которых политика региональной администрации считается среди руководителей компаний неэффективной, имеют больший рост иностранных инвестиций в рамках догоняющего развития за счет других факторов (показатель $E12$).

4. Как в случае с оценкой факторов роста ВРП за 2005–2010 гг. низкий рейтинг региона с точки зрения развития образования соответствует большему темпу роста иностранных инвестиций в регион. Обоснование этого факта аналогично обоснованию, представленному для модели в табл. 1а (показатель $K5$).

В целях проверки устойчивости модели и придания ей большей объясняющей мощности число регрессоров модели увеличено за счет показателей подушевого ВРП в 2009 и 2010 гг. ($VC9$ и $VC10$ соответственно, см. табл. 4б).

Таблица 4б

Расширенная модель оценки различий российских регионов по темпам роста иностранных инвестиций в 2011 г.

Зависимая переменная: IGR11 – темп роста иностранных инвестиций российских регионов в 2011 году				
Регрессор	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	Вероятность
C	7,525209	4,690313	1,604415	0,1229
$E1$	0,967762	0,372348	2,599081	0,0164
$E3$	10,32721	2,592081	3,984137	0,0006
$E12$	-5,005085	1,207945	-4,143472	0,0004
$K5$	1,139749	0,276361	4,124138	0,0004
$K9$	-1,091227	0,233349	-4,676365	0,0001
$VC10$	0,000269	0,000108	2,486104	0,0210
$VC9$	-0,000330	0,000129	-2,561585	0,0178
R^2	0,725435			

* *Примечание:* $VC9$, $VC10$ – подушевой ВРП в 2009 и 2010 гг. соответственно, руб.

По табл. 4б видно, что положительный прирост подушевого ВРП в 2010 г. относительно значений 2009 г. увеличивал темп роста иностранных инвестиций в 2011 г. Включение указанных по-

казателей позволило объяснить дополнительно 8 % колебаний зависимой переменной.

Выводы и обобщения

В процессе эконометрического моделирования выявлен ряд факторов регионального бизнес-климата, препятствий для развития компаний и направлений политики региональных властей, оказывающих статистически значимое влияние на долгосрочные и краткосрочные темпы роста регионов России и их инвестиционную привлекательность. Выводы авторов Доклада о конкурентоспособности России, подготовленного Евразийским институтом конкурентоспособности в 2012 г., были в целом подтверждены результатами настоящей работы. Более того, степень влияния ряда показателей была оценена количественно на основе эмпирических данных по 30-ти российским регионам.

В частности, на темпы роста регионов оказали значимое положительное влияние: развитость транспортно-логической инфраструктуры; отсутствие или меньшая выраженность спада спроса в отраслях, представленных в регионе; эффективность антикоррупционной политики региональных властей; доступность инженеров и технических специалистов; низкая доля расходов на социальную политику в общем объеме расходов консолидированных бюджетов российских регионов; количество и качество местных поставщиков, доступность и качество бизнес-услуг; а также доступность производственных, складских, торговых, офисных помещений.

Инвестиционная привлекательность российских регионов, оцениваемая с помощью показателя прямых иностранных инвестиций в регион и его темпов роста, была чувствительна к следующим факторам: уровень и динамика подушевого ВРП, уровень производительности в региональных кластерах, уровень развития транспортной инфраструктуры и энергетического комплекса, инновационная активность регионов.

Выявленные факторы тесно коррелируют с наиболее проблемными факторами ведения бизнеса в России, представленными в Докладе Всемирного экономического форума (ВЭФ) за 2012–2013 гг. (рис. 1).

Кроме того, выявленные в настоящей работе факторы дополняют факторы из доклада ВЭФ, придают группировке указанных факторов большую системность и объективность.

Согласно опросу, кроме традиционных проблем российской экономической системы, таких как коррупция, бюрократия, неоптимальные уровни и структура налоговых ставок, затрудненный доступ к финансированию, в 2012 г. отчетливо формируются новые проблемы в поддержании международной конкурентоспособности России:

низкий уровень квалификации рабочей силы и низкий инновационный потенциал. Указанный вывод можно сделать на основе сравнения диаграмм, представленных на рис. 1 и 2. Эти проблемы также были выявлены в рамках эконометрического моделирования в настоящей работе в качестве препятствий экономического роста в регионах России.

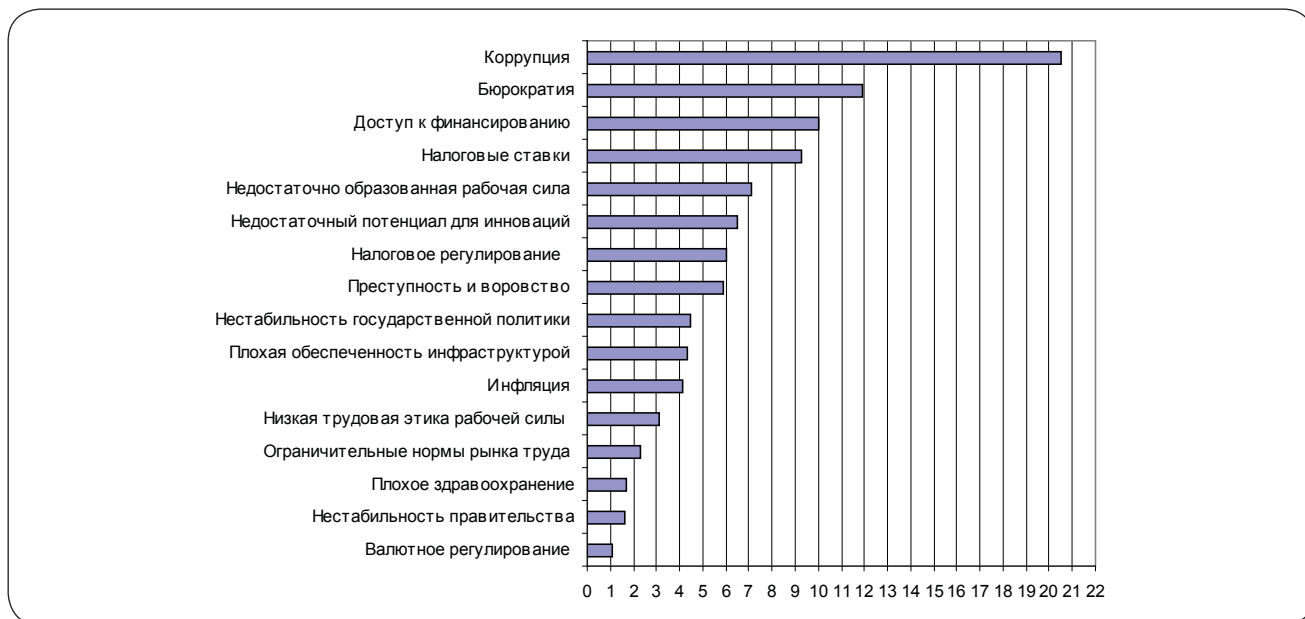

Рис. 1. Наиболее проблемные факторы ведения бизнеса в России*

* *Источник:* World Economic Report 2012–2013 (результаты представлены в процентах упоминания опрошенными представителями) [6].

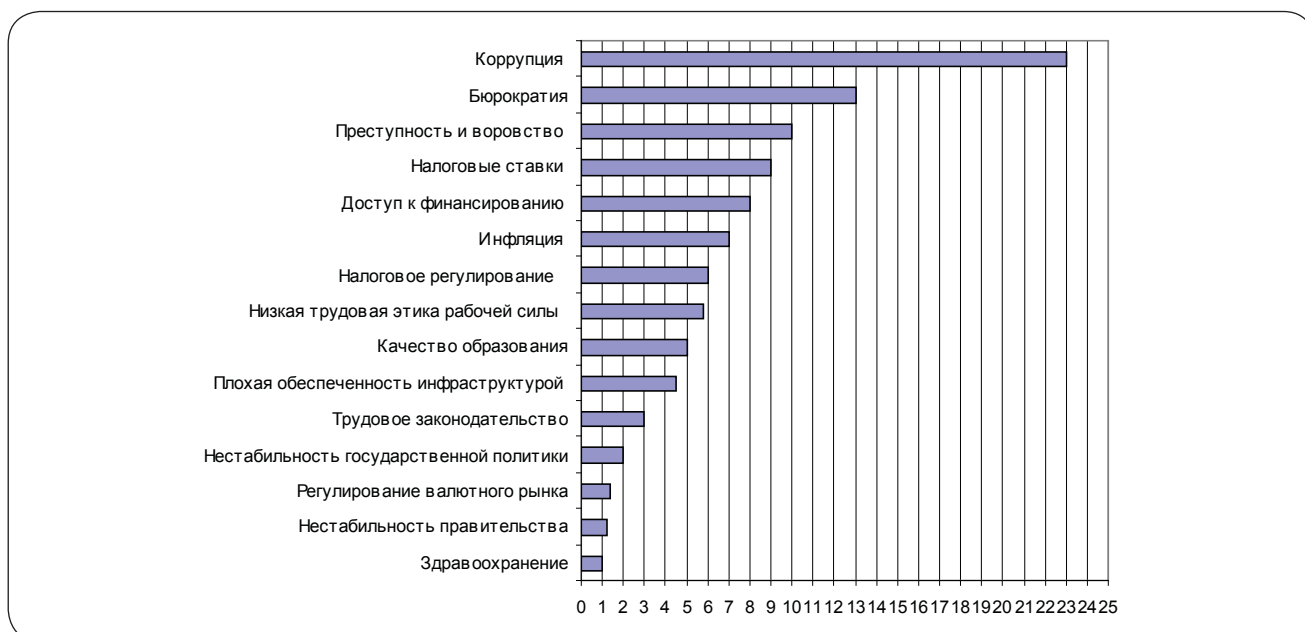

Рис. 2. Наиболее проблемные факторы ведения бизнеса в России в 2010–2011 гг.*

* *Источник:* World Economic Report 2010–2011 [6].

* Сумма ответов превышает 100%: респондент мог отметить до трех позиций.

Рис. 3. Наиболее серьезные препятствия для развития компаний

Источник: Предпринимательский климат в России: Индекс опоры-2012 [4].

В опросе, проведенном специалистами «Опоры России» в 2012 г. (рис. 3), «низкая доступность персонала» названа главным препятствием для развития средних и малых компаний в России – его отметили 47 % опрошенных.

В целом опрос «Опоры России», в сравнении с опросами ВЭФ в их динамике, позволяет выявить тенденцию повышения значимости рыночных факторов, препятствующих развитию малого и среднего бизнеса в России.

Дальнейшие исследования планируется реализовать в направлении расширения спектра исследуемых факторов и уточнения характеризующих их показателей.

Список литературы

1. Исследование инвестиционного климата регионов России: проблемы и результаты. 2012. URL: <http://www.raexpert.ru/researches/regions/investclimate>

2. Крамин М. В., Крамин Т. В., Тимирясова А. В. Неравенство в доходах как фактор экономического роста и инвестиционной привлекательности российских регионов. Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. 2013. № 2.

3. Крамин Т. В., Тимирясова А. В., Крамин М. В. К вопросу о международной конкурентоспособности регионов России // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2013. № 2. С. 348–354.

4. Предпринимательский климат в России: Индекс опоры – 2012. URL: <http://www.slideshare.net/valeryaalekseev/index-2012>

5. Сафиуллин Л. Н., Сафиуллин Н. З., Сафиуллин М. Р. Анализ конкурентоспособности России в 2010–2011 гг. (по материалам ВЭФ) // Экономический вестник Республики Татарстан. 2010. № 4.

6. URL: www.weforum.org/gcr

В редакцию материал поступил 13.01.14

© Тимирясова А. В., Крамин Т. В., 2014

Информация об авторах

Тимирясова Асия Витальевна, кандидат экономических наук, доцент, ректор, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: timirasova@ieml.ru

Крамин Тимур Владимирович, доктор экономических наук, профессор, директор НИИ, заведующий кафедрой финансового менеджмента, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: kramint@mail.ru

Как цитировать статью: Тимирясова А. В., Крамин Т. В. Количественная оценка влияния факторов международной конкурентоспособности регионов России // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 156–165.

A. V. TIMIRYASOVA,

PhD (Economics), Associate Professor,

T. V. KRAMIN,

Doctor of Economics, Professor,

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

QUALITATIVE EVALUATION OF THE IMPACT OF INTERNATIONAL COMPETITIVENESS FACTORS OF THE RUSSIAN REGIONS¹

Objective: to identify, classify and quantify the influence of key factors of international competitiveness on the Russian regions and to determine the main directions of its improvement.

Methods: institutional and systemic approaches, factorial and comparative analysis, econometric modeling tools.

Results and scientific novelty: basing on empirical data of the 30 most economically developed Russian regions, the econometric models are elaborated for quantitative evaluation of the factors of their international competitiveness. The basic directions of increasing the international competitiveness of Russian regions are revealed.

Practical value: the basic directions of increasing the international competitiveness of the Russian regions are presented and substantiated: infrastructure development, business climate, regional institutional environment, and improving the quality of state management at regional level. They allow to elaborate a complex of practical measures for solving the above problem.

Key words: international competitiveness of a region; investment attractiveness of a region; institutional environment.

References

1. <http://www.raexpert.ru/researches/regions/investclimate>
2. Kramin, M. V., Kramin, T. V., Timiryasova, A. V. Inequality of incomes as a factor of economic growth and investment attractiveness of the Russian regions. *Vestnik Astrakhanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Ekonomika*, 2013, no. 2 (in Russ.).
3. Kramin, T. V., Timiryasova, A. V., Kramin, M. V. On the issue of international competitiveness of the Russian regions. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie*, 2013, no. 2, pp. 348–354 (in Russ.).
4. <http://www.slideshare.net/valeryaalekseev/index-2012>
5. Safullin, L. N., Safullin, N. Z., Safullin, M. R. Analysis of Russia's competitiveness in 2010–2011 (by IEF). *Ekonomicheskii vestnik Respubliki Tatarstan*, 2010, no. 4 (in Russ.).
6. www.weforum.org/gcr

Received 13.01.14

Information about the authors

Timiryasova Asiya Vitalyevna, PhD (Economics), Associate Professor, Rector, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: timirasova@ieml.ru

Kramin Marat Vladimirovich, PhD (Physics and Mathematics), Master of Finance, Associate Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: kramint@mail.ru

How to cite the article: Timiryasova A. V., Kramin M. V. Qualitative evaluation of the impact of international competitiveness factors of the Russian regions. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 156–165.

© Timiryasova A. V., Kramin M. V., 2014

¹ The work is carried out with the financial support of the Russian State Scientific Fund for Humanities, research project # 13-02-00446a.

УДК 330.1

А. А. ФАТХУЛЛИНА,
старший преподаватель

*Нижекамский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань),
г. Нижнекамск, Россия*

ДЕЛОВАЯ АКТИВНОСТЬ КАК МНОГОУРОВНЕВАЯ КАТЕГОРИЯ

Цель: анализ подходов к оценке деловой активности как многоуровневой категории.

Методы: абстрактно-логический.

Результаты: предложено рассматривать деловую активность индивидуумов и объединений (вплоть до межстрановых) как многоуровневую категорию, оценивающую поведение и способность достигать социально-экономические и производственные цели. Показана иерархическая структура деловой активности. Проведен обзор работ, рассматривающих оценки возможностей предприятий.

Научная новизна: расширено теоретическое осмысление категории деловая активность.

Практическая значимость: в возможности оценивать деловую активность на различных уровнях.

Ключевые слова: деловая активность; индекс деловой активности; индекс предпринимательской уверенности; критерии деловой активности.

Введение

Термин «деловая активность» прочно вошел в теорию и практику оценки экономических явлений. Роль этой категории значительно усилилась с развитием предпринимательства и появлением понятий «деловой риск» и «деловой крах», избежание которых требует от предпринимателей активности. В бизнес-словаре дана такая формулировка: «Деловая активность – экономическая деятельность, конкретизированная в виде производства того или иного товара или оказания конкретной формы услуг» [1].

Энциклопедический словарь экономики и права деловую активность определяет как «свойство человека и реальное проявление этого свойства, заключающееся в мобильности, предприимчивости, инициативе. Подобные качества особенно важны для бизнесменов, деловых людей» [2].

Из двух приведенных источников мы видим, что деловая активность распространяется на несколько уровней. В первом случае это «экономическая деятельность», во втором – «свойство человека и реальное проявление этого свойства». Сказанное послужило основанием для исследования вопроса, на какие уровни иерархии распространяется категория «деловая активность»?

Результаты исследования

В научной литературе иерархии деловой активности касаются многие авторы. Так, например,

О. В. Мясникова деловую активность рассматривает с трех позиций: индивидуума; предприятия (микроуровень); страны (макроуровень) [3, с. 13]. Соглашаясь с мнением вышеназванного автора относительно трех субъектов, отметим, что в ее позиции не отражена региональная компонента и не учитывается то, что экономика страны в целом дезагрегирована по регионам, территориальным и муниципальным образованиям, федеральным округам. Кроме того, сами страны вступают в те или иные экономические союзы, подобные Таможенному Союзу, АТЭС, ЕС и т. д. Интеграция субъектов в какие либо союзы вызвана стремлением повысить свой экономический потенциал и стимулировать деловую активность.

Деловая активность на уровне индивидуума проявляется в стремлении человека достичь высоких или посредственных целей. Для этого человек получает образование, занимает активную жизненную позицию, организует собственное дело и т. д. Основа деловой активности человека закладывается еще в семье, в школе и даже в детском саду. Она обусловлена определенной ментальностью общества в целом и непосредственным микроокружением, т. е. поведением тех, с кем молодые люди и девушки непосредственно общаются. Культура деловой активности доводится до человека через средства массовой информации. Деловая активность индивидуума проявляется в способности найти высокооплачиваемую работу,

дающую возможность карьерного роста, самореализации и способности приносить пользу предприятию по месту работы. Статистическим анализом деловая активность человека не охватывается. Однако успех любого предприятия, так же как и региона или страны в целом, полностью обусловлен деловой активностью людей.

На уровне предприятия деловая активность – это основной параметр для оценки возможностей предприятия и одно из популярных понятий в деловом сообществе. Характеристики деловой активности предприятий являются предметом дискуссии в научных и практических кругах. В своей работе В. В. Бочарев деловую активность предприятия измеряет с помощью количественных и качественных критериев. Качественные критерии: широта рынков сбыта, деловая репутация предприятия, его конкурентоспособность, наличие постоянных поставщиков и покупателей готовой продукции и др. Количественные критерии характеризуют абсолютными и относительными показателями. Среди абсолютных показателей необходимо выделить объем продаж готовой продукции, товаров, работ и услуг, прибыль, величину авансированного капитала. Относительные показатели характеризуют эффективность использования ресурсов предприятия [4, с. 172].

В. В. Ковалев также предполагает качественную и количественную оценку деловой активности предприятия. Но на качественном уровне сравниваются деятельность предприятий и одинаковые по области деятельности капиталы предприятия. Количественная оценка сделана по двум направлениям: степень выполнения плана; уровень эффективности использования ресурсов коммерческой организации [5, с. 244].

Г. В. Савицкая деловую активность предприятия оценивает на основании изучения динамики (за 3–5 лет) уровня следующих показателей: рентабельность совокупных активов; рентабельность собственного капитала; эффективность использования заемных средств; коэффициент оборачиваемости авансированного капитала; коэффициент оборачиваемости оборотного капитала [6, с. 213]. В работе Г. В. Савицкой превалирует финансовый подход. Совершенно упускаются важные, с нашей точки зрения, показатели деятельности, такие как динамика роста

объема производства, конкурентоспособность продукции, рыночная доля продукции предприятия на том или ином сегменте рынка и динамика этой доли, инновационная активность и подобные им показатели.

На уровне страны (макроуровне) изучение деловой активности предполагает комплексное использование разнообразных источников информации. Наряду с данными текущей статистической отчетности, раскрывающими объем, структуру и динамику отдельных видов экономической деятельности, данными выборочных обследований малых предприятий, уточняющих производственную характеристику предприятий, получили распространение опросы экспертов. На практике эти индексы являются опережающими показателями, довольно эффективно предсказывая динамику экономического роста на 2–4 месяца вперед.

В зарубежной практике используется широкий спектр индексов деловой активности, которые при некоторой адаптации можно использовать в России. Хорошим подтверждением этому может стать динамика индекса ожиданий менеджеров по закупкам (PMI), рассчитываемого американской ассоциацией ISM (Institute for Supply Management, ранее – NAPM) [7, с. 303]. Этот индекс является одним из основных показательных экономических индикаторов месяца, зарекомендовавшим себя в качестве отличного средства прогнозирования поворотных моментов экономических циклов, а также ставшим предупредительным сигналом о нарастании инфляционного давления. Индекс ожиданий менеджеров по закупкам пользуется таким высоким уважением в среде инвесторов, экономистов и политиков, что в течение нескольких лет собственные PMI появились более чем в десятках стран мира, причем все они в основе своей повторяют модель американского индекса [8, с. 150]. Именно поэтому операторы финансового рынка во всем мире с нетерпением ожидают выхода таких индикаторов (как правило, публикация приходится на самое начало месяца). Фактически у них появляется возможность «обогнать» экономику, предвосхитить динамику экономического роста, воспользовавшись такими индикаторами, как PMI [7, с. 303].

Основные индексы деловой активности на макроуровне в России приведены в табл. 1.

Таблица 1

Основные индексы деловой активности, рассчитываемые на макроуровне в России*

Источник	Методика расчета
Индекс предпринимательской уверенности (Росстат, Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ)	Рассчитывается индекс на основе опроса руководителей о прогнозе выпускаемой продукции, остатках и спросе на нее охарактеризовать экономическую деятельность организаций с определенными видами деятельности. Представляет собой среднее арифметическое «балансов» ответов на вопросы об ожидаемом выпуске продукции, фактическом спросе и текущих остатках готовой продукции (последний с противоположным знаком) [9, с. 59]
Индекс деловой активности АМ-Ъ (Ассоциация менеджеров России)	Расчет на основании 26 макроэкономических показателей Росстата и 17 оценочных показателей, полученных опросом ведущих предприятий России. Интегральный индекс деловой активности – это сумма шести основных составляющих: пяти взвешенных индексов по различным отраслевым группам экономики и индекса, базирующегося на опросе «экспертной корзины» российских компаний [10]
Конъюнктурный индекс «Финанс»	Рассчитывается исходя из относительных изменений следующих показателей: грузооборот транспорта, инвестиции в основной капитал, численность безработных, доля предприятий в «хорошем» и «нормальном» финансовом состоянии, индекс портфеля заказов, оборот розничной торговли, реальные располагаемые денежные доходы населения, кредитные вложения в экономику, вклады населения в банки, цены на нефть Urals [3]
Индекс предпринимательских ожиданий (Российский экономический барометр)	Рассчитывается на основе показателей: соотношение доли предпринимателей, ожидающих, что цены на продукцию повысятся, и доли предпринимателей, ожидающих, что цены на ресурсы повысятся и так далее. Показатели определяются с помощью опроса промышленных предприятий
Индекс деловой среды (Общероссийская общественная организация «Деловая Россия»)	Определяется через 6 частных индексов: институциональные условия; развитие бизнеса; развитие социальной ответственности; сплоченность бизнес-сообщества; доверие к власти; социальное самочувствие
Индекс деловой активности The Moscow Narodny PMI (исследовательская группа NTC Research совместно с банком ВТБ Европа)	Опрос более 300 крупнейших промышленных предприятий России. Индикатор строится на основе отдельных диффузионных индексов: производство; заказы; экспортные заказы; объем закупок комплектующих; взвешенный по объему ценовой индекс комплектующих; взвешенный по объему индекс сроков поставок комплектующих; запасы комплектующих; запасы готовой продукции; занятость [11]

* Источник: составлено автором.

Индекс предпринимательской уверенности рассчитывается Росстатом (рис. 1). Этот индекс определяет, в каком положении находятся предприниматели, и прогнозирует развитие экономики страны.

Как отмечалось выше, экономика страны дезагрегируется на экономики отдельных регионов или отраслей. Предпринимательская уверен-

ность, деловая активность совокупности регионов, отраслей, муниципальных образований, определяют деловую активность страны. Из графика видно, что индекс предпринимательской активности несет синусоидальную форму и в настоящее время имеет положительное значение в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды (рис. 1).

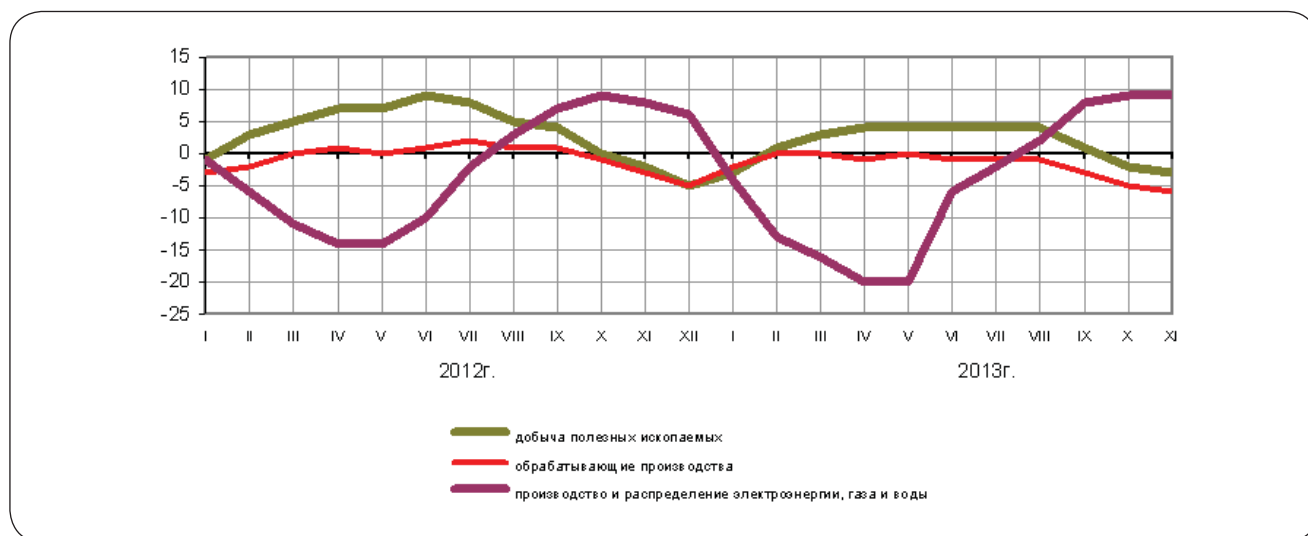

Рис. 1. Индекс предпринимательской уверенности (Источник: Росстат, дата обращения: 15.12.2013)

Экономики регионов существенно отличаются друг от друга. Деловая активность каждого в отдельности региона несет в себе специфические черты и складывается под воздействием природно-географических, исторических, культурных особенностей и традиций. В отдельных региональных образованиях следует учитывать национальные традиции и ментальность. По этой причине при разработке региональных индексов учитывается специфика регионов.

По мнению Н. М. Ветрова, Г. А. Штофер [12, с. 12–16], критерии экономического функционирования региональной системы характеризуют сущность экономических процессов: уровень вовлеченных ресурсов, максимизация результатов, сбалансированность «потребности – предложение», уровень решения социально-экономических проблем, уровень управления и др. При этом в процессе эффективного функционирования в региональной системе могут отличаться «...действия, способствующие экономическому росту на основе согласованного развития ее составляющих», что совпадает с сущностью понятия «деловая активность». Мы разделяем высказанную точку зрения, что деловую активность региона следует рассматривать как мотивированный процесс функционирования региональной системы, направленный на обеспечение эффективного использования ресурсов данной территории, в целях достижения рыночной конкурентоспособности региональных субъектов хозяйствования и повышения благосостояния населения региона.

Следует отметить широкий разброс методов расчета индексов деловой активности по регионам (табл. 2).

Из перечисленных индексов деловой активности на уровне регионов России наиболее часто используется индекс промышленного производства (ИПП).

Коллектив авторов Л. В. Зильберштейн, А. А. Кельин, М. Пэрри, Е. В. Чеботарева предлагают для отслеживания состояния деловой активности на постоянной основе использовать композитный индекс деловой активности региона [14, с. 122–127]. При построении индекса вышеуказанные авторы применяют тот же метод, с помощью которого строится и анализируется индекс экономической и деловой активности конференцией Board США с 2001 г. В состав индекса входят показатели, которые определяются с помощью факторов, влияющих на формирование развития экономики региона; предлагается использовать данные, предоставленные официальными статистическими органами, и результаты опросов руководителей предприятий.

Аналогичный подход при определении индекса деловой активности используют авторы М. Р. Сафиуллин, Л. А. Ельшин, Ю. Г. Мингазова на примере Республики Татарстан [15, с. 9–12]. Использование такой методики в нескольких регионах подтверждает ее пригодность к использованию. Однако, с нашей точки зрения, она не лишена недостатков. Деловую активность мы понимаем как предпринимательскую активность

Таблица 2

Основные индексы деловой активности, рассчитываемые на уровне регионов*

Источник	Методика расчета
Московский государственный университет	Основана на применении факторного подхода, при котором сводным показателем выступает сумма множества средневзвешенных оценок по анализируемым факторам: природно-ресурсный потенциал; демографическая ситуация; экономический потенциал и т. д. После расчета интегральных индексов получают ранжированный ряд регионов с точки зрения уровня их социально-экономического развития [13, с. 86]
Индекс промышленного производства (Росстат)	Агрегированный индекс производства по видам экономической деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» характеризует изменение масштабов производства в сравниваемых периодах
Коллектив авторов Л. В. Зильберштейн, А. А. Кельин, М. Пэрри, Е. В. Чеботарева	В качестве составляющих определяют пять основных показателей: три взвешенных индекса по различным отраслевым группам экономики (индекс изменения капитала, ресурсный и производственный индексы), фондового индекса, отражающего тенденцию развития рынка ценных бумаг, и диффузного индекса, базирующегося на опросе «экспертной корзины» региональных компаний
А. А. Хаертдинова	На основе систематизации структурообразующих субиндексов: инвестиционные факторы (изменения капитала, состояние фондового рынка), ресурсные и производственные факторы, предпринимательские ожидания, позволившие осуществить краткосрочный прогноз динамики экономического развития

* Источник: составлено автором.

широких слоев населения, их занятость на сверхкрупных региональных предприятиях и на предприятиях малого и среднего бизнеса. Подобного рода диверсификация занятости, когда каждый по отдельности работник имеет право выбора при трудоустройстве, является основой для решения проблем регионов с позиции занятости. Более высокие производственные показатели не являются свидетельством производственной активности регионов, так как сплошь и рядом они достигаются за счет успешной работы крупных предприятий при низкой активности и низкой занятости трудоспособной части населения. С нашей точки зрения, категорию «производство» следует рассматривать в разрезе показателей деятельности крупных, малых и средних предприятий.

Во многих перечисленных выше методиках при определении деловой активности используются, помимо статистических данных, экспертные оценки. Мы подчеркиваем, что экспертные оценки в значительной степени несут в себе субъективизм исследователей и могут искажать факты.

Значительной проблемой при выработке подходов по определению индекса деловой активности является вопрос, следует ли совокупность показателей сводить к одному интегральному, как, например, это делается в методике Московского государственного университета. Применение интегрального показателя, свод частных показателей в интеграле имеют с нашей точки зрения положительный момент, что облегчает ранжирование оцениваемых субъектов в порядке возрастания и убывания сводного индекса. Это позволяет выявить лидеров или аутсайдеров. Однако недостатком интегрального показателя является разная мера веса или значимости частных показателей. Игнорирование значимости частных показателей приводит к искажению сводного результата. Данное суждение дает нам основание предложить расчет сводного показателя деловой активности на основе взвешенных значений частных факторов.

Выводы

Таким образом, деловая активность – это свойство субъекта, характеризующее его поведение и способность достигать определенных социально-экономических и производственно-технических

результатов на конкурентном рынке. Деловая активность имеет сложную, многоуровневую иерархическую структуру (рис. 2).

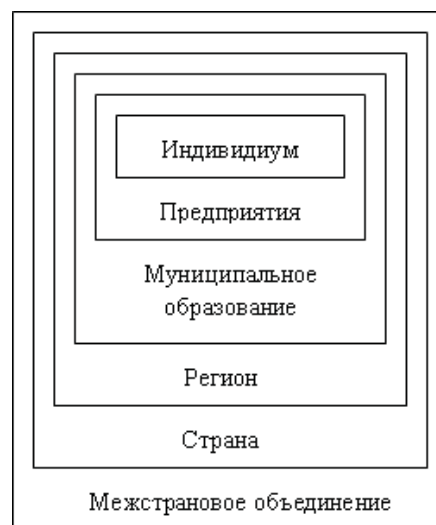

Рис. 2. Иерархическая структура деловой активности*

* Источник: разработка автора.

Разделение деловой активности по уровням иерархии дает основание разрабатывать методическое обеспечение для ее оценки с учетом специфики и задач каждого в отдельности уровня.

Список литературы

1. Афанасьева М. В. Сравнительный анализ основных подходов к понятию деловая активность // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2010. № 2–1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-osnovnyh-podhodov-k-ponyatiyu-delovaya-aktivnost> (дата обращения: 27.10.13)
2. Финансовый менеджмент: учебное пособие / сост. Н. Н. Ботош, С. А. Ботош; Сыкт. лесн. ин-т. Сыктывкар: СЛИ, 2012. 236 с. URL: <http://lib.sfi.komi.com/ft/301-000225.pdf> (дата обращения: 27.10.13)
3. Мясникова О. В. Статистическое изучение деловой активности предприятий (на примере розничной торговли и транспорта): автореф. ... дис. канд. экон. наук. СПб., 2007. С. 23.
4. Бочарев В. В. Комплексный финансовый анализ. СПб.: Питер, 2005. С. 172–176.
5. Ковалев В. В. Введение в финансовый менеджмент. М.: Финансы и статистика, 2006. С. 244.
6. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятий АПК: учеб. пособие. 6-е изд., стер. Минск: Новое знание, 2006. С. 485.
7. Фатхуллина А. А. Индекс деловой активности в России. URL: <http://www.ieml.ru/files/u18/110505.zip> (дата обращения: 10.11.13)

8. Секреты экономических показателей: Скрытые ключи к будущим экономическим тенденциям и инвестиционным возможностям / под науч. ред. А. В. Григораш. Днепропетровск: Баланс Бизнес Бука, 2007. С. 352.

9. Подберезкин А. Национальный человеческий капитал. URL: <http://nazarikov.viperson.ru/data/201106/prilozenie1.pdf> (дата обращения: 15.10.13)

10. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23174 (дата обращения: 21.10.13)

11. URL: http://forexaw.com/NEWS/Macroeconomic_news_and_indicators/Macroeconomics_Russia/Index_of_activity_and_expectations_Russia/Index_of_business_activity_Russia/ (дата обращения: 27.10.13)

12. Ветрова Н. М., Штофер Г. А. Особенности определения уровня деловой активности региона на примере АР Крым // Экономика и управление. 2007. № 3. С. 12–16.

13. Минеева О. К. Анализ предпринимательской активности региона. URL: [http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/KR4\(25\)/12.pdf](http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/KR4(25)/12.pdf) (дата обращения: 27.10.13)

14. Зильберштейн Л. В., Чеботарева Е. В. Разработка регионального индекса деловой и экономической активности (на материалах Самарского региона) // Экономические науки. 2010. № 6(67). С. 122–127.

15. Сафиуллин М. Р., Ельшин Л. А., Мингазова Ю. Г. Анализ динамики изменения деловой активности региона как инструмент макроэкономического моделирования (на примере Республики Татарстан) // Экономический вестник Республики Татарстан. 2010. № 4. С. 9–14.

В редакцию материал поступил 18.12.13

© Фатхуллина А. А., 2014

Информация об авторе

Фатхуллина Алия Анасовна, старший преподаватель кафедры высшей математики, Нижнекамский филиал Института экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 423570, г. Нижнекамск, пр-т Шинников, 44б, тел.: (8555)36-47-12

E-mail: agliullina@nzh.ieml.ru

Как цитировать статью: Фатхуллина А. А. Деловая активность как многоуровневая категория // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 166–172.

A. A. FATKHULLINA,

Senior Lecturer

Nizhnekamsk branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

BUSINESS ACTIVITY AS A MULTI-LEVEL CATEGORY

Objective: the analysis of approaches to the assessment of business activity as a multi-level category.

Methods: abstract logic.

Results: it is proposed to consider the business activity of individuals and associations (up to cross-border one) as a multi-level category, which evaluates behavior and ability to achieve socio-economic and production goals. Works are reviewed, which show the possibilities to estimate the enterprises' abilities.

Scientific novelty: the theoretical conception of "business activity" category is broadened.

Practical value: the possibility to assess business activity at different levels.

Key words: business activity; index of business activity; index of business confidence; criteria of business activity.

References

1. Afanas'eva, M. V. Comparative analysis of the main approaches to the notion "business activity". *Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2010, no. 2–1 (in Russ.), available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-osnovnyh-podhodov-k-ponyatiyu-delovaya-aktivnost> (accessed: 27.10.13)

2. Botosh, N. N., Botosh, S. A. *Finansovyi menedzhment* (Financial management); Sykt. lesn. in-t. Syktyvkar: SLI, 2012. 236 p., available at: <http://lib.sfi.komi.com/ft/301-000225.pdf> (accessed: 27.10.13)

3. Myasnikova, O. V. *Statisticheskoe izuchenie delovoi aktivnosti predpriyatii (na primere roznichnoi trgovli i transporta): dis. kand. ekon. nauk* (Statistical study of business activity of enterprises (on the example of retail trade and transport): abstract of a PhD (Economics) thesis). Saint Petersburg, 2007. P. 23.

4. Bocharov, V. V. *Kompleksnyi finansovyi analiz* (Complex financial analysis). Saint Petersburg: Piter, 2005. Pp. 172–176.

5. Kovalev, V. V. *Vvedenie v finansovyi menedzhment* (Introduction to financial management). Moscow: Finansy i statistika, 2006. P. 244.

6. Savitskaya, G. V. *Analiz khozyaistvennoi deyatel'nosti predpriyatii APK* (Analysis of economic activity of agricultural enterprises). Minsk: Novoe znanie, 2006. P. 485.
7. Fatkhullina, A. A. *Indeks delovoi aktivnosti v Rossii* (Index of business activity in Russia), available at: <http://www.ieml.ru/files/u18/110505.zip> (accessed: 10.11.13)
8. *Sekrety ekonomicheskikh pokazatelei: Skrytye klyuchi k budushchim ekonomicheskim tendentsiyam i investitsionnym vozmozhnostyam, pod nauch. red. A. V. Grigorash* (Secrets of economic indicators: Hidden keys to the future economic trends and investment possibilities / scientific editor A. V. Grigorash). Dnepropetrovsk: Balans Biznes Buka, 2007. P. 352.
9. Podberezkin, A. *Natsional'nyi chelovecheskii capital* (National human capital), available at: <http://nazarikov.viperson.ru/data/201106/prilozenie1.pdf> (accessed: 15.10.13)
10. http://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/23174 (accessed: 21.10.13)
11. http://forexaw.com/NEWS/Macroeconomic_news_and_indicators/Macroeconomics_Russia/Index_of_activity_and_expectations_Russia/Index_of_business_activity_Russia/ (accessed: 27.10.13)
12. Vetrova, N. M., Shtofer, G. A. Features of determining the business activity level of the region on the example of Crimea. *Ekonomika i upravlenie*, 2007, no. 3, pp. 12–16 (in Russ.).
13. Mineeva, O. K. *Analiz predprinimatel'skoi aktivnosti regiona* (Analysis of entrepreneurial activity of a region), available at: [http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/KR4\(25\)/12.pdf](http://www.aspu.ru/images/File/Izdatelstvo/KR4(25)/12.pdf) (accessed: 27.10.13)
14. Zil'bershtein, L. V., Chebotareva, E. V. Elaboration of the regional index of business and economic activity (on Samara region materials). *Ekonomicheskie nauki*, 2010, no. 6(67), pp. 122–127 (in Russ.).
15. Safiullin, M. R., El'shin, L. A., Mingazova, Yu. G. Analysis of the dynamics of the regional business activity as a tool for macroeconomic modeling (on the example of Tatarstan Republic). *Ekonomicheskii vestnik Respubliki Tatarstan*, 2010, no. 4, pp. 9–14 (in Russ.).

Information about the author

Fatkhullina Aliya Anasovna, Senior Lecturer of Higher Mathematics Chair, Nizhnekamsk branch of Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 446 Shinnikov St., 423570, Nizhnekamsk, tel.: (8555)36-47-12

E-mail: agliullina@nzh.ieml.ru

How to cite the article: Fatkhullina A. A. Business activity as a multi-level category. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 166–172.

ПОЗНАНИЕ

Абдульманов, И.М. Казначейская система исполнения бюджета: учебное пособие / И.М. Абдульманов, Т.Н. Зайцева. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 324 с.

Учебное пособие посвящено теоретическим и практическим основам становления, функционирования и развития казначейской системы исполнения бюджетов.

В нем изложены предпосылки создания, особенности, а также преимущества и инструменты реализации казначейской системы исполнения бюджетов, которые позволяют totally учитывать и контролировать весь процесс движения бюджетных средств от их поступления в бюджет до конечного использования их бюджетополучателями.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальности 080105 «Финансы и кредит» и по направлению подготовки 080100 «Экономика», другим экономическим специальностям и направлениям, а также для всех интересующихся данной проблематикой.

БУХГАЛТЕРСКИЙ УЧЕТ, СТАТИСТИКА

УДК 657.212.2

Е. Е. МИХАЙЛОВ,

аспирант

Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

ПРОБЛЕМЫ УЧЕТНО-АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕБИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Цель: разработка единого регламента по бухгалтерскому учету дебиторской задолженности и внедрение новых принципов и классификации бухгалтерского учета дебиторской задолженности.

Методы: анализа и синтеза, дедуктивный и абстрактно-логический.

Результаты: на основе анализа действующих российских стандартов бухгалтерского учета и иных нормативно-правовых актов, связанных с учетом дебиторской задолженности, разработан единый регламент по бухгалтерскому учету дебиторской задолженности. Предложена новая характеристика учета дебиторской задолженности, основанная на экономическом содержании объекта исследования. Разработан единый подход по учету дебиторской задолженности с отсрочкой платежа.

Научная новизна: дана классификация дебиторской задолженности по признаку доходности с учетом подразделения на финансовую и нефинансовую дебиторскую задолженность; сформулировано определение «дебиторская задолженность» и уточнено его содержание; разработана методика учета дебиторской задолженности с отсрочкой платежа на основе приема дисконтирования приведенной стоимости.

Практическая значимость: в возможности использования регламента по бухгалтерскому учету дебиторской задолженности, разработанного автором, в качестве основы при формировании проекта «Положения по бухгалтерскому учету дебиторской задолженности». Структурирование единых правил формирования в бухгалтерском учете и бухгалтерской отчетности информации о дебиторской задолженности.

Ключевые слова: дебиторская задолженность; регламент; бухгалтерский учет; дисконтирование.

Введение

Существующие нормативно-правовые акты по бухгалтерскому учету в РФ не содержат определения понятия дебиторской задолженности (далее – ДЗ). Более того, в Российских стандартах бухгалтерского учета (далее – РСБУ) нет единого стандарта, регламентирующего ее учет.

В настоящее время вопросы, связанные с учетом ДЗ, разрешаются косвенно на основе имеющихся стандартов по бухгалтерскому учету, суждений экономических субъектов и складывающейся практики.

Единый нормативно правовой акт по учету ДЗ определит единые правила формирования в бухгалтерском учете и бухгалтерской отчетности информации о ДЗ. Данный регламент позволит обобщить накопленный теоретический материал,

выработать единый подход к практическому решению непростой задачи учета ДЗ как одного из наиболее трудно контролируемых активов.

Определение ДЗ частично раскрыто в ПБУ 9/99 «Доходы организации», его можно трактовать следующим образом: Дебиторская задолженность – это иное имущество организации, численное в денежном выражении, как разница между выручкой организации и суммой поступивших в счет оплаты денежных средств¹.

¹ Положения по бухгалтерскому учету 9/99 «Доходы организации», утверждены приказом Минфина России № 32н от 06.05.1999 (ред. от 27.04.2012). Зарегистрировано в Минюсте России № 1791 31.05.1999.

Результаты исследования

Обозначим ряд условий, единовременное выполнение которых позволяет принять актив к бухгалтерскому учету в составе ДЗ.

Во-первых, у организации должны быть в наличии надлежаще оформленные документы, подтверждающие существование у нее права на ДЗ и на получение денежных средств, имущества или иных активов (ст. 307 ГК РФ)².

Во-вторых, при возникновении ДЗ (актива) у организации возникают финансовые риски, связанные с ней (кредитный риск, риск неплатежеспособности должника, риск ликвидности и др.) [1, с. 75].

В-третьих, сумма задолженности может быть определена. Объекты бухгалтерского учета подлежат денежному измерению в валюте РФ³. Например, трудовым законодательством установлено, что работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб⁴. Таким образом, одним из критериев признания ДЗ работника по возмещению материального ущерба является ее оценка в денежном измерении.

В-четвертых, в результате осуществляемой операции не должно произойти уменьшения экономических выгод. Данное условие вытекает из требований п. 16 ПБУ 10/99 «Расходы организации»⁵, учитывая, что уменьшение экономических выгод организации имеется в случае, когда организация передала актив либо отсутствует неопределенность в отношении передачи актива. Например, при выданном авансе существует вероятность возврата неизрасходованных подотчетных сумм работодателю, вероятность отказа от сделки покупателем обусловлена ст. 468 ГК РФ⁶.

Определим активы, подлежащие отражению в бухгалтерском учете в составе ДЗ. К ДЗ организации относятся: задолженность покупателей и заказчиков за проданные товары (выполненные работы, оказанные услуги); поставщиков и подрядчиков по авансам, перечисленным организацией в счет предварительной оплаты; налоговых органов и внебюджетных фондов по излишне уплаченным (взысканным) налогам и сборам, страховым взносам; персонала организации по излишне выплаченным работникам суммам оплаты труда, по подотчетным суммам, по беспроцентным займам, по возмещению материального ущерба; участников (учредителей) по вкладам в уставный капитал; прочих дебиторов (по штрафным санкциям, процентам, начисленным по ценным бумагам, кредитам и займам и пр.)⁷. Также в составе ДЗ учитываются ожидаемые поступления бюджетных средств (включая ресурсы, отличные от денежных средств)⁸.

ДЗ классифицируется как финансовая и учитывается в составе финансовых вложений в случае если имеется уверенность, что результатом оборачиваемости ДЗ будет экономическая выгода в виде прироста ее стоимости в будущем (в виде разницы между стоимостью выбывающего актива и поступающего в счет погашения задолженности)⁹.

К ДЗ не относятся денежные средства организации и их эквиваленты, находящиеся на счетах в банке.

Единицей бухгалтерского учета ДЗ является задолженность экономического субъекта, вытекающая из договора, решения суда, нормативно-правовых актов и иных документов, результатом

² Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 1), Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 (ред. от 23.07.2013).

³ О бухгалтерском учете: Федеральный закон № 402-ФЗ от 06.12.2011 (ред. от 23.07.2013).

⁴ Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 197-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 23.07.2013).

⁵ Положение по бухгалтерскому учету 10/99 «Расходы организации», утверждено приказом Минфина России № 33н от 06.05.1999 (ред. от 27.04.2012), Зарегистрировано в Минюсте России № 1790 31.05.1999.

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (ч. 2), Федеральный закон № 14-ФЗ от 26.01.1996 (ред. от 23.07.2013).

⁷ Положение по бухгалтерскому учету 4/99 «Бухгалтерская отчетность организации», утверждено приказом Минфина РФ № 43н от 06.07.1999 (ред. от 08.11.2010); План счетов бухгалтерского учета финансово-хозяйственной деятельности организаций и Инструкция по его применению, утверждено приказом Минфина РФ № 94н от 31.10.2000 (ред. от 08.11.2010).

⁸ Положение по бухгалтерскому учету 13/2000 «Учет государственной помощи», утверждено приказом Минфина РФ № 92н от 16.10.2000 (ред. от 18.09.2006).

⁹ Положение по бухгалтерскому учету 19/02 «Учет финансовых вложений», утверждено приказом Минфина России № 126н от 10.12.2002 (ред. от 27.04.2012) (зарегистрировано в Минюсте России 27.12.2002 № 4085).

которых является право субъекта на ДЗ и на получение денежных средств или других активов. При этом организация ведет аналитический учет ДЗ таким образом, чтобы обеспечить информацию по единицам бухгалтерского учета ДЗ и дебиторам (юридическим и физическим лицам, имеющим задолженность перед организацией).

Организация вправе отразить в аналитическом учете дополнительную информацию о ДЗ организации, в том числе в разрезе их групп (видов).

Важным элементом формирования регламента по учету ДЗ является разработка порядка формирования первоначальной стоимости, по которой ДЗ принимаются к бухгалтерскому учету.

Первоначальной стоимостью ДЗ покупателей и заказчиков, поставщиков и подрядчиков, заемщиков и векселедателей признается стоимость денежных средств или других активов, право на которые возникает из надлежаще оформленных документов (договоров, товарных накладных, актов-приема передачи, платежных поручений и пр.).

Первоначальной стоимостью ДЗ персонала по полученным займам признается задолженность работника, определенная, исходя из условий договора займа, в размере суммы полученных денежных средств и иных вещей (ст. 807 ГК РФ).

Первоначальной стоимостью ДЗ, приобретенной по договору уступки права требования (договору цессии), признается величина задолженности, определенной на основе первичных документов первоначального кредитора, право на которую переходит по договору цессии в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права.

Первоначальной стоимостью ДЗ персонала по подотчетным суммам признается:

- задолженность работника по ранее полученному авансу (денежные средства выданы через кассу, или перечислены на карточный счет работника в банке, на основе письменного заявления)¹⁰, по которому авансовый отчет не предоставлен или не утвержден руководителем;

- остаток неиспользованного аванса;

- сумма расходов по авансовому отчету, не подтвержденная первичными документами, не принятая к учету, в связи с нецелевым расходованием средств и т. п.

Первоначальной стоимостью ДЗ физических и юридических лиц по излишне (ошибочно) перечисленным суммам признается сумма излишне (ошибочно) перечисленных денежных средств. В данном случае возникает предмет неосновательного обогащения.

Первоначальной стоимостью ДЗ по договорам с долговременной отсрочкой (рассрочкой) платежа признается приведенная стоимость данной задолженности, определенная на основании расчета дисконтирования.

Важным нововведением является порядок учета ДЗ с длительной отсрочкой платежа. Первоначальная стоимость ДЗ, по которой она принята к бухгалтерскому учету, может изменяться в результате дисконтирования.

Дисконтирование ДЗ – приведение первоначальной стоимости ДЗ к ее текущей стоимости, действующей на отчетную дату. При этом «дисконтированная стоимость как вид оценки позволяет определять стоимость активов и обязательств с точки зрения временной стоимости денег» [2].

Для целей последующей оценки ДЗ подразделяется на два вида: финансовая ДЗ, оборачиваемость которой приносит экономические выгоды (доход) в виде прироста ее стоимости в будущем, и не финансовая.

Финансовая ДЗ, по которой срок отсрочки (рассрочки) превышает, например, 3 месяца или меньший срок, установленный учетной политикой организации, подлежит признанию в учете по приведенной стоимости. «В случае краткосрочного периода отсрочки расчетов стоимость денег обычно игнорируется, и ДЗ оценивается в сумме ожидаемого платежа».

Приведенной стоимостью ДЗ признается сумма, которую бы организация получила за реализованные товары (оказанные работы, услуги) без предоставления отсрочки платежа, т. е. на условиях немедленной оплаты, без учета полученных авансов и иных платежей.

Номинальной стоимостью признается фактическая ДЗ, согласованная на условиях отсрочки (рассрочки) платежа.

¹⁰ Методические указания по инвентаризации имущества и финансовых обязательств, утверждено приказом Минфина РФ № 49 от 13.06.1995.

Приведенная стоимость ДЗ рассчитывается на основе информации о сделках купли-продажи аналогичных товаров, работ или услуг, совершенных не ранее чем 3 месяца назад на условиях немедленной оплаты. При отсутствии такой информации величина приведенной стоимости может быть определена на основе аналогичных хозяйственных операций, действующей рыночной стоимости или на основе иной обоснованной информации¹¹.

Приведенная стоимость ДЗ ежемесячно изменяется на сумму процентного дохода, который относят на финансовый результат отчетного периода.

Данная идея прослеживается у Р. Энтони и Дж. Риса в ходе рассмотрения сущности доходов и расходов в разрезе концепций бухгалтерского учета: «При реализации в кредит клиент соглашается оплатить товары и услуги после их фактического получения. ... Если платеж не будет произведен до следующего периода, то в балансе показывается такая статья актива, как счета к получению ... Плата за эту услугу называется процентом, а заработанная сумма доходом по процентам» [3, с. 45].

Необходимо обозначить определенные формулы для расчета процентного дохода. Процентный доход может рассчитываться, например, на основе процентной ставки кредитования (дисконтирования):

$$\%_{\text{ст.}} = \frac{N_{\text{ДЗ}} - D_{\text{ДЗ}}}{N_{\text{ДЗ}}} \times \frac{365}{T}, \quad (1)$$

где $\%_{\text{ст.}}$ – процентная ставка кредитования (дисконтирования); T – количество дней до момента погашения ДЗ, дни; $N_{\text{ДЗ}}$ – номинальная стоимость ДЗ, руб.; $D_{\text{ДЗ}}$ – дисконтированная стоимость ДЗ, руб.

В случае если невозможно надежно определить приведенную стоимость, она рассчитывается из производной формулы расчета процентной ставки кредитования (дисконтирования).

Организация самостоятельно определяет процентную ставку, например, исходя:

- из процентной ставки, под которую организация выдает или получает заемные средства;
- из нормы доходности, рентабельности;
- из ставки рефинансирования;
- из иных рыночных механизмов расчета процентной ставки кредитования.

Приведенная стоимость рассчитывается по формуле:

$$D_{\text{ДЗ}} = N_{\text{ДЗ}} \times \left(1 - \frac{\%_{\text{ст.}} * T}{365} \right). \quad (2)$$

Процентный доход признается прочим доходом, как поступления, связанные с предоставлением за плату во временное пользование (временное владение и пользование) активов организации.

Процентный доход рассчитывается по формуле:

$$D_{\%} = N_{\text{ДЗ}} \times \%_{\text{ст.}} \times \frac{t}{365}, \quad (3)$$

где $D_{\%}$ – процентный доход, руб.; t – период дисконтирования, дни.

Суть дисконтирования ДЗ сводится к тому, что с течением срока отсрочки платежа и по мере начисления процентного дохода, исходя из периода дисконтирования, приведенная стоимость ДЗ стремится к ее номинальной (договорной) стоимости.

Следующим этапом разработки единого регламента по учету ДЗ является разработка порядка прекращения признания ДЗ в качестве актива.

Исходя из требований п. 16 ПБУ 10/99 «Расходы организации», в случае если расход (сделка) производится в соответствии с договором или нормативно правовым актом, обычаями делового оборота, при этом сумма сделки определена и имеется уверенность, что в результате сделки произойдет уменьшение экономических выгод, то признается расход, а не ДЗ¹².

Анализ данного пункта позволяет сделать определенные выводы. Результатом уменьшения экономических выгод является, выбытие актива из баланса, то есть уменьшение валюты баланса на сумму «выбывающей» ДЗ.

¹¹ Толкование Р103 «Оценка дебиторской и кредиторской задолженности при значительных отсрочках платежей»: принято Комитетом по толкованиям 26 ноября 2010 г., утверждено в итоговой редакции 10 января 2011 г.

¹² Положение по ведению бухгалтерского учета и бухгалтерской отчетности в Российской Федерации, утверждено приказом Минфина РФ № 34н от 29.07.1998 (ред. от 24.12.2010): зарегистрировано в Минюсте РФ № 1598 27.08.1998.

В случае если уменьшение экономических выгод не происходит, то возможны следующие варианты развития событий. С одной стороны, дебитор может вернуть полученные ранее денежные средства (активы), например, возратить аванс по несостоявшейся сделке. С другой стороны, от дебитора в качестве исполнения своих обязательств может поступить аналогичный или иной актив, например, поставка сырья на сумму ранее полученного аванса, или оплата стоимости выполненных работ.

Применительно к учету сомнительной задолженности, по которой ранее создавался резерв, или задолженности неплатежеспособных дебиторов, выбытие ДЗ производится за счет суммы ранее созданного резерва, либо, соответственно, за счет расходов текущего периода с отнесением на финансовый результат.

В случае реализации ДЗ на основании договора уступки права требования (ст. 382 ГК РФ) в учете организации возникнет одновременно расход на сумму «выбывающей» ДЗ и новая ДЗ, согласованная сторонами сделки. При этом сумма расхода равна дисконту и определяется как разница между величиной реализуемой ДЗ и величиной приобре-

таемой ДЗ. Возможна ситуация, когда ДЗ реализуется без скидки, в связи с чем расход не возникает.

В случае перевода долга дебитор имеет право с согласия кредитора перевести свою задолженность на другое лицо, т. е. новому дебитору (ст. 391 ГК РФ). В данной ситуации возникает новая ДЗ, первоначальная стоимость которой равна стоимости выбывающей задолженности.

Выбытие ДЗ возможно также в результате взаимозачета. Обязательство прекращается полностью или частично зачетом встречного однородного требования, срок которого наступил либо срок которого не указан или определен моментом востребования (ст. 410 ГК РФ). В результате взаимозачета одновременно происходит выбытие как дебиторской, так и кредиторской задолженности.

Возможна ситуация когда списанная на забалансовый счет сомнительная (нереальная для взыскания) ДЗ погашается должником. Поскольку ранее сумма задолженности была отнесена на прочие расходы (как убыток), то сумма погашенной задолженности включается в состав прочих доходов.

Обобщим сформулированные выше хозяйственные операции по выбытию ДЗ в таблице приведенной ниже.

Влияние на бухгалтерский баланс и экономическое содержание операций, связанных с выбытием ДЗ*

№ п/п	Хозяйственная операция	Влияние на баланс			Экономическое содержание
		Актив	Пассив	Валюта баланса	
1	Погашение ДЗ покупателем	ДЗ ↓, Актив ↑	Нет	Нет	Реструктуризация актива
2	Погашение ДЗ поставщиком	ДЗ ↓, Актив ↑	Нет	Нет	Реструктуризация актива
3	Признание расхода, прекращение признания ДЗ	ДЗ ↓	Капитал ↓	ВБ ↓	Завершение цикла оборачиваемости ДЗ. Прибыль при положительной оборачиваемости ДЗ
4	Списание ДЗ за счет созданного резерва	ДЗ ↓ Резерв ↓	Нет	Нет	Действующая оценка ДЗ приводится к ее нетто оценке
5	Списание ДЗ за счет финансового результата	ДЗ ↓	Капитал ↓	ВБ ↓	Завершение цикла оборачиваемости ДЗ. Результат – убыток
6	Реализация ДЗ	ДЗ ↓, Актив ↑	Капитал ↓ На сумму дисконта	ВБ ↓ На сумму дисконта	Результат – убыток в сумме дисконта
7	Перевод долга	ДЗ ↓, ДЗ ↑	Нет	Нет	Возможно изменение структуры баланса в связи с пересмотром платежеспособности нового дебитора
8	Взаимозачет	ДЗ ↓	КЗ ↓	ВБ ↓	См. п. 3
9	Восстановление ДЗ, списанной на забалансовый счет	ДЗ ↑, ДЗ ↓, Актив ↑	Доход, Расход Капитал ↑	ВБ ↑	Завершение цикла оборачиваемости ДЗ. Сумма поступившего актива равна сумме ранее признанного убытка [15, с. 85]

* Источник: составлено автором.

Рассмотрим порядок признания доходов и расходов от операций с ДЗ.

Расходы от операций с ДЗ признаются расходами по обычным видам деятельности либо прочими расходами.

Расходы, связанные с реализацией ДЗ, такие как обслуживание, истребование долга, организация торгов и т. п., признаются прочими расходами. Процентный доход признается прочим доходом. Доходы, возникающие после оплаты, при восстановлении списанной ранее безнадежной ДЗ признаются прочими доходами.

Следующим элементом формирования регламента является порядок учета обесценения ДЗ. Дебиторская задолженность, которая не погашена или с высокой степенью вероятности не будет погашена в сроки, установленные договором, и не обеспечена соответствующими гарантиями, признается сомнительной. В случае признания ДЗ сомнительной создается резерв по сомнительным долгам с отнесением суммы резерва на финансовые результаты. Сумма созданного резерва по определенному обязательству не может превышать сумму обязательства.

Учитывая, что законодательно критерии признания ДЗ сомнительной и критерии создания резерва по сомнительным долгам не установлены, организации вправе самостоятельно предусмотреть собственные критерии в учетной политике¹³, основанные на степени вероятности погашения задолженности и степени обеспеченности соответствующими гарантиями.

Оценка надежности дебиторской задолженности должна учитывать наиболее существенные факторы, например:

- наличие обеспечения;
- отсутствие претензий со стороны дебитора;
- финансовое состояние дебитора.

Оценка надежности ДЗ производится на основании оправдательных документов и надежной информации, например:

- договоры, на основании которых возникла задолженность;

- платежные документы по данным договорам;
- документы, свидетельствующие о передаче материальных ценностей (товарная накладная, акты приема-передачи и т. п.);

- деловая переписка с контрагентами по вопросу урегулирования взаимных требований;
- судебные решения и т. д.

Учитывая, что резерв по сомнительным долгам признается оценочным обязательством, обусловленным появлением новой информации, он создается (корректируется) в момент возникновения (изменения) риска невозврата ДЗ. Примерами ситуаций, при наличии которых риск невозврата ДЗ увеличивается, являются:

- систематическое нарушение дебитором сроков оплаты;
- появление у дебитора признаков банкротства;
- наличие информации из надежных источников о неплатежеспособности дебитора;
- приостановление расчетных и валютных счетов дебитора и т. д.;

Сумма резерва отражается в учете отдельно по каждому сомнительному долгу в зависимости от финансового состояния (платежеспособности) должника и оценки вероятности погашения долга полностью или частично.

Энтони Р. и Рис Дж. для оценки суммы резерва по сомнительным долгам предлагают использовать суммы расходов в процентном отношении:

- к общему объему реализации;
- к объему реализации в кредит;
- к итоговой сумме счетов к получению, не оплаченных в конце периода.

Если до конца отчетного года, следующего за годом создания резерва сомнительных долгов, этот резерв в какой-либо части не будет использован, то неизрасходованные суммы присоединяются при составлении бухгалтерского баланса на конец отчетного года к финансовым результатам. При этом снова создается резерв по сомнительным долгам для данной задолженности, если она является сомнительной, на основе оценки финансового положения должника и вероятности погашения задолженности.

Аналогичным образом восстанавливается сумма ранее созданного резерва по сомнительным долгам в случае перевода долга должника на нового дебитора.

ДЗ нереальная для взыскания или с истекшим сроком исковой давности подлежит списанию.

¹³ Положение по бухгалтерскому учету 1/2008 «Учетная политика организации», 21/2008 «Изменения оценочных значений», утверждено приказом Минфина России № 106н от 06.10.2008 (ред. от 18.12.2012): зарегистрировано в Минюсте России № 12522 27.10.2008.

Списание производится по каждому обязательству, на основании проведенной инвентаризации, письменного обоснования и приказа руководителя за счет суммы созданного. Если на списываемые суммы ранее в учете не был создан резерв, то нереальная для взыскания задолженность относится на финансовые результаты.

Заключительным этапом формирования регламента по учету ДЗ является разработка порядка раскрытия информации о ДЗ в бухгалтерской отчетности.

В бухгалтерской отчетности ДЗ должна представляться с подразделением в зависимости от срока погашения на краткосрочную, если срок ее погашения не более 12 месяцев и долгосрочную, если более.

В зависимости от эффективности оборачиваемости ДЗ должна быть распределена на финансовую и нефинансовую задолженность, без знания о которой заинтересованными пользователями невозможна оценка финансового положения организации или финансовых результатов ее деятельности.

ДЗ отражается в бухгалтерской отчетности в нетто-оценке (за вычетом регулирующих величин – резерва по сомнительным долгам).

В бухгалтерской отчетности подлежит раскрытию с учетом требования существенности, как минимум, следующая информация:

- данные о ДЗ по видам задолженности (ДЗ подотчетных лиц, покупателей и заказчиков и т. п.)
- суммы списанной на финансовый результат ДЗ;
- данные о резерве по сомнительным долгам с указанием: вида ДЗ (ДЗ подотчетных лиц, покупателей и заказчиков и т. п.), величины резерва,

созданного в отчетном году, величины резерва, признанного прочим доходом отчетного периода; сумм резерва, использованных в отчетном году.

Выводы

В разработанном регламенте обобщены основные требования к учету дебиторской задолженности в соответствии с требованиями РСБУ, гражданского законодательства и иных нормативно-правовых актов.

Нововведением является учет ДЗ, связанной со значительной отсрочкой платежа, по приведенной стоимости. Данная новация позволит выделить из состава доходов от обычной деятельности прочие доходы в виде процентного дохода, связанного с предоставлением активов во временное пользование.

Дополнительным условием раскрытия информации о ДЗ является требование о делении ДЗ на финансовую и нефинансовую задолженность. Данный регламент направлен на совершенствование Российских стандартов бухгалтерского учета.

Список литературы

1. Михайлов Е. Е. Взаимобусловленность рисков снижения дебиторской задолженности от договорной политики // Формирование рынка аудиторских услуг в инновационной экономике: методология, практика, подготовка: мат-лы Всероссийской науч.-практ. конф. Тюмень, 2012. С. 75–82.
2. Петров А. М., Полоус Е. А. Повышение прозрачности показателя дебиторской задолженности в отчетности // Международный бухгалтерский учет. 2011. № 6. С. 2–12.
3. Энтони Р., Рис Дж. Учет: ситуации и примеры: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. М. Петрачкова. 2-е изд., стереотип. М.: Финансы и статистика, 2001. 560 с.

В редакцию материал поступил 17.10.13

© Михайлов Е. Е., 2014

Информация об авторе

Михайлов Евгений Евгеньевич, аспирант кафедры учета, анализа и аудита финансово-экономического института, Тюменский государственный университет
 Адрес: 625048, г. Тюмень, ул. Промышленная, 16
 E-mail: mee22@rambler.ru

Как цитировать статью: Михайлов Е. Е. Проблемы учетно-аналитического обеспечения дебиторской задолженности и возможные пути их решения // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 173–180.

E. E. MIKHAILOV,

Post-graduate student

Tyumen State University, Tyumen, Russia

**PROBLEMS OF ACCOUNTING-ANALYTICAL PROVISION FOR ACCOUNTS RECEIVABLE
AND POSSIBLE WAYS OF SOLVING THEM**

Objective: to elaborate the common regulation on accounting of accounts receivable and introduction of the new principles and classification of accounting of accounts receivable.

Methods: analysis and synthesis, deductive and abstract-logical method.

Results: basing on the analysis of existing Russian standards of accounting and other normative-legal acts referring to accounting of accounts receivable, the common regulation has been elaborated on accounting of accounts receivable. The new characteristics is suggested for accounting of accounts receivable, basing on the economics content of the research object. The common approach is elaborated for accounting of accounts receivable with delay of payment.

Scientific novelty: accounts receivable are classified by profitability with division into financial and on-financial accounts receivable; definition of “accounts receivable” is given, its contents is described; methods of accounting the accounts receivable with delay of payment is elaborated basing on the technique of reduced value discounting.

Practical value: possibility to use the regulation on accounting the accounts receivable, designed by the author, as the basis for forming the project “Provisions for accounting the accounts receivable”. Structuring the common rules for forming the information about accounts receivable in accounting is elaborated.

Key words: accounts receivable; regulations; accounting; discounting.

References

1. 1. Mikhailov, E. E. Vzaimoobuslovennost' riskov snizheniya debitorskoi zadolzhennosti ot dogovornoj politiki (Mutual influence of risks of the accounts receivable reduction and contract policy), Formation of the market for audit services in an innovative economy: methodology, practice, podgotovkaSovremennye problems of criminal law, criminal procedure and criminology: *mat-ly Vserossiiskoi nauch.-prakt. konf.* Tyumen, 2012, pp. 75–82.

2. Petrov, A. M., Polous, E. A. Improving the transparency of the accounts receivable indicator in accounting. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchet*, 2011, no. 6, pp. 2–12 (in Russ.).

3. Entoni, R., Ris, Dzh. *Uchet: situatsii i primery* (Accounting: situations and examples). Moscow: Finansy i statistika, 2001, 560 p.

Received 17.10.13

Information about the author

Mikhailov Evgeniy Evgeniyevich, post-graduate student of the Accounting, Analysis and Audit Chair of Financial-Economic Institute, Tyumen State University

Address: 16 Promyshlennaya St., 625048, Tyumen

E-mail: mee22@rambler.ru

How to cite the article: Mikhailov E. E. Problems of accounting-analytical provision for accounts receivable and possible ways of solving them. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 173–180.

© Mikhailov E. E. , 2014

МАТЕМАТИЧЕСКИЕ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДЫ ЭКОНОМИКИ

УДК 332.85:332.1

А. В. КОСТЫЛЕВ,

аспирант

Новочеркасская государственная мелиоративная академия, г. Новочеркасск, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЫНКИ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ

Цель: построение интегральных экономических индикаторов и классификация регионов по уровню развития жилищного рынка.

Методы: факторного и кластерного анализа.

Результаты: построена классификация регионов по интегральным индикаторам, определяющим конъюнктуру рынков жилья. Отличием использованного математико-статистического инструментария является системность применения методов снижения размерности многомерного признакового пространства и автоматической классификации. Выявлены группы регионов со схожей ситуацией на рынке жилой недвижимости и в строительстве.

Научная новизна: предложена методика построения классификации регионов по интегральным индикаторам развития жилищного рынка.

Практическая значимость: результаты могут быть использованы при разработке региональных программ развития, механизмов повышения доступности жилья в отдельных регионах.

Ключевые слова: регион; рынок жилья; компонентный анализ; интегральные переменные; таксономия.

Введение

В последние десятилетия на российском рынке жилья произошли изменения, связанные с рыночным распределением жилья, в том числе с использованием ипотечных механизмов. Вместе с тем обеспеченность жильем является одним из значимых показателей социально-экономического развития страны. Исследование дифференциации региональных рынков жилой недвижимости на основе современных экономико-математических методов помогает эффективно управлять рыночными процессами. Указанные обстоятельства детерминируют актуальность настоящей работы.

Конъюнктура рынка жилья складывается из соотношения количества построенного жилья и цены на жилую недвижимость, а также опосредуется региональным уровнем социально-экономического развития (уровень урбанизации, уровень жизни населения, инвестиционная привлекательность и др.). Целью настоящего исследования является построение классификации регионов по интегральным индикаторам, определяющим конъюнктуру рынков жилья.

Результаты исследования

Отметим, что количество исследований, посвященных дифференциации рынков жилой недвижимости по регионам России, мало. В работе [1] авторы отмечают, что поскольку одним из свойств недвижимости является ее неперемещаемость, то ключевым фактором в ценообразовании и рыночном равновесии является территориальная расположенность объекта недвижимости. Это обуславливает образование локальных рынков. С целью изучения тенденций локальных рынков авторы построили классификацию регионов по трем параметрам: *потребность в жилье, предложение жилья на первичном рынке, доступность жилья*. Значения параметров нормировались для каждого региона, и регионы группировались в три кластера в зависимости от соотношения нормированных значений параметров со средними по Российской Федерации нормированными значениями соответствующих показателей [1]. Одним из выводов исследования является то, что в России отсутствуют региональные рынки жилья с сочетанием высокого предложения и низкой

доступностью, т. е. строительство в регионах с низким или отсутствующим платежеспособным спросом не осуществляется, несмотря на наличие потребности в жилье у населения. Выявлены регионы, жилищные рынки которых наиболее благополучны: предложение жилья дополняется его доступностью и умеренным уровнем потребности. Это нефтедобывающие/перерабатывающие регионы: Татарстан, Башкортостан, Тюменская область, Ненецкий АО, а также выделяющиеся динамикой развития и миграционным приростом Белгородская и Калининградская области. Ростовская область по группировке авторов [1] попала в сегмент рынков жилья со средними значениями по трем указанным параметрам вместе с Вологодской, Оренбургской, Пензенской, Рязанской, Самарской, Саратовской и Томской областями.

Методика рейтингования, предложенная А. Б. Гусевым [2], включает пять показателей: строительная активность (отношение введенного жилья к численности населения, кв. м/чел), жилищная обеспеченность (фонд жилья на одного человека, кв. м/чел), доступность жилья (%), индекс Джини (дифференциация по жилью, ед.) и индикатор «ценового пузыря». Авторские расчеты существенно зависят от последнего фактора, который является фактически корректирующим коэффициентом в сводном числовом рейтинге. По мнению автора, наличие на региональном рынке «ценовых пузырей» характеризует его социальную направленность и экономическую эффективность. Рассматривается два вида пузырей: во-первых, ситуация на рынке, при которой темп прироста цен на жилую недвижимость выше темпа прироста уровня доступности жилья и оба темпа положительные, во-вторых, ситуация, когда доступность жилья снижается на фоне роста цен. Коэффициент «ценового пузыря» существенно повлиял на рейтинг регионов: в лидеры рейтинга попали субъекты с отсутствующими «ценовыми пузырями» или имеющие менее деструктивные «ценовые пузыри» первого типа: Саратовская область, Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Республика Коми, Ярославская область.

Отличием настоящего исследования от указанных работ является использование интегральных переменных для характеристики рынков жилья регионов.

Информационную базу составили показатели по 75 регионам России за исключением автоном-

ных округов и Чеченской Республики. Исключены также города Москва и Санкт-Петербург. Для сравнения использована информация для 2005 и 2011 гг.¹

Для построения рейтинга регионов используем значения переменных, характеризующих в первую очередь конъюнктуру рынка, а также социально-экономическую ситуацию в регионе и строительной отрасли: индекс цен производителей в строительстве (строительно-монтажные работы) (декабрь к декабрю предыдущего года, %); средние цены на первичном и вторичном рынках жилья (на конец года; тыс. руб. за 1 кв. м общей площади); среднедушевые денежные доходы населения, тыс. руб.; общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя (на конец года; кв. м); доля городского жилищного фонда в общем жилищном фонде, %; объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство» (в фактически действовавших ценах; млн руб.); ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения (кв. м общей площади); индекс предпринимательской уверенности в строительстве, %; среднегодовая численность работников в строительных организациях, тыс. чел.

Предлагаемая методика построения рейтинга регионов заключается в применении системы многомерных методов. На первом шаге – применение факторного анализа для получения интегральных переменных, количество которых совпадает с размерностью геометрического пространства. На втором шаге – метода классификации регионов с использованием в качестве признаков, полученных интегральных общих факторов.

С помощью пакета прикладных программ Statistica 10 рассчитаем для 2005 и 2011 гг. соответственно две группы интегральных переменных (табл. 1) методом главных факторов [3; 4]. Для каждого из двух лет получено по три интегральных фактора, объясняющих суммарно 68,5 % и 69,9 % вариации первоначальных признаков. Для 2005 г. первый фактор интерпретируется как доступность городского жилья, второй – результативность работы строительной отрасли, третий – обеспеченность

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Стат. сб. М.: Росстат РФ, 2012; Строительство в России. 2012. Стат. сб. М.: Росстат, 2012.

Таблица 1

Факторные нагрузки переменных (метод главных факторов, варимакс вращение), регионы РФ*

Переменная	Год					
	2005			2011		
	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Индекс цен производителей	-0,073	0,488	-0,394	0,301	-0,036	-0,639
Средние цены на рынке жилья	0,809	0,014	0,166	0,372	0,671	-0,004
Среднедушевые денежные доходы населения	0,878	0,145	0,031	0,341	0,759	0,307
Общая площадь жилых помещений на одного жителя	0,157	0,092	-0,830	-0,051	0,609	-0,465
Доля городского жилищного фонда	0,776	0,006	-0,407	0,015	0,819	0,011
Объем работ	0,503	0,740	0,157	0,920	0,159	0,146
Ввод в действие жилых домов	-0,158	0,848	0,014	0,843	0,117	-0,198
Индекс предпринимательской уверенности	0,153	0,256	0,545	0,286	0,037	0,737
Среднегодовая численность работников	0,448	0,776	0,193	0,910	0,187	0,091
Доля объясненной дисперсии	0,285	0,245	0,155	0,313	0,238	0,148

Примечание: жирным шрифтом выделены факторные нагрузки, превышающие по модулю 0,7.

* Источник: составлено автором на основе [3; 4].

жильем. Для 2011 г. первый интегральный фактор интерпретируется как результативность работы строительной отрасли, второй – доступность городского жилья, третий – индекс предпринимательской уверенности в строительстве.

Полученные интегральные факторы использованы для классификации регионов. Использовался метод *k*-средних [3; 4]. Выделено семь кластеров с помощью метода кросс-валидации. Результаты разбиения регионов на группы приведены в табл. 2. Для улучшения интерпретируемости кластеров вычислены средние значения интегральных факторов по кластерам (табл. 3). По трем показателям 2005 г. (доступность городского жилья, результативность работы строительной отрасли и обеспеченность жильем) положительные средние значения в кластерах – пять и семь.

В первом кластере (Тюменская и Московская области) оказались регионы с результативной работой строительной отрасли, но малодоступным городским жильем и низкой обеспеченностью жильем. В многочисленном третьем кластере – регионы, которые характеризуются высокой обеспеченностью жильем, во втором – доступностью городского жилья обеспеченностью жильем. В четвертом кластере – регионы с доступным жильем в городе, но отрицательными значениями результативности работы отрасли и обеспеченности жильем. Наконец, в шестом кластере – группа депрессивных регионов, средние значения всех трех факторов в которой отрицательны.

В 2011 г. по сравнению с 2005 г. изменились средние значения и смысл интегральных факторов, и, как следствие, разбиение на группы также значительно модифицировалось. В 2011 г. отсутствует лидирующая группа с положительными значениями всех факторов. Условным лидером можно считать группу 4, несмотря на отрицательное среднее значение фактора предпринимательской уверенности в строительной отрасли. Краснодарский край и Тюменская область образуют группу с отрицательной средней доступностью городского жилья. В седьмой группе – регионы с недостаточной результативностью работы отрасли. Остальные группы имеют в средних значениях два отрицательных фактора. Условно отсталые регионы попали в группу три с отрицательными средними значениями всех трех факторов (результативность работы отрасли, доступность городского жилья и индекс предпринимательской уверенности в строительстве).

Выводы

Таким образом, за период с 2005 по 2011 гг. произошли изменения на региональных рынках жилой недвижимости. В 2005 г. лидерами являлись рынки национальных республик (пятый кластер) и двух регионов с локальными небольшими рынками – Мурманская и Магаданская области. В 2011 г. лидерами стали динамично развивающиеся промышленные регионы: Московская область, Башкортостан, Татарстан, Нижегородская

Таблица 2

Классификация регионов по интегральным факторам (метод *k*-средних с кросс-валидацией)*

Номер кластера	Год	
	2005	2011
1	Московская, Тюменская области	Краснодарский край, Тюменская область
2	Республика Коми, Архангельская область, Волгоградская область, Удмуртия, Пермский край, Самарская область, Свердловская область, Красноярский край, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская область, Якутия, Камчатский, Приморский, Хабаровский край, Амурская, Сахалинская области	Адыгея, Северная Осетия-Алания, Астраханская, Ростовская области, Мордовия, Удмуртия, Якутия, Пермский край, Брянская, Костромская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Ярославская, Ленинградская, Самарская, Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская, Амурская области, Забайкальский край, Приморский край
3	Белгородская, Воронежская, Курская, Липецкая, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская области, Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Астраханская область, Мордовия, Чувашия, Кировская, Оренбургская, Саратовская, Курганская области, Хакасия, Алтайский край, Омская, Томская области	Калмыкия, Ставропольский край, Марий Эл, Чувашия, Кировская, Оренбургская, Пензенская, Саратовская, Волгоградская, Курганская, Курская, Тамбовская области, Кабардино-Балкария, Бурятия, Хакасия, Алтайский край
4	Краснодарский край, Ростовская область, Республики Башкортостан, Татарстан, Нижегородская, Челябинская области	Московская область, Башкортостан, Татарстан, Нижегородская, Свердловская области, Красноярский край
5	Дагестан, Ингушетия, Калмыкия, Ставропольский край, Алтайский край, Бурятия, Тыва, Забайкальский край	Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Алтайский край, Тыва
6	Брянская, Владимирская, Ивановская, Калужская, Костромская, Смоленская, Тверская, Тульская, Ярославская, Новгородская, Пензенская, Ульяновская, Псковская области, Северная Осетия-Алания, Марий Эл, Карелия	Карелия, Белгородская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Смоленская, Тверская, Тульская, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Новгородская, Псковская, Ульяновская, Челябинская области
7	Мурманская, Магаданская области	Коми, Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская, Сахалинская, Мурманская области

* Источник: составлено автором.

Таблица 3

Средние значения интегральных переменных по кластерам*

Кластер	Год					
	2005			2011		
	Доступность городского жилья	Результативность работы отрасли	Обеспеченность жильем	Результативность работы отрасли	Доступность городского жилья	Индекс предпринимательской уверенности
1	-0,666	0,292	-0,118	3,769	-0,227	1,302
2	1,138	-0,402	0,368	-0,200	0,093	0,640
3	-0,909	-0,714	1,604	-0,223	-0,689	-0,598
4	1,835	-1,416	-1,596	1,853	0,440	-0,540
5	0,366	1,252	0,703	-0,178	-2,204	1,127
6	-0,335	-0,416	-1,093	-0,353	0,386	-1,051
7	1,710	3,761	0,104	-0,623	1,907	1,007

* Источник: составлено автором.

и Свердловская области, Красноярский край. Отметим «ухудшение» в целом средних значений интегральных факторов. Так, индекс предпринимательской уверенности (для 2011 г. фактор 3 в табл. 3) в среднем отрицателен для трех кластеров из семи, фактор результативности работы строительной отрасли – для пяти кластеров.

Нами была построена классификация регионов по интегральным индикаторам, определяющим конъюнктуру рынков жилья. Отличием исполь-

зованного математико-статистического инструментария является системность применения методов снижения размерности многомерного признакового пространства и автоматической классификации. Получены группы регионов со схожей ситуацией на рынке жилой недвижимости и в строительстве. Результаты могут быть использованы при разработке региональных программ развития, а также разработке механизмов повышения доступности жилья в отдельных регионах.

Список литературы

1. Косарева Н. Б., Туманов А. А., Сиваев Д. С. Исследование региональной структуры рынков жилья в России. URL: <http://opec.ru/1244986.html>

2. Гусев А. Б. Методика рейтингования регионов по уровню развития жилищного рынка. – URL: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/175205>

3. Айвазян С. А., Бухштабер В. М., Енюков И. С., Мешалкин Л. Д. Прикладная статистика: Классификация и снижение размерности. М.: Финансы и статистика, 1989.

4. Izard W., Azis I., Drennan M. et al. *Methods of Interregional and Regional Analysis*. Ashgate Publ., 1998.

В редакцию материал поступил 31.10.13

© Костылев А. В., 2014

Информация об авторе

Костылев Александр Владимирович, аспирант кафедры менеджмента и экономико-математических методов, Новочеркасская государственная мелиоративная академия

Адрес: 346430, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111, тел.: (863)522-21-70

E-mail: kostylevsasha@gmail.com

Как цитировать статью: Костылев А. В. Региональные рынки жилой недвижимости: опыт классификации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 181–185.

A. V. KOSTYLEV,

Post-graduate student

Novocherkassk State Academy for Melioration, Novocherkassk, Russia

REGIONAL HOUSING MARKETS: EXPERIENCE OF CLASSIFICATION

Objective: To construct integrated economic indicators and classify regions in terms of the housing market development.

Methods: factor and cluster analysis.

Results: the classification of regions is made by integral indicators determining the housing market conjuncture. The used mathematic and statistical tools are marked by the use of systematic methods to reduce the dimension of a multidimensional feature space and automatic classification. The groups of regions with a similar situation in the housing and construction market are identified.

Scientific novelty: the technique of regions classification is proposed by integral indicators of the housing market development.

Practical value: The results can be used in the development of regional development programs, as well as the development of mechanisms to improve the affordability of housing in some areas.

Key words: region, the housing market, component analysis, integral variables; taxonomy.

References

1. Kosareva, N. B., Tumanov, A. A., Sivaev, D. S. *Issledovanie regional'noi struktury rynkov zhil'ya v Rossii* (Research of regional structure of housing markets in Russia), available at: <http://opec.ru/1244986.html>

2. Gusev, A. B. *Metodika reitingovaniya regionov po urovnyu razvitiya zhilishchnogo rynka* (Methodology of the regions' rating by the level of housing market development), available at: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/175205>

3. Aivazyan, S. A., Bukhshtaber V. M., Enyukov I. S., Meshalkin L. D. *Prikladnaya statistika: Klassifikatsiya i snizhenie razmernosti* (Applied statistics. Classification and reducing its dimensionality). Moscow: Finansy i statistika, 1989. 607 p.

4. Izard, W., Azis, I., Drennan, M. et al. *Methods of Interregional and Regional Analysis*. Ashgate Publ., 1998.

Received 31.10.13

Information about the author

Kostilyov Aleksandr Vladimirovich, Post-graduate student of Management and Economics-Mathematical Methods Chair, Novocherkassk State Academy for Melioration

Address: 111 Pushkinskaya St., 346430 Novocherkassk, tel.: (863)522-21-70

E-mail: kostylevsasha@gmail.com

How to cite the article: Kostylev A. V. Regional housing markets: experience of classification. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 181–185.

© Kostilyov A. V., 2014

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340.1:343.3:343.9

А. Г. НИКИТИН,

кандидат юридических наук, доцент

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ВИДЫ И КЛАССИФИКАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Цель: осуществление комплексного на основе данных философских, социологических, политологических и юридических наук общетеоретического и правового анализа существующих классификаций и видов экстремистского поведения.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, позволяющий изучать явления и процессы окружающей действительности в их историческом развитии, во взаимосвязи и взаимообусловленности, и основанные на нем общенаучные, специальные и частноправовые методы исследования.

Результаты: на основе проведенного анализа значительного числа отечественных и зарубежных научных исследований, посвященных противодействию экстремистской деятельности, выявлено, что существующие классификации экстремизма крайне многочисленны, противоречивы, многие из них не соответствуют правилам классификации (отсутствуют основания классификаций, пояснения и разъяснения вводимых в научный оборот терминов).

Научная новизна: разработана и введена в научный оборот классификация экстремистской деятельности в зависимости от соответствия экстремистских проявлений нормам действующего законодательства и праву; сформулированы авторские определения понятий экстремистской деятельности в рамках закона, экстремистской деятельности в рамках права, незаконной экстремистской деятельности; предложено не допускать в нормативно-правовых актах трактовки «экстремизма» как обязательно негативного явления.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические положения могут быть использованы в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности, учебном процессе учреждений высшего профессионального образования юридического профиля, при повышении квалификации практических работников и научно-педагогических кадров в области юриспруденции.

Ключевые слова: экстремизм; экстремистская деятельность; экстремистское поведение; виды экстремизма; классификации экстремизма.

Введение

Экстремизм (отдельные его виды) сегодня выступает объектом исследования различных социально-гуманитарных наук, что позволило значительно расширить существовавшие ранее представления о классификациях данного явления. Под классификацией мы понимаем «деление предметов на классы на основании сходства предметов, составляющих каждый класс, и отличия этих предметов от элементов других классов в наиболее существенных признаках». В настоящей статье термины «классификация» и «типология» используются в одном значении, если не указано иное [1]. Однако сам факт выделения значительного числа видов экстремистской деятельности в современной научной литературе вызывает нарекание с точки

зрения их обоснованности и целесообразности. В связи с этим считаем необходимым высказать некоторые замечания относительно стройности, логичности и завершенности подобного рода систем.

Сразу оговоримся, что не будем раскрывать каждую из предложенных классификаций полностью ввиду существенного объема последних, а ограничимся только критерием соответствующей классификации (если он выделен исследователем) и предложенным на основании него делением и теми терминами, которые используют авторы.

Результаты исследования

Философы выделяют следующие классификации экстремизма. Р. М. Афанасьева предлагает объединенную классификацию экстремизма по

характеру деятельности и сферам его проявления: личностно-бытовой, экономический, политический, национальный, религиозный (конфессиональный) [2]. А. И. Муминов современный религиозный экстремизм считает возможным классифицировать по различным основаниям: по использованию определенной религиозной риторики (исламистский, индуистский, буддистский, христианский и др.); по воздействию на различные сферы жизнедеятельности общества (религиозно-террористический, религиозно-революционный, при этом в последнем выделяется левое и правое направления); в духовной сфере (фундаменталистский, антицивилизационный, религиозно-культурный); по критерию сплоченности (объединительный и обособливающий (сектантский)); по направленности (антигосударственный, антиобщественный, антиличностный, античеловеческий); по характеру управления (мессианский, учительский, ведический, божественный) [3]. А. А. Хоровинников выделяет такие формы экстремистской деятельности, как экстремизм национального характера, связанный с дестабилизацией национальных отношений, экстремизм в сфере культуры, языковой экстремизм в сфере культуры, экологический. Отдельно исследователь указывает на существование политического экстремизма, который включает в себя левый и правый; по способу воздействия предложено деление на явный и скрытый [4], а также высказана мысль о наличии экстремизма скрытого и внешнего характера [5].

Социологи предлагают следующие типы экстремизма. Н. Н. Афанасьев находит целесообразным в зависимости от сфер жизнедеятельности общества выделить: экономический, национальный, политический, религиозный, экологический и духовный экстремизм [6]. А. В. Сериков говорит о существовании ряда видов экстремизма, классифицируемых по разным основаниям: по методам воздействия (с использованием физического насилия; сопряженный с уничтожением материальных объектов; с применением методов морально-психологического насилия); по характеру влияния на межгосударственные отношения и в зависимости от гражданской принадлежности субъектов экстремистской деятельности (внутренний и международный); по целям (сплывающий; демонстрационный, конфронтационный, провокационный);

по средствам, используемым при осуществлении акций экстремизма (традиционный, технологический) [7]. О. В. Кнителешот объединяет в рамках одной классификации: экономический, националистический, в области культуры, религиозный и экологический экстремизм [8].

Политологи обосновывают существование следующих классификаций экстремизма. В работе В. В. Витюка, С. А. Эфирова различаются такие типы экстремистской деятельности, как международный, государственный, внутренний [9]. Н. А. Романов выстраивает классификацию экстремистской деятельности: по субъектам (государственный, организационно-групповой, индивидуальный) [10]; по объектам воздействия экстремизма, субъектом которого выступает государство (внешний и внутренний) [11]. А. А. Галкин различает две разновидности экстремизма: конъюнктурный и стратегический [12]. И. А. Сазонов в качестве критериев для своей классификации экстремистской деятельности выделяет следующие: по сфере действия (экономический, социальный, духовный, внешний, внутренний и т. д.); по отношению к политическому спектру («левый», «правый» и экстремизм «центра»); по глубине социально-политических изменений (революционный и реформаторский); по источнику инициативы (агрессивный, наступательный, ответный, защитный); по направленности социально-политических последствий (регрессивный и прогрессивный) [13]. А. А. Козлов установил различие экстремистов по идеологической составляющей: националисты (ксенофобы), неофашисты-неонацисты; радикалы в области социально-экономических вопросов; религиозные экстремистские формирования; экологические и культуроохранные экстремисты; мимикранты [14]. И. Д. Лопатин классифицирует экстремизм по признаку масштабности: экстремизм одиночек; малых групп (до 100 человек); крупных групп (более 100 человек); государств и межнациональных объединений [15].

В юриспруденции выделяют следующие классификации экстремистской деятельности. Д. Е. Некрасов говорит о практической востребованности классификации по субъектам, осуществляющим экстремистскую деятельность и их социально-правовой природе: индивидуально физическими лицами; юридическими лицами;

нелегальными организациями и государствами [16]. М. А. Яворский предлагает различать административно наказуемый и уголовно наказуемый экстремизм [17]. Н. В. Степанов основными видами рассматриваемого нами явления считает: экстремизм ксенофобского толка; неофашистского характера; леворадикального характера; экстремизм, связанный с агрессивными формами исламского фундаментализма. Кроме того, этот же автор проводит дифференциацию между политическим, религиозно-идеологическим, национально-этническим, социально-экономическим и иным экстремизмом, в качестве которого указывает лишь на бытовой [18]. С. М. Иншаков [19], а вслед за ним и Н. Г. Иванов [20] выделяют два крупных вида экстремизма: рациональный и иррациональный. По мнению Т. А. Скворцовой, религиозный экстремизм целесообразно разграничивать по источникам возникновения: фундаменталистский, модернистский, протестный и возникающий в результате взаимного проникновения религии и государства [21]. Авторская классификация форм криминального религиозного экстремизма предложена В. А. Бурковской: институциональный, обособленный внеинституциональный, необособленный внеинституциональный, терроризм и иные преступления террористического характера, совершаемые по религиозным мотивам, и общественно опасные злоупотребления свободой совести и вероисповедания [22]. Б. А. Мыльников, основываясь на социальных сферах, наиболее подверженных проявлениям экстремизма, представляет следующую типологию: международный, государственный, политический, религиозный, национальный (межнациональный, этнорасовый), идеологический, общеуголовный, криминальный, экономический и молодежный экстремизм [23].

Зарубежные исследователи предлагают типологию экстремизма, в основе которой находятся мотивы насильственных проявлений: криминальный, по психологическим мотивам и на основе религиозного фанатизма, военный, политический [24]. Другие же авторы по аналогичному критерию выделяют: религиозный, идеологический и национальный экстремизм [25]. Третьи и вовсе придерживаются классификации экстремизма на «правый», «левый» и «центристский» [26].

В отдельных исследованиях, посвященных анализируемому нами явлению, говорят о суще-

ствовании таких видов экстремизма, как: этнонационалистический [27], этнорелигиозный [28], этнический [29], исламский [30], православный [31], чеченский [32], сингальский [33], электронный (информационный) [34], религиозно-политический экстремизм (под прикрытием ислама), который отождествлен с исламским экстремизмом (экстремизм под прикрытием ислама), а впоследствии обозначен как радикальный исламизм [35], высокотехнологичный [36], стихийный [37], взрослый [38], молодежный [39], ваххабизм [40], антирелигиозный (сатанизм) и экстремизм инородного происхождения [41], суицидальный терроризм [42], национал-экстремизм антирусской и антироссийской направленности [43].

Исходя из предложенных классификаций экстремизма, можно заключить, что в них затрагиваются различные стороны рассматриваемого понятия, которые помогают глубже познать и зафиксировать его в нашем сознании как явление объективной реальности. Указанные типологии разнообразны не только по критериям, которые положены в основу деления, но и по их познавательной направленности и смысловой нагрузке.

Однако возникает несколько вопросов. Во-первых, какое функциональное назначение несут в себе сформулированные классификации? Во-вторых, насколько правомерны с точки зрения даже не права, а формальной логики некоторые из указанных типологий, и применимы ли данные сведения в правоприменительной практике?

Очевидно, по мнению отдельных исследователей и по известному философскому закону, количественные изменения должны преобразоваться в некое качество. При этом далеко не во всех классификациях имеются даже критерии деления, на основании которых должно происходить расчленение, отсутствует логическое объяснение того, почему именно данный термин использует автор и что он под ним подразумевает. Безусловно, каждый исследователь будет стремиться предложить свое видение проблемы. Есть авторы, которые с одним и тем же основанием классификации выделяют разные виды экстремизма. Существуют исследователи, которые с одним и тем же основанием классификации выделяют схожие виды экстремизма, но, судя по проведенному нами анализу, вкладывают в них различное содержание. Представляется, что подобные обстоятельства серьезно

затрудняют восприятие видов экстремистской деятельности, порой не позволяя провести четкой демаркационной линии. И. Н. Бродский справедливо отмечал: «Класс отдельных предметов не может быть выделен, осознан и зафиксирован как таковой вне решающей роли того общего, той сущности, на основе которой они впервые только и осознаются как входящие в один класс. Выделение класса есть осознание общей сущности» [44]. В противном случае указанное может привести к бесконечному расширению числа видов экстремизма. Показателен в данном случае пример своеобразного научно-познавательного абсурда, когда М. С. Джунусов выделил свыше тридцати оттенков значения термина «национализм» [45]. К сожалению, приходится признать, что подобные классификации и различные качественные характеристики экстремизма были восприняты не только в некоторых трудах в области юриспруденции, что не характерно для права ввиду неопределенности границ этих типологий и определений, но в подзаконных правовых актах Российской Федерации. Так, например, в Указе Президента № 537 РФ от 12 мая 2009 г. «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.» говорится о политическом и религиозном экстремизме. В распоряжении Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ №№ 270/27р, 1/9789, 38 от 16 декабря 2008 г. «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма»¹ используются термины «экстремизм под прикрытием ислама», «экстремистские проявления на религиозной основе» и т. д., хотя в действующем российском законодательстве такие понятия отсутствуют.

Кроме того, представляется недопустимым закрепление за каким-либо видом экстремистской деятельности характеристик, связанных с территориальной, религиозной или иной принадлежностью.

¹ Распоряжение Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ и ФСБ РФ от 16 декабря 2008 г. №№ 270/27р, 1/9789, 38 «О совершенствовании работы по предупреждению и пресечению деятельности общественных и религиозных объединений по распространению идей национальной розни и религиозного экстремизма» // Справочная правовая система «Гарант».

Ввиду определенных и всем известных причин на территории Чеченской Республики ежегодно регистрируется значительное число преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства, а также преступлений против общественной безопасности, но данное обстоятельство вовсе не означает наличие склонности населения указанного субъекта Российской Федерации совершать определенные правонарушения. Например, на территории г. Санкт-Петербурга в 2013 г. зарегистрирован самый высокий уровень (87,3 %) выявленных сотрудниками ОВД преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, сильнодействующих веществ [46]. Однако суждений о том, что жители г. Санкт-Петербурга тяготеют к совершению вышеуказанных правонарушений, никто не распространяет. Аналогичную мысль можно высказать и в отношении терминов «исламский» или «православный» экстремизм, которые косвенно дают негативную оценку той или иной социальной группе. Поэтому следует согласиться с И. И. Бражником, который отмечает, что было бы неправомерным выделение отдельных конфессий в качестве более «предрасположенных» к экстремизму [47].

Мы, в свою очередь, предлагаем на основании соответствия экстремистских проявлений нормам действующего законодательства и права отличать экстремистскую деятельность в рамках закона, экстремистскую деятельность в рамках права и незаконную экстремистскую деятельность, формы которой указаны в Федеральном законе № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности»², тем более что законодатель достаточно часто использует такой прием юридической техники. Например, в Уголовном кодексе РФ содержатся такие составы преступлений, как незаконное искусственное прерывание беременности, незаконное усыновление (удочерение), незаконное предпринимательство, незаконное получение кредита, незаконная охота и т. д. При этом вряд ли кто-то станет сомневаться, что сами по себе такие поступки человека, как аборт, усыновление (удочерение), осуществление предприниматель-

² О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон № 114-ФЗ от 25.07.2002 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

ской деятельности, получение кредита или охота, не содержат признаков правомерного поведения.

Аналогичные примеры имеют место быть и в других отраслях права, в частности, в Гражданском кодексе РФ № 51-ФЗ от 30 ноября 1994 г.³ содержатся нормы о незаконном владении; Кодексом РФ об административных нарушениях № 195-ФЗ от 30 декабря 2001 г.⁴ предусмотрена ответственность за незаконное ограничение прав на управление транспортным средством и его эксплуатацию; в Трудовом кодексе РФ № 197-ФЗ от 30 декабря 2001 г.⁵ содержится статья, посвященная незаконным забастовкам, и т. д. Это свидетельствует о том, что одно и то же поведение в разных условиях законодателем может быть оценено по-разному, поэтому полагаем, что сказанное должно распространяться и на рассматриваемое социальное явление. Причем наша позиция находит отклик в научной литературе. В частности, Р. Т. Жеругов полагает, что возможны объективно правомерные деяния, квалифицируемые официально как противозаконные [48]. Однако оговоримся, что установление юридической ответственности именно за незаконную экстремистскую деятельность вовсе не означает придание соответствующим правовым нормам бланкетного характера, т. е. наличие нормативного правового акта, который бы содержал указание на законное осуществление экстремистской деятельности. Иногда, как справедливо отмечается в литературе, норма, которая считается бланкетной, имеется, а соответствующего ей нормативного акта нет [49]. Так, например, Уголовный кодекс РФ ограничивает оборот взрывчатых материалов промышленного назначения, но в нормативных правовых актах не содержится ограничений на изготовление, хранение кустарных и нетипичных взрывчатых веществ. Сходное положение сложилось с боеприпасами, для которых требуется только лицензирование разработки, производства, утилизации.

³ Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч.1). Ст. 1.

⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации № 197-ФЗ от 30.12.2001 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

Поэтому следует согласиться с И. И. Бикеевым в том, что незаконность деяния на настоящем этапе развития законодательства необходимо трактовать как совершение его в нарушение законодательства (нормативно-правовых актов) либо без правового основания, когда последнее требование вытекает из самого закона.

Учитывая вышеизложенное, считаем возможным предложить сформулированные в рамках общей теории права и государства следующие авторские определения экстремистской деятельности в рамках закона, экстремистской деятельности в рамках права и незаконной экстремистской деятельности.

Экстремистская деятельность в рамках закона – это социально активное, правомерное, основанное на крайних оценках существующих общественных отношений и их участников поведение, не запрещенное законом и допустимое им в части обеспечения неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина.

Экстремистская деятельность в рамках права – это социально активное, позитивно отклоняющееся, основанное на крайних оценках существующих общественных отношений и их участников поведение, не запрещенное правом, и допустимое им в части обеспечения неотъемлемых прав и свобод человека и гражданина.

Незаконная экстремистская деятельность – это социально активное виновное противоправное, основанное на крайних оценках существующих общественных отношений и их участников поведение, запрещенное законом, преимущественно связанное с насилием, причиняющее или способное причинить ущерб общественным отношениям. Необходимо отметить, что по аналогии с незаконной экстремистской деятельностью следовало бы выделить и проанализировать неправовую экстремистскую деятельность. Однако, на наш взгляд, неправовая экстремистская деятельность по своему объекту, субъекту, объективной и субъективной стороне полностью соответствует незаконной экстремистской деятельности.

Выводы

Таким образом, основываясь на семантическом и гносеологическом анализе рассматриваемого явления, с учетом существующих требований к юридическим терминам, в целях правильного и

единообразного применения предлагаем не допускать в нормативно-правовых актах трактовки «экстремизма» как обязательно негативного явления и одновременно с этим заменить словосочетание «экстремистская деятельность» на «незаконная экстремистская деятельность». В связи с этим на экстремистскую деятельность в рамках закона должен распространяться принцип «дозволено все, что не запрещено законом, при условии, если это поведение не противоречит общественной нравственности», который выражает саму идею правового государства, каким Россия себя позиционирует.

Список литературы

1. Челпанов Г. И. Учебник логики. М.: Госполитиздат, 1946. С. 117.
2. Афанасьева Р. М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. С. 26.
3. Муминов А. И. Религиозный экстремизм как угроза современному обществу (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. М., 2007. С. 12–13.
4. Томалинцев В. Н. Человек в XXI веке: Поиск на грани творчества и экстремизма. СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2001. С. 27.
5. Хоровинников А. А. Экстремизм как социальное явление (философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2007. С. 16–17, 19, 20.
6. Афанасьев Н. Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С. 233–234.
7. Сериков А. В. Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов (на примере Ростовской Области): дис. ... канд. соц. наук. Ростов-н/Д, 2005. С. 54–56.
8. Кнителъшот О. В. Система противодействия политическому экстремизму в современном российском обществе: дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2006. С. 57–58.
9. Витюк В. В., Эфиоров С. А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность / отв. ред. Г. В. Осипов. М.: Наука, 1987. С. 320.
10. Воронов И. В. Основы политико-правового ограничения социально-политического экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. полит. наук. М., 2003. С. 41.
11. Романов Н. А. Политический экстремизм как угроза национальной безопасности. М., 1997. С. 118.
12. Галкин А. А. О конъюнктурном и стратегическом экстремизме // Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним: материалы научной конференции (31 марта –1 апреля 1998 г.). М., 1998. С. 74–76.
13. Сазонов И. А. Природа и исторические формы политического экстремизма (на примере политического развития России в XX в.): дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С. 61.
14. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / под ред. А. А. Козлова. СПб.: ХИМИЗДАТ, 2003. С. 345.
15. Лопатин И. Д. Экстремизм как социально-политическое явление современного мира (особенности его возникновения и развития в России): дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2007. С. 28.
16. Некрасов Д. Е. Расово-этнический экстремизм (криминологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 31.
17. Яворский М. А. Организация взаимодействия органов внутренних дел с религиозными объединениями в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 9, 50.
18. Степанов Н. В. Криминологические проблемы противодействия преступлениям, связанным с политическим и религиозным экстремизмом: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 9, 35, 37.
19. Иншаков С. М. Криминология: учебник. М.: Юриспруденция, 2000. С. 333–335.
20. Иванов Н. Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений // Государство и право. 2003. № 5. С. 42.
21. Скворцова Т. А. Религиозный экстремизм в контексте государственно-правового обеспечения национальной безопасности современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2004. С. 27.
22. Бурковская В. А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 12.
23. Мыльников Б. А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 7, 17–18.
24. Wardlaw G. Political terrorism: theory, tactics and counter-measures. Cambridge; New York: Cambridge univ. press, 1982 218 p.
25. The future of political violence: destabilization, disorder and terrorism / Ed. by Richard Clutterburk – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 1986. 206 p.
26. Psychopathology and politics / By Harold D. Lasswell; with a new introd. by Fred I. Greenstein. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 339 p.
27. Русанова О. А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона): дис. ... канд. соц. наук. М., 2004. С. 22.
28. Улезко Э. В. Противодействие экстремизму в этно-религиозной сфере: проблемы и перспективы эволюции государственной политики (региональный аспект): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-н/Д, 2009. С. 10, 13-14.
29. Сафонов М. А. Политико-правовые основы противодействия этноконфессиональному экстремизму на Северном Кавказе: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. С. 13.
30. Дементьев Д. А. Исторический опыт борьбы с этно-религиозным экстремизмом на Северном Кавказе (1992-2007 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Славянск-на-Кубани, 2008. С. 155.
31. Кадиева А. М. Религиозный экстремизм: сущность, причины, пути преодоления: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Махачкала, 2008. С. 7.
32. Лабунец М. И. Политический экстремизм: этно-национальная регионализация: дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2002. С. 64–65.
33. Муртазин М. Х. Сингальский экстремизм в политической жизни Шри-Ланки (на примере деятельности

Народного фронта освобождения): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Казань, 1993. С. 15.

34. Азева С. В. Современный политический экстремизм в России: структурно-функциональный анализ: дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2005. С. 60.

35. Курбанов Х. Т. Религиозно-политический экстремизм на северо-восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан): дис. ... канд. полит. наук. Махачкала, 2006. С. 9, 30, 57.

36. Федорко С. Н. Современные политические технологии противодействия радикальным общественным движениям: дис. ... канд. полит. наук. Н. Новгород, 2007. С. 129.

37. Глотов В. А. Региональный опыт противодействия экстремизму и терроризму в современной России (на примере г. Москвы): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. С. 15.

38. Гречкина Е. Н. Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности: дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2006. С. 16–17.

39. Кочергин Р. О. Противодействие молодежному экстремизму: правовые и криминологические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. С. 11.

40. Жукова О. С. Правовые меры противодействия информационному экстремизму: дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2006. С. 43.

41. Демиров К. К. Криминологическая характеристика религиозного экстремизма (по материалам Республики Дагестан): дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2005. С. 51, 58.

42. Казак В. В. Ближний Восток: проблема экспансии терроризма и исламского экстремизма (70–90 гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2006. С. 4.

43. Киялханов Х. Ш. Социально-философский анализ феномена политического экстремизма в условиях реформирования российского общества: дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2006. С. 58.

44. Бродский И. Н. К вопросу о процессе образования понятий // Вопросы логики. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1957. С. 58.

45. Джунусов М. С. Национализм. Словарь-справочник. М.: Славянский диалог, 1998. С. 141–159.

46. Общие сведения о состоянии преступности в Российской Федерации за январь–декабрь 2013 г. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/>.

47. Бражник И. И. Религиозный экстремизм: пограничение прав верующих // Наука и религия. 1981. № 1. С. 19.

48. Жеругов Р. Т. Правомерное поведение // Право. Культура. Демократия: сб. статей. М. Нальчик: ЭЛЬ-ФА, 1995. С. 229.

49. Бикеев И. И. Уголовная ответственность за незаконное обращение с предметами вооружения. Казань: Познание, 2007. С. 28–29.

В редакцию материал поступил 20.01.14

© Никитин А. Г., 2014

Информация об авторе

Никитин Андрей Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: anikitin@ieml.ru

Как цитировать статью: Никитин А. Г. Виды и классификации экстремистского поведения: общетеоретические и правовые проблемы // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 186–194.

A. G. NIKITIN,

PhD (Law), Associate Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

TYPES AND CLASSIFICATION OF EXTREMIST BEHAVIOR: GENERAL THEORETICAL AND LEGAL ISSUES

Objective: on the basis of philosophical, sociological, political science and jurisprudence to implement a comprehensive general theoretical and legal analysis of existing classifications and types of extremist behavior

Methods: universal dialectical method of cognition that allows to study the phenomena and processes of reality in their historical development, interrelationship and interdependence, and general scientific, special and private-legal research methods based on it.

Results: basing on the analysis of a significant number of domestic and foreign research on countering extremist activity, it is revealed that the existing classifications of extremism are extremely numerous, contradictory, many of them do not follow the classification rules (no substantiation of classifications, explanations and clarifications of the terms introduced into the scientific circulation)

Scientific novelty: classification of extremist activity is developed and introduced into scientific circulation, depending on extremism correlation with the current laws and regulations; author's definitions are formulated of extremist activities in the framework of the rules and extremist activity in the framework of the law, illegal extremist activity; it is proposed to avoid a regulatory interpretation of legal acts of "extremism" as a necessarily negative notion.

Practical value: the theoretical propositions formulated in the research can be used in scientific, legislative and law enforcement activity, educational process of higher education institutions for law, in professional development of practitioners and scientific-pedagogical personnel in the field of jurisprudence.

Key words: extremism; extremist activity; extremist behavior; types of extremism; classification extremism.

References

1. Chelpanov, G. I. *Uchebnik logiki* (Textbook on Logics). Moscow: Gospolitizdat, 1946. P. 117.
2. Afanas'eva, R. M. *Sotsiokul'turnye usloviya protivodeistviya ekstremizmu v molodezhnoi srede (sotsial'no-filosofskii analiz): dis. ... kand. filos. nauk* (Social-cultural conditions of extremism counteraction in the youth environment (social-philosophical analysis): a PhD (Philosophy) thesis). Moscow, 2007. P. 26.
3. Muminov, A. I. *Religiozniy ekstremizm kak ugroza sovremennomu obshchestvu (sotsial'no-filosofskii analiz): dis. ... kand. filos. nauk* (Religious extremism as a threat for the modern society (social-philosophical analysis): PhD (Philosophy) thesis). Moscow, 2007. Pp. 12–13.
4. Tomalintsev, V. N. *Chelovek v XXI veke: Poisk na grani tvorchestva i ekstremizma* (A human being in the 21st c. search at the verge of creativity and extremism). Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 2001. P. 27.
5. Khorovinnikov, A. A. *Ekstremizm kak sotsial'noe yavlenie (filosofskii analiz): dis. ... kand. filos. nauk* (Extremism as a social phenomenon (philosophical analysis): PhD (Philosophy) thesis). Saratov, 2007. Pp. 16–17, 19, 20.
6. Afanas'ev, N. N. Ideology of terrorism. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya*, 2002, no. 1, pp. 233–234 (in Russ.).
7. Serikov, A. V. *Molodezhnyi ekstremizm v sovremennoi Rossii: dinamika i otrazhenie v obshchestvennom mnenii u studentov (na primere Rostovskoi Oblasti): dis. ... kand. sots. nauk* (Youth extremism in modern Russia: dynamics and reflection in public opinion among students (on the example of Rostov oblast): PhD (Sociology) thesis). Rostov on Don, 2005. Pp. 54–56.
8. Knitel'shot, O. V. *Sistema protivodeistviya politicheskomu ekstremizmu v sovremennoi rossiiskom obshchestve: dis. ... kand. sots. nauk* (System of counteraction against political extremism in the modern Russian society: PhD (Sociology) thesis). Saratov, 2006. Pp. 57–58.
9. Vityuk, V. V., Efirov, S. A. "Levyi" terrorism na Zapade: istoriya i sovremennost' ("Left" terrorism in the West: history and modern condition). Moscow: Nauka, 1987. P. 320.
10. Voronov, I. V. *Osnovy politiko-pravovogo ogranicheniya sotsial'no-politicheskogo ekstremizma kak ugrozy natsional'noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. polit. nauk* (Bases of political-legal limitation of social-political extremism as a threat to the national security of the Russian Federation: PhD (Political Science) thesis). Moscow, 2003. P. 41.
11. Romanov, N. A. *Politicheskii ekstremizm kak ugroza natsional'noi bezopasnosti* (Political extremism as a threat to the national security). Moscow, 1997. P. 118.
12. Galkin, A. A. O kon'yunkturam i strategicheskoy ekstremizme (On conjuncture and strategic extremism). *Politicheskii ekstremizm v Rossiiskoi Federatsii i konstitutsionnye mery bor'by s nim: materialy nauchnoi konferentsii (31 marta–1 aprelya 1998 g.)*. Moscow, 1998. Pp. 74–76.
13. Sazonov, I. A. *Priroda i istoricheskie formy politicheskogo ekstremizma (na primere politicheskogo razvitiya Rossii v XX v.): dis. ... kand. polit. nauk* (Nature and historical forms of political extremism (on the example of political development of Russia in the 20th c): PhD (Political Science) thesis). Moscow, 2004. P. 61.
14. Kozlova, A. A. *Ekstremizm v srede peterburgskoi molodezhi: analiz i problemy profilaktiki* (Extremism among Saint Petersburg youth: analysis and issues of prevention). Saint Petersburg: KhIMIZDAT, 2003. P. 345.
15. Lopatin, I. D. *Ekstremizm kak sotsial'no-politicheskoe yavlenie sovremennogo mira (osobennosti ego vozniknoveniya i razvitiya v Rossii): dis. ... kand. polit. nauk* (Extremism as a social-political phenomenon of the modern world (features of occurrence and development in Russia): PhD (Political Science) thesis). Yaroslavl, 2007. P. 28.
16. Nekrasov, D. E. *Rasovo-etnicheskii ekstremizm (kriminologicheskii aspekt): dis. ... kand. yurid. nauk* (Racial-ethnic extremism (criminological aspect): PhD (Law) thesis). Ryazan, 2006. P. 31.
17. Yavorskii, M. A. *Organizatsiya vzaimodeistviya organov vnutrennikh del s religioznymi ob'edineniyami v sfere protivodeistviya proyavleniyam religioznogo ekstremizma: dis. ... kand. yurid. nauk* (Organization of interaction of law enforcement bodies with religious associations in the sphere of counteraction against religious extremism: PhD (Law) thesis). Saratov, 2009. Pp. 9, 50.
18. Stepanov, N. V. *Kriminologicheskie problemy protivodeistviya prestupleniyam, svyazannym s politicheskim i religioznym ekstremizmom: dis. ... kand. yurid. nauk* (Criminological issues of counteraction against crimes connected with political and religious extremism: PhD (Law) thesis). Moscow, 2003. Pp. 9, 35, 37.
19. Inshakov, S. M. *Kriminologiya: uchebnik* (Criminology: textbook). Moscow: Yurisprudentsiya, 2000. Pp. 333–335.
20. Ivanov, N. G. Nuances of criminal-legal regulation of extremist activity as a kind of group offence. *Gosudarstvo i pravo*, 2003, no. 5, p. 42 (in Russ.).
21. Skvortsova, T. A. *Religiozniy ekstremizm v kontekste gosudarstvenno-pravovogo obespecheniya natsional'noi bezopasnosti sovremennoi Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* (Religious extremism in the context of state-legal provision of national security of the modern Russia: PhD (Law) thesis). Rostov on Don, 2004. P. 27.
22. Burkovskaya, V. A. *Kriminal'nyi religiozniy ekstremizm: ugovolno-pravovye i kriminologicheskie osnovy protivodeistviya: dis. ... dokt. yurid. nauk* (Criminal religious extremism: criminal-legal and criminological bases of counteraction: Doctoral (Law) thesis). Moscow, 2006. P. 12.
23. Myl'nikov, B. A. *Protivodeistvie prestupleniyam ekstremistskoi napravlenosti: kriminologicheskie i ugovolno-pravovoi aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* (Counteraction against extremist crimes: criminological and criminal-legal aspects: PhD (Law) thesis). Moscow, 2005. Pp. 7, 17–18.
24. Wardlaw, G. *Political terrorism: theory, tactics and counter-measures*. Cambridge; New York: Cambridge univ. press, 1982. 218 p.
25. *The future of political violence: destabilization, disorder and terrorism* / Ed. by Richard Clutterbuck – Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan, 1986. 206 p.
26. *Psychopathology and politics* / By Harold D. Lasswell; with a new introd. by Fred I. Greenstein. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 339 p.
27. Rusanova, O. A. *Etnoreligiozniy ekstremizm kak sotsial'noe yavlenie v rossiiskom obshchestve (na primere severokavkazskogo regiona): diss. ... kand. sots. nauk* (Ethnic-religious extremism as a social phenomenon in the Russian society (on the example of the Northern Caucasus region): PhD (Sociology) thesis). Moscow, 2004. P. 22.
28. Ulezko, E. V. *Protivodeistvie ekstremizmu v etnoreligioznoi sfere: problemy i perspektivy evolyutsii gosudarstvennoi politiki (regional'nyi aspekt): dis. ... kand. polit. nauk* (Counteraction to extremism in ethnic-religious sphere: problems and prospects of state policy evolution (regional aspect): abstract of PhD (Political Science) thesis). Rostov on Don, 2009. Pp. 10, 13–14.
29. Safonov, M. A. *Politiko-pravovye osnovy protivodeistviya etnokontfessional'nomu ekstremizmu na Severnom Kavkaze: dis. ... kand. polit. nauk* (Political-legal bases of ethno-confessional extremism counteraction in the Northern Caucasus: abstract of PhD (Political Science) thesis). Moscow, 2009. P. 13.

30. Dement'ev, D.A. *Istoricheskii opyt bor'by s etnoreligioznym ekstremizmom na Severnom Kavkaze (1992–2007 gg.): dis. ... kand. ist. nauk* (Historical experience of struggle against ethnic-religious extremism in the Northern Caucasus (1992–2007): PhD (History) thesis). Slavyansk-na-Kubani, 2008. P. 155.
31. Kadieva, A. M. *Religiozniy ekstremizm: sushchnost', prichiny, puti preodoleniya: dis. ... kand. filos. nauk* (Religious extremism: essence, causes, ways of counteraction: abstract of a PhD (Philosophy) thesis). Makhachkala, 2008. P. 7.
32. Labunets, M. I. *Politicheskii ekstremizm: etnonatsional'naya regionalizatsiya: dis. ... kand. polit. nauk* (Political extremism: ethnic-national regionalization: PhD (Political Science) thesis). Rostov on Don, 2002. Pp. 64–65.
33. Murtazin, M. Kh. *Singal'skii ekstremizm v politicheskoi zhizni Shri-Lanki (na primere deyatelnosti Narodnogo fronta osvobozhdeniya): dis. ... kand. polit. nauk* (Singalese extremism in the political life of Sri Lanka (on the example of People's Liberation Front activity): abstract of a PhD (Political Science) thesis). Kazan, 1993. P. 15.
34. Azeva, S. V. *Sovremenniy politicheskii ekstremizm v Rossii: strukturno-funktsional'nyi analiz: dis. ... kand. polit. nauk* (Modern political extremism in Russia: structural-functional analysis: PhD (Political Science) thesis). Nizhnii Novgorod, 2005. P. 60.
35. Kurbanov, Kh. T. *Religiozno-politicheskii ekstremizm na severo-vostochnom Kavkaze: ideologiya i praktika (na materialakh Respubliki Dagestan): dis. ... kand. polit. nauk* (Religious-political extremism in the North-eastern caucasus: ideology and practice (on the materials of Dagestan Republic): PhD (Political Science) thesis). Makhachkala, 2006. Pp. 9, 30, 57.
36. Fedorko, S. N. *Sovremennye politicheskie tekhnologii protivodeistviya radikal'nym obshchestvennym dvizheniyam: dis. ... kand. polit. nauk* (Modern political technologies of counteraction against radical public movements: PhD (Political Science) thesis). Nizhnii Novgorod, 2007. P. 129.
37. Glotov, V. A. *Regional'nyi opyt protivodeistviya ekstremizmu i terrorizmu v sovremennoi Rossii (na primere g. Moskvy): dis. ... kand. polit. nauk* (Regional experience of counteraction against extremism and terrorism in modern Russia (on the example of Moscow): abstract of a PhD (Political Science) thesis). Moscow, 2010. P. 15.
38. Grechkina, E. N. *Molodezhnyi politicheskii ekstremizm v usloviyakh transformiruyushcheysya rossiiskoi deistvitel'nosti: dis. ... kand. polit. nauk* (Youth political extremism under the transforming Russian reality: PhD (Political Science) thesis). Stavropol, 2006. Pp. 16–17.
39. Kochergin, R. O. *Protivodeistvie molodezhnomu ekstremizmu: pravovye i kriminologicheskie problemy: dis. ... kand. yurid. nauk* (Counteraction against youth extremism: legal and criminological problems: PhD (Law) thesis). Rostov on Don, 2008. P. 11.
40. Zhukova, O. S. *Pravovye mery protivodeistviya informatsionnomu ekstremizmu: dis. ... kand. yurid. nauk* (Legal measures of counteraction against information extremism: PhD (Law) thesis). Voronezh, 2006. P. 43.
41. Demirov, K. K. *Kriminologicheskaya kharakteristika religioznogo ekstremizma (po materialam Respubliki Dagestan): dis. ... kand. yurid. nauk* (Criminological characteristics of religious extremism (on the materials of Dagestan Republic): PhD (Law) thesis). Makhachkala, 2005. Pp. 51, 58.
42. Kazak, V. V. *Blizhnii Vostok: problema ekspansii terrorizma i islamskogo ekstremizma (70–90 gg. XX v.): dis. ... kand. ist. nauk* (Middle East: problem of terrorism and Islamic extremism expansion (70–90-s of the 21st c.): PhD (History) thesis). Vladimir, 2006. P. 4.
43. Kilyashkanov, Kh. Sh. *Sotsial'no-filosofskii analiz fenomena politicheskogo ekstremizma v usloviyakh reformirovaniya rossiiskogo obshchestva: dis. ... kand. filos. nauk* (Social-philosophical analysis of the political extremism phenomenon under reforming of the Russian society: PhD (Philosophy) thesis). Tver, 2006. P. 58.
44. Brodskii, I. N. *K voprosu o protsesse obrazovaniya ponyatii (On the issue of the process of notion formation). Voprosy logiki*. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1957. P. 58.
45. Dzhunusov, M. S. *Natsionalizm. Slovar'-spravochnik* (Nationalism. Dictionary- reference book). Moscow: Slavyanskii dialog, 1998. Pp. 141–159.
46. *Obshchie svedeniya o sostoyanii prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii za yanvar'-dekabr' 2013 g.* (General information on the state of crime in the Russian Federation in January-February 2013.), available at: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734/>
47. Brazhnik, I. I. *Religiozniy ekstremizm: popranie prav veruyushchikh (Religious extremism: violating of the believers' rights). Nauka i religiya*, 1981, no. 1, pp. 19.
48. Zherugov, R. T. *Pravomernoe povedenie (Lawful behavior). Pravo. Kul'tura. Demokratiya. Sb. statei*. Moscow; Nal'chik: EL-FA, 1995. Pp. 229.
49. Bikeev, I. I. *Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnoe obrashchenie s predmetami vooruzheniya (Criminal liability for illegal handling of arms)*. Kazan: Poznanie, 2007. Pp. 28–29.

Received 20.01.14

Information about the author

Nikitin Andrey Gennadyevich, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Theory of State and Law and Public-legal Disciplines, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: anikitin@ieml.ru

How to cite the article: Nikitin A. G. Types and classification of extremist behavior: general theoretical and legal issues. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 186–194.

© Nikitin A. G., 2014

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

УДК 347.721:347.191

О. А. ЛАЗАРЕВА,
г. Казань, Россия

ХОЛДИНГ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Цель: выработать комплексное цивилистическое представление о выраженных в нормах гражданского права России особенностях осуществления деятельности субъектов гражданского права, ведущих к образованию холдингов как структур без самостоятельной правосубъектности, совершенствованию взаимодействия между отдельными юридическими лицами – элементами таких структур, а также действий по управлению указанными юридическими лицами.

Методы: общенаучный диалектический метод, а также современные научные методы познания, такие как сравнительно-правовой, формально-логический, системно-аналитический, межотраслевой, исторический, описательный.

Результаты: проведенный анализ теоретических и практических проблем позволил сформулировать ряд предложений по уточнению применяемой в исследуемых областях правовой терминологии и по совершенствованию законодательства в соответствующей сфере.

Научная новизна: произведено исследование теоретических и практических аспектов организации холдинга как предпринимательского объединения и управления в рамках такого объединения. Сформировано представление о сущности и правовой природе холдинговых объединений. Уточнены специфические признаки холдинговых объединений. Проанализированы (с правовой позиции) структура и особенности создания холдингов, выявлены особенности внутрихолдинговых правоотношений, в том числе связанные с контролем над управляемым хозяйственным обществом.

Практическая значимость: те методические и методологические положения, которые содержатся в работе, доведены до степени практической рекомендации и могут быть применены при создании холдинговых объединений, разработках целенаправленных и конкретных критериев, которые направлены на увеличение эффективности гражданско-правового управления в холдингах объединениях.

Ключевые слова: холдинг; холдинговые отношения; корпоративные отношения; корпоративное законодательство; антимонопольное законодательство.

Введение

В России в 1990-е гг. развивающаяся рыночная экономика требовала использования совершенно новой, неизвестной ранее в нашей стране формы хозяйственной интеграции. Одной из таких форм стали холдинговые объединения, которые были заимствованы из стран, традиционно развивавших экономику рыночного типа. Так, например, генезис холдинговых объединений в Европе был ориентирован исключительно на вклад денежных средств, также он совмещается с первоначальной стадией европейского процесса индустриализации [1, с. 5].

В России холдинги воспринимались как приемлемые формы разгосударствления больших компаний, блоков, концернов. Объединения подобного рода с государственными долями участия сформировались в нашей стране по

преимуществу в областях, относящихся к категориям естественных монополий, а также в тех областях, которые были демополизованы, и где потеря государственного контроля была бы нежелательной по представлениям стратегического характера. В других областях (кроме топливно-энергетических комплексов) появилось около 100 холдинговых объединений при участии государства (например, «Российская электроника», «Российская металлургия», «Связьинвест»).

Отличительными характеристиками холдингов было то, что корпоративное управление не являлось для них первоочередным, поскольку они создавались с целью контроля над деятельностью подчиненной или интегрированной компании. Следовательно, большинство холдинговых объединений изначально появились как формы разгосударствления больших ассоциаций и компаний

и как способы преобразования несовместимых с рынками изжившей государственной управленческой структуры.

Результаты исследования

В настоящее время механизм четких правовых урегулирований взаимоотношений с участием холдинговых объединений отсутствует. Укрупнение субъектов предпринимательской деятельности как тенденции последнего времени спровоцировало появление холдинговых объединений, желающих именовать себя «группами компаний». Одновременно отсутствие законодательства, которое бы регулировало деятельность этих объединений, взаимодействие с дочерними обществами, взаимодействие самих холдинговых объединений друг с другом, осуществление госконтроля являются одними из многочисленных причин роста количества корпоративных конфликтных ситуаций.

14 мая 1999 г. был внесен в Государственную Думу законопроект № 99049555-2 «О холдингах». Закон был принят в первом чтении 20 октября 1999 г., во втором чтении – 24 ноября, отклонен Советом Федерации 22 декабря, впоследствии дорабатывался согласительной комиссией 7 июля 2000 г., наконец, одобрен Советом Федерации, но 20 числа того же месяца отклонен президентом, 11 октября 2001 г. создана согласительная комиссия. Но закон в редакции этой комиссии не был принят (20 февраля 2002 г.). Наконец, 07 июня 2002 г. закон был снят с рассмотрения Государственной Думы. Такая сложная история законопроекта говорит как о сложности сферы, которую собирались регламентировать, так и о многочисленных спорах о концепции правового регулирования.

Президентом РФ проект был отклонен со ссылкой на отсутствие при разработке определенных экономических и юридических целей образования и регламентации деятельности холдинговых объединений. Вследствие чего данный законопроект включает в себе огромное количество малопонятных положений, использование которых затруднительно, а некоторые положения находятся в противоречивом отношении к Гражданскому кодексу Российской Федерации и прочим федеральным законам.

По оценке разработчиков, данный проект имел «рамочный» характер. На взгляд многих специалистов, проект был «сырым», не в меру общим,

не обладающим механизмами осуществления большинства заключающихся в нем положений. Где не затрагивался вопрос взаимоотношения холдинга с антимонопольным, налоговым органом, также не подвергались рассмотрению аспекты внутреннего взаимоотношения в холдингах, не уделялось внимания вопросу корпоративных управленческих функций и корпоративного контроля в данном типе объединения. Положительным моментом, содержащимся в законопроекте, являлось включение консолидированных отчетностей членов-участников холдинговых объединений, упрощенное налогообложение.

Исследовав ситуации относительно правовых регулирований организации и деятельности холдинговых объединений, можно заметить, что и в России, и в мире сформировалось несколько направлений в гражданско-правовом регулировании холдинговых объединений – специальные нормы в единых нормативных актах либо нормы корпоративного и антимонопольного законодательства.

Следует четко понимать, что холдинговые отношения (отношения между членами-участниками холдинга) не являются корпоративными. Корпоративными надлежит считать отношения, которые связаны с «правом участия» в корпорациях, а также которые соответствуют обязательственным отношениям между учредителями (членами-участниками) и корпорациями. Холдинговые объединения как совокупности юридических лиц корпорациями не являются.

В корпоративных отношениях саморегулирование следует понимать как самостоятельную инициативную деятельность самого субъекта права, содержанием которой являются разработка, установление и реализация механизмов управления субъектом и внутреннего корпоративного контроля.

Действительно, законы об акционерном обществе¹ и об обществе с ограниченной ответственностью² содержат общие сведения о дочерних компаниях, открыто не регулируют отношения в холдинговых объединениях. Отдельные нормы

¹ Об акционерных обществах: Федеральный закон РФ № 208-ФЗ: от 26 декабря 1995 г. // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

² Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон № 14-ФЗ от 8 февраля 1998 г. // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

данных законов фактически дублируют нормы ГК Российской Федерации. Но формирование правовых урегулирований взаимоотношений в холдинговых объединениях полностью может пойти по пути видоизменений в эти корпоративные законы [2, с. 208].

Можно оспорить – корпоративное законодательство размещается в области действий частного права и включает в себе критерии правовой природы. Включение публично-правовой нормы и употребление публично-правовых средств не свойственно для надлежащей сравнительно самостоятельной отрасли гражданского права. Даже норма о государственной регистрации³, носящая публичную природу, выведена из законов и положений об АО и об ООО. Включение в данные законы нормы о холдинговых объединениях приведет к дисбалансу в правовых урегулированиях.

Урегулирование взаимоотношений в холдинговых объединениях без принятия специальных нормативно-правовых актов допустимо путем определения всевозможных изменений как в корпоративное, так и в антимонопольное законодательство. В данное время как раз такая система и применяется законодателем. Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» от 26 июля 2006 г. включает в себе определение «группа лиц»⁴. Группы лиц рассматриваются в данном законе в качестве самостоятельных и единых хозяйствующих субъектов. Это вытекает из того, что в рамках этого закона запрет на действие (или бездействие) хозяйствующих субъектов распространяется в целом на все группы лиц. Кроме этого, члены-участники холдингового объединения считаются и лицами аффилированными, исходя из антимонопольного законодательства.

Кроме того, закон о конкуренции включает в себе положение о контроле над экономическими концентрациями (гл. 7 данного закона), норма напрямую касается холдинговых объединений.

³ О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Федеральный закон № 129-ФЗ от 8 августа 2001 г. (с изм., внесенными ФЗ № 140-ФЗ от 19 июля 2007 г.) // СЗ РФ. 2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3431.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

Существенная трудность в правоприменительной практике по холдинговым объединениям появляется ввиду особенных критериев экономических зависимостей юридически автономных компаний в гражданских, антимонопольных, налоговых законодательствах и употребления разных понятий в каждом правовом образовании.

На сегодняшний момент управление холдингами связано с использованием приемов корпоративного саморегулирования. Но, на наш взгляд, саморегулирование – намного более широкое понятие, чем то, которое дано в законе. В экономической литературе термином «саморегулирование» (self-regulation) называют институты, в рамках которых, во-первых, группами экономических агентов формируются и модифицируются легитимные (не противоречащие формальным, учрежденным государством) понятия, которые регулируют хозяйственную деятельность данных агентов. Во-вторых, объект контроля имеет возможности законно управлять поведением контролера (т. е. регулятора) [3, с. 93]. Поэтому здесь мы можем говорить и об индивидуальном, и о корпоративном саморегулировании.

Было высказано мнение, в соответствии с которым саморегулирование в области действий гражданского права – это не что иное, как «проявление гражданско-правовой диспозитивности» [4, с. 6]. Саморегулирование действительно можно рассмотреть с позиций учения о методе правового регулирования. Связь саморегулирования и гражданско-правового метода очевидна. Впервые заговорил о том, что признаки метода предназначаются для выражения правовой самостоятельности субъекта С. С. Алексеев [5, с. 275]. В. Ф. Яковлев, изучая гражданско-правовые методы урегулирования общественного взаимоотношения, обращал внимание на типичные черты гражданско-правовых методов: правонаделение, правовая инициатива, диспозитивность, юридическое равенство субъектов.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что саморегулирование как проявление диспозитивности является естественным для юридического лица в условиях рыночной экономики. При этом корпоративное (внутреннее) саморегулирование является естественным и обоснованным для любого хозяйственного общества, вне зависимости от того, является оно холдинговой компанией или нет.

В корпоративных отношениях саморегулирование следует понимать как самостоятельную инициативную деятельность самого субъекта права, содержанием которой является установление, разработка и реализация механизмов управления субъектом и внутреннего корпоративного контроля.

К. Я. Портной отмечает, что холдинговые объединения, будучи участниками гражданских оборотов, не являются субъектом гражданско-правовых отношений по требованиям Гражданского кодекса Российской Федерации. Они участвуют в гражданских оборотах как некие целостные образования, как единые хозяйствующие субъекты, обладающие частичной правосубъектностью. Вследствие этого предполагается считать холдинговые объединения квазисубъектом гражданско-правовых взаимоотношений [6, с. 9]. Предпринимательское объединение типа холдинга, по мнению И. С. Шиткиной, обладает отдельным элементом правосубъектности [7, с. 107, 110].

В правовой литературе не является новой точка зрения о возможностях признания за различными предпринимательскими организациями, которые не являются юридическим лицом, частичной правовой субъектности. Так, например, по словам В. В. Лаптева, производственно-хозяйственный комплекс в целом, как некая система, которая не является юридическим лицом, обладает отдельными частями предпринимательской правосубъектности [8, с. 127].

Считаем, что с идеями о признании холдинга субъектом гражданского права согласиться нельзя. Быть субъектом – значит обладать гражданскими правами и обязанностями, заключать договоры, выступать от своего имени в суде. Подобных самостоятельных действий у холдинга, понимаемого как совокупность лиц, не наблюдается.

Кроме того, при указании, что холдинг выступает в обороте как единый субъект, часто упускается качественная характеристика элементов холдинга – самостоятельных субъектов, полноценных субъектов, обладающих всеми признаками юридического лица, выступающего в обороте от своего имени.

Что же касается участия холдингов в отношениях, регулируемых антимонопольным законодательством, то необходимо отметить, что сама по себе возможность указания здесь на какие-то элементы

правосубъектности связана с особенностью антимонопольного законодательства: группа лиц здесь всегда рассматривается как одно лицо [9, с. 120].

Выводы

На наш взгляд, правосубъектность холдинговых организаций может рассматриваться только в публичных по своей природе взаимоотношениях, где требуется взаимодействие всех участников холдинга с органами государственной власти. Наделение достаточно ограниченной правоспособностью холдинговых объединений в антимонопольном отношении надлежит рассматривать как оригинальный прием правового урегулирования. Например, ограничения негативного экономического последствия деятельности холдинговых объединений.

В заключение отметим, что правовое значение экономической основы холдинга состоит в том, что исторически и функционально конструкции холдингового типа сложились под влиянием экономических потребностей, а не специального направленного правового регулирования. Поэтому нормы, регулирующие холдинговые отношения, представляют собой внешнее отражение реальных экономических процессов.

Список литературы

1. Портной К. Я. Правовое положение холдингов в России: научно-практическое пособие. М.: Волтерс Клувер. 2004. С. 5.
2. Чельшев М. Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та им. В.И. Ульянова-Ленина, 2009. 208 с.
3. Крючкова П. В., Обыденков А. Ю. Издержки и риски саморегулирования // Международная конфедерация обществ потребителей (КонфОП). М.: ИИФ «СПРОС-КонфОП», 2003. С. 93.
4. Максимович О. Н. Саморегулирование в сфере предпринимательской деятельности как проявление гражданско-правового метода регулирования общественных отношений: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. С. 6.
5. Алексеев С. С. Предмет советского социалистического права // Ученые труды. Т. 1. Свердловск, 1959. С. 275.
6. Портной К. Я. Правовое положение холдингов в России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2003. С. 9.
7. Холдинги: правовой и управленческий аспекты. Законодательные и другие нормативные акты. Профессиональный комментарий канд. юрид. наук. И. С. Шиткиной. М., 2002. С. 107, 110.
8. Лаптев В. В. Акционерное право. М., 1999. С. 127.
9. Основы антимонопольного регулирования в Российской Федерации / под общ. ред. И. Ю. Артемьева. Казань: ООО «Полигрант», 2009. С. 120.

В редакцию материал поступил 30.01.2014

© Лазарева О. А., 2014

Информация об авторе

Лазарева Ольга Анатольевна, закончила аспирантуру Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: loa-07@mail.ru

Как цитировать статью: Лазарева О. А. Холдинг: особенности правового регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 195–199.

O. A. LAZAREVA

HOLDING: FEATURES OF LEGAL REGULATION

Objective: to develop a comprehensive civil law view of the peculiarities of activity of the subjects of civil law, expressed in the norms of civil law of Russia, leading to the formation of holdings as structures not being an independent legal subject, and to improving interaction between separate legal entities - elements of these structures, as well as management activities of the legal entities.

Methods: General scientific dialectical method and modern scientific methods of cognition, such as comparative legal, formal logical, systematic and analytical, intersectoral, historical narrative.

Results: the analysis of the theoretical and practical problems allowed to formulate a number of proposals on specification of legal terminology used in the fields of the study and on improvement of legislation in the relevant field.

Scientific novelty: the research is carried out on theoretical and practical aspects of the holding organization as business association and management in the framework of this association. A view is formed on the essence and the legal nature of the holding associations. Specific features of the holding associations are detailed. Structure and features of holdings creation are analyzed (from the legal point of view). Peculiarities of intercompany relations are revealed, including those relating to control of the managed company.

Practical value: the methodical and methodological provisions contained in the work, are brought to the extent of practical recommendations and can be applied to the creation of holding associations, the development of targeted and specific criteria, which are aimed at increasing the efficiency of the civil control in holdings and associations.

Key words: holding; holding relations; corporate relations; corporate law; antimonopoly law.

References

1. Portnoi, K. Ya. *Pravovoe polozhenie kholdingov v Rossii: nauchno-prakticheskoi posobie* (Legal position of holdings in Russia: scientific-practical manual). Moscow: Volters Kluver. 2004. P. 5.
2. Chelyshev, M. Yu. *Osnovy ucheniya o mezhotraslevykh svyazyakh grazhdanskogo prava* (Bases of a doctrine on inter-sectoral links of civil law). Kazan: Izd-vo Kazan. gos. un-ta im. V.I. Ul'yanova-Lenina, 2009. 208 p.
3. Kryuchkova, P. V., Obydenov, A. Yu. Izderzhki i riski samoregulirovaniya (Costs and risks of self-regulation). *Mezhdunarodnaya konfederatsiya obshchestv potrebiteli (KonfOP)*. Moscow: IIF "SPROS-KonfOP", 2003. P. 93.
4. Maksimovich, O. N. *Samoregulirovanie v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti kak proyavlenie grazhdansko-pravovogo metoda regulirovaniya obshchestvennykh otnoшений: dis. ... kand. yurid. nauk* (Self-regulation in the sphere of entrepreneurship as a presentation of civil-legal technique of public relations regulation: abstract of a PhD (Law) thesis). Kazan, 2007. P. 6.
5. Alekseev, S. S. *Predmet sovetskogo sotsialisticheskogo prava* (Subject of the Soviet Socialist law). *Uchenye trudy*. T. 1. Sverdlovsk, 1959. P. 275 (in Russ.).
6. Portnoi, K. Ya. *Pravovoe polozhenie kholdingov v Rossii: dis. ... kand. yur. nauk* (Legal position of holdings in Russia: abstract of a PhD (Law) thesis). Moscow, 2003. P. 9.
7. Shitkina, I. S. *Kholdingi: pravovoi i upravlencheskii aspekty. Zakonodatel'nye i drugie normativnye akty*. (Holdings: legal and managerial aspects. Legislative and other normative acts. Moscow, 2002. Pp. 107, 110.
8. Laptev, V. V. *Aktsionerное право* (Joint-stock law). Moscow, 1999. P. 127.
9. Artem'ev, I. Yu. *Osnovy antimonopol'nogo regulirovaniya v Rossiiskoi Federatsii* (Bases of anti-monopoly regulation in the Russian Federation). Kazan, OOO "Poligrant", 2009. P. 120.

Received 30.01.14

Information about the author

Lazareva Olga Anatolyevna, Post-graduate student, Kazan (Volga region) Federal University
E-mail: loa-07@mail.ru

How to cite the article: Lazareva O. A. Holding: features of legal regulation. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 195–199.

© Lazareva O. A., 2014

УДК 347.21:347.2

Е. В. ЛУНЕВА,
аспирант

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия

СООТНОШЕНИЕ ИЗЪЯТЫХ, ОГРАНИЧЕННЫХ И ЗАПРЕЩЕННЫХ В ОБОРОТЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Цель: анализ и сравнение правовых категорий «изъятые из оборота объекты», «ограниченные в обороте объекты» и «запрещенные в обороте объекты».

Методы: формально-логический, сравнительный и метод межотраслевых юридических исследований.

Результаты: на основе проведенного анализа даны определения ограниченных и изъятых из оборота объектов. Предложены два параметра их разграничения. Показано, что в законодательстве понятие «запрещенные в обороте объекты» используется в значении изъятых из оборота благ.

Научная новизна: предложены авторские критерии дифференциации ограниченных и изъятых из оборота объектов гражданских прав.

Практическая значимость: результаты исследования можно использовать в правотворческой, правореализационной и правоприменительной деятельности, а также для научных изысканий в области гражданского оборота.

Ключевые слова: гражданский оборот; изъятые из оборота объекты; ограниченные в обороте объекты; запрещенные в обороте объекты.

Введение

Переход социальных благ, образующий движение цивилистических отношений, так же важен, как и состояние их принадлежности, поскольку динамика частноправовых отношений отвечает за организацию имущественных взаимосвязей между гражданско-правовыми субъектами. Актуальной является проблема пределов допущения объектов в гражданский оборот [1], что проецируется на отдельные вопросы сдерживания их оборотоспособности. В такой ситуации необходимо четкое разграничение категорий **изъятых из оборота** и **ограниченных** в нем объектов.

Результаты исследования

Опираясь на принцип единства и дифференциации гражданско-правового регулирования, следует признать, что «изъятые из оборота объекты» и «ограниченно оборотоспособные» имеют общее свойство, выраженное в лимитировании возможности нахождения конкретного объекта в гражданском обороте, однако степень ограничения у них разная. Семантика слова «изъять» означает исключить, устранить, а также вообще удалить, вынуть [2, с. 238], в то время как понятие «ограничить» определяется как постановка в какие-нибудь рамки, границы [2, с. 436]. Стало быть, с точки зрения языкового смысла, изъятые

из оборота объекты исключаются из него *полностью и в нем не участвуют*, а ограниченно оборотоспособные *остаются в обороте*, но в отношении них устанавливаются особые требования и условия перехода прав. Поэтому в юридической литературе справедливо указывается, что ограниченные в обороте блага могут менять хозяина лишь при соблюдении ряда условий, а изъятые вовсе к этому неспособны [3, с. 117].

В зависимости от причин, препятствующих вовлечению в оборот, М. А. Астахова предлагает изъятые из оборота объекты подразделять на *абсолютно* и *относительно* необоротоспособные объекты [4, с. 43; 5, с. 4]. К первым автор относит объекты, характеризующиеся принципиальной невозможностью участия в обороте даже в условиях отсутствия легального запрета на их переход (нематериальные блага, обязательственные права, неразрывно связанные с личностью кредитора); ко вторым – объекты, которые потенциально могут быть отчуждены, однако на основании императивного указания закона или индивидуального соглашения сторон (в договоре допускается предусматривать запрет на уступку требования кредитором другому лицу) они признаны изъятыми из оборота для обеспечения государственных, общественных и частных интересов [4, с. 43; 5, с. 4].

До реформирования гражданского законодательства дифференцирующий легальный признак ограниченных в обороте объектов, выраженный в возможности принадлежать лишь определенным субъектам, не позволял отграничить такие блага от изъятых из оборота, поскольку последними также мог обладать только строго обозначенный круг лиц. Поэтому сложившееся регулирование отношений, связанных с изъятыми и ограниченными в обороте объектами гражданских прав, позволяет говорить о том, что большинство из них в правовом смысле ранее придаваемых законодателем являлись ограниченными в обороте.

Федеральным законом № 142-ФЗ от 02.07.2013 «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ (далее – ФЗ № 142) из ст. 129 ГК РФ исключены изъятые из оборота объекты, поскольку они охватываются понятием «ограничения оборотоспособности объектов гражданских прав». Однако это вовсе не означает, что изъятые из оборота объекты полностью удалены из ГК РФ и иного отраслевого законодательства. Примером тому служат личные нематериальные блага, результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации, а также обязательственные права, неразрывно связанные с личностью кредитора, которые согласно ст.ст. 150, 129 и 383 ГК РФ неотчуждаемы и непередаваемы и могут принадлежать только конкретным людям. Кроме того, определяя предмет залога, сам ГК РФ в ч. 1 ст. 336 использует термин «имущество, *изъятая* из оборота».

Похожее обстоятельство произошло и с информацией, которая с 1 января 2008 г. исключена из ст. 128 ГК РФ², закрепляющей перечень объектов гражданских прав, однако как объект гражданских прав она осталась в ГК РФ. Не вызывает сомнений, что получая субъективное право на секрет производства, лицо одновременно овладе-

вает нужным ему объектом – информацией. Обратим внимание, что потребительская информация, а также информация в сфере информационных услуг являются в первом случае объектом преддоговорных гражданских правоотношений, а во втором – объектом непосредственно цивилистических отношений [6, с. 88–92].

С учетом изменений гражданского законодательства объекты гражданских прав характеризуются либо как свободные, либо как ограниченные в обороте. При этом в последнюю категорию входят объекты, которые имеют разный уровень ограничений при переходе от одного лица к другому. Теперь их можно систематизировать как полностью ограниченные, когда закрепляется максимальное лимитирование в правовой циркуляции объектов (неотчуждаемые и непередаваемые блага, т. е. изъятые из оборота), и частично ограниченные в обороте (рисунок ниже).

Виды объектов гражданских прав в зависимости от оборотоспособности

Немаловажным является тот факт, что, согласно ч. 4 ст. 3 ФЗ № 142, правовой режим объектов гражданских прав, которые до дня вступления в силу указанного нормативного правового акта признавались изъятыми из оборота и в соответствии с п. 2 ст. 129 ГК РФ признаются ограниченными в обороте, сохраняется. Из приведенной нормы следует, что ранее изъятые из оборота объекты теперь считаются ограниченно оборотоспособными (полностью ограниченные в обороте) с сохранением первоначального их режима. Обозначенное положение распространяется на

¹ О внесении изменений в подраздел 3 раздела I ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 142-ФЗ от 02.07.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

² О введении в действие ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 231-ФЗ от 18.12.2006 (с изм. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5497.

ст. 27 ЗК РФ «Ограничения оборотоспособности земельных участков», которая выделяет земельные участки как изъятые из оборота, так и ограниченные в нем; и на ст. 6 Федерального закона № 33-ФЗ от 14.03.1995 (с изм. от 25.06.2012) «Об особо охраняемых природных территориях»³ (далее – ФЗ «Об ООПТ»), изымающую из оборота природные ресурсы и недвижимое имущество государственных природных заповедников. Подобная ситуация наблюдается и с химическим оружием, объектами по его хранению и уничтожению; с некоторыми пестицидами и агрохимикатами; с космическими аппаратами и объектами наземной космической инфраструктуры, относящимися к спутниковым навигационным системам, создаваемым за счет федерального бюджета; со средствами и объектами Государственной службы времени, частоты и определения параметров вращения Земли, которые также признаются изъятыми из оборота. Они могут находиться исключительно в федеральной собственности и не подлежат отчуждению.

Кроме того, в нормативных правовых актах существуют положения об изъятых из оборота объектах, принадлежащих частным лицам [3, с. 122–123]. Производители некачественной или опасной продукции в случаях установления несоответствия последней требованиям санитарных правил обязаны *изъять* ее за свой счет *из оборота* и уничтожить⁴. В период после изъятия и до утилизации такие объекты находятся в федеральной, региональной, муниципальной (если производитель – унитарное предприятие) или в частной собственности коммерсантов, которым запрещено передавать их, а тем более отчуждать другим гражданско-правовым субъектам. Похожие примеры имеются и в ГК РФ, где *изъятие из оборота* и последующее уничтожение материаль-

ных носителей, содержащих изображение гражданина или информацию о его частной жизни, а также контрафактных материальных носителей, товаров, этикеток, упаковок продукции, полученных или используемых с нарушением законодательства, применяется как средство защиты личных нематериальных благ и исключительных прав соответственно (ст.ст. 152.1, 152.2, 1252, 1515, 1537 ГК РФ).

В одних государствах изъятые из оборота объекты нормативно закреплены в гражданском законодательстве, в других – нет. Статья 129 ГК Республики Беларусь [7] наряду с ограниченными в обороте предусматривает и изъятые из оборота объекты. Статья 826 ГК Италии закрепляет так называемые патримониальные вещи, изъятые из оборота, к которым относится имущество, предназначенное для нужд публичных служб [8, с. 236–237]. В ГГУ не упоминается о вещах, изъятых из оборота, однако общепризнано, что обозначенная категория существует, а режим таких объектов устанавливается исключительно публичным правом [9, с. 195]. Интересно, что в ст. 178 ГК Украины [10] наряду с изъятыми из гражданского оборота и ограниченными в обороте выделяются объекты, которые неотъемлемы от физического или юридического лица. Практически в ГК Украины воспроизводится рассмотренная выше классификация изъятых из оборота объектов, описываемая М. А. Астаховой.

Думается, что в целях обеспечения системности законодательства РФ целесообразнее было бы не исключать категорию изъятых из оборота объектов из ст. 129 ГК РФ, а использовать другой подход к модернизации ограничений оборотоспособности объектов гражданских прав: например, восстановить обе категории в указанной статье и выделить четкие нормативные параметры их дифференциации.

Предлагаем два критерия разграничения **изъятых и ограниченных в обороте объектов гражданских прав**:

- 1) возможность совершения цивилистических сделок, не связанных с отчуждением;
- 2) наличие исключений в запретах.

Считаем, что в качестве *изъятых из оборота* необходимо рассматривать объекты, которые не разрешено отчуждать *и совершать по их поводу любые гражданско-правовые сделки*, независи-

³ Об особо охраняемых природных территориях: Федеральный закон № 33-ФЗ от 14.03.1995 (с изм. от 25.06.2012) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 12. Ст. 1024.

⁴ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон № 52-ФЗ от 30.03.1999 (с изм. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1650; О качестве и безопасности пищевых продуктов: Федеральный закон № 29-ФЗ от 02.01.2000 (с изм. от 19.07.2011) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 150.

мо от принадлежности к определенному кругу лиц, поскольку, как было показано, изъятые из оборота блага могут находиться в любой форме собственности. Кроме того, в законе для таких объектов гражданских прав *не могут быть предусмотрены отступления* из приведенного правила, в противном случае они станут ограниченно оборотоспособными. Под последними надо понимать такие объекты гражданских прав, которые либо не разрешается предоставлять в частную собственность, *если законом не предусмотрено иное*, либо для этого *требуется специальное разрешение*; также они могут быть *предметами иных гражданско-правовых сделок, не связанных с отчуждением*.

Обратим внимание и на то, что в ряде нормативных правовых актов РФ наряду с изъятыми и ограниченными в обороте используется категория «запрещенные в обороте объекты»⁵, однако законодатель придает такому термину смысл изъятых из оборота благ, поскольку на переход последних по общему правилу установлен *запрет*. Тем более, что до внесения изменений в ч. 2 ст. 129 ГК РФ, ей устанавливалось положение, согласно которому в обороте нахождение изъятых из оборота благ не допускалось, другими словами оно *запрещалось*. В юридической литературе в качестве синонима изъятых из оборота объектов часто применяется словосочетание «запрещены в обороте» [11; 12]. Поэтому для достижения правовой определенности считаем целесообразным внести изменения в соответствующие разделы законодательства в виде замены слова «запрещенные» на «изъятые».

Предложенные выше критерии разграничения изъятых и ограниченных в обороте объектов позволяют обеспечить единое терминологическое поле между гражданским и земельным законодательством. В п.п. 2 и 4 ст. 27 ЗК РФ в качестве

отличительных признаков **изъятых из оборота** и **ограниченно оборотоспособных** земельных участков закрепляются:

- 1) возможность нахождения в региональной и муниципальной собственности;
- 2) запрещение на совершение сделок, предусмотренных гражданским законодательством;
- 3) отсутствие исключения (иное не может быть предусмотрено федеральным законодательством) из приведенных правил.

Казалось бы, проблема соотношения анализируемых категорий в земельном праве решена на законодательном уровне, однако ЗК РФ необоснованно предусматривает случаи отступления от п. 2 ст. 27 ЗК РФ, несмотря на то, что она не содержит подобной оговорки. Согласно п. 11 ст. 22 ЗК РФ, допустимо сдавать в аренду земельные участки, изъятые из оборота, если такое правило установлено федеральным законом. В целях рекреационной деятельности законодатель разрешает заключать договоры аренды, предметом которых являются изъятые из оборота земельные участки национальных парков (ст. 17 ФЗ «Об ООПТ»).

Аналогично, по ст. 24 ЗК РФ, изъятые из оборота земельные участки в границах государственных природных заповедников и национальных парков дозволено предоставлять в безвозмездное срочное пользование работникам одноименных природоохранных учреждений. Обозначенные земельные участки в виде служебных наделов выделяются на основании заявления трудящегося на время установления трудовых отношений. Категории сотрудников, имеющих право на их получение, должны быть установлены законодательством РФ или законодательством ее субъектов. В настоящий момент земельные участки могут быть предоставлены только работникам лесной охраны государственных природных заповедников и егерям государственных природных заказников⁶. Конечно, небесспорным остается мо-

⁵ Об оружии: Федеральный закон № 150-ФЗ от 13.12.1996 (с изм. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 51. Ст. 5681; О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон № 3-ФЗ от 08.01.1998 (с изм. от 23.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 219; О запрете производства и оборота этилированного автомобильного бензина в Российской Федерации: Федеральный закон № 34-ФЗ от 22.03.2003 // Собрание законодательства РФ. 2003. № 12. Ст. 1058.

⁶ О служебных наделах работников лесного хозяйства и лесной промышленности, охотничьих хозяйств, линейных работников железнодорожного транспорта, автомобильных дорог и речного флота: постановление Совета Министров РСФСР № 369 от 20.03.1965 (с изм. от 26.02.1992) // Собрание постановлений РСФСР. 1965. № 5. Ст. 24.

мент квалификации предоставления служебных наделов: считать этот факт гражданско-правовым или же это сфера трудовых отношений, поскольку право безвозмездного срочного пользования земельным участком является имущественным правом с вещно-правовыми признаками [13, с. 237, 238], предоставляющимся безвозмездно и на определенный срок, постольку отношения, связанные с выделением служебного надела, все же относятся к гражданско-правовым, хотя и связаны с трудовой деятельностью. Следовательно, несмотря на то, что земельные участки государственного природного заповедника и национального парка законодательно признаны изъятыми из оборота, фактически они только ограничены в нем. Понятно, что в данном случае первоочередной целью является охрана уникальных природных достопримечательностей, однако реализация благородной публичной цели в таком виде влечет за собой нарушение правовой системности.

Выводы

Таким образом, законодательное закрепление в ст. 129 ГК РФ предложенных нами параметров дифференциации **изъятых и ограниченных в обороте объектов** гражданских прав, а также замена категории «запрещенные в обороте» на «изъятые из оборота» объекты позволит повысить уровень правовой определенности не только в сфере цивилистической отрасли, но и в областях взаимного пересечения гражданского права и иных правовых образований.

Список литературы

1. Hurndall A. Property in Europe: Law and Practice, Butterworths, 1998.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1996. 928 с.
3. Васильев Г. С. Ограничения оборота вещей // Правоведение. 2006. № 1. С. 117–128.
4. Астахова М. А. К вопросу о понятии гражданского оборота // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 5. С. 42–44.
5. Астахова М. А. Оборот в гражданском праве: понятие, структура, разновидности // Бюллетень нотариальной практики. 2006. № 4. С. 2–6.
6. Челышев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008. 501 с.
7. URL: <http://bgs.by/by/questions/6469>
8. Винницкий А. В. Институт публичной собственности в праве Франции, Испании и Италии // Вестник гражданского права. 2013. № 4. С. 215–237.
9. Винницкий А. В. Институт публичных вещей в германском праве // Вестник гражданского права. 2013. № 2. С. 187–201.
10. URL: <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/435-15>
11. Владыкина Т. Разрешение вопроса о вещественных доказательствах при постановлении приговора // Уголовное право. 2013. № 3. С. 59–66.
12. Кушнирык В. В. Оборот электрошоковых устройств и искровых разрядников. Административно-правовые аспекты и перспективы практического использования // СПС Консультант Плюс. 2011.
13. Ахметьянова З. А. Вещное право. М.: Статут, 2011. 360 с.

В редакцию материал поступил 20.12.13

© Лунева Е. В., 2014

Информация об авторе

Лунева Елена Викторовна, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская 18, тел.: (843) 233-71-36
E-mail: vilisa_vilisa@mail.ru

Как цитировать статью: Лунева Е. В. Соотношение изъятых, ограниченных и запрещенных в обороте объектов гражданских прав // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 200–205.

E. V. LUNEVA,

Post-graduate student

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

**CORRELATION OF THE OBJECTS OF CIVIL RIGHTS WITHDRAWN, RESTRICTED
OR PROHIBITED FOR CIRCULATION**

Objective: analysis and comparison of legal categories “objects withdrawn from circulation”, “objects restricted in circulation” and “objects prohibited for circulation”.

Methods: formal-logical, comparative method and method of cross-sectoral approach legal research.

Results: basing on the analysis, certain restricted and withdrawn objects are defined. Two parameters of their differentiation are proposed. It is shown that the law concept of “objects prohibited for circulation” is used in the meaning of goods withdrawn from circulation.

Scientific novelty: The author's criteria are proposed to differentiate objects of civil rights restricted and withdrawn from circulation.

Practical value: Results of research can be used in law-making and law enforcement activity, as well as for scientific research in the field of civil turnover.

Key words: circulation; objects withdrawn from circulation, objects restricted in circulation; objects prohibited for circulation.

References

1. Hurndall, A. *Property in Europe: Law and Practice*, Butterworths, 1998.
2. Ozhegov, S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Glossary of the Russian language). Moscow: Az, 1996. 928 p.
3. Vasil'ev, G. S. Restriction of circulation of goods. *Pravovedenie*, 2006, no. 1, pp. 117–128 (in Russ.).
4. Astakhova, M. A. On the issue of the notion of civil circulation. *Byulleten' notarial'noi praktiki*, 2006, no. 5, pp. 42–44 (in Russ.).
5. Astakhova, M. A. *Oborot v grazhdanskom prave: ponyatie, struktura, raznovidnosti* (Circulation in civil law: notion, structure, types). *Byulleten' notarial'noi praktiki*, 2006, no. 4, pp. 2–6.
6. Chelyshev, M. Yu. *Sistema mezhotraslevykh svyazei grazhdanskogo prava: tsivilisticheskoe issledovanie: dis. ... d-ra yurid. nauk* (System of intersectoral links of civil law: civilistic research: Doctoral thesis (Law)). Kazan, 2008. 501 p.
7. <http://bgs.by/by/questions/6469>
8. Vinnitskii, A. V. Institution of public property in the laws of France, Spain and Italy. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2013. № 4. S. 215–237 (in Russ.).
9. Vinnitskii, A. V. Institution of public goods in German law. *Vestnik grazhdanskogo prava*, 2013, no. 2, pp. 187–201 (in Russ.).
10. <http://zakon1.rada.gov.ua/laws/show/435-15>
11. Vladykina, T. Solution of problem of evidential matters when sentencing. *Ugolovnoe pravo*, 2013, no. 3. pp. 59–66 (in Russ.).
12. Kushniryk, V. V. *Oborot elektroshokovykh ustroystv i iskrovykh razryadnikov. Administrativno-pravovye aspekty i perspektivy prakticheskogo ispol'zovaniya* (Circulation of power-shock devices and spark gaps. Administrative-legal aspects and prospects of practical implementation). *SPS Konsul'tant Plyus*, 2011.
13. Akhmet'yanova, Z. A. *Veshchnoe pravo* (Property law). Moscow: Statut, 2011. 360 p.

Received 20.12.13

Information about the author

Luneva Elena Viktorovna, Post-graduate student of the Chair of Civil and Entrepreneurship Law, Kazan (Volga region) Federal University
Address: 18 Kremlyovskaya St., 420008 Kazan, tel.: (843) 233-71-36
E-mail: vilisa_vilisa@mail.ru

How to cite the article: Luneva E. V. Correlation of the objects of civil rights withdrawn, restricted or prohibited for circulation. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1(29), pp. 200–205.

© Luneva E. V., 2014

УДК 347.214.2

В. А. ПЕТРУШКИН,

кандидат юридических наук, доцент

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
судья*

Федеральный арбитражный суд Поволжского округа, г. Казань, Россия

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ ОБОРОТА НЕДВИЖИМОСТИ

Цель: исследовать принципы и роль законодательной дефиниции в составе различных методов исследования при моделировании функции правовой модели объектов гражданских прав.

Методы: абстрактно-логический и сравнительного анализа.

Результаты: анализ научных подходов определяет моделирование как метод исследования, который остается недостаточно проработанным в правовых науках, не учитывая его востребованность и актуальность.

Научная новизна: принципы моделирования не являются до конца устоявшимися в теории права, в связи с чем предполагается авторское определение факторов правового моделирования в сфере оборота объектов гражданских прав и их классификации.

Практическая значимость: выявленные подходы предусматривают возможность познания принципов развития механизма их функционирования, а также сопоставления идеальной модели с реально существующими общественными отношениями в сфере оборота недвижимости.

Ключевые слова: гносеологическая модель; система оборота; принципы дефиниции; объекты недвижимости.

Введение

Говоря о классификации правовых моделей, следует отметить такие их свойства, как иерархичность и относительность, т. е. объект моделирования сам может быть моделью другого объекта, а сама правовая модель может быть разбита на элементы, каждый из которых также можно рассматривать как модель более низкого иерархического уровня.

Изучение правового явления, помимо определения его понятия и выделения видов, обычно подразумевает выявление его функций и значения. Здесь нам снова придется сначала обратиться к работам ученых-теоретиков, а затем попытаться применить теоретические положения непосредственно к тематике нашего исследования.

Результаты исследования

В монографии «Моделирование как метод научного исследования» выделяются четыре основные функции моделей в целом, каждой из которых посвящен отдельный параграф работы:

- интерпретационная;
- объяснительная;
- предсказательная;
- критериальная [1, с. 248].

В теории права были попытки обосновать и модифицировать их. Связано это было как с

особенностями правовых явлений, так и с относительной давностью вышеуказанной монографии. Так, В. Д. Рудашевский выделял дополнительно программирующую функцию правовых моделей: «В силу многообразия социальных процессов, протекающих в обществе, и в силу того, что конечная цель осуществления этих процессов представляется как некоторое желаемое состояние, специальная функция правового моделирования состоит в установлении формальных структур взаимодействий между различными элементами общественной системы, своего рода программ поведения индивидов, групп, коллективов, социальных институтов» [2, с. 304]. Эта функция правовой модели дает возможность показать общественную реализацию юридических предписаний. Если общественные отношения не соответствуют правовым моделям, следовательно, существует проблема либо в правовой модели, либо социально-экономической основе.

Рассматривая далее функции правовых моделей, следует отметить утверждение А. Ф. Черданцева о том, что «модель может не носить исследовательского характера, а выполнять специальную задачу описания, демонстрации. Юридическую науку должна интересовать, безусловно, и эта функция моделей, так как исследование правовых явлений не является самоцелью. Одной из важных ее задач

является обслуживание нужд преподавания, помощь практическим работникам государственного аппарата, создающим и применяющим нормы права. Без использования описательной и демонстрационной функций моделей эта задача не могла бы быть выполнена» [3, с. 241]. Считается, что данные функции проявляются не только при использовании материальных моделей, но и идеальных. Например, это может быть разработка нового законодательного акта на основе уже существующего модельного акта. Е. Н. Синева считает, что «к сожалению, практика модельного законодательства в нашей стране еще не нашла широкого применения. Модельные акты, как правило, разрабатываются международными организациями, реже государствами, затем предлагаются законодательным органам разных стран в качестве образца, на основе которого может быть принят тот или иной правовой документ. При этом, однако, в большинстве случаев никто не связан априори обязательством использовать эту модель. Исключение составляют лишь случаи, когда принятие внутригосударственного правового акта на основе модели составляет уставную обязанность государства, являющегося членом международного интеграционного объединения (международной организации)» [4].

Выделяют также преобразовательную функцию правовой модели. В качестве примера проявления такой функции приводят законодательную дефиницию. Как пишет В. М. Баранов, «фиксируя законодательные дефиниции как средство изменения правовой действительности, надо подчеркнуть, что иногда эти изменения столь кардинальны, что могут вести к формированию новой юридической парадигмы... Законодательная дефиниция – форма (метод) изменения права» [5, с. 63–64].

Следует также подробнее осветить критериальную функцию моделей. По мнению Б. А. Глинского и других, «модель выполняет критериальную функцию в том случае, если с ее помощью мы имеем возможность проверять истинность знаний об оригинале» [1, с. 216]. Здесь термин истины используется как соответствие объективной действительности. Как пишет В. М. Сырых, «в общей теории права категория истины применяется ко всем видам знаний, в том числе к научным фактам, правовым понятиям и категориям, научным закономерностям, правовым теориям и концепциям» [7, с. 316]. О применимости такой позиции

высказывается также В. М. Баранов: «И законодатель, и научное сообщество, и массовое правосознание должны отчетливо осознавать и принимать как аксиому: к законодательной дефиниции применимы характеристики истинности либо ложности. За ложность законодательной дефиниции отвечают все участники правотворческого процесса» [8, с. 35]. Критерием истинности могут служить и нормативно-правовые акты более высокой юридической силы (например, законы по отношению к подзаконным актам). Нижестоящие нормативно-правовые акты должны не только не противоречить вышестоящим, но и не содержать дублирование и избыточность в содержании.

Далее, для правовых моделей выделяют также гносеологическую (познавательную) функцию, хотя в какой-то степени и все вышеприведенные функции имеют познавательный характер.

В качестве особой функции моделирования правовых явлений как специфического вида социальной практики В. Д. Рудашевский выделяет организационно-проективную функцию, которая состоит «в установлении эффективного порядка возникновения, изменения и превращения различных форм правовых явлений. Данная функция решает задачу упорядочения и совершенствования механизма социального управления, а ее выполнение требует взаимодействия со смежными науками... Моделирование как метод исследования правовых (и вообще общественных) явлений дает возможность учесть, прежде всего, единство, одинаковость отношений, описываемых теоретической конструкцией – понятием. А эта изоморфность (или в более общем случае – гомоморфность) может быть выделена только с одновременным изучением различий, т. е. всего того, что присуще каждому вступающему в сопоставление объекту, – нельзя найти общие черты, чтобы не видеть при этом индивидуальных особенностей» [9, с. 303].

Выше в статье мы рассматривали отличия понятия «правовая модель» и «правовая парадигма». Говоря об их функциях, хотелось бы более подробно указать на функциональные отличия данных понятий.

Так, для правовой парадигмы характерна ограничительная функция. По мнению В. В. Шаханова, «принятая научным сообществом парадигма запрещает не согласующиеся с ней направления, методы, теории и т. д. Это ограничивает свободу

мыслительной деятельности рамками конкретной парадигмы, ориентируя научное сообщество на более детальное исследование данной предметной области» [10, с. 64]. Следующая отличающаяся функция правовой парадигмы – интерпретационная, заключающаяся в рассмотрении знакомых явлений в новой перспективе [11, с. 49]. Как пишет А. С. Безруков, «парадигма порождает новые толкования правовых явлений в свете последних научных достижений, а также помогает осмыслить явления минувших дней» [12, с. 82]. В. В. Шаханов отмечает также функции научности и «прямой связи» парадигмы: «Все должны согласовать свою деятельность с общепризнанной парадигмой, являющейся источником теоретических и методологических конструкций, позволяющей действовать сообразно современным общественно-политическим и правовым реалиям. Только опираясь на единые стандарты, пользуясь одними и теми же критериями, можно достичь эффективного правового регулирования» [13, с. 64].

Резюмируя вышесказанное о функциональном соотношении понятий «правовая модель» и «правовая парадигма», можно сказать, что это действительно близкие категории. Стоит процитировать А. С. Безрукова, который пишет, что «единственный момент, явно выделяющийся в ходе сравнительной функциональной характеристики, состоит в научности контекста употребления термина «правовая парадигма». Можно говорить о том, что правовая парадигма имеет свое теоретическое и методологическое поле. Правовая же модель, как и было отмечено ранее, является категорией более широкого спектра применения. Однако при работе на методологическом поле правовой парадигмы следует использовать именно этот термин, ибо возникает риск возникновения нестыкровок логического характера и снижения эвристического потенциала обеих категорий» [14, с. 83].

Для выявления и анализа любой правовой модели, в том числе правовой модели системы оборота недвижимости, необходимо понимать, каким образом она проявляется. А. С. Безруков под формой проявления правовой модели предлагает понимать «внешнее выражение внутренне структурированной системы, отражающей закономерности существования и развития правовых явлений, а также служащей методологическим ориентиром для познания взаимообусловленных явлений

правовой действительности» [15, с. 60]. При этом, по мнению О. А. Красавчикова, следует различать понятия «форма проявления права» (подразумевается здесь и форма проявления правовой модели) и «форма права»: «Понятие правовой формы весьма богато по своему логическому содержанию. Оно охватывает широкий круг взаимосвязанных явлений, которые объективно дифференцируются на определенные виды, подвиды и группы. Правовые формы и диалектика их развития не сводимы к какому-то одному ограниченному виду или уровню; их подразделения весьма многочисленны от общих типических через особенные (присущие лишь отдельным видам) до конкретных» [16, с. 18]. Однако А. С. Безруков предлагает использовать такую же классификацию форм проявления правовой модели, как и форм права, выделяя соответственно: нормативный акт, правовой обычай, юридический прецедент и нормативный договор. Думается, что нет смысла раскрывать смысл этих всем известных понятий. Исключение составляет понятие нормативного договора, в отношении которого, как отмечает В. В. Иванов, «отечественная доктрина до сих пор не выработала адекватного определения», «что, несомненно, связано с недостаточной проработанностью теории договора и теории правового акта» [17, с. 161]. Однако думается, что поиск надлежащего определения данного понятия выходит уже за пределы целей настоящего исследования. Конкретные же примеры проявления вышеуказанных форм правовой модели системы оборота недвижимости будут рассмотрены далее.

Раскрыв понятие, основные черты, классификацию и функции правовых моделей, будет логичным прояснить значение этого, а точнее значение правового моделирования как метода познания и правового регулирования, что, в свою очередь, объяснит цель, актуальность и значимость настоящей работы, а также определит ее дальнейшую структуру.

По мнению И. Д. Андреева, теоретическое моделирование весьма значимо при исследовании социально-экономических явлений, «где всякое построение реальных (материальных) искусственных моделей затрагивает интересы людей и наносит им моральный или материальный ущерб, а иногда и тот, и другой» [18, с. 242].

Наиболее емко понятие моделирования сформулировано А. В. Паниным: «Моделирование – это

такой метод исследования, при котором интересующий исследователя объект замещается другим объектом, находящимся в отношении подобия к первому объекту. Первый объект называется оригиналом, а второй – моделью. В дальнейшем знания, полученные при изучении модели, переносятся на оригинал на основании аналогии и теории подобия» [19, с. 376]. Интересно также и определение В. К. Бабаева: «моделирование – это процесс познания природных и социальных явлений путем конструирования в сознании аналога социальной реальности. Мысленно сформулированный законодателем тот или иной вариант идеального поведения, представления о социальных явлениях облекается в форму модели. Средства выражения модели разнообразны: естественный язык, формулы, конструкции, цифры и т. п.» [20, с. 370].

Следует отметить, что как в естественных, так и в общественных науках моделирование применяется уже давно, однако для правовой науки данный метод все еще остается недостаточно проработанным, хотя и весьма востребованным и перспективным. Так, В. М. Сырых пишет, что «даже незначительный опыт математического моделирования, накопленный российскими правоведами, свидетельствует о правомерности и целесообразности его применения в правовой науке» [21, с. 426]. И. С. Ной уже давно отмечал, что «в настоящее время сложились благоприятные условия для того, чтобы преодолеть догматизм и ограниченность в подходе к изучению причин преступности и личности преступника, качественно обогатить и расширить научную основу решения этой сложнейшей проблемы. Только общими условиями специалистов многих наук, общественными, а также – психологии, генетики, кибернетики и других, можно раскрыть с достаточной полнотой внутренний механизм, регулирующий поведение человека. При этом важно исследовать соотношение «прирожденных программ поведения» человека, «закодированных» на уровне социальных инстинктов с «программами поведения», вырабатываемыми им в процессе общественной практики. Большую услугу в решении этой задачи могут оказать новейшие методы исследования, в частности – моделирование» [22, с. 535].

Говоря о задачах моделирования применительно к правовой науке, Е. П. Ситковский выделяет следующие: «во-первых, обнаружить такие совокупности правовых явлений, которые могут быть

объединены в рамках одного понятия; во-вторых, доказать необходимость этого понятия; в-третьих, доказать необходимость именно этого, а не какого-либо иного понятия» [23, с. 89]. При этом считается, что наиболее эффективным является использование моделирования при исследовании однородных общественных отношений. Также допустимо сочетание моделирования с синергетическим методом. Так, К. В. Шундигов пишет: «Последнее обстоятельство является основанием для обоснования необходимости перехода к модели «гибкого», многовариантного прогнозирования в правовой сфере, разработки ряда альтернативных концепций правовой политики, каждая из которых закладывала бы основы «алгоритма» правового регулирования, рассчитанного на то или иное вероятное развитие регулируемых отношений и фактора «внешней среды»» [24, с. 155].

Значение, т. е. практическая и теоретическая значимость правовой модели и моделирования выражается в двух аспектах:

– во взаимовлиянии правовой модели (причем как модели законодательства, так и модели правоприменения), политикой ситуации, экономических условий;

– в инструментальном характере правовой модели, так как она предоставляет «новые инструментальные возможности в построении логически не противоречивого законодательства» [25, с. 118–119].

Разобравшись с общетеоретическим представлением о категории «правовая модель», попытаемся на основе вышеприведенных положений сформулировать дефиницию правовой модели системы оборота недвижимости и определить то, как мы будем раскрывать его содержание по ходу исследования.

Правовая модель системы оборота недвижимости – это созданная в результате абстракции, идеализации форма отражения системы оборота недвижимости, находящаяся в отношении соответствия с ней, служащая средством отвлечения и выражения ее внутренней структуры и содержащая основные положения правового регулирования отношений, связанных с возникновением, осуществлением и прекращением прав на недвижимое имущество. Данная модель является гносеологической, познающей, должного состояния оригинала, функционирования, социально-право-

вых процессов, теоретической, ориентированной на познание социально-правовых процессов.

На основе вышеописанного значения моделирования и рассмотренных функций правовых моделей, а именно: интерпретационной, объяснительной, предсказательной, критериальной, демонстрационной, преобразовательной, представляется, что содержание понятия «правовая модель оборота недвижимости» должно раскрываться по нижеследующим параметрам.

Во-первых, поскольку правовая модель является формой отражения системы, необходимо начать с раскрытия понятия самой системы, т. е. ее структуры, содержания ее элементов и взаимосвязей. Применительно к системе оборота недвижимостью следует, прежде всего, раскрыть понятие и структуру механизма оборота недвижимости, в том числе его основу – юридическую процедуру перехода прав (их возникновения и прекращения) на объекты недвижимости, взаимосвязи вещно-правовой и обязательственно-правовой составляющей. Затем следует рассмотреть отдельные элементы правовой модели системы оборота недвижимости, а именно:

- субъекты оборота недвижимости: граждане, юридические лица, публично-правовые образования;
- правовой режим объектов недвижимости, в том числе особенности правового режима земельных участков, нежилых помещений;
- вещные права в статике как элемент;
- динамика вещных прав, в том числе вещных договоров;
- защита прав на недвижимость как обеспечительный элемент правовой модели.

Во-вторых, в ходе изучения системы оборота недвижимости необходимо выявить в нормативно-правовых актах, правовых обычаях и правоприменительной практике, являющихся формами проявления правовой модели, основные положения правового регулирования отношений, связанных с возникновением, осуществлением и прекращением прав на недвижимое имущество. При этом, в отличие от обычного правового исследования, необходимо сконструировать идеальную модель системы оборота недвижимости, отражающую ее сущность. Термин «идеальный» в данном случае употребляется не в значении «безупречный», «совершенный», а как «воображаемый», «образцовый».

В-третьих, необходимо исследовать и проверить, насколько данная выявленная идеализированная модель соответствует реально-существующим общественным отношениям в сфере оборота недвижимости и тенденциями их развития. Далее, на основе выявленных несоответствий и проблем правового регулирования путем их сопоставления необходимо будет сделать выводы о том, что чему не соответствует (базис надстройке или надстройка базису), и дать рекомендации по решению данных проблем, т. е. изменению законодательства или принятию организационных мер.

Выводы

Таким образом, на основании изложенного в данной работе можно сделать следующие выводы:

1) понятие «правовая модель» не является до конца проработанным и устоявшимся в теории права. При этом правовая модель является самостоятельной правовой категорией, отличающейся от таких смежных категорий, как «правовая парадигма», «правовая конструкция», «правовая форма», «правовое средство», «правовая технология». Общими функциями моделей являются: интерпретационная, объяснительная, предсказательная, критериальная. Специальными функциями правовых моделей являются: функция правового моделирования, описательная, демонстрационная, преобразовательная, гносеологическая, организационно-проективная. Значение правового моделирования заключается:

- во взаимовлиянии правовой модели (причем как модели законодательства, так и модели правоприменения), политикой ситуации, экономических условий
- в инструментальном характере правовой модели, так как она предоставляет новые инструментальные возможности в построении логически не противоречивого законодательства;

2) предлагается авторское определение: «Правовая модель системы оборота недвижимости – это созданная в результате абстракции, идеализации форма отражения системы оборота недвижимости, находящаяся в отношении соответствия с ней, служащая средством отвлечения и выражения ее внутренней структуры и содержащая основные положения правового регулирования отношений, связанных с возникновением, осуществлением и прекращением прав на недвижимое имущество. Данная модель является гносеологической, по-

знающей, должного состояния оригинала, функционирования, социально-правовых процессов, теоретической, ориентированной на познание социально-правовых процессов».

3) предлагается классифицировать правовую модель системы оборота недвижимости как гносеологическую, познающую, теоретическую, ориентированную на познание социально-правовых процессов модель должного состояния оригинала, функционирования, социально-правовых процессов.

4) содержание понятия «правовая модель оборота недвижимости» должно раскрываться по следующим параметрам:

а) раскрытие понятия и структуры механизма оборота недвижимости, в том числе его основы – юридической процедуры перехода прав (их возникновения и прекращения) на объекты недвижимости, взаимосвязи вещно-правовой и обязательно-правовой составляющей;

б) рассмотрение отдельных элементов системы оборота недвижимости, а именно:

– субъектов оборота недвижимости: граждан, юридических лиц, публично-правовых образований;

– правового режима объектов недвижимости, в том числе особенностей правового режима земельных участков, нежилых помещений;

– вещных прав в статике как элементов;

– динамики вещных прав, в том числе вещных договоров;

– защиты прав на недвижимость как обеспечительного элемента правовой модели;

в) выявление основных положений правового регулирования отношений, связанных с возникновением, осуществлением и прекращением прав на недвижимое имущество и конструирование идеальной модели системы оборота недвижимости, отражающей ее сущность;

г) сопоставление идеальной модели с реально существующими общественными отношениями

в сфере оборота недвижимости и тенденциями их развития и формулирование рекомендаций по совершенствованию правового механизма или принятию организационных мер.

Список литературы

1. Глинский Б.А., Грязнов Б.С., Дынин Б.С., Никитин Е.П. Моделирование как метод научного исследования (гносеологический анализ). М.: Изд-во МГУ, 1965. 248 с.
2. Рудашевский В. Д. Право и моделирование // Методологические проблемы советской юридической науки. М.: Наука, 1980. С. 304.
3. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2003. С. 241.
4. Синева Е. Н. Модельный закон – инструмент гибкий. К построению единой системы внешнего государственного финансового контроля // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2004. № 13.
5. Баранов В. М. Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: мат-лы междунар. круглого стола (Черновцы, 21–23 сент. 2006 г.). Н. Новгород, 2007. С. 63–64.
6. Сырых В. М. Логические основания общей теории права: В 2 т. Т. 1. М., 2004. Элементный состав. С. 316.
7. Шаханов В. В. Правовые парадигмы: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2005. С. 64.
8. Дискуссия вокруг цивилизационной модели: Хантингтон С. отвечает оппонентам // Полис. 1994. № 1. С. 49.
9. Безруков А.С. Правовая модель как инструмент юридической науки и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 82.
10. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 18.
11. Иванов В. В. Общая теория договора. М., 2006. С. 161.
12. Андреев И. Д. Методологические основы познания социальных явлений. М., 1977. С. 242.
13. Алексеев П. В., Панин А. В. Философия: учебник. М., 2005. С. 376.
14. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М., 2002. С. 370.
15. Ситковский Е. П. Возникновение новых категорий в диалектической логике // Вопросы философии. 1975. № 10. С. 89.
16. Шундилов К. В. Синергетический подход в правовой науке: проблемы адаптации // Правоведение. 2008. № 1. С. 155.

В редакцию материал поступил 28.02.14

© Петрушкин В. А., 2014

Информация об авторе

Петрушкин Виталий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса юридического факультета, Казанский (Приволжский) федеральный университет; судья, Федеральный арбитражный суд Поволжского округа

Адрес: 420066, г. Казань, ул. Правосудия, 2, тел.: (843) 235-21-78

E-mail: KARATE 005@mail.ru

Как цитировать статью: Петрушкин В. А. Классификация правовой модели системы оборота недвижимости // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 206–212.

V. A. PETRUSHKIN,

PhD (Law), Associate Professor

Kazan (Volga region) Federal University,

judge

Federal Arbitratory court of the Volga region, Kazan, Russia

CLASSIFICATION OF THE LEGAL MODEL OF REAL ESTATE CIRCULATION SYSTEM

Objective: to investigate the principles and role of the legislative definition in the various research methods for modeling the function of legal model of civil rights objects.

Methods: abstract-logical and comparative analysis.

Results: the analysis of scientific approaches defines modeling as a method of research that remains insufficiently used in the legal sciences, in spite of its relevance and topicality.

Scientific novelty: modeling principles are not well established in the theory of law, thus the author's definition is proposed of legal modeling factors in the sphere of civil rights objects turnover and classification.

Practical value: the identified approaches include the possibility of learning the principles of development of their functioning mechanism, as well as comparison of the ideal model with actually existing social relations in the sphere of real estate turnover.

Key words: gnoseological model, circulation system; principles of definition; real estate objects.

References

1. Glinskii, B. A., Gryaznov, B. S., Dynin, B. S., Nikitin, E. P. *Modelirovanie kak metod nauchnogo issledovaniya (gnoseologicheskii analiz)* (Modelling as a method of scientific research (gnoseological analysis)). Moscow: Izd-vo MGU, 1965. 248 p.
2. Rudashevskii, V. D. *Pravo i modelirovanie* (Law and modeling). *Metodologicheskie problemy sovetskoi yuridicheskoi nauki*. Moscow: Nauka, 1980. P. 304.
3. Cherdantsev, A. F. *Tolkovanie prava i dogovora: ucheb. posobie* (Interpretation of law and treaty: manual). Moscow: Yuniti-Dana, 2003. P. 241.
4. Sineva, E. N. Modelling law as a flexible tool. On the forming of a single system of external state financial control. *Bukhgal'terskii uchet v byudzhetykh i nekommercheskikh organizatsiyakh*, 2004, no. 13 (in Russ.).
5. Baranov, V. M. Law-making definition as a general legal phenomenon. *Zakonodatel'naya definitya: logiko-gnoseologicheskiye, politiko-yuridicheskiye, moral'no-psikhologicheskiye i prakticheskiye problemy* (Law-making definition: logical-epistemological, political, legal, moral, psychological and practical problems: mat-ly mezhdunar. kruglogo stola (Chernovtsy, 21–23 sent. 2006 g.)). Nizhnii Novgorod, 2007. Pp. 63–64.
6. Strykh, V. M. *Logicheskie osnovaniya obshchei teorii prava: v 2 t. T. 1.* (Logical foundation of the general theory of law. In 2 vol. Vol. 1) Moscow, 2004. P. 316.
7. Shakhnov, V. V. *Pravovye paradigmy: dis. ... kand. yurid. nauk* (Law paradigms: PhD (Law) thesis). Vladimir, 2005. P. 64.
8. Discussion around civilistic model: Huntington S. replies to opponents. *Polis*, 1994, no. 1, p. 49 (in Russ.).
9. Bezrukov, A. S. *Pravovaya model' kak instrument yuridicheskoi nauki i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk* (Legal model as a tool of juridical science and practice: PhD (Law) thesis). Vladimir, 2008. P. 82.
10. Krasavchikov, O. A. *Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy. V 2 t. T. 2* (Categories of the civil law science, selected works. In 2 vol. vol. 2). Moscow: Statut, 2005. P. 18.
11. Ivanov, V. V. *Obshchaya teoriya dogovora* (General theory of a treaty). Moscow, 2006. P. 161.
12. Andreev, I. D. *Metodologicheskie osnovy poznaniya sotsial'nykh yavlenii* (Methodological bases of social phenomena cognition). Moscow, 1977. P. 242.
13. Alekseev, P. V., Panin, A. V. *Filosofiya* (Philosophy). Moscow, 2005. P. 376.
14. Babaev, V. K. *Teoriya gosudarstva i prava* (Theory of state and law). Moscow, 2002. P. 370.
15. Sitkovskii, E. P. Emergence of new categories in dialectic logics. *Voprosy filosofii*, 1975, no. 10, p. 89 (in Russ.).
16. Shundikov, K. V. Synergetic approach in law science: problems of adaptation. *Pravovedenie*, 2008, no. 1, pp. 155 (in Russ.).

Received 28.02.14

Information about the author

Petrushkin Vitaliy Anatolyevich, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Ecological, Labor Law and Civil Procedure of Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University; judge, Federal Arbitratory court of the Volga region

Address: 2 Pravosudiya St., 420066, Kazan, tel.: (843) 235-21-78

E-mail: KARATE 005@mail.ru

How to cite the article: Petrushkin V. A. Classification of the legal model of real estate circulation system. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 206–212.

© Petrushkin V. A., 2014

УДК 347.135.1

В. М. ПЛАТОНОВ,

аспирант

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ПРИТВОРНЫЕ СДЕЛКИ КАК СДЕЛКИ С ПОРОКОМ ВОЛИ

Цель: доказать, что притворные сделки следует относить к числу недействительных сделок, имеющих порок воли.

Методы: общенаучный метод системного анализа, позволивший выявить правовую природу притворной сделки и определить ее место как в общей системе юридических фактов, так и в системе недействительных сделок.

Результаты: обосновывается вывод о том, что притворные сделки следует относить к числу недействительных сделок, имеющих порок воли, так как при заключении притворной сделки у сторон имеются и воля и волеизъявление, однако волеизъявление не в полной мере отражает те отношения и последствия, которые стороны стремятся породить.

Научная новизна: проанализированы научные исследования авторов, относящих притворные сделки к группе недействительных сделок с пороком содержания. На основе данного анализа автором приводятся контраргументы и доводы, позволяющие определить порок притворных сделок. С учетом того, что сделками признаются только правомерные действия, предлагается изменить редакцию ст. 153 ГК РФ.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические положения могут быть использованы в законотворческой деятельности, при чтении курса гражданского права, а также иных специальных курсов.

Ключевые слова: сделка; притворные сделки; воля; волеизъявление; содержание сделки.

Введение

Притворные сделки олицетворяют собой намеренный обман, воплощенный в сделке, негативно влияющий на экономические интересы добросовестных участников гражданского оборота.

Прежде чем выяснить, в чем порок притворных сделок, необходимо определить, являются ли притворные сделки «сделками» по смыслу гражданского законодательства.

Результаты исследования

Как известно, юридические факты делятся на две группы: события и действия. Действия же в свою очередь бывают правомерными и неправомерными. К правомерным действиям относятся сделки.

В соответствии со ст. 153 ГК РФ сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

На основании ст. 168–179 ГК РФ, определяющих основания признания сделки недействительной, можно выделить четыре требования действительности сделки:

– сделка должна по содержанию соответствовать закону;

– форма сделки должна соответствовать требованиям закона;

– сделка должна быть совершена дееспособным лицом;

– волеизъявление должно соответствовать подлинной воле сторон.

В случае если все требования, предъявляемые законом к сделке соблюдены, последняя может считаться сделкой. В тех же случаях, когда нарушено одно из условий действительности сделок, можно говорить о недействительности сделок.

В соответствии со ст. 170 ГК РФ притворной считается та сделка, которая совершена с целью прикрыть другую сделку, в том числе сделку на иных условиях (п. 2 ст. 170 ГК РФ).

Из этого следует, что при заключении притворной сделки не соблюдается последнее из условий, т. е. основанием ее недействительности является несоответствие волеизъявления подлинной воле сторон. Притворная сделка по своей правовой природе как уже объективно происшедшее жизненное обстоятельство должна расцениваться как юридический факт, потому что она по воле законодателя и независимо от воли и осознания ее участников порождает юридические последствия, связанные именно с ее недействительностью и выражающиеся в возникновении особого охранительного правоотношения, направленного на защиту нарушенного права одного из ее участников либо третьего лица, либо правопорядка в

целом [1, с. 120]. Поэтому устанавливая в законе последствия признания притворных сделок ничтожными, законодатель тем самым указывает на то, что в таких случаях под видом сделок совершены неправомерные действия.

Поэтому, на наш взгляд, в ст. 153 ГК РФ необходимо указать, что сделкой является правомерное действие граждан и юридических лиц. Учитывая вышесказанное, можно заключить, что притворные сделки не являются «сделками» по смыслу гражданского законодательства, а являются неправомерными действиями, которые представляют собой обманное волеизъявление граждан и юридических лиц. Иными словами, притворные сделки по своей природе являются недействительными сделками, т. е. не соответствуют требованиям, предъявляемым законом к сделкам.

В настоящее время большинство цивилистов склоняются к отнесению притворных сделок к группе недействительных сделок, совершенных с пороком воли.

Сделки – это осознанные, целенаправленные, волевые действия физических и юридических лиц, совершая которые они стремятся к достижению определенных правовых последствий. Сущность сделки составляет волеизъявление субъекта, имеющее своей основой его волю. По нашему мнению, наиболее исчерпывающее определение понятия «воля» дано Ю. В. Холоденко. По его мнению, «воля – это намеренно осознанная целеустремленность лица совершить какое-либо действие либо воздержаться от его совершения, сформированная под влиянием определенного мотива, обусловленная строго определенным желанием, возникшим без какого-либо вмешательства извне, и основанная на свободном (самостоятельном и независимом) выборе лицом того или иного варианта своего поведения, необходимого ему для удовлетворения своих потребностей достижением намеченного результата целесообразными, с его точки зрения, средствами и путями» [2, с. 32].

Из этого следует, что начальным звеном волевого процесса является постановка и осознание цели, а затем следует принятие решения и выбор наиболее целесообразных средств достижения намеченной цели. Совершая сделки, субъекты, как правило, стремятся к достижению экономического (имущественного) или реже не имущественного результата и к его правовой реализации. Идеаль-

ное предвосхищение в сознании субъекта тех изменений в гражданско-правовых отношениях, которые наступают после совершения и исполнения сделки, и является целью сделки. Еще одним важным психологическим компонентом, который влияет на формирование воли, является мотив. Мотив – это побудительная причина действий и поступков. Если мотив отвечает на вопрос, чем человек руководствуется, совершая сделку, то цель определяет тот результат, к которому стремится субъект сделки.

Ю. В. Холоденко, делая вывод о месте цели и мотива в воле, отмечает, что цель является необходимой субъективной характеристикой состава сделки и очень тесно связана с волей в сделке. В связи с этим целесообразно рассматривать понятие воли через цель, постановка которой и является первым шагом в волевом процессе. Мотив же, хотя и играет большую роль для лучшего понимания воли в сделке, но не является определяющей категорией [2, с. 31].

При совершении сделки воля лица выражается в волеизъявлении, которое является конструктивным элементом сделки. Волеизъявление – выражение воли лица вовне, благодаря которому она становится доступной восприятию других лиц. Волеизъявление – это суть самой сделки.

Таким образом, будучи волевым актом, сделка включает два элемента: 1) внутреннюю волю лица, совершающего сделку; 2) волеизъявление, т. е. выражение внутренней воли вовне с целью достижения определенных правовых последствий. Воля и волеизъявление соотносятся как причина и следствие. При отсутствии одного из этих элементов нельзя говорить о сделке как о юридическом факте [3, с. 188].

Притворная сделка совершается с целью прикрыть другую сделку. Сама притворная сделка заключается только для вида, но прикрывает другую сделку, которую стороны в действительности хотели заключить. При заключении притворной сделки у сторон имеются и воля, и волеизъявление, однако волеизъявление не в полной мере отражает те отношения и последствия, которые стороны стремятся породить. Иными словами, воля сторон в волеизъявлении предстает в искаженном виде.

Притворная сделка представляет собой выражение обманного волеизъявления сторон, кото-

рое используется для достижения определенных выгод.

Обратим внимание на доводы тех авторов, которые считают, что притворные сделки следует относить к группе недействительных сделок с пороком содержания.

Содержание сделки представляет собой совокупность составляющих сделку условий, которые необходимы для возникновения гражданских правоотношений. Отсутствие хотя бы одного из существенных условий сделки того или иного вида позволяет говорить о том, что сделка не состоялась, не была заключена. Если же совокупность составляющих сделку условий противоречит закону, то сделка является недействительной [4, с. 296]. По мнению Ю. Л. Сениной, притворные сделки являются сделками с пороками содержания, представляя собой противозаконные сделки. Аргументацию условно можно поделить на следующие три довода.

Первый довод: для того чтобы имел место порок воли, необходимо либо неправомерное воздействие на волю лица, либо искажение изъявленной воли так, чтобы понимание действительного смысла излагаемой воли для контрагента было бы невозможно. В случае же притворной сделки воля сторон формируется абсолютно свободно, и она воспринимается контрагентом совершенно адекватно, более того, встречные волеизъявления сторон также совпадают. Противоречий между «волей действительной» и «волей изъявленной» в таких сделках не наблюдается. Стороны просто скрывают по тем или иным причинам истинный смысл совершаемых действий, однако в том, что они желали сделать волеизъявление именно такого (соответствующего их внутренней воле) содержания, нет никаких сомнений

Второй довод: смысл совершения такой сделки именно в том, чтобы прикрыть незаконность ее содержания – стороны, совершая такую сделку, полагают, что противоречие закону такой сделки не будет открыто.

Третий довод: притворные сделки отличает от сделок с пороками воли то, что такие сделки считаются ничтожными. К сделке, которую стороны действительно имели в виду, совершая притворную сделку, с учетом существа сделки применяются относящиеся к ней правила [5, с. 102–106].

Рассмотрим аргументы, которые можно противопоставить вышеуказанным доводам.

Во-первых, по нашему мнению, важно помнить, что в соответствии с положениями ГК РФ есть определенные способы изъявления внутренней воли сторон. Например, волеизъявление может быть выражено в вербальной форме, конклюдентными действиями, молчанием [6, с. 41]. Участники гражданского оборота чаще всего изъявляют волю в письменной форме. При этом по общему правилу законодатель исходит из презумпции правильности волеизъявления, так как, во-первых, именно с изъявлением воли мы сталкиваемся в гражданском обороте, а во-вторых, о внутренней воле лица можно судить, прежде всего, по ее внешнему выражению [5, с. 99]. Иными словами, именно с волеизъявлением связываются юридические последствия, так как только волеизъявление как внешне выраженная объективная воля может быть подвергнута правовой оценке [7, с. 440].

При оценке фактических отношений сторон и отношений, закрепленных в соглашении сторон, становится ясно, что у сторон притворной сделки действительная воля сторон существенно отличается от указанной в волеизъявлении. Совершая притворную сделку, стороны имеют в виду иную сделку, и их воля направлена на совершение именно этой последней сделки, т. е. в отношении первой воля отсутствует.

Во-вторых, соответствие содержания сделки закону является самостоятельным условием ее действительности, несоблюдение которого влечет недействительность сделки. К сделкам с пороком содержания традиционно относят сделки, нарушающие требования закона или иных нормативно-правовых актов (ст. 168 ГК РФ), и сделки, совершенные с целью, противной основам правопорядка и нравственности (ст. 169 ГК РФ). Указание на порок содержания в вышеперечисленных нормах является оправданным, поскольку из самого факта совершения данных сделок очевидно, что их содержание не соответствует закону. В частности, на это обратил внимание Пленум Арбитражного суда Российской Федерации, указав, что сделки совершенные с целью, заведомо противной основам правопорядка и нравственности, могут прикрываться иными сделками, которые формально не нарушают требования законодательства. В данных случаях к сделке, которую стороны имели в виду, с учетом

существа сделки, применяются относящиеся к ней правила, в силу чего притворная сделка квалифицируется как ничтожная исключительно по ст. 170 ГК РФ, а прикрываемая сделка при наличии к тому оснований, может быть квалифицирована по ст. 169 ГК РФ¹.

В-третьих, в тех случаях, когда содержание притворных сделок составляют условия, которые противоречат императивным предписаниям закона, то очевидно, что такая сделка не требует исполнения. Однако довольно часто до решения суда бывает неясно, является ли сделка действительной, ведь при одностороннем отказе от исполнения такой сделки могут последовать соответствующие правовые последствия. Поэтому, несмотря на то, что притворные сделки являются ничтожными сделками, в большинстве случаев они все же нуждаются в признании их таковыми в судебном порядке, так как доказать притворный характер сделок весьма трудно. Это, на наш взгляд, приближает притворные сделки к оспоримым сделкам.

По мнению А. В. Зарубина, дополнительным доводом, позволяющим относить притворные сделки к группе недействительных сделок с пороком содержания, является то обстоятельство, что притворные сделки не направлены на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, т. е. имеют порок содержания [8, с. 38]. На самом же деле отсутствие направленности сторон притворных сделок на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, предусмотренных соглашением, подтверждает, что волеизъявление сторон не соответствует в полной мере действительной их воле.

Сложившаяся судебная практика также относит притворные сделки к группе недействительных сделок, совершенных с пороком воли. Так, в деле о признании договора об уступке прав (требования) ничтожным и применении последствий недействительности ничтожной сделки, Истец в обоснование иска указал, что спорная

сделка является ничтожной в силу притворности, так как направлена на безвозмездную передачу имущества.

Из материалов дела следует, что 07.12.2010 между ЗАО «Региональная энергетическая служба» (первоначальный кредитор) и ООО «Интерстрой» (новый кредитор) был заключен договор об уступке прав (требований) № 1. В этот же день стороны стороны заключили дополнительное соглашение № 1 к договору об уступке прав (требований) от 07.12.2010 № 1. В соответствии с п. п. 2, 3 вышеуказанного дополнительного соглашения цена права (требования) составляет 30 млн руб.; оплата вносится в течение одного года с момента заключения дополнительного соглашения.

Проанализировав положения п. 2 ст. 170 ГК РФ, суд пришел к выводу, что притворная сделка относится к сделкам, совершенным с пороком воли, характеризующимся несовпадением волеизъявления и подлинной воли сторон. Исходя из положений данной нормы права, сделка подлежит квалификации как притворная, если подтверждено, что воля сторон на момент совершения сделки не была направлена на установление соответствующих ей правовых последствий и прикрывает иную волю всех участников сделки. При этом отсутствие соответствующей воли предполагается у каждой из сторон данной сделки.

Арбитражные суды первой, апелляционной и кассационной инстанций отказали в признании договора об уступке прав (требований) от 07.12.2010 № 1 недействительным и пришли к обоснованному выводу о том, что предоставленная по условиям договора ООО «Интерстрой» рассрочка платежа на один год не может являться доказательством притворности сделки².

Данный правовой вывод находит свое подтверждение также в Постановлении ФАС Поволжского округа от 09.12.2009 по делу № А57-24658/2008, Постановлении ФАС Поволжского округа от 22.05.2012 по делу № А49-1647/2011.

¹ О некоторых вопросах практики рассмотрения вопросов, связанных с применением ст. 169 ГК РФ: постановление Пленума Арбитражного суда Российской Федерации № 22 10.04.2008 // Вестник ВАС РФ. 2008. № 5.

² Постановление ФАС Поволжского округа от 31.10.2011 по делу № А12-810/2011 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

Выводы

Таким образом, притворные сделки не являются «сделками» по смыслу гражданского законодательства, а являются неправомерными действиями, которые представляют собой обманное волеизъявление граждан и юридических лиц. Статью 153 ГК РФ, на наш взгляд, следует изложить в следующей редакции: «Сделками признаются **правомерные** действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей».

Притворные сделки следует относить к группе недействительных сделок, имеющих порок воли. При заключении притворной сделки у сторон имеются и воля и волеизъявление, однако волеизъявление не в полной мере отражает те отношения и последствия, которые стороны стремятся породить. Иными словами, воля сторон в волеизъявлении предстает в искаженном виде.

Список литературы

1. Козьяр Н. В. Категория ничтожной сделки в гражданском праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 235 с.
2. Холоденко Ю. В. Недействительность сделок с пороками воли: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 246 с.
3. Гражданское право: учебник / под ред. О. Н. Садикова. Т. 1. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2006. 493 с.
4. Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. М.: ТК Велби; Проспект, 2004. 776 с.
5. Сенина Ю. Л. Категория воли в гражданском праве России (в аспекте гражданско-правовой сделки): дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2006.
6. Татаркина К. П. Форма сделок в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2009. 241 с.
7. Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М.: Волтерс Клувер, 2008. 736 с.
8. Зарубин А. В. Недействительность сделок с пороками воли: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. 182 с.

В редакцию материал поступил 14.10.13

© Платонов В. М., 2014

Информация об авторе

Платонов Владислав Михайлович, аспирант, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: vladi.platonov@gmail.com

Как цитировать статью: Платонов В. М. Притворные сделки как сделки с пороком воли // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 213–218.

V. M. PLATONOV,

Post-graduate student

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

SHAM TRANSACTIONS AS TRANSACTIONS WITH FLAW IN THE WILL

Objective: to prove that sham transactions should be considered invalid transactions with flaw in the will.

Methods: General scientific method of systemic analysis, making it possible to identify the legal nature of sham transactions and to define its place both in the general system of legal facts, and in the system of invalid transactions.

Results: the conclusion is justified that sham transactions should be considered invalid transactions with flaw in the will, because when making a sham transaction the parties have both the will and the declaration of the will, but the declaration of the will does not reflect in full the relations and the consequences that the parties intend to generate.

Scientific novelty: the author has reviewed the scientific studies of those who attribute sham transactions to the group of invalid deals with the flaw in the content. Basing on the presented analysis, the author gives counter-arguments, which allow to identify the flaw of sham transactions. Taking into account that only legitimate actions are considered to be transactions, it is proposed to change the wording of Article 153 of the Russian Civil Code.

Practical value: the theoretical principles formulated in the study can be used in lawmaking, in teaching courses in Civil Law, as well as other special courses.

Key words: transaction; sham transactions; will; declaration of the will; content of transaction.

References

1. Kozyar, N. V. *Kategoriya nichtozhnoi sdelki v grazhdanskom prave Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* (Category of null transaction in the Russian Civil Code: PhD (Law) thesis). Moscow, 2011. 235 p.
2. Kholodenko, Yu. V. *Nedeistvitel'nost' sdelok s porokami voli: dis. ... kand. yurid. nauk* (Invalidity of transactions with flaw in the will: PhD (Law) thesis) Moscow, 2008. 246 p.
3. Sadikova, O. N. *Grazhdanskoe pravo* (Civil Law). T. 1. Moscow: Yuridicheskaya firma "KONTRAKT"; "INFRA-M", 2006. 493 p.
4. Sergeev, A. P., Tolstoy, Yu. K. *Grazhdanskoe pravo* (Civil Law. Vol. 1). T. 1. Moscow: TK Velbi; Prospekt, 2004. 776 p.
5. Senina, Yu. L. *Kategoriya voli v grazhdanskom prave Rossii (v aspekte grazhdansko-pravovoi sdelki): dis. ... kand. yurid. nauk* (Category of will in the Russian Civil law (in the aspect of civil-legal transaction) PhD (Law) thesis). Novosibirsk, 2006.
6. Tatarikina, K. P. *Forma sdelok v grazhdanskom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* (Form of transactions in the Russian Civil law. PhD (Law) thesis). Tomsk, 2009. 241 p.
7. Sukhanov, E. A. *Grazhdanskoe pravo. T. 1* (Civil Law. Vol. 1). Moscow: Volters Kluver, 2008. 736 p.
8. Zarubin, A. V. *Nedeistvitel'nost' sdelok s porokami voli: dis. ... kand. yurid. nauk* (Invalidity of transactions with flaw in the will: PhD (Law) thesis). Krasnodar, 2003. 182 p.

Received 14.10.13

Information about the author

Platonov Vladislav Mikhailovich, Post-graduate student, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: vladi.platonov@gmail.com

How to cite the article: Platonov V. M. Sham transactions as transactions with flaw in the will. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 213–218.

© Platonov V. M., 2014

Якупов З.С. Налогообложение участников внешнеэкономической деятельности: учеб. пособие / З.С. Якупов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 208 с.

В учебном пособии рассматриваются теоретические основы и практические аспекты налогообложения российских организаций, получающих доходы от деятельности на территории иностранных государств, иностранных организаций и физических лиц, получающих доходы от источников в Российской Федерации. Изложены особенности исчисления налога на прибыль и налога на добавленную стоимость (НДС) указанными организациями при различных формах их деятельности. Уделено внимание урегулированию международного двойного налогообложения. Рассматриваются механизмы таможенно-тарифного регулирования внешнеэкономической деятельности, порядок расчета таможенных пошлин, сборов, НДС и акцизов по внешнеторговым операциям, в том числе в условиях создания Таможенного союза России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии, а также присоединения России к ВТО.

Предназначено для студентов, магистрантов, аспирантов экономических вузов и всех читателей, интересующихся проблемами исчисления доходов бюджета и формирования налоговой политики.

УДК 347.131

З. Р. РАФИКОВА,

аспирант

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

ЗНАЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Цель: раскрыть значение системы юридических фактов в гражданском праве для развития гражданского законодательства.

Методы: диалектические методы, а также такие частнонаучные методы, как метод восхождения от конкретного к абстрактному, анализ, синтез.

Результаты: предложены изменения в ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Научная новизна: в настоящее время существенно меняется гражданское законодательство, в связи с этим необходимо разработать слаженную систему юридических фактов в гражданском праве. Из норм статьи 8 ГК РФ невозможно выстроить систему исследуемых автором фактов. В этой связи представляется важным в первую очередь четко определить основания возникновения, изменения, прекращения гражданских правоотношений, так как перечень юридических фактов должен быть исчерпывающим.

Практическая значимость: четкая система юридических фактов гражданского права позволит решать причину правовых коллизий, создаст возможность эффективного правоприменения. Полученные в ходе исследования выводы могут быть положены в основу предложений по оптимизации гражданского законодательства.

Ключевые слова: юридический факт; система юридических фактов в гражданском праве; правовое состояние.

Введение

Система юридических фактов как часть системы правового регулирования гражданских правоотношений – один из ключевых вопросов гражданского права. В настоящее время в свете реформирования гражданского законодательства этот вопрос особенно актуален. Учитывая, что гражданские дела рассматриваются очень долго (например, по виндикационным искам длятся годами), можно утверждать, что система юридических фактов гражданского права не проработана, нет четкого алгоритма действий, нет слаженности действия гражданского законодательства. И когда с каждым годом растет количество обращений в суд, особенно остро встает вопрос о работающей системе юридических фактов. Так, например, А. Ф. Вишневецкий отмечал: «Достаточно развернутая система юридических фактов, четко очерченных в законодательстве, своевременно, полно и достоверно установленных в процессе реализации права, – одна из важнейших гарантий законности...» [1, с. 49]. С этим мнением трудно не согласиться.

Несмотря на то, что отечественной теории юридических фактов посвящено много исследований, в целом она консервативна, и не подвер-

галась существенным изменениям. Юридические факты рассматриваются такими учеными, как О. А. Красавчиков [2], В. Б. Исаков [3], С. Ф. Кечекьян [4], Н. Г. Александров [5] и многими другими цивилистами. Следует также отметить, что во многих отраслях права есть исследования, посвященные юридическим фактам. Так, в сфере трудового права это работы О. В. Барина [6], В. Л. Гейхмана [7], А. В. Кручинина [8], в семейном праве – В. И. Данилина [9], С. И. Ретутова [9], О. Ю. Косовой [10], В. А. Рясенцева [11], А. В. Маркосян [12], в гражданском праве – М. А. Рожковой [13], в гражданско-процессуальном праве – В. В. Яркова [14], Н. А. Чудиновской [15], в уголовном праве – И. В. Кутюхина [16], С. Г. Леонова [17], и других исследователей. Научный интерес к теории юридических фактов еще раз подчеркивает актуальность и востребованность данной темы.

Результаты исследования

Для того чтобы раскрыть сущность и значение системы юридических фактов гражданского права, необходимо понять значение самого термина «система юридических фактов гражданского права». Законодательно закрепленного опре-

деления ни юридических фактов, ни системы юридических фактов не существует. В этой связи раскроем значение термина с помощью метода анализа. Итак, система как традиционно понимаемое «множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которое образует определенную целостность, единство» [18, с. 1437]. Соответственно, система юридических фактов гражданского права должна состоять из закономерно расположенных во взаимной связи и определенном порядке частей. Система должна выявлять и учитывать все части единого целого.

Термин «факт» произошел от латинского *factum* – свершившееся, по словарю С. И. Ожегова факт имеет три значения, но следующее определение является более подходящим для юридической науки, факт – действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует [19, с. 367]. Из множества определений «фактов», самым точным, раскрывающим сущность данного понятия, нам кажется, выражение И. П. Павлова: «Факты – это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» – пустые пузыри» [20, с. 50]. Юридическим называют факт, имеющий юридическое значение. «Юридические факты отличаются от других фактов реальной действительности только с точки зрения значимости данных фактов для права» [2, с. 67].

Родоначальником термина «юридические факты» является выдающийся немецкий юрист Ф. К. фон Савиньи. В известной своей работе «Система современного римского права» он написал следующее: «я называю события, которые вызывают возникновение или прекращение правоотношения, юридическими фактами» [21, с. 212]. Определения юридических фактов существенно не отличаются, но их классификация вызывает у ученых множество споров.

В. Б. Исаков в своей книге «Юридические факты в советском праве», отмечает, что «эффективная, действенная ответственность невозможна без четкого определения условий ее наступления, т. е. юридических фактов. Их нельзя отнести ни к эмпирическим, ни к теоретическим, они находятся как бы «между ними» [3, с. 33]. Но на наш взгляд, юридические факты относятся и к эмпирическим фактам, так как являются основанием возникновения правоотношения, и составляют

гипотезу нормативно-правового акта, и к теоретическим, так как являются основанием научного знания. В. Б. Исаков также отмечал, что «за спиной» конкретного юридического факта стоит вся правовая система государства. Углубленный анализ некоторых юридических фактов способен привести к обнаружению важных закономерностей, присущих правовой системе в целом... Задача теории заключается в том, чтобы на основе изучения закономерного вернуться к конкретному, дать ему научное объяснение» [3, с. 36], с чем нельзя не согласиться. Под юридическими фактами в гражданском праве общепринято понимать жизненное обстоятельство, которое влечет возникновение, изменение, прекращение гражданских правоотношений. Но наиболее проработанным и оптимальным, на наш взгляд, является определение М. А. Рожковой, полагающей, что «юридический факт в гражданском праве можно определить как реальное жизненное обстоятельство, с правовой моделью которого гражданское право связывает определенные юридические последствия и фактическое наступление которых влечет такие последствия в сфере гражданских правоотношений» [13, с. 14].

Таким образом, рассмотренные нами ранее определения терминов «система», «факт», «юридический факт», позволяют сформулировать следующую дефиницию: система юридических фактов гражданского права – это взаимосвязанные между собой реальные жизненные обстоятельства, с правовой моделью которого нормы гражданского законодательства связывают определенные юридические последствия, и фактическое наступление которых влечет такие последствия в отношении участников гражданского оборота.

Необходимо обратить внимание, что общепринятой системы юридических фактов гражданского права как таковой на сегодняшний день не существует. Это вызывает определенное беспокойство, так как законодательная база не прорабатывается от подготовки правовой нормы до реализации, создаются лазейки для недобросовестных участников гражданского оборота, и это приводит к беспорядочному внесению изменений в различные законы. Четкая система юридических фактов гражданского права, во-первых, позволила бы решать причину вопроса, а не следствие; во-вторых, создала бы возможность предвосхищать

запросы общества до непосредственного возникновения проблем с правоприменением; в-третьих, могла бы стать методологической основой для изучения гражданского права как отрасли права.

Общеизвестно, что Гражданский кодекс РФ является основополагающим нормативно-правовым актом, регулирующим имущественные и личные неимущественные правоотношения. За период его действия внесено существенное количество изменений. Принято 66 федеральных законов о внесении изменений в первую часть Гражданского кодекса. Д. А. Медведев отмечал, что «Гражданский кодекс уже стал и должен оставаться основой становления и развития в государстве цивилизованных рыночных отношений, эффективным механизмом защиты всех форм собственности, а также прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Кодекс не требует коренных изменений, но дальнейшее совершенствование гражданского законодательства необходимо» [22, с. 32], именно поэтому пришло время для разработки продуманной системы юридических фактов гражданского права, в соответствии с которой будут последовательно вноситься изменения в ГК РФ.

ГК РФ не содержит специальной главы, посвященной юридическим фактам, тем не менее в ст. 8 ч. 1 ГК РФ дается примерный перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей (гражданско-правовые факты). Из норм статьи трудно понять какую-то логику, классифицировать юридические факты по определенным признакам, тем более, невозможно выстроить систему исследуемых нами фактов. В связи с вышеизложенным возникает множество вопросов: исчерпывающий ли этот перечень? Почему основания возникновения гражданских прав и обязанностей перечислены именно в таком порядке? И влияет ли определенность данных юридических фактов на развитие гражданского законодательства?

Проанализируем ст. 8 ГК РФ «Основания возникновения гражданских прав и обязанностей». В п. 1.1 ст. 8 указано, что гражданские права и обязанности возникают «из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему. Думается, что в данном случае законодатель руководствуется оглавлением данного кодекса.

Следующим основанием возникновения гражданских правоотношений согласно п. 1.1.1 ст. 8 названо решение собраний в случаях, предусмотренных законом. В этой связи, следует отметить, что законодательно закрепленного определения понятия «решение собраний» нет, определение понятия «собрание» тоже отсутствует, соответственно для применения данного пункта ст. 8 ГК РФ необходимо обращаться к иным правовым актам (например, решение общего собрания участников общества с ограниченной ответственностью (ст. 38 Федерального закона №14-ФЗ от 8 февраля 1998 г. «Об обществах с ограниченной ответственностью»); решение общего собрания собственников помещений в многоквартирном доме (ст. 46 ЖК РФ) и т.д.), решения собраний кредиторов (ст. 15 Федерального закона №127-ФЗ от 26 октября 2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)» и др.). Теоретическая неопределенность указанного пункта ведет к использованию данных терминов в разных значениях. Безусловно, этот вопрос требует более детальной разработки. Также необходимо отметить, что юридическим фактом является не само решение, а акт, закрепляющий в требуемой законодательством форме, принятое собранием решение.

В п. 1.2. анализируемой нами статьи оснований возникновения гражданских правоотношений названы акты государственных органов и органов местного самоуправления. Однако, на наш взгляд, в указанном пункте не полностью отражается реально существующее положение. Так, например, в соответствии со ст. 1 Основ законодательства о нотариате (утвержденной Верховным Судом РФ 11.02.1993 № 4462-1) нотариальное действие совершается от имени Российской Федерации, соответственно нотариальное действие является административным актом, так как нотариус действует от имени государства, и в то же время частный нотариус не относится к государственным органам. Соответственно, если это административный акт, то почему нотариус не упоминается в п. 2 или отдельным пунктом ст. 8 ГК РФ?

Таким образом, думается, что нотариальные действия необходимо включить в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей в п. 1.2 ст. 8 ГК РФ.

Далее в п. 1.3 ст. 8 ГК РФ говорится о судебном решении, установившем гражданские права

и обязанности. Полагаем, будет более логичным заменить в п. 1.3 ст. 8 ГК РФ слово «решение» на слово «акт», так как кроме судебных решений, есть еще постановления и определения суда, которые также могут являться основанием возникновения юридических фактов. Думается, следует согласиться с суждением М. А. Рожковой, на взгляд которой, «судебное решение в любом из названных значений – это элемент гражданского (арбитражного) процесса, следовательно, данное понятие – публично-правовое. Представляется, что нет оснований приносить в гражданское право (частное право) понятийный инструментарий права публичного» [23, с. 73].

С позиций теории юридических фактов судебное решение, будучи процессуальным актом, является, прежде всего, юридическим фактом процессуального права [14, с. 69]. «Любое судебное решение независимо от вида иска, по которому оно вынесено, независимо от его соответствия нормам права и требованиям, предъявляемым к решениям, является юридическим фактом процессуального права. Но юридическим фактом материального права оно является лишь в том случае, если влечет изменение или прекращение материально-правового отношения. Таким образом, юридическим фактом материального права может быть лишь конститутивное судебное решение в том случае, когда оно удовлетворяет конститутивный иск» [24, с. 103].

Далее в ст. 8 ГК РФ в качестве оснований возникновения гражданских правоотношений также необходимо включить пункт о правовых состояниях, влекущих гражданско-правовые отношения, так как они имеются в существенном количестве в гражданском законодательстве (например, заблуждение, гражданство, дееспособность, нетрудоспособность, банкротство, безвестное отсутствие, непреодолимая сила и т. п.).

Для того чтобы выяснить сущность термина «правовое состояние», необходимо дать его определение. Общепринятое значение термина «состояние», это положение, внешние или внутренние обстоятельства, в которых находится кто-нибудь. Термин «правовое состояние» определяется как «длящиеся (перманентно существующие или периодически возникающие) обстоятельства, так или иначе влияющие на положение социального субъекта, его взаимоотношения с другими

лицами и организациями [25]. Соответственно, юридический факт-состояние – это длящееся или краткосрочно возникающее реальное жизненное обстоятельство, с правовой моделью которого гражданское право связывает определенные юридические последствия, и фактическое наступление которых влечет такие последствия в сфере гражданских правоотношений.

В юридической науке множество споров вызывает вопрос о выделении юридических фактов-состояний. Так, одни авторы рассматривают их как особую разновидность юридических фактов наряду с событиями и действиями [26, с. 14], [3, с. 35], другие считают, что факты-состояния могут быть как юридическими действиями, так и событиями [2, с. 135–139], [13, с. 35–36], [9, с. 13–14; 12, с. 12], третьи, что их нельзя отнести ни к юридическим событиям, ни к юридическим действиям. Иной подход состоит в том, что юридическое значение имеет не само состояние, а юридические факты, обусловившие его возникновение, поэтому сомнению подвергается целесообразность выделения состояний в классификации юридических фактов [4, с. 173; 27, с. 288].

В. Б. Исаков выделяет юридическое состояние в отдельную группу и предлагает в качестве критерия обособления фактов-состояний такой признак, как продолжительность существования фактических обстоятельств, и с этой точки зрения разграничивает все юридические факты на факты краткосрочного действия и факты длительного действия – состояния [3, с. 34]. По нашему мнению, факты-состояния должны иметь свое место в системе юридических фактов гражданского права, так как они обладают следующими признаками: во-первых, по характеру действия их нельзя отнести к волевым, то есть их нельзя отнести ни к действиям, ни к событиям, во-вторых, у них имеются такие отличительные признаки, как продолжительность существования во времени и способность неоднократно вызывать наступление правовых последствий. Например, состояние непреодолимой силы не носит волевого характера, неоднократно вызывает правовые последствия, и в отличие от действий и событий, не прекращает свое действие в момент наступления правовых последствий. Таким образом, факты-состояния должны быть законодательно закреплены в качестве основания возникновения гражданских правоотношений.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, предлагаем изложить ст. 8 ГК РФ в следующей редакции:

«1. Гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законом и иными правовыми актами, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены законом или такими актами, но в силу общих начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности.

В соответствии с этим гражданские права и обязанности возникают:

1) из договоров и иных сделок, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему;

1.1) из акта, закрепляющего решение собрания в случаях, предусмотренных законом;

2) из актов государственных органов и органов местного самоуправления, нотариальных актов, которые предусмотрены законом в качестве основания возникновения гражданских прав и обязанностей;

3) из судебного акта, установившего гражданские права и обязанности;

4) в результате приобретения имущества по основаниям, допускаемым законом;

5) в результате создания произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности;

6) вследствие причинения вреда другому лицу;

7) вследствие неосновательного обогащения;

8) вследствие иных действий граждан и юридических лиц;

9) вследствие событий, с которыми закон или иной правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий.

10) вследствие юридического состояния, в котором находятся участники гражданского оборота».

Выводы

Резюмируя вышесказанное, еще раз подчеркнем, что дальнейшая разработка системы юридических фактов гражданского права имеет большое значение для стабильного гражданского оборота, так как такая система обеспечит более понятное и предсказуемое развитие гражданско-правовых отношений. Следует подчеркнуть, что

любое правоотношение основано на совокупности юридических фактов. На наш взгляд, система юридических фактов должна быть динамичной, реагирующей на изменения в общественной жизни. Для дальнейшего развития гражданского оборота, действующей системы правового регулирования гражданских отношений, для единообразной правоприменительной практики необходимо углубленное изучение системы юридических фактов гражданского права. Необходимо разработать слаженную систему юридических фактов в гражданском праве. Изучение системы юридических фактов гражданского права обусловлено объективной необходимостью более эффективной защиты прав участников гражданского оборота. Хотелось бы отметить, что исследование проблем юридических фактов необходимо не только в правотворческом аспекте, но в большей степени и в правореализационном.

Список литературы

1. Вишневецкий А. Ф. Развитие учения о юридических фактах как основаниях возникновения правоотношений // Современные проблемы правовых отношений: сборник науч. трудов / под ред. В. А. Кучинского и Э. А. Саркисовой. Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2008. 116 с.
2. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве // Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. С. 49–241.
3. Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 144 с.
4. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М.: Изд. АН СССР, 1958. 185 с.
5. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М.: Госюриздат, 1955. 175 с.
6. Баринов О.В. Юридические факты в советском трудовом праве: дис. ... канд. юрид. наук. Ленинград, 1980. 190 с.
7. Гейхман В.Л. Сложные фактические составы как основания возникновения трудовых правоотношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. 369 с.
8. Кручинин А.В. Юридические факты и их составы, обуславливающие возникновение индивидуальных трудовых правоотношений в России: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2003. 171 с.
9. Данилин В.И., Реутов С.И. Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск: Изд-во Уральского гос. ун-та, 1989. – 156 с.
10. Косова О.Ю. Семейно-правовое регулирование отношений по предоставлению содержания членам семьи: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 386 с.
11. Рясенцев В.А. Юридические факты в семейном праве СССР/ Ленинские идеи и новое законодательство о браке и семье. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1969, 45 с.
12. Маркосян А. Юридические факты в семейном праве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 203 с.

13. Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашение о защите прав и процессуального соглашения. М.: Статут, 2009. С. 330.
14. Ярков В.В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1992. 523 с.
15. Чудиновская Н.А. Установление юридических фактов в гражданском и арбитражном процессе / науч. ред.: В.В. Ярков. М.: Волтерс Клувер, 2008. 192 с.
16. Кутюхин И.В. Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 183 с.
17. Леонов С.Г. Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 24 с.
18. Большой Российский энциклопедический словарь. М.: БРЭ, 2003. 1888с.
19. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2011. 736 с.
20. Павлов И. П. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1949. 568 с.
21. Савиньи Фридрих Карл фон. Система современного римского права: пер. с нем. Г. Жигулина / под ред. О. Кутаделадзе и В. Зубаря. М.: Статут, 2011. 573с.
22. Кодификация российского частного права / под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2008. 336с.
23. Рожкова М.А. Судебный акт как юридический факт // Законодательство. 2001. № 5. С.69–73.
24. Гонгало Ю.Б. Юридические факты в наследственном праве России и Франции: сравнительно-правовое исследование. М.: Статут, 2010. 310 с.
25. URL: <http://slovari.yandex.ru>
26. Толстой Ю. К. К теории правоотношения. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та. 1959. 88 с.
27. Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. 340 с.

В редакцию материал поступил 26.11.13

© Рафикова З. Р., 2014

Информация об авторе

Рафикова Зили Рамилевна, аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: rafikova87@mail.ru

Как цитировать статью: Рафикова З. Р. Значение системы юридических фактов в гражданском праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 219–225.

Z. R. RAFIKOVA,
Post-graduate student

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

SIGNIFICANCE OF JURIDICAL FACTS' SYSTEM IN CIVIL LAW

Objective: to reveal the significance of the juridical facts in civil law for the development of civil law.

Methods: dialectical methods, as well as such private-scientific methods as a method of ascent from the concrete to the abstract, analysis, synthesis.

Results: changes are proposed to Article 8 of the Civil Code of the Russian Federation.

Scientific novelty: currently civil law is being changed considerably, in connection with the need to develop a coherent system of juridical facts in civil law. Provisions of Article 8 of the Civil Code do not allow to build the system of the facts, as the author has studied. In this regard, it is important to first of all clearly identify the grounds for the emergence, changing and termination of civil relations as the list of juridical facts should be exhaustive.

Practical value: a clear system of juridical facts in the civil law will allow to solve the cause of legal conflicts, will create an opportunity for effective law enforcement. The findings of the research could be the basis of proposals for civil law optimization.

Key words: juridical fact, the system of juridical facts in civil law, legal status.

References

1. Vishnevskii, A. F. Developing the doctrine on juridical facts as the bases of legal relations' emergence. *Sovremennye problemy pravovyykh otnoшений (Modern problems of legal relations: sbornik nauch. trudov)*. Minsk: Akademiya MVD Respubliki Belarus', 2008. 116 p.
2. Krasavchikov, O. A. Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave (Juridical facts in the Soviet civil law). *Kategorii nauki grazhdanskogo prava. Izbrannye trudy: v 2 t. T. 2*. Moscow: Statut, 2005. Pp. 49–241.
3. Isakov, V. B. *Yuridicheskie fakty v sovetskom prave* (Juridical facts in the Soviet law). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1984. 144 p.

4. Kechek'yan, S. F. *Pravootnosheniya v sotsialisticheskoy obshchestve* (Legal relations in Socialist society). Moscow: Izd. AN SSSR, 1958. 185 p.
5. Aleksandrov, N. G. *Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve* (Law and legal relations in the Soviet society). Moscow: Gosyurizdat, 1955. 175 p.
6. Barinov, O. V. *Yuridicheskie fakty v sovetskom trudovom prave: dis. ... kand. yurid. nauk* (Juridical facts in the Soviet labor law: a PhD (Law) thesis). Leningrad, 1980. 190 p.
7. Geikhman, V. L. *Slozhnye fakticheskie sostavy kak osnovaniya vozniknoveniya trudovykh pravootnoshenii: dis. ... kand. yurid. nauk* (Complex factual corpuses as the bases of labor relations occurrence: a PhD (Law) thesis). Moscow, 1970. 369 p.
8. Kruchinin, A. V. *Yuridicheskie fakty i ikh sostavy, obuslovlivayushchie vozniknovenie individual'nykh trudovykh pravootnoshenii v Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk* (Juridical facts and their corpus, determining the occurrence of individual labor relations in Russia: a PhD (Law) thesis). Perm, 2003. 171 p.
9. Danilin, V. I., Reutov S. I. *Yuridicheskie fakty v sovetskom semeinom prave* (Juridical facts in the Soviet family law). Sverdlovsk: Izd-vo Ural'skogo gos. un-ta, 1989. 156 p.
10. Kosova, O. Yu. *Semeino-pravovoe regulirovanie otnoshenii po predostavleniyu sodержaniya chlenam sem'i: dis. ... d-ra yurid. nauk* (Family-legal regulation of relations referring to providing allowance to family members: Doctor of Law thesis). Moscow, 2005. 386 p.
11. Ryasentsev, V. A. *Yuridicheskie fakty v semeinom prave SSSR* (Juridical facts in the family law of the USSR). *Leninskie idei i novoe zakonodatel'stvo o brake i seme*. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 1969. 45 p.
12. Markosyan, A. *Yuridicheskie fakty v semeinom prave Rossiiskoi Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk* (Juridical facts in the family law of the Russian Federation: abstract of a PhD (Law) thesis). Moscow, 2007. 203 p.
13. Rozhkova, M. A. *Yuridicheskie fakty grazhdanskogo i protsessual'nogo prava: soglasenie o zashchite prav i protsessual'nogo soglaseniya* (Juridical facts in the civil and procedural law: agreement on rights protection and procedural agreement). Moscow: Statut, 2009. P. 330.
14. Yarkov, V. V. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme realizatsii norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk* (Juridical facts in the mechanism of implementation of the civil procedural law: Doctoral (Law) thesis). Ekaterinburg, 1992. 523 p.
15. Chudinovskaya, N. A. *Ustanovlenie yuridicheskikh faktov v grazhdanskom i arbitrazhnom protsesse, nauch. red.: Yarkov V. V.* (Establishing juridical facts in civil and arbitrary procedures, scientific editor V. V. Yarkov) Moscow: Volters Kluver, 2008. 192 p.
16. Kutyukhin, I. V. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme ugovolno-protsessual'nogo regulirovaniya: dis. ... kand. yuridicheskikh nauk* (Juridical facts in the mechanism of criminal-procedural regulation: a PhD (Law) thesis). Vladivostok, 2004. 183 p.
17. Leonov, S. G. *Protsessual'nye resheniya kak yuridicheskie fakty v dosudebnom proizvodstve rossiiskogo ugovolnogo protsessa: dis. ... kand. yurid. nauk* (Procedural decisions as juridical facts in pre-court procedure of the Russian criminal procedure: abstract of a PhD (Law) thesis). Krasnodar, 2011. 24 p.
18. *Bol'shoi Rossiiskii entsiklopedicheskii slovar'* (Great Russian Encyclopedic Dictionary). Moscow: BRE, 2003. 1888 p.
19. Ozhegov, S. I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Glossary of the Russian language). Moscow: Oniks, 2011, 736 p.
20. Pavlov, I. P. *Izbrannye proizvedeniya* (Selected works). Moscow: Gospolitizdat, 1949. 568 p.
21. Savin'i Fridrikh, Karl fon. *Sistema sovremennogo rimskogo prava* (System of modern Roman law). Moscow: Statut, 2011. 573 p.
22. Medvedev, D. A. *Kodifikatsiya rossiiskogo chastnogo prava* (Codification of the Russian private law). Moscow: Statut, 2008. 336 p.
23. Rozhkova, M. A. Court act as a juridical fact. *Zakonodatel'stvo*, 2001, no. 5, pp. 69–73 (in Russ.).
24. Gongalo, Yu. B. *Yuridicheskie fakty v nasledstvennom prave Rossii i Frantsii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* (Juridical facts in the hereditary law of Russia and France: comparative-legal research). Moscow: Statut, 2010. 310 p.
25. <http://slovari.yandex.ru>
26. Tolstoy, Yu. K. *K teorii pravootnosheniya* (On the theory of legal relations). Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta. 1959. 88 p.
27. Khalfina, R. O. *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* (General doctrine of legal relations). Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1974, 340 p.

Received 26.11.13

Information about the author

Rafikova Zilya Ramilevna, Post-graduate student of Civil and Entrepreneurial Law Chair, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: rafikova87@mail.ru

How to cite the article: Rafikova Z. R. Significance of juridical facts' system in civil law. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 219–225.

© Rafikova Z. R., 2014

УДК 342.9:796 (470)

Ю. Д. ЯКУБОВ,

кандидат политических наук, ректор

*Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма,
г. Казань, Россия*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ОФОРМЛЕНИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: определение и обоснование форм региональной политики в области физической культуры и спорта.

Методы: системный, структурно-функциональный и институционального анализа.

Результаты: на основе оценки мнений разных ученых в изучаемой сфере деятельности доказано, что субъекты Российской Федерации уточняют цели, задачи и способы осуществления физкультурно-спортивной политики, исходя из общефедеральных программных документов, на реализацию которых направлены мероприятия, проводимые на региональном уровне.

Научная новизна: выявлена зависимость содержания физкультурно-спортивных стратегий от формы и механизма их принятия. Установлено влияние политических элит на порядок разработки и реализации концепций развития физической культуры и спорта в регионах.

Практическая значимость: в возможности оптимизировать порядок принятия новых стратегий в области физической культуры и спорта на региональном уровне с учетом рекомендаций и типичных ошибок, допускаемых в данном вопросе.

Ключевые слова: спортивное право; физкультурно-спортивная политика; региональные стратегии; региональная политика.

Введение

Разделение федеральных и региональных функций – закономерное следствие политики децентрализации, активно осуществляемой в последние десятилетия федеральным центром по многим вопросам, в том числе в части регулирования национальных физкультурно-спортивных отношений [1]. Анализируя существующие стратегии развития физической культуры и спорта в регионах, можно прийти к выводу, что отражение концептуальных основ федеральной физкультурно-спортивной политики в официальных документах региональных властей весьма неполное. Невзирая на обязанность субъектов федерации разрабатывать собственные концепции развития физкультурно-спортивного сектора¹, некоторые регионы в настоящее время самостоятельных программ осуществления политики в физкультурно-спортивной отрасли не имеют. Объясняется это

пассивной позицией региональных властей, что регулярно отмечается на официальном уровне в качестве негативных тенденций осуществления государственной физкультурно-спортивной политики [2] и признается научным сообществом [3]. Тем не менее отсутствие программного документа, по нашему мнению, не означает, что в регионе не проводится физкультурно-спортивная политика.

Учитывая то обстоятельство, что большинство вопросов, решаемых на региональном уровне, одинаковы для всех субъектов федерации, их констатация в специальной стратегии представляется лишь формальностью. Даже в тех регионах, где имеется пакет документов с собственными вариантами решения физкультурно-спортивных проблем, наблюдается ситуация, при которой региональные власти фактически не обеспечивают их реализацию [4]. К тому же в подобных стратегиях могут содержаться дефекты и неточности, которые в своей совокупности выступают барьерами в достижении поставленных целей и задач региональной физкультурно-спортивной политики.

Также причиной отсутствия самостоятельной стратегии развития физической культуры и спорта в регионе является практика ряда субъектов

¹ О Федеральной целевой программе «Развитие физической культуры и спорта в Российской Федерации на 2006–2015 гг.»: постановление Правительства РФ № 7 от 11.01.2006 (ред. от 20.12.2011).

федерации включать вопросы физкультурно-спортивной политики в единую комплексную программу социально-экономического развития региона. При этом в качестве подпрограммных документов могут быть отдельные плановые положения по модернизации физической культуры и спорта, однако их срок существенно ограничен. Так, в Республике Башкортостан в период с 2006 по 2010 гг. действовала комплексная программа развития физической культуры, спорта и самодетельного туризма², однако по истечении указанного срока новая программа принята не была, а прежняя формально не отменена. Вместе с тем действует несколько региональных законов, которые выступают ориентирами развития физической культуры и спорта на территориальном уровне. В частности, это законы Республики Башкортостан «О физической культуре и спорте», «О детско-юношеском спорте в Республике Башкортостан». Аналогичная ситуация наблюдается в Республике Марий Эл, где функции стратегии развития физкультурно-спортивной сферы с 2009 г. прописаны в региональном законе³.

Результаты исследования

Стратегии развития физической культуры и спорта на региональном уровне могут содержать:

- 1) в законе, направленном на регулирование общественных отношений в физкультурно-спортивной сфере с учетом региональных особенностей;
- 2) в самостоятельном программном документе, содержащем цели, задачи и механизмы реализации физкультурно-спортивной политики в субъекте федерации;
- 3) в совокупности документов разной юридической силы, содержащих как общие, так и специальные меры физкультурно-спортивной политики региона.

² О комплексной программе развития физической культуры, спорта и самодетельного туризма в Республике Башкортостан на 2006–2010 гг.: постановление Правительства Республики Башкортостан № 119 от 4 мая 2006 г. // Ведомости Государственного Собрания – Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2006. № 12(234). Ст. 791.

³ О физической культуре и спорте в Республике Марий Эл: Закон Республики Марий Эл № 81-З от 30.12.2008 (ред. от 19.04.2013) // Марийская правда. 2008. № 241.

Использование законодательной формы распространено среди регионов. В республиках, помимо единого закона в области физической культуры и спорта, принимается комплекс подзаконных актов, призванных регламентировать отдельные вопросы отрасли. Следует отметить, что подобная тактика разработки региональной политики не соответствует предназначению законов, содержащих преимущественно нормы, которые направлены на регулирование отношений между непосредственными участниками спортивной системы. Напротив, стратегия развития физической культуры и спорта как таковых правил не содержит. Ее предназначение заключается в том, чтобы сформулировать процедурные действия региональных субъектов физкультурно-спортивного сектора, направленные на решение текущих и долгосрочных проблем, включая проблему несоблюдения указанных законов на практике [5]. Не случайно в связи с этим в ряде регионов, помимо принятых законов, посвященных общим вопросам организации управления физкультурно-спортивной сферой, также действуют программные документы, направленные на осуществление вполне определенных задач, в том числе реализацию законодательных положений.

Так, в Республике Татарстан подобный закон был принят в 2008 г. и содержит лишь основы для управления физкультурно-спортивным сектором⁴. В частности, в нем сформулированы принципы региональной физкультурно-спортивной политики, определены субъекты отношений, их права и обязанности, а также организационные вопросы регулируемой сферы. В 2010 г. в Татарстане была принята Долгосрочная целевая программа «Развитие физической культуры и спорта в Республике Татарстан на 2011–2015 гг.»⁵, которая определила

⁴ О физической культуре и спорте: Закон Республики Татарстан № 99-ЗРТ от 08.10.2008 (ред. от 25.12.2012) // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2008. № 10 (I часть). Ст. 1235.

⁵ Развитие физической культуры и спорта в Республике Татарстан на 2011–2015 гг. Долгосрочная целевая программа: утверждена постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 30.12.2010 № 1134 // Сборник постановлений и распоряжений Кабинета Министров Республики Татарстан и нормативных актов республиканских органов исполнительной власти. 2011. № 11. Ст. 0355.

круг проблем физкультурно-спортивной сферы, цели, задачи, сроки, источники и объемы финансирования, ожидаемые результаты, а также перечень мероприятий, необходимых для достижения запланированных показателей. С точки зрения правовой науки, указанный программный документ является подзаконным актом и призван обеспечить реализацию законодательных положений [6]. Однако в политическом аспекте именно он, а не закон, является отправной точкой в осуществлении региональной физкультурно-спортивной политики, поскольку содержит все основные ее элементы и позволяет получить представление о региональных интересах в данной сфере. При этом подобная комбинированная форма выражения стратегии развития физической культуры и спорта наблюдается сегодня во многих субъектах Российской Федерации.

Другая форма выражения стратегии развития физической культуры и спорта в регионах заключается в формулировании аспектов физкультурно-спортивной политики внутри социально-экономического плана субъекта федерации [7; 8]. Однако в настоящее время данный способ не используется или используется лишь в тех случаях, когда стратегический документ по развитию физкультурно-спортивной отрасли устаревает, а новый по определенным причинам не принимается. К тому же в социально-экономических стратегиях регионов содержатся, как правило, декларативные положения в части физической культуры и спорта, что не позволяет их рассматривать как подробный план осуществления физкультурно-спортивной политики [9].

В частности, в Республике Адыгея функции стратегии развития физической культуры и спорта выполняет региональная целевая программа «Молодежь Адыгеи», утвержденная распоряжением Кабинета Министров Республики № 308-р от 12.12.2005. При этом в Адыгее действует целевая программа «Развитие игровых видов спорта на 2013–2015 гг.», утвержденная постановлением Кабинета Министров республики. Как видно, основной акцент региональной физкультурно-спортивной политики Адыгеи смещен на молодежную политику. Схожая ситуация наблюдается и в Республике Саха (Якутия), где региональная целевая программа развития физической культуры и спорта соединена с реализацией молодежной

политики⁶. В сущности, молодежная и физкультурно-спортивная политика совмещены, имеют общие цели, задачи, финансовую базу и механизм реализации [10].

Объясняется это тем, что изначально сфера физической культуры и спорта и вопросы молодежной политики находились в одних рамках и реализовывались одним министерством. Поэтому средства и приемы осуществления социально-экономической политики в субъектах федерации активно применялись к физической культуре и спорту, вследствие чего целый комплекс проблем этой отрасли не решен на данных территориях до сих пор [11]. Однако использование инструментария молодежной политики не соответствует заявленному на федеральном уровне курсу на модернизацию физкультурно-спортивной отрасли страны.

Поэтому на современном этапе развития региональной политики в области физической культуры и спорта существует и смешанная форма стратегии. В случаях, когда в субъекте федерации отсутствует единый программный документ, имеется ряд актов, содержащих фрагментарное отражение вопросов региональной физкультурно-спортивной политики. Например, в Республике Дагестан по вопросам реализации государственной политики в области физической культуры и спорта действуют два закона, один из которых утвердил региональную республиканскую целевую программу «Подготовка дагестанских спортсменов к XXX летним Олимпийским и XIV летним Паралимпийским играм 2012 г. в г. Лондоне (Великобритания), XXI летним Сурдлимпийским играм 2009 г. (Тайвань) и XXII летним Сурдлимпийским играм 2013 г.»⁷. В Мурманской области действует Долгосрочная целевая программа «Развитие спортивной инфраструктуры на 2012–2015 гг.»⁸. Поэтому невозможно оценить

⁶ О государственной программе Республики Саха (Якутия) «Реализация молодежной политики, развитие физической культуры и спорта в Республике Саха (Якутия) на 2012–2016 гг.»: указ Президента Республики Саха № 983 от 12.10.2011 // Якутские ведомости. 2012. № 15.

⁷ Собрание законодательства Республики Дагестан. 2009. № 11. Ст. 509.

⁸ О долгосрочной целевой программе «Развитие спортивной инфраструктуры в Мурманской области на 2012–2015 гг.»: постановление Правительства Мурманской области № 492-ПП от 30.09.2011 (ред. от 26.04.2013) // Мурманский Вестник. № 197-198. 2011. С. 21–22.

концептуальные основы физкультурно-спортивной политики указанных регионов исключительно по целевым программам. Однако ввиду отсутствия целостного плана развития физической культуры и спорта в регионе эти акты частично заменяют собой единый программный документ. Как и в случае с Республикой Адыгея, претендовать на роль стратегического плана подобные подзаконные акты не могут, поскольку ориентированы на отдельных субъектов спортивной системы, направлены на развитие лишь отдельных видов спорта и касаются материально-технических объектов.

Выводы

В научной литературе высказывается мнение, что при отсутствии собственной стратегии развития физической культуры и спорта регионы обязаны придерживаться тех положений, которые содержатся в программных документах общенационального уровня [12; 13]. В связи с этим возникает вопрос о различиях и сходствах федеральной и региональной физкультурно-спортивной политики. Ответ здесь, на мой взгляд, очевиден: на федеральном уровне сформулированы лишь основные цели, задачи, принципы и методика осуществления государственной политики в области физической культуры и спорта, т. е. указана общая модель политики. Однако в каждом субъекте федерации имеются особенности, которые подлежат учету при разработке и реализации физкультурно-спортивной политики. Каждый субъект федерации вправе в определенных рамках сделать отступления от тех программно-декларативных положений, которые рекомендует им Российская Федерация.

Список литературы

1. Барабанова В. Б., Золотухин В. Е. Политика спорта – использование его в качестве новой платформы для

изменения общества // Международный журнал экспериментального образования. 2012. № 1. С. 91–92.

2. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1150050/> (дата обращения: 24.06.2013).

3. Blakemore K. Are Professionals Good for you? Health Policy and Health Professionals // Social Policy: An Introduction. Philadelphia: Open University Press, 1998.

4. Зазнаев О. И., Гарипов Р. Ф. Конституционно-правовые проблемы идентификации отдельных органов и должностных лиц с ветвями государственной власти Республики Татарстан // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 4. С. 156–159.

5. Васильев А. В. Стратегия формирования системы социально-экономической поддержки спорта на региональном уровне // Вестник Российской академии естественных наук (Санкт-Петербург). 2012. № 16. С. 76–79.

6. Важенина Т. Целевые программы как инструмент государственного регулирования регионального развития // Предпринимательство. 2013. № 1. С. 116–123.

7. Рыбалкина О. А. Некоторые аспекты формирования социально-экономической политики региона // Сегодня и завтра Российской экономики. 2010. № 37. С. 163–165.

8. Старостенко К. В. Управление физической культурой и спортом в субъектах Российской Федерации: проблемы и задачи // Управленческий учет. 2012. Т. 12. № 12. С. 20–25.

9. Смирнов В. М. Государственная региональная политика в современных условиях и социально-экономическая динамика развития регионов // Бизнес в законе. 2011. № 6. С. 276–279.

10. Букреев В. П., Филиппов М. Ю. О реализации государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного Федерального Округа // Юрист-Правовед. 2009. № 4. С. 98–105.

11. Шаповалов С. Н. Реализация государственной молодежной политики на рубеже XX–XXI вв.: основные тенденции // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 1–2. С. 76–81.

12. Гарипов Р. Ф., Зазнаев О. И. Политическая ответственность главы региона в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2013. Т. 13. № 2. С. 50–53.

13. Woodhouse Ch. The lawyer in Sport: Some Reflections // Sport and the Law Journal. 1996. № 3.

В редакцию материал поступил 12.02.14

© Якубов Ю. Д., 2014

Информация об авторе

Якубов Юсуп Диганшеевич, кандидат политических наук, ректор Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма

Адрес: 420138, г. Казань, ул. Деревня Универсиады, 35, тел.: (843) 294-90-02

E-mail: yus-yakubov@mail.ru

Как цитировать статью: Якубов Ю. Д. К вопросу о правовом оформлении региональных стратегий развития физкультурно-спортивной политики Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 226–230.

YU. D. YAKUBOV,

PhD (Political Science), Rector

Volga State Academy for Physical Culture, Sports and Tourism, Kazan, Russia

**ON THE ISSUE OF LEGAL FORMATION OF REGIONAL STRATEGIES OF PHYSICAL CULTURE
AND SPORTS POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Objective: to define and substantiate the forms of regional policy in the field of physical culture and sports.

Methods: systematic, structural-functional and institutional analysis.

Results: Basing on the evaluation of the views of different scientists in the study area, it is proved that the Russian Federation subjects clarify the goals, objectives and methods of the physical culture and sports policy, based on the general federal policy documents, which are aimed at the implementation of activities at the regional level.

Scientific novelty: the dependence of physical culture and sports strategies content on the shape and the mechanism of their adoption is revealed. The influence of political elites on the order of development and implementation of concepts for the development of physical culture and sports in the region is proved.

Practical value: the ability to optimize the new strategies' adoption procedure in the field of physical culture and sports at the regional level with the account of recommendations and typical mistakes made in this sphere.

Key words: sports law; physical culture and sports policy; regional strategies; regional policy.

References

1. Barabanova, V. B., Zolotukhin, V. E. Sports policy – using it as a new platform for changing the society. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*, 2012, no. 1, pp. 91–92 (in Russ.).
2. <http://newsland.com/news/detail/id/1150050/> (accessed: 24.06.2013)
3. Blakemore, K. Are Professionals Good for you? Health Policy and Health Professionals. *Social Policy: An Introduction*. Philadelphia: Open University Press, 1998.
4. Zaznaev, O. I., Garipov, R. F. Constitutional-legal problems of coordination of certain bodies and officials with the branches of state power of Tatarstan Republic. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii*, 2012, no. 4, pp. 156–159 (in Russ.).
5. Vasil'ev, A. V. Strategy of forming the system of social-economic support of sport at regional level. *Vestnik Rossiiskoi akademii estestvennykh nauk (Sankt-Peterburg)*, 2012, no. 16, pp. 76–79 (in Russ.).
6. Vazhenina, T. Target program as a tool of state regulation of regional development. *Predprinimatel'stvo*, 2013, no. 1, pp. 116–123 (in Russ.).
7. Rybalkina, O. A. Some aspects of forming the social-economic policy of a region. *Segodnya i zavtra Rossiiskoi ekonomiki*, 2010, no. 37, pp. 163–165 (in Russ.).
8. Starostenko, K. V. Managing physical culture and sports in the Russian Federation subjects: issues and tasks. *Upravlencheskii uchet*, 2012, vol. 12, no. 12, pp. 20–25 (in Russ.).
9. Smirnov, V. M. State regional policy under modern conditions and social-economic dynamics of regions' development. *Biznes v zakone*, 2011, no. 6, pp. 276–279 (in Russ.).
10. Bukreev, V. P., Filippov, M. Yu. On implementation of state youth policy in the Russian Federation subjects within the Southern Federal district. *Yurist-Pravoved*, 2009, no. 4, pp. 98–105 (in Russ.).
11. Shapovalov, S. N. Implementation of state youth policy at the verge of 20th and 21st cc: main trends. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2011, no. 1–2, pp. 76–81 (in Russ.).
12. Garipov, R. F., Zaznaev, O. I. Political liability of the region's head in modern Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 2013, vol. 13, no. 2, pp. 50–53 (in Russ.).
13. Woodhouse, Ch. The lawyer in Sport: Some Reflections. *Sport and the Law Journal*, 1996, no. 3.

Received 12.02.14

Information about the author

Yakubov Yusup Digansheyevich, PhD (Political Science), Rector of Volga State Academy for Physical Culture, Sports and Tourism
Address: 35 Universiade Village, 420138, Kazan, tel.: (843) 294-90-02
E-mail: yus-yakubov@mail.ru

How to cite the article: Yakubov Yu. D. On the issue of legal formation of regional strategies of physical culture and sports policy in the Russian Federation. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1(29), pp. 226–230.

© Yakubov Yu. D., 2014

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

УДК 342.4:341.24

М. Ф. МАТЮНИН,
старший преподаватель

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия

СООТНОШЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

Цель: доказать приоритет Конституции РФ над международными договорами путем соотношения национальных и международных актов.

Методы: всеобщий диалектический метод как метод последовательного развития и изменения правовых явлений в национальном и международном праве, а также системный и формально-юридический.

Результаты: на основе анализа теорий (доктрин) соотношения национального и международного права, сложившихся в науке международного права, а также на основе действующего российского законодательства и судебной практики был сделан вывод о приоритете Конституции РФ над международными договорами.

Научная новизна: впервые на основе соотношения национального и международного права был сделан вывод о приоритете Конституции РФ над международными договорами, так как она имеет верховенство на всей ее территории.

Практическая значимость: сформулированные в настоящем исследовании теоретические результаты могут быть использованы в учебном процессе, в научной, законотворческой и правоприменительной деятельности и в работе научно-педагогических кадров в области юриспруденции.

Ключевые слова: Конституция РФ; международный договор.

Введение

Проблема соотношения национального и международного права до сих пор остается насущной и дискуссионной. Существующие подходы к их соотношению не дают нам однозначного ответа на вопрос об их равенстве или о приоритете одного над другим.

В теории международного права сложились две доктрины (теории) относительно соотношения международного и национального права. Данные доктрины основаны на различиях и сходстве двух правовых систем.

Первая доктрина называется «монистической», согласно которой международное и национальное право являются единой правовой системой [1]. Последователи данной доктрины основываются на сходстве двух систем.

Вторая доктрина называется «дуалистической», согласно которой международное и на-

циональное право представляют собой две самостоятельные правовые системы, не подчиненные друг другу [1].

При рассмотрении в юридической литературе точек зрения на монистическую доктрину можно столкнуться с различными ее толкованиями, например, о приоритете норм международного права над национальным правом и наоборот. Так, признается факт единства международного и внутригосударственного права, однако приоритет международного права в этом случае возможен только по согласию государства. Несмотря на эти различия, основная идея теории – это единство норм международного и национального права.

В дуалистической теории тоже встречаются различные точки зрения, например, о том, что международное право, несмотря на различие, в некоторых случаях может регулировать внутригосударственные отношения, при условии

санкционирования государственными органами таких норм права. Это происходит с помощью законодательных либо судебных органов при применении норм международного права. Поэтому определяющим в подходе является политика государства как суверенного субъекта.

Результаты исследования

Какова же позиция нашего государства в вопросе соотношения российской правовой системы и международного права? Ответ на этот вопрос поможет нам понять, как соотносятся между собой Конституция РФ и международные договоры.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора¹.

Из буквального толкования указанной статьи Конституции РФ можно сделать вывод, что государство в вопросе соотношения национального и международного права занимает позицию монистического подхода. Формулировка статьи о том, что нормы международного права являются составной частью правовой системы России, становятся тому доказательством.

Но можно ли однозначно утверждать, что в такой ситуации международные договоры имеют приоритет над Конституцией РФ?

Думается, что нельзя. Тот факт, что между двумя правовыми системами существует взаимодействие, является очевидным. Полного совпадения между национальным и международным правом нет и не должно быть. Предметы их правового регулирования по объективным причинам во многих случаях не совпадают.

На практике все же возникают ситуации, когда действуют нормы национального и междуна-

родного права одновременно. В теории права и государства сложилось общее мнение, что нормы права не могут строиться по юридической силе. Общеизвестно, что по юридической силе выстраиваются нормативные правовые акты как источники права, формируя тем самым систему законодательства. А когда говорится о соотношении Конституции РФ и международных договоров, то имеется в виду соотношение различных источников права. Конституция РФ, как известно, является нормативным правовым актом, а международные договоры относятся к нормативным соглашениям. Возникает вопрос, могут ли между различными источниками права выстраиваться иерархически (субординационные) отношения?

Выясним, что же понимается под определением «международный договор».

Так, в соответствии с пунктом «а» ст. 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких, связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т. п.)².

В определении понятия международного договора, как можно увидеть, не указываются его место среди других источников права или сведения о его юридической силе.

На сегодняшний день, к сожалению, отсутствует легальное определение понятия закона. Поэтому в юридической литературе в узком смысле под законами понимаются законодательные акты парламента государства. В широком смысле под законами понимают все нормативные правовые акты, действующие на территории РФ, в том числе и Конституция РФ, называемая «основным законом».

Так, ч. 1 ст. 15 Конституции РФ устанавливает, что Конституция Российской Федерации имеет

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ № 6-ФКЗ от 30.12.2008, № 7-ФКЗ от 30.12.2008) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 4. Ст. 445.

² О международных договорах Российской Федерации: Федеральный закон № 101-ФЗ от 15.07.1995 (ред. от 25.12.2012) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

Как видно из статьи, делается различие между законами и самой Конституцией. Однако выводы некоторых авторов о том, что международные акты имеют приоритет над Конституцией РФ, проистекают из формулировки ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. На наш взгляд, формулировка ч. 4 ст. 15 Конституции РФ о том, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора, является неоднозначной.

Можно предположить, что когда говорят о приоритете международных договоров над законами, то говорят не о приоритете их над всеми нормативными правовыми актами, к которым относится и Конституция РФ, а лишь о законодательных актах.

Об этом же свидетельствуют разъяснения Верховного Суда РФ. Например, п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров российской федерации» устанавливает, что «правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие, на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие, на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор (ч. 4 ст. 15, ст. 90, 113 Конституции Российской Федерации)»³.

³ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ № 5 от 10 октября 2003 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12. 2003.

Об этом же говорится в ст. 22 («Особый порядок выражения согласия на обязательность для Российской Федерации международных договоров») ФЗ «О международных договорах Российской Федерации», которая определяет, что если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке.

В ч. 2 ст. 34 («Соответствие международных договоров Конституции Российской Федерации») ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» определяется, что не вступившие в силу для Российской Федерации международные договоры, признанные Конституционным Судом Российской Федерации не соответствующими Конституции Российской Федерации, не подлежат введению в действие и применению.

Косвенный вывод о приоритете Конституции РФ можно сделать из анализа ст. 11 Гражданского процессуального кодекса РФ («Нормативные правовые акты, применяемые судом при разрешении гражданских дел»)⁴, ст. 1 Уголовного кодекса РФ («Законы, определяющие порядок организации уголовного судопроизводства»)⁵: Конституция РФ является юридическим источником, подлежащим применению судами, занимающим первое место, а на втором стоят международные договоры.

Таким образом, выстраивается следующая логическая последовательность: законы РФ не должны противоречить Конституции РФ, так как она имеет высшую юридическую силу по отношению к ним, в свою очередь, международные договоры имеют приоритет только над законами РФ, следовательно, международные договоры не могут иметь приоритет над Конституцией РФ.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Интересен в этом плане опыт зарубежного законодательства, в частности, ст. 25 Конституции Германии установлено, что общие нормы международного права являются составной частью права Федерации. Они имеют преимущество перед законами и непосредственно порождают права и обязанности для жителей федеральной территории [2].

Следовательно, ситуация, при которой международные договоры имеют приоритет над законами государства, не так редка. Но мало где закрепляется, что международные договоры имеют приоритет над конституцией государства.

Выводы

Таким образом, несмотря на то, что Конституцией РФ определяется, что международные договоры являются составной частью правовой системы, правило о приоритете их над Конституцией РФ, наш взгляд, не действует. Данный приоритет международные договоры имеют над законодательными актами РФ, т. е. федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, и в случаях, предусмотренных законом, подлежат ратификации.

Конечно, желательно, чтобы такой важный аспект, как соотношение Конституции РФ с международными договорами, был отражен непосредственно в самой Конституции РФ. Это вовсе не означает, что Конституция РФ не должна соответствовать общепризнанным принципам и

нормам международного права. Российская Федерация как член международного сообщества и член Совета Безопасности ООН должна следовать международным правилам. Но не нужно забывать о таком аспекте, как суверенитет Российской Федерации. У России есть свои внутренние и внешние интересы, которые как раз и отражаются в Конституции РФ. Россия признает неотъемлемые права человека и гражданина, являясь при этом демократическим государством с республиканской формой правления. Именно поэтому органы государственной власти ратифицируют наиболее важные международные договоры, тем самым отсекая от себя те, которые не соответствуют интересам Российской Федерации.

В подтверждение вышесказанному можно привести мнение президента В. В. Путина, высказанное 7 ноября 2013 г. во время встречи с преподавателями юридических вузов, что Конституция РФ должна иметь приоритет над международными договорами [8].

Список литературы

1. Международное право: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Б. М. Ашавский и др. 4-е изд., стер. М.: Омега-Л, 2011. С. 95–102.
2. URL: <http://www.worldconstitutions.ru/archives/155>
3. URL: <http://www.kremlin.ru/news/19579>

В редакцию материал поступил 27.12.13

© Матюнин М. Ф., 2014

Информация об авторе

Матюнин Максим Федорович, старший преподаватель кафедры международного и европейского права, Институт экономики, управления и права (г. Казань)
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90
E-mail: matyuninmaxim@mail.ru; matyunin@ieml.ru

Как цитировать статью: Матюнин М. Ф. Соотношение Конституции РФ и международных договоров // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 231–235.

M. F. MATYUNIN,

Senior lecturer

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

CORRELATION BETWEEN THE RUSSIAN CONSTITUTION AND THE INTERNATIONAL TREATIES

Objective: to prove the priority of the Constitution of the Russian Federation over international treaties by correlating the national and international acts.

Methods: universal dialectical method as the method of successive development and change of legal phenomena in national and international law, as well as the systemic and the formal legal methods.

Results: basing on the theories (doctrines) analysis, the correlation between national and international law, formed in the science of international law, and basing on the existing Russian legislation and judicial practice, the conclusion was made about the priority of the Russian Constitution over international treaties.

Scientific novelty: for the first time, on the basis of the correlation between national and international law, the conclusion was made about the priority of the Russian Constitution over international treaties, as it prevails throughout the Russian territory.

Practical value: the theoretical results formulated in this study can be used in the educational process, scientific, legislative and law-enforcement activities and in the work of scientific-pedagogical staff in the field of jurisprudence.

Key words: Constitution of the Russian Federation; international treaty.

References

1. *Mezhdunarodnoe pravo* (International law), *Ashavskii B. M. et al.* Moscow: Omega-L, 2011. Pp. 95–102.
2. <http://www.worldconstitutions.ru/archives/155>
3. <http://www.kremlin.ru/news/19579>

Information about the author

Matyunin Maksim Fedorovich, Senior lecturer of the chair of international and european law, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)

Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: matyuninmaxim@mail.ru; matyunin@ieml.ru

How to cite the article: Matyunin M. F. Correlation between the Russian Constitution and the international treaties. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*. 2014, no. 1(29), pp. 231–235.

© Matyunin M. F. , 2014

Туристическая Казань: новейший путеводитель с мини-разговорником / авт.-сост. Г. Т. Гафурова, Г. Я. Дарчинова, М. В. Кукина, пер. с рус. Е. Н. Беляевой; авт.-сост. мини-разговорника Л. Б. Тимирясова, пер. на тат. яз. Д. Б. Исмаиловой. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2012. – 68 с.

Путеводитель знакомит иностранных и отечественных туристов с основными особенностями и колоритом Республики Татарстан. В помощь гостям путеводитель разделен на тематические разделы, которые позволят им сориентироваться в богатом выборе исторических, культурных и развлекательных мест Казани и Татарстана. Вниманию читателя также представлены любопытные факты из истории. Путеводитель также содержит англо-татарский и англо-русский разговорники.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

УДК 340.13

Н. Н. РЫБУШКИН,

кандидат юридических наук, доцент, профессор

*Институт экономики, управления и права (г. Казань),
Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия,*

А. В. КРАСНОВ,

кандидат юридических наук, доцент

*Казанский филиал Российской академии правосудия,
Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия*

САНКЦИИ ЗАПРЕЩАЮЩИХ НОРМ ПРАВА: НОВОЕ В ПРЕДЕЛАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Цель: выявление изменений в пределах правового регулирования общественных отношений посредством санкций запрещающих норм права.

Методы: формально-юридический и сравнительно-правовой.

Результаты: на основе анализа действующего законодательства за последние годы показаны общие тенденции в изменениях содержания санкций запрещающих норм права. В частности, отмечается несколько основных направлений развития пределов регулирования соответствующими санкциями: усиление количественных параметров в содержании санкций, появление отдельных санкции нового характера, которые, как выявлено авторами, в целом не могут быть признаны принципиально новыми. Кроме того, законодатель использует иные санкции в том случае, если уже имеющиеся санкции теряют эффективность применительно к тому или иному правонарушению.

Научная новизна: в работе осуществлен комплексный подход к исследованию изменений в пределах правового регулирования посредством санкций запрещающих норм права. В обобщающем виде впервые показано соотношение количественных и качественных тенденций в развитии соответствующих санкций.

Практическая значимость: положения, сформулированные по итогам статьи, могут быть применены в правотворческой деятельности для дальнейшего совершенствования содержания санкций запрещающих норм, имеющего целью более эффективное воздействие на участников общественных отношений, совершающих правонарушения или склонных к этому.

Ключевые слова: запрещающая норма; санкция; правонарушение; наказание; благо; воздействие.

Введение

В последнее время в научной литературе все чаще обсуждается вопрос о том, что правовое регулирование предстает как инструмент воздействия на общественные отношения с помощью разнообразных юридических средств [1], восходящий к более ранним определениям правового регулирования, осуществляемого при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и пр.) результативного, нормативно-организа-

ционного воздействия на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития в соответствии с общественными потребностями [2].

Целью настоящей статьи является выявление изменений в пределах правового регулирования общественных отношений посредством санкций запрещающих норм права.

Результаты исследования

Вопрос о пределах правового регулирования имеет целый ряд граней. Указанные пределы

могут быть рассмотрены и как пределы действия нормативных правовых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц. Нас же интересует другая сторона вопроса: каковы границы властного вмешательства права, правовых средств в общественные отношения. Как указывал Ф. Н. Фаткуллин, пределы правового регулирования выступают как «границы юридического вмешательства в актуальные общественные (жизненные) отношения, обусловленные определенными факторами объективного и субъективного характера» [3].

В фокусе внимания нашей работы находятся запрещающие нормы отечественного права. О сущности запретов мы неоднократно писали в целом ряде ранее опубликованных работ. Кратко обозначим нашу позицию: с нашей точки зрения, запрет представляет собой средство, при помощи которого адресат ограничивается от поведения, которое признано обществом и государством вредным и запрещенным. В этом плане запрет представляет собой пассивную обязанность воздержания от совершения тех или иных действий. Что касается запрещающей нормы, то ее необходимо рассматривать как единство запрета в той или иной форме и отрицательных правовых последствий за совершение запрещенной модели поведения. Возникает также и вопрос о том, может ли запрет фигурировать в виде лишения определенного права? К примеру, право быть принятым на гражданскую службу при наличии близкого родства с гражданским служащим, если замещение должности гражданской службы связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому, нельзя реализовать как запрещенное (пп. 5 п. 1 ст. 16 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹).

При этом необходимо учесть, что запрет может формулироваться с юридико-технической точки зрения по-разному: через операторы «не может», «не вправе», «не допускается», «не может быть», «запрещается». Возможно и косвенное закрепление запрета – через указание на то или иное противоправное деяние, как это традиционно

делается в Уголовном кодексе РФ² и Кодексе РФ об административных правонарушениях³. В отдельных частях этих кодексов запреты подразумеваются, поскольку технически так сложилось, что законодатель не закрепляет «кража запрещена», «убийство запрещается», а сразу указывает на состав соответствующего преступления или административного правонарушения.

Отметим также, что запреты как средство правового регулирования имеют очень давнюю и глубокую историю. Запреты в виде табу существовали еще на заре человеческой цивилизации. Ряд родовых запретов вошел в содержание соответствующих норм права по мере формирования последних. Указанное означает, что запрет как средство правового регулирования находится в постоянной «связке» с иными действующими в обществе нормами права. Многие запреты соблюдаются людьми не потому, что за их нарушение установлена юридическая ответственность, а в силу внутренних установок, следования соответствующим моральным, обычным и иным социальным нормам. Как отмечается в литературе, запреты имеют глубинную взаимосвязь с моралью [2, с. 40]; многие запреты «пришли» из морали, и право имеет моральное обоснование [2, с. 70].

Указанное обстоятельство прямым образом связано с пределами правового регулирования: очевидно, что введение новых запретов должно находить отклик во внутренних установках людей, в их моральных представлениях. Иначе эффективность такого запрета будет не высока, для его реализации будут необходимы организационные и материальные издержки больших объемов.

Запреты очень многообразны и по-разному могут быть классифицированы. В рамках данной работы в первую очередь обратим внимание на запрещающие нормы административно- и уголовно-правового характера, тем более что

² Уголовный кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 23.07.2013 № 245-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 195-ФЗ от 30.12.2001 (ред. от 23.07.2013. № 252-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

¹ ФЗ № 79-ФЗ от 27.07.2004 (ред. от 02.07.2013) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

они достаточно типичны, а на основе их анализа можно говорить о том, насколько в последние годы меняются пределы правового регулирования санкций запрещающих норм и попытаемся сделать выводы по поводу основных тенденций, связанных с указанным процессом.

Санкции запрещающих норм по существу представляют собой классические меры отрицательного воздействия, которые применяются к правонарушителю в случае совершения им противоправного деяния. В своих работах мы уже пытались доказать, что санкция все же осуществляет регулятивное воздействие, что, конечно, несколько не умаляет ее роли как охранительного средства. Мы писали о том, что регуляция без охраны существовать в праве не может, как невозможна и обратная ситуация [4; 5]. Поэтому правовое регулирование санкциями запрещающих норм охватывает тот пласт отношений, который связан с претерпеванием нарушителем соответствующего правового запрета отрицательных последствий своего противоправного деяния. Пределы регулирования санкций охватывают качественные и количественные характеристики соответствующих негативно-правовых последствий правонарушения.

Исследование изменений, внесенных за последние годы в УК РФ и КоАП РФ, позволяет сделать несколько выводов общего характера.

Пределы правового регулирования посредством санкций запрещающих норм, безусловно, претерпевают определенные изменения. В большинстве случаев, которые мы перечислили выше, уточняются пределы санкций. Если для уголовного права характерна гуманизация наказаний, то в сфере административных санкций происходит ужесточение мер воздействия. Кроме того, общей тенденцией является поиск мер, адекватных правонарушениям. Задача такого поиска ставилась еще в бытность экс-президентом РФ Д. А. Медведевым (Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ 2009 и 2010 гг.) [6; 7].

В целом изменение пределов правового регулирования общественных отношений может показаться достаточно бессистемным. В своем роде этот процесс похож на латание дыр: усложняется обстановка по определенным правонарушениям, происходит какое-то знаковое событие (к примеру, известная авария в Подмосковье с

участием автобуса в июле 2013 г., в результате которой погибли десятки человек), и тут же звучат предложения о введении новых запретов (в данном случае в быстрые сроки вводится запрет на использование на территории РФ прав на управление транспортными средствами, выданных за рубежом [8]). Однако необходимо, с другой стороны, учитывать, что система объектов посягательств как в уголовном праве, так и в КоАП РФ достаточно консервативна, сложилась в течение столетий, поэтому загодя ввести какой-то новый объект, запретив то или иное деяние, подчас невозможно – приходится следить за динамично развивающимися отношениями, и главное – вовремя реагировать на возникающие угрозы. К сожалению, порой приходится «ждать» гибели большого числа людей, к примеру, в тех же самых ДТП, совершенных пьяными водителями или с явным превышением скорости для ужесточения соответствующих санкций⁴.

Изменения пределов регулирования санкциями запрещающих норм происходят в следующих направлениях.

Во-первых, это количественные изменения соответствующих отрицательно правовых мер воздействия. Как мы указали выше, это может быть увеличение или уменьшение меры воздействия. В частности, усиление административной и уголовной ответственности за последние годы было вызвано факторами различного порядка: переменой в соотношении правовых и иных социальных норм – моральных, религиозных и пр. (к примеру, ужесточение юридической ответственности за оскорбление чувств верующих⁵; введением санкций за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовер-

⁴ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения», ст. п. 53 «в»: Федеральный закон № 196-ФЗ от 23.07.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 30 (ч. 1). Ст. 4029.

⁵ О внесении изменений в ст. 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан: Федеральный закон № 136-ФЗ от 29.06.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3209.

шеннолетних⁶); необходимостью более строгой фиксации отношений, имеющих значение для здоровья нации, развития общества (уточнение состава правонарушения за нарушение правил оборота наркотических средств⁷, запрет на продажу спиртного в определенное время суток и в заведениях, к которым предъявляются определенные требования⁸, ограничение курения табака, причем в последнем случае запрещаются все новые проявления деяний, т. е. круг объектов по существу расширяется⁹), экологической ситуации (усиление юридической ответственности за экологические правонарушения – нарушение правил водопользования, охрана атмосферного воздуха и пр.¹⁰); заинтересованностью государства, публич-

ной власти (уточнение объектов посягательства и пределов санкций за незаконную деятельность некоммерческих организаций, финансируемых из-за рубежа¹¹, за экстремистскую деятельность¹², незаконные финансовые операции¹³, нарушение правил проведения пикетов и демонстраций¹⁴, за незаконную миграцию¹⁵); давление заинтересованных групп (антипиратские правовые санкции¹⁶).

⁶ О внесении изменений в ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей: Федеральный закон № 135-ФЗ от 29.06.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3208.

⁷ О внесении изменений в ст. 6.16 и 19.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон № 158-ФЗ от 02.10.2012 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 41. Ст. 5523; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 18-ФЗ от 01.03.2012 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 10. Ст. 1166.

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер по предотвращению продажи несовершеннолетним алкогольной продукции: Федеральный закон № 253-ФЗ от 21.07.2011 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4601.

⁹ Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака: Федеральный закон № 15-ФЗ от 23.02.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 8. Ст. 721.

¹⁰ О внесении изменений в статьи 8.14 и 8.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон № 173-ФЗ от 02.07.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3465; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 150-ФЗ от 02.07.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3442; О внесении изменений в статьи 8.33 и 8.37 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон № 91-ФЗ от 07.05.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 19. Ст. 2318.

¹¹ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон № 192-ФЗ от 12.11.2012 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 47. Ст. 6403; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента: Федеральный закон № 121-ФЗ от 20.07.2012 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 30. Ст. 4172.

¹² О внесении изменений в ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: Федеральный закон № 255-ФЗ от 25.12.2012 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7580.

¹³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: Федеральный закон № 134-ФЗ от 28.06.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 26. Ст. 3207.

¹⁴ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»: Федеральный закон № 65-ФЗ от 08.06.2012 (с изм. от 14.02.2013.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 24. Ст. 3082.

¹⁵ О внесении изменений в ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 308-ФЗ от 30.12.2012 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7633.

¹⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федеральный закон № 187-ФЗ от 02.07.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27. Ст. 3479; а также законопроект 303374-6 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в части установления административной ответственности за непринятие мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим информацию с нарушением интеллектуальных прав. Дата внесения в ГД: 25 июня 2013 г.

Для уголовного права характерна и иная тенденция – гуманизация наказания, которая происходит поэтапно. В 2003 г.¹⁷ был расширен круг случаев, по которым можно применять штрафы (как альтернатива лишению свободы), а в марте 2011 г.¹⁸ по ряду составов штраф стал рассматриваться как основная мера наказания, где-то в качестве альтернативы лишению свободы были введены исправительные работы [9]. На последнем этапе по очень многим составам были снижены пределы наказания в виде лишения свободы¹⁹.

В целом изменение пределов мер негативного воздействия в количественном плане подчеркивает относительную определенность санкций уголовного и административного права. В зависимости от тенденций относительная определенность претерпевает трансформацию: пределы могут расти (в сторону снижения или увеличения меры наказания). В большинстве приведенных случаев абсолютно определенные санкции не вводились, тогда как относительная определенность имеет место быть.

Во-вторых, это введение новых санкций. Здесь необходимо оговориться: как нам кажется, не всякая санкция, вводимая в соответствующий законодательный акт, может рассматриваться как принципиально новая. Так, за последние годы появились такие новые санкции, как принудительные работы в УК РФ (ст. 53.1), обязательные работы в КоАП РФ (ст. 3.13). Однако вряд ли можно признать их принципиально новыми: воздействие в рамках таких санкций направлено на ограничение (в широком смысле!) свободы человека, распоряжения им своим временем и свободой труда. Появление же качественно новых санкций на данный момент представляется

маловероятным, учитывая, что круг социальных благ, на которые санкции могут оказывать воздействие, консервативен, а также ограничен нормами международного права и приматом прав человека. Скажем, если воздействие на свободу человека в широком смысле и его имущественную сферу допускается в определенных пределах, то воздействие на его здоровье, честь, достоинство его и близких людей в современном обществе невозможно.

В-третьих, пределы регулирования санкциями запрещающих норм могут претерпевать качественные изменения без использования принципиально новых санкций, когда при низкой эффективности уже имеющейся меры воздействия может подключаться иная, уже закрепленная в законе отрицательно-правовая мера. В качестве примера приведем изменение в КоАП РФ, которое позволило применять лишение специальных прав за неисполнение иных административных наказаний²⁰. Тем самым, мы надеемся, будет формироваться тенденция заменяемости санкций, применения иных качественных санкций за повторность.

В целом, конечно, необходимо признать, что санкция запрещающей нормы не является независимым инструментом правового регулирования. Она следует за изменением в системе запретов (диспозиций норм), а также формируется при появлении нового запрета. Однако, увы, не всегда изменения в системе запретов, появление новых запрещающих средств в законодательстве однозначно влечет за собой появление новой санкции. Порой введение санкции запаздывает, что может объясняться и объективными процессами [10]. Однако, как отмечают видные правоведы, на сегодняшний день не во всех отраслях права правовые запреты в достаточной мере государственно обеспечены мерами юридической ответственности [11].

К сожалению, не всегда введение новых санкций сочетается с разработкой соответствующих процедур их применения. Так, до сих пор отсут-

¹⁷ Федеральный закон № 162-ФЗ от 08.12.2003 (ред. от 07.12.2011) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

¹⁸ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 26-ФЗ от 07.03.2011 // Собрание законодательства РФ. 2011. № 11. Ст. 1495.

¹⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 420-ФЗ от 07.12.2011 (ред. от 30.12.2012) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

²⁰ О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон № 49-ФЗ от 05.04.2013 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1657.

ствует возможность исполнения такого уголовного наказания, как арест, который появился с момента введения в действие ныне действующего УК РФ [12].

Выводы

Таким образом, пределы правового регулирования с помощью санкций запрещающих норм изменяются как количественно, так и качественно; идет поиск мер, адекватных правонарушениям на современном этапе. Тем самым достигаются стабилизация отношений, необходимое ограничение прав и свобод правонарушителей с целью обеспечения прав и свобод законопослушных граждан.

Список литературы

1. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2005. С. 26.
2. Алексеев С. С. Теория права. М.: БЕК, 1993. С. 145.
3. Фаткуллин Ф. Н., Фаткуллин Ф. Ф. Проблемы теории государства и права: учеб. пособие. Казань: КЮИ МВД России, 2003. С. 76.
4. Рыбушкин Н. Н., Краснов А. В. Запрет и санкция в контексте предмета и метода правового регулирования //

Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 152. Сер. Гуманитарные науки. Кн. 4. Казань, 2010. С. 36–43.

5. Рыбушкин Н. Н., Краснов А. В. Вопросы структуры запрещающей нормы: особенности; место и роль санкции // Правовые вопросы национальной безопасности. 2010. № 1–2. С. 87–92.

6. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>

7. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637>

8. Баршев В., Пышечкин И. Водите по-нашему. Иностранцам водителям придется пересдавать на права // Российская газета. 2013. № 153 (6129). 16 июля.

9. Кибальник А. К чему приведет «гуманизация» уголовного законодательства? // Законность. 2011. № 9. С. 22–25.

10. Тамара Шкель. Ясно, с переменной облачностью. Владимир Плигин определил погоду в Думе // Российская газета. 2013. № 152 (6128). 15 июля.

11. Алексеев С. С. Государство и право. М.: Проспект, 2007. С. 44.

12. Епихин А. Ю. Основные направления уголовной политики России на современном этапе // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2012. № 3. С. 140–145.

В редакцию материал поступил 10.01.14

© Рыбушкин Н. Н., Краснов А. В., 2014

Информация об авторах

Рыбушкин Николай Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры уголовного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, тел.: (843) 233-71-09

E-mail: i_naughty@mail.ru

Краснов Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент, Российская академия правосудия (филиал в г. Казани)

Адрес: 420088, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7А, тел.: (843) 273-16-54

E-mail: field08@mail.ru

Как цитировать статью: Рыбушкин Н. Н., Краснов А. В. Санкции запрещающих норм права: новое в пределах правового регулирования // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 236–242.

N. N. RYBUSHKIN,

PhD (Law), Associate Professor, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia,

A. V. KRASNOV,

PhD (Law), Associate Professor

Kazan branch of the Russian Academy of Justice, Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia

SANCTIONS OF PROHIBITING LEGAL NORMS: NOVELTIES IN LEGAL REGULATION

Objective: identifying changes within the legal regulation of social relations through sanctions of prohibiting legal norms.

Methods: formal-legal and comparative legal.

Results: basing on the analysis of the current legislation in recent years, the overall trends are shown in the changes of the content of sanctions of prohibiting legal norms. In particular, there are several basic directions of regulatory limits development referring to certain penalties: reinforcement of quantitative parameters in the sanctions content, emergence of some new character of the sanctions, which, according to the authors, can not be considered fundamentally new. In addition, the legislator uses other sanctions if the existing sanctions lose their effectiveness when applied to a particular offense.

Scientific novelty: a comprehensive approach is carried out to the study of changes within the legal regulations by sanctions of prohibiting legal norms. For the first time the summary is shown of the relationship of quantitative and qualitative trends in the development of certain sanctions.

Practical value: the provisions emanating from the article can be applied in legislative activities to further improve the content of the sanctions of prohibiting legal norms, aiming at more effective impact on the social relations' participants who commit offenses or are prone to this.

Key words: prohibiting norm; sanction; offense; punishment; benefit; impact.

References

1. Mal'ko, A. V. *Stimuly i ogranicheniya v prave* (Stimuli and limitations in law). Moscow: Yurist, 2005. P. 26.
2. Alekseev, S. S. *Teoriya prava* (Theory of law). Moscow: BEK, 1993. P. 145.
3. Fatkullin, F. N., Fatkullin, F. F. *Problemy teorii gosudarstva i prava*. Kazan: KYuI MVD Rossii, 2003. P. 76.
4. Rybushkin, N. N., Krasnov, A. V. Issues of theory of state and law: manual. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 152. Ser. Gumanitarnye nauki. Kn. 4*. Kazan, 2010. Pp. 36–43 (in Russ.).
5. Rybushkin, N. N., Krasnov, A. V. Issue of the structure of a prohibiting norms: features, position and role of the sanction. *Pravovye voprosy natsional'noi bezopasnosti*, 2010, no. 1–2, pp. 87–92 (in Russ.).
6. <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>
7. <http://www.kremlin.ru/transcripts/9637>
8. Barshev, V., Pyshechkin, I. Drive as we do. Foreign drivers will have to pass exams for driving licences. *Rossiiskaya gazeta*, 2013, no. 153 (6129), July 16 (in Russ.).
9. Kibal'nik, A. What will legislation “humanization” result in? *Zakonost'*, 2011, no. 9, pp. 22–25 (in Russ.).
10. Tamara Shkel'. Clear, partly cloudy. Vladimir Pligin researched the weather in Duma. *Rossiiskaya gazeta*, 2013, no. 152 (6128), July 15 (in Russ.).
11. Alekseev, S. S. *Gosudarstvo i pravo* (State and law). Moscow: Prospekt, 2007. P. 44.
12. Epikhin, A. Yu. Main directions of the Russian criminal policy at modern stage. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo*, 2012, no. 3, pp. 140–145 (in Russ.).

Received 10.01.14

Information about the authors

Rybushkin Nikolay Nikolayevich, PhD (Economics), Associate Professor of the Criminal Law Chair, Kazan (Volga region) Federal University
Address: 18 Kremlyovskaya St., 420008, Kazan, tel.: (843) 233-71-09
E-mail: i_naughty@mail.ru

Krasnov Andrey Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, Kazan branch of the Russian Academy of Justice
Address: 7A 2nd Azinskaya St., 420088, Kazan, tel.: (843) 273-16-54
E-mail: field08@mail.ru

How to cite the article: Rybushkin N. N., Krasnov A. V. Sanctions of prohibiting legal norms: novelties in legal regulation. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 236–242.

УДК 342.4

Ш. Ш. ЯГУДИН,

кандидат юридических наук, доцент

Казанский (Приволжский) федеральный университет,

председатель

*Комитета Государственного Совета Республики Татарстан по законности и правопорядку,
г. Казань, Россия*

КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Цель: анализ действующих конституций республик Российской Федерации, выявление их основных особенностей и проблем развития.

Методы: формально-логический, сравнительно-правовой.

Результаты: на основе анализа конституций всех республик Российской Федерации выявлены их основные особенности, отражающие самобытность и традиции многонациональной государственности республик; показана возрастающая роль конституций в поступательном развитии государственности республик. Предложено авторское определение конституции республики, раскрыта степень самостоятельности и суть полноты государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе республик по предметам их ведения.

Научная новизна: впервые в сравнительном плане раскрыты основные особенности конституций республик, их сущность и богатство содержания; предложено расширять вариативность правового регулирования федеративных отношений, закреплять предметы ведения всех республик непосредственно в их конституциях; сделан вывод о необходимости полной реализации конституционных положений и дальнейшего развития конституций республик.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании выводы и предложения могут быть использованы в научной, законотворческой и педагогической деятельности, в процессе дальнейшего совершенствования федеративных отношений и практики конституционного строительства в республиках.

Ключевые слова: конституции и уставы субъектов Российской Федерации; конституция республики; статус республики; полнота государственной власти; предметы ведения республики; договор о разграничении предметов ведения и полномочий; федеративные отношения; особенности; специфика; самобытность; традиции; вариативность правового регулирования; полнота реализации и развитие конституций республик.

Введение

Российская Федерация – Россия в соответствии со ст. 1 Конституции Российской Федерации есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления, в составе которого находятся 83 субъекта Российской Федерации, 21 из которых – республики, являющиеся государствами, и в силу этого имеющие свою конституцию и законодательство. В настоящей статье на основе использования формально-логического и сравнительно-правового методов выявляются основные особенности и проблемы развития конституций республик.

Характеристика конституций республик как «своих» в ст. 5 Конституции Российской Федерации подчеркивает, что в них должны отражаться специфика и особенности конституций каждой республики, и что принимаются и изменяются они самостоятельно [1].

Федеративность России предопределяет степень и пределы самостоятельности ее субъектов, установленные в ст. 66, 72, 73, 76 Конституции. В частности, в ст. 73 определено, что вне предметов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти. Данное положение, хотя несколько и размыто, являет собой достижение конституционно-федеративного регулирования и означает, на наш взгляд, не что иное, как верховенство и независимость их в решении вопросов своего ведения [2]. Этот вывод подтверждается и нормой ч. 6 ст. 76 Конституции Российской Федерации о том, что в случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным по вопросам

своего ведения, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации.

Несомненно, даже в пределах своего ведения субъект действует в соответствии с основами конституционного строя Российской Федерации и общими принципами организации органов государственности власти. Например, в субъектах Российской Федерации не может быть установлена монархическая форма правления, поскольку это противоречило бы положению ст. 1 Конституции Российской Федерации, что Россия является государством с республиканской формой правления.

Другой пример. Государственная власть в Российской Федерации не может не осуществляться иначе как на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. При этом органы законодательной, исполнительной и судебной власти образуются субъектами самостоятельно, и их система действует также самостоятельно в соответствии с изложенными выше пределами.

Самостоятельность распространяется и на определение статуса республики. В соответствии со ст. 66 Конституции Российской Федерации статус республики определяется Конституцией Российской Федерации и конституцией республики. Так, если в ст. 5 Конституции Российской Федерации республика определяется государством, то в конституциях республик Адыгея, Башкортостан, Татарстан, Карачаево-Черкесия [3] каждая из этих республик характеризуется как демократическое, правовое, социальное, светское государство. При этом республиканская форма правления указывается непосредственно (Карачаево-Черкесия), либо вытекает из формы государства – республики. В конституциях некоторых республик (Республика Калмыкия, Республика Коми, Марий Эл, Мордовия, Хакасия) указанные выше сущностные черты государств вовсе не указываются либо перечисляются неполностью, например, Удмуртская Республика – социальное и правовое государство, хотя демократическим и светским она остается.

Конституция республики – учредительный документ государства в составе Российской Федерации, устанавливающий в соответствии с Конституцией Российской Федерации основы политического, экономического, социального строя, основы правового статуса человека и гражданина, устройство государства, систему органов государственной власти и основы местного самоуправле-

ния. Конституции республик составляют главный источник конституционного права республик, являющегося подотраслью конституционного права Российской Федерации [4, с. 5; 5, с. 3; 6], имеют верховенство в их правовых системах.

Учредительные документы республик именуются конституциями, как это и предусмотрено в ст. 5 Конституции Российской Федерации. Однако в Республике Калмыкия этот акт называется Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия, как дань уважения и сохранения традиций и самобытности ее многонационального народа.

Конституции республик Российской Федерации в целом не представляют собой слепок или копию какого-то модельного акта. Они во многом индивидуальны, специфичны и в правовой форме выражают особенности и традиции многонациональной государственности республик.

Практически все конституции республик структурированы и состоят из преамбулы, разделов, глав, за исключением Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия, где такое разделение текста не предусмотрено.

В преамбулах отражаются основные начала, на которых строятся конституции, идеалы, цели и парадигма развития государственности республик.

Практически все структурированные конституции республик имеют главы, именуемые «Основы конституционного строя», закрепляющие сущностные характеристики государства и такие фундаментальные положения, как народовластие, принцип разделения властей в осуществлении государственной власти, государственные языки, основы экономики и виды собственности, политическое и идеологическое многообразие, международные и внешнеэкономические связи. Эти главы конституций имеют от 9 до 21 статьи, и лишь в Конституции Татарстана такая глава является наиболее продвинутой: в ней 26 статей. Положения основ конституционного строя обладают особой юридической силой: никакие другие положения конституций не могут им противоречить.

Отдельные разделы и главы конституций республик посвящены правовому статусу человека и гражданина в различных интерпретациях и объемах регулирования. В конституциях большинства республик, как и в Конституции Российской Федерации они называются «Права и свободы человека и гражданина», в некоторых – «Права, свободы и

обязанности человека и гражданина» (Башкортостан, Республика Саха (Якутия), Республика Бурятия, Тува, Хакасия). В Татарстане и Республике Коми к этому наименованию вполне обоснованно добавляется характеристика «Основные». Раздел второй Конституции Республики Алтай «Правовой статус человека и гражданина» структурирован и прописан более детально и состоит из четырех глав, посвященных общим положениям; гражданским и политическим правам и свободам; экономическим, социальным и культурным правам; гарантиям прав и свобод; обязанностям гражданина и человека.

Наиболее лаконичной является гл. 2 Конституции Удмуртии «Защита прав и свобод человека и гражданина», в четырех статьях которой устанавливается, что права и свободы человека и гражданина, предусмотренные Конституцией Российской Федерации, защищаются в Удмуртской Республике согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Конституцией Удмуртской Республики. Практика этой республики, казалось бы, наиболее полно отвечает требованиям Конституции Российской Федерации, согласно ст. 71 которой в ведении Российской Федерации находятся регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, а в соответствии со ст. 72 в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов находится «защита прав и свобод человека и гражданина».

Сказанное не означает, что другие практики противоречат Конституции Российской Федерации. Это – варианты защиты прав и свобод человека и гражданина через правовое регулирование. Так, в ст. 58 Конституции Чувашской Республики определяется, что законами республики могут устанавливаться дополнительные, не установленные Конституцией Российской Федерации и федеральными законами гарантии реализации прав и свобод человека и гражданина за счет финансовых, материальных и иных средств Чувашской Республики. Такая норма являет собой потенциал развития государственности Чувашской Республики и пример для других республик.

Своеобразно регулируется в конституциях республик их государственное устройство, что отражается в наименовании и содержании соответствующих глав: государственное устройство (Кабардино-Балкария, Чеченская Республика)

либо государственный статус (Республика Коми), государственно-правовой статус (Бурятия), национально-государственный статус (Республика Саха (Якутия)). В конституциях некоторых республик есть только главы, посвященные их административно-территориальному устройству (Республика Башкортостан, Ингушетия, Марий Эл, Татарстан, Тува). В ряде случаев государственный статус, устройство объединены с административно-территориальным устройством (Республика Коми, Мордовия, Хакасия, Северная Осетия (Алания), Республика Саха (Якутия)). В Конституции Республики Карелия нет отдельной главы о ее государственном или административно-территориальном устройстве. Однако важнейшие их нормы размещены в основных положениях ее Конституции.

Важным в указанных главах конституций Адыгеи, Бурятии, Кабардино-Балкарии и других республик являются статьи, в которых определяются предметы ведения республик, поскольку в соответствии с Конституцией Российской Федерации в случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом республики, принятым по предметам ведения республики, действует нормативный правовой акт республики. В конституциях ряда республик (Башкортостана, Татарстана, Ингушетии, Марий Эл, Дагестана, Коми и других) таких норм нет. Это существенная проблема, и в конституциях этих республик также целесообразно закрепить их предметы ведения. При этом только воспроизведение в конституциях республики рамочного положения ст. 73 Конституции Российской Федерации не восполняет пробела и не служит правовой защитой интересов республики.

Существуют определенные особенности и в главах конституций республик, устанавливающих системы органов государственной власти: высшего должностного лица – главы республики, парламента, правительства, судебных органов.

До 1 января 2015 г. в соответствии с Федеральным законом все республики должны изъять из наименования высшего должностного лица республики слово «президент»¹. На сегодня все республики за исключением Татарстана сделали это.

¹ О внесении изменения в ст. 18 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных

Вместе с тем наименование органов государственной власти субъектов и, в особенности, национальных республик – это, на наш взгляд, предмет ведения самой республики. Кроме того, наименование в Конституции Татарстана главы государства президентом – это особенность, присущая Татарстану как государству – субъекту Российской Федерации. Татарстан – единственный из субъектов Российской Федерации, имеющий договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан, утвержденный Федеральным законом № 199-ФЗ от 24 июля 2007 г.² Этот договор – юридический эксклюзив из федеральных законов для конкретного субъекта Российской Федерации. В связи с изложенным, а также в соответствии с духом российско-татарстанского договора было бы возможным в Конституции Татарстана сохранить прежнее наименование высшего должностного лица Республики Татарстан – Президент Республики Татарстан.

В полной мере принципу федерализма отвечает закрепленный на федеральном уровне вариативный порядок формирования должности главы республики путем всенародных выборов либо избрания его парламентом. В конституциях большинства республик был избран первый вариант, а в Дагестане, Ингушетии – второй. Не стоит думать, что практика вариативного правового регулирования федеративных отношений провоцирует нарастание хаоса и неразберихи. Наоборот, вариативность – это важный фактор учета специфики и особенностей субъектов Российской Федерации, повышения уровня их самостоятельности и ответственности.

Парламенты в республиках в соответствии с их конституциями – однопалатные, формируются по

мажоритарной и пропорциональной избирательным системам, многопартийны, отличаются друг от друга по численному составу и структуре, порядку организации и деятельности. Разнообразен круг субъектов права законодательной инициативы в них. Так, это право предоставлено в Государственном Собрании Республики Мордовия, кроме традиционных его субъектов, съезду мордовского народа; в Верховном Хурале (парламенте) Республики Тыва – группам граждан численностью не менее чем 1000 человек; в Государственном Совете Удмуртской Республики – не менее чем десяти тысячам граждан, проживающих на территории Удмуртской Республики; в Законодательном Собрании Республики Карелия – региональным (республиканским) общественным организациям и региональным отделениям общероссийских общественных организаций в лице их высших руководящих органов. Такое многообразие особенностей представляет широкий выбор для обмена опытом конституционного строительства, в частности, для Республики Татарстан по вопросу гражданской законодательной инициативы, где она еще не установлена.

Исполнительная власть в республиках по их конституциям представлена правительствами республик, во многих из которых они возглавляются главами республик (Адыгея, Республика Алтай, Республика Бурятия, Удмуртия, Марий Эл, Башкортостан, Республика Тыва, Хакасия).

Вместе с тем в десяти республиках, согласно их конституциям, наряду с главой республики установлена должность и председателя правительства республики. При этом специально оговаривается, что глава республики одновременно является и главой исполнительной власти республики либо возглавляет ее (Дагестан, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесия, Чеченская, Чувашская республики, Республики Ингушетия, Коми, Саха (Якутия), Северная Осетия-Алания, Татарстан).

Структура исполнительных органов республик в соответствии с их конституциями формируется с максимальным учетом их экономических, социальных и иных особенностей с тем, чтобы обеспечить эффективное управление. Так, впервые в Татарстане зародилась и воплотилась в практику, а затем стала достоянием всей России идея «Электронного правительства», переросшая затем в информационную систему «Открытый Татарстан».

(представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: Федеральный закон № 406-ФЗ от 28 декабря 2010 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 18.

² Об утверждении Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Татарстан: Федеральный закон № 199-ФЗ от 24 июля 2007 г. // Собрание законодательства РФ. 2007. № 31. Ст. 3996.

Судебную систему республик составляют конституционные суды и мировые судьи. Однако конституционные суды, к сожалению, образованы не во всех республиках. Они не предусмотрены в Конституциях Республики Алтай, Калмыкии, Мордовии, Чувашии. Конституционные суды там, где они образованы, являются дополнительной гарантией защиты прав и свобод человека и гражданина, важным фактором стабильности и развития государственности республик. Поэтому и целесообразно учредить их в этих республиках.

В связи с внесением поправок в Конституцию Российской Федерации и изменением порядка назначения прокуроров республик (президентом Российской Федерации, а не Генеральным прокурором Российской Федерации, как это было ранее) в конституции республик, необходимо внести соответствующие изменения.

В структуре государственных органов республик в последнее время появились новые должности уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей. А в Республике Татарстан конституционно учреждена должность Государственного Советника Республики Татарстан, на которую Государственным Советом республики назначен ушедший в отставку первый президент Республики Татарстан М. Ш. Шаймиев.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством в конституциях республик закрепляются основы местного самоуправления, которые осуществляются, как указано в конституциях, с учетом исторических и иных местных традиций. Вместе с тем с учетом опыта ряда зарубежных федераций (ФРГ, Швейцария) в Российской Федерации актуальной остается проблема децентрализации законодательного регулирования местного самоуправления.

Отдельные главы конституций большинства республик в самой лаконичной форме посвящены их государственным символам, государственным флагу, гербу и гимну, выражающим многонациональность, самобытность и традиции их народов. Их описание и порядок официального использования устанавливается республиканскими законами, в которых находят свое воплощение

особенности республик. В отдельных статьях, главах конституций определяется столица республики и что ее статус устанавливается законом республики. Такой закон еще не принят в Республике Татарстан, что обедняет государственность продвинутого субъекта Российской Федерации.

Последние разделы и главы конституций республик посвящены порядку их изменения и пересмотра.

Действующие конституции республик в большинстве своем приняты их парламентами, за исключением Конституции Республики Ингушетия, принятой всенародным голосованием 27 февраля 1994 г.; Конституции Чеченской Республики, принятой на референдуме республики 23 марта 2003 г.; Конституции Республики Дагестан, принятой Конституционным Собранием республики 10 июля 2003 г.; Конституции Республики Мордовия, принятой Конституционным Собранием Республики Мордовия 21 сентября 1995 г.

Возможность принятия Конституции Республики Татарстан и поправок к ней на республиканском референдуме предусмотрена в действующей Конституции республики. При этом согласно ст. 123 положения ст. 1 Конституции Республики Татарстан и 123 статьи могут быть изменены только по результатам референдума Республики Татарстан.

Предложения об изменении конституций, т. е. о внесении поправок, вносит в парламент, как правило, более узкий круг субъектов из числа субъектов права законодательной инициативы в парламенте республики, что вполне оправданно. Так, в соответствии со ст. 76 Конституции Республики Татарстан это право принадлежит Президенту Республики Татарстан, не менее одной трети от установленного числа депутатов Государственного Совета, Президиуму Государственного Совета Республики Татарстан, Конституционному суду Республики Татарстан.

Важно подчеркнуть, что пересмотр первых разделов (глав) конституций об основах конституционного строя в ряде случаев усложнен с целью обеспечения их стабильности. Так, в Республике Адыгея такой пересмотр возможен парламентом республики при наличии положительного заключения Конституционного Суда Республики Адыгея.

Выводы

Таким образом, основные особенности конституций республик, отображая самобытность и традиции их многонациональной государственности, обогащают конституционную систему Российской Федерации, делают ее живой, развивающейся, способствуют свободному развитию народов, самоопределившихся в республики. Что касается проблем конституционного развития республик, то разрешать их необходимо, широко используя демократические и вариативные подходы в процессе федеративного строительства [7, р. 101, 113].

Список литературы

1. Михалева Н. А. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М.: ЮРКОМПАНИ, 2010. 366 с. // Система «Консультант Плюс»: Постатейные комментарии и книги.

2. Гомбожапов О. С. К вопросу о полноте государственной власти субъектов Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 7.

3. URL: <http://www.consultant.ru/search/?q=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F&x=0&y=0>

4. Фарукшин М. Х. Конституционное право республик в составе Российской Федерации: учеб. пособие. Казань: Центр инновационных технологий, 2007. 220 с.

5. Филиппов Н. К. Конституционное право республик – субъектов Российской Федерации: учебник. Чебоксары: Салика, 2000. 85 с.

6. Франчук Я. А. Конституция (устав) субъекта Российской Федерации как источник конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 6.

7. Dorf R. H. Federalism in Eastern Europe: Part of the Solution or Part of the Problem? // Publius: Journal of Federalism. 1994. Vol. 24. № 2.

В редакцию материал поступил 13.01.14

© Ягудин Ш. Ш., 2014

Информация об авторе

Ягудин Шакир Шахмедович, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права, Казанский (Приволжский) федеральный университет, председатель Комитета Государственного Совета Республики Татарстан по законности и правопорядку

Адрес: 420060, г. Казань, пл. Свободы, 1

E-mail: zakon@gossov.tatarstan.ru

Как цитировать статью: Ягудин Ш.Ш. Конституции республик Российской Федерации: основные особенности и проблемы развития // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 243–249.

SH. SH. YAGUDIN,

PhD (Law), Associate Professor

Kazan (Volga region) Federal University,

Chairman

State Council of Tatarstan Republic on Law and Order, Kazan, Russia

CONSTITUTIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION REPUBLICS: BASIC FEATURES AND PROBLEMS OF DEVELOPMENT

Objective: to analyze the existing constitutions of the Russian Federation republics, to identify their main features and problems of development.

Methods: formal-logical, comparative legal.

Results: Basing on the analysis of the constitutions of all the Russian Federation republics, the main features are identified that reflect the identity and traditions of multinational republics' statehood; the increasing role of constitutions in the progressive development of the national republics is shown. The author's definition of the constitution of the republic is proposed; the degree of autonomy and full state power of the Russian Federation subjects are disclosed, including the subjects within the republics' jurisdiction.

Scientific novelty: for the first time the main features of the republics' constitutions are disclosed in comparative terms, as well as their essence and content; it is proposed to extend the legal regulation variability of federal relations, to consolidate all republics' jurisdiction directly in their constitutions; the conclusion is made about the necessity of full implementation of the constitutional provisions and further development of the republics' constitutions.

Practical value: the conclusions and recommendations formulated in the study can be used in scientific, legislative and educational activities for the further improvement of federal relations and practices of constitutional development in the republics.

Key words: constitutions and charters of the Russian Federation subjects; Constitution of the Republic; republic status; full state power; jurisdiction of the republic; treaty on the delimitation of powers, federal relations, features, specificity, identity, traditions, and variability of legal regulation, implementation and completeness of development of the republics' Constitutions.

References

1. Mikhaleva, N. A. *Konstitutsii i ustavy sub"ektov Rossiiskoi Federatsii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie)* (Constitutions and charters of the Russian Federation subjects (comparative-legal research)). Moscow: YuRKOMPANI, 2010. 366 p., *Sistema "Konsultant Plyus": Postateinye kommentarii i knigi*.
2. Gombozhapov, O. S. On the issue of the full authority of the Russian Federation subjects. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2007, no. 7 (in Russ.).
3. <http://www.consultant.ru/search/?q=%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D1%8F&x=0&y=0>
4. Farukshin, M. Kh. *Konstitutsionnoe pravo respublik v sostave Rossiiskoi Federatsii: ucheb. posobie* (Constitutional law of the Republics within the Russian Federation: manual). Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologii, 2007. 220 p.
5. Filippov, N. K. *Konstitutsionnoe pravo respublik – sub"ektov Rossiiskoi Federatsii: uchebnik* (Constitutional law of the Republics – Russian Federation subjects: textbook). Cheboksary: Salika, 2000. 85 p.
6. Franchuk, Ya. A. Constitution (Charter) of a Russian Federation subject as a source of constitutional law. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 2007, no. 6 (in Russ.).
7. Dorf, R. H. Federalism in Eastern Europe: Part of the Solution or Part of the Problem? *Publius: Journal of Federalism*, 1994, vol. 24, no. 2.

Received 13.01.14

Information about the author

Yagudin Shakir Shakhmedovich, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law, Kazan (Volga region) Federal University, Chairman of the Committee of State Council of Tatarstan Republic on Law and Order
Address: 1 Svoboda Square, 420060, Kazan
E-mail: zakon@gossov.tatarstan.ru

How to cite the article: Yagudin S. S. Constitutions of the Russian Federation republics: basic features and problems of development. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 243–249.

© Yagudin S. S., 1014

Скоробогатов А.В. Русская Правда: учебное пособие для семинарских занятий по дисциплине «История отечественного государства и права» / А.В. Скоробогатов. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики управления и права, 2013. – 112 с.

Учебное пособие обобщает и систематизирует материалы по истории создания и содержания важнейшего источника русского права – Русской Правды. В пособии представлены тексты Русской Правды с переводом на современный русский язык, комментарии и дополнительные материалы, предназначенные для изучения данного источника.

Предназначено для студентов, магистранов, аспирантов и преподавателей юридических факультетов, а также для читателей, интересующихся историей русского права и законодательства.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

УДК 343.1

Г. В. АНТОНОВ-РОМАНОВСКИЙ,
*кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
отдела общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения,*

Г. Ф. КОИМШИДИ,
*кандидат технических наук, доцент
ведущий научный сотрудник отдела общих проблем преступности,
ее причин и мер предупреждения,*

Д. К. ЧИРКОВ,
*кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник
отдела общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения,*

А. А. ЛИТВИНОВ,
*научный сотрудник отдела общих проблем преступности, ее причин
и мер предупреждения
НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Мцсква, Россия*

А. Н. ТРУШЕНКО,
*соискатель
Академия Генеральной прокуратуры РФ,
первый заместитель прокурора Грайворонского района Белгородской области, Россия*

СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

Цель: изучить актуальность проблемы и особенности преступности в сельской местности в Российской Федерации, которая определяется, с одной стороны, сложностью криминальной ситуации на селе, остротой проблем организации противодействия преступности, в том числе ее предупреждения; с другой – неизученностью криминологической проблематики сельской преступности.

Методы: восхождение от абстрактного к конкретному; системно-структурный и сравнительный анализ; исторический; динамический и статистический методы, а также конкретно-социологическая методика оценки сельской преступности.

Результаты: показаны особенности преступности в сельской местности и ее общественная опасность в сравнении с городской преступностью. Предложены эффективные направления совершенствования противодействия рассматриваемым преступлениям.

Научная новизна: рассмотрены тенденции преступности в сельской местности, проведен сравнительный анализ динамики зарегистрированных преступлений в сельской местности и в городских населенных пунктах. В результате этого выявлены следующие особенности: в сельской местности выше, чем в городской уровень преступности, кроме того в сельской местности вызывает особую тревогу состояние и масштабы (в сравнении с городами) гибели сельчан и причинения им тяжкого вреда здоровью в результате преступных посягательств; уровень погибших на селе граждан в России за последние три года стабилен и более чем в два раза превышает аналогичный уровень, характеризующий городскую преступность, и почти в полтора раза превышает уровень числа лиц, которым причинен в городах тяжкий вред здоровью и др.

Авторы статьи свидетельствуют о сложности криминальной ситуации на селе. Тенденция сокращения в 2009–2012 гг. количества регистрируемых в сельской местности преступлений не отражает ее реального состояния, так как указанная тенденция обусловлена искусственным регулированием на протяжении последних лет количества отражаемых в статистической отчетности преступлений в сторону занижения.

Практическая значимость: результаты исследования показывают степень выраженности общественной опасности сельской преступности, на основе которой можно разрабатывать эффективные решения по ее предупреждению.

Ключевые слова: преступность в сельской местности; преступность городская; динамика преступлений; особенности преступности села; уровень сельской преступности; региональный анализ преступности в сельской местности.

Введение

В последние годы возникла серьезная проблема интерпретации статистических данных о преступности. Это связано с отсутствием социального обоснования повсеместного сокращения после 2006 г. числа регистрируемых в стране преступлений. Например, динамика заявлений, сообщений и иной информации о преступлениях демонстрирует иную тенденцию, а именно роста их количества. Анализируя соотношение численности регистрируемых преступлений и информации о них, авторы «Прогноза криминологической ситуации в России» констатируют разнонаправленность их тенденций в 2005–2010 гг.

Так, если в 2005 г. в стране было зарегистрировано 3,6 млн преступлений и 15,9 млн заявлений о них, то в 2010 г. зарегистрировано 2,6 млн преступлений и 23,9 млн заявлений. Разность между этими показателями за указанное время возросла с 4,5 раза до 9,2 раза [1]. В то же время отказываться от анализа статистических данных о преступности нельзя.

Не дожидаясь момента наведения порядка в статистической отчетности о преступлениях, необходимо разработать методику внесения коррективов в оценку состояния преступности по данным статистического учета преступлений.

Результаты исследования

Если тенденции действительно «замазываются» регулированием количества регистрируемых преступлений, то на соотношении различных частей преступности это сказывается значительно слабее. По всей видимости перед «регулятором» статистических данных о преступности такая задача не стоит. Поэтому погрешности, вносимые регулировкой, в относительно равной степени затрагивают части преступности, вследствие чего соотношения между ними меняются незначительно. Если появляются дополнительные стимулы регулирования, то их наличие выявля-

ется по изменению соотношений между частями преступности.

Вышесказанное имеет прямое отношение к анализу сельской преступности. Поверхностный анализ статистических данных о преступности в сельской местности подталкивает к ошибочному выводу об относительно небольшой роли сельской преступности в формировании криминальной ситуации.

На самом деле эта ее роль не сильно уступает роли преступности в городской местности (городах и населенных пунктах городского типа), а по ряду показателей превосходит ее.

В силу того, что у значительной части читателей нет под рукой статистических данных о преступности, анализ преступности в сельской местности начинается с рассмотрения общих данных о ней в сравнении с преступностью в городах, а затем исследуются ее региональные особенности. Особое внимание уделяется анализу уровней (коэффициентов) сельской преступности, рассчитываемых на 100 тыс. населения. Они принципиально в большей степени свидетельствуют об общественной опасности сельской преступности, чем абсолютные данные о ней и ее структуре.

Анализ данных об уровнях сельской преступности в разрезе отдельных составов преступлений и по регионам страны демонстрирует отсутствие принципиальных различий в степени общественной опасности между сельской и городской преступностью.

По данным уголовной статистики, в сельской местности Российской Федерации, как и в целом по стране, в последние годы отмечается устойчивое сокращение числа зарегистрированных преступлений (рис. 1).

В 2012 г. в сельской местности было зарегистрировано 489 790 преступлений, что на 16 279 преступлений меньше (или -3,2 %), чем в 2011 г. (506 069). В 2013 г. в сельской местности

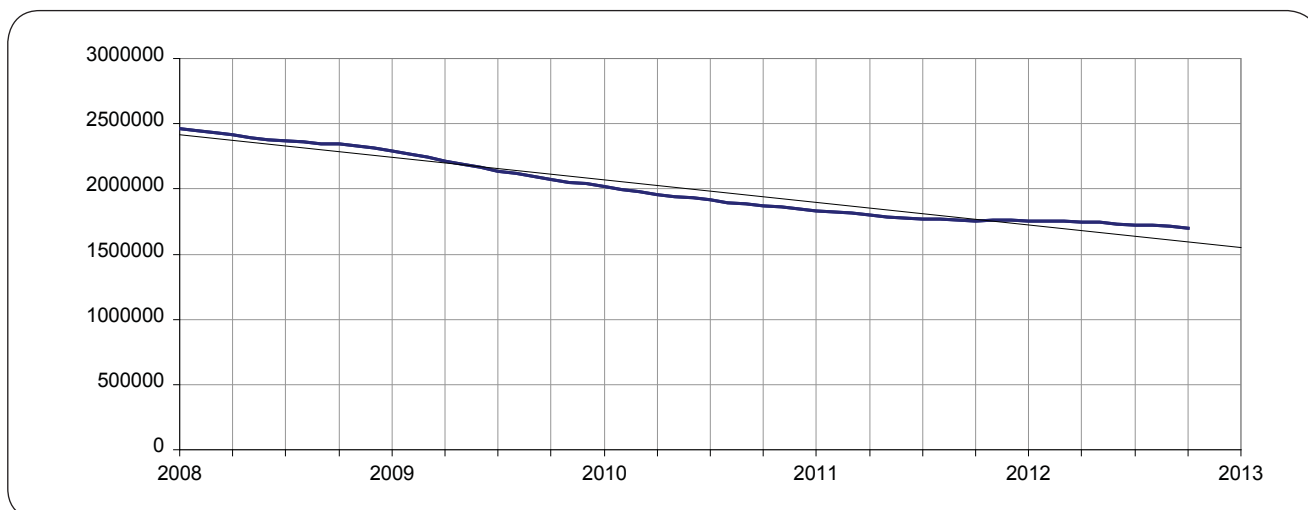

Рис. 1. Динамика преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации в сельской местности на протяжении 2008–2012 гг.^{1*}

* *Источник:* составлено авторами на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

тенденция снижения числа зарегистрированных преступлений сохранилась, в результате чего за январь-сентябрь 2013 г. на селе было зарегистрировано на 5,1 % преступлений меньше, чем в аналогичном периоде предыдущего года (355 048 преступлений против 374 288). Если в 2008 г. из 100 зарегистрированных в стране преступлений 20 совершались в сельской местности, то в насто-

ящее время их насчитывается 22. Таким образом, в Российской Федерации сельская преступность по абсолютному количеству регистрируемых преступлений в 2012 г. составила пятую часть (21,8 %) от общего числа всех учтенных в России преступлений. Это соотношение между городской и сельской преступностью достаточно устойчиво в последние годы (рис. 2, табл. 1).

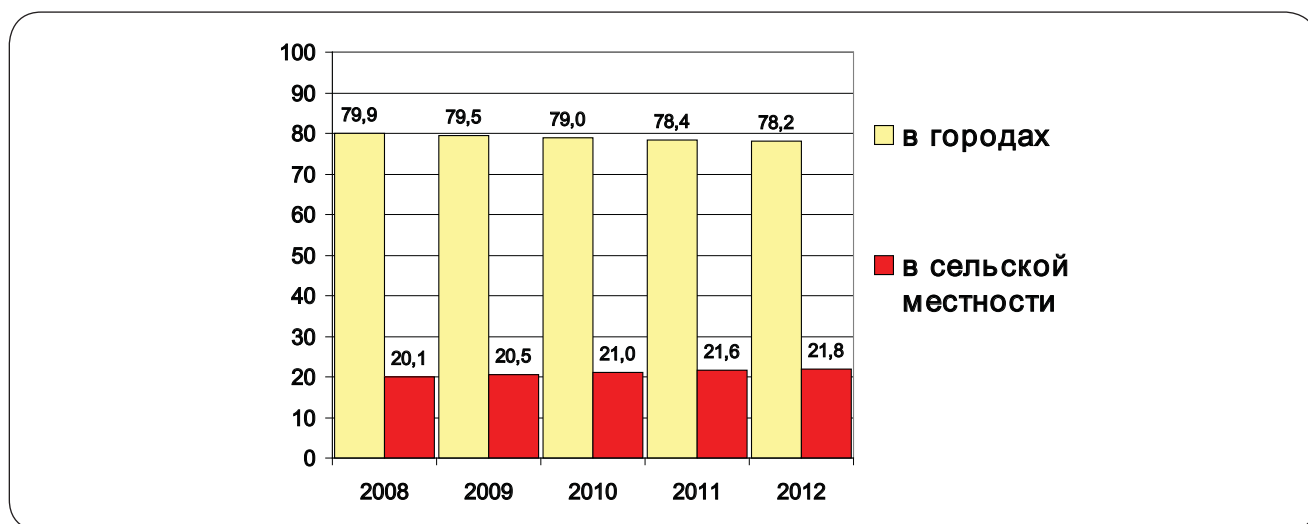

Рис. 2. Соотношение между городской и сельской преступностью в Российской Федерации в 2008–2012 гг.*

* *Источник:* составлено авторами на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

¹ На графике выделен тренд, характеризующий основную тенденцию динамики преступлений, зарегистрированных в Российской Федерации в сельской местности на протяжении 2008–2011 гг.

Таблица 1

Динамика количества зарегистрированных преступлений в городах и сельской местности Российской Федерации (2008–2012 гг.) [2]

Показатели преступности	Год				
	2008	2009	2010	2011	2012
	Абсолютное значение				
в Российской Федерации	3 209 862	2 994 820	2 628 799	2 404 807	2 302 168
в городах	2 533 114	2 288 831	2 019 091	1 833 290	1 754 484
в сельской местности	676 748	591 840	536 919	506 069	489 790
	Ежегодный прирост, %				
в Российской Федерации		-6,7	-12,2	-8,5	-4,3
в городах		-7,4	-11,8	-9,2	-4,3
в сельской местности		-3,9	-9,3	-5,7	-3,2

Как видно из приведенной таблицы, в течение последних лет темпы снижения количественных показателей преступности в сельской местности ниже, чем в городах. Регулирование данных о динамике преступности не скрыло полностью факт определенного осложнения криминальной ситуации в сельской местности. Более низкие темпы уменьшения числа регистрируемых на селе преступлений в сравнении с городом свидетельствуют о том, что различия в степени выраженности, криминальных угроз, создаваемых городской и сельской преступностью, стали сглаживаться.

Регулирование количества показываемых в статистической отчетности преступлений не затушевывает два важных для анализа сельской преступности факта.

Во-первых, в 31 субъекте Российской Федерации в 2012 г. наблюдается рост сельской преступности, а это более трети (38,3 %) регионов, имеющих сельскую местность. Во-вторых, сельская преступность концентрируется в ограниченном числе регионов.

Так, за 9 месяцев 2013 г. наибольшее количество преступлений в сельской местности было зарегистрировано в Республике Башкортостан, Краснодарском, Красноярском, Алтайском краях, Московской области и ряде иных субъектов Российской Федерации. На территории 10 регионов страны за указанный период была зарегистрирована треть преступлений (32,3 %) от общего числа учтенных в стране по сельской местности (табл. 2). Этот факт уже сам по себе

Таблица 2

Субъекты Российской Федерации, на территории которых по итогам 9 месяцев 2013 г. отмечается наибольшее число зарегистрированных преступлений, совершенных в сельской местности*

Субъекты РФ	9 мес. 2013 г.	9 мес. 2012 г.
Россия	355 048	374 288
в том числе		
Краснодарский край	15 833	16 266
Московская обл.	15 039	16 788
Республика Башкортостан	13 994	16 518
Алтайский край	13 785	13 304
Красноярский край	10 716	10 763
Пермский край	9 307	11 235
Ростовская обл.	9 288	9 766
Иркутская обл.	9 164	9 387
Приморский край	8 871	8 267
Ставропольский край	8 619	8 681
Итого	114 616	120 975

* Источник: составлено авторами на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

должен *привлечь первостепенное внимание со стороны МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации к складывающейся криминальной ситуации в сельской местности.*

Анализ статистических сведений о структуре сельской преступности показывает, что на нее определенное влияние оказал «внешний» фактор – изменение в конце 2011 г. уголовно-правовой оценки тяжести совершаемых преступлений. Реально ее общественная опасность не снизилась, а произошла лишь перегруппировка массива сельской преступности по степени тяжести регистрируемых преступлений в сторону увеличения доли относительно менее опасных из-за указанных изменений в уголовном законодательстве.

В 2012 г. в Российской Федерации в сельской местности было зарегистрировано 16 888 особо тяжких преступлений (в 2011 г. – 17 164 фактов), что составило 3,3 % от числа всех преступлений, зафиксированных в сельской местности (в 2011 г. – 3,2 %). В том же году в стране на селе было также зарегистрировано 92 561 тяжкое преступление, что составило 18,2 % от числа всех учтенных «сельских» преступлений (в 2011 г. – 100 379 факта, или 18,9 %). Кроме того, в 2012 г. в сельской местности было зафиксировано 169 905 преступлений средней тяжести, что составляет 33,5 % (в 2011 г. – 203 605 эпизодов, или 38,3 %) и 228 494 преступления небольшой тяжести, что составило почти половину от числа всех преступлений, зафиксированных в сельской местности (45,0 %), против 210 270 (39,6 %) в 2011 г. Таким образом, в истекшем году на фоне сокращения на 1,6 % числа особо тяжких преступлений (в 2011 г. – на 11,5 %), тяжких на 7,8 % (в 2011 г. – на 10,5 %) и средней тяжести на 16,6 % (в 2011 г. – на 5,7 %), отмечается рост количества преступлений небольшой тяжести на 8,7 % (в 2011 г. – на 5,6 %).

Значительное снижение числа зарегистрированных преступлений средней тяжести при одновременном росте числа зарегистрированных преступлений небольшой тяжести может быть объяснено изменениями, внесенными Федеральным законом № 420-ФЗ от 07.12.2011 (ред. от 30.12.2012) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым для преступлений небольшой тяжести максимальный срок лишения

свободы изменен с двух лет на три года, в связи с чем значительная доля преступлений из категории средней тяжести переместилась в категорию преступлений небольшой тяжести.

Таким образом, эти изменения в законодательстве оказали определенное влияние на структуру преступности (рис. 3), выразившееся в том, что доля преступлений средней тяжести снизилась на 4,8 % (с 38,3 % до 33,5 %), а доля преступлений небольшой тяжести увеличилась на 5,4 % (с 39,6 % до 45,0 %).

Данный анализ свидетельствует о том, что реального снижения общественной опасности преступности в сельской местности не произошло.

До введения в действие указанного выше федерального закона структура преступности была практически стабильна, в связи с чем отличия в структуре преступности 2011 и 2010 гг. были незначительными. Так, в 2010 г. доля особо тяжких преступлений составляла 3,4 % против 3,2 % в 2011 г.; доля тяжких преступлений – 19,7 % против 18,9 %; доля преступлений средней тяжести – 37,9 % против 38,3 % и доля преступлений небольшой тяжести – 39,0 % против 39,6 %.

Если сравнивать структуру преступлений по степени тяжести в сельской и городской местностях (рис. 4), то следует отметить, что в сельской местности только удельный вес преступлений небольшой тяжести (45,0 %) больше значения этого показателя в городах и поселках городского типа (40,1 %).

В сельской местности Российской Федерации, как и в целом по стране, сохраняется тенденция сокращения регистрации числа отдельных видов преступлений (табл. 3). Но высокие темпы снижения численности, прежде всего, тяжких и особо тяжких преступлений являются лишь еще одним доказательством регулирования количества отражаемых в статистической отчетности преступлений в сельской местности. В стране нет социальных причин для снижения вдвое разбоев и грабежей за столь короткий срок (с 2008 по 2012 гг.)

На селе резко снижаются показатели грабежей: в 2010 г. число зарегистрированных грабежей уменьшилось на 22,4 %, в 2011 г. – на 13,7 %, в 2012 г. – на 14,1 %. Также резко снижаются показатели разбоев: в 2010 г. число зарегистрированных разбоев уменьшилось на 16,8 %, в 2011 г. – на 18,8 %, в 2012 г. – на 9,2 %.

Рис. 3. Структура преступности в сельской местности по степени тяжести*

* Источник: составлено авторами на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

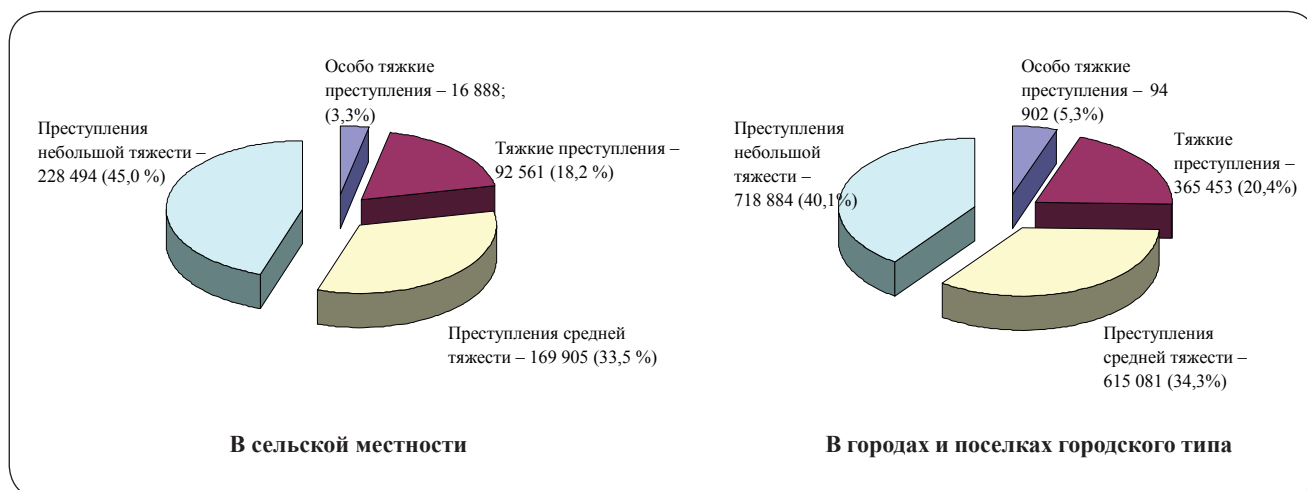

Рис. 4. Структура преступности в сельской и городской местностях по степени тяжести, 2012 г.*

* Источник: составлено авторами на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

Таблица 3

Динамика отдельных видов зарегистрированных преступлений (сельская местность, Российская Федерация, 2008–2012 гг.)*

Преступления	Год									
	2008		2009		2010		2011		2012	
	абс.	абс.	прирост, %	абс.	прирост, %	абс.	прирост, %	абс.	прирост, %	
Все преступления	676 748	650 275	-3,9	570 206	-12,3	531 418	-6,8	507 848	-4,4	
в том числе										
тяжкие и особо тяжкие	150 120	150 336	+0,1	131 562	-12,5	117 543	-10,7	109 449	-6,9	
убийства (с покушениями)	6 529	5 968	-8,6	5 209	-12,7	4 925	-5,5	4 589	-6,8	
причинение тяжкого вреда здоровью	13 113	12 875	-1,8	11 811	-8,3	11 122	-5,8	10 724	-3,6	
изнасилования (с покушениями)	2 021	1 837	-9,1	1 606	-12,6	1 469	-8,5	1 460	-0,6	
кражи	292 825	260 602	-11,0	237 244	-9,0	229 382	-3,3	213 507	-6,9	
грабежи	18 710	17 458	-6,7	3 549	-22,4	11 693	-13,7	10 046	-14,1	
разбой	4 269	4 121	-3,5	3 429	-16,8	2 786	-18,8	2 529	-9,2	
хулиганство	1 966	1 471	-25,2	1 025	-30,3	808	-21,2	702	-13,1	

* Источник: составлено автором на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

Таблица 4

**Динамика уровня погибших и получивших
тяжкий вред здоровью в результате
преступлений (на 100 тыс.чел. населения)***

Уровень погибших,	2009	2010	2011	2012
всего	32,48	29,59	28,07	26,92
в сельской местности	49,08	44,77	43,91	44,38
в городах	25,50	23,54	21,62	20,52
Соотношение уровней в сельской и городской местности	в 1,9 раза	в 1,9 раза	в 2,0 раза	в 2,2 раза
получивших тяжкий вред здоровью, всего	39,04	35,80	34,57	35,16
в сельской местности	48,96	45,05	43,94	45,96
в городах	34,44	31,87	30,67	30,97
Соотношение уровней в сельской и городской местности	в 1,4 раза	в 1,4 раза	в 1,4 раза	в 1,5 раза

* Источник: составлено авторами на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

Если сопоставить приведенные показатели количества преступлений отдельных видов, зарегистрированных в сельской местности в 2008 и 2012 гг., то при общем сокращении всех учетных преступлений на 25,0 % количество зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений сократилось на 27,1 %, убийств (с покушениями) – на 29,7 %, причинения тяжкого вреда здоровью – на 18,2 %, изнасилований (с покушениями) – на 27,8 %, краж – на 27,1 %, грабежей – на 40,8 %, разбоев – на 40,8 % и хулиганств – на 64,3 %.

Как видно из табл. 3, сокращение преступности в сельской местности произошло за счет краж, грабежей и разбоев, на долю которых пришла почти половина (46,9 %) от общего числа сокращения.

В то же время в значительном числе субъектов Российской Федерации наблюдался рост отдельных видов преступлений в сельской местности. В частности, тяжкие и особо тяжкие преступления в сельской местности возросли в 39 субъектах Российской Федерации, убийства – в 31, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – в 29, кражи – в 15, грабежи – в 16, разбои – в 25.

При всех особенностях динамики и структуры отдельных видов преступлений в сельской местности главным отличием сельской преступности от городской является то, что в сельской местности выше уровень (коэффициент) убийств и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (табл. 4).

В 2012 г. уровень погибших от насильственной смерти на 100 тыс. жителей в сельской местности был в 2,2 раза выше, чем в городах, а лиц, которым был причинен тяжкий вред здоровью, – в 1,5 раза.

Наиболее объективно состояние преступности в сельской местности в сравнении с городской отражает сопоставление не абсолютного числа зарегистрированных преступлений, а ее уровней. Так, если в сельской местности совершается каждое пятое преступление, то при сопоставлении уровней преступности на 100 тыс. жителей в сельской и в городской местности выясняется, что они мало отличаются и имеют устойчивую тенденцию к сближению (рис. 5). Это свидетель-

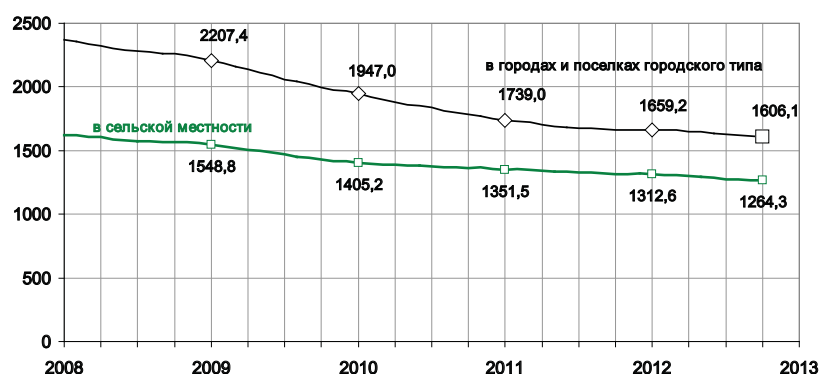

Рис. 5. Динамика уровня преступности на 100 тыс. жителей в сельской и в городской местности*

* Источник: составлено авторами на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

ствует о процессе выравнивания криминальной ситуации в городе и на селе. Так, если в 2009 г. в городах на 100 тыс. населения было зарегистрировано 2207,4 преступлений, а на селе – 1548,8 (разница 658,6), то в 2012 г. соответственно – 1659,2 и 1312,6 (разница 364,6), что почти в два раза меньше, чем в 2009 г.

В 2009 г. уровень сельской преступности был ниже городской почти на треть, а в 2012 г. – на пятую часть (-20,7%). Это уже не четырехкратное различие, наблюдаемое по абсолютному числу зарегистрированных преступлений.

Обращает на себя внимание то, что по итогам 2012 г. в 22 регионах страны уровень сельской преступности на 100 тыс. жителей превосходил аналогичный показатель городской преступности (Республика Карелия, Чеченская Республика, Красноярский и Хабаровский край, Архангельская, Астраханская, Брянская, Иркутская, Курская, Ленинградская, Магаданская, Омская, Псковская, Сахалинская, Смоленская, Тверская, Ульяновская, Челябинская, Ярославская области, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Еврейская автономная область). Конкретные показатели по 10 регионам страны, где уровень сельской преступности на 100 тыс. жителей в наибольшей мере превосходил аналогичный показатель городской преступности, приведены в табл. 5.

Таблица 5

Десять регионов страны, в которых показатель уровня сельской преступности в наибольшей мере превосходил показатель городской преступности по итогам 2012 г. в расчете на 100 тыс. жителей*

№ п/п	Регион	Местности		Соотношение
		сельская	городская	
		1 361,0	1 696,9	0,8
1	Ярославская обл.	1 905,1	1 238,8	1,5
2	Еврейская авт. обл.	2 677,2	1 937,3	1,4
3	Ханты-Мансийский авт. округ	2 238,0	1 711,5	1,3
4	Астраханская обл.	2 321,5	1 904,7	1,2
5	Ямало-Ненецкий авт. округ	1 954,9	1 654,8	1,2
6	Ленинградская обл.	1 328,4	1 125,9	1,2
7	Ульяновская обл.	1 432,7	1 221,1	1,2
8	Смоленская обл.	1 874,3	1 679,1	1,1
9	Магаданская обл.	2 298,3	2 084,2	1,1
10	Республика Карелия	1 913,1	1 762,4	1,1

* Источники: составлено авторами на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

Диапазон региональных значений уровня сельской преступности в субъектах Российской Федерации в расчете на 100 тыс. жителей имеет существенный разброс от 2677,2 в Еврейской АО до 304,5 в Чеченской Республике. Самые высокие уровневые показатели сельской преступности, превышающие 2000 преступлений на 100 тыс. жителей, в 2012 г. наблюдались в 14 субъектах Российской Федерации, в пределах от 1000 до 2000 – в 45. В остальных 24 субъектах Российской Федерации он был меньше тысячи. Показатели уровней сельской преступности в федеральных округах Российской Федерации по итогам 2012 г. в расчете на 100 тыс. жителей приведены в табл. 6.

Таблица 6

Показатели уровней сельской преступности в федеральных округах Российской Федерации по итогам 2012 г. в расчете на 100 тыс. жителей*

Регион	2012 г.	2011 г.	Разница (абсол. знач.)	Динамика (%)
Россия	1 361,0	1 696,9	-335,9	-19,8
Сибирский ФО	1 934,6	1 967,5	-32,9	-1,7
Дальневосточный ФО	1 821,2	1 869,3	-48,1	-2,6
Уральский ФО	1 648,2	1 693,6	-45,4	-2,7
Северо-Западный ФО	1 611,5	1 709,6	-98,1	-5,7
Центральный ФО	1 302,0	1 404,4	-102,4	-10,2
Приволжский ФО	1 263,2	1 249,1	14,1	1,1
Южный ФО	1 050,8	1 118,8	-68	-6,1
Северо-Кавказский ФО	541,8	508,4	33,4	6,7

* Источники: составлено авторами на основе статистической формы 494 ГИАЦ МВД России.

Анализ приведенных значений показателей свидетельствует о том, что в четырех федеральных округах (Сибирском, Дальневосточном, Уральском и Северо-Западном) они превышают аналогичное среднее значение по Российской Федерации, в двух (Центральном и Приволжском) – соответствуют ему, а в одном (Северо-Кавказском) – существенно уступают. В шести федеральных округах Российской Федерации (Центральном, Северо-Западном, Южном, Дальневосточном, Уральском, Сибирском) в 2012 г. в сравнении с 2011 г. отмечается сокращение значения уровня сельской преступности в расчете на 100 тыс. жителей, в то время как в Приволжском и Северо-Кавказском федеральных округах

зафиксировано увеличение рассматриваемого показателя.

Как видно из табл. 6, в 2012 г. наиболее высокий средний показатель сельской преступности в расчете на 100 тыс. жителей отмечался в Сибирском федеральном округе – 1934,6.

В пяти из 12 входящих в него субъектов Российской Федерации уровень сельской преступности превысил значение в 2 000 преступлений на 100 тыс. жителей (Иркутская область – 2 514,8; Республика Бурятия – 2399,9; Забайкальский край – 2398,8; Республика Алтай – 2190,2 и Красноярский край – 2106,5). В остальных 7 субъектах Российской Федерации этого округа он

был в интервале от 1933,2 (Кемеровская область) до 1588,6 (Алтайский край) преступления на 100 тыс. жителей сельской местности, т.е. тоже на достаточно высоком уровне.

Список литературы

1. Прогноз криминальной ситуации в России / под общ. ред. С. И. Гирько. М: ВНИИ МВД России:2011. С. 25–26.

2. Антонов-Романовский Г. В., Коимшиди Г. Ф., Чирков Д. К. Особенности динамики преступности в сельской местности // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики: сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. 29 марта 2013 г. Краснодар: КубГАУ, 2013. С. 100.

В редакцию материал поступил 19.12.13

© Антонов-Романовский Г. В., Коимшиди Г. Ф., Чирков Д. К., Литвинов А. А., Трушенко А. Н., 2014

Информация об авторах

Антонов-Романовский Григорий Всеволодович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения, НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ
Адрес: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15, тел.: (499) 253-12-62

Коимшиди Георгий Феофилактович, кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения, НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ
Адрес: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15, тел.: (499) 256-15-65

Чирков Дмитрий Константинович, кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения, НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, г. Москва
Адрес: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15, тел.: (499) 256-15-65
E-mail: Dk8888@mail.ru

Литвинов Антон Анатольевич, научный сотрудник отдела общих проблем преступности, ее причин и мер предупреждения, НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ
Адрес: 123022, г. Москва, ул. 2-я Звенигородская, 15, тел.: (499) 253-12-62
E-mail: veriham@mail.ru

Трушенко Александр Николаевич, соискатель, Академия Генеральной прокуратуры РФ; первый заместитель прокурора Грайворонского района Белгородской области
Адрес: 107078, г. Москва, ул. Новая Басманная, 10, тел.: (495) 623-23-41

Как цитировать статью: Современная криминологическая характеристика преступности в сельской местности / Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди, Д. К. Чирков, А. А. Литвинов, А. Н. Трушенко // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 250–260.

G. V. ANTONOV-ROMANOVSKIY,

PhD (Law), Associate Professor, Leading Researcher of Department of General Issues of Criminality, its Causes and Prevention,

G. F. KOIMSHIDI,

*PhD (Engineering), Associate Professor
Leading Researcher of Department of General Issues of Criminality, its Causes and Prevention,*

D. K. CHIRKOV,

PhD (Law), Associate Professor, Senior Researcher of Department of General Issues of Criminality, its Causes and Prevention,

A. A. LITVINOV,

*Researcher of Department of General Issues of Criminality, its Causes and Prevention
Scientific Research Institute of Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia*

A. N. TRUSHENKO

*applicant of Academy of Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
First Deputy Prosecutor of Gaivoronskiy region of Belgorod oblast, Russia*

MODERN CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIME IN RURAL AREAS

Objective: to examine the relevance of the issue and the characteristics of crime in rural areas in the Russian Federation, which is determined, on the one hand, by the complexity of the criminal situation in rural areas, the acuteness of the problems of the crime counter-action organization, including prevention; and the lack of study of criminological problems of rural crime, on the other.

Methods: ascent from the abstract to the specific; systemic-structural and comparative analysis; historical, dynamic and statistical methods, as well as specific-sociological methodology of evaluating rural crime.

Results: specific features of crime in rural areas are shown, as well as its social danger in comparison with urban crime. The effective directions of improving counteraction against the above crimes are proposed.

Scientific novelty: the article considers the trends of crime in rural areas, compares the dynamics of registered crimes in rural and urban areas. The following features are revealed: crime level is higher in rural areas than in urban ones; especially grave is condition and scale (in comparison to cities) of deaths and grievous bodily harm among the villagers caused by criminal encroachments; the number of the killed among the villagers in Russia over the recent 3 years is stable and is more than two times larger than the similar level in cities, and almost one and a half times larger than the number of people with grievous bodily harm in the cities.

The authors indicate the complexity of the criminal situation in the village. The tendency of reduction of crimes registered in rural areas in 2009-2012 does not reflect its actual state, as this trend is caused by the artificial reduction of registered crimes during the last years.

Practical value: the research results show the level of social danger of rural crime, which can serve as the basis for elaborating effective solutions for its prevention.

Key words: crime in rural areas; urban crime; crime dynamics, features of rural crime; level of rural crime; regional analysis of crime in rural areas.

References

1. *Prognoz kriminal'noj situacii v Rossii, pod obshh. red. S. I. Gir'ko* (Forecast criminal situation in Russia, edit. by S.I. Girko). Moscow: VNII MVD Rossii, 2011. Pp. 25–26.
2. Antonov-Romanovskij, G. V., Koimshidi, G. F., Chirkov, D. K. Osobennosti dinamiki prestupnosti v sel'skoj mestnosti (Dynamics of crime in rural areas), *Sovremennye problemy ugolovnogo prava, ugolovnogo protsessa i kriminalistiki: sbornik mat-lov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 29 marta 2013 g.* (Modern problems of criminal law, criminal procedure and criminology) Krasnodar: KubGAU, 2013. P. 100.

Received 19.12.13

Information about the authors

Antonov-Romanovskiy Grigoriy Vsevolodovich, PhD (Law), Associate Professor, Leading Researcher of Department of General Issues of Criminality, its Causes and Prevention, Scientific Research Institute of Prosecutor General's Office of the Russian Federation
Address: 15 2nd Zvenigorodskaya St., 123022, Moscow, tel.: (499) 253-12-62

Koimshidi Georgiy Feofilaktovich, PhD (Engineering), Associate Professor,
Leading Researcher of Department of General Issues of Criminality, its Causes and Prevention, Scientific Research Institute of Prosecutor General's Office of the Russian Federation
Address: 15 2nd Zvenigorodskaya St., 123022, Moscow, tel.: (499) 253-12-62

Chirkov Dmitriy Konstantinovich, PhD (Law), Associate Professor, Senior Researcher of Department of General Issues of Criminality, its Causes and Prevention, Scientific Research Institute of Prosecutor General's Office of the Russian Federation
Address: 15 2nd Zvenigorodskaya St., 123022, Moscow, tel.: (499) 256-15-65
E-mail: Dk8888@mail.ru

Litvinov Anton Anatolyevich, Researcher of Department of General Issues of Criminality, its Causes and Prevention, Scientific Research Institute of Prosecutor General's Office of the Russian Federation

Address: 15 2nd Zvenigorodskaya St., 123022, Moscow, tel.: (499) 253-12-62

E-mail: veriham@mail.ru

Trushenko Alexander Nikolaevich, the applicant, the Academy of the Prosecutor General; First Deputy Prosecutor of Gaivoronskiy region of Belgorod oblast

Address: 10th New Basmannaya St., 107078, Moscow, tel.: (495) 623-23-41

How to cite the article: Modern criminological characteristics of crime in rural areas / G. V. Antonov-Romanovskiy, G. F. Koimshidi, D.K.Chirkov, A. A. Litvinov, A. N. Trushenko. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1(29), pp. 250–260.

© Antonov-romanovskiy G. V., Koimshidi G. F., Chirkov D. K., litvinov A. A., Trushenko A. N., 2014

Дискурсивные практики синергической антропологии: сб. науч. ст. / под ред. О.Д. Агапова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 92 с.

В сборнике представлены научные статьи участников Всероссийской летней философской школы «Синергическая антропология как метод анализа и стратегия сдерживания антропологических и глобальных рисков современности» (1–5 июля 2013 г.), которая проходила на базе Нижнекамского филиала Института экономики, управления и права (г. Казань) в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.» по проекту «Модернизация оснований гуманитарного знания и образования на базе новой модели человека» (№ 2012-11-12-000-3003-078).

Авторы статей изучают различные аспекты развития современного общества с позиций синергической антропологии как неклассической гуманитарной парадигмы.

Материалы сборника предназначены для научно-педагогических работников, аспирантов и соискателей, творческой интеллигенции.

УДК 343.914

О. В. КАРПОВА,
мировой судья

Судебный участок № 23 Ленинского округа г. Иркутска, Россия

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ЖЕНЩИН: ОСОБЕННОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Цель: изучение и описание детерминант повторного преступного поведения женщин.

Методы: статистический, сравнительный, анкетирование, интервьюирование.

Результаты: на основе социально-психологической концепции причинности дается анализ причин и условия рецидивной преступности женщин в Иркутской области.

Научная новизна: установлено, что повторное преступное поведение женщин обусловлено не только общими, но и специфическими детерминантами, в частности, гендерными проблемами, существующими в системе общественных отношений, социальными ролями и функциями женщин, их биологической и психологической спецификой. Значимыми деформациями сознания, обуславливающими их повторное преступное поведение, являются деформации экономической, нравственной, правовой и семейно-бытовой психологии.

Практическая значимость: определяется совокупностью выводов прикладного характера с точки зрения их использования в деятельности субъектов профилактики женской преступности.

Ключевые слова: криминологическая детерминация; рецидивная преступность женщин; причины и условия преступности; женская преступность.

Введение

Проблема криминологической детерминации – одна из самых сложных и дискуссионных в криминологии. За всю историю отечественной криминологии ученым представилась возможность получить определенные результаты в решении данной проблемы, объяснить наличие криминогенных факторов, систематизировать их. Все накопленные знания в этой области позволили создать различные теоретические концепции детерминации преступности, определить общие, наиболее важные и принципиальные подходы к ее предупреждению [1, 2, 3]. В связи с этим возможен различный методологический подход к изучению данного аспекта применительно к анализируемому виду преступности.

Результаты исследования

Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, укажем, что в данном случае использована социально-психологическая концепция причинности, согласно которой преступное поведение как разновидность сознательного поведения порождается негативными сдвигами в сознании человека, его деформациями [3]. В связи с этим к причинам преступности относятся социально-психологические детерминанты, включающие элементы

экономической, политической, правовой, бытовой психологии на различных уровнях общественного сознания (общем, групповом, индивидуальном) [3, с. 44]. Таким образом, причина – это явление и (или) процесс, которые порождают другое явление, процесс (или совокупность их) как свое следствие и определяют его (следствия) природу. Очень важно, что именно причина определяет природу, сущностную сторону следствия, что позволяет (особенно в социальной жизни) отличать причину от условия.

В теории криминологии наличие социальных деформаций (формирующих условий) связывают с социальными противоречиями – условиями преступности [4, с. 61].

Условия связаны с проявлением негативных сторон экономических, политических противоречий общества, падением его нравственных устоев, либо с недостатками в управленческой деятельности, в том числе в работе правоохранительных органов.

Изложенные положения теоретических разработок криминологической детерминации полностью применимы к анализу детерминант рецидивной женской преступности.

Представляется, что причинный комплекс, порождающий и объясняющий повторное совершение преступлений женщинами, носит, с одной стороны, общий характер, т. е. имеет одни

источники с общей преступностью, но вместе с тем обладает определенной спецификой.

Основываясь на социально-психологической концепции причинности, можно говорить о том, что наиболее значимыми деформациями повторного преступного поведения женщин являются деформации экономической, нравственной, правовой и семейно-бытовой психологии.

Подавляющее большинство преступлений, совершенных женщинами повторно, являются корыстными, или совершенными из корыстных побуждений. В этой связи можно с уверенностью говорить о том, что основополагающими причинами преступного поведения таких лиц будут деформации экономического сознания (психологии).

Деформации этого вида сознания применительно к исследуемой группе лиц будут проявляться в несовпадении экономических целей и взглядов и возможностей их удовлетворения. Именно деформации данного вида на уровне группового и индивидуального сознания проявляются в разновидностях корысти, в убеждении невозможности правомерными путями решить стоящие перед группой или индивидом проблемы в обеспечении достойного уровня жизни себе и своей семье.

В качестве формирующих условий выступают противоречия, сложившиеся в социально-экономической сфере общества (социальное расслоение населения, безработица, инфляция и т. д.).

Одним из основных противоречий в экономической сфере общества является противоречие между ростом потребностей и возможностями общества по их удовлетворению. Нестабильная экономическая ситуация в России в последнее десятилетие, спад производства, начавшийся в конце 80-х гг. XX в., и другие экономические проблемы привели к невозможности удовлетворения экономических потребностей населения, которые при нормальном развитии общества имеют тенденцию к возрастанию.

В настоящее время практически каждый пятый житель Иркутской области имеет денежные доходы ниже прожиточного минимума (17,9 %), тогда как в целом по Российской Федерации таковым является только каждый десятый¹. Также

¹ Здесь и далее расчеты произведены по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации // Центральная база статистических данных. URL: <http://cbsd.gks.ru>

следует отметить, что в Иркутской области снижение количества такого населения идет более медленными темпами, что увеличивает соотношение этого показателя в Российской Федерации и исследуемом регионе.

Вместе с тем обращает на себя внимание такой экономический показатель, как среднемесячная заработная плата работников в целом по экономике. Так, в Иркутской области данный показатель в среднем за последние пять лет составил 24 575 руб., тогда как в соседних регионах (Красноярский край, Республика Бурятия) и в Российской Федерации он составлял более 28 000 и 25 000 руб., соответственно.

В новых условиях социально-экономической жизни женщины оказались в более тяжелом положении, чем мужчины, поскольку традиционно они работали и продолжают работать в тех отраслях, которые издавна считались женскими. Тяжесть положения женщин, занятых в данных отраслях, можно объяснить тем, что эти отрасли отличаются невысокой заработной платой, как правило, в 1,5–2 раза ниже средней заработной платы в регионе.

Отметим, что отраслевая и профессиональная дифференциация между мужчинами и женщинами значительно влияет на разницу в уровне заработной платы. В целом по России на 1 января 2014 г. средняя заработная плата мужчин составляет 30 100 руб., а женщин – 19 600 руб., что в 1,5 раза ниже заработной платы мужчин.

Другой экономический показатель, который наглядно свидетельствует о наличии серьезных противоречий в экономической сфере, – это коэффициент фондов, характеризующий степень социального расслоения и определяющийся как соотношение между средними уровнями денежных доходов 10,0 % населения с самыми высокими доходами и 10,0 % населения с самыми низкими доходами.

Так, в Российской Федерации в 1997 г. значение этого коэффициента составляло 13,6, в 2003 г. – 14,5, в 2007 г. – 16,7, в 2012 г. – 16,4. Предельное значение данного коэффициента в мировой практике – 10 [5, с. 318].

Негативные тенденции развития в социально-экономической сфере региона связаны также с тем, что за последние десять лет на территории Иркутской области сократилось число крупных

промышленных предприятий, что, в свою очередь, повлекло массовое сокращение рабочих мест и высвобождение работников. Большая часть населения в результате прекращения деятельности таких предприятий, которые еще являлись и градообразующими, оказалась на пороге бедности.

Несомненно, что на формирование деформаций экономической психологии оказывает влияние и безработица, которая является одним из проявлений, характеризующих изменения в социальной структуре общества.

На 01 января 2014 г. в областном центре занятости состояло на учете 15 485 безработных, из них более 80,0 % женщины. Уровень безработицы в Иркутской области в настоящее время составляет 7,8 %, тогда как в целом по Российской Федерации – 5,5 %. Установлено, что число безработных пополняют уволенные по сокращению штатов. Здесь ситуация складывается тоже не в пользу женщин, доля их среди уволенных по сокращению штатов составляет более 60,0 %.

Последствия безработицы не нуждаются в подробном анализе, достаточно сказать, что она влечет за собой снижение мотивации труда, распространение алкоголизма, и зачастую заставляет население отказываться от законного приобретения жизненно важных продуктов потребления.

Другой основополагающей сферой в общественном сознании является сфера правового сознания. Дефектность правовой психологии выступает сопричиной криминальной мотивации всех совершаемых преступлений. Деформации современного правосознания проявляются в правовом нигилизме, негативном отношении к праву, правовой неграмотности, потере ориентиров правомерного поведения, твердом убеждении в отсутствии равенства граждан перед законом, в недоверии к системе правоохранительных и судебных органов, тревожности относительно собственной безопасности и уверенности в безнаказанности преступников и их готовности к самым опасным действиям [6, с. 65]. Эти и другие деформации правосознания в той или иной степени детерминируют совершение многих преступлений.

У многих женщин из числа повторно осужденных преступная деятельность носит систематический характер, и даже последующее реальное

лишение свободы на определенный срок не останавливает их от совершения нового преступления. Так, более 50,0 % «женщин-рецидивисток» знали или предполагали, что снова понесут наказание, 36,0 % опрошенных не задумывались над последствиями привлечения их к уголовной ответственности, а 7,5 % было безразлично, что с ними будет после совершения преступления.

Правовая психология преступников также проявляется в их отношении к совершенному преступлению, в чувстве вины и раскаянии в содеянном. Более 60,0 % повторно осужденных женщин не считают себя виновными в случившемся, по их словам, «все получилось неожиданно».

Более 2/3 женщин, осужденных повторно, полностью раскаиваются в совершенном деянии, однако многие при этом полагают, что заслужили менее строгое наказание. Так, 6 из 10 женщин считают, что им было назначено несправедливое наказание, и то, что они встали бы на путь исправления без назначения им реального лишения свободы.

Таким образом, можно говорить о том, что деформации правовой психологии у таких женщин выражаются не в правовой безграмотности, а в правовой безответственности, в потребительском отношении к праву, чаще всего применительно не ко всем законам, а в отношении систематически нарушаемых норм Уголовного кодекса Российской Федерации.

В числе противоречий, оказывающих влияние на формирование дефектов правовой психологии, можно назвать пробелы в правовом регулировании, в частности уголовно-правовых отношений. В значительной степени утратили свои позиции в борьбе с преступностью правоохранительные органы. Реформирование милиции в полицию вызвало значительный отток квалифицированных кадров в коммерческие структуры. Престиж правоохранительных органов заметно упал за последние годы – все меньше граждан нашего общества доверяют органам внутренних дел и все большее количество людей чувствуют себя не защищенными от преступных посягательств.

Думается, что основными предпосылками формирования в правовом сознании криминогенных личностей действенной угрозы применения уголовного наказания и отказа от выбора преступного варианта поведения являются совер-

шенствование уголовного закона в направлении исключения из него различных малозначительных преступлений, специальных норм, а также дифференциация ответственности.

Очень тесно с деформациями правовой психологии связаны дефекты нравственного сознания. Нравственные проблемы современной общественной психологии состоят, прежде всего, в том, что прежние нравственные ценности и ориентиры в значительной степени отвергнуты, а новой прочной подобной системы не создано, в результате чего в настоящее время имеются существенные проблемы в данной сфере регулирования.

В сознании значительной части повторно осужденных женщин доминируют мотивы физического выживания, сиюминутной выгоды. Многие из женщин утратили смысл жизни в результате обманутых ожиданий, несбывшихся надежд. Для многих из них характерна деморализация межличностных отношений, рост конфликтности.

Деформациям нравственной сферы должны противодействовать образование, литература, иными словами, культура в целом. Однако коммерциализация искусства, науки, культуры, лишившихся прежней государственной поддержки, сопровождается снижением их качества.

Накопление негативных эмоций, различных раздражителей порой достигает запредельного напряжения, часто угрожает криминальным срывом. Все это дополняется неуверенностью в завтрашнем дне, переживанием о ненадежности социального статуса, материального положения.

Безусловно, в детерминации преступного поведения женщин особую роль занимают дефекты семейно-бытовой психологии. Ее криминогенность проявляется в деформированных межличностных отношениях как между членами семьи, так и иными микросоциальными группами, в семейном неблагополучии, в столкновении интересов поколений и пр. [6, с. 66].

Опрос осужденных женщин показал, что только 15,0 % повторно осужденных женщин состоят в браке. Следует заметить, что большинство женщин (74,5 %), повторно совершивших преступления, имеют детей. Причем 34,1 % – одного ребенка, 24,6 % – двоих, 8,0 % – троих и 5,1 % – более трех детей.

Опрос осужденных женщин из числа повторно отбывающих наказание показал, что, отбывая наказание, каждая пятая женщина либо вообще не поддерживает связи с семьей, либо поддерживает ее от случая к случаю. Также можно говорить о том, что за время отбывания наказания в местах лишения свободы у многих женщин распались семьи – мужья меньше ждут своих жен, чем жены мужей. Примечательно, что только 7 из 10 осужденных женщин планируют вернуться в семью. Что касается внутрисемейных отношений, то 69,0 % осужденных женщин отметили, что в семьях у них складываются сложные отношения с супругом, характеризующиеся отсутствием доброжелательности и взаимопонимания.

Кризис семьи, наблюдающийся сейчас в России, обусловлен множеством факторов, в числе которых можно назвать омоложение брака, рост количества разводов, высокая доля внебрачных сожительств (2/3 «женщин-рецидивисток» проживают в гражданском браке), высокая занятость родителей и пр.

Несомненно, что на брачно-семейные отношения влияет бытовое окружение осужденных. Применительно к изучаемой группе преступниц можно сказать, что бытовая устроенность у них была на минимальном уровне. Большинство преступлений женщины совершали в целях удовлетворения своих материальных потребностей или потребностей семьи. Многие семьи или самостоятельно живущие женщины не обладали даже самыми элементарными вещами, необходимыми в повседневной жизни (предметы мебели, бытовой техники пр.), не говоря уже о наличии собственного жилья.

Немаловажным является аспект бытовой устроенности осужденных женщин на стадии исполнения наказания, особенно тех, кто отбывает наказание повторно.

Психологический климат и психологическое состояние женщины формируют достаточно много факторов в процессе исполнения наказания – это и медицинское обслуживание, и возможность воспользоваться своими правами и т. д. Что касается медицинского обслуживания в местах лишения свободы, где отбывают наказания женщины, то получить своевременную медицинскую помощь в таких условиях достаточно сложно, что в анкетах отметили 58,3 % женщин;

при этом помощь, по их мнению, оказывается некачественно. Также они отметили, что в колониях не проводятся мероприятия, направленные на профилактику гинекологических заболеваний, а комплексные профилактические осмотры проводятся достаточно редко.

Многим женщинам в условиях мест лишения свободы не предоставляется возможным воспользоваться своими правами. Так, 72,3 % женщин из числа опрошенных не могут воспользоваться своим правом на телефонные переговоры, как правило, в силу отсутствия материальных возможностей; каждая десятая ответила, что не может воспользоваться этим правом в силу технических возможностей.

Более 73,0 % женщин не могут использовать свое право на краткосрочное свидание по причинам отдаленности колоний от прежнего места жительства и отсутствия у родственников материальных возможностей приехать в колонию. По этим же причинам женщины не используют право на длительное свидание.

Представляется, что такие бытовые условия как вне мест лишения свободы, так и в местах лишения свободы, создают отрицательный микроклимат, приводят к конфликтам, и, в конечном счете, негативно отражаются в сознании женщин.

Выводы

Рассмотренные выше причины и условия, обуславливающие повторное преступное поведение женщин, не являются исчерпывающими. Безусловно, существуют и другие детерминанты, которые оказывают влияние на формирование криминогенной мотивации женщин, но они не являются столь значимыми. В данном случае была поставлена задача выявить основные факторы, детерминирующие данный вид преступности в исследуемом регионе, воздействуя на которые можно хотя бы отчасти изменить криминогенную обстановку на данной территории.

Список литературы

1. Кудрявцев В. Н. Причинность в криминологии (о структуре индивидуального преступного поведения). М., 1968. 176 с.
2. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. 287 с.
3. Кузнецова Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. 208 с.
4. Криминология: учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева и В. Е. Эминова. М.: НОРМА, 2010. 800 с.
5. Гыскэ А. В. Борьба с преступностью в системе обеспечения внутренней безопасности российского общества. М.: Юристъ, 2001. 290 с.
6. Репецкая А. Л., Рыбальская В. Я. Криминология: общая часть. Иркутск, 1999. 240 с.

В редакцию материал поступил 22.01.14

© Карпова О. В., 2014

Информация об авторе

Карпова Ольга Владимировна, мировой судья, Судебный участок № 23 Ленинского округа г. Иркутска
Адрес: 664053, г. Иркутск, ул. Розы Люксембург, 184/1, тел.: (3952) 74-93-35
E-mail: dvsv@list.ru

Как цитировать статью: Карпова О. В. Причины и условия рецидивной преступности женщин: особенности региональной характеристики // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 261–266.

O.V. KARPOVA,

magistrate

Judicial sector number 23 Leninsky district of Irkutsk, Russia

**CAUSES AND CONDITIONS OF FEMALE CRIME RECIDIVISM:
FEATURES OF REGIONAL CHARACTERISTICS**

Objective: to examine and describe the determinants of repeat criminal behavior of women.

Methods: statistical, comparative, questionnaires and interviews.

Results: based on the socio-psychological concept of causality analyzes the causes and conditions of recidivism of women in the Irkutsk region.

Scientific novelty: found that repeated criminal behavior of women is due not only common, but specific determinant-E, in particular, gender issues involved in the system-governmental public relations, social roles and functions of women, their biological and psychological characteristics. Significant deformation of consciousness determines their repeated criminal behavior, deformation are economic, moral, legal and family and everyday psychology.

Practical significance: determined by a combination of applied findings from the point of view of their use in the prevention activities of the subjects of female criminality.

Keywords: criminological determination; recurrent crime women causes and conditions of crime; female criminality.

References

1. Kudryavtsev, V. N. *Prichinnost' v kriminologii (o strukture individual'nogo prestupnogo povedeniya)* (Causation in criminology (the structure of individual criminal behavior)). Moscow, 1968. 176 p.
2. Kudryavtsev, V. N. *Pravovoe povedenie: norma i patologiya* (Legal behavior: norm and pathology). Moscow, 1982. 287 p.
3. Kuznetsova, N. F. *Problemy kriminologicheskoi determinatsii* (Problems of criminological determination). Moscow, 1984. 208 p.
4. *Kriminologiya: uchebnik, pod red. V. N. Kudryavtseva i V. E. Eminova* (Criminology: the textbook, ed. V.N. Kudryavtsev and V.E. Eminova). Moscow: NORMA, 2010. 800 p.
5. Gyske, A. V. *Bor'ba s prestupnost'yu v sisteme obespecheniya vnutrennei bezopasnosti rossiiskogo obshchestva* (Fight against crime in the system of internal security of the Russian society). Moscow: Yurist, 2001. 290 p.
6. Repetskaya, A. L., Rybal'skaya, V. Ya. *Kriminologiya: obshchaya chast'* (Criminology: general part). Irkutsk, 1999. 240 p.

Received 22.01.14

Information about the authors

Karpova Ol'ga Vladimirovna, magistrate, Judicial sector number 23 Leninsky district of Irkutsk
Address: 184/1 Rosa Luxemburg St., 664053, Irkutsk, tel.: (3952) 74-93-35
E-mail: dvsv@list.ru

How to cite the article: Karpova O.V. Causes and conditions of female crime recidivism: features of regional characteristics. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 261–266.

© Karpova O.V., 2014

УДК 343.54:343.625

Ч. Ш. КУПИРОВА,
старший преподаватель

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия

ЗЛОСТНОЕ УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Цель: проанализировать состав и проблему правоприменения злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей (ст. 157 УК РФ), а также разработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства по данному составу преступления.

Методы: формально-логический метод, заключающийся в выявлении и анализе признаков, составляющих содержание злостности в уклонении от уплаты средств на содержание детей.

Результаты: предложены конкретные научно аргументированные рекомендации по дальнейшему совершенствованию уголовного законодательства об ответственности за преступления в виде злостного уклонения от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей.

Научная новизна: предложено предусмотреть определенный количественный порог ответственности лиц, уклоняющихся от уплаты средств на содержание детей (не ниже установленного законодательством минимального размера оплаты труда); усилить уголовную ответственность родителей за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей, увеличив сроки применения наказания к осужденным в виде исправительных и принудительных работ до двух лет; ввести норму и в примечании к ст. 157 УК РФ, согласно которому лицо, совершившее данное преступление, не подлежит уголовной ответственности, если добровольно погасило задолженность по уплате алиментов. Дано определение злостного уклонения от уплаты средств на содержание, что позволит избежать различных трактовок при правоприменении.

Практическая значимость: на основании изучения норм УК РФ и практики их применения даны предложения по совершенствованию законодательства РФ об ответственности за злостное уклонение от уплаты средств на содержание по решению суда несовершеннолетних и правоприменительной практики.

Ключевые слова: несовершеннолетние; родители; злостное уклонение; алименты.

Введение

На современном этапе развития российского государства и общества особое внимание уделяется вопросам защиты прав несовершеннолетних. Затянувшийся социально-экономический кризис пагубно влияет, прежде всего, на несовершеннолетних. Это отчетливо иллюстрируют такие неблагоприятные показатели, как рост числа бедных семей в стране, постоянное увеличение числа совершаемых подростками правонарушений и преступлений, ежегодно увеличивающееся количество брошенных детей, детей, оставшихся без попечения родителей и т. д. Современная действительность свидетельствует, что обеспечение прав ребенка стало серьезной проблемой для России.

В действующем уголовном законодательстве существует неопределенность и незаконченность ряда норм, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних. В связи с этим большую актуальность имеют

теоретические и практические аспекты проблемы обеспечения права несовершеннолетнего ребенка на получение содержания в современной России, поэтому цель нашего исследования – проанализировать состав и проблему правоприменения злостного уклонения от уплаты средств на содержание детей, а также разработать предложения по совершенствованию уголовного законодательства по данному составу преступления.

Результаты исследования

В систему гарантий прав человека и гражданина ст. 39 Конституции Российской Федерации¹ включила взаимную обязанность родителей заботиться о несовершеннолетних детях и обязанность совершеннолетних детей заботиться о нетрудоспособных родителях. Уголовная ответ-

¹ Конституция Российской Федерации. М.: ЦИК, 1993.

ственность за данное преступление основывается на алиментных обязательствах родителей (усыновителей) в отношении несовершеннолетних детей, установленных ст. ст. 80, 85 Семейного кодекса Российской Федерации².

Уровень преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ, остается достаточно высоким и продолжает неуклонно расти, что на фоне определенного сокращения преступности в целом выглядит достаточно тревожно. Так, в 2008 г. было зарегистрировано 35 381 преступлений, предусмотренных ст. 157 УК РФ, в 2009 г. – 45 421 преступление, в 2010 г. – 53 855 преступлений, в 2011 г. – 63 513 преступлений, в 2012 г. – 65 817 преступлений. Кроме того, данное преступление является наиболее распространенным среди всех посягательств на несовершеннолетних. Анализируемый состав преступления охватывает только те случаи, когда обязательство уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей возникло по решению суда. Добровольный порядок уплаты алиментов не исключает права взыскателя обратиться с исковым заявлением в суд, тем самым закрепив в судебном порядке данную имущественную обязанность родителя.

Под уклонением понимается не только прямой отказ по решению суда алиментов на детей, но и сокрытие лицом своего действительного заработка, смену места жительства или работы с целью избежать удержаний по исполнительному листу, уклонение с той же целью от работы или иные действия, свидетельствующие об уклонении от уплаты присужденных средств.

Известны случаи, когда родитель с целью избежать уплаты средств на содержание ребенка, изменяет свои анкетные данные, подделывает документы, удостоверяющие личность, а также осуществляет иные действия, направленные на уменьшение взыскания по исполнительному листу. Нередко родитель имеет доход в двух и более местах, а удержания проводятся по месту низкооплачиваемой работы, где он имеет формальный заработок. В других случаях родитель длительное время не трудоустраивается либо трудоустраивается на непродолжительное время. В любом

случае нуждающийся ребенок имеет угрозу для нормального существования и развития.

Анализ уголовных дел в судах Чувашской Республики показал, что в 48,3 % случаях используется завуалированный отказ от уплаты необходимых материальных средств на содержание ребенка, в том числе сокрытие своего действительного заработка, в 27,6 % случаях – прямой отказ и лишь в 24,1 % уголовных дел скрываются средства, подлежащие уплате. Практически аналогичные показатели в Ульяновской и Нижегородской областях, Республиках Марий Эл, Мордовия и Татарстан.

Для привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 157 УК РФ необходимо наличие злостности в неисполнении указанной обязанности. Понятие злостности в юридической литературе и судебной практике трактуется неоднозначно и устанавливается в каждом конкретном случае. Вместе с тем судебная практика злостным признает уклонение от уплаты алиментов, если срок их невыплаты в полном объеме составил более четырех месяцев, несмотря на предупреждение органов суда и полиции об уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ.

Данная практика сформировалась с учетом позиции Пленума Верховного Суда РСФСР, который в постановлении № 46 от 19 марта 1969 г. «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 122 УК РСФСР» отметил, что лицо подлежит привлечению к уголовной ответственности, если оно более четырех месяцев без уважительных причин не оказывало помощи в содержании детей, а его поведение свидетельствовало об упорном, стойком нежелании выполнять решение суда.

При этом злостным признается такое уклонение, которое выражается в длительном и систематическом уклонении от исполнения вступившего в законную силу решения суда о взыскании алиментов, что свидетельствует о его повышенной общественной опасности. Причина невыплаты должна быть неуважительной, а поведение виновного лица должно свидетельствовать об упорном, стойком нежелании выполнять решение суда (к примеру, сокрытие лицом своего действительного заработка, неоднократная смена жительства и работы с целью сокрытия от уплаты алиментов, изменение фамилии и иных сведений о личности

² Семейный кодекс Российской Федерации. М.: Омега-Л, 2013.

с той же целью, а также иные действия, свидетельствующие об упорном отказе от выполнения судебного решения по уплате алиментов).

Ссылка на отсутствие работы может быть принята во внимание только в случае принятия должником активных мер по поиску работы. В частности, направляются запросы в органы занятости населения относительно обращения должника для решения вопроса о его трудоустройстве, выясняется позиция самого должника. В противном случае налицо злостность в уклонении от уплаты алиментов.

При решении вопроса о злостности уклонения необходимо тщательно исследовать каждый индивидуальный случай с учетом причин неуплаты лицом алиментов и иных обстоятельств дела. Нельзя, например, рассматривать как злостное уклонение случаи вынужденного перерыва в уплате средств в связи с потерей работы и неудачей попыток трудоустроиться либо с необходимостью переехать в другую местность по уважительным причинам.

Представляется, что официальное предупреждение судебным приставом о возможности привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 157 УК РФ должно быть обязательным. Из этого исходит и судебно-следственная практика. К сожалению, объективная сторона данного состава преступления сформулирована недостаточно корректно. Так, если алиментнообязанное лицо систематически уплачивает минимальную сумму на содержание ребенка или не получает периодический доход, то состав данного преступления не усматривается.

Как справедливо отмечает Е. В. Валласк, судебная практика пошла по пути непривлечения должника к уголовной ответственности, если он выплачивает ежемесячно хотя бы незначительную сумму 1000 рублей (1/4 официального дохода) на содержание ребенка, что является явно недостаточным даже на покрытие расходов на питание [1, с. 70].

Между тем ребенок нуждается в ежемесячном материальном обеспечении. Поэтому в диспозиции анализируемой статьи целесообразно предусмотреть определенный количественный порог ответственности (не ниже установленного законодательством минимального размера оплаты труда).

Минимальный размер оплаты труда (МРОТ) – это установленный минимум оплаты труда, который работодатель должен платить своему работнику. Несмотря на то, что не существует однозначного мнения относительно применения МРОТ, на наш взгляд, исходя из сложившейся социально-экономической ситуации в России, установление МРОТ имеет позитивное значение, так как увеличиваются стандарты уровня жизни для наиболее уязвимых слоев населения, в том числе несовершеннолетних.

Кроме того, санкции за совершение анализируемого преступления неадекватны степени общественной опасности данного деяния. Целесообразно усилить уголовную ответственность родителей за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей, увеличив сроки применения к осужденным видов наказания в виде исправительных и принудительных работ до двух лет.

Целесообразно также в примечании к ст. 157 УК РФ либо в самой диспозиции, дать определение злостного уклонения от уплаты средств на содержание, что позволит избежать различных трактовок при правоприменении. Данное определение необходимо сформулировать с учетом сложившейся судебной практики и соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ³. Так, А. Н. Рубченко под злостным понимает уклонение родителей от уплаты по решению суда средств на содержание детей без уважительных причин более трех месяцев [2, с. 29]. Данное определение вполне могло бы быть положено в основу соответствующих изменений в действующее уголовное законодательство.

Размер невыплаченных должником денежных средств на содержание ребенка значения не имеет. Как правило, к уголовной ответственности привлекаются лица, имеющие задолженность около 100 тысяч рублей. Однако известны и иные случаи. Так, в октябре 2013 г. судебные приставы-исполнители Геленджика привлекли к уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов М., который не выплатил на содержание 5-летнего сына 31 тыс. рублей. Мужчина

³ О судебной практике по делам о наследовании: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 9 от 29 мая 2012 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

нигде не работал и вел праздный образ жизни, несмотря на предупреждение об уголовной ответственности [3, с. 2].

Примечательно, что зарубежное законодательство, как правило, не называет в качестве обязательного признака преступления «злостность». Например, УК Швейцарии предусматривает ответственность за невыполнение обязанности по содержанию несовершеннолетних детей, если виновный располагает либо может располагать такими средствами. УК ФРГ предусматривает уголовную ответственность за уклонение от установленной законом обязанности содержания лица, нуждающегося в этом или находящегося под угрозой остаться без чьей-либо помощи, таким образом, что это угрожает его уровню доходов [4, с. 50].

Субъект преступления – специальный. Это родители, в том числе и лишённые родительских прав, усыновители, а также лица, отцовство которых установлено в порядке, определенном семейным законодательством.

Лишение родительских прав или их ограничение в соответствии с семейным законодательством не освобождает родителей от обязанности содержания детей даже в случае помещения его в государственное учреждение для детей, оставшихся без попечения родителей (п. 2 ст. 71 СК РФ) и, соответственно, от ответственности за злостное уклонение от нее.

Так, в апреле 2006 г. Абатский районный суд Тюменской области лишил Т. родительских прав в отношении дочери и взыскал с матери алименты в размере одной четвертой всех видов заработка и доходов. Девочку передали на воспитание приемным родителям. Однако Т. 8 месяцев уклонялась от уплаты алиментов, задолжав 44, 4 тыс. рублей, за что и была привлечена к уголовной ответственности [5, с. 2].

Субъектами данного состава преступления могут быть и усыновители, так как в соответствии со ст. 137 СК РФ они приравниваются в правах и обязанностях к родителям по происхождению. Кровные родители при усыновлении (удочерении) ребенка в соответствии со ст. 120 СК РФ освобождаются от выплаты алиментов и, соответственно, субъектами рассматриваемого преступления быть не могут.

В последние годы наметилась тенденция введения специальных оснований освобождения от уголовной ответственности, в частности, по ряду преступлений в сфере экономической деятельности в случае, если виновное лицо полностью возместило ущерб либо уплатило причитающиеся суммы.

Так, лицо, впервые совершившее преступление, связанное с уклонением от уплаты налогов и (или) сборов с организации (ст. 199 УК РФ) либо неисполнением обязанностей налогового агента (ст. 199-1), освобождается от уголовной ответственности, если этим лицом либо организацией полностью уплачены суммы недоимки, соответствующих пеней и штрафов.

По нашему мнению, целесообразно ввести аналогичную норму и в примечании к ст. 157 УК РФ, согласно которому лицо, совершившее данное преступление, не подлежит уголовной ответственности, если добровольно погасило задолженность по уплате алиментов. Важнее обеспечить максимально быстрое поступление денежных средств на содержание несовершеннолетних детей, нежели привлечь к уголовной ответственности лицо, которое не заинтересовано в уплате данных средств.

На наш взгляд, ст. 157 УК РФ следует сформулировать следующим образом:

«Статья 157. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей⁴

Уклонение родителя, несмотря на имеющуюся возможность, от исполнения решения суда об уплате средств на содержание несовершеннолетних детей более четырех месяцев, если среднемесячный размер выплат не превышает установленного законодательством минимального размера оплаты труда (злостное уклонение), наказывается исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на тот же срок, либо лишением свободы на срок до двух лет.

⁴ Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольно полностью погасило задолженность по уплате алиментов, а также сумму штрафа в размере имеющейся задолженности.

На наш взгляд, наиболее предпочтительным видом наказания являются исправительные работы, так как часть заработанных во время отбывания наказания денежных средств будет перечисляться на содержание ребенка. По этому пути идет и судебная практика – около 43 % осужденных в Санкт-Петербурге за 6 месяцев 2013 г. отбывают наказание в виде исправительных работ [6, с. 1]. Аналогичной позиции придерживаются суды и в других регионах России.

Вывод

Удовлетворение материальных и духовных потребностей несовершеннолетних напрямую зависит от выделения родителями и иными уполномоченными лицами материальных средств на содержание детей. От этого зависит физическое и духовно-нравственное развитие несовершеннолетних. Не случайно решение вопросов их социального обеспечения является для государства задачей исключительной важности.

Безусловно, разработка мер по обеспечению регулярности выплат алиментов, достаточных для содержания детей, в том числе посредством создания государственного алиментного фонда, поможет несколько стабилизировать ситуацию, связанную материальным обеспечением

детей, оставшихся без должной материальной поддержки со стороны родителей (родителя). Однако для кардинального улучшения данной ситуации необходимо также совершенствование и уголовного законодательства, так как без эффективной борьбы с указанным преступлением нельзя с уверенностью говорить об эффективной защите прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних.

Список литературы

1. Валласк Е. В. Актуальные вопросы расследования по делам о злостном уклонении от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних // Криминалистика. 2010. № 2(7). С. 70.
2. Рубченко А. Н. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия злостному уклонению от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2011. 29 с.
3. URL: <http://kubantv.ru/proisshestvija/50807>
4. Решетникова Г. А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005. С. 50.
5. URL: <http://www.vsluh.ru/news/incident/271530>
6. URL: <http://www.gazeta.spb.ru/1284675-0/>

В редакцию материал поступил 16.12.13

© Купирова Ч. Ш., 2014

Информация об авторе

Купирова Чулпан Шеукатовна, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова
Адрес: 420028, г. Чебоксары, ул. Гастелло, 1/72
E-mail: chulpan27@bk.ru

Как цитировать статью: Купирова Ч. Ш. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей в уголовном законодательстве России // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 267–272.

CH. SH. KUPIROVA,

Senior Lecturer

Chuvash State University named after I. N. Ulyanov, Cheboksary, Russia

**PERSISTENT EVASION FROM PAYING CHILDREN'S ALLOWANCE
IN THE RUSSIAN CRIMINAL LAW**

Objective: to analyze the composition and the problem of enforcement of persistent evasion from paying the children's allowance (Article 157 of the Russian Criminal Code), and to develop proposals to improve the criminal law on this corpus delicti.

Methods: formal-logical method, which consists in identifying and analyzing signs that constitute the persistent evasion from paying the children's allowance.

Results: The specific scientific reasoned recommendations are proposed which would further improve the criminal law on the responsibility for the crime of persistent evasion from paying the children's allowance.

Scientific novelty: it is proposed to set a certain quantitative threshold for the persons evading from paying the children's allowance (not below the minimum wage set by legislation); to strengthen criminal responsibility of parents for persistent evasion from paying the children's allowance, by increasing periods of punishment to those convicted for correctional and forced labor up to two years; to introduce a rule in the note to Article 157 of the Criminal Code, by which a person who commits the offense, is not subject to criminal liability if voluntarily repay the alimony. The definition is given of persistent evasion from paying the children's allowance, in order to avoid different interpretations in law enforcement.

Practical value: by studying the norms of the Criminal Code and the practice of their application, some suggestions are made to improve the Russian Federation legislation on liability for persistent evasion from paying the children's allowance by court decisions and law enforcement practice.

Key words: under age children; parents; persistent evasion; alimony.

References

1. Vallask, E. V. Topical issues of investigation in cases of persistent evasion from paying allowance to under age children. *Kriminalistika*, 2010, no. 2(7), p. 70 (in Russ.).
2. Rubchenko, A. N. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie mery protivodeistviya zlostnomu ukloeniyu ot uplaty sredstv na sodержание detei ili netrudosposobnykh roditelei: dis. ...kand. jurid. nauk* (Criminal-legal and criminological measures of counteraction against persistent evasion from paying allowance to children or incapable parents: abstract of a PhD (Law) thesis). Chelyabinsk, 2011. 29 p.
3. <http://kubantv.ru/proisshestviya/50807>
4. Reshetnikova, G. A. *Ugolovno-pravovaya okhrana sem'i i nesovershennoletnikh: dis. ... kand. jurid. nauk* (Criminal-legal protection of family and under age children: a PhD (Law) thesis). Izhevsk, 2005. P. 50.
5. <http://www.vsluh.ru/news/incident/271530>
6. <http://www.gazeta.spb.ru/1284675-0/>

Received 16.12.13

Information about the author

Kupirova Chulpan Sheukatovna, Senior Lecturer of the Chair of Criminal-legal Disciplines, Chuvash State University named after I. N. Ulyanov

Address: 1/72 Gastello St., 420028, Cheboksary

E-mail: chulpan27@bk.ru

How to cite the article: Kupirova Ch. Sh. Persistent evasion from paying children's allowance in the Russian criminal law. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 267–272.

© Kupirova Ch. Sh., 2014

УДК 343.9:331.56

С. Г. ОЛЬКОВ,

доктор юридических наук, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,
Сургутский государственный университет ХМАО-Югры, г. Сургут, Россия

ВЛИЯНИЕ БЕЗРАБОТИЦЫ НА КРАЖИ (КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Цель: проверка гипотезы о наличии связи между безработицей и кражами.

Методы: корреляционный анализ; регрессионный анализ; дисперсионный анализ; статистическое наблюдение; математическое моделирование.

Результаты: выявлено, что безработица провоцирует совершение краж в Украине, о чем свидетельствует статистически значимый параметрический линейный коэффициент корреляции Пирсона равный 0,83; изменение числа безработных на единицу влечет изменение числа краж на 0, 214 штук.

Научная новизна: 1) установлена криминологическая закономерность – положительная зависимость между уровнем краж и уровнем безработицы в Украине по статистическим данным по субъектам Украины за 2010 г. Линейный коэффициент корреляции свидетельствует о сильной положительной связи между переменными ($r = 0,83$); коэффициент детерминации утверждает, что 70 % вариации краж объясняется вариацией уровня безработицы; 2) получено оценочное уравнение зависимости: $\tilde{y} = -4830,64 + 0,2143 \cdot x$, где \tilde{y} – оценочное значение уровня краж, x – уровень безработицы. Свободный член в уравнении криминологического смысла не имеет (отрицательный), а коэффициент регрессии показывает, что изменение числа безработных на единицу влечет изменение числа краж на 0, 214 штук.

Практическая значимость: с учетом высокого коэффициента корреляции и статистически значимого уравнения регрессии можно достаточно точно прогнозировать средний уровень краж в Украине в зависимости от уровня безработицы в стране, а также осуществлять снижение числа краж с помощью снижения уровня безработицы.

Ключевые слова: криминологические закономерности; регрессия; корреляция; кражи; безработица; преступность; математическое моделирование; аналитическая юриспруденция; Украина.

Введение

Очевидно, что безработный человек или шире – лицо, не имеющее постоянного источника средств существования, представляет повышенную опасность для окружающих, поскольку лишено возможности удовлетворять обширный комплекс биологических и социальных потребностей. Вероятно, в среднем безработные в большей мере склонны к совершению различных преступлений, нежели занятое трудом население. Однако данное утверждение – лишь гипотеза, которую следовало бы проверить. В представленной статье исследуется зависимость между уровнем безработицы по субъектам Украины и кражами, совершаемыми в этих субъектах в 2010 г.

Результаты исследования

Сформулируем статистические гипотезы: H_0 и H_1 .

Нулевая гипотеза H_0 : безработица не оказывает статистически значимого влияния на динамику краж.

Альтернативная гипотеза H_1 : безработица оказывает статистически значимое влияние на динамику краж.

В качестве независимой переменной примем уровень безработицы (X , чел.), а в качестве зависимой – уровень краж (Y , шт.).

Представим официальные статистические данные о переменных модели в виде табл. 1.

Таблица 1

Первичные статистические данные о числе зарегистрированных безработных [1] и краж [2] по субъектам Украины в 2010 г.*

Субъект Украины	Безработных, чел.	Кражи, шт.
АР Крым	59 100	20 315
Винницкая область	76 400	5 420
Волынская область	40 100	4 141
Днепропетровская область	116 600	27 407
Донецкая область	188 500	35 977
Житомирская область	60 800	4 586

Продолжение табл. 1

Субъект Украины	Безработных, чел.	Кражи, шт.
Закарпатская область	52 500	2 811
Запорожская область	64 700	15 289
Ивано-Франковская область	47400	2 026
Киевская область	59 200	8 532
г. Киев	80 100	19 168
Кировоградская область	43 500	7 193
Луганская область	78 000	13 009
Львовская область	92 200	7 617
Николаевская область	48 400	5 817
Одесская область	65 000	10 586
Полтавская область	68 600	9 060
Ровненская область	60 500	3 820
г. Севастополь	11 100	2 797
Сумская область	58 200	5 362
Тернопольская область	50 800	2 123
Харьковская область	96 400	13 461
Херсонская область	47 500	5 724
Хмельницкая область	54 100	5 578
Черкасская область	62 900	3 590
Черниговская область	54 500	5 082
Черновицкая область	35 200	2 930

* Источник: составлено автором.

Первоначально найдем парный коэффициент корреляции между переменными модели. Он способен ответить на два вопроса: 1) о силе связи между переменными; 2) о направлении связи между ними (положительная или отрицательная корреляция).

Существует большое разнообразие коэффициентов корреляции, например, коэффициент корреляции Фехнера, ранговый коэффициент корреляции Спирмена, Кендалла, параметрический линейный коэффициент корреляции Пирсона и другие, имеющие свои достоинства, недостатки и ограничения. Непараметрические коэффициенты удобны тем, что не связаны ограничением нормальности распределения, однако они менее точны. Скажем, коэффициент корреляции Фехнера учитывает лишь знаки отклонений и обычно

содержит в себе высокую погрешность. Для наших данных коэффициент Фехнера показывает умеренную положительную связь ($> 0,5$). Более точный коэффициент Спирмена дает значение 0,71, что говорит о сильной положительной связи между переменными. При этом коэффициент Спирмена значим, даже при уровне значимости $\alpha = 0,01$.

С использованием ППП *Excel* проведем корреляционный, дисперсионный и регрессионный анализ первичных статистических данных.

Таблица 2

Регрессионная статистика*

Регрессионная статистика	
Множественный <i>R</i>	0,833853
<i>R</i> -квадрат	0,695311
Нормированный <i>R</i> -квадрат	0,683123
Стандартная ошибка	4634,889
Наблюдения	27

* Источник: составлено автором.

Таблица 3

Дисперсионный анализ*

Показатель	<i>df</i>	<i>SS</i>	<i>MS</i>	<i>F</i>	Значимость <i>F</i>
Регрессия	1	1,23E+09	1,23E+09	57,05082093	6,59097E-08
Остаток	25	5,37E+08	21482199		
Итого	26	1,76E+09			

* Источник: составлено автором.

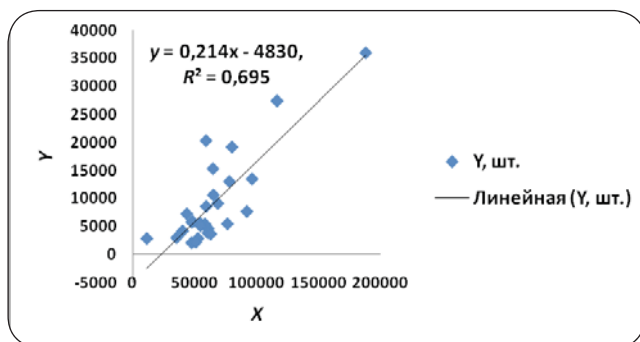
Таблица 4

Коэффициенты регрессии*

Показатель	Коэффициенты	Стандартная ошибка	<i>t</i> -статистика	<i>P</i> -значение	Нижние 95 %	Верхние 95 %
<i>Y</i> -пересечение	-4830,64	2065,151	-2,33912	0,02762	-9083,89	-577,37
Переменная <i>X</i> 1	0,214325	0,028375	7,553199	6,591E-08	0,15588	0,27276

* Источник: составлено автором.

Из приведенных таблиц и графика (рис. ниже) видно, что между уровнем безработицы и уровнем краж в Украине в 2010 г. существует сильная, положительная корреляционная связь, на что указывает коэффициент корреляции ($r = 0,83$). Судя по величине коэффициента детерминации (R^2), 70 % вариации уровня краж объясняет вариация уровня безработицы.

Зависимость краж от уровня безработицы в Украине

Из табл. 3 видно, что уравнение, связывающее переменные, выглядит следующим образом: $\tilde{y} = -4830,64 + 0,2143 \cdot x$, где \tilde{y} – оценочное значение уровня краж, x – уровень безработицы. Судя по значению F -статистики Фишера (57,05), уравнение в целом значимо. О статистической значимости коэффициента регрессии говорит низкий уровень p -значения ($6,591E-08 = 0,0000000659$).

Очевидно, что полученное уравнение пригодно лишь для прогнозирования среднего уровня краж по всем субъектам Украины в зависимости от значения уровня безработицы, но не подходит для прогноза краж по конкретным субъектам Украины, где оценочные уравнения нужно подбирать либо по временным рядам, либо по пространственным (кросс-секционным) вариационным рядам, включающим административно-территориальные единицы, образующие данные субъекты.

Таким образом, нашла подтверждение альтернативная гипотеза H_1 : безработица оказывает ста-

тистически значимое влияние на динамику краж, а нулевая гипотеза H_0 : безработица не оказывает статистически значимого влияния на динамику краж – может быть отвергнута.

Выводы

1) безработица провоцирует совершение краж в Украине, о чем свидетельствует статистически значимый параметрический линейный коэффициент корреляции Пирсона равный 0,83. Судя по величине коэффициента детерминации (R^2), 70 % вариации уровня краж объясняет вариация уровня безработицы;

2) уравнение зависимости имеет вид: $\tilde{y} = -4830,64 + 0,2143 \cdot x$, где \tilde{y} – оценочное значение уровня краж, x – уровень безработицы. Свободный член в уравнении криминологического смысла не имеет (отрицательный), а коэффициент регрессии показывает, что изменение числа безработных на единицу влечет изменение числа краж на 0,214 штук;

3) с учетом высокого коэффициента корреляции и статистически значимого уравнения регрессии можно достаточно точно прогнозировать уровень краж в Украине в зависимости от уровня безработицы в стране, а также осуществлять профилактику числа краж с помощью снижения уровня безработицы.

Список литературы

1. URL: <http://www.ukrstat.gov.ua>
2. URL: <http://www.mvs.gov.ua>

В редакцию материал поступил 25.11.13

© С. Г. Ольков, 2014

Информация об авторе

Ольков Сергей Геннадьевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Институт экономики, управления и права (г. Казань); заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Сургутский государственный университет ХМАО-Югры

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: olkovsg@mail.ru

Как цитировать статью: Ольков С. Г. Влияние безработицы на кражи (криминологическое исследование) // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 273–276.

S. G. OL'KOV,

Doctor of Law, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia,

Surgut State University of Khanty-Mansi Autonomous Region – Yugra, Surgut, Russia

INFLUENCE OF UNEMPLOYMENT ON THEFTS (CRIMINOLOGICAL RESEARCH)

Objective: testing the hypothesis of a dependence between unemployment and theft.

Methods: correlation analysis, regression analysis, analysis of variance; statistical observation, mathematical modeling.

Results: It is revealed that unemployment provokes committing burglaries in the Ukraine, as evidenced by a statistically significant linear parametric Pearson correlation coefficient equal to 0.83, change of the number of unemployed per unit causes a change in the number to 0, 214 thefts.

Scientific novelty: 1) criminological pattern is established, i.e. the positive relationship between the level of theft and unemployment in Ukraine according to the statistics on the Ukraine subjects for 2010. The linear correlation coefficient indicates a strong positive relationship between the variables ($r = 0,83$); coefficient of determination claims that 70% of the theft variation is explained by the variation in the unemployment rate, 2) estimating equation of the correlation is obtained: $\bar{y} = -4830,64 + 0,2143 \cdot x$, where \bar{y} – an estimation of the theft level, x – unemployment rate. Free term in equation has no criminological sense, and the regression coefficient shows that the change in the number of the unemployed per unit causes a change in the number of thefts at 0, 214 units.

Practical value: given the high correlation coefficient and statistically significant regression equation, one can accurately predict the average level of theft in Ukraine according to the level of unemployment in the country.

Key words: criminological patterns; regression; correlation; theft, unemployment; crime; mathematical modeling; analytical jurisprudence, Ukraine.

References

1. <http://www.ukrstat.gov.ua>
2. <http://www.mvs.gov.ua>

Received 25.11.13

Information about the author

Ol'kov Sergey Gennadiyevich, Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Economics, Management and Law (Kazan); Head of the Chair of the Theory and History of State and Law, Surgut State University of Khanty-Mansi Autonomous Region – Yugra

Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90

E-mail: olkovsg@mail.ru

How to cite the article: Ol'kov S. G. Influence of unemployment on thefts (criminological research). *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1(29), pp. 273–276.

© Ol'kov S. G., 2014

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.914

В. С. КАРПОВ,

кандидат юридических наук, доцент, директор

*Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии
Министерства юстиции Российской Федерации, г. Иркутск, Россия*

МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ К ЖЕНЩИНАМ-ПРЕСТУПНИЦАМ. ПРАКТИКА И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цель: изучение практики и проблем применения мер уголовно-правового характера к женщинам-преступницам.

Методы: статистический, сравнительный, формально-логический.

Результаты: на основе проведенного анализа делаются выводы об эффективности применения наказания и других мер уголовно-правового характера, в частности, отсрочки отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющих детей в возрасте до 14 лет.

Научная новизна: предложено понятие мер уголовно-правового характера, которое до настоящего времени отсутствует на законодательном уровне. Проведена систематизация мер уголовно-правового характера, применяемых к женщинам, совершившим преступления, в том числе на основе статистических данных за период времени с 2006 по 2012 гг.

Практическая значимость: определяется совокупностью выводов прикладного характера с точки зрения их использования в деятельности по предупреждению женской преступности и повышению эффективности применения мер уголовно-правового характера к женщинам, совершившим преступления.

Ключевые слова: меры уголовно-правового характера; наказание; освобождение от наказания; женская преступность; профилактика преступности.

Введение

Расширение и обогащение системы мер уголовно-правового характера¹, не связанных с реальным лишением свободы, – современная тенденция уголовно-правовой политики, определяемая принципами гуманизма и экономии репрессий.

В настоящее время идет активный поиск путей сокращения применения реального лишения свободы посредством введения и применения мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. Уголовный закон при применении мер уголовно-правового характера к женщинам, со-

вершившим преступления, предоставляет им ряд серьезных преференций по сравнению с мужчинами. Это обусловлено целым рядом причин: физиология женского организма, состояние беременности, наличие несовершеннолетних детей и т. д. Поэтому цель нашего исследования – изучение практики и проблем применения мер уголовно-правового характера к женщинам-преступницам.

Результаты исследования

В настоящий момент можно говорить о том, что преступность женщин является одной из серьезных криминологических проблем в Российской Федерации [1; 2]. Криминальная ситуация, связанная с женской преступностью, характеризуется как неблагоприятная. Подтверждением этого является существенное изменение в последние годы статистических показателей данного вида преступности (табл. 1).

¹ Автор под мерами уголовно-правового характера понимает предусмотренные уголовным законом средства воздействия, применяемые к физическому лицу в связи с юридически значимым поведением, подпадающим под действие уголовного закона и изменяющим его статус.

Анализ динамики состояния женской преступности в Российской Федерации с 2006 по 2012 гг. показал, что в период с 2006 по 2009 гг. наблюдалась тенденция роста числа женщин, совершивших преступления, в общем числе выявленных лиц. Если в 2006 г. удельный вес преступлений, совершенных женщинами, в общем числе выявленных лиц, составлял 15,1 %, то к 2009 г. этот показатель вырос до 16 %. Можно сказать, что в 2008–2009 гг. каждым седьмым преступником была женщина. Период с 2009 г. по настоящее время характеризуется устойчивой тенденцией снижения уровня женской преступности в России. Причиной этому явилось снижение общего количества выявленных лиц, совершивших преступления.

Следует отметить, что представленный анализ состояния женской преступности базируется на

статистических данных о выявленных органами внутренних дел лицах, совершивших преступления. При этом за пределами анализа остается латентная часть преступлений, о которых в правоохранительные органы не заявлялось или которые по тем или иным причинам не были зарегистрированы. Таким образом, можно говорить о том, что анализируемые данные не в полной мере отражают действительное состояние женской преступности.

Не вдаваясь в глубокий анализ структурных характеристик женской преступности, следует отметить, что для женщин в первую очередь характерно совершение преступлений против собственности: краж, мошенничества, присвоений и растрат. В совокупности корыстные и корыстно-насильственные преступления составляют почти половину всей статистики женских преступлений (рис. 1).

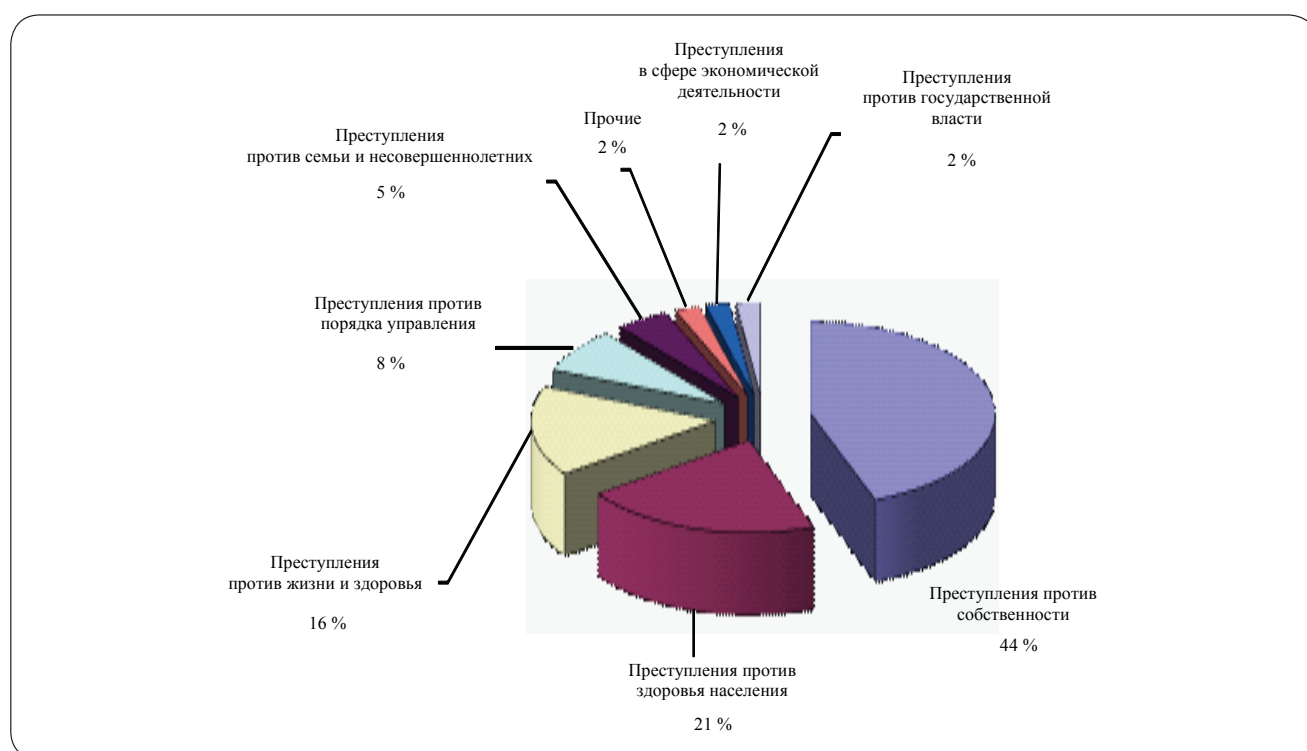

Рис. 1. Структура женской преступности в Российской Федерации в 2012 г. [3]

Таблица 1
Характеристика лиц, совершивших преступления в Российской Федерации в 2005–2012 гг. [3]

Показатель	Год						
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Выявлено лиц, совершивших преступления	1 360 860	1 317 582	1 256 199	1 219 789	1 111 145	1 041 340	1 010 938
Прирост к предыдущему году, %	–	-3,2	-4,7	-2,9	-8,9	-6,3	-2,9
В том числе женщин	204 927	200 892	200 834	194 202	172 375	159 329	154 368
Удельный вес в общем числе выявленных лиц, %	15,1	15,2	16,0	16,0	15,5	15,3	15,3

Кроме того, женщины стали совершать и «мужские» преступления, такие как, например, разбой. Сравнительно новым является и то, что преступницы объединяются в устойчивые группы для их совершения. Второе место по распространенности занимают преступления против здоровья населения. Таковым является каждое пятое преступление. Третью позицию в структуре женской преступности занимают преступления против жизни и здоровья. Их удельный вес – 16 %. Также стоит отметить, что в последнее время возросла жестокость женских преступлений, связанных с грубым насилием над личностью.

В совокупности рассмотренные выше преступления занимают 81 % в структуре женской преступности. Это показывает ее специфику, поскольку структура преступности мужчин представлена более широким спектром совершаемых преступлений.

Масштабы женской преступности, а также ее качественные характеристики говорят о том, что предупреждение преступности женщин лежит в основе решения проблем предупреждения всей преступности [4, с. 34–41].

Предупреждение данного вида преступности, помимо общесоциальных мер, возможно и с по-

мощью мер уголовно-правового характера, среди которых основное место, безусловно, занимает наказание; в связи с этим представляется весьма важным изучить практику его назначения (табл. 2).

Анализ приведенных данных показывает, что среди всех осужденных лиц доля женщин в среднем составляет 14,7 %. Одной из целей наказания является предупреждение совершения новых преступлений, однако изучение практики назначения и исполнения наказаний женщинам показывает, что достижение этих целей можно поставить под сомнение.

Из 13 видов наказаний, закрепленных в УК РФ, наиболее распространенным видом, назначаемым женщинам-преступницам, является лишение свободы. Помимо этого, женщинам назначаются также штраф, лишение права заниматься определенной деятельностью, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы. Однако удельный вес этих видов наказаний в общей структуре наказаний весьма небольшой. Так, доля штрафа в 2012 г. составила примерно 20 %, удельный вес обязательных работ – 11 %, исправительных работ – 6 %, в то время как удельный вес лишения свободы в общей структуре наказаний колеблется от 68 % в 2005 г. до 41 % в 2012 г. (см. табл. 3).

Таблица 2

Основные показатели судимости в Российской Федерации [5]

Показатель	Год						
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего осуждено лиц	909 853	927 054	925 116	892 361	845 071	782 274	739 278
Темп прироста (цепной), %	–	+1,9	- 0,2	-3,5	-5,3	-8,0	-5,8
Осуждено женщин	119 197	132 775	139 791	136 503	128 131	117 218	109 913
Темп прироста (цепной), %		+11,4	+5,3	-2,4	-6,1	-8,5	-6,6
Удельный вес в общем числе осужденных лиц, %	13,1	14,3	15,1	15,3	15,2	15,0	14,9

Таблица 3

Практика назначения мер уголовно-правового характера женщинам (данные по Российской Федерации) [5]

Показатель	Год						
	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Лишение свободы на определенный срок	79 251	82 998	84 427	80 530	71 800	61 893	49 958
Темп прироста (цепной), %	–	+4,7	+1,7	-4,6	-10,8	-16,0	-23,8
Удельный вес в структуре наказаний, %	66,5	62,5	60,4	59,0	56,0	50,1	41,6
Реальное лишение свободы	24 381	24 470	28 584	27 370	25 289	20 783	28 586
Темп прироста (цепной), %	–	+0,4	+16,8	-4,2	-7,6	-21,6	+27,2
Удельный вес в структуре лишения свободы, %	30,8	29,5	33,9	34,0	35,3	33,5	37,2
Условное осуждение к лишению свободы	54 870	58 528	55 843	53 160	46 511	41 110	31 372
Темп прироста (цепной), %	–	+6,7	-4,6	-4,8	-12,5	-13,1	-31,0
Удельный вес в структуре лишения свободы, %	69,2	70,5	66,1	66,0	64,7	66,4	62,7

Так, самым распространенным наказанием, назначаемым женщинам, является лишение свободы. В 2012 г. 41,6 % женщин было назначено лишение свободы на определенный срок, из них 62,7 % отбывают лишение свободы условно. Примерно такая же ситуация наблюдается во всем исследуемом периоде. С 2006 г. удельный вес условного осуждения в структуре лишения свободы изменился незначительно: с 69,2 до 62,7 %. Более половины женщин, которым назначено лишение свободы, отбывают наказание условно. Условное осуждение менее репрессивно, чем реальное лишение свободы, но само его назначение оказывает принудительно-воспитательное воздействие на осужденного, способствуя тому, чтобы он отказался от совершения преступления в будущем. Подобного воздействия, конечно, недостаточно для лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления. Кроме того, в настоящее время эффективный контроль за условно осужденными лицами не осуществляется в полной мере, и женщины попадают в ту же среду, в которой находились до совершения преступления.

Все меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным женщинам, условно можно разделить на три группы. К первой группе относятся обстоятельства, смягчающие наказание в целом, и влияющие на индивидуализацию наказания при его назначении. К таким мерам относятся п. п. «в», «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Беременность признается обстоятельством, смягчающим наказание виновной, прежде всего исходя из принципа гуманизма, что диктуется заботой о здоровье ребенка и самой женщины. При беременности наблюдается повышенная раздражимость, вспыльчивость, и это должно учитываться при назначении наказания, однако в каждом конкретном случае указанное обстоятельство подлежит тщательному исследованию, и ему должна быть дана соответствующая оценка.

Наличие малолетних детей у виновного также рассматривается как обстоятельство, смягчающее наказание, которое требует исследования и соответствующей оценки. Это обстоятельство может быть признано смягчающим в том случае, если установлен не только факт наличия малолетних детей у виновного, но и его участие в их воспитании и материальном содержании. Указанное обстоятельство не может быть признано смягчающим, если виновный лишен родительских прав, длительное

время не проживает с семьей, не занимается воспитанием детей, не оказывает им материальной поддержки, жестоко относится к ним, либо совершил в отношении детей преступные действия.

Ко второй группе мер уголовно-правового характера, применяемых к осужденным женщинам, можно отнести неназначение отдельных видов наказания. Так, по УК РФ, к женщинам не применяются такие виды наказаний, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, не назначаются обязательные и исправительные работы. Принудительные работы не назначаются беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, а также женщинам, достигшим пятидесятилетнего возраста. Арест не назначается беременным женщинам, а также женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет. Кроме того, к женщинам применяются особые (специальные) меры уголовно-правового характера: отсрочка отбывания наказания беременным женщинам; отсрочка отбывания наказания женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет.

К третьей группе мер относятся специфические виды освобождения от уголовного наказания – отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей. Это сравнительно новый институт, введенный в российское законодательство в 1992 г., которым была предусмотрена возможность предоставления отсрочки отбывания наказания женщинам в связи с их беременностью или наличием малолетних детей только во время отбывания ими лишения свободы. Уголовный кодекс 1996 г. предоставил суду право применить отсрочку отбывания наказания в отношении данной категории подсудимых также при вынесении приговора. Этому способствовало и присоединение России ко многим международно-правовым актам в области охраны прав и интересов личности, в том числе малолетних детей, что не могло не сказаться на внутреннем уголовно-правовом законодательстве. Так, в соответствии с п. 1 ст. 24 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.² каждый ребенок без

² Международный пакт о гражданских и политических правах от 16.12.1966. Пакт вступил в силу для СССР с 23 марта 1976 г. // СПС «Консультант Плюс».

всякой дискриминации по какому бы то ни было признаку, в том числе и рождения от осужденной матери, имеет «право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны его семьи, общества и государства». В Конвенции о правах ребенка 1989 г. говорится: «Ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и материальной обеспеченности; малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучен со своей матерью...»³.

Данная мера уголовно-правового характера предусмотрена ст. 82 УК РФ, ее смысл заключается в создании более благоприятных условий для рождения и воспитания ребенка. По своей социально-правовой природе появление данного института обусловлено реализацией естественного права женщин на материнство, на повышение их роли в воспитании детей. Отсрочка отбывания наказания направлена на защиту интересов ребенка и его матери и на решение целей наказания без его реального исполнения.

По своей видовой принадлежности изучаемые меры уголовно-правового характера относятся к институту освобождения от наказания, представляя собой приостановление исполнения назначенного судом наказания в виде лишения свободы, ареста, ограничения свободы, исправительных работ, обязательных работ и являются самостоятельным уголовно-правовым институтом специфического воздействия на осужденных женщин. Кроме того, отсрочка отбывания наказания является своеобразной формой индивидуализации уголовной ответственности. Ее применение призвано содействовать исправлению осужденных женщин, предупреждению совершения ими новых преступлений, а также воспитанию и развитию малолетних детей.

Наказывая женщину за совершенное преступление и заботясь об облегчении участи женщины-матери, закон ограждает в первую очередь малолетних детей, которые вынуждены

следовать за матерью в места лишения свободы или обречены на рождение в этих местах, от незаслуженной кары [6].

Выводы

Анализ судебной практики показал, что более половины женщин, имеющих детей до 14 лет, не получают отсрочки приговора, так как осуждены по так называемым тяжким статьям. Нередки случаи, когда суд не идет навстречу женщинам, имеющим малолетних детей, хотя осуждаются они не за убийство, а за экономические преступления.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о целесообразности многолетней отсрочки от отбывания наказания, предоставляемой беременным женщинам и женщинам, имеющим несовершеннолетних детей (всего возможно до 14 лет). За длительный промежуток времени утрачивается общественная опасность содеянного, фактически наказание не может быть исполнено длительный период. Таким образом, возникает риторический вопрос: какой из двух вариантов лучше? Назначить женщине, совершившей преступление, наказание в виде реального лишения свободы и обязать возместить причиненный вред или дать возможность матери самой вырастить и воспитать ребенка. Однозначного ответа на этот вопрос в настоящий момент нет, однако совершенствование законодательства и обобщение опыта зарубежных государств, думается, должно помочь в выработке единого подхода к данной проблеме.

Список литературы

1. Ильченко О. Ю., Хорошилова А. А. Криминологическая характеристика женской преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 26. С. 67–70.
2. Степанян Ш. У. Современная женская преступность в России и пути ее предупреждения // Российский следователь. 2011. № 8. С. 27–34.
3. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (дата обращения: 25.12.2013)
4. Синьков Д. В. Преступления и наказания женщин: анализ современных тенденций // Криминологический журнал БГУЭП. 2011. № 3(17). С. 34–41.
5. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 25.12.2013)
6. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Ревина. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. URL: <http://base.garant.ru/5746809/#ixzz2vB1RawC0>

В редакцию материал поступил 07.02.14

© Карпов В. С., 2014

³ Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989. Вступила в силу для СССР 15.09.1990. // СПС «Консультант Плюс».

Информация об авторе

Карпов Виктор Сергеевич, кандидат юридических наук, директор, доцент кафедры уголовно-процессуальной и криминалистической, Иркутский юридический институт (филиал) Российской правовой академии Министерства юстиции Российской Федерации

Адрес: 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4

E-mail: bbb740@mail.ru

Как цитировать статью: Карпов В. С. Меры уголовно-правового характера, применяемые к женщинам-преступницам. Практика и проблемы их применения в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 277–282.

V. S. KARPOV,

PhD (Law), Associate Professor, Director

Irkutsk Juridical Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

CRIMINAL-LEGAL MEASURES APPLIED TO WOMEN CRIMINALS, PRACTICE AND PROBLEMS OF APPLICATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Objective: to study the practice and problems of application of criminal-legal measures to women criminals.

Methods: statistical, comparative, formal logical.

Results: basing on the analysis, the conclusions are made about the effectiveness of application of punishments and other criminal-legal measures, in particular, a stay of execution for pregnant women and women having children under the age of 14.

Scientific novelty: the concept of measures of criminal-legal nature is proposed, which up to the present time was not present on the legislative level. Systematization of measures of criminal-legal nature is held, which are applied to women who have committed crimes, including on the basis of statistical data for the period from 2006 to 2012.

Practical value: is determined by a set of conclusions of applied character from the point of view of their use for preventing female crime and improving the efficiency of application of measures of criminal-legal nature to women who have committed crimes.

Key words: measures of criminal-legal nature; punishment; exemption from punishment; female crime; prevention of crime.

References

1. Il'chenko, O. Yu., Khoroshilova, A. A. Criminological characteristics of female crime. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra*, 2012, no. 26, pp. 67–70 (in Russ.).
2. Stepanyan, Sh. U. Modern female crime in Russian and its prevention. *Rossiiskii sledovatel'*, 2011, no. 8, pp. 27–34 (in Russ.).
3. <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (accessed: 25.12.2013)
4. Sin'kov, D. V. Crime and punishment of women: analysis of modern trends. *Kriminologicheskii zhurnal BGUEP*, 2011, no. 3(17), pp. 34–41 (in Russ.).
5. <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (accessed: 25.12.2013)
6. Revin, V. P. *Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya chast'* (Criminal Code of Russia. General part). Moscow, 2009, available at: <http://base.garant.ru/5746809/#ixzz2vB1RawC0>

Received 07.02.14

Information about the author

Karpov Viktor Sergeevich, PhD (Law), Director, Associate Professor of the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics, Irkutsk Juridical Institute (branch) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation

Address: 4 Nekrasova St., 664011 Irkutsk

E-mail: bbb740@mail.ru

How to cite the article: Karpov V. S. Criminal-legal measures applied to women criminals, Practice and problems of application in the Russian Federation. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 277–282.

© Karpov V. S., 2014

УДК 343.914

Л. Р. КОМАРОВА,

кандидат юридических наук, доцент

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия*

ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ – ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Цель: определение сущности и функционального назначения доследственной проверки в структуре уголовного судопроизводства.

Методы: диалектический, формально-логический, сравнительного анализа.

Результаты: на основе анализа норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, устанавливающих в перечне мероприятий по проверке сообщения о преступлении производство следственных действий, обоснована необходимость совершенствования структуры досудебного производства. Внесено предложение о включении в систему уголовного процесса стадии доследственной проверки. Особое внимание уделено анализу признаков, определяющих место проверочной деятельности в системе стадий отечественного уголовного процесса, освещены наиболее актуальные проблемы предварительного этапа судопроизводства, ставшие предметом острых дискуссий.

Научная новизна: доследственная проверка рассматривается на новом уровне как этап, предшествующий производству по уголовному делу. Раскрыто содержание новой стадии, определено ее место в структуре уголовного судопроизводства. Теоретически обоснована важность выделения доследственной проверки в самостоятельную стадию.

Практическая значимость: в возможности совершенствования структуры досудебного производства посредством закрепления первоначального этапа производства следственных действий. Вывод о функциональной целесообразности существования стадии доследственной проверки позволяет определить основные направления модернизации уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: доследственная проверка; возбуждение уголовного дела; содержание стадии проверки сообщения о преступлении.

Введение

Правоприменительная деятельность, связанная с раскрытием преступлений и лиц, их совершивших, осуществляется в различных формах, что вызывает неоднозначные истолкования ее содержания и определения ее понятий. Научный интерес к структуре досудебного производства обостряется в связи с постоянным совершенствованием процедуры предварительной подготовки – этапа, который начинается после принятия уполномоченным субъектом сообщения о преступлении и заканчивается направлением прокурором уголовного дела в суд для рассмотрения его по существу (п. 9 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации). Обязанность проверить сообщение о преступлении до принятия по нему соответствующего решения, установленная уголовно-процессуальным законом, на практике прочно утвердилась в качестве самостоятельного этапа процессуальной деятельности. Детально регламентированная законом проверка сообщения о преступлении – доследственная проверка – при-

звана способствовать недопущению принятия незаконных и необоснованных решений о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела и более полному установлению оснований к возбуждению уголовного дела.

В последнее время вопросам досудебного производства в литературе уделяется достаточно внимания, однако большинство суждений связано с проблемой защиты прав и свобод личности в ходе ее осуществления, либо обоснованием правомерности использования в качестве доказательств результатов следственных действий, произведенных в ходе проверки. В то же время постоянная корректировка норм УПК РФ, ориентированная на требования правоприменительной практики, подвергла существенному изменению институты досудебного производства и сформировала новый этап процессуальной деятельности. Сложившиеся в уголовно-процессуальной науке представления о доследственной проверке как процессуальной деятельности, которая производится вне рамок судопроизводства, не со-

ответствуют действующему законодательству. Поэтому содержание деятельности по фактическому установлению основания для возбуждения уголовного дела обуславливает необходимость ее теоретического обоснования, переосмысления ее сущности и значения в системе стадий уголовного судопроизводства.

В структуре досудебного производства принято выделять две стадии: стадия возбуждения уголовного дела и стадия предварительного расследования. Попытки представить сообщение о совершении преступления в качестве самостоятельной стадии уголовного процесса, отличной от стадии возбуждения уголовного дела [1, с. 5, 6], подвергаются критике в связи с тем, что все этапы (стадии) процессуальной деятельности, регламентированные гл. 19 и 20 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, объединены общими целями, задачами и единым субъектным составом. Невозможность выделения проверки сообщения о преступлении в самостоятельный этап производства традиционно объяснялась отсутствием итогового документа, завершающего любую стадию процесса [2, с. 239].

Федеральным законом № 23-ФЗ от 04 марта 2013 г. «О внесении изменений и дополнений в ст. 63 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ расширен перечень проверочных действий, которые разрешается проводить до возбуждения уголовного дела. В их число включено назначение и производство судебной экспертизы и получение образцов для сравнительного исследования. Кроме названных процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе: производить осмотр места происшествия, трупа, предметов и документов, освидетельствование; получать объяснения; изымать предметы и документы; давать поручения органу дознания о производстве оперативно-розыскных мероприятий; проводить ревизии и документальные

проверки (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Таким образом, законодательное закрепление возможности осуществлять процессуальную деятельность до принятия решения о возбуждении уголовного дела привело к трансформации структуры досудебного производства и вызывает необходимость совершенствования представлений о последовательной проверке как о первоначальном этапе процессуальной деятельности.

Важное значение при исследовании структуры судопроизводства имеет и вызвавший острую полемику вопрос о разграничении последовательной проверки и стадии возбуждения уголовного дела [3, с. 48]. Поддерживая предложения об упразднении стадии возбуждения уголовного дела, Ю. В. Деришев исходит из того, что это реликт социалистической законности [4, с. 179–197]. Другие авторы отмечают проблемы в реализации стадии возбуждения уголовного дела, одна из которых выражается в стремлении органов расследования «уже в этот момент достоверно, т. е. с несомненностью, установить факт преступления» [5, с. 191]. При этом утверждается, что для возбуждения уголовного дела достаточно обоснованного предположения о том, что преступление имело место в действительности.

Очевидно, что новые положения уголовно-процессуального закона формируют современную модель досудебного производства. В уголовно-процессуальном законе момент начала уголовного судопроизводства четко не определен, однако отдельные нормы, позволяющие определить начальный момент производства по делу, закреплены в гл. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующей права и обязанности участников судопроизводства. В частности, в п. 6 части 2 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность участия защитника в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. При этом норма ч. 2 ст. 21 УПК РФ обязывает прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя в случае обнаружения признаков преступления принимать меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в его совершении. Таким образом, начало уголов-

¹ О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 23-ФЗ от 04.03.2013 (ред. от 28.12.2013) // Российская газета. 2013. 6 марта. № 48.

ного судопроизводства определяется моментом производства следственных действий, которые правоприменитель может осуществлять в ходе доследственной проверки в целях установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Следует отметить различие между понятиями «уголовное судопроизводство», которое включает проверочную деятельность до возбуждения уголовного дела, и «производство по уголовному делу» [6, с. 62, 64]. Досудебное производство по уголовному делу начинается с выполнения процессуальной обязанности дознавателя, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа принять и проверить сообщение о преступлении. Уголовное преследование осуществляется с момента обнаружения признаков преступления и в отношении неустановленного преступника путем обнаружения и закрепления следов преступления, принятия иных мер с целью последующего изобличения виновного в совершении преступления и привлечения его к уголовной ответственности. Такие меры в ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации законодатель именуется «процессуальными», подтверждая начало уголовного процесса до возбуждения уголовного дела.

Правомерность такого вывода подтверждается отчетливой позицией законодателя по поводу начала процессуальной деятельности в Федеральном законе № 220-ФЗ от 23 июля 2013 г. «О внесении изменения в ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»². В законе закреплено право обжалования постановления, а также иного решения, действия (бездействия) правоприменителя, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, в районный суд по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Из содержания ч. 1 ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следует вывод о возможности защиты

прав граждан, нарушенных в ходе доследственной проверки, до начала предварительного расследования. Субъекты обжалования наделены статусом участников уголовного судопроизводства, который обеспечивается и иными гарантиями, вытекающими из положений ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Исходя из того, что проверочные действия осуществляются в рамках уже начатого досудебного производства и не могут находиться за пределами стадий уголовного процесса, утрачивает свою актуальность разграничение деятельности субъектов правоприменения по признаку «процессуальности» и «непроцессуальности». Не стоит забывать, что и ранее в учебной литературе начало процессуальной деятельности связывалось с поводом для возбуждения уголовного дела [7, с. 315].

Особого внимания заслуживает предположение исследователей о том, что в связи с расширением перечня процессуальных действий, производимых до возбуждения уголовного дела (ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), в структуре досудебного производства «происходит, по сути, поглощение стадией предварительного расследования стадии возбуждения уголовного дела» [8, с. 23–28]. Полагаем, что приведенная точка зрения не учитывает самостоятельную цель проверки сообщения о преступлении и более узкие задачи, решаемые в процессе проверки. Более того, характер этих нововведений свидетельствует об иной направленности реформ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Не пытаясь предугадать дальнейшие шаги законодателя на пути преобразований уголовного процесса, приходится признать, что доследственная проверка, в процессе которой формируются доказательства, закономерно приобретает новый юридический статус.

Аргументом обоснованности нашей позиции могут служить выводы, следующие из анализа признаков, свойственных каждой стадии уголовного процесса: цель и задачи, определенный круг субъектов, особая процессуальная форма и итоговое процессуальное решение [1, с. 168]. Отметим некоторые из них, прежде всего, определяющие сущность проверки сообщения о преступлении.

Самостоятельная цель доследственной проверки заключается в установлении наличия либо отсутствия достаточных данных для возбуждения

² О внесении изменения в ст. 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон № 220-ФЗ от 23.07.2013 // Российская газета. 2013. 26 июля. № 163.

уголовного дела, задачи проверочной деятельности специфичны. К ним, в частности, относятся прием и регистрация сообщений о преступлениях, принятие мер, направленных на предотвращение преступной деятельности. В то же время на доследственную проверку возлагается ряд дополнительных задач, которые обеспечивают дальнейшее производство по уголовному делу. Так, задачи по раскрытию преступлений, фиксации следов преступления, совершению процессуальных действий, направленных на получение материалов, необходимых для производства по делу, характерны для стадии предварительного расследования. Такая связь способствует эффективному функционированию доследственной проверки в системе стадий уголовного процесса.

Субъектный состав доследственной проверки определяется лицами, участвующими в производстве следственных действий, а также должностными лицами, разъясняющими права и обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законом, и обеспечивающими возможность осуществления этих прав. Исходя из того, что на данном этапе могут появиться сведения о причастности определенного лица к совершенному деянию, при проверке сообщения о преступлении могут собираться сведения, необходимые для наделения лица статусом преследуемого. Здесь особенно остро встает вопрос о защите прав и законных интересов не только лиц, права которых нарушены в результате совершения преступления, но и иных лиц, подвергаемых проверке. Будучи вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства, «участники процессуальных действий» наделяются правами и обязанностями, предусмотренными ч. 1.1. ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. В случае принятия решения о возбуждении уголовного дела начинается официальный процесс расследования, порождающий специфические права и обязанности конкретных участников производства по уголовному делу и, более того – ограничения, связанные с их специальным уголовно-процессуальным статусом.

Убедительным доказательством существования стадии доследственной проверки является возможность использования в качестве доказательств сведений, полученных в ходе предварительной проверки (ч. 1.2. ст. 144 УПК РФ).

Речь здесь идет не о собирании материалов, а формировании системы доказательств, которые проверяются и приобщаются к материалам дела. Необходимо согласиться с мнением исследователей о слиянии расследования и предварительной проверки и целесообразности ликвидации стадии возбуждения уголовного дела [9, с. 23–28]. Все же, бесспорно, что проверочные действия ограничены определенными рамками. Они осуществляются лишь в целях установления наличия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, если сведений о преступлении, содержащихся в источнике информации, недостаточно для возбуждения уголовного дела.

Постановление о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовного дела – итоговое процессуальное решение, которое завершает доследственную проверку и ограничивает ее от других стадий процесса. Вместе с тем итоговым решением можно считать и вывод о наличии или отсутствии признаков преступного деяния. Такое суждение представляется правильным, если рассматривать уголовный процесс как некоторую целостность, систему, каждый элемент которой имеет определенное назначение и выполняет специфические функции.

Выводы

Таким образом, существование стадии исполнения приговора не связано с принятием итогового процессуального решения, а производство следственных действий – это суть и содержание стадии предварительного расследования. Сведение стадии к исключительно формальным моментам посредством упрощения структуры досудебного производства противоречит устойчивым в науке подходам к уголовному процессу как целостному, сложно организованному механизму. Ф. А. Григорьева и А. Д. Черкасова, рассматривая применение права как единый сложный процесс, выделяют три основных его стадии, а именно: установление фактической основы дела, установление юридической основы дела и принятие решения по делу. Авторы подчеркивают, что отмеченные стадии применимы к любому виду юридического процесса, в том числе к уголовному [10, с. 414].

Формальный акт, который служит началом предварительного расследования либо завершает

производство, является итоговым решением деятельности, в ходе которой проверяется сообщение о преступлении. Поэтому следует признать, что последовательное совершенствование процедуры досудебного производства сформировало самостоятельный этап процессуальной деятельности – доследственную проверку – стадию, необходимую для обеспечения законности и обоснованности дальнейшего производства по уголовному делу.

Список литературы

1. Алексеев С. Н., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 438 с.
2. Чашин А.Н Досудебное производство в уголовном процессе. М.: Дело и Сервис, 2013. – 336 с.
3. Тomin В. П., Поляков М. П., Попов А. П. Очерки теории эффективного уголовного процесса / ред. проф. В. П. Томина. Пятигорск, 2000. 458 с.
4. Деришев Ю. В. Концепция уголовного досудебного производства в правовой доктрине современной России. Омск: Омская академия МВД России, 2004. 361 с.

5. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики: учебник для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. 2-е изд., перераб и доп. М.: Юрайт, 2013. 476 с.

6. Кузнецов Н. П. О регламентации в УПК понятий «уголовное судопроизводство» и «производство по уголовному делу» // Развитие и применение уголовно-процессуального законодательства. Воронеж, 1987. 214 с.

7. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский / общ. ред. проф. А. В. Смирнова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: КНОРУС, 2008. 704 с.

8. Александров А. С., Лапатников М. В. Старые проблемы доказательственного права в новой процессуальной упаковке «сокращенного дознания» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской Академии МВД РФ. 2013. № 22. С. 23–28.

9. Алексеев С. Н., Даев В. Г., Кокорев Л. Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. 568 с.

10. Григорьев Ф. А., Черкасов А. Д. Применение права // Теория государства и права. М., 1997. 614 с.

В редакцию материал поступил 28.02.14

© Комарова Л. Р., 2014

Информация об авторе

Комарова Лилия Рифовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры основ правоохранительной деятельности юридического факультета им. М. М. Сперанского, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Адрес: 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 1

E-mail: kliliar@mail.ru

Как цитировать статью: Комарова Л. Р. Проверка сообщения о преступлении – первоначальная стадия уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1 (29). С. 283–288.

L. R. KOMAROVA,

PhD (Law), Associate Professor

Russian Academy of Economy and State Service of the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

VERIFICATION OF THE CRIME INFORMATION AS THE INITIAL STAGE OF CRIMINAL COURT PROCEDURE

Objective: to determine the nature and functional purpose of the preliminary investigation in the structure of criminal proceedings.

Methods: dialectical, formal logical, comparative analysis.

Results: basing on the analysis of norms of the Criminal-Procedural Code of the Russian Federation which include preliminary investigation in the list of activities for verification of a crime report, the necessity is proved to promote the structure of pre-court procedure. Proposition is made to include the pre-court verification into the system of criminal procedure. Special attention is paid to the analysis of features which determine the place of verification activity in the system of the stages of criminal proceedings in Russia. The most topical problems of the preliminary stage of the proceedings are shown, which have recently become the subject of sharp discussions.

Scientific novelty: preliminary examination is considered on a new level as a stage preceding the criminal procedure. The content of the new stage is revealed, its place in the structure of criminal court procedure is defined. The importance to extinguish the preliminary examination into a special stage is theoretically proved.

Practical value: the possibility to improve the structure of pre-court proceedings, by strengthening the initial stage of investigation. The conclusion about the functional expediency of existence of the pre-investigation verification allows to determine the main directions of modernization of criminal-procedural legislation.

Key words: pre-investigation verification; initiation of a criminal case; content of the stage of verification of a crime report.

References

1. Alekseev, S. N., Daev, V. G., Kokorev, L. D. *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugovnogo protsessa* (Sketch of development of the science of Soviet criminal procedure). Voronezh, 1980. 438 p.
2. Chashin, A. N. *Dosudebnoe proizvodstvo v ugovnom protsesse* (Pre-court procedure in the criminal process). Moscow: Delo i Servis, 2013. 336 p.
3. Tomin V. P., Polyakov, M. P., Popov, A. P. *Ocherki teorii effektivnogo ugovnogo protsessa* (Sketches of the theory of effective criminal procedure / edit.by Prof V. P. Tomin). Pyatigorsk, 2000. 458 p.
4. Derishev, Yu. V. *Kontseptsiya ugovnogo dosudebnogo proizvodstva v pravovoi doktrine sovremennoi Rossii* (Conception of the criminal pre-court procedure in the legal doctrine of the modern Russia). Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2004. 361 s.
5. Lazarev, V. A., Tarasov, A. A. *Ugovno-protsessual'noe pravo. Aktual'nye problemy teorii i praktiki* (Criminal-procedural law. Topical issues of theory and practice. Moscow: Yurait, 2013. 476 p.
6. Kuznetsov, N. P. O reglamentatsii v UPK ponyatii "ugovnoe sudoproizvodstvo" i "proizvodstvo po ugovnomu delu" (On regulation of notions "criminal procedure" and "procedure of a criminal case" in the Criminal Procedural Code). *Razvitie i primeneniye ugovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva*. Voronezh, 1987. 214 p.
7. Smirnov, A. V., Kalinovskii, K. B. *Ugovnyi protsess* (Criminal process). Moscow: KNORUS, 2008. 704 p.
8. Aleksandrov, A. S., Lapatinikov, M. V. Old problems of the law of evidence in the new procedural package of "reduced inquest". *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD RF*, 2013, no. 22. pp. 23–28 (in Russ.).
9. Alekseev, N. S., Daev, V. G., Kokorev, L. D. *Ocherk razvitiya nauki sovetskogo ugovnogo protsessa* (Sketch of development of the science of Soviet criminal procedure). Voronezh, 1980. 568 p.
10. Grigor'ev, F. A., Cherkasov, A. D. *Primeneniye prava* (Application of law). *Teoriya gosudarstva i prava*. Moscow, 1997. 614 p.

Received 28.02.14

Information about the author

Komarova Liliya Rifovna, PhD (Law), Associate Professor of the Chair of Fundamentals of Law Enforcement Activity of Law Faculty named after M. M. Speranskiy, Russian Academy of Economy and State Service of the President of the Russian Federation, Moscow
Address: 82, building 1 Prospekt Vernadskogo, 119571, Moscow
E-mail: kliliar@mail.ru

How to cite the article: Komarova L. R. Verification of the crime information as the initial stage of criminal court procedure. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 1 (29), pp. 283–288.

© Komarova L. R., 2014

Процессуальные, криминалистические, уголовно-правовые и криминологические проблемы ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления в России и Германии: материалы Международного научно-практического форума в рамках Года Германии в России 2012/13, 4–5 апреля 2013 г. / отв. ред. А.Г. Никитин, Э.Ю. Латыпова. – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2013. – 452 с.

В сборнике представлены доклады по широкому спектру вопросов, касающихся квалификации, расследования и рассмотрения тяжких и особо тяжких преступлений в России и Германии.

Предназначен для научных и педагогических работников, практикующих юристов, аспирантов, студентов и всех интересующихся проблемами ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления в России и Германии.

УДК 343.156

А. А. ЮНУСОВ,

доктор юридических наук, доцент, профессор

Институт экономики, управления и права (г. Казань), Россия,

Н. Н. МАЗИНА,

мировой судья

судебный участок № 10 г. Набережные Челны РТ, Россия

ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АПЕЛЛЯЦИОННОГО ПОРЯДКА ПРОВЕРКИ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (до реформ от 29.12.2010)

Цель: на основе исследования становления и развития в российском праве апелляционного порядка проверки судебных решений в российском уголовном процессе и сравнительного историко-правового анализа данного уголовно-процессуального института отследить проблемы и тенденции развития апелляции на современном этапе и определить, соответствует ли действительности провозглашенный российским законодателем тезис о праве каждого на справедливую судебную защиту.

Методы: всеобщий диалектический метод познания, метод сравнения, исторический, формально-юридический, а также специальные и частноправовые методы исследования.

Результаты: анализ основных проблем и коллизий апелляционного порядка проверки судебных решений в российском уголовном процессе, доктрина и практика реализации данной формы проверки дают возможность уяснить побудительные мотивы и основные векторы тех российских реформ, которые связаны с распространением апелляционной формы проверки на все виды судебных решений, вынесенных по первой инстанции (Закон № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г.). Данный анализ в состоянии стать методологической базой для оценки оптимальности как введенных нормативных новаций, так и практики их применения в изменившихся процессуальных условиях.

Научная новизна: авторы, отказавшись от формального описания генезиса апелляционного производства как в российском уголовном процессе, так и в его зарубежных аналогах, считают, что в центре внимания должны оказаться узловые проблемы, а не отдельные частности апелляционного производства, которые легко минимизируются общим смыслом закона, устоявшимся правосознанием участников правовых отношений, наработанной практикой и положениями научной доктрины. В этом контексте в качестве основных названы следующие пробелы нормативной регламентации апелляционного производства и коллизий его практической реализации: о необходимости апелляционной формы проверки в уголовном процессе России; о положительных и отрицательных составляющих апелляции в сравнении с кассационной формой проверки в российском уголовном процессе; о пределах полномочий суда апелляционной инстанции при проверке приговора или пересмотре (в целом) уголовного дела.

Практическая значимость: сформулированные в исследовании теоретические выводы могут и должны быть использованы в научной, законотворческой и практической судебной деятельности, имея целью формирование оптимальной формы нового апелляционного производства.

Ключевые слова: апелляционное производство; предмет и пределы проверки суда; кассация; полная и неполная апелляция.

Введение

При обращении к комплексному монографическому исследованию принято, прежде всего, анализировать генезис того или иного явления, скрупулезно в итоге описывая его становление на определенных временных этапах. Столь же «доброй» традицией является одновременное описание максимально известного количества

нормативно-исторических памятников и цитирование авторитетных представителей отраслевой научной доктрины с теми или иными нюансами трактующих основные постулаты и термины избранного к исследованию явления. Все это, признаем, и методологически правильно, и отчасти оправдано, поскольку (на определенном этапе) позволяет более полно и всесторонне познать

истоки и закономерности исследуемого явления, его сущность и назначение в государственно-правовом механизме. Вместе с тем бесчисленные повторы описательного по форме и содержанию характера изученных доктринами явлений, лишённые познавательной ценности, если и приводятся в исследованиях, то лишь в силу «традиции», не добавляя ничего нового к предмету познания.

В связи с этим мы отказываемся от формального описания (в целом изученного) генезиса апелляционного производства как в российском уголовном процессе, так и его зарубежных аналогах. Эти моменты в достаточной мере нашли свое отражение практически в каждой работе, посвященной сути и содержанию апелляционного производства в уголовном процессе, и при необходимости всегда лучше обратиться к первоисточникам познавательной информации [1–4], а не к их парафразу, окрашенному субъективным восприятием того или иного исследователя. Более продуктивным для предмета и непосредственных исследовательских задач видится анализ не столько генезиса апелляционного производства, сколько тех основных проблем и коллизий, которые влекут за собой нормативное регулирование, доктрина и практика реализации данной формы проверки.

Во-первых, именно правильное понимание указанных обстоятельств позволит оценить реальную эффективность апелляционной формы проверки судебных решений (в конкретных социально-исторических условиях). Во-вторых, даст возможность уяснить побудительные мотивы и основные векторы тех российских реформ, которые связаны с распространением апелляционной формы проверки на все виды судебных решений, вынесенных по первой инстанции (Закон № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г.). В-третьих, указанный анализ в состоянии стать методологической базой для оценки оптимальности как введенных нормативных новаций, так и практики их применения в изменившихся процессуальных условиях. При этом в центре внимания должны оказаться узловые проблемы, а не отдельные частности апелляционного производства, которые легко минимизируются общим смыслом закона, устоявшимся правосознанием участников правовых отношений, наработанной практикой и положениями научной доктрины.

В этом контексте в качестве основных, прежде всего, названы следующие пробелы нормативной регламентации апелляционного производства и коллизий его практической реализации:

Результаты исследования

1. О необходимости апелляционной формы проверки в уголовном процессе России. Как известно, категорически отказавшись – по итогам известных событий октября 1917 г. – от апелляции, доктрина «советской» уголовно-процессуальной науки традиционно обосновывала принципиальную ее неприемлемость для уголовного судопроизводства России, как минимум, следующими политико-идеологическими доводами. Во-первых, указывалось на то, что: «призванный формально осуществлять проверку вынесенных приговоров путем нового рассмотрения дела по существу, апелляционный пересмотр не отвечает основным требованиям, предъявляемым к рассмотрению и разрешению дел по существу» [5]. В силу данной «ущербности» указанная форма проверки судебных решений не отвечает ни роли социалистического правосудия, ни интересам заинтересованных лиц. Во-вторых, принципиально подчеркивалось, что «основным звеном советской (авт.) судебной системы являлся народный суд, наиболее близкий к населению и рассматривающий основную массу судебных дел. Установление над ним апелляционной инстанции, повторяющей всю процедуру судебного рассмотрения и выносящей новый приговор, неизбежно перенесло бы центр тяжести судебной деятельности с суда первой инстанции на апелляционный суд» [6]. Последнее, естественно, столь явно нивелировало идею «народного суда», что любые попытки поставить на обсуждение потребность в апелляции в системе производств уголовного судопроизводства России отменялись как идеологически вредные, несовместимые с подлинно демократическим строем процесса.

В связи с этим в историческом срезе потребность в организации апелляционной формы проверки постановленных актов суда если и обсуждалась, то: (1) либо в контексте действия правила *res judicata*, которое неизбежно ставится под сомнение безусловным правом апелляционной инстанции на новый пересмотр уголовного дела по существу и постановление нового при-

говора; (2) либо в контексте продуктивности данной формы проверки применительно к итоговым актам суда, постановленным в отдельных процессуальных порядках.

Для понимания сути первой проблемы обратимся, к примеру, к позиции одного из деятелей судебной реформы 1864 г. Н. В. Давыдова. «В идеале, – писал в свое время указанный автор, – уголовное дело может подлежать судебному разбирательству лишь один раз. Произнесенный приговор должен почитаться неизменным, неподлежащим пересмотру: *res judicata pro veritate habetur*» [7, с. 31]. Соответственно, при правильной постановке процесса доказывания в суде первой инстанции и обеспечении реального равенства прав сторон по распоряжению своими правами объективной потребности в апелляции не имеется. Для нее просто нет необходимой основы. Материальная или формальная истина, нормативно закрепленная в качестве легальной цели доказывания, должна быть достигнута уже по рассмотрению дела в первой инстанции. Таким образом, «...суды должны внушать доверие к справедливости своих решений» [8] как истинных, законных и обоснованных.

Вместе с тем очевидно и то, что указанная выше конструкция, если и может существовать в реальной действительности, то лишь в идеале. Это косвенно признает и цитируемый Н. В. Давыдов. Во-первых, в силу того, что именно данным условием он изначально оговаривает ход дальнейших своих рассуждений. Во-вторых, буквально на следующей странице той же работы Н. В. Давыдов пишет о том, что: «...как ни был бы совершен процесс, какими гарантиями справедливости ни было обеспечено произнесение судьями решений, но и в суде, как во всякой человеческой деятельности, возможны ошибки» [7, с. 32]. Соответственно, ставится вопрос об эффективном механизме исправления данных ошибок.

Достаточно категоричен в этом вопросе и Владимир Случевский, который обоснованно утверждал, что ни одно законодательство не в состоянии ограничить правосудие от ошибок, единственным средством от которых является полное освобождение виновных от уголовной ответственности. Однако подобное средство, как резюмирует указанный автор, не может себе

позволить ни одно государство, поскольку оно неизбежно приведет к его разрушению [9–11].

Практически каждый исследователь отмечает, что поскольку в уголовных приговорах не может быть терпима никакая неправда и никакая несправедливость, «...в уголовном судопроизводстве должны быть все средства, все меры для того, чтобы предупредить и устранить от уголовного приговора ту и другую» [12]. При этом система указанных средств должна быть организована таким образом, чтобы их применение, с одной стороны, не умаляло авторитет постановленных судебных решений (*res judicata*); с другой – позволяло бы эффективно исправить любую из судебных ошибок, обеспечить торжество справедливости [13].

Истории уголовного судопроизводства России известны три формы проверки постановленных судебных решений: ревизия, кассация и апелляция. Генезис советского и постсоветского функционирования уголовно-процессуального права установил еще одну форму проверки – надзорное производство, аналоги которого практически неизвестны иным процессуальным системам. Оставим за рамками рассмотрения, во-первых, ревизию; во-вторых – надзорное производство. От первого средства проверки российский законодатель категорически отказался еще с принятием Устава уголовного судопроизводства России (1864), и если отдельные свойства публичной ревизии и проявляют себя в процессуальной форме какого-либо вида проверки, то лишь в качестве необходимого правила, изначально трактуемого как средство обеспечения единой публичной законности. Эта тема хорошо изучена [14], и потому не будет являться предметом исследования в данной работе. Второе – сугубо российское средство проверки окончательных актов суда, реализуемое по исключительным поводам и в исключительном процессуальном порядке [15; 16].

В силу изначально определенного предмета исследования и это средство проверки оставлено за рамками данной работы. Таким образом, объективная потребность в апелляции в российском уголовном процессе если и подвергалась оценке, то лишь в контексте сравнительно-правового анализа достоинств и явных негативных моментов функционирования «советской» кассации. Мы еще вернемся к рассмотрению этих моментов,

а пока отметим, что определяющим для данной дискуссии стал итоговый тезис, что даже весомые преимущества «советской» модели кассации не в состоянии обеспечить те процессуальные гарантии и ту правосудность приговора, которые в состоянии гарантировать апелляция. Наиболее обстоятельно эти моменты, на наш взгляд, рассмотрены, в работе О. А. Суховой [17].

Новый импульс к обсуждению потребности апелляции для национальной судебной системы дала ратификация Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1998); в том же ряду – признание на конституционном уровне юридической ценности общепризнанных принципов и норм международного права, в той или иной мере гарантирующих право заинтересованных лиц именно на апелляционный порядок проверки постановленных актов суда.

Возражения отдельных авторов, что положения Европейской Конвенции не имеют ни малейшего отношения к дискуссиям и предложениям о введении апелляции в российский судебный процесс [18], как известно, не были восприняты ни научной доктриной, ни законодателем. В итоге, 7 августа 2000 г. апелляция состоялась как данность и для современного уголовного судопроизводства России¹, правда, в несколько «усеченном» ее варианте, ибо в указанном процессуальном порядке могли быть проверены исключительно акты мирового судьи. Что касается актов иных судов судебной системы России, не вступивших в законную силу, они, как известно, подлежали проверке исключительно в кассационном порядке [13, с. 39–41]. Тем не менее повторимся, апелляция как самостоятельная форма проверки постановленных актов суда состоялась и, соответственно, дискуссия о наличии ее объективной потребности в современном уголовном процессе России исчерпала себя.

Вторая сторона дискуссии оказалась более содержательной; суть разногласий в основном сводилась к реальной эффективности и потребности апелляции для проверки отдельных итоговых актов суда. Еще Владимир Случевский, несколько сомневаясь в достоинствах апелляции примени-

тельно к итоговым актам суда, постановленным в суде с участием присяжных заседателей, писал, что «апелляция может быть применима только по отношению к тем судебным приговорам, которые мотивируются, так как только основания этих приговоров могут быть проверены по существу» [9, с. 625]. Причем проверены именно (эффективными познавательными) апелляционными, а не ограниченными кассационными средствами. Между тем фактическая сторона приговоров, постановленных на основании вердикта присяжных, изначально не подлежала проверке вышестоящим (коронным) составом суда.

В том же контексте на излишность апелляции указывал А. Фон-Резон, подчеркивая, что в данном процессуальном порядке не могут быть проверены приговоры, постановленные в суде с участием присяжных заседателей. При этом суть указанного запрета (в целом) сводилась к тому, что вердикт коллегии присяжных заседателей есть акт реализации народной воли, которая не нуждается в мотивировке, в достаточном обосновании итоговых выводов. Соответственно, эти выводы не могут быть проверены по существу в суде вышестоящей инстанции, в силу чего апелляция изначально «теряет» свою эффективность для проверки отдельных актов суда [19].

Радикальным итогом данной дискуссии послужили доктринальные предложения об отказе от апелляции с одновременным введением такого порядка, при котором любое из уголовных дел по первой инстанции могло быть рассмотрено в суде с участием коллегии присяжных заседателей. И. Я. Фойницкий по этому поводу писал: «С пожертвованием апелляции можно примириться лишь в том случае, если построение производства по первой инстанции и предшествующего ему в полной мере обеспечивает интересы правосудия, а это, в свою очередь, может быть признано только при участии народного элемента» [20].

Однако концепция распространения суда присяжных как идеала уголовной юстиции на все категории дел не была воспринята ни практическими деятелями великой судебной реформы XIX в. (1864 г.), ни проводниками Концепции судебной реформы в Российской Федерации образца 1991 г. Напротив, воля законодателя в этом вопросе все более последовательно являет образцы закономерностей идентичных с известными

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон РФ от 7 авг. 2000 г. // Российская газета. 2000. 10 авг.

судебными контрреформами России 1881 г., а именно: подсудность уголовных дел суду присяжных все более сокращается. Причины такого подхода в большинстве своем носят политико-идеологический характер.

Отдельные из рассмотренных проблем объективно явили себя и в современном уголовно-процессуальном законе, поскольку, к примеру, приговор, постановленный по правилам гл. 40 УПК РФ, не может быть обжалован и проверен вышестоящим судом по мотивам несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела (ст. 317 УПК РФ). Соответственно, и в данном случае эффективные средства апелляционного производства не могут быть реализованы для проверки важнейшей составляющей данного приговора – его фактической части. В этом контексте дискуссия об объективной потребности апелляции (для отдельных видов решений суда), как видим, не только не утихает, но и приобретает новые стороны; особенно, в контексте тех нормативных новаций, которые предложены Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г.

В рамках той же дискуссии ставился на обсуждение также вопрос об эффективности и, отчасти, самой необходимости апелляции применительно к проверке итоговых решений суда, постановленных по первой инстанции в коллегиальном «коронном» составе. Еще А. Фон-Резон писал: «Лучшее средство против недосмотров первой инстанции – отмена апелляции, и облегчение непосильного труда членов суда, увеличением их числа» [19, с. 71].

Итоговым выводом из приведенного тезиса стало суждение о том, что при коллегиальном рассмотрении дел (*по первой инстанции* – авт.) качество судебных решений несравненно улучшится, что, в свою очередь, делает явно излишним обращение к апелляции. Однако несостоятельность данного тезиса с высокой степенью репрезентативности подтверждается наработанной практикой кассационного и, отчасти, надзорного производства в российском уголовном процессе. Количественные и качественные показатели последних не дают оснований для достоверных выводов о том, что решения, постановленные по первой инстанции в коллегиальном («коронном») составе, кардинально отличаются в свойствах

своей правосудности, в сравнении с решениями, принимаемыми единолично судьей. В связи с этим нам больше импонирует суждение Н. В. Сидоровой о том, что и суд в составе нескольких судей так же «полностью не освобожден от совершения ошибки, ... он обладает лишь большей вероятностью ее избежания» [13, с. 19].

Диалектически взаимосвязана с сутью данной дискуссии позиция Н. В. Давыдова, обоснованно утверждавшего, что «... если состав апелляционного суда и процессуальный порядок рассмотрения дел однороден с судом первой степени, то ничем не доказанным представляется посылка, что вторая инстанция дает больше гарантий справедливого решения дел» [7, с. 46; 11, с. 519].

Таким образом, резюмирующий посыл указанной дискуссии ясен: сам по себе количественный состав суда первой или апелляционной инстанции в принципе не гарантирует обязательной правосудности итоговых актов суда, поэтому наличие или отсутствие апелляции в механизме судебной проверки (судебной защиты) не может быть поставлено в прямую зависимость от указанных факторов. Определяющий довод апелляции – установленные средства проверки; остальное – частности в споре.

2. О «плюсах» и «минусах» апелляции в сравнении с кассационной формой проверки в российском уголовном процессе. Определяющим достоинством апелляции, традиционно обсуждаемым практически в рамках каждой дискуссии, как известно, является право данного суда на непосредственное и устное исследование доказательств по правилам нового судебного разбирательства, формирование на этой основе собственного внутреннего убеждения о свойствах уголовного дела. Напротив, модель «советской» кассации с механически навязанной ей обязанностью проверки и исправления как сугубо юридической, так и фактической стороны приговора при полном отсутствии к тому необходимых познавательных средств, скорее, воспринималась как легальная фикция, чем как реально эффективное средство судебной защиты. Поэтому неудивительно, что практически каждый исследователь приводит как данность тезис, что именно апелляция обеспечивает более надежные гарантии правосудности (законности, обоснованности и справедливости) итоговых актов суда.

При этом искомая правосудность указанных актов суда обеспечивается тем, что [21]:

– проверка приговора или пересмотр в целом уголовного дела в данном процессуальном порядке осуществляются а priori более опытным и компетентным судом, что уже само по себе является весомой процессуальной гарантией вынесения правосудного итогового судебного акта [13, с. 16–22; 3, с. 21–24].

Между тем на несостоятельность данного тезиса справедливо указывают И. С. Бобракова и Н. Н. Ковтун, которые на основе обобщающих статистических данных, отражающих итоги работы судебной системы России, показывают, что решения более опытных и компетентных судов апелляционной и кассационной инстанции столь же часто отменяются/изменяются в ходе проверки в вышестоящем суде [22]. При этом указанное вряд ли надо оценивать как свидетельство неопытности или некомпетентности более высокого в судебной иерархии суда. Скорее всего, при анализе указанных данных оценке должна подлежать вся система взаимосвязанных, негативных для правосудия, факторов;

– проверка законности и обоснованности обжалованных актов суда осуществляется апелляционным судом не по письменным материалам уголовного дела, а устно, непосредственно с активным участием сторон. Соответственно, при реальной потребности в постановлении правосудного приговора и обеспечении тем самым интересов и прав заинтересованных лиц – апелляционный суд изначально вправе провести новое судебное разбирательство с полным или частичным исследованием имеющихся и вновь представленных доказательств, с формированием собственного внутреннего убеждения о действительных юридических и фактических обстоятельствах уголовного дела и приговора.

Но столь же известны суждения, что данные доводы не «выдержали» испытания практикой апелляционного производства. Еще деятели судебной реформы 1864 г. указывали на то, что апелляционное производство не в состоянии обеспечить устное и непосредственное исследование доказательств. В итоге разрешение спора в апелляционном суде в подавляющем числе случаев осуществляется на основе письменных материалов уголовного дела (как в порядке кас-

сационном) [23; 7, с. 44; 11, с. 527]. По сути, о той же проблеме и тех же средствах «квазипознания», но уже в действующем апелляционном порядке, пишут А. С. Червоткин, А. С. Александров и Н. Н. Ковтун [24; 25]. Приводится и система причин, лежащих в основе такого подхода судов;

– в силу указанного внутреннего убеждения и предоставленных действенных познавательных средств апелляционный суд не столько вправе, сколько обязан самостоятельно исправить все ошибки обжалованного судебного акта, в полной мере обеспечить интересы и права заинтересованных лиц, постановив в итоге новый итоговый акт правосудия, совершенно заменяющий собой обжалованное сторонами решение. Практически каждый исследователь отмечает, что тем самым обеспечиваются и эффективность судебной защиты, и разумные сроки разрешения дела (спора сторон), и реализация конституционного права осужденных на рассмотрение (пересмотр) уголовного дела по существу как минимум в двух независимых судебных инстанциях (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ).

Приведенные «плюсы», признаем, весомы. В отличие от апелляции в гражданском процессе, законодатель не дифференцировал данную форму проверки на полную или неполную апелляцию. Между тем основания для подобной дифференциации, как утверждается, объективно имеются. Например, в зависимости от проверки приговора или в целом пересмотра дела по существу [26]. Однако не менее убедительна и критика апелляции как установленной формы проверки, которая, как правило, обращена к доводам и аргументам, что данный порядок проверки приговора или при необходимости полного пересмотра уголовного дела:

– явно колеблет авторитет суда нижестоящей инстанции. Устанавливая в качестве определяющего средства познания новое судебное разбирательство, апелляционный порядок (как бы) изначально основан на сомнении в компетентности суда первой инстанции, неправильно или неполно исследовавшего необходимые источники доказательств, не реализовавшего весь комплекс необходимых познавательных действий и в итоге не сумевшего в силу указанных причин сформировать правильное внутреннее убеждение об юридических и фактических обстоятельствах дела и преступления [27].

Нам трудно согласиться с сутью указанных доводов. Ранее уже приводились позиции исследователей, анализировавших аналогичные количественные и качественные показатели отмены или изменения актов суда, вынесенных в апелляционных и кассационных инстанциях [22, с. 178–191]. Если следовать логике приведенного довода, авторитет данных судебных инстанций также значительно «страдает и умалется» в силу того, что их акты стали предметом проверки, отмены или изменения в вышестоящих судах. Более того, если буквально следовать указанным доводам и аргументам, надо в принципе отказаться от установленных механизмов (форм) проверки судебных решений, признать неэффективной и пагубной саму идею института судебной защиты, института обжалования и инстанционности судов в судебной системе России;

– во временных рамках апелляция значительно замедляет разрешение уголовных дел по существу, препятствует вступлению в законную силу итоговых актов суда. Тем самым создаются препятствия к организации эффективной судебной защиты интересов и прав заинтересованных лиц [23; 11, с. 527; 28]. В виду затянутости разрешения уголовных дел значительно ослабляется и доказательственное значение основных показаний (свидетелей сторон), поскольку детали исследуемого деяния отчасти забыты или же по-иному видятся лицам, свидетельствующим в апелляционном суде.

Признаем, чрезмерная длительность апелляционной проверки, отчасти имеет место в действительности. На эти обстоятельства справедливо указывали, и деятели судебной реформы 1864 г., и современные исследователи апелляции [25]. Соответственно, признаем и то, что данные проблемы надо решать, прежде всего, материальными, организационными и другими средствами. Вместе с тем это вовсе не довод для отказа от апелляции как наиболее действенной формы судебной защиты, так как и длительность досудебного этапа процесса, и непосредственно судебного рассмотрения дел по первой инстанции – предмет постоянной проверки и реагирования Судей Европейского Суда по правам человека. Однако это не причина для полного отказа от указанных форм государственной деятельности;

– суд второй инстанции не в состоянии в должной мере обеспечить определяющие начала

апелляционной формы проверки, а именно: устности и непосредственности процесса познания. Сказанное, прежде всего, связано с известными трудностями по обеспечению явки в заседание суда апелляционной инстанции подсудимого, потерпевших, основных свидетелей, проживающих территориально в ином регионе или не имеющих достаточных средств к исполнению своих гражданских обязанностей [29, с. 91; 25, с. 41–42].

Данные обстоятельства, признаем, имеют место в настоящее время при реализации деятельности в апелляционном суде. Однако известно и то, что указанные обстоятельства в той же мере присущи деятельности судов первой инстанции. При этом ни специалисты в области уголовно-процессуальной доктрины, ни практикующие юристы в целом не призывают к отказу от указанных производств, понимая ценность и назначение отправления правосудия в условиях формирования гражданского общества. Кроме того, при обсуждении организационных и судостроительных проблем тотального введения апелляции в действующий механизм проверки судебных решений, как известно, достаточно явно и долго обсуждался вопрос о необходимости создания окружных апелляционных судов, максимально приближенных к органам, отправляющим правосудие по первой инстанции;

– порядок апелляционного пересмотра (проверки) изначально связан с весьма значительными материальными издержками, обеспечивающими практическую реализацию данной формы отправления правосудия, которые непосильным бременем лежат на государстве и обществе. В связи с этим государство и общество, особенно в условиях глобального экономического кризиса, не в состоянии позволить себе столь затратные проекты [22, с. 178–191].

Апелляция, конечно, несравненно «затратнее» и в материальном, и в кадровом и других аспектах, чем те же кассация или надзор в их известной «советской» модели. Однако «дешевое» правосудие, как известно, слишком дорого обходится государству и обществу. В связи с этим государство, декларирующее формирование правового и гражданского общества должно либо изыскать средства для модернизации института судебной защиты, либо временно снять с обсуждения из-

вестные декларации о реализации очередного этапа судебной реформы.

Если резюмировать «плюсы» и «минусы» поставленных на обсуждение доводов, более чем очевидно, что они настолько взаимосвязаны между собой, что нередко первое замещает второе, и наоборот. Поэтому решающим доводом в данной дискуссии, как представляется, должен стать тезис о том, что, несмотря на все коллизии и лакуны нормативного регулирования и практической реализации, апелляция обеспечивает более действенные средства и гарантии реальной судебной защиты, чем достаточно известная модель «советской» кассации или надзора. Сформировавшаяся уверенность законодателя в решающей силе данного довода, полагаем, во многом и стала основой тех изменений, которые введены в нормативную ткань уголовного судопроизводства России Федеральным законом № 433-ФЗ от 29 декабря 2010 г.

3. О пределах полномочий суда апелляционной инстанции при проверке приговора или пересмотре (в целом) уголовного дела. В русле данной дискуссии оказалась система, диалектически взаимосвязанных проблем и вопросов, неразрывно связанных с сутью и назначением апелляции как установленной формы проверки. Прежде всего, и в теоретическом, и в практическом плане организации эффективного отправления правосудия принципиально обсуждался вопрос о тождестве и различии деятельности в суде первой инстанции и деятельности суда, реализуемой по правилам апелляционного производства. В своем концентрированном виде исследуемая проблема была, к примеру, озвучена как констатация следующих основополагающих доводов: «...являясь проверочной, второй судебной инстанцией, апелляционное производство в то же время по существу может выполнять роль суда первой инстанции, ... что предполагает более качественное рассмотрение уголовного дела» [30].

Как видим, по смыслу цитируемых тезисов между судом первой инстанции и апелляцией установлено конвенциональное тождество. Между тем в приведенном суждении нельзя не заметить явное противоречие в двух исходных и методологических посылах. С одной стороны, авторы резюмируют, что апелляция это суд **проверочной,**

второй судебной инстанции. Соответственно, цель (назначение) ее деятельности – именно проверка наличия или отсутствия, обжалованных в суд нарушений, при необходимости – их устранение апелляционными средствами. С другой стороны, те же авторы необоснованно настаивают именно на новом **рассмотрении** уголовного дела в вышестоящем суде по правилам первой инстанции; причем с единственной целью – получение более качественного итогового решения по делу. Тем самым фактически нивелируются суть и назначение апелляции именно как формы проверки, где активность и непосредственные усилия суда должны быть направлены исключительно на проверку доводов и притязаний сторон, изложенных в апелляционном отзыве. Что же касается права указанного суда к полному пересмотру уголовного дела по правилам первой инстанции, то данное средство проверки должно быть использовано в том исключительном случае, когда выявлены такие нарушения закона и прав заинтересованных лиц, которые обязывают признать ничтожным предыдущее судебное производство, требуют нового рассмотрения дела по существу. Этой же принципиальной позиции придерживается Н. В. Сидорова [30], указывая на то, что, несмотря на определенное сходство по форме, производство в суде первой инстанции и производство в апелляционном суде имеют принципиально разное содержание.

В неразрывной связи с рассматриваемой проблемой (в том числе, в историческом срезе) обсуждался вопрос об исходной организации деятельности в апелляционном суде по обвинительному или состязательному образцу. Практическое значение данной дискуссии аккумулировал основной ее тезис, поставленный на обсуждение: применительно к апелляции состязательного характера полномочия суда должны быть ограничены исключительно доводами поданных апелляционных отзывов. Более того, строгое следование указанной форме, как отмечал, к примеру, А. Мирлес, требует учета судом только тех доказательств, которые указаны в жалобе [29, с. 91].

Обвинительная форма организации апелляции, напротив, характеризуется отсутствием указанных ограничений, и суд второй инстанции, стремящийся к законности и объективной истине, всегда вправе отреагировать на любое из самостоятельно выявленных нарушений закона, даже если для

этого необходимо осуществить полный пересмотр всего уголовного дела. Доводы заинтересованных лиц в отмеченном случае не более, чем повод к проверке. В этом случае суд, естественно, не может быть ограничен в исследовании любых доказательств; причем и тех, об исследовании которых стороны вообще не ходатайствуют.

Как представляется, право суда на осуществление справедливого правосудия не предполагает запрета на исследование всех необходимых, в том числе вновь представленных доказательств по делу, каждое из которых суд вправе привести в обоснование принимаемого итогового решения. В связи с этим объяснимая связанность суда пределами жалобы при состязательной форме организации апелляции не означает ограничений в доказательственной базе разрешения спора. Если же суммировать, то даже апелляция, организованная по идеальному состязательному образцу, не может и не должна «пройти мимо» таких существенных нарушений закона, которые формируют убеждение о недействительности предыдущего производства по делу. То, что стороны не апеллируют к данным нарушениям в своих отzyвах, не настаивают на полном пересмотре уголовного дела и приговора, не освобождает суд апелляционной инстанции от применения правила эвокации. Тем более что при обращении заинтересованных лиц к исключительным формам проверки (кассация и надзор – в ред. ФЗ № 433-ФЗ от 29.12.2010) указанные нарушения все равно выступают безусловным основанием к опровержению правила *res judicata* и постановке дела на новое рассмотрение по существу.

Выводы

Таким образом, если кратко суммировать итоги рассмотренных выше дискуссий, в преддверии очередного этапа реализации судебной реформы, который в итоге был ознаменован принятием известных новелл от 29 декабря 2010 г., перед законодателем и научной доктриной стояла задача найти оптимальное разрешение следующего круга проблем и коллизий анонсируемого тотального распространения апелляционного производства:

– методологически точное разрешение вопроса о реальной необходимости введения апелляции применительно ко всем актам суда, постановленным по первой инстанции в различных зве-

нях судебной системы России (соответственно, методологически точное разрешение вопроса о том, насколько в ходе реформы должны быть реализована идея создания системы окружных апелляционных судов);

– о правомерности введения и реализации апелляции применительно к итоговым актам суда, постановленным по первой инстанции: в суде с участием коллегии присяжных заседателей, в особом порядке судебного разбирательства (гл. 40 УПК РФ);

– о необходимости апелляционной проверки решений суда постановленных по первой инстанции в коллегиальном (коронном) составе судей и, соответственно, необходимом судебном составе суда апелляционной инстанции;

– о непосредственном предмете проверки и оценки апелляционного суда, пределах его ревизионной активности, праве или обязанности апелляционного суда перейти от проверки доводов жалобы к полному пересмотру всего уголовного дела;

– о видах итоговых решений апелляционного суда, призванных к реализации социально-нормативного назначения, во-первых, установленных форм судебной проверки; во-вторых, в целом уголовного судопроизводства России;

– о материальной, кадровой и т. п. составляющих оптимального функционирования апелляции в кардинально изменившихся процессуальных условиях.

В какой мере каждая из данных проблем или их система в целом нашла свое разрешение в контексте нормативных новаций от 29 декабря 2010 г. – предмет самостоятельного анализа, в рамках которого следует рассмотреть генезис основных проблем и коллизий уже обновленного апелляционного производства России.

Список литературы

1. Головкин В. Л. Апелляционное производство по уголовным делам в Российской Федерации: Проблемы и пути решения: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004. 314 с.
2. Динер А. А. Становление и развитие апелляционного производства в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 29 с.
3. Разинкина А. Н. Апелляция в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 194 с.
4. Степанова Е. А. Апелляция в России: историко-правовой аспект и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. 25 с.

5. Ривлин А. Л. Пересмотр приговоров в СССР. М.: Госюриздат, 1958. С. 283.
6. Дорошков В. В. Мировой судья. Исторические, организационные и процессуальные аспекты деятельности: дис. ...д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 265.
7. Давыдов Н. В. Несколько лекций по уголовному процессу. М., 1909. С. 31.
8. Гартунг Н. История уголовного судопроизводства и судоустройства Франции, Англии, Германии и России. СПб., 1968. С. 124.
9. Случевский В. Учебник русского уголовного процесса. СПб., 1913. С. 604.
10. Полянский Н. Н. Уголовный процесс. М., 1911. С. 181.
11. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. Петроград, 1916. С. 519.
12. Линовский В. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. Одесса, 1849. С. 216.
13. Сидорова Н. В. Апелляция в системе производств в суде второй инстанции в уголовном процессе России. Томск: Изд-во НТЛ, 2006. С. 6.
14. Ковтун Н. Н. Нужен ли возврат к ревизионному началу в кассационном и надзорном производстве? // Журнал российского права. 2002. № 12. С. 68–74.
15. Дикарев И. С. Проблемы теории и практики производства в суде надзорной инстанции по уголовным делам. М.: Юрлитинформ, 2011. 432 с.
16. Давыдов В. А. Пересмотр в порядке надзора судебных решений по уголовным делам: производство в надзорной инстанции: науч.-практ. пособие. М.: Волтерс Клувер, 2006. 280 с.
17. Сухова О. В. Кассационное обжалование судебных решений в российском уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2007. 368 с.
18. Гуценко К. Ф., Соколова А. В. Ратификация европейских конвенций: шаг вперед, два шага назад // Законодательство. 1998. № 5. С. 55–60.
19. Фон-Резон А. Следует ли сохранить апелляционное производство по уголовным делам? // Вестник права. 1899. № 1. С. 75.
20. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1884. Т. 2. С. 609–610.
21. Ковтун Н. Н. Апелляция, кассация и надзорное производство в уголовном процессе: общие контексты законодательных новелл от 29 декабря 2010 г. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1(14). С. 179–184.
22. Бобракова И. С., Ковтун Н. Н. Апелляция в уголовном процессе: осознанная необходимость или взлелеянный миф // Вопросы правоведения. 2012. № 2(14). С. 178–191.
23. Духовский М. В. Русский уголовный процесс. М.: типография А. П. Поплавского. С. 387.
24. Червоткин А. С. Апелляция и кассация. Пособие для судей. М.: Проспект, 2010. 336 с.
25. Ковтун Н. Н., Александров А. С. Апелляционное производство в уголовном процессе России: проблемы и решения // Государство и право. 2001. № 3. С. 41–42.
26. Ковтун Н. Н. Апелляционное, кассационное и надзорное производство по уголовным делам в контексте соответствия международно-правовому стандарту // Международное уголовное право и международная юстиция. 2012. № 3. С. 3–9.
27. Постовский К. З. К вопросу об апелляции в уголовном процессе // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 2. С. 161, 163–164.
28. Ширинский С. Нужен ли нам апелляционный суд? // Российская юстиция. 1996. № 6. С. 63.
29. Мирлес А. Краткий курс советского уголовного процесса. С. 91
30. Динер А. А., Мартыняхин Л. Ф., Сенин Н. Н. Апелляционное производство в российском уголовном процессе: науч.-практ. пособие. М., 2003. С. 15.

В редакцию материал поступил 13.01.2014

© Юнусов А. А., Мазина Н. Н., 2014

Информация об авторах

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, доцент, профессор, Институт экономики, управления и права (г. Казань)

Адрес: 420111, г. Казань, ул. Московская, 42, тел.: (843) 231-92-90

E-mail: axatuk@rambler.ru

Мазина Наталья Николаевна, мировой судья, судебный участок № 10, г. Набережные Челны

Адрес: 423800, г. Набережные Челны, пос. ГЭС, 8/76, каб. 104

E-mail: natalya.mazina@gmail.com

Как цитировать статью: Юнусов А. А., Мазина Н. Н. Понятие и основные проблемы апелляционного порядка проверки судебных решений в российском уголовном процессе (до реформ от 29.12.2010) // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1(29). С. 289–300.

A. A. YUNUSOV,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor

Institute of Economics, Management and Law (Kazan), Russia,

N. N. MAZINA,

magistrate

court district # 10, Naberezhniye Chelny city of Tatarstan Republic, Naberezhniye Chelny, Russia

**NOTION AND MAIN ISSUES OF APPELLATION PROCEDURE
OF CHECKING COURT DECISIONS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE
(before reforms of 29.12.2010)**

objective: basing on the studies of the formation and development of appeal procedure in Russian law, used for verification of court judgments in the Russian criminal procedure, as well as on comparative historical and legal analysis of this criminal procedure, to research the problems and trends of appeal development at the present stage and to determine whether the thesis on the right of everyone to a fair judicial protection, proclaimed by the Russian legislators, is true.

Methods: universal dialectical cognition method, the method of comparison, historical, formal legal and special and private law research methods.

Results: analysis of main problems and conflicts of the appeal procedure for verification of court judgments in the Russian criminal process, the doctrine and practice of implementing this form of validation give the opportunity to understand the motives and main vectors of Russian reforms, which are associated with the spread of appeal form of validation of all kinds of judgments of first instance (Law # 433-ФЗ of December 29, 2010). This analysis can become a methodological basis for assessing the optimality of both the introduced regulatory innovations and the practice of their application in the changed procedural conditions.

Scientific novelty: the authors, rejecting the formal description of the appeal procedure genesis in the Russian criminal process and its foreign analogues, believe that the focus should be the hub of the problem, not the individual particular features of the appeal procedure, which are easily minimized by the general sense of the law, the conventional conscience of the legal relations participants, the established practice and the provisions of the scientific doctrine. In this context, the following gaps in normative regulation of the appeal procedure, and collisions of its practical implementation are considered the key ones: the necessity of appeal form of verification in the Russian criminal procedure; the positive and the negative constituents of appeal in comparison with cassation form of validation in the Russian criminal process; the limits of the court of appeal powers when checking sentence or revision (in general) of the criminal case.

Practical value: the theoretical conclusions formulated in the study can and should be used in research, legislative and practical judicial activity, with the purpose of creating the optimal form of the new appeal proceedings.

Key words: appeal proceedings; the object and the limits of the court verification; cassation; complete and incomplete appeal.

References

1. Golovkov, V. L. *Apellyatsionnoe proizvodstvo po ugovolnym delam v Rossiiskoi federatsii: problemy i puti resheniya: dis. ... kand. yurid. nauk* (Appellation procedure in criminal cases in the Russian Federation: problems and ways of solving them: PhD (Law) thesis). Izhevsk, 2004. 314 p.
2. Diner, A. A. *Stanovlenie i razvitie apellyatsionnogo proizvodstva v rossiiskom ugovolnom protsessе: dis. ...kand. yurid. nauk* (Forming and developing of the appeal procedure in the Russian criminal procedure: abstract of a PhD (Law) thesis). Moscow, 2004. 29 p.
3. Razinkina, A. N. *Apellyatsiya v ugovolnom sudoproizvodstve: dis. ...kand. yurid. nauk* (Appellation in the criminal legal procedure: PhD (Law) thesis). Moscow, 2003. 194 p.
4. Stepanova, E. A. *Apellyatsiya v Rossii: istoriko-pravovoi aspekt i perspektivy razvitiya: dis. ... kand. yurid. nauk* (Appellation in Russia: historical-legal aspect and prospects of development: abstract of a PhD (Law) thesis). Ekaterinburg, 1999. 25 p.
5. Rivlin, A. L. *Peresmotr prigovorov v SSSR* (Revision of sentences in the USSR). Moscow: Gosyurizdat, 1958. P. 283.
6. Doroshkov, V. V. *Mirovoi sud'ya. Istoricheskie, organizatsionnye i protsessual'nye aspekty deyatel'nosti: dis. ...d-ra yurid. nauk* (Magistrate. Historical, organizational and procedural aspects of activity: Doctor of Law thesis). Moscow, 2003. P. 265.
7. Davydov, N. V. *Neskol'ko lektii po ugovolnomu protsessu* (Some lectures on criminal procedure). Moscow, 1909. P. 31.
8. Gartung, N. *Istoriya ugovolnogo sudoproizvodstva i sudoustroystva Frantsii, Anglii, Germanii i Rossii* (History of criminal court procedure and court organization in France, England, Germany and Russia). Saint Petersburg, 1968. P. 124.
9. Sluchevskii, V. *Uchebnik russkogo ugovolnogo protsessа* (Textbook on the Russian criminal procedure). Saint Petersburg, 1913. P. 604.
10. Polyanskii, N. N. *Ugovolnyi protsess* (Criminal procedure). Moscow, 1911. P. 181.
11. Rozin, N. N. *Ugovolnoe sudoproizvodstvo* (Criminal court procedure). Petrograd, 1916. P. 519.
12. Linovskii, V. *Opyt istoricheskikh rozyyskaniy o sledstvennom ugovolnom sudoproizvodstve v Rossii* (Experience of historical research on the investigation criminal court procedure in Russia). Odessa, 1849. P. 216.
13. Sidorova, N. V. *Apellyatsiya v sisteme proizvodstv v sude vtoroi instantsii v ugovolnom protsessе Rossii* (Appellation in the system of procedures in the appellate jurisdiction courts in the Russian criminal procedure). Tomsk: Izd-vo NTL, 2006. P. 6.
14. Kovtun, N. N. *Nuzhen li vozvrat k revizionnomu nachalu v kassatsionnom i nadzornom proizvodstve? (Should we return to revision principle in cassation and observation procedures?)*. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2002, no. 12, pp. 68–74.
15. Dikarev, I. S. *Problemy teorii i praktiki proizvodstva v sude nadzornoj instantsii po ugovolnym delam* (Issues of theory and practice of procedure in the court of reviewing authority on criminal cases). Moscow: Yurлитinform, 2011. 432 p.
16. Davydov, V. A. *Peresmotr v poryadke nadzora sudebnykh reshenii po ugovolnym delam: proizvodstvo v nadzornoj instantsii: nauch.-prakt. posobie* (Revision of certiorari court decisions on criminal cases: procedure in the court of reviewing authority: scientific-practical manual). Moscow: Volters Kluver, 2006. 280 p.
17. Sukhova, O. V. *Kassatsionnoe obzhalovanie sudebnykh reshenii v rossiiskom ugovolnom protsessе* (Cassation appeal of court decisions in the Russian criminal procedure). Moscow: Yurлитinform, 2007. 368 p.

18. Gutsenko, K. F., Sokolova, A. V. Ratifikatsiya evropeiskikh konventsii: shag vpered, dva shaga nazad (Ratification of European conventions: a step forward, two steps backward). *Zakonodatel'stvo*, 1998, no. 5, pp. 55–60.
19. Fon-Rezon, A. Sleduet li sokhranit' apellyatsionnoe proizvodstvo po ugovolnym delam? (Should we preserve the appeal procedure in criminal cases?). *Vestnik prava*, 1899, no. 1, p. 75.
20. Foinitskii, I. Ya. *Kurs ugovolnogo sudoproizvodstva* (A course in criminal court procedure). Saint Petersburg, 1884. Vol. 2. Pp. 609–610.
21. Kovtun, N. N. Apellyatsiya, kassatsiya i nadzornoe proizvodstvo v ugovolnom protsesse: obshchie konteksty zakonodatel'nykh novell ot 29 dekabrya 2010 g. (Appellation, cassation and reviewing in criminal procedure: general contexts of legislation novelties of 29 December, 2010). *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*, 2011, no. 1(14), pp. 179–184.
22. Bobrakova, I. S., Kovtun, N. N. Apellyatsiya v ugovolnom protsesse: osoznannaya neobkhodimost' ili vzlelyanniy mif (Appellation in criminal procedure: conscious necessity or cherished myth). *Voprosy pravovedeniya*, 2012, no. 2(14), pp. 178–191.
23. Dukhovskii, M. V. *Russkii ugovolnyi protsess* (Russian criminal procedure). Moscow: tipografiya A. P. Poplavskago. P. 387.
24. Chervotkin, A. S. *Apellyatsiya i kassatsiya. Posobie dlya sudei* (Appellation and cassation. Manual for judges). Moscow: Prospekt, 2010. 336 p.
25. Kovtun, N. N., Aleksandrov, A. S. Apellyatsionnoe proizvodstvo v ugovolnom protsesse Rossii: problemy i resheniya (Appellation procedure in the Russian criminal procedure: problems and solutions). *Gosudarstvo i pravo*, 2001, no. 3, pp. 41–42.
26. Kovtun, N. N. Apellyatsionnoe, kassatsionnoe i nadzornoe proizvodstvo po ugovolnym delam v kontekste sootvetstviya mezhdunarodno-pravovomu standartu (Appellation, cassation and reviewing procedure in criminal cases in the context of correlation with international legal standard). *Mezhdunarodnoe ugovolnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*, 2012, no. 3, pp. 3–9.
27. Postovskii, K. Z. K voprosu ob apellyatsii v ugovolnom protsesse (On the issue of appellation in the criminal procedure). *Zhurnal Ministerstva yustitsii*, 1896, no. 2, pp. 161, 163–164.
28. Shirinskii, S. Nuzhen li nam apellyatsionnyi sud? (Do we need appellation court?). *Rossiiskaya yustitsiya*, 1996, no. 6, p. 63.
29. Mirles, A. *Kratkii kurs sovetskogo ugovolnogo protsessa* (Brief course in the Soviet criminal procedure). P. 91
30. Diner, A. A., Martynyakhin, L. F., Senin, N. N. *Apellyatsionnoe proizvodstvo v rossiiskom ugovolnom protsesse: nauch.-prakt. posobie* (Appellation procedure in the Russian criminal procedure scientific-practical manual). Moscow, 2003. P. 15.

Information about the authors

Yunusov Akhat Akhnafovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Institute of Economics, Management and Law (Kazan)
Address: 42 Moskovskaya St., 420111 Kazan, tel.: (843) 231-92-90
E-mail: axatuk@rambler.ru

Mazina Natalya Nikolayevna, magistrate, court district #10, Naberezhniye Chelny
Address: 8/76 TES settlement, Room 104, 423800, Naberezhniye Chelny
E-mail: natalya.mazina@gmail.com

How to cite the article: Yunusov A. A., Mazina N. N. Notion and main issues of appellation procedure of checking court decisions in the Russian Criminal procedure (before reforms of 29.12.2010). *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*. 2014, no. 1 (29), pp. 289–300.

© Yunusov A. A., Mazina N. N., 2014

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ

о журнале «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» является научным и информационно-аналитическим изданием в области экономических и юридических наук. Выходит 4 раза в год. Учредителем и издателем журнала является частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Институт экономики, управления и права (г. Казань)».

Рецензирование и редактирование рукописей (научное и стилистическое) осуществляет редакционная коллегия журнала в соответствии с требованиями к изданию научной литературы.

Тематика журнала представлена в соответствии с номенклатурой специальностей научных работников: «Экономическая теория», «Экономика и управление народным хозяйством (экономика, организация и управление предприятием, отраслями и комплексами)», «Экономика и управление народным хозяйством (маркетинг)», «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», «Трудовое право; право социального обеспечения», «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право», «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность», «Международное право. Европейское право», «Административное право, финансовое право, информационное право» и др.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

1. Статья передается в редакцию журнала «Актуальные проблемы экономики и права» ответственному секретарю (420111, г. Казань, ул. Московская, д. 42; контактный тел. (843) 231-92-90).

Объем статьи не должен превышать 0,5 авторских листов (20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами).

Материалы принимаются в распечатанном и электронном виде (на любых носителях и могут быть направлены на e-mail: apel@ieml.ru).

2. К статье в виде отдельной справки необходимо приложить:

- список авторов на русском и английском языках;
- сведения об авторах на русском и английском языках (ученая степень, звание, место работы (полное название организации и занимаемая должность), домашний и рабочий адреса и телефоны, электронный адрес, также необходимо указать, с кем вести переговоры);
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и английском языках (не более 10 строк по ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация. Общие требования»);
- список литературы (на русском языке и на латинице);
- ключевые слова на русском и английском языках;
- заявление;
- рекомендацию о публикации статьи, данную кафедрой или специалистом в соответствующей области, как правило, доктором наук (для статей, авторами которых являются лица без ученой степени или звания).

Автор, направляющий статью в журнал «Актуальные проблемы экономики и права», выражает тем самым свое согласие на ее опубликование в журнале, на ее размещение в открытом доступе на сайте журнала в сети Интернет, на передачу текста статьи (в том числе ссылок, библиографической информации и т.д.) лицам, предоставление которым данных сведений носит обязательный характер либо иным лицам в целях обеспечения возможности цитирования публикации.

Журнал входит в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и воспроизводится в Российской научной электронной библиотеке (URL: <http://www.elibrary.ru>), а также периодическом справочнике «Система ГАРАНТ» в информационном блоке «Законодательство Республики Татарстан».

Поступающие статьи проходят рецензирование, затем рассматриваются редакционной коллегией. На основании рецензии редколлегии может рекомендовать автору доработать статью. Принятые в печать статьи с замечаниями рецензента и редколлегии направляются автору. После внесения исправлений автор представляет в редакцию журнала 1 экземпляр статьи с электронным вариантом.

Ответственность за приводимые в статьях фактические материалы и данные несут авторы.

Редакция оставляет за собой право не рассматривать статьи, оформленные не по правилам.

Решение о публикации или отклонении материалов принимается редакционной коллегией.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается.

Авторский гонорар за издание статей не начисляется.

Редакция не несет обязательств по рецензированию всех поступающих статей и не вступает в дискуссию с авторами отклоненных материалов.

Рукописи не возвращаются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

(в соответствии с ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов»)

Оформление статьи. Текст должен быть набран в текстовом редакторе Word в формате .doc или .rtf и распечатан на стандартных страницах ф.А4 с одной стороны. Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 pt. Междустрочный интервал – полutorный. Все поля – 20 мм. Абзацный отступ – 0,5 см (3 знака).

Выравнивание основного текста – по ширине.

Все слова внутри абзаца разделяются только одним пробелом. Перед знаком препинания пробелы не ставятся, после знака препинания – один пробел.

Не допускаются: два или более пробелов; выделения в тексте подчеркиванием; формирование красной строки с помощью пробелов; автонумерация (нумерованных и маркированных списков) в главах и абзацах. Все набирается вручную.

Пример.

1. Текст ...

2. Текст ...

Формулы должны быть набраны в формульном редакторе Microsoft Equation.

Латинские буквы набираются курсивом, греческие и русские буквы – прямо. Цифры имеют прямое начертание.

В тексте обязательно должна быть ссылка на рисунки и таблицы. Таблицы располагать в тексте. Обязательно указывать номер таблицы и ее название. Рисунки можно вставлять в текст, используя только редакторы, надежно совместимые с редактором Word. Желательно представление рисунков на отдельном листе с указанием номера рисунка и названия статьи.

Аннотация должна кратко излагать содержание статьи. Объем аннотации – 200 слов и более. Печатается в начале статьи под заголовком. Заглавие статьи не должно повторяться в аннотации. Не рекомендуется включать в аннотацию ссылки на литературу.

Литература, составленная в порядке очередности цитируемых материалов, приводится в конце статьи. Ссылки на первоисточники в тексте заключаются в квадратные скобки.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ

на журнал «Актуальные проблемы экономики и права»

Журнал «Актуальные проблемы экономики и права» распространяется по подписке.

Наш индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 86303.

Периодичность выхода издания – 4 номера в год.

Подписка на журнал может быть оформлена через редакцию.

Для получения журнала в редакции достаточно передать в редакцию письмо-заявку о желании получить журнал с указанием номера и года издания и требуемого количества журналов и перечислить на расчетный счет ООО «ТЦО «Таглитат» 400 руб. за один экземпляр журнала, с пометкой «Журнал «Актуальные проблемы экономики и права».

Наши реквизиты: ИНН 1653007123, Р/с 40 702 810 300 000 001 556, КПП 165501001, БИК 049205798, К/с 30 101 810 900 000 000 798 АКБ «БТА-Казань» ОАО г. Казань. (за журнал)

Оплату может произвести любое лицо.

По заявке, направленной в редакцию, отдельные номера журнала высылаются наложенным платежом.

Копия платежного документа в обязательном порядке высылается в редакцию журнала.

Журналы будут высылаются по почте на адрес плательщика или на иной адрес по доверенности плательщика.

Адрес редакции журнала:

420111, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Московская, д. 42, редакция журнала «Актуальные проблемы экономики и права»

Факс (843) 292-61-59

Тел. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Ответственный секретарь редакции: Гульназ Язкарвна Дарчинова

GENERAL INFORMATION

about the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is a scientific and informative-analytical publication in the sphere of Economics and Law Sciences. It is issued 4 times a year. Its founder and publisher is a private educational establishment «Institute of Economics, Management and Law» (Kazan).

The reviewing and editing of the typescripts (both scientific and stylistic) are carried out by the Journal editorial board in accordance with requirements for scientific literature publishing.

The Journal's themes correspond to the nomenclature of the research worker specialties: «Economics Theory», «Economics and Economy Management (Economics, Organization and Management of an Enterprise, Branches and Complexes)», «Economics and Economy Management (Marketing)», «Civil Law; Enterprise Law; Family Law; International Private Law», «Labour Law; Social Provision Law», «Criminal Law and Criminology; Criminal-Executive Law», «Criminal Process; Criminalistics and Court Expertise; Investigation and Search Operations», «International Law. European Law», «Administrative Law, Financial Law, Informational Law», etc.

RULES FOR THE AUTHORS

of the Journal «Actual Problems of Economics and Law»

1. The article is submitted to the Executive secretary of the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board (420111, Kazan, 42 Moskovskaya St., phone number: (843) 231-92-90).

The volume of the article should not exceed 0.5 author's sheets (20 000 characters, including word spaces).

The materials are accepted in print and as electronic documents (on any medium, and can be sent to e-mail: apel@ieml.ru).

2. The article should be accompanied by the following:

- the list of authors in Russian and English languages;
- information about the authors in Russian and English languages (scientific degree, title, place of work (full title of organization and position), home and office addresses and telephone numbers, electronic address, contact person);
- the article summary in Russian and English languages (not more than 10 lines by ГОСТ 7.9-95 «Abstract and Summary. General Requirements»);
- bibliography (in Russian and Roman);
- key words in Russian and English languages;
- application;
- recommendation for the article publication given by a department or a specialist in an appropriate field, as a rule, a doctor of science.

Thus the author submitting an article to the Journal «Actual Problems of Economics and Law» expresses their consent for its publication in the Journal and its placement for open access on the Journal site in the Internet, as well as for submitting of the text of the article (including references and bibliographical information, etc) to the persons to whom this information must be submitted or other persons with a view of ensuring the publication citation.

The Journal is included into the database of the Russian Index of Scientific Citation and is reproduced in the Russian Scientific Electronic Library (URL: <http://www.elibrary.ru>), as well as in the periodic reference book «GARANT System» in the «The Tatarstan Republic Legislation» information block.

The submitted articles are reviewed and examined by the editorial board. On the basis of the review the board can recommend the author to work further on the article. The article accepted for publication, together with the reviewer's and the editorial board's notes are transferred to the author. After making the amendments, the author submits 1 copy of the article with its electronic variant to the Journal's editorial board.

The authors are fully responsible for the facts and data presented in the articles.

The editorial board retains the right not to review articles which do not meet these requirements.

The decision on the materials publication or declining is made by the editorial board.

Post-graduate students are exempted from payment for the publication.

The authors do not receive any emoluments for publications.

The editorial board has obligations concerning the reviewing of all submitted articles and does not discuss its decisions with the authors of declined articles.

The typescripts are not returned.

REQUIREMENTS FOR THE TYPESCRIPTS TYPOGRAPHY **(according to ГОСТ 7.5-98 «Journals, collections, information publications.** **Publishing typography of the published materials»)**

The article typography. The text should be typed in Word text-based editor in .doc or .rtf format and printed on standard A4 sheets, on one side. Type Times New Roman, font size – 14 pt. Line-to-line spacing – 1.5. All margins – 20 mm. Indentation – 0.5 cm (3 characters).

Main text justification – by width.

All words inside a paragraph are divided by just one space. No space is put before a punctuation mark, one space is put after a punctuation mark.

Not allowed: two or more spaces; highlighting of the text by underlining; indentation with the help of spaces; autonumeration (of numerated and marked lists) in chapters and paragraphs. Everything is typed by hand.

Example.

1. Text ...
2. Text ...

The formulae should be typed in Microsoft Equation formula editor.

The Latin letters are typed in italics, the Greek and Russian ones – straight. The numbers are typed straight.

The text should contain a reference to pictures and tables. The tables should be placed in the text. The table number and its title should be given. The pictures can be placed in the text only with the help of editors reliably compatible with Word editor. It is desirable to submit pictures on a separate sheet with the picture number and the article title.

Summary should render the contents of the article in short. The summary volume is not more than 10 lines. It is published at the beginning of the article under the heading. The article heading should not be repeated in the summary. It is not recommended to include the bibliographic references into the summary.

Literature, in the order of the materials cited, should be placed at the end of the article. The references to original sources in the text are put into square brackets.

CONDITIONS FOR SUBSCRIPTION **to the Journal «Actual problems of Economics and Law»**

The Journal «Actual Problems of Economics and Law» is distributed by subscription – index 86303 in the United Catalogue «Press of Russia». The Russia citizens can subscribe to the Journal in all post offices.

The Journal is issued 4 times a year.

The subscription for the Journal from any issue can be made through the editorial board.

To obtain the Journal in the editorial board one should submit a letter of application to the editorial board with indication of the issue number and year and the required number of copies, and to transfer a sum of 400 roubles for one copy of the Journal to the settlement account of «Tatar Educational Centre «Taglimat»» Ltd, with a mark «The Journal «Actual Problems of Economics and Law»».

Bank details: INN 1653007123, Current Acc 40 702 810 300 000 001 556, KPP 165501001, RCBIC 049205798, Corr Acc 30 101 810 900 000 000 798 JSCB «BTA-Kazan» (OJSC), Kazan (for the Journal).

The payment can be transferred by any organization or private person.

By an application submitted to the editorial board, separate issues of the Journal are sent «collect on delivery».

A copy of payment document must be sent to the editorial board.

The journals will be sent by post to the payer's address or to any other address per procuracionem of the payer.

The Journal editorial board address:

420111, Tatarstan Republic, Kazan, 42 Moskovskaya St., the Journal «Actual Problems of Economics and Law» editorial board

Fax (843) 292-61-59

Tel. (843) 231-92-90

e-mail: apel@ieml.ru.

Executive secretary: Gulnaz Ja. Darchinova